K33 2/39

БРОДЯЧАЯ РУСЬ

ХРИСТА-РАДИ.

С. Максимова.

Прошаки. Запрощики. Кубраки. Лаборы.
Пищая Братія: Побирушки. Погорѣльцы. Нищеброды.
Калуны. Калики Перехожіе (Елѣпцы). Богомолы.
Богомольцы. Скрытники. Христолюбцы.

С.-ПЕТЕРБУРГЪ.
1877.

Дорогому и Милому Другу
Дмитрію Ивановичу
Иловайскому

К33 2/39

БРОДЯЧАЯ РУСЬ

отъ очень любящаго его
Автора

ХРИСТА—РАДИ.

4 Марта 1877.
Спб.

С. Максимова.

Прошаки. Запрощики. Кубраки. Лабори.
Нищая Братія: Побирушки. Погорѣльцы. Нищеброды.
Калуны. Калики Перехожіе (Слѣпцы). Богомолы.
Богомольцы. Скрытники. Христолюбцы.

С.-ПЕТЕРБУРГЪ.
ТИПОГРАФІЯ ТОВАРИЩЕСТВА «ОБЩЕСТВЕННАЯ ПОЛЬЗА»,
БОЛЬШАЯ ПОДЪЯЧЕСКАЯ, д. № 39.
1877.

I.

— Пожертвуйте, православные, на церкву Божію, на каменное строеніе!...

Слѣдуютъ различныя указанія именъ святыхъ, Спаса, Пречистой, всего чаще Николы Угодника.

Выкрикъ довольно рѣзокъ и смѣлъ, на-распѣвъ и только на два тона. Кричитъ синій или чорный армякъ мѣщанскаго покроя, круто запахнутый и высоко подпоясанный по праздничному, съ претензіей на солидность и нѣкотораго рода торжественность. Голова и подъ дождемъ и на солнечномъ припекѣ, безразлично, непокрытая и всего чаще лысая.

Прошакъ всегда почти пожилой, неизмѣнно съ книжкой, обернутой въ тафтяную чорную тряпичку, съ нашитымъ крестообразнымъ позументомъ. На книжкѣ лежатъ мѣдные гроши и пятаки. Книга прошнурована. Шнуръ припечатанъ казенной сургучной красной печатью и на послѣдней страничкѣ прописано свидѣтельство какой-нибудь консисторіи.

Кто этого крика не слыхивалъ? Кто поклончивой, смиренной фигуры этого ходатая за нужду церковную не видывалъ? Это—людъ, коротко всѣмъ знакомый и великому большинству всероссійскаго человѣчества любезный.

Вездѣ онъ: на столичныхъ дворахъ, на сельскихъ ярмаркахъ, на деревенскихъ базарахъ, на церковныхъ праздникахъ, и въ народной толпѣ, и около лавокъ, и на церковныхъ папертяхъ на почет-

номъ мѣстѣ, впереди нищей братіи при выходахъ, въ ожиданіи тѣхъ крупицъ, которыя остались отъ сборовъ внутри церкви. Неизбѣженъ онъ въ самыхъ темныхъ уголкахъ православнаго царства и невидимъ развѣ только въ инородческихъ улусахъ, гдѣ еще до сихъ поръ плохо вѣруютъ или совсѣмъ не вѣруютъ въ Бога, да въ тѣхъ несчастныхъ мѣстностяхъ, гдѣ у самихъ нѣтъ ни гроша ни на соль, ни на деготь, ни на подати (словомъ на то, что составляетъ денежный расходъ крестьянина). За-то, въ мѣстахъ сытыхъ, въ городахъ купеческихъ и церквахъ соборныхъ, — этого люда длинныя шеренги изъ цѣлыхъ десятковъ. А потому въ разныхъ мѣстностяхъ для нихъ—самыя разнообразныя прозвища: называютъ ихъ сборщиками, прошаками, запрощиками, кубраками, лаборями и т. п. Много въ рядахъ этихъ монаховъ, еще того больше монахинь, но мы выдвинемъ на внимательный осмотръ на первый разъ только армаки, круто запахнутые и высоко подпоясанные, т. е. сельскихъ и деревенскихъ выходцовъ и землепроходцовъ.

На петербургскихъ дворахъ такихъ сборщиковъ (т. е. мѣщанъ, крестьянъ и отставныхъ солдатъ) перебываетъ ежегодно больше четырехсотъ человѣкъ [1]), и въ этомъ числѣ первое мѣсто занимаютъ крестьяне (въ 1869 году крестьянъ 208, мѣщанъ 76, отставныхъ солдатъ 15) [2]). Монахини ходятъ рѣдко съ послушницами, но въ такомъ случаѣ непремѣнно съ двумя; послушницы же сбираютъ всегда вдвоемъ; монахи ходятъ безъ помощниковъ; крестьяне также предъявляютъ для свидѣтельства книжки, выданныя на одного человѣка.

Сколько же перебываетъ этихъ сборщиковъ въ торговой, богатой, тароватой, православной Москвѣ? И утроивъ петербургское число,— не ошибиться бы!

Почтенный количествомъ своимъ даже и въ не совсѣмъ богомольномъ и православномъ городѣ, классъ сборщиковъ подаяній на церк-

---

1) Въ управленіе градоначальства всѣхъ сборныхъ книжекъ ежегодно свидѣтельствуется до 580 (у нѣкоторыхъ по два и по три раза), и къ концу шестидесятыхъ годовъ число сборщиковъ съ каждымъ годомъ въ Петербургѣ быстро возростало.

2) Монахинь и послушницъ 99, монаховъ 13 (въ томъ числѣ 1 архимандритъ), священниковъ 3 и 1 чиновница.

ви,—и именно изъ простонародья—поучителенъ и любопытенъ во многихъ отношеніяхъ.

Конечно прежде всего это—остатокъ очень почтенной древности: это—выходцы изъ отдаленныхъ временъ нашей исторіи, воспитанники и подражатели первыхъ наставниковъ нашихъ въ вѣрѣ и религіозныхъ обычаяхъ—грековъ. Появленіе этого оригинальнаго типа несомнѣнно относится къ той эпохѣ, когда паломничанье было въ общемъ обычаѣ, когда выходилъ на промыселъ всякой пѣшкомъ, когда, бродя на своихъ доморощенныхъ ногахъ, справлялъ работы своего досужества, умѣнья и знанія всякій ремесленникъ; когда пѣшкомъ ходила даже самая торговля. Ходилъ изъ конца въ конецъ Православной Руси и странникъ за усерднымъ подаяніемъ, «апостольскимъ способомъ въ подвигѣ добромъ подвизался», и притомъ съ такимъ сердечнымъ убѣжденіемъ, что способъ этотъ глубоко укоренился и въ слѣдующихъ поколѣніяхъ и въ нетронутомъ видѣ дожилъ до нашихъ временъ. Проторили съ тѣхъ поръ пошире дороги, покрѣпче укатали ихъ, облегчили пути коннымъ, а прошаки (кое съ кѣмъ изъ ремесленниковъ и торговцевъ) все еще на своихъ на двоихъ, ходятъ пѣшими. Гдѣ присядетъ онъ христа-ради на облучкѣ попутной телѣги, гдѣ воспользуется пароходомъ или перевозомъ, а то—все больше пѣшкомъ по окольнымъ дорогамъ, которыя, какъ и онъ, все еще, во множествѣ мѣстъ, въ томъ же первобытномъ историческомъ видѣ. Столько же и теперь труденъ его подвигъ по безлюдью и бездорожью, какъ и тогда, когда заветшали церкви на погостахъ, выстроенныхъ удѣльными князьями въ своихъ отчинахъ и дѣдинахъ, по примѣру первой христіанки Ольги (уставившей погосты по рѣкамъ Мстѣ и Днѣпру), и когда собственно впервые и проявился на Св. Руси этотъ почтенный классъ дѣятелей и дѣлателей.

И теперь ученый историкъ, любознательный археологъ съумѣютъ распознать въ лицѣ прошака любезные признаки почтенной древности: въ простотѣ и краткости просительнаго стиха, не обладающаго разнообразіемъ и избыткомъ жалобныхъ словъ (хотя бы по примѣру арестантовъ, которые выучились вымаливать доброхотныя подаянія цѣлой складной пѣсней). Въ самомъ напѣвѣ въ два тона, по образцу

всѣхъ духовныхъ стиховъ, старинъ и былинъ, распѣваемыхъ старцами и слѣпцами,—тотъ же археологическій признакъ, указывающій на почтенное время бѣдности мотивовъ и отсутствія мелодій: речитативъ съ пригнуской. Не дальше стоитъ онъ выкриковъ нищихъ, и далеко еще ему хотя бы и до того вычурнаго крика, на который, напримѣръ, здѣсь же, въ Петербургѣ, раздаются припѣвы приглашающихъ купить «цвѣты—цвѣточки» и т. п. Одна только книжка въ рукахъ—продуктъ новѣйшаго времени, слабо вѣрующаго чужой совѣсти, среди соблазна мѣдными, серебряными и бумажными деньгами (очень часто довольно крупными). Кое-кто и писать умѣетъ, стало быть, не полѣнится и записать, а письменному человѣку (секретарю консисторіи) легко повѣрить все ли донесъ, что записано въ книгѣ: прошнурованныхъ же и занумерованныхъ листовъ вырвать нельзя,—засудятъ за то.

Конечно, и въ наши дни, какъ и въ далекія времена сѣдой старины, сзади сборщика—прошака разрушающаяся деревянная или каменная церковь. Расползлись или вывѣтрились углы ея; стали сквозить вѣнцы, начало дуть изъ-подъ полу: коченѣютъ ноги молельщиковъ; руки священниковъ затрудняются сдерживать святые дары; осенній дождикъ врывается въ храмъ Божій ручьями.

— Да хорошо бы и старый колоколъ подмѣнить новымъ: звонарь съ пьяныхъ глазъ разбилъ,—дребезжитъ и не даетъ яснаго гулку. Я на себя обѣтъ такой положилъ, что въ гробъ не лягу, пока не заведу, на поминъ души моей грѣшной,—краснаго звону.

— Ризы обветшали,—съ плечъ лезутъ. Книги грамотѣи наши всѣ поизмызгали, да закапали, да оборвали, да растеряли: ни пѣть, ни читать!..

— Мало-ли и въ самомъ дѣлѣ всякой нужды церковной?

— Оскудѣло благочестіе: много народа въ расколъ уходитъ; сталъ народъ отъ церкви отбѣженъ.

— Еще больше уходитъ его отъ своей великой домашней нужды на чужую сторону: о серебряномъ ли кадилѣ для сельской церкви думать ему, когда онъ самъ ушолъ кормиться подъ чужіе звонкіе столичные колокола?

Какъ въ давнюю старину народъ, обманутый холодной землой и

обиженный безхлѣбьемъ и голодовками, брелъ врозь послѣ Юрьева дня осенняго искать новаго приволья и лучшихъ мѣстъ, такъ и теперь все больше и больше тянется онъ изъ-подъ погостовъ съ могилками родителей туда, гдѣ охотнѣе даютъ деньги и сытнѣе кормятъ. А остальцамъ на старыхъ пепелищахъ и теперь, какъ и въ старину, не подъ силу класть новыя заплаты на старыя широкія прорѣхи, а «матушка-церква» стала требовать коренной перетруски отъ главъ до основанія.

Все, словомъ, по старому. Измѣнилось лишь одно: съ каждымъ годомъ число прошаковъ уменьшается. Скоро можетъ случиться такъ, что этотъ коренной народный русскій типъ исчезнетъ съ лица земли нашей (уничтожить его очень легко: большого труда не стоитъ), и, сдѣлавшись достояніемъ исторіи, станетъ предметомъ догадокъ и изслѣдованій археологовъ.

Поспѣшимъ всмотрѣться въ нихъ, хотя съ тою цѣлію, чтобы и совсѣмъ распрощаться: довольно они пожили, довольно походили по свѣту. Впрочемъ, мы съ тою цѣлію и начинаемъ со сборщиковъ, что предполагаемъ говорить о тѣхъ, которые еще ходятъ въ то время, когда другіе ѣздятъ, еще поютъ о томъ, о чемъ можно давать вѣденіе иными многочисленными облегченными способами; глупо толпятся тамъ, гдѣ мѣшаютъ входу и выходу другихъ и смѣшиваютъ свои выкрики съ предложеніями настоящихъ торговцовъ; словомъ, еще живутъ и дѣйствуютъ примѣтной силой, хотя на мѣсто ея можетъ встать другая сила, гораздо помоложе. Вообще запоздалые цѣлымъ вѣкомъ прошаки отстали отъ нашего мудренаго времени на столько, что кажутся одѣтыми въ гробовой саванъ, отъ котораго вѣетъ сыростью, какъ отъ стараго пергаментнаго фоліанта, какъ изъ монастырскихъ безпросвѣтныхъ погребовъ.

Поспѣшимъ присмотрѣться. Сначала, впрочемъ, попробуемъ прислушаться.

Сколько бы однообразенъ ни былъ покрой платья, употребляемаго сборщиками, умѣющими на этотъ разъ сдѣлать такъ, какъ говоритъ пословица, что всѣ волки ночью сѣры, тѣмъ не менѣе опытное ухо, прислушавшееся къ народному говору, не затруднится отгадать приблизительно, съ какой стороны Руси пришелъ этотъ незнакомецъ.

Иногда нѣтъ нужды прибѣгать къ продолжительному съ нимъ разговору, чтобы наловить много признаковъ, характеризующихъ родину.

Одно даже слово, неизбѣжное въ его просительномъ припѣвѣ, «церковь», съумѣетъ указать откуда вылетѣла птица. Церковь, такъ какъ мы это слово пишемъ и произносятъ его люди образованные, принадлежитъ говору центральной Россіи, выросшей подъ вліяніемъ Москвы. Новгородчина, такъ сказать глухая лѣсная Русь, умудрилась выговаривать это слово «церква». Затѣмъ если изъ ближайшихъ къ Москвѣ жителей кто выговорилъ «черковь», то это несомнѣнно тверякъ или вообще житель верхней Волги, всего вѣрнѣе изъ города Торжка. Если же съумѣлъ отчеканить такъ, что стало «тшерковь» то смѣло говорите ему, что онъ вязниковецъ или изъ тѣхъ владимірцевъ, которые живутъ ближе къ Окѣ. За Окой, въ южной части Нижегородской губерніи, говорятъ уже «черква», не по закону, а по, обычаю той новгородчины, которая любитъ измѣнять ц въ ч, чвакать (и на оборотъ, словно нà-смѣхъ) во всей обширной мѣстности отъ псковскаго Порхова до Ладоги и отсюда до Бѣлоозера на Вологду и на Вятку. Въ отличіе отъ всѣхъ и на удивленіе всѣхъ, владимірскій переяславецъ выговариваетъ даже «цчерква».

Тутъ и тамъ древняя Русь настроила монастырей и церквей въ такомъ обиліи, что какой-нибудь маленькій олонецкій Каргополь владѣетъ 2-мя монастырями и 22-мя каменными церквами, при 2-хъ тысячахъ жителей; Вологда съ 51-ой церковью и 2-мя монастырями, при 18-ти тысячахъ, и т. под. Наслѣдіе прадѣдовъ, отъ различныхъ невзгодъ ушедшихъ за Уралъ въ качествѣ первыхъ поселенцовъ Сибири, досталось въ такомъ размѣрѣ, что 100 человѣкъ должно содержать причтъ и поддерживать церковь. А такъ какъ весь сѣверъ значительно опустѣлъ и годъ отъ году пустѣетъ народомъ все болѣе и болѣе за то, что плохо и неувѣренно кормитъ, держитъ въ постоянной прòголоди, и гонитъ вонъ на чужую сторону,—то само собой и «матушка-черква» нуждается въ такомъ ходатаѣ, который походилъ бы отъ нея, помолилъ бы за нее доброхотныхъ дателей.

Откуда бы ни сошлись сборщики подаяній, одному — двумъ изъ полуголодной сѣверной Россіи между ними неизбывное мѣсто.

Еще прислушаемся:

— На чье имя сбираетъ, какія имена чествуетъ и поминаетъ?
—Николу Угодника.

Мало: слабъ этотъ признакъ, не смотря на то, что Угоднику большое уваженіе на Руси за то, что разселялась Русь по рѣкамъ, по озерамъ, много плавала, подвергалась многимъ опасностямъ отъ воды, а епископу мирликійскому приписывается покровительство пловцамъ и мореходамъ. Особенно чествуютъ его при самыхъ рѣкахъ, моряхъ и озерахъ. По безлюдью Бѣлаго моря—«отъ Холмогоръ до Колы тридцать три Николы», по словамъ мѣстной поговорки, да и то, должно быть, довольно старой, потому что на самомъ дѣлѣ подлиннымъ счетомъ ихъ 40 (впрочемъ, по самому берегу моря попадается много придѣловъ Клименту, папѣ римскому, полагаемому вторымъ покровителемъ мореходовъ). По Зап. Двинѣ, по Вилiи и по Нѣману, гдѣ православіе всего больше подвергалось гоненіямъ, народъ успѣлъ однако выстроить 109 церквей (губ. Витеб., Вил. и Ковен.) въ честь св. Николая, и изъ наиболѣе чтимыхъ святыхъ: Петру и Павлу 20, Георгію Побѣдоносцу 38, Пятницѣ Параскевѣ 22, Ильѣ Пророку 30 и т. д.

Вотъ и еще новые признаки въ выкрикѣ сборщика, на которыхъ весьма поучительно остановиться: признаки очень почтенные по времени и по историческому значенію.

Ушедшіе язычниками по богатымъ системамъ рѣкъ, съ юга на сѣверъ, славяне, въ тѣ времена, когда вышли къ намъ для проповѣди святаго евангелія греки, владѣли уже укрѣпленными мѣстами и имѣли возвышенные пункты и особыя мѣста, посвященныя народнымъ божествамъ и религіознымъ обрядамъ. Византійскіе греки, съ помощію князей и подъ защитою ихъ дружинъ крестя народъ и знакомя его со святыми предстателями за человѣческія нужды, съумѣли сдѣлать такъ, что на всѣхъ возвышенныхъ мѣстахъ, командующихъ окрестностями и круто оступающихся въ воду (обыкновенно въ рѣку), гдѣ славяне предпочитали избирать мѣста для богослуженій Перуну,—очутились храмы во имя Иліи. Точно также при рудникахъ, въ низинахъ и оврагахъ, при источникахъ рѣкъ, явились храмы Пятницы-Параскевы съ непремѣннымъ деревяннымъ изваяніемъ св. мученицы.

На выгонахъ городовъ, гдѣ пасется скотъ мѣстныхъ жителей, ввѣренный охраненію Велеса, встали христіанскія церкви во имя

священно-мученика Власія, и т. д. Факты эти чрезвычайно очевидны и послѣдовательны во всѣхъ мѣстахъ древней языческой Руси: на западѣ и сѣверѣ ея. Въ Кіевѣ, въ Черниговѣ и Мстиславлѣ,—словомъ, во всѣхъ мѣстахъ, спопутныхъ движенію проповѣдниковъ изъ Византіи, по Днѣпру и его притокамъ: Деснѣ, Сожу, Припети, и т. д., первыя городскія церкви посвящены имени св. пророка Иліи. Только, когда выяснились между укрѣпленными пунктами центральные и главные, къ которымъ тяготѣлъ народъ, какъ вся Грепія къ Византіи, появились храмы Господней «Премудрости» (Софіи), по примѣру великолѣпной и знаменитой византійской. Софійскіе соборы, посвященные Софіи, т. е. Премудрости Слова божія, подъ которою разумѣется второе лицо Святой Троицы, воздвигались постепенно тамъ, гдѣ устанавливался центръ народной колонизаціи: въ Кіевѣ на Днѣпрѣ, на Двинѣ въ Полоцкѣ, въ Новгородѣ на Волховѣ, въ Вологдѣ и Соликамскѣ (даже въ Тобольскѣ въ Сибири),—словомъ, во всѣхъ тѣхъ городахъ, которые были первыми на Руси и начальными, и коренными центрами народной защиты и управы [1]).

При дальнѣйшемъ переселеніи народа, уже окрещонаго въ христіанскую вѣру и дѣйствовавшаго въ дѣлахъ ея самобытно, а въ трудахъ переселенія, по голоднымъ необитаемымъ странамъ, не перестававшаго испытывать громадныя лишенія и трудности въ непролазныхъ лѣсахъ, среди безнадежныхъ болотъ, являлась единственная надежда, а за ней и горячая молитва Всемилостивому Спасу. Его имени воздвигался первый храмъ, лишь только нога людская ощущала подъ собою твердую и сухую почву и глаза видѣли обнадеживающее приволье. Такъ поступила полоцкая княжна Ефросинія въ первыя христіанскія времена на Руси (1160 г.) на р. Западной Двинѣ; точно также поступили и позднѣйшіе, самые дальніе и смѣлые выселенцы Савватій и Зосима, основавшіе обитель на морскомъ островѣ (Соловецкомъ), въ 60 верстахъ отъ берега и жилыхъ

---

[1]) Замѣчательно при этомъ то обстоятельство, что для празднованія Ипостасной Премудрости въ церковномъ порядкѣ не положено. Празднуютъ въ Богородичные праздники: въ Кіевѣ—въ день Рождества Богородицы, въ Новгородѣ и Вологдѣ въ день Успенія, въ Соликамскѣ—въ день Рождества, и т. д.

мѣстъ, въ 1436 году. Встали Спасы: въ Холмогорахъ (первый на Сѣверной Двинѣ), въ Тотьмѣ, Вологдѣ, Ярославлѣ, Суздалѣ, Нижномъ, Костромѣ, т. е. почти во всѣхъ сѣверныхъ городахъ, извѣстныхъ своею древностью. Въ той же странѣ, Сѣверо-Западной Руси, враждебной православію, до сихъ поръ 77 Спасовъ (изъ нихъ 46 Спасовъ-Преображенія), тогда какъ только 51 Троица, 17 церквей Св. Духа. Надежда на предстательницу христіанъ, скорую помощницу и молитвенницу Матерь Спасову не замедлила въ свою очередь выразиться во множествѣ храмовъ, посвященныхъ «Пречистой», но уже въ тѣ времена, когда переселенія, отъ вѣковаго опыта, стали легче, и страны оказались наиболѣе гостепріимными.

Сборщикъ подаяній, въ перечисленіи именъ упоминающій храмы Пречистой (всего чаще Успенія и Рождества ея), вѣрнѣе запрашиваетъ на село изъ московской Руси (восточной и центральной), чѣмъ тотъ, который указываетъ на храмы Спаса, въ наибольшемъ числѣ находящіеся въ западной и самой сѣверной Россіи. Въ этомъ для насъ опредѣлительно выражается этнографическій признакъ заселенія Сѣверной Руси двумя путями: на сѣверо-востокъ по землямъ Рязанскимъ, Муромскимъ, Владимірскимъ и Московскимъ съ именемъ Пречистой и первыми храмами въ честь Богоматери,—на сѣверъ же и востокъ по заволочьямъ, заозерьямъ и за камнемъ по Сибири Новгородскими людьми съ именемъ Спаса.

Во вторыхъ и третьихъ именахъ, сказываемыхъ сборщиками, всегда возможно, помимо повсемѣстно-чтимаго Николы, встрѣтить такія, которыя прославились въ позднѣйшія времена, когда явились отечественные угодники, мѣстно-чтимыя иконы, боготворимыя извѣстными окрестностями, въ опредѣленной, поставленной во взаимныя близкія отношенія, мѣстности. Зосима, Тихвинская Божія Матерь для сѣвера и сѣверо-запада Великороссіи, Ѳеодосій тотемскій, Кириллъ для сѣверо-востока ея же, Макарій для Поволжья отъ Калязина до Нижняго и отъ Костромы до Вологды, и т. д. Точно такъ же, какъ Знаменье указываетъ на Новгородчину, имена Бориса и Глѣба несомнѣнно укажутъ на тѣ древнія русскія населенія, которыя находились въ тѣсной религіозной связи съ Кіевомъ: на Черниговъ, Полоцкъ, Ростовъ и проч., а мѣстно-чтимыя имена, безъ

всякихъ догадокъ, очевидно выразятъ тотъ городъ или ближайшее къ нему село, откуда вышелъ прошакъ и гдѣ проявилась церковная нужда, выискивающая въ толпахъ народныхъ сердобольныхъ и христолюбивыхъ жертвователей.

Вышелъ прошакъ прямо съ сѣверо-запада, если проситъ на Спаса и Николу, да при этомъ окаетъ и придзекиваетъ, да прибавляетъ Илью, либо Параскеву-Пятницу. Идетъ онъ несомнѣнно съ кореннаго сѣвера, если къ Николѣ и Спасу присоединяетъ либо Знаменье либо Зосиму съ Савватіемъ, либо Тихвинскую Богоматерь, и при этомъ окаетъ. Если же упоминаетъ онъ Кирилла, то и мѣсто родины его гдѣ-нибудь въ Бѣлозерскомъ или Кирилловскомъ уѣздѣ, въ коренной Новгородчинѣ.

Отсюда—какъ извѣстно—преимущественно уходитъ народъ и на вѣчныя времена, и на временныя отлучки для заработковъ, на столичные и городскіе соблазны, на отвычку отъ родины и на полузабытье всего въ ней завѣтнаго, считая въ томъ числѣ и приходскія церкви. Остается дома кое-кто: немощные да старые, очень малолѣтніе и несмышленые, походившіе и уставшіе, ничего не выходившіе и умѣющіе высиживать кое-что и дома. Все это хорошо всѣмъ извѣстно. Извѣстно всѣмъ также и то, что въ той же Новгородчинѣ и въ срединной московской Руси церковная обрядность, религіозная внѣшность всегда играли столь сильную роль, что изъ-за нихъ издавна ведется непримиримая тайная и явная борьба, выразившаяся многовѣтвистымъ расколомъ.

Тамъ, гдѣ устояли отъ соблазновъ раскола, православіе встало твердо. Приверженность къ церкви выражается самыми многоразличными признаками; любовь къ обрядовой части наполняетъ добрую долю въ цѣломъ году домашней и общественной жизни, и въ нѣкоторыхъ случаяхъ доведена даже до крайностей. Пріѣздъ архіерея волнуетъ цѣлое населеніе околодка отъ мала до велика; бросаются полевыя работы; за архіерейской каретой бѣгутъ толпами; на архіерейскомъ служеніи захлебываются народомъ церкви, паперти и ограды. По отъѣздѣ, долго гудятъ басистые голоса въ торговыхъ рядахъ, на поляхъ и улицахъ подъ увлеченіемъ «толстоголосаго» и красиваго протодьякона. Церковные ходы представляютъ толпы, длиною въ цѣ-

лую версту, и въ теченіе лѣта такимъ крестнымъ ходамъ, поднятіямъ мѣстныхъ иконъ, обходамъ полей и молебнамъ на нихъ трудно подвести счетъ. Голосистыхъ дьяконовъ, не найдя въ своей, ищутъ по другимъ епархіямъ; краснорѣчивыхъ священниковъ переманиваютъ предложеніемъ добавочнаго содержанія; біографіи священниковъ знаютъ до подноготной и скажутъ не только кому кто илемянникъ или дядя, но и кто кому доводится свояком или сватомъ, и т. под. Приверженность къ сельскому храму и его служителямъ, едва утолимая страсть къ церковнымъ обрядамъ представляются поразительными особенностями не только отдѣльныхъ личностей, но сплошъ и рядомъ всего населенія, за малыми и едва уловимыми исключеніями.

Само собою разумѣется, что изо всѣхъ выдѣляются неизбѣжно такіе, которые уходятъ дальше другихъ и доводятъ свою ревность до самопожертвованій, даже до фанатизма. Въ разрядъ этого рода ревнителей поступаютъ, разумѣется, люди наиболѣе оригинальнаго жизненнаго склада съ нѣкоторыми особенностями характера.

II.

Внѣшнія особенности людей подобнаго рода выражаются наглядно тѣмъ, что они раньше другихъ, съ первымъ ударомъ колокола, являются въ церковь, занимаютъ мѣста ближе къ алтарю, всего чаще становятся на клиросъ, и не остаются здѣсь въ рядовыхъ и заурядныхъ подголоскахъ, а спѣшатъ заявить себя видимымъ образомъ. Дьячки и понамари, не въ праздничные дни, когда нѣтъ у нихъ обыкновенія надѣвать на себя стихари, не прочь угождать этимъ ревнителямъ тѣмъ, что даютъ прочесть имъ часы, выпускаютъ на средину церкви для произнесенія апостола и, уходя раздувать въ алтарѣ кадило, предоставляютъ имъ читать псаломъ послѣ заамвонной молитвы. Болѣе заслуженные изъ нихъ допускаются помогать священнику въ алтарѣ. Они первыми прикладываются ко кресту. Они

безпокойны на клиросѣ: сходятъ съ него въ сѣверныя двери и выходятъ изъ нихъ по нѣскольку разъ во время обѣдни. Ихъ тревожитъ всякая нагорѣвшая свѣча, всякая на полу соринка. Они стараются быть всегда впереди и, оставаясь на виду, все-таки служатъ образцомъ для молельщиковъ. Установка ихъ на колѣни, земные поклоны и т. п. служатъ сигналомъ для прочихъ, не твердо знающихъ церковную службу. Для безтолковыхъ бабъ, приносящихъ дѣтей къ причастію, они являются укащиками и руководителями, и во всякомъ случаѣ вмѣшательству ихъ церковная служба обязана значительною долею своего благолѣпія и порядка.

Таковы они дома, въ своей сельской церкви.

Въ гостяхъ, въ чужихъ селахъ, посѣщеніе которыхъ въ храмовые праздники эти церковные ревнители считаютъ своею священнѣйшею обязанностію, они всегда поспѣшатъ обозначиться (становясь въ толпѣ, а не на клиросъ) своимъ вмѣшательствомъ: вслухъ и докучно поютъ, съ воздыханіями предупреждаютъ возгласы и молитвы; сказываютъ довольно громко и свои придуманныя, и по книгамъ затверженныя. Во время праздничныхъ всенощныхъ поражаютъ они твердымъ знаніемъ наизустъ не только ирмосовъ двоенадесятыхъ праздниковъ, но и стихиръ на «Господи воззвахъ» и «на Хвалитѣхъ».

Такихъ людей церковный причтъ коротко знаетъ, уважаетъ и охотно придерживаетъ около себя, позволяя съ готовностію, по ихъ желаніямъ, всякое невинное поползновеніе, въ родѣ переходовъ съ книгой съ клироса на клиросъ, чтенія шестопсалмія, и т. д. Иные доводятъ свою ревность до того, что начинаютъ ходить вмѣстѣ съ причтомъ съ праздничною «славой», не въ качествѣ паевщиковъ, а безмездныхъ, изъ любви къ искусству, подголосниковъ. Ходятъ за тѣмъ лишь, чтобы подпѣвать, и глазами ищутъ случая выслушать приказаніе отъ священника или дьякона съ тѣмъ, чтобы немедленно его исполнить. Смѣло и сильно расталкиваютъ народъ въ церкви, больно толкаютъ въ бока эти ревнителы, бѣгающіе либо за тѣмъ, чтобы позвонить, либо за просфорами, за угольями, за ладономъ въ кладовую. Довѣріе къ такимъ людямъ полное и, допущенные до крайнихъ интимностей духовнаго званія, они считаются уже «истинными сынами церкви». Ея интересы встаютъ для нихъ впереди всѣхъ дру-

гихъ, и въ концѣ концовъ они отдаются своему сельскому храму всей душой и всѣми помышленіями.

Разрядъ людей этихъ представляетъ собою либо богомольныхъ стариковъ, довольныхъ своимъ хозяйственнымъ и домашнимъ обезпеченіемъ, когда, при сыновьяхъ и внукахъ, осталось только молиться и благодарить Бога,—либо людей средняго возраста, но уже совершенно особыхъ. На нихъ возлагаются надежды церковнаго причта. Когда клиросная помощь ихъ окажется для церкви мало-пособляющею въ виду болѣе существенныхъ, матеріальныхъ нуждъ ея, самаго лучшаго изъ нихъ избираютъ для того, чтобы возложить на него трудную задачу сбора подаяній въ чужихъ людяхъ, въ далекѣ отъ роднаго села и бѣднаго приходскаго люда.

Этотъ лучшій,—рожденный спившимся ли съ кругу отцомъ или изнуренной, измученной на тяжолыхъ, неустанныхъ работахъ матерью,—дряблый съ младенчества, болѣзненный въ отрочествѣ отъ мякинной пищи, безсильный въ работахъ тотчасъ же, какъ ихъ потребуютъ отъ него. Онъ никуда не поспѣетъ, ничего не додѣлаетъ; много за то битъ пинками и толчками заколоченъ, крутой бранью домашнихъ и неустанными насмѣшками чужихъ забитъ до пугливости. Если, по какимъ-либо случайнымъ обстоятельствамъ, онъ не превратился въ идіота, извѣстнаго подъ деревенскимъ названіемъ каженика (или боженика), то во всякомъ случаѣ онъ ненадеженъ въ работѣ, неспособенъ къ усидчивому труду. Живетъ въ родной семьѣ словно въ насынкахъ, въ родной деревнѣ обзывается такимъ насмѣшливымъ прозвищемъ, какое только можетъ быть хуже и обиднѣе всѣхъ. Нелюбимый, преслѣдуемый, онъ дѣлается угрюмымъ, замкнутымъ въ себя. Всякія игры ему чужды: онъ, при городскихъ условіяхъ, могъ бы сдѣлатся самоубійцей. При недостаткѣ характера, но при мягкомъ, впечатлительномъ сердцѣ, онъ дѣлается религіознымъ; утоленіе печалей находитъ въ церкви; въ ней только онъ живетъ и дышетъ свободно. Послѣ адскихъ недѣль праздничные дни для него — эпохи. Съ лихорадочнымъ нервнымъ нетерпѣніемъ начинаетъ онъ съ пятницы ждать воскресенья: передъ заутреней, послѣ безсонной ночи, бѣжитъ на колокольню сначала смотрѣть, какъ послѣ перваго удара колокола полетятъ съ земли черти въ преисподнюю, потомъ просто звонитъ или благовѣститъ.

Холодной зимой, ненастной осенью занятіе это пономарь безпрекословно и нераздѣльно передаетъ ему. Послѣ обѣдни, на цѣлый день, онъ ищетъ темныхъ угловъ и укромныхъ мѣстечекъ, гдѣ бы его и найти было нельзя. Въ этомъ случаѣ нѣсколько праздниковъ сряду представляютъ ему время величайшихъ продолжительныхъ наслажденій.

Не меньшій восторгъ и радость ощутилъ онъ въ своемъ сердцѣ, когда батюшка-попъ замѣтилъ его рвеніе и поручилъ ему какую-то работу на себя. Сдѣлалъ онъ ее охотно и даже лучше, чѣмъ сдѣлалъ бы для свого дома.

Заслуги его не остались безъ награды и поощреній, въ родѣ такихъ, что на Пасхѣ, наприм., бездѣтный дьяконъ ставилъ его въ концѣ заутрени сзади себя съ лукошкомъ собирать яица, въ крещенскій сочельникъ его посылали къ чанамъ и поручали помогать при раздачѣ богоявленской воды. Это произошло уже въ то время, когда алтарная горнушка съ угольями и кадило поступили въ полное его распоряженіе, когда стоять въ алтарѣ дозволялось ему невозбранно и ходитъ по церкви взадъ и впередъ сколько угодно.

Затѣмъ онъ приготовлялъ проруби на Богоявленье, прилаживалъ плоты и обсаживалъ ихъ елками на Іордани въ Спасовку и Преполовенье; въ крестныхъ ходахъ носилъ правую хоругвь, и проч. Такимъ образомъ, вполнѣ прилѣпившись къ церкви, сдѣлался онъ необходимымъ членомъ ея причта и, будучи постояннымъ посѣтителемъ церковныхъ службъ, сталъ незамѣтно для себя понятливымъ и памятливымъ ко всему, что поютъ и пытливымъ на распросы. Духовенство готовно разъясняло ему все, что само знало. Мало по малу выбирался онъ на дорогу начетчика и не сдѣлался таковымъ лишь только по безграмотству, о которомъ заныло и заболѣло его сердце, когда увидѣлъ онъ исчезающую впереди для него цѣлую массу высокихъ наслажденій.

Отъ родительскаго дома онъ отбиться не могъ, но если бы явилась возможность — ни минуты бы не медлилъ. Когда настало для него время, когда бить и сѣчь дома перестаютъ, и право это переходитъ къ высшему сельскому начальству, — онъ въ семьѣ оказался уже совершенно лишнимъ. Не только за недѣлю, но и за цѣлыя зимы ни въ избѣ, ни на дворѣ нельзя было найти ни однаго слѣда

его пребыванія, ни одной работы, на которую можно было бы указать къ на полезную и пригодную. Скворечники ставить, сѣти плести ія ловли рыбы и птицы онъ первый охотникъ и мастеръ. Легкую ѣботу онъ склоненъ исполнять цѣлый день и не огорчитъ его то, что за цѣлые сутки въ итогѣ у него дыра въ горсти. За это его и домашніе и сосѣди прозвали кутьей, дурьей породой, насмѣхаться надъ нимъ не упускали ни одного случая. Но теперь это мало его трогаетъ, онъ уже обтерпѣлся. Противъ крупныхъ обидъ и глубокихъ оскорбленій, на защиту его, само собою разумѣется, становился весь причтъ, и даже самъ батюшка не задумывался нарочно придти къ нему въ избу и усовѣщевать родителей и родныхъ домашнихъ. Кто хочетъ зидѣть дѣла его, тотъ можетъ пойти къ церкви и въ церковь,—тамъ ѣ предусматривалъ работу, самъ исполнялъ ее отчетливо и рачительно. Надрывающаяся отъ слезъ бѣдность всегда находила въ немъ безплатнаго могильщика съ заступомъ, топоромъ, лопатой, даже зимой. Ни одного поминанья усопшихъ, если поручатъ ему, онъ еще ни разу не забылъ, ни въ одной просьбѣ по церкви онъ никому еще недавалъ отказа и переданную жолтенькую восковую свѣчку не ставилъ зря, а именно къ тому самому образу, который ему былъ указанъ.

Если пристальнѣе всмотрѣться въ окончательно сложившійся характеръ этого человѣка,—передъ нами одна изъ честнѣйшихъ натуръ, беззавѣтно добрыхъ и преисполненныхъ самоотверженія до послѣдней крайности, смиренныхъ и послушныхъ до безотвѣтности. Этого сорта люди иногда возбуждаютъ жалость и состраданіе къ видимой ненадобности ихъ существованія, какъ бы къ людямъ лишнимъ, но первые же шаги знакомства съ ними не замедлятъ показать, что это—самые симпатичные люди въ средѣ нашего простонародья. Безполезные во всю свою жизнь, они являются подлинными избранниками по призванію, когда придетъ часъ ихъ служенія, и творятъ чудеса при энергіи, когда откроется благопріятный случай. Очень часто они отыскиваютъ сами этотъ случай; конечно, всего чаще отыскиваютъ ихъ самихъ тѣ, кому они нужны. Обоюднымъ рвеніемъ и взаимною поддержкою ставится дѣло на ноги и пускается въ ходъ. За нуждами, порождающими начинаніе и питающими энергію въ сельскихъ церквахъ, конечно, не стоитъ дѣло тамъ, гдѣ не вынщется

тароватаго благотворителя. А такіе благотворители большею частію проявляются, по несчастнымъ случайностямъ, тамъ, гдѣ всего менѣе настойтъ въ нихъ нужда.

Золотятся за-ново позлащенные иконостасы; украшаются опрятныя, чистенькія церкви стѣнными иконами доморощенныхъ, неискусныхъ богомазовъ, отливаются вторые экземпляры большихъ колоколовъ и поліелеевъ; нашиваются новыя ризы въ такомъ количествѣ, что на пасхальной заутренѣ, во время пѣнія канона, на всякую изъ 9-ти пѣсней, священникъ и дьяконъ выходятъ кадить въ новыхъ перемѣнахъ ризъ. Это—въ нашихъ купеческихъ городахъ.

III.

Бѣлѣясь на горѣ, стоитъ каменная церковь въ бѣдномъ селѣ, лаская издали привѣтливымъ красивымъ видомъ, но поражаетъ вблизи всѣми неблагопріятно сложившимися обстоятельствами, для выгоднаго положенія ея именно на этой красивой горѣ и въ этой, пожалуй, даже и густонаселенной мѣстности. Давно запущенная, долго стоявшая безъ починки въ нашемъ сѣверномъ, лѣсномъ краю, обильномъ снѣгомъ и дождями, обездоленномъ дороговизною желѣза и камня, приходская церковь обрѣшетилась крышей, лишилась значительной связи въ куполахъ, сводахъ и полахъ. Деревянныя рамы сгнили такъ, что и гвозди не держатся и дуетъ немилосердно въ холодныя зимы, потому что число вывалившихся кирпичей и на окнахъ, и на углахъ и всюду, даже сосчитать невозможно. Засырѣлъ и почернѣлъ не только иконостасъ, но облупились и святыя иконы; въ зимнія, стужи намерзаютъ священническія руки до такой степени, что съ трудомъ сдерживаютъ потиръ на великомъ выходѣ. Про деревянныя церкви уже и говорить нечего.

Вотъ тотъ укоръ на прихожанахъ, непрестанная боль въ сердцѣ причта, которые еще виднѣе выдѣляются изъ толпы доброхотныхъ

радѣтелей церкви. На нихъ останавливаются мысли и желанія настоятелей.

— Зайди-ка ко мнѣ: о больно-важномъ и нужномъ дѣлѣ мнѣ съ тобою, Божій человѣкъ, поговорить надо по душѣ и въ настоящую.

Свѣтленькій домикъ священника, который во всякомъ русскомъ селѣ увѣренно и успѣшно расчитываетъ на то, чтобы выдѣлиться изъ крестьянскихъ избъ и походить на городской домъ, гостепріимно приглашалъ болѣзнаго человѣка за этотъ полисадникъ съ сиренями и рябинками, на это крытое крыльцо и въ чистую залу батюшки, увѣшанную картинками духовнаго содержанія и портретами архіереевъ, изъ которыхъ одинъ находился даже въ отдаленномъ родствѣ съ владѣльцемъ этой залы и этого дома.

Священникъ ждалъ. Вошедшаго привѣтливо принялъ, осѣнилъ большимъ крестомъ и далъ поцѣловать ему загрубѣлую на полевыхъ работахъ и сильно загорѣлую руку. Велѣлъ сѣсть на плетеный камышевый стулъ съ прямою и высокою спинкой и, когда вошедшій неладно усѣлся на самомъ кончикѣ его, священникъ удовлетворился.

— Посягаешь ли?

Вошедшій не сразу понялъ и глядѣлъ безотвѣтно.

— Согласенъ ли принять послушаніе и ревновать о Божіемъ храмѣ, гдѣ тебя крестили, гдѣ за упокоеніе душъ родителей твоихъ возносятся молитвы и объ утоленіи собственныхъ грѣховъ твоихъ приносится безкровная жертва?

— Это вы на счетъ того, ваше благословеніе, чтобы идти мнѣ за сборомъ?

— Поревнуй! Прошу я тебя за себя и за весь приходъ. Никому не соблюсти церковнаго даянія лучше тебя. Благопріятнѣе было бы именно избрать тебя и поручить нарочито святое дѣло это.

— Не привычное мнѣ дѣло просить, ваше благословеніе: съумѣю ли?

— Время покажетъ.

— Куда пойду и гдѣ сбирать буду?

— Господь управитъ стопы твоя.

— Безъ денегъ-то не двинешься съ мѣста, чѣмъ питаться буду, въ дорогѣ-то?

— Святые апостолы какъ ходили? Колосья пшеничные срывали по пути и ѣли, а во всю землю изыде вѣщаніе ихъ и въ концы вселенныя глаголы ихъ. Господь тебя пропитаетъ.

У батюшки на текстахъ языкъ былъ перебитъ, и хотя послѣднія слова выговорилъ онъ едва уловимой и удобопонятной скороговоркой, слушатель его понялъ и глубоко вздохнулъ, и на умѣлыхъ словахъ человѣка, которому онъ привыкъ вполнѣ вѣрить и въ которомъ пріучился глубоко уважать санъ, умилился сердцемъ до прямаго отвѣта на согласіе.

— Послѣ завтра я, ваше благословеніе, хоть и въ дорогу готовъ.

— Одобряю.

— Пойду по деревнѣ, попрощаюсь со всѣми: пусть простятъ кому досадилъ,—большое дѣло-то.

— Намѣреніе твое похваляю. Теперь надо испросить благословеніе владыки.

Священникъ продолжалъ дальше:

— Пріуготовься одеждою, облекись, и иди въ путь твой твердо. Мірское даяніе найдетъ тебя; Господь тебя взыщетъ. Я вотъ съѣзжу въ консисторію, выправлю книжку: съ ней никто не дерзнетъ обижать тебя во все время пути твоего.

Священникъ вынулъ изъ кіоты принесенный изъ церкви маленькій образъ того праздника, которому посвященъ главный престолъ. Благословилъ онъ имъ своего гостя и надѣлъ образъ на веревочкѣ на шею; снабдилъ даже и готовымъ блюдечкомъ. Осталось теперь дѣйствительно немногое: именно, попрощаться, — что и сдѣлалъ новоставленный путникъ, обойдя всѣ избы въ селѣ, прося у всѣхъ отпущенія грѣховъ и милости — не помнить зла и лиха. Вмѣстѣ, на одной лошадкѣ, отправились они со священникомъ въ губернскій городъ въ консисторію.

Во святыя ворота, украшенныя на верху большимъ образомъ, съ подвѣшеннымъ къ нему на толстой веревкѣ фонаремъ съ толстой восковой свѣчкой, вошли путники въ ограду стариннаго монастыря,

гдѣ «архіерейскіе покои» ярко отдѣлялись отъ братскихъ келій свѣтлыми окнами, парадным крыльцомъ, по лѣстницѣ котораго разостланъ былъ старательно-выколоченный коверъ. Священникъ потолковалъ съ заспанным монахомъ, попавшимся на встрѣчу, о томъ, какъ попасть къ владыкѣ: по тому ли идти крыльцу, гдѣ лежитъ коверъ, и благопріятно ли время для принятія у него благословенія и изложенія просьбы. Вызванъ былъ архіерейскій келейникъ, удовлетворенъ былъ съ почтеніемъ дачею двухъ двугривенныхъ, и путники введены были заднимъ крыльцомъ въ длинный корридоръ съ большими окнами налѣво, съ маленькими направо, въ переднюю, а оттуда въ обширный пріемный залъ. Полы были паркетные; на нихъ положенъ былъ коверъ еще лучше и наряднѣе; въ углу стояла старинная изразцовая печь; по стѣнамъ висѣли портреты бывшихъ архіереевъ; прежнихъ — писанные масляными красками, ближайшихъ по времени — фотографическіе. Чистота убранства остановила и священника и его провожатаго у самой притолки при входѣ, и пригвоздила ихъ тутъ. Владыка долго не выходилъ Старикъ-священникъ имѣлъ довольно времени успокоиться, придти въ себя, оправиться еще разъ, поднявши повыше поясъ подрясника и огладивши обѣими руками волоса на головѣ и бородѣ. Побѣдилъ онъ въ себѣ робость до такой степени, что имѣлъ смѣлость, указывая товарищу на портретъ одного архіерея, въ сущности очень похожаго на другихъ (такая же борода, клобукъ, панагія, много орденовъ на груди и въ рукахъ книга), замѣтись шопотомъ:

— Епископъ Самуилъ. Рукополагалъ меня, недостойнаго. Рѣдкій былъ владыко.

Въ воображеніи старика зароплись воспоминанія, и всѣ разомъ: грубые пинки сильнаго протодьякона въ шею и по плечамъ, когда нужно было кланяться архіерею, и въ бока, когда нужно было идти въ ту или другую сторону; иподьяконы, которые потребовали угощенія послѣ посвященія... Поютъ «аксіосъ»... Припомнился и самъ Самуилъ. Пріѣхалъ онъ неожиданнымъ (любилъ ѣздить по захолустьямъ, по бѣднымъ приходамъ, безъ всякой свиты съ однимъ протодьякономъ). Опрометью бѣжалъ новоставленный священникъ на звонъ съ поля въ рубахѣ; подрясникъ схватилъ съ гвоздя дома,

а рясу-то, что получилъ отъ тестя въ приданое, полинялую и оборванную по подолу, по парадную, потому что была суконная, рясуто...

— «Господи, куда угодить придется?!.

Поберегая какъ единственную и послѣднюю, онъ вѣшалъ рясу въ алтарѣ. А архіерей-отъпрошелъ прямо въ церковь: не пробѣжишь мимо».

Такъ въ подрясникѣ одномъ и предсталъ, и въ землю повалился.

— «Не громи, не сокрушай, владыко святый, яви милость, прости столь великую мою вину и злое дѣяніе мое, ради малыхъ дѣтей и великой моей бѣдности!»

— «Встань, говоритъ, радуюся, видя тебя на добромъ дѣлѣ снискивающимъ хлѣбъ свой—угости-ка»!

«Нашлась водочка. Выпилъ владыко двѣ рюмочки, и мнѣ велѣлъ. Покушалъ, что нашлось молочнаго да хлѣбнаго: яичницу ему изъ 40 яицъ самъ сдѣлалъ. Пѣвчую орду ублаготворилъ изъ сельскаго кабака цѣлымъ ведромъ водки. Велѣли они напечь имъ въ дорогу яицъ — напекъ; да полопали всю смѣтану, да поѣли почти всѣ запасы, которые заготовлены были на цѣлый годъ: и за щеку клали и съ собой набрали. Уѣхали наконецъ, слава Богу»!

«А вотъ и Евгеній съ большой бородой: резолюціи на прошеніяхъ стихами писалъ: къ семинаристамъ на рекреаціяхъ пріѣзжалъ съ пряниками Въ лапту съ ними игралъ и ставилъ такія свѣчи (такъ высоко прямо бросалъ мячь палкой), что никто не могъ его лучше шибнуть. Не прочь былъ и отъ городковъ: подберетъ полы, сниметъ рясу, и, какъ теперь вижу, колотитъ палками по городкамъ».

«Вотъ Виталій съ толстымъ лицомъ: служить не любилъ; пѣвческій хоръ запустилъ; никуда не выѣзжалъ; мало кого принималъ; по епархіи не ѣздилъ; умеръ отъ водяной».

«Владиміръ: пѣвчихъ любилъ и служить любилъ; въ дьяконахъ поощрялъ хорошую выходку. Самъ изъ себя былъ такой сановитый, красивый; волоса каштановые; рясы голубыя бархатныя. Служилъ долго и торжественно; протодьяконъ у него — что хотѣлъ, то и дѣлалъ: большой былъ человѣкъ при архіереѣ и алчный; нашему брату тяжело при ихъ объѣздахъ было; ѣздили все по бойкимъ и богатымъ мѣстамъ.

Проповѣди любилъ Владиміръ сказывать и исторгалъ ими слезы, а когда напечаталъ ихъ, въ чтеніи были слабы: произносить умѣлъ. Ѣдитъ когда изъ монастыря въ городъ, по всѣмъ церквамъ звонъ идетъ: любилъ торжество и благолѣпіе. Отъѣзжалъ въ другую епархію—многіе плакали по немъ, а духовенство отшествію его радовалось.

«Павелъ: ничего про него припомнить нельзя; отъѣхалъ въ Сибирь, а на другой день въѣхалъ новый владыка; вотъ этотъ—очень похожъ на портретъ».

Вотъ и онъ въ живѣ самъ, отворилъ дверь—и остановился въ дверяхъ, на порогѣ.

Какъ увидѣлъ священникъ его, «правящаго право слово истины», такъ тутъ же, гдѣ стоялъ, палъ въ землю. Сдѣлавъ еще шагъ, опять поклонился въ ноги, и въ третій разъ также скоро, не поднимаясь и не поправляясь. Волоса всѣ упали на лицо.

Слышится грозный голосъ:

— Поди сюда!

Далъ владыко благословеніе. Поцаловалъ старецъ руку. Рука архіерейская настоящая: мягкая, пухлая, розовой водой пахнетъ. Стали перебирать эти руки янтарныя чотки, которыя тихо и пріятно шелестили. Сталъ онъ, выслушавъ просьбу, говорить:

—Твоя вина. Твое опущеніе. Небрегъ о храмѣ. Не умѣлъ внѣдрить въ сердца прихожанъ чувства благотворительности. Плохой пастырь: не могу одобрить.

Горечь приступила къ сердцу священника. Хотѣлъ говорить—языкъ не послушался.

Строгій, рѣзкій голосъ опять послышался ему, а чотки въ рукахъ владыки все играли.

Панагію на груди архіерей поправилъ, и опять говорилъ:

—По приходамъ яица собирать. Печоный хлѣбъ телѣгами вывозить. У купцовъ сахаръ выкланивать попадьямъ на варенье: все на себя. А о домѣ Господнемъ нѣтъ раченія: и ста запустѣніе на мѣстѣ святѣ. Кѣмъ это сказано?

Перебралъ отвѣтчикъ въ старческой памяти подходящій отвѣтъ

на вопросъ: не нашолъ, повалился опять въ ноги: пощадите немощную старость, изношенную память.

Понравилось.

—Встань! Говорилъ ли поученія? Возлюби Господь благолѣніе дому своего.

—Творилъ все по силѣ моей!—удалось-таки выговорить священнику

—По епархіи въ объѣздъ поѣду, повѣрю. А теперь полагаюсь на твою священническую совѣсть.

Обратился владыка къ прошаку, и его подозвалъ:

—Намѣреніе твое похваляю: благую часть избралъ. Помоги немотствующимъ, нерадивымъ и небрегущимъ.

При послѣднихъ словахъ дажа кивнулъ головой въ сторону священника.

Сказалъ маленькое поученіе и благословилъ вновь обоихъ, примолвивъ въ заключеніе:

—Теперь ступайте съ миромъ!

Чрезъ нѣсколько дней священникъ навѣдался къ секретарю: разрѣшеніе вышло. Да еще что-то понадобилось: повременить-де еще надо. Но старикъ былъ звѣрь травленый: онъ привезъ съ собою мѣшочекъ крупы, сотню яицъ, горшокъ топленаго коровьяго масла буракъ со своимъ медомъ. По дорогѣ онъ заходилъ въ городской винный погребъ, гдѣ купилъ бутылку рома ямайскаго.

Тѣ изъ продуктовъ, которые были послаще и подороже, пошли на потребу и усладу секретаря консисторіи. Яица и нѣсколько мѣдныхъ пятаковъ ушли на ту голодную братію, которая, небритая и неумытая и хорошо не проспавшаяся, стоитъ голодной ордой въ передней консисторской комнатѣ и въ той, гдѣ скрипятъ перья и не хорошо пахнетъ, и за которой находилась комната секретаря и присутствіе.

Секретарь велѣлъ приходить; назначилъ время, приказалъ приводить и прошака съ собой. Оба отправились въ консисторію, пристроенную въ монастырской стѣнѣ, но разбитыми загрязненными окнами смотрѣвшую наружу, на большую дорогу, на которой начинался дальній путь нашего странника. По обтертой и изшлепанной кирпичной лѣстницѣ поднялись они наверхъ, въ консисторію: священникъ въ сотый

разъ на своемъ горемычномъ вѣку послѣ полученія когда-то своей, ставленой грамоты; мужичекъ въ первый разъ въ жизни.

Свѣжаго деревенскаго человѣка на первыхъ порахъ поразило въ передней непонятное дѣло. Нѣсколько немытыхъ и небритыхъ ребятъ суетились около чего-то, которое то показывало между ними свою голову и плечи, то скрывалось изъ глазъ. Суетня кончилась восторгомъ ребятъ и появленіемъ въ рукѣ однаго изъ нихъ синяго платка и въ немъ пирога, изъ котораго сыпалась грешневая каша. Ребята быстро, съ волчьей жадностью, разорвали на части пирогъ; синій платокъ исчезъ въ карманѣ однаго изъ нихъ. Нѣчто оказалось священникомъ, либо дьякономъ, быстро бросившимся изъ передней на лѣстницу и на улицу безъ палки и шапки: консисторскіе поспѣшили отобрать все, что могли. Недаромъ про присутствія эти такая слава.

Невольно передернулись плечи зрителя при видѣ всего этаго и заботливо сложились черты на лицѣ, какъ бы въ чаяніи подвергнуться тому же испытанію и при готовности перенести его, если только за однимъ этимъ стоитъ дѣло. Ребята, однако, повидимому удовлетворились. Разорвавши и сглотавши пирогъ, разбрелись они въ разныя стороны.

Секретарь новопребылого священника велѣлъ позвать къ себѣ прямо. Вызвалъ онъ и его товарища, далъ ему наставленіе съ указаніемъ на то, что вручаемая книга—большая святыня; посовѣтывалъ завернуть ее въ чистый лоскутъ и спрятать за пазуху; свелъ его въ присутствіе, выпросилъ ему благословеніе у присутствовавшихъ членовъ, и отпустилъ вмѣстѣ съ батюшкой. Въ прихожей ринулся и на нихъ одинъ молодецъ прямо грудью, но предварительно спросилъ о томъ, зачѣмъ приходили и о чемъ просили. Получивъ отвѣтъ и увидѣвъ сборную книгу, махнулъ рукой и отмахнулъ ею же другаго товарища, выглянувшаго изъ-за дверей отекшимъ лицомъ съ тупымъ, но сластолюбивымъ взглядомъ.

Батюшка сказывалъ потомъ, что секретарю онъ, сверхъ деревенскихъ запасовъ, далъ немножко денегъ, объяснивъ при этомъ, что безъ подмазки-де и колесо скрипитъ и плохо вертится, пожалуй, того и гляди загорится. На постояломъ дворѣ, гдѣ они ничего не потребили, а извощики сытно и много ѣли,—товарищи распрощались. Свя-

щенникъ не только крѣпко и широко благословилъ своего спутника, но крѣпко и горячо поцѣловалъ его—и даже прослезился.

Книжка выдана была на годъ и на разныя губерніи, даже на обѣ столицы: не даромъ батюшка похвастался своимъ приношеніемъ и говорилъ о несмазанныхъ колесахъ.

Неловко было на первыхъ порахъ въ новой роли: какъ въ ней и ноги переставлять, и куда идти?—словно бы хомутъ какой на шею надѣли. Но эти впечатлѣнія только на первыхъ порахъ—по пословицѣ: первую пѣсенку, зардѣвшись, спѣть. Онъ и спѣлъ ее, лишь только очутился на первомъ базарѣ, спѣлъ, подражая тѣмъ прошакамъ-сборщикамъ, которыхъ гдѣ-то прежде видалъ и когда-то слыхалъ. «Порадѣйте провославные» спѣлось въ первый разъ такъ ладно, что самому стало любо; и пригнуска откуда взялась и вышло совсѣмъ на подобіе того, какъ коростель-птица въ ржи кричитъ. А главное: выкрикъ останавливалъ кое-кого изъ прохожихъ и не звучалъ на базарѣ напрасно: давали деньги, давали яица; чайку дали. Такъ говорилъ и совѣтовалъ батюшка: съѣстное дадутъ тебѣ на потребу твою; памятуй то, что два васъ ходятъ: одинъ живой человѣкъ, которому ѣсть хочется, другой и все ты же: это который на церковь Божью сбираетъ. Такъ и люди разумѣютъ; иной, пожалуй, и самъ про то скажетъ.

Встрѣчи съ людьми подобнаго же занятія, встрѣчи, неизбѣжныя при первомъ выходѣ въ бойкія торговыя мѣста и въ людныя селенія несомнѣнно отмѣтятъ дорогу, выучатъ распознавать колеи и рытвины и отыскивать прямыя и нахоженыя тропы. Зависти, тайныхъ недоброжелательствъ, подвоховъ и подкоповъ между подобнаго рода конкурентами не бываетъ; монахини ходятъ даже по трое—по четверо вмѣстѣ. Бываетъ лишь то, что монахи смотрятъ на простыхъ сборщиковъ свысока и стараются не смѣшиваться съ ними въ толпѣ; а во всемъ прочемъ у всѣхъ одна участь, однѣ испытанія и широкая торная дорога во всѣ стороны. Иди впередъ, иди сколько понесутъ ноги: тамъ впереди—добро. Но его пока еще видно.

IV

Темныя свинцовыя тучи нависли на небѣ и сыпался изъ нихъ тотъ неустанный, настойчивый дождь, который бываетъ только осенью, когда дорожный человѣкъ, обиженный имъ до послѣдней нитки и раздраженный до отчаянія, не расчитываетъ уже на то, что вотъ тучи перемежатся и если не солнышко, то вѣтеръ посушитъ намокшее платье, а думаетъ объ томъ, какъ бы добраться до перваго жилья и не у солнышка, а у родной матери—горячей печки просить помощи и защиты. И всегда въ такихъ случаяхъ, на пущую бѣду, вздумается это гораздо раньше, чѣмъ предстоитъ къ тому возможность, и затѣмъ минуты удлиняются въ часы и одна верста кажется несравненно больше цѣлаго десятка ихъ.

Каково чувствуется и думается нашему путнику, идущему пѣшкомъ въ то время, когда и обогнавшая его тройка съ почтой едва выдирала ноги изъ расплывшейся грязи, встряхивая по временамъ колокольчикомъ? Налипшая глинистая грязь на лаптишки набрала въ попутномъ лѣсу осыпавшейся листвы и еще крѣпче обезсилила ноги, когда пришлось имъ выбираться съ полевой тропы на худой чрезъ оврагъ мостъ, также залитый грязью и пригодный лишь къ тому, чтобы околотить и очистить о перила его отяжелѣвшія ноги. Да и съ очищенными ногами не лучше, на свѣжей глинѣ, которая лоснится по тропѣ, какъ зеркало, ноги скользятъ и разъѣзжаются врозь, а въ спинѣ и плечахъ жгучая боль усиливаетъ прежнюю, уже раньше нахоженную истому. Вотъ и деревушка меледится, низенькая и черная, словно приниженная къ землѣ тяжестью вылившагося воздушнаго моря: —рукой бы до деревни подать, а дойди-ка! Вотъ налилась такая лужа, что обходить надо. На обходѣ бѣшеной ручеекъ вырвался изъ нея и покатилъ во всю шаловливую мочь, кажется, безъ конца; перепрыгнуть его не беретъ сила: ноги давно какъ свинцомъ налиты, а на той сторонѣ залысилась колдобинка—поймаешь на ней леща, и реберъ не сосчитаешь.

— Охъ, донеси Господи! Только бы какъ на задворье попасть: вонъ и бани знать.

Собаки не лаютъ, и бродячей коровы не видать: всѣ въ затулѣ. Одинъ странный человѣкъ — въ беззащитной обидѣ отъ осенней распутицы и ненастья.

— По деревнѣ грязь еще вдвое гуще и невылазнѣе.

— Пустите, Христа ради, погрѣться.

Назяблый голосъ дрожитъ изъ простуженнаго горла и сиплымъ звукомъ врывается въ первую избу на околицѣ.

— Войди, добрый человѣкъ! тепла намъ про тебя не жаль. Обсушись, обогрѣйся.

— Видно велика твоя неволя,—нако-сь! есть ли на тебѣ сухая нитка?

— Ты, дѣдушка, не мочи тутъ: дождя намъ въ избу не надо, а клади все свое на печь.

Сильно натопленная печь пышетъ такимъ жаромъ, что и вдали отъ нея чуется стариковымъ костямъ та отрадная теплынь, о которой за часъ тому и мечтать не смѣлъ нашъ странникъ, а теперь для него въ ней единственное спасеніе и угрѣва.

Старикъ потянулся, поохалъ, лаптишки распустилъ и словъ нѣтъ, кромѣ одного: «спаси васъ Богъ».

— Съ поштой сельской что ли?

— Нѣтъ, родимые люди, со своей, съ нуждой.

— Велика нужда надо быть!

— Своя нужда небольшая. Велика нужда церковная: такъ бы надо говорить вамъ.

— Сбираешь? Со сборной—значитъ—памятью?

— Не сбиралъ еще; только вышелъ.

— Нашъ приходъ ты хоть и не пытай! Вовсе въ нуждѣ живемъ, въ такой нуждѣ, какъ вотъ и ты же теперь весь въ водѣ сидишь. Что господа изъ Питера сошлютъ, тѣмъ и церковь наша жива. Попъ лошадьми торгуетъ, дьяконъ съ грядъ капусту продаетъ: и возами и сотнями—какъ кому; пчелъ водитъ, медкомъ поторговываетъ Дьячьки.... чемъ они живы и само-то Веденье наше сказать не сможетъ. И дѣтвы у нихъ на ту бѣду—и, Господи! Сенька-пономарь сталъ уже

бабамъ гадать на псалтирѣ. Какъ-то ее на ножницахъ прилаживаетъ, разопретъ ножницы и повѣситъ и качаетъ ее, псалтирь-то. А вскоетъ да прочитаетъ по псалтирѣ-то, ладно у него выходитъ. И предсказываетъ. Бабы ему, которая яицъ, которая брусники. . . . .

— Есть у насъ, неподалечку Спасъ-уголъ, село. Спасъ-отъ батюшка у нихъ на соснѣ проявился. Много народу приходитъ болящаго. Цѣленіе подаетъ. Прежде чудеса дѣлалъ; по деревнямъ икону носятъ и въ нашемъ селѣ гоститъ когда. Въ селѣ томъ попамъ хорошо. Попадья намнясь проѣхала—словно барыня, и шляпку городскую на голову надѣла. Всѣ вотъ Спасы-то прошли—хорошо бы тебѣ у нихъ на паперти постоять! Попъ Мартынъ—мужикъ покладистый,—слова бы тебѣ не сказалъ,—пустилъ бы постоять.

Между тѣмъ на столѣ появилась большая деревянная чашка, каравай, солонка, жбанъ съ квасомъ. Никто не приказывалъ, сама хозяйка молча слезла съ палатей, молча прошла за перегородку, отворила заслонку, нащупала ухватомъ горшокъ, вынула, налила, поставила, поклонилась и остановилась у косяка, подгорюнившись.

— Садись-ка добрый человѣкъ, отвѣдай. Не ждали гостя—не наслись, а что есть.

— Берешь ли точивомъ-то? У меня холста новины кусочекъ остался: прими, Христа ради.

— Отопри-ка сундукъ: вынь пятакъ, что сдачи на базарѣ дали. Отдай, баба, съ новиной твоей вмѣстѣ.

— Яичекъ на дорожку-то захвати. Дай-кось сюда кису-то твою: я тебѣ хлѣбушка положу въ нее.

— Молочка бы ему принесла: не хочешь ли? Яишенку ему состряпайте.

Затрещало сухое полено—лучину щеплютъ, затрещала лучинка—сковородка нагрѣвается, налили масла, завизжало оно отчаяннымъ визгомъ — яица вылили. Стала яичница-верещага, глазунья, исправница тожъ, мать-покровительница странниковъ, на всякомъ мѣстѣ и во всякое время. Придумалъ ее народъ, спознавшій нужду переселеній и странствованій, и за великую ея и неоцѣнимую службу, въ качествѣ спораго и дешоваго кушанья, никогда и никому предложить ее не скупится: не купленная снѣдь, курочка напиталась, ходя

кое-гдѣ по задворьямъ, на божьемъ продовольствіи и нанесла этихъ яичекъ съ охотой и даромъ.

— Вотъ, батюшка—странничекъ, покушай горяченькаго, да сказывай, что видѣлъ, что слышалъ. Больно мы странныхъ захожихъ людей любимъ: живемъ въ лѣсу, молимся пню.

— Сказываетъ про чудеса Божьи бывалый человѣкъ, въ головѣ словно что зашевелится; на сердцѣ слащѣ меду станетъ. Помоги тебѣ, Господи, съ нашей легкой руки!

— Назадъ пойдешь, сдѣлай божескую милость, яви свою любовь: не обходи двора нашего.

— Мы тебѣ за то, чемъ прикажешъ.

Обогрѣлся странникъ, и повеселѣлъ не столько отъ теплой избы, жаркой печи и вкусной яичницы, сколько отъ ласковыхъ словъ, отъ перваго спопутнаго привѣта.

— И въ самомъ дѣлѣ затѣялъ ты, должно быть, хорошее дѣло, когда тебя всѣ ласкаютъ, а бабы даже завидуютъ тебѣ. Первый встрѣчный лаской встрѣтилъ — земская въ томъ помощь неопытному новику. Какъ вышелъ, такъ и «Богъ на помочь»! теперь и путь-дорога словно укатанная и несмѣлыя ноги точно смазаны, ходчѣе пойдутъ на неизвѣстное дѣло.

Думалъ прямо на волчье стадо попасть, а вышелъ прямо-таки на свѣтъ Божій, на міръ — народъ православный. Починъ былъ страшенъ, а вотъ онъ какимъ задался. Про худую дорогу и про ненастье думать привычному трудовому деревенскому человѣку въ голову не приходитъ. Лихихъ людей велитъ опасаться житейскій опытъ, а они передъ тобою и двери настежъ. Теперь съ легкимъ сердцемъ и въ мокрыхъ лаптяхъ можно путь править.

Опять дорога. Опять несмолкаемый, докучный дождь, бѣдовыя тропы, лихія бѣды. И отъ собакъ на отмахаешься, и волчьяго воя послушаешь, и лихой человѣкъ надсмѣется.

— Монашеское ты дѣло выдумалъ, на поляхъ-то у тебя въ деревнѣ не сами ли пироги-то ростутъ? Эдакіе-то ходили; исправникъ изымалъ, всѣхъ въ острогъ посадилъ.

— Давѣдь то греки—сказывали (заступится болѣзный человѣкъ).

На брань озорнаго человѣка отвѣта нѣтъ. Одинъ отвѣтъ, какъ

училъ батюшка, какъ сказываютъ въ церкви по Евангелію, — молчаніе съ кроткимъ терпѣніемъ въ сердцѣ и безъ упрековъ на поносителя. Не учить вышелъ, а какъ бы сторонкой. бочкомъ, успѣха ради, пройти мимо этихъ строгихъ учителей. Иной сердце срываетъ отъ своихъ напастей домашнихъ; другой подсмѣивается отъ веселаго нрава на бездѣльяхъ: «всѣмъ на здоровье!» Велика хитрость на первыхъ порахъ воздержаться, а потомъ само собою дѣло скажетъ, что смиренному и приниженному просителю крѣпче вѣрятъ, и больше даютъ. Сегодня перетерпѣлъ, завтра не отгрызался,—день за день и угомонилось кипучее сердце. Отмалчиваніе въ привычку вошло, а привычка все переноситъ: такъ и сказано.

Другимъ вздумается кстати при встрѣчѣ съ прошакомъ, поразсказать другъ другу про худыя дѣла сборщиковъ, про утайку денегъ, про плутни, какими они выдумали обходить шнуровую книгу, и т. под. дурному человѣку, но малоопытному можно и урокъ взять, кое-чему выучиться,—благочестивый прошакъ нашъ, хотя понялъ, что этотъ разговоръ затѣянъ на его счетъ и намѣченъ ему прямо въ глазъ,—погнушался въ сердцѣ худымъ дѣломъ и еще крѣпче утвердился въ необходимости въ чистотѣ и правдѣ довести до конца свой подвигъ и съ крѣпостію выдержать всѣ испытанія.

— Сами болѣе яицами собираемъ, да разуменъ староста; измыслилъ продавать ихъ послѣ литургіи, въ церковномъ притворѣ,—нѣтъ тебѣ у насъ мѣста!—говорилъ священникъ спопутнаго села, у котораго прошакъ попросилъ позволенія постоять у выходныхъ дверей.

— Я бы, батюшка, только ту крупицу взялъ, которая отъ старостиныхъ сборовъ осталася.

— И крупица та подлежитъ алтарю. Если принесъ деньги въ церковь—обѣтныя тѣ деньги. Не положилъ—значитъ, въ мечтаніяхъ суетныхъ мысли погружены были, не замѣтилъ просящаго и забылъ положить. Въ другой разъ принесетъ. Не пред-уготовано тебѣ мѣста въ храмѣ нашемъ, не торжище. Что Господь сотворилъ съ таковыми во храмѣ Іерусалимскомъ?

— Ну, спаси тебя Богъ! Прости великодушно, я такъ попыталъ. Шолъ мимо, звонъ къ утрени слышу, попытаюсь-молъ. Прости меня, грѣшнаго: разсердилъ я тебя глупымъ спросомъ передъ обѣдней-то.

Отмолился прошакъ за урядъ со всѣми; ни блюдечка, ни книжки не вынималъ изъ-за пазухи. Послѣ обѣдни, чтобы въ конецъ очистить совѣсть, однимъ изъ первыхъ подошелъ онъ подъ благословеніе сердитаго священника и опять попросилъ не памятовать огорченія и отпустить его съ миромъ.

Съ тѣмъ разошлись, и разстались оба.

— Миръ ти, старче. На благое дѣло я скорый помощникъ. Не оставайся праздень въ храмѣ нашемъ, возьми отъ изволящаго на нужду вашего храма. Ступай за нашимъ старостой, когда пойдетъ онъ за сборомъ. У насъ тутъ за нимъ вдова-дьяконица главу Іоанна Предтечи на блюдѣ для сбора носитъ,—ступай за ней и собери данія, говорилъ прошаку второй священникъ въ другомъ мѣстѣ.

— Не мнѣ устранять (продолжалъ онъ), чтобы ты во зло не употребилъ религіозный обѣтъ и пожертвованія христіанъ. Совѣсть, твоя предъ лицемъ Всевидящаго ока, да благословитъ тебя Оно.

Прошакъ приформился: туго, середь груди, опоясался запаснымъ новенькимъ кушакомъ; надѣлъ кожаные личные сапоги; книжку сборную обернулъ лоскуткомъ тафтички съ нашитымъ мишурнымъ крестомъ. Лысая голова его во время обѣдни, когда прошуркала припущенная сверху лампадка передъ царскія двери, передъ пѣніемъ «Причастна», безпрестанно кланялась, словно плавала среди головъ, смазанныхъ до лоску топленымъ масломъ и наполнявшихъ церковь до послѣдняго нельзя. Новому человѣку охотно подавали, не разбирая того: на колоколъ ли онъ проситъ, на неугасимую-ли лампаду, на построеніе ли новаго храма или починку стараго; а можетъ быть гдѣ-нибудь проявилися новыя мощи, такъ на раку, либо на покрывало.

Не обходилъ прошакъ по пути и монастырей, которые нѣтъ-нѣтъ да и выбѣлѣютъ въ лѣсу на богатомъ привольѣ, при всякихъ угодьяхъ, въ сторонѣ отъ большого тракта, но на своемъ хорошо проторенномъ и всему краю извѣстномъ. Въ монастыряхъ настоятели на благословенія не скупятся, памятуя, что нѣтъ изъ нихъ ни одного, изъ котораго бы не вышло на св. Русь монаха съ послушаніемъ «сборной памяти».

Попадая на праздники, обставляемые всегда большими сходами и

съѣздами народа, прошакъ становился въ цѣломъ ряду другихъ, ему подобныхъ. Успѣвалъ онъ собирать и на большихъ, длинныхъ и широкихъ монастырскихъ, крытыхъ и росписныхъ переходахъ, и у часовенъ, выстроенныхъ у св. колодцевъ или на мѣстахъ, прославленныхъ мѣстнымъ угодникомъ: здѣсь «онъ лапотки плелъ и продавалъ прохожимъ и тѣмъ удовлялся», тутъ «благословенную имъ просфору прохожій человѣкъ уронилъ, собака хотѣла ѣсть, но огонь, изшедшій изъ просфоры, опалилъ собаку»; въ третьемъ мѣстѣ угодникъ утомился до кроваваго поту отъ сердечной молитвы и явилась ему Матерь Божія съ Апостолами. Послѣ церковныхъ службъ толпы богомольцевъ обязательно посѣщаютъ эти мѣста: въ колодцахъ пьютъ воду, въ другихъ купаются, умиляются духомъ и съ умягченнымъ сердцемъ щедры на милость, подаютъ не только на подставленныя блюдечки, но бросаютъ деньги на дно самыхъ источниковъ. Въ непраздничные дни въ монастыряхъ извѣстныхъ и уважаемыхъ всегда находятся молельщики и всегда съ подаяніемъ. Нѣтъ лучше монастырей на эти доброхотныя дачи въ виду того, что пріѣзжаетъ людъ разночинный, преимущественно купечество, а не одна только заплатанная сермяга, сама живущая на мѣдныя деньги. Къ тому-же, монастыри съумѣли съ древнѣйшихъ временъ обзавестись большими ярмарками, изъ которыхъ, какъ извѣстно, самыя богатыя не имѣютъ иного происхожденія, кромѣ подобнаго схода на молитву къ св. мѣсту, а потомъ, кстати, и для обмѣна залишковъ на недостающее и крѣпко-нужное (всѣ эти Коренныя, Макарьевскія-нижегородскія, Крестовскія, Ильинскія, и т. под. ярмарки).

На ярмаркѣ хорошо прошакамъ по рядамъ, по трактирамъ ходить; тутъ купецъ подаетъ по волѣ и по неволѣ: либо отъ барыша, либо на барышъ.

— Прими Христа-ради! (говоритъ въ слухъ) можетъ копѣйка-то эта взыграетъ рублемъ! (думаетъ про себя) и въ началѣ ярмарки не рѣшается отвѣчать прошакамъ сухимъ поклономъ, и не говоритъ: «не прогнѣвайся!»

Ярмарками сборщики подаяній на церкви заручаются всего вѣрнѣе и щедрѣе; тутъ даже и науки никакой не надо, и снаровки не требуется.

— Прими Христа-ради!

По ярмаркамъ прошаки гудятъ, какъ шмели, наладивъ напѣвъ въ октаву, и толкаясь въ одно время въ различныхъ мѣстахъ безъ разбору: и тамъ, гдѣ пробуютъ лошадей, среди плутовъ-барышниковъ, вооруженныхъ кнутами—на конной; и тамъ, гдѣ туземная мѣщанская голь приладила обжорный рядъ и кормитъ ярмарочныхъ гостей варенымъ горохомъ, варенымъ судакомъ, изъ жесткаго полѣна превращеннымъ въ нѣчто податливое на зубы и съѣдомое, и поитъ можжевеловымъ квасомъ.

Не ходятъ прошаки лишь въ тѣ мѣста, гдѣ засѣла нищая братія надъ своими тарелочками. За тѣмъ ничѣмъ уже не стѣсняются: и въ красныхъ рядахъ ходятъ, и въ людныхъ притонахъ кланяются, и купцу бородатому, и барину усатому. На ярмаркахъ самыя просьбы ихъ высказываются рѣще и грубѣе, самые поклоны короче, пѣніе посмѣлѣе—точно они тутъ главные хозяева.

Въ самомъ дѣлѣ, невозможно вообразить себѣ ни ярмарки, ни торга, ни даже базара, гдѣ бы не было этихъ лысыхъ и смиренныхъ стариковъ.

Въ лѣтнее время, въ жаркіе дни лысымъ головамъ прошаковъ большія испытанія:

— Голова болитъ, какъ свинцомъ налитая.

Впрочемъ, въ эти времена прошакъ около селъ и лѣсныхъ монастырей не держится, а старается выбрести въ ближній большой городъ, изъ котораго хотя и выбирается жертвователь вонъ, за городъ, но народу живетъ все еще такъ много, что подставлять лысую голову подъ солнечный припекъ не безвыгодно.

— Вотъ подвезу!—кричитъ лихой почтовой ямщикъ съ обратной тройкой.—Привезу я тебя въ такое-то мѣсто, гдѣ всего тебя золотомъ обсыплютъ.

Привезъ баловень-шутникъ на почтовую станцію, одиноко поставленную середь поля или на проталинѣ въ глухомъ лѣсу, нарочно для нея вырубленной,—именно потому что отъ предъидущей станціи до нея двадцать съ небольшимъ верстъ, а не тридцать.

— Присядь, дѣдушка, на телѣгу-то, предлагаетъ дальше по пути проѣзжій мужичекъ, свалившій кладь въ указанномъ ему мѣстѣ, и

ѣдущій назадъ порожнемъ.—Мнѣ очень по душѣ, какъ экаго человѣка довести приводится: садись!

Присядетъ онъ и самъ въ ту же пустую телѣгу, и съ простодушіемъ, съ откровенностію и готовностію съумѣетъ подсказать, гдѣ по сосѣдству можно на сборъ надѣяться, гдѣ базаръ, гдѣ ярмарочка, гдѣ чудотворная икона, гдѣ новый колоколъ подымаютъ и народъ соберется туда непремѣнно во множествѣ; и на богатыхъ и тароватыхъ купцовъ укажетъ охотно.

Прошакамъ въ дорогахъ не теряться стать, на пути надежныхъ сборовъ не мудрено попадать и на выбитыхъ колеями и ямами торговыхъ площадкахъ они не споткнутся: здѣсь ихъ сила еще не находила соперниковъ и противниковъ.

Если человѣкъ изъ дальнихъ трущобныхъ странъ вышелъ пѣшкомъ, шелъ впроголодь и ко мнѣ пришелъ,—значитъ, велика его нужда, и я ему нуженъ, для меня онъ пришелъ. Надо разомъ два дѣла дѣлать: и ему помогать, и спасать свою грѣшную душу. Дареные гроши на построеніе храмовъ Господнихъ хоть и такіе же коротенькіе, какъ всякій базарный грошъ, да тѣмъ они хороши, что горячи очень и сильны: эти жертвы на церковь окупаютъ и замаливаютъ самые большіе и тяжкіе грѣхи, какіе содѣялъ, и за которые и попова молитва, и твое собственное покаяніе не всегда сильны и дѣйствительны. Чѣмъ больше и чаще даешь на церковь, тѣмъ больше и вѣрнѣе смертныхъ грѣховъ откупаешь: такъ думаютъ вѣрующіе люди.

Богатые изъ нихъ, по такимъ дѣламъ, совершаютъ изумительные подвиги; строятъ не только обширныя церкви, но и цѣлые новые монастыри.

— Дашь одному, не откажешь другому: сколько за тебя молельщиковъ-то въ разныя стороны по православному міру разойдется?

— Чѣмъ тяжеле у купца лежитъ грѣхъ на совѣсти за обиду мужичью (замѣчаетъ народъ), тѣмъ онъ звончѣе льетъ колокола, тѣмъ выше кладетъ колокольни и шире строитъ церкви. У такихъ и на подаянія скорыя руки, и на такой конецъ выбранъ въ году день, да и не одинъ, а у хорошаго до десятка. Въ такіе дни всякій входи къ нему смѣло и принимай милостыню.

*

Принимаютъ и такіе, что изъ воротъ милостивца да прямо противу его дома, въ кабакъ. Впрочемъ, не судите, да не судимы будете.

Плечо-о-плечо, тѣсной стѣнкой въ строго вытянутую прямую линію, не толкаясь и не ссорясь, какъ нищая братія, но со смиреннымъ видомъ, эти положительно смиреннѣйшіе и смирнѣйшіе люди на всемъ лицѣ земли русской стоятъ на всѣхъ главнѣйшихъ пунктахъ народныхъ сходокъ. Скрипучіе голоса ихъ рѣзко выдѣляются монотонными звуками среди пѣвучаго рѣчитатива о двухъ Лазаряхъ слѣпой нищей братіи и время отъ времени осиливаютъ крикливый говоръ тысячеустаго базара, который любитъ говорить съ откровенностью громко и вслухъ, и очень шумливъ, потому что всегда споритъ о крѣпко-нужной и дорогой копѣйкѣ, которую стараются выторговать у него владѣющіе тысячами рублей. Протискиваясь между телѣгами, ныряетъ своей непокрытой головой въ волнистомъ, неустанно-колеблющемся морѣ базарныхъ головъ, прошакъ нашъ, разыскивая ту сдачную копѣйку, которую на церковь Божію никому не жаль отдать, такъ какъ она пойдетъ молить Бога за укрѣпленіе силъ трудового рабочаго люда, большею частію тогда, когда эти силы изнемогли и слѣдомъ за ними напалъ неизбѣжный страхъ безсилья. Осенью, когда загудятъ селскіе базары послѣ костоломныхъ лѣтнихъ полевыхъ работъ, обязывающихъ русскаго человѣка сдѣлать въ пять мѣсяцевъ то, что другіе, счастливѣе обезпеченные природою, народы дѣлаютъ въ двѣнадцать мѣсяцевъ,—осенью прошаки счастливѣе. Это время считается ими наиболѣе удачнымъ и урожайнымъ. Въ это время на храмы Божіи поступаетъ помощь прямо изъ народа, непосредственно изъ его трудовыхъ честныхъ рукъ.

И такъ—осенью на базарахъ, зимой по домамъ, лѣтомъ и весною въ большихъ городахъ и на столичныхъ дворахъ: вотъ немудреная программа задачи всякаго прошака,—

...И даютъ ему прохожіе.
Такъ изъ лепты трудовой
Выростаютъ храмы Божіи
По лицу земли родной—

скажемъ словами поэта.

V.

Походилъ прошакъ, повидалъ свѣту, съ людьми ознакомился. Если бы идти снова,—навѣрное теперь онъ собралъ бы больше; многихъ ошибокъ не дѣлалъ бы. Впрочемъ, надо отдохнуть, посмотрѣть, что станутъ дѣлать на собранныя имъ деньги, за которыя самъ архіерей къ себѣ приглашалъ, благодарилъ, благословилъ иконой и книжкой своего сочиненія. Есть чѣмъ и на селѣ похвастаться.

Впрочемъ, и безъ этого онъ несетъ къ своимъ на себѣ и въ себѣ много такого, вслѣдствіе чего теперь ему другая цѣна. Прежній человѣкъ вдругъ преобразился: сталъ казаться на глазахъ сосѣдей совсѣмъ другимъ. Не возобновлялись насмѣшки. Озорныхъ стали останавливать тѣ самые, которые прежде ихъ натравливали. Домашніе, привыкшіе поглядывать искоса и изъ-подъ-лобья, теперь поворотились прямымъ и открытымъ лицомъ и сдѣлались примѣтно ласковѣе.

— Ты теперь всю землю произошелъ, какъ намъ съ тобой и говорить-то?

— Сподобилъ его Богъ великое дѣло сдѣлать!—разъяснялъ недоразумѣніе священникъ.

— Святъ сталъ, блаженнымъ мужемъ сдѣлался! — поддакивалъ притчъ.

— Надо быть, теперь онъ не намъ чета.

— Надо, видно, ему шапку снимать и низко кланяться. И умудрилъ его Господь на такія слова и чудесные разсказы, что по сосѣдству у насъ такихъ и не сыщешь! — толковали вслѣдъ за другими деревенскіе сосѣди, отпустившіе ему грѣхъ безполезнаго житья въ качествѣ земледѣльца и тяглаго человѣка.

На селѣ и по деревнямъ ему почетъ пошелъ.

Почетъ увеличивался и уваженіе возрастало по мѣрѣ того, какъ вычинивалась церковь, украшалась ея внѣшность и внутренность. Съ окончаніемъ работъ, торжество прошака самое полное. Искренно

же и простодушно торжествовалъ онъ самъ, внутренно. Ему самому почувствовалось собственное обновленіе и перемѣна внѣшнихъ условій жизни прямо на лучшее.

Явилась солидность въ движеніяхъ, сдержанность и разсчитанность въ рѣчахъ. Много переговорилъ и наговорилъ онъ, много видѣлъ отъ своихъ разсказовъ: и непритворные вздохи, скорыя и легкія бабьи слезы. Этимъ онъ всѣмъ угодилъ и, заставивъ забыть прошлое, вынудилъ глядѣть на себя совсѣмъ другими глазами. Когда все улеглось въ обычную и обыденную колею, и жизнь поволоклась медленными и тяжелыми шагами отъ воскресенья до воскресенья, наступило время повѣрки самого себя.

Что оказалось?

Скучно стало дома. Приволье и разнообразіе чужихъ мѣстъ со всякими диковинками и разными неожиданностями снуютъ въ воображеніи неустанно и надоѣдливо. Первая чарка вина выпита и вина такого вкуснаго, что руки тянутся къ нему опять и неудержимо. Снова-бы сходилъ, снова-бы пошатался! Ни къ чему теперь и, въ самомъ дѣлѣ, нероденъ сталъ, кромѣ этого хорошо и доточно охоженнаго и понятаго до подноготной дѣла.

— Но какъ и куда пойти?

Надъ этимъ не заставятъ задумываться тѣ, которые видѣли результаты трудовъ и хлопотъ. Починки церквей всегда и вездѣ найдутся. Слухомъ земля полнится. До прославленнаго человѣка не мудрено дойти; хваленаго всѣ укажутъ.

— Не возьмешься-ли?...

— Съ полнымъ моимъ удовольствіемъ, радостно и охотно.

Опять путь-дорога, и опять все сначала, какъ безконечная сказка про бѣлаго быка.

Разъ попавшійся на эту зарубку не соскакиваетъ и очень часто всю жизнь свою изнашиваетъ на подобныхъ странствіяхъ, пока не подломятся ноги и хвороба или дряхлость не уложатъ на печь прислушиваться къ чуткому звону церковнаго колокола, вылитаго его усердіемъ и безкорыстнымъ и неустаннымъ стяжаніемъ.

VI.

Кромѣ православной Руси, существуетъ еще, какъ извѣстно, Русь старовѣрская или, вѣрнѣе сказать, старообрядская, широко распространенная и несравненно многочисленная, чѣмъ обыкновенно привыкли о томъ думать. Не столько, въ сущности, старая вѣра, сколько, въ дѣйствительности, старый обрядъ въ ней держится на двухъ главнѣйшихъ основахъ: съ бѣглымъ попомъ и безъ попа.

Поповщина съ церковнымъ обрядомъ и зависящими отъ него общественными обрядами и обычаями не слишкомъ далеко отошла отъ православной обрядности, особенно въ томъ ея видѣ, въ какомъ является она въ старинныхъ и глухихъ лѣсныхъ мѣстностяхъ.

Безпоповщина, принужденная урѣзать и сократить церковную обрядность въ контрастъ прочимъ, дошла во многихъ случаяхъ до полнаго сокращенія ея и удержала за собою только тѣ обычаи, которые глубоко вкоренились въ бытъ и издавна составляли народную русскую особенность.

Въ то время, когда вліяніе прогрессивно-развивавшагося духовенства и развитіе самого народа, не стѣсненнаго строгими претензіями и ревнивыми правилами секты, измѣняло обычаи, упрощало и сокращало обряды въ средѣ православія, — старообрядство полагало все свое спасеніе въ томъ, чтобы удержать завѣщанное предками и пережитое вѣками. Отсюда въ жизни старообрядцевъ и ихъ вѣрованіяхъ съ вѣрнымъ и наибольшимъ успѣхомъ можно находить остатки языческихъ временъ и языческаго культа, бережно сохраненнаго уставщиками одной крови и плоти съ народомъ. Бѣглый попъ, являвшійся крадучись, изрѣдка гостемъ, на короткое время, въ полпьяна, съ главною цѣлью за совершеніе обрядовъ получить поскорѣе плату, непользовавшійся никакимъ уваженіемъ и довѣріемъ, и допускаемый съ примѣтнымъ оттѣнкомъ презрѣнія, не имѣлъ никакого вліянія на религіозную, общественную и домашнюю обрядность, и могъ лишь

вредно дѣйствовать на церковную. Въ безпоповщинѣ и это вредное вліяніе устранено: церковная обрядность ослабѣла даже до Спасова Согласія, характерно прозваннаго также Нѣтовщиной, а семейная и общественная жизнь еще больше удержалась на основахъ стараго доисторическаго народнаго быта.

Обѣ гонимыя, но первая нѣсколько успокоившаяся въ единовѣріи, обѣ принужденныя забѣгать въ глухіе лѣса и тамъ скрываться, сверхъ сплошныхъ поселеній въ ближайшемъ сосѣдствѣ, обѣ обрядныя вѣры пріобрѣли на свою голову отдаленные, разрозненные пункты. Они требовали общенія и, мало того, даже простаго заявленія о своемъ существованіи въ видѣ небольшихъ селеній въ десятокъ избъ или въ образѣ скитовъ—одинокихъ лѣсныхъ жилищъ, въ большинствѣ случаевъ, въ такихъ неблагодарныхъ сѣверныхъ мѣстахъ, гдѣ наличныя, слабыя человѣческія силы изнывали въ борьбѣ и ничего не могли сдѣлать съ гигантскими силами первобытной природы. Приходилось подавать о себѣ слухи къ богатымъ милостивцамъ, успѣвшимъ, при извѣстной трезвости и бережливости (характерныхъ особенностяхъ старообрядцевъ), нажить въ большихъ городахъ и около нихъ крупные капиталы. Приходилось давать о себѣ знать изъ непролазныхъ корельскихъ болотъ съ рѣкъ Выга и Лексы, съ Топозера, изъ Мезенскихъ тундръ, изъ скитовъ онуфріевскаго, керетскаго, игнатьевскаго, амбургскаго, съ рѣки Мягриги, изъ чернораменныхъ керженскихъ лѣсовъ, изъ лѣсовъ уральскихъ и т. д. Естественнымъ образомъ на деревянныя лѣсныя избушки съ рукописными церковными, старопечатными книгами, съ иконами, источенными тараканами, для полуголодныхъ скитниковъ и скитницъ надобился особый ходатай! Онъ-то и держалъ общеніе и, крадучись, пробирался къ благодѣтелямъ подъ видомъ такого-же прошака, смѣнившаго лишь названіе у старообрядцевъ на *запрощика*, и, конечно, безъ внѣшней формы и безъ атрибутовъ, не крикливый, но молчаливый, осторожный и искусившійся высматривать бѣду и выслѣживать ее издали верхнимъ чутьемъ и настороженымъ слухомъ.

Сборомъ людей этихъ исключительно держались всѣ эти большія сотни старообрядскихъ скитовъ и вмѣшательствомъ ихъ поддерживалось твердое стояніе старовѣрства въ своемъ дѣлѣ и упорство

его противъ всѣхъ поползновеній къ нарушенію его цѣлости и численности.

Волею и неволею запрощики одновремянно совершали два дѣла: кромѣ роли сборщика обязательно исполняли они должность проповѣдниковъ и, конечно, съ большимъ успѣхомъ, чѣмъ удавалось это дѣлать прошакамъ изъ православныхъ. Поразсказать имъ было что.

Изъ наиболѣе голодныхъ и сильнѣе ревнующихъ скитовъ выходилъ очень умѣлый и искусный запрощикъ. Выбирался не только грамотный и строго-безупречной жизни, но и важный видомъ, сановитый. Большая широкая борода по чресла и длинный усъ, въ такихъ случаяхъ, на глазахъ простодушныхъ милостивцевъ, много значили и для пущаго успѣха непремѣнно требовались. Удовлетворяли эти тѣлесныя красоты безъ особенныхъ затрудненій. Успѣвали запрощиковъ подбирать и такъ, что складная рѣчь, умѣлая находчивость, знаніе ими писанія, на медоточивыхъ устахъ обиліе священныхъ текстовъ являлись неизбѣжными принадлежностями таковаго идеальнаго ходатая и усиливали соблазнительную красоту его личности. Истовому крестному знаменію, полагаемому имъ по «началѣ», слѣдовало подражать; указаніямъ его на исправленіе службъ надлежало безспорно слѣдовать; довести до ареста такого безцѣннаго человѣка было-бы большимъ несчастіемъ для всѣхъ, твердо держащихся древлеотеческихъ преданій. Не посвященнымъ людямъ такихъ дорогихъ людей видѣть было невозможно, а слышать удавалось только исправникамъ и судьямъ въ короткихъ отвѣтахъ на казенные вопросные пункты и то въ званіи бродягъ, отлучившихся отъ мѣста жительства безъ узаконеннаго вида.

Типъ такого рода прошаковъ неуловимъ, а потому и очень мало извѣстенъ и въ народѣ, и въ литературѣ, а тѣмъ не менѣе, слѣды его дѣятельности громадны по сравненію совершенно одинакихъ обрядовъ выгорѣцкихъ скитовъ съ уральскими, архангельскихъ съ керженскими и казачьихъ съ сибирскими. Со временъ знаменитаго запрощика, инока Корнилія, ходившаго по скитамъ и богатымъ городамъ за сборомъ еще во времена патріарха Никона, такихъ людей прошло въ старообрядствѣ тысячи, и на этихъ тысячахъ крѣпилось

и зиждилось все это громадное и многознаменательное явленіе русской народной жизни — расколъ.

За это долгое время могли измѣняться физіономіи людей и самые люди, но едва-ли измѣнились пріемы и способы веденія дѣла. Какъ инокъ Корнилій, какъ Аввакумъ-протопопъ и братья Денисовы могли въ старинныя времена разсказывать о жестокостяхъ Никоніанъ и о стойкости мучениковъ, творившей чудеса, достойныя удивленія и благоговѣнія, такъ и современные запрощики могли поразсказать многое, не слишкомъ отдалившееся отъ старины, безъ реторическихъ рутинныхъ приправъ, а со всею голою истиною и при возможности указывать и опираться на живыхъ и очевидныхъ свидѣтелей.

Разсказы этого рода на успѣхъ сборовъ, конечно, имѣли самое существенное вліяніе.

Керженскій, напримѣръ, запрощикъ могъ разсказать:

— Жилъ въ лѣсахъ старецъ. Жилъ — укрывался. Видѣли его только тѣ, которые приходили изъ дальнихъ мѣстъ за благословеніемъ и наставленіемъ. Жалѣлъ онъ ихъ и допускалъ къ себѣ. Дорога къ кельѣ извѣстна была только немногимъ. Прознала полиція. Заподозрила въ старцѣ денежнаго монетчика. Собрали понятыхъ, оцѣпили землянку. Сбѣжалось народу великое множество: съ лѣсныхъ промысловъ, съ гонокъ смолы и дегтю. Ждали отчаяннаго сопротивленія: шли осторожно, оглядываясь. Впереди шелъ проводникъ, припалъ къ землянкѣ ухомъ и гнусливымъ голосомъ запѣлъ въ трубу: «за молитвъ отецъ нашихъ, Господи Исусе Христе, Сыне Божій помилуй насъ.» Сказалъ старецъ «аминь» — значитъ дома. Проводникъ спустился въ землянку. Сталъ звать начальство: смирный-де старецъ, какъ голубокъ.

Нѣтъ, лучше пусть самъ старецъ выйдетъ.

Старецъ не пошелъ: велѣли вязать и тащить. Оказалось излишнимъ: проводникъ вынулъ его, какъ перушко, и положилъ на камень. Дряхлый старикъ и сидѣть не могъ.

На допросѣ отвѣтилъ охотно, что онъ — бѣглый дворовый человѣкъ, что спасается въ кельѣ 70 лѣтъ.

Были товарищи, да всѣ перемерли. Другіе разошлись: 30 лѣтъ

живетъ совсѣмъ одинъ, питается ягодами, да грибами. Набожные люди приносятъ изрѣдка мучки—колобки печетъ.

Пошли чиновники въ землянку за вещественными доказательствами.

Вотъ и доказательства: стоитъ почернѣлая осиновая колода — гробъ: это-де постель. У образовъ священныя книги: это—духовная пища и душевное утѣшеніе. Вотъ и тѣлесная пища: въ кадушкѣ съ полпуда муки; на деревянномъ крючкѣ связка сушоныхъ грибовъ. Еще на нарахъ кочадыкъ и лыко, да заплетенные лапти, — вотъ и вся монетная фабрика.

Чиновники осматривали. Старецъ изловчился усѣсться на каминѣ, перебиралъ лѣствицу, читалъ молитву и старческимъ видомъ своимъ возбудилъ въ зрителяхъ почтеніе и благоговѣніе.

На вопросъ его: оставятъ-ли его умереть подъ этими деревьями вмѣстѣ съ нимъ состарѣвшимся? — отвѣчали тѣмъ, что начали ломами щупать землю въ стѣнахъ и на полу, велѣли вынести гробъ поставить его на обрушенный потолокъ и зажечь этотъ гробъ и землянку.

Не скоро двинулись понятые исполнять приказаніе. Въ толпѣ любопытныхъ послышался громкій ропотъ, и когда пыхнула землянка— полились слезы у свидѣтелей. Когда-же пронесся между ними шопотъ: «гробъ-отъ занимается», — старецъ вышелъ изъ забытья, очнулся, всталъ, оправился, твердыми шагами подошелъ къ землянкѣ и началъ спускаться внизъ, говоря: «въ гробѣ семъ испущу духъ мой!»

Опаленаго и дымящагося его оттащили и посадили на камень.

Онъ палъ на колѣни, шопотомъ читалъ молитвы и, наконецъ, припалъ къ сырой землѣ.

Когда залили головѣшки и обратились къ старцу, онъ оказался мертвымъ.

Никакая брань и угрозы чиновниковъ не могли остановить бросившійся къ трупу народъ, набожно цаловавшій усопшаго и отрывавшій лоскутки одежды его себѣ на память, какъ святыню.

Такихъ разсказовъ много могли разносить даже въ недавнія времена съ рѣки Керженца и въ особенности съ злополучныхъ рѣкъ

Выга и Лексы эти живые свидѣтели и дѣйствующіе еще рачители староотеческихъ преданій, осторожные и краснорѣчивые запрощики. Да въ этомъ, само собою разумѣется, и заключается основная сила ихъ дѣла и успѣха. Для этихъ путешественниковъ пути хотя и были длинны, но дороги узки и скользки. Хотя они не спотыкались на нихъ, но попадали въ сѣти, разставленныя неискусной, но крѣпкой рукой.

Вмѣсто добровольныхъ путей, для такихъ прошаковъ указывались потомъ пути подневольные, казенные и притомъ совсѣмъ въ другую сторону, гдѣ уже приводилось весь остатокъ жизни сбирать только на себя.

На Сибири кончались ихъ странствія. Въ глухихъ ссыльныхъ мѣстахъ умолкалъ ихъ голосъ.

II.

КУБРАКИ

и

ЛАБОРИ.[1]

У Голенкиной рощи
Проявилися мощи:
Дайте на покрывало!

Бѣлорусское присловіе.

I.

Странствуя по невеселымъ захолустьямъ Могилевской губерніи, ѣхалъ я изъ города «Горки» замѣчательнаго только тѣмъ, что въ немъ нѣкогда существовалъ земледѣльческій институтъ, превратившійся въ очень скромную земледѣльческую школу, и въ самомъ дѣлѣ имѣются двѣ—три горки.

Некрупными впечатлѣніями надѣлилъ меня городокъ этотъ; безъ особыхъ пріятныхъ воспоминаній остался онъ теперь назади, заслоненный густымъ лѣсомъ. Съ трудомъ пробивается узенькое полотно дороги посреди непролазныхъ трущобъ этого бѣлорусскаго лѣса, вѣками выроставшаго на сочной почвѣ безъ всякихъ помѣхъ, и выходитъ въ поле, закиданное камнями, подъ защитой которыхъ ютится тщедушная рожь.

Затѣмъ опять лѣсъ и опять—не всегда лугъ и поле, а вѣрнѣе болото, которыми,—какъ извѣстно, и въ самомъ дѣлѣ несомнѣнно,—съ сокрушительнымъ избыткомъ засыпана эта мокрая, лѣсистая страна—Бѣлоруссія.

На встрѣчу намъ, въ одномъ мѣстѣ, вышло такое болото версты на четыре поперекъ, верстъ на 10 въ длину, съ непріятнымъ кислымъ запахомъ. Это не бàгна (топь), не багниво или нàжма (топкое мѣсто), не нàсна (болотная росль, болотный лѣсокъ) или нѝмяреча (заваленное валежникомъ мокрое мѣсто), а подлинное болотò, какъ мы привыкли понимать его въ Россіи съ одной лишь разницею въ произношеніи, болото не только съ дря́гвами—вѣчно дрожащими топкими мѣстами,—трясовинами и нѣ́трами—совсѣмъ непроходимы-

ми мѣстами,—но и съ тва̀нями, иловатыми топями, глубиною иногда до трехъ аршинъ, на которыхъ уже ничего не растетъ, и изъ которыхъ продолжаютъ сочиться подземные ключи. Тамъ и аржи́—мѣста съ накипѣвшею ржавчиною болотныхъ рудъ и желѣзной окиси и мша̀ры—мѣста, поросшія мохомъ и кочками, и крутѣ́и—водовороты и иная болотная благодать и разновидность, на названіе которыхъ бѣлорусское нарѣчіе на столько же, по закону не обходимости, богато на сколько богаты, напримѣръ, названія водоизмѣненій приморскихъ, береговъ на сѣверѣ, лѣсистыхъ мѣстностей въ срединѣ Россіи, разновидностей горъ, долинъ и уступовъ на востокѣ Россіи и въ Сибири, и т. п.

Мѣстами спопутное намъ болото успѣло просохнуть и превратиться въ луговины, на которыхъ поставлены стога съ сѣномъ и ростетъ ситникъ (трава похожая на мелкій тростникъ) — охотно употребляемый бѣлоруссами на постели. На лугахъ маленькіе ростомъ бѣлоруссы—мужики и малые ребята—убираютъ сѣно: мечутъ не въ стога, а въ копенки; большіе ворочаютъ, мальчики возятъ домой. Подпоясавши рубашку веревочкой и обвязавъ голову полотенцемъ, жнутъ рожь бабы, еще болѣе маленькія ростомъ, чѣмъ мужчины.

Дорога наша кое-гдѣ идетъ гатью, но всего́ чаще по свѣже-набросаннымъ ветламъ. Вмѣсто мостовъ встрѣчаются лишь признаки таковыхъ и, вопреки правилу русскихъ почтовыхъ дорогъ, словно торжествуя побѣду, дорога взбирается на мельничную плотину, выстроенную частнымъ лицомъ про себя, вовсе не для подобныхъ неожиданныхъ цѣлей. Маленькіе мужички на маленькихъ лошадкахъ и телѣгахъ могли проторить дорогу лишь очень узенькимъ полотномъ (сравнительно съ общерусскими). Малое движеніе на немъ съ рѣдкостнымъ встрѣчнымъ обездолило дорогу еще тѣмъ, что проложило только одно узкое полотно и дѣлаются два лишь тамъ, гдѣ надобятся объѣзды. Во многихъ мѣстахъ битая дорога совсѣмъ заросла травой—и давно. Въ иныхъ мѣстахъ, среди самой дороги, выросли густые кусты,—могучая сила природы одолѣла безсильнаго человѣка. Въ отчаяніи онъ опустилъ руки, опустился самъ и запустилъ все кругомъ себя, время отъ времени просыпаясь только для мелкихъ и ничтожныхъ починокъ и поправокъ, а не для энергической коренной

перестройки, какъ бы слѣдовало. Вотъ на томъ мѣстѣ, гдѣ произошли разстани, т. е. встрѣтились двѣ дороги, по древнему русскому обычаю,—на такомъ крестцѣ выстроилась часовенка съ неизмѣннымъ рѣзнымъ распятіемъ.

На этотъ разъ, около него поставлены двѣ рѣзныя изъ досокъ фигуры, имѣющія изображать двухъ Марій: одну перегнуло вѣтромъ—и никто не поправитъ. Нарисованному распятію и признаковъ нѣтъ; дожди загноили и вѣтры зачернили всѣ фигуры до такой степени, что лучше было бы, когда бы ихъ совсѣмъ тутъ не было. Запущенность и унынiе на каждомъ шагу навязчиво бросаются въ глаза, и наводятъ сумрачныя думы, для которыхъ много простору. Бѣлорусскій ямщикъ не развлечетъ: онъ не поетъ пѣсенъ и не разговариваетъ; онъ весь углубленъ въ себя и, разбуженный настойчивыми вопросами, является плохимъ толкователемъ видѣннаго:

— Отчего трудныя работы дѣлаютъ у васъ бабы, а легкія мужики?

— Мужики къ жнитву не привычны. За бабой у насъ еще крѳсна, пряжа. Потому ей и цѣна такая малая.

— Да вѣдь она, стало быть, больше мужика работаетъ?....

— Ну, такъ вѣдь она и податей не платитъ.

Затѣмъ опять, помолчавъ очень долгое время, говоритъ бѣлоруссъ:

— Баба хороша тѣмъ, что когда мужикъ придетъ въ избу—изба теплая: баба вытопила.

Онъ замолчалъ надолго: тряхнуло насъ такъ, что онъ чуть не соскочилъ съ козелъ. Меня метало изъ стороны въ сторону еще очень долго все по той же ломаной дорогѣ, которая то брела по оврагу, то поднималась на гору и награждала тутъ и тамъ толкотней по болотистымъ накàтамъ и безтолково разбросанному фашиннику. Вотъ наконецъ и станціонный домишко, до невозможности безобразный. При этомъ онъ такъ стоитъ подъ крутой горкой, что разбѣжавшихся лошадей трудно остановить у крыльца, а шальная дорога то и дѣло заворачивается, вертится, кубаремъ бѣжитъ подъ гору. Для того, чтобы попасть на станціонное крыльцо, надо проѣхать его мимо и опять вернуться назадъ на гору.

— Вотъ и у рай пріѣхали, замѣтилъ ямщикъ, силясь острить, и добавилъ:

— Изъ пекла (совершенно справедливо) у самый рай пріѣхали.

При этомъ онъ вяло улыбнулся.

Дѣйствительно, мы пріѣхали въ селеніе Рай, названное такъ потому, что и сосѣдній фольваркъ носитъ это сильное и краснорѣчивое названіе, ничемъ собственно не оправдываемое, и усвоенное мѣстности, вѣроятно, какимъ-нибудь затѣйникомъ и шутникомъ-паномъ.

Впрочемъ, въ Могилевской губерніи есть еще одинъ Рай да три Раевки, одна Раевщина. Сейчасъ за тѣмъ Раемъ, гдѣ я мѣняю лошадей по дорогѣ—въ контрастъ—деревня Чортово, стоящая въ ущельѣ и въ мѣстности очень скучной. Но этотъ Рай—не цѣль нашей поѣздки. Цѣль еще впереди на цѣлый перегонъ.

Порѣдѣли лѣса, обѣщая скученныя селенія, и наконецъ они совсѣмъ исчезли, когда селенія чаще и чаще стали выбѣгать на встрѣчу и виднѣться во множествѣ съ обѣихъ сторонъ; сбиваются въ группы и какъ бы силятся тяготѣть къ ближнему, большому и сильному центру, который въ этихъ случаяхъ охотливо подозрѣвается.

Кое-гдѣ виднѣются рощи, большею частію сплошныя липовыя, искуственно насаженныя при усадьбахъ. Одна роща стоитъ дубовая, нарочно сбереженная и бережно охраняемая. Усадьбами или фольварками испрорѣзаны всѣ окрестности.

— Тутъ, что ни хата, то и панъ,—объясняетъ ямщикъ.

Селенія эти—околицы, нѣкогда основанныя для ополяченія края и населенныя шляхтой.

Но вотъ, не доѣзжая 12-ти верстъ, на высокой горѣ, выясняется красивый городъ, даже бѣлѣющій церквами, что̀ большая рѣдкость въ уѣздныхъ бѣлорусскихъ городахъ.

Эта цѣль нашей поѣздки—городъ Мстиславль, превратившійся на бѣлорусскомъ языкѣ въ Амциславъ (по тому же закону, какъ изъ орловскаго Мценска сталъ Амченскъ). Мстиславль — городъ почтенной древности, одно изъ первыхъ заселеній края, укрѣпленный въ тѣ времена, когда русскіе князья не придерживались еще христіанскихъ именъ, а назывались, по старой привычкѣ, народно-славянскими.

Укрѣпилъ селеніе городомъ и далъ городу имя своего сына — Мстислава смоленскій князь Романъ Ростиславичъ раньше 1180 года.

Впрочемъ, не для археологическихъ развѣдокъ и раскопокъ мы сюда пріѣхали, хотя въ бѣдной впечатлѣніями бѣлорусской странѣ стараемся взять все, что дадутъ.

Охотно идемъ на встрѣчу этихъ подачекъ. Онѣ на первыхъ шагахъ и на первыхъ порахъ во всякомъ городѣ и мѣстечкѣ всего западнаго края однѣ и тѣ же, какъ заказныя. Пройти мимо нельзя, потому что очень навязчивы, и у насъ, въ Великороссіи, вовсе неизвѣстны. Первый знакомый — еврей и первый разговоръ неизбѣжно съ нимъ, когда бы ни пріѣхали — положимъ вечеромъ, какъ случилось со мною во Мстиславлѣ.

Не успѣлъ я отыскать гвоздь, чтобы повѣсить запыленное пальто, какъ въ полуотворенную дверь классическимъ полуоборотомъ, столь всѣмъ извѣстнымъ даже по александринской сценѣ, уже протискивался еврей съ предложеніемъ.

— Послать не надо ли куда?

За нимъ другой съ новыми услугами:

— Булокъ не надо ли? (Онъ видѣлъ какъ третій еврей, факторъ постоялаго двора, самоваръ раздувалъ).

— Баранокъ не угодно ли?

Это уже третій. Для удобства мучить пріѣзжаго трудъ раздѣленъ: одинъ булочникъ съ бѣлымъ хлѣбомъ, другой, исключительно, съ одними баранками, которыя, кстати сказать, евреями, искусившимися на національныхъ прѣсныхъ хлѣбахъ, пекутся очень вкусными, не хуже историческихъ валдайскихъ.

Когда принесли самоваръ, евреи-продавцы дали отдохнуть.

Убрали самоваръ — новое предложеніе услугъ новыми торговцами; новыя мученія.

Отъ одного:

— Спички.

Отъ другого:

— Золотыя и серебряныя вещи, такъ купить на выборъ и на деньги или помѣнять на что нибудь.

Опять:

*

— Спички! Не надо спичекъ,—такъ дайте заробить что-нибудь (на этотъ разъ не христа-ради, а «на сабасъ»).

— Что-то долго не является еврей съ матеріями шерстяными, московскими, и матеріями шелковыми?

Вотъ и онъ: есть у этого, сверхъ того, еще ленты шелковыя.

Впрочемъ онъ собственно пришелъ затѣмъ, чтобы по систетѣ Бобчинскаго сказать, что есть-де такой магазинъ съ такими товарами. Понадобятся они—не ходите къ другимъ. У него еще братъ есть. У брата: сыръ, чай, сахаръ—все есть, все самаго лучшаго сорта; самъ за товаромъ ѣздитъ, самъ его выбираетъ.

— Можетъ календарь на новый рокъ требуется?—спрашиваетъ въ дверяхъ Богъ знаетъ который мучитель.

— А впрочемъ и этотъ о товарѣ не хлопочетъ, а не дадите ли и ему что нибудь заработать.

Къ вечеру обыкновенно продавцы стихаютъ.

Спустились на землю и городъ Мстиславль глухіе темные осенніе сумерки.

Пора ложиться спать и отдыхать послѣ мучительно-тряской и скучной дороги. Сейчасъ дверь заложимъ крюкомъ и пусть хоть лбомъ бьются объ нее неустанные мучители.

Однако мысль наша уже предугадана, и крючка мы наложить не успѣли.

Скрипнула дверь и полуотворилась. Влѣзъ еврей «съ пачками папиросъ» и, получивши отказъ, не уходитъ, а напротивъ, весь протискивается въ дверь. Стало быть, не въ папиросахъ тутъ дѣло. Объ нихъ онъ также особенно не хлопочетъ.

— Можетъ, такъ не надо ли вамъ чего?

Онъ лукаво улыбается и подмигиваетъ.

Вотъ собственно какого стола онъ начальникъ, какія дѣла вѣдаетъ, и за какими справками ходятъ къ нему. Это одинъ изъ любимыхъ еврейскихъ заработковъ.

Предлагая товаръ, комиссіонеръ старается выхвастаться имъ до возможной степени доброты и красоты.

Когда вы уже прогнали одного, по всѣмъ вѣроятіямъ, послѣдняго, когда дверь на крюкѣ, и вы въ постели,—сквозь полудремоту можно

услышать еще не одинъ разъ, какъ шевелятъ ручкой двери другіе поставщики и комиссіонеры, вѣроятно, все того же однороднаго живого товара.

На другой день, вамъ, на свѣжую память, полнѣйшій просторъ для размышленій на вчерашнія вечернія темы, напомнить о которыхъ не замедлятъ тотчасъ же, какъ только вы составили ноги съ постели и не надѣли еще сапоговъ:

— Постричь, побрить не угодно ли?

Вотъ у него черезъ плечо и кожаная сумка съ орудіями и принадлежностями ремесла.

— Мыло съ духами заграничное.

Опять: «булки»; затѣмъ «баранки»; галстуки, перчатки: все, надо замѣтить, розыгрывается какъ бы по нотамъ, т. е. въ порядкѣ и строгой постепенности вашихъ утреннихъ занятій и надобностей. Будете вставши, умываться, чай пить, собираться съ визитами или просто осматривать городъ. Можете въ дорогѣ растеряться, забыть чѣмъ-нибудь запастись изъ необходимаго, и т. под.

Вотъ, не угодно ли: все это вамъ принесли и охотно предлагаютъ.

И въ самомъ дѣлѣ будетъ: пора поставить докучную квартиру, которая успѣла достаточно-очевидными доказательствами убѣдить васъ въ томъ, какая тамъ, за стѣнами этого дома, живетъ непокрытая бѣдность, крупная нужда, которая вынуждена такъ громко и настойчиво кричать за себя. До того нужда эта крупная, что одинъ случайный проѣзжій способенъ стать соблазномъ и приманкою для двухъ десятковъ бѣдняковъ, и около этого временнаго заѣзжаго группируется цѣлый базаръ. Если не покупаете, дайте хоть такъ заработать какую-нибудь копѣйку. Этимъ только вы спасаете себя отъ дальнѣйшихъ навязчивыхъ предложеній, и даете нѣкоторое утѣшеніе истинно-неимущему, оборваному и общипаному.

Посмотрите, какъ суетливы улицы, какъ кишатъ по нимъ мужчины-евреи, бѣгая такъ скоро, что положительно сверкаютъ пятки, машутся фалды долгополыхъ сюртуковъ и свѣтятся на солнышкѣ ихъ камышевыя, наведенныя лакомъ, палки въ рукахъ.

«Жидки» съ ранняго утра до поздняго вечера мечутся по улицамъ, какъ угорѣлые, чтобы нажить лишную копѣйку. На бѣду,

завтра шабашъ (праздникъ), въ который самый бѣдный и оборванный еврей не откажетъ себѣ въ сладкомъ кусочкѣ, въ лишнемъ блюдѣ за обѣдомъ. Женщины сидятъ на лавкахъ и зазывными криками мучатъ неотвязчивѣе и неистовѣе, чѣмъ знаменитая ножевая линія московскаго гостинаго двора.

Въ одной такой еврейской лавкѣ дѣйствительно понадобилось мнѣ что-то купить и полученную сдачу вздумалось отдать вертѣвшемуся тутъ кудрявому, красивому ребенку: надо было видѣть радость матери, восторгъ вспыхнувшаго краской ребенка! Мать о такой щедрости поспѣшила даже выхвастаться сосѣдкѣ, которая въ свою очередь позавидовала дѣвочкѣ: «вотъ-де сегодня и ты нажила!». И долго всѣ провожали меня глазами, и гладили счастливую малютку по кудрявой, красивой головкѣ.

Прохожу мимо дома съ открытымъ окномъ, и лишь только я поровнялся съ нимъ, у окна стоитъ уже еврей, который тотчасъ же поспѣшилъ снять съ головы ермолку и тотчасъ же заговорилъ:

— Не надо ли вамъ злотыхъ? (деньги мѣнять).

— Не надо.

— Не сшить ли вамъ что? Починка какая не требуется ли?

Все это онъ проговорилъ такъ быстро, что я не успѣлъ еще медленными шагами пройти мимо его утлой, полуразвалившейся хаты.

Но успѣлъ я полюбоваться и пожалѣлъ, что не владѣю кистью,— передъ мною стоялъ характерный типъ бѣднякa-еврея: на ногахъ клѣтчатые, полинялые и заношенные штаны, оканчивающіеся бахромой выше сапогъ; сверху такая же рваная жилетка. Изъ-подъ ермолки торчатъ запрещонные и преслѣдуемые пейсы и клиномъ вывѣтрившаяся бороденка; на ногахъ тоже запрещенные башмаки.

II.

Вотъ какими невеселыми впечатлѣніями встрѣчаетъ насъ городъ, вчера издали показавшійся намъ очень красивымъ, а теперь вблизи — очень бѣдный, хотя повидимому порядочно обстроенный.

Городъ бѣднѣетъ въ особенности въ еврейскомъ населеніи: многіе отсюда успѣли уже выбраться въ Россію отъ недостатка средствъ къ жизни, въ Крымъ, на Волгу, да и не пересчитаешь, кто куда выбрался. Мстиславль—какъ и всѣ прочіе бѣлорусскіе города—бѣднякъ безвыходный, особенно съ тѣхъ поръ, какъ ослабѣла нѣкогда шумная и веселая, ближняя ему ярмарка въ Хославичахъ, и самъ онъ до тла (въ 1858 году) погорѣлъ. Послѣ пожара, онъ сталъ гораздо хуже и очень туго исправляется: остовы каменныхъ домовъ такъ и стоятъ неисправленными, а на крышѣ сгорѣвшаго и полуразрушеннаго костела успѣлъ даже вырости кустарникъ.

Впрочемъ, всѣ эти внутренніе недостатки не умаляютъ достоинства и красоты наружныхъ видовъ, открывающихся глазамъ съ городскихъ горъ, и особенно съ той, которая называется Замковой. Видъ отсюда—на широкую долину, образованную рѣкой Вехрой, текущей въ Сожъ. Лѣса порядочно-таки опустошены и горизонтъ очень расширенъ, но сильная растительность взяла свое и пустила новыя березовыя рощи. Такихъ видно съ горы очень много; таковыя же завязались вездѣ тамъ, гдѣ обсохли болота и красиво зеленѣютъ во всѣхъ тѣхъ мѣстахъ, гдѣ устроились закутанные въ зелень панскіе фольварки.

Около одного фольварка сохранился дубовый лѣсокъ, а липовыя рощи всегда указываютъ на тѣ мѣста и земли, которыя принадлежали ксендзамъ. Такихъ очень много.

Лента Вехры прихотливо извивается по долинѣ и оживляетъ всю эту красивую окрестность въ такой степени, что можно нѣсколько разъ сряду, на эту Замковую гору, возвращаться и любоваться вновь

съ обѣихъ точекъ зрѣнія: и какъ на прелестную мѣстность, одну изъ наилучшихъ во всей губерніи, и какъ на замѣчательную твердыню, способную постоять за себя при древнихъ способахъ осады и обороны. Она, впрочемъ, нѣсколько разъ и отстаивалась отъ московскихъ войскъ, когда западная Русь отошла къ Литвѣ. Выведены мстиславскія укрѣпленія всѣ въ сѣверо-восточную сторону,—стало быть прямо противъ Москвы. На крѣпость твердыни положились жители и въ то время, когда царь Алексѣй принялъ подъ свою защиту угнетенную Малороссію, послалъ на Литву войска, успѣлъ отнять Смоленскъ, Витебскъ, Полоцкъ, Быховъ, Шкловъ: мстиславцы, не принимая этого въ разсчетъ, на крутыхъ горахъ своихъ вздумали упорно сопротивляться. Они раздражали воеводу русскаго, князя Трубецкаго, и когда изнемогли въ силахъ и покорились,—были всѣ изрублены съ такимъ ожесточеніемъ, что это событіе осталось въ памяти народа подъ названіемъ *трубецкой сѣчи* (рѣзни), а за мстиславцами современными осталось прозвище *недоспковъ* (потомковъ недобитыхъ)—вотъ уже на третью сотню лѣтъ послѣ историческаго событія.

Слѣдомъ за историческимъ преданіемъ и, не сходя съ Замковой горы,—вблизи и воочію живой историческій памятникъ: величественный каменный древній католическій костелъ. Выбралъ онъ для себя самое лучшее, красивое мѣсто, несомнѣнно въ то время, когда католичество здѣсь начало хозяйничать съ рѣшительностью и ставило въ самыхъ отдаленныхъ православныхъ странахъ (на окрайнахъ ихъ) передовые свои посты въ противоборство и противодѣйствіе. На сѣверѣ Могилевской губерніи, въ мѣстечкѣ Обольцахъ, поставленъ Ягелломъ первый по времени въ Бѣлорусскомъ краѣ римско-католическій костелъ еще въ 1387 году,—а вотъ и второй мстиславскій на восточной окраинѣ Литовскихъ земель.

Громкій гулъ органа этого второго костела сильно и торжественно разносится на весь околодокъ. По четыре раза въ день, неустанно и ежедневно совершаются здѣсь церковныя службы, и одна продолжается ровно два часа (съ 8 до 10). Въ церкви на стѣнѣ—изображеніе (al fresco) событій, прославившихъ костелъ.

На одномъ совершается приступъ къ городу: направо вырисовы-

вается гора, та самая, которая слыветъ подъ именемъ Замковой, и на ней, какъ голубокъ, бѣлая православная церковь (теперь уже тутъ не существующая) [1]); налѣво, уголъ зданія—того самаго костела, который теперь остановилъ насъ на пути по городу. Между православною церковію и костеломъ батарея изъ 4—5 шведскихъ пушекъ и при нихъ два рыцаря въ шлемахъ съ перьями и въ кольчугахъ. Отъ горы заходятъ войска точно въ такихъ же шишакахъ, которые при насъ выкопаны были въ Могилевѣ въ горѣ, называемой Костернею. По церковной горѣ въ разныхъ направленіяхъ катятся бревна—послѣдніе слѣды и остатки защиты противъ враговъ. А вотъ на второй (лѣвой отъ входа) картинѣ и самая драма—избіеніе ксендзовъ у дверей этого костела, очень похоже изображеннаго, хотя изображеніе мечей и бритыхъ головъ съ клочками волосъ по краямъ значительно попортилось. На этотъ разъ Шведы Карла XII мало на шведовъ похожи, согласно словамъ преданія. Краски очень полиняли, а въ другихъ мѣстахъ просто полопались.

Самый органъ, подъ звуки котораго мы переносились воображеніемъ въ старину,—расшатался отъ долговременнаго и частаго употребленія до такой степени, что сильно стучитъ и вводитъ новые непріятные и непужные звуки, безцеремонно заглушающіе пѣніе. Да и костелъ уже порядочно позастоялся, и все это въ виду того, что на іезуитскомъ сгорѣвшемъ и заброшенномъ костелѣ выросли деревья, а противоположный ему костелъ на той же площади преобразованъ въ православную церковь, принадлежащую Николаевскому монастырю.

Не значитъ ли это, что католическіе передовые посты забрались слишкомъ далеко, и жили—не тужили при искусственной поддержкѣ; а приняли подгнившія подпорки, и зданіе либо надтреснуло и стало разваливаться, либо и совсѣмъ рухнуло.

Я заходилъ въ костелъ нѣсколько разъ, и молельщиковъ больше 5—6 человѣкъ не видалъ, считая старухъ, изъ которыхъ одна со-

---

[1]) Передовые костелы сдѣлали свое дѣло; теперь въ Мстиславлѣ 7 церквей, прежде было 14. Не досчитываются завѣдомо шести: Спасской, Никольской, Ивановской, Троицкой, Ильинской и Богословской. На Замковой горѣ вѣроятно была Никольская; на Дѣвичьемъ городкѣ Ильинская.

вершенно пластомъ (крыжемъ) лежала на полу и цѣловала кирпичи, порядочно-таки выбитые ногами. Двѣ были безсмѣнныя и обѣ нищенки въ качествѣ представительницъ мѣстнаго католичества, къ которому впрочемъ очень много принадлежитъ окольной шляхты и землевладѣльцевъ. Тѣмъ не менѣе, костелъ, вмѣстѣ съ другими, сдѣлалъ свое дѣло и успѣлъ ввести въ православный обычай и народную жизнь очень много такого, что̀ не скоро и не такъ легко искоренятъ новые ревнители русскаго дѣла и вѣры.

Однако не о томъ теперь и здѣсь рѣчь наша.

Поспѣшимъ отъ этого памятника, принадлежащаго уже исторіи, къ другимъ древностямъ, наиболѣе солиднымъ и почтеннымъ.

Въ той же красивой долинѣ, которая прорѣзается Вехрой и стелется подъ высотами Замковой горы, верстахъ въ 2—3 отъ города, бѣжитъ въ рѣку такъ называемый Черный Ручей, въ водѣ котораго накопляется достаточное количество грязи. Грязью мажутъ глаза. Источникъ чествуютъ и боготворятъ бросаніемъ въ него денегъ; творятъ приношенія по древнему способу и съ тѣхъ самыхъ поръ, когда предки Бѣлоруссовъ, Кривичи, вѣровали въ источники, боготворили лѣса. Вотъ подлинная древность и древняя вѣра, черезъ тысячелѣтіе дожившая до насъ въ неприкосновенности и въ такой цѣлости только въ одной Бѣлоруссіи.

Такихъ святыхъ мѣстъ, обыкновенно въ ложбинахъ, подъ горами, надъ чистыми ключевыми источниками, цѣлыя сотни сохраняются въ различныхъ мѣстахъ Бѣлоруссіи, и всѣ посвящены Пятенкѣ (древнему богу женскаго пола), на мѣсто которой во времена христіанства устроены часовни Параскевѣ-Пятницѣ. Въ большей части изъ нихъ сохраняются всегда очень старинныя изваянія св. мученицы изъ дерева и всегда очень грубой работы тѣхъ далекихъ временъ, когда не вѣдали долота и скобля, еще кое-какъ владѣли топоромъ и то̀ невсегда желѣзнымъ. Плоскіе лики такихъ изваяній съ трудомъ напоминаютъ что-либо человѣческое, но сплошь и рядомъ увѣшаны всякаго рода приношеніями, отъ серебряныхъ вещицъ до шолковыхъ лентъ и кусковъ холста. Всѣ такія, отъ глубокой старины священныя, мѣста носятъ старинное, вездѣ забытое славянское названіе, ни къ чему уже больше и по Бѣлой Руси не примѣ-

няемое,—названіе *прóщи*, и «идти на прòщу», значитъ въ крестномъ ходу на святое мѣсто, а «идти якъ на прòщу якую», значитъ идти веселой толпой на дѣвичье гулянье. Извѣстное дѣло: дѣвичьи хороводы и пляски натаптываютъ не только здѣсь, но и вездѣ на Руси, всѣ святыя и почтенныя мѣста, и притомъ съ большимъ усердіемъ именно въ тѣ самыя времена, на которыя указаны у древнихъ кривичей и новгородцевъ съ полянами дни празднованія въ честь боговъ.

На мстиславскую прòщу нѣкогда, во времена борьбы съ католичествомъ, когда энергически заводились православныя братства, ходилъ народъ многолюднымъ крестнымъ ходомъ (давно вышедшимъ изъ обычая). Мстиславскія православныя дѣвушки ходили пѣть пѣсни, водить хороводы и другія древнія прародительскія игры, на такъ-называемый Дѣвичій городокъ, на Троицкую гору (Кладбищенскую) и еще на одно мѣсто на такъ-называемомъ Подолѣ (т. е. узкомъ побережьѣ р. Вехры, отдѣляющемъ ее отъ городскихъ горъ, по тому же примѣру, какъ на Кіевскомъ подолѣ, на Могилевскомъ и друг. под., на этихъ мѣстахъ первоначальныхъ заселеній).

Дѣвичій, дѣвій, а можетъ быть нѣкогда и просто *дивій* (отъ дивъ—божество), городокъ—такой же примѣчательный остатокъ укрѣпленія, какъ и замокъ, но гораздо меньше объемомъ и нижеобращенный однако въ туже сторону, на рѣку Вехру, стоящій въ долинѣ, отдѣльно отъ городскихъ возвышенностей. Тутъ и тамъ возвышенія имѣютъ одинаковый видъ съ приподнятымъ, вышенасыпаннымъ однимъ краемъ и покатымъ другимъ: первый конечно противъ непріятеля, второй подъемный къ своимъ. Кругомъ того и другого возвышенія насыпаны валы: на замкѣ хорошо сохранившійся, на Дѣвьемъ городкѣ—гораздо хуже: время почти сравняло ихъ съ площадкой возвышенія, давая вѣроятіе предполагать, что укрѣпленіе городка очень подержанное, старѣе замковаго. Къ тому же и народъ сохранилъ преданіе, что гору Дѣвью натаскали фартуками дѣвки-богатырки, засыпая могилу богатыря добраго молодца, всѣми ими оплаканнаго. Потомъ, на горѣ этой, въ урочный день, богатырки-дѣвки творили по немъ тризну, дѣлали всякія игрища. Вотъ и слѣды кривичей.

Тутъ и теперь, какъ растаетъ снѣжокъ, нынѣшнія горожанки въ шубейкахъ поютъ веснянки, пляшутъ, играютъ, просо сѣютъ, ленъ топчутъ; ребята играютъ въ свинку. Съ возвышенія этого одинъ только спускъ, направленный въ сторону Подола — первоначальнаго мѣста мстиславскаго поселенія. Во всѣ другія стороны горка опускается круто, напоминая собою ванну обычной, всѣмъ знакомой формы. Къ тому же, среди площадки, глубокая выемка, такая же, какъ и на замкѣ, только значительно меньшая. Замковая впадина, образованная нарытыми валами съ хорошо сохранившимися амбразурами или впадинами, разрыта теперь огородами и обставлена семью избушками на курьихъ ножкахъ, принадлежащими отставнымъ солдатамъ и построенными въ очень недавнее время. Площадка на столько большая, что могла вмѣстить и Никольскую церковь, которую мы видѣли раньше на костельной картинѣ, и княжескій дворъ съ приспѣшнями. Солдаты, копавшіеся въ огородахъ своихъ, откопали сѣдло, совершенно сгнившее съ перержавѣвшимъ желѣзомъ. Во многихъ мѣстахъ отрывали гробы.

Площадка Дѣвьяго городка на столько однако широка, что на ней могла установиться небольшая церковь, — конечно исчезнувшая церковь Ильи вотъ по какому соображенію [1]).

На всѣхъ возвышенныхъ мѣстахъ, круто оступающихся въ воду. (какъ въ данномъ случаѣ на Дѣвичьемъ городкѣ), по свидѣтельству нашихъ лѣтописей, ставили славяне изваяніе своего верховнаго бога грома, Перуна — покровителя земледѣлія и семейной осѣдлости. Когда приходила на его честь и славу невзгода, катить его въ воду было недалеко и нетрудно. Вотъ почему развѣнчанный богъ всегда уплывалъ по рѣкѣ и народъ бѣжалъ за нимъ по Подолу, прося его «выдыбать» изъ воды. Въ Кіевѣ онъ послушался (на томъ мѣстѣ теперь Выдубецкій монастырь). Въ другихъ мѣстахъ, гдѣ не брала его сила, объ немъ забывали, на мѣстѣ свергнутаго бога ставили православную церковь и посвящали ее пророку Иліи, который и до сихъ поръ, по народному суевѣрію, производитъ громъ колес-

---

[1]) Мѣста другихъ исчезнувшихъ церквей довольно ясны: Троицкой — на Кладбищенской горѣ, Ивановской — на землѣ причта и т. д.

ницею и низводить молнію отъ копытъ своихъ огненныхъ коней. Въ Бѣлоруссіи до сихъ поръ нѣтъ иного названія для молніи, какъ пёрунъ. А между тѣмъ, по сказаніямъ лѣтописи, въ Кіевѣ самая первая христіанская церковь Ильи, въ Черниговѣ и Полтавѣ— также. Въ Кричевѣ, сосѣднемъ Мстиславлю мѣстечкѣ, Ильинская церковь также на отдѣльной горѣ, круто оступающейся въ воду р. Сожа; также и въ г. Могилевѣ на Днѣпрѣ, во Псковѣ надъ Великой, и вездѣ, гдѣ только населеніе города самое древнее. Для бѣлорусскаго края, это неизмѣнный законъ, который мы теперь не развиваемъ подробно: пора выходить изъ трущобъ сѣдой старины и изъ мстиславскаго захолустья-оврага, застроеннаго лачугами крайней мѣщанской бѣдности, на гору, въ городъ. Здѣсь ждутъ насъ болѣе современныя и свѣжія впечатлѣнія.

Полюбуйтесь.

Мы попали на ту сторону города, гдѣ въѣздъ во Мстиславль изъ торговаго мѣстечка Хославичъ и изъ окрестностей, гдѣ разбросано наибольшее количество деревень. На улицѣ, вблизи самой дороги, стоитъ большой точильный камень, предлагающій услуги тѣмъ, кто мимо идетъ, поточить топоры, косы, ножи: нечего хлопотать и искать точильщиковъ по городу. Точитъ еврей и собираетъ деньги.

Вотъ и шинокъ, а подлѣ продавецъ бубликовъ: выпить и закусить не угодно-ли? И тутъ и тамъ конечно евреи.

— *Чи* не надо ли лошадь подковать?

Вотъ для этого три кузнецы.

— Что продаешь,—покажи! Что везешь въ городъ?

Для этой перекупки и поселились на этомъ въѣздномъ краю города (какъ и во всѣхъ) евреи цѣлымъ десяткомъ домовъ.

— Куда торопишься?—подожди; вотъ поди выпей, а потомъ потолкуемъ. Я тебя угощу, и деньги за тебя заплачу.

На нашихъ глазахъ сѣдой плутъ оплелъ молодаго парня, и толковалъ недолго. Постояли—торговались: еврей 50, мужикъ 85. Еврей надбавилъ, побожился, что на базарѣ цѣна 70 коп.,—и ѣздить-де не зачѣмъ. Мужикъ сѣлъ на 80 и уперся. Еврей больше 70 не давалъ: мужикъ тронулъ въ гору, но еврей, идя позади телѣги, не выпустилъ его, ухватясь рукою за соблазнительный мѣшокъ съ

рожью. Вотъ ужъ и повернули въ сторону,—къ дому покупателя еврея.

Не доѣзжая до поворота, еврей совалъ въ задатокъ два пятіалтынныхъ: остальныя дома, на дворѣ. Совалъ онъ задатокъ навязчиво и торопливо: съ горы сходилъ рыжій еврей, говорятъ, самый опасный. Онъ уже окликнулъ продавца, но дѣло было кончено.

Я поспѣшилъ объяснить рыжему:—продано, молъ.

— Что?

— Рожь.

— За сколько?

— За 80 копѣекъ.

— Ограбилъ. даромъ взялъ.

Причмокнувъ языкомъ и съ отчаяніемъ махнувъ рукой, поплелся рыжій еврей въ свой домъ, который, какъ и всѣ другіе, по милости такихъ операцій и на такихъ бойкихъ мѣстахъ, снаружи довольно благообразный, свѣтлый и новый.

Европейскіе дома, кромѣ бойкихъ въѣздовъ, заняли теперь середины всѣхъ городовъ. Туземцы-русскіе всѣ вытѣснены на окрайны, и въ такія трущобы, какъ свободка подъ Дѣвичьимъ городкомъ. Города, конечно, отъ этого также не выиграли: историческія мстиславскія горы застроены отхожими еврейскими мѣстами безъ всякаго покровительства и защиты, и теперь по нимъ не только полазить, но безнаказанно и пройти нельзя.

Также на краю города стоитъ и историческая святыня города Мстиславля, мимо которой также пройти невозможно, потому что она выводитъ насъ уже прямо къ цѣли. Это — Туничевскій манастырь, сослужившій свою службу православію на грани съ католичествомъ, вмѣстѣ съ Кутеинскимъ (въ г. Оршѣ), какъ миссіонеръ въ прошломъ. Въ настоящемъ, это—деревянная развалина, приписанная къ городскому каменному Николаевскому монастырю. Кругомъ Туничевскаго низенькая каменная ограда и затѣмъ все деревянное и ветхое. Кругомъ церкви обходитъ своеобразная крытая галлерея—паперть. Три низенькія зданія келій; одна жилая половина съ бальзаминами и геранями на окнахъ; другая запущенная. Въ церкви, рѣжущая глаза бѣдность; торцовый дубовой полъ перекоробило до того, что

есть опасность споткнуться и упасть: давно полъ сдѣланъ и сильно выбитъ.

Возвратившись изъ монастыря по узенькой, обсаженной деревьями аллеѣ, въ городъ, увидимъ каменный соборъ, переименованный въ такой изъ полковой церкви, выстроенной на казенныя деньги, а затѣмъ всѣ остальныя приходскія городскія церкви деревянныя. Всѣ пять заветшали, и въ особенности Афанасьевская молитъ о вниманіи и защитѣ: на стѣнахъ, обитыхъ тесомъ, буквально сидитъ заплата на заплатѣ—истинное рубище, изъ-подъ котораго даже невозможно распознать, въ какомъ стилѣ задумана была и исполнена эта бѣдная, разрушающаяся церковь. И все это въ виду слѣдующаго, весьма оригинальнаго и серьезнаго обстоятельства.

На томъ краю города, гдѣ стоитъ Тупичевскій монастырь и расположена Казимірова слобода (съ бывшею унитскою, также деревянною и ветхою церковію) выстроилась вторая отдѣльная слободка, не носящая особаго прозванія. При посѣщеніи ея насъ рѣзко поразили дома знакомой великорусской конструкціи, какихъ въ Бѣлорусскомъ краю слыхомъ не слыхать, видомъ не видать. Въ стѣнахъ крупныя бревна, постройка на стульяхъ; прорублены широкія окна по три и по пяти. Подъ крышей опять окно и подъ нимъ классическій великорусскій балкончикъ съ балюстрадкой, ни къ чему, какъ извѣстно, непригодный, но тѣмъ не менѣе неизбѣжный. Домъ рѣзко выдѣляется изо всѣхъ остальныхъ полуразвалившихся низенькихъ землянокъ пригородной слободки. Въ бревенчатомъ (а не плетеномъ по бѣлорусскому обычаю) заборѣ тесовыя ворота съ навѣсомъ.

Это—дома кубраковъ, особаго рода промышленниковъ бѣлорусскаго племени изъ мстиславскихъ мѣщанъ, занимающихся сборомъ подаянія на церкви по всей Россіи, въ Москвѣ, за Москвой и въ Петербургѣ.

Промыселъ этотъ давній, такъ что до начала и корня его, какъ равно и до корня слова, выражающаго прозваніе, подлиннымъ путемъ и добраться теперь, за давностію лѣтъ, невозможно. Не смотря однако на то, мстиславскіе кубраки городскихъ церквей своихъ не поправили, а между тѣмъ занимаются сборомъ денегъ на церкви, *кубрачатъ*, говорятъ, человѣкъ до пятидесяти. Въ 1865 году, Могилевская консисторія, по наведеннымъ въ ней справкамъ, выдала на

имя мѣщанъ сборныхъ книгъ въ пользу церквей Могилевской епархіи 27 и на имя другихъ лицъ 24, итого 51.

Въ 1866 году новыхъ книгъ выдано мѣщанамъ	24
Того-же года и тѣхъ же книгъ другимъ лицамъ	28
Итого	52

Въ 1867 г. первымъ скрѣплено книгъ	25
» » » вторымъ » »	29
Итого	54

При такомъ постоянствѣ цифры можно судить объ устойчивости кубрачества и о твердости основъ, на которыхъ движется это странное, немудреное дѣло

А вотъ и дѣло въ ходу, и книжки въ дѣлѣ по свѣденіямъ канцеляріи спб. Оберъ-Полиціймейстера, обязанной свидѣтельствовать всѣ тѣ изъ нихъ, которыя будутъ потомъ разноситься по столичнымъ дворамъ, показываться и подноситься по петербургскимъ церквамъ и частнымъ квартирамъ. Изъ 580 (среднимъ счетомъ) ежегодно свидѣтельствуемыхъ здѣсь книгъ (иногда одну и ту же по два и по три раза въ годъ) въ 1868 году подписано крестьянамъ 208, мѣщанамъ 17. Между фамиліями этихъ мѣщанъ мы встрѣчаемъ двѣ такихъ, которыя хорошо извѣстны во Мстиславлѣ (Голенокъ и Хижинскій), но и въ остальныхъ выразились тѣ, которые наглядно свидѣтельствуютъ о томъ, откуда вылетѣли птицы,—пѣвчія птицы петербургскихъ дворовъ во всякое время дня безъ разбору (чаще впрочемъ послѣ обѣда).[1]) Прислушаемся къ нимъ и познакомимся съ ними.

Безъ дальныхъ и окольныхъ словъ скажемъ прямо:

Кубарки—промысловые люди, характерные развѣ тѣмъ только,

---

[1]) Вотъ для примѣра изъ канцелярскихъ книгъ 1868 года фамиліи *мѣщанъ*: Голенокъ, Хижинскій, Малѣй, Погорѣцкій, Бѣльзскій, Бочокъ, Титенко, Ассовскій, Реутъ, Рубинковскій, Вуранъ, Далецъ, Тумашъ, Левченко, Курбачъ, Ступановичъ, Казюкъ, Большой. *Изъ крестьянъ*: Воронецъ, Химиченко, Склюпа, Дубяга, Бубновскій, Камлыга, Ивашкевичъ, Марценкевичъ, Лисакъ, Мыслакъ, Мишевичъ и Шершень—всѣ до единаго ,и конечно—всѣ не великороссы.

что народились въ странѣ, гдѣ дремлютъ всѣ промысловыя силы и давно убито въ коренномъ населеніи всякое ремесло, но гдѣ всѣ сплошъ земледѣльцы съ ничтожными оттѣнками промысловыхъ людей для неизбѣжныхъ дешовыхъ домашнихъ надобностей. Кубрачество—промыселъ самаго грубаго дѣла, самымъ обыкновеннымъ образомъ основанный на коммерческихъ расчетахъ и обставленный однородными же беззастѣнчивыми пріемами. Гдѣ какой товаръ въ ходу, чѣмъ больше торгуютъ, туда и за тѣмъ мы и ѣдемъ.

Издревле въ Великой Россіи велико усердіе не только къ храму Божію, но и къ его благолѣпію. Золотятъ иконостасы, главы и крыши, не забываютъ даже и колокола: не только отливаютъ ихъ съ громкимъ звономъ, но стараются навѣшать такихъ голосистыхъ по нѣскольку. Мало того, навѣшавши множество колоколовъ, подбираютъ ихъ подъ тонъ и заставляютъ звонить такъ умильно и согласно, что напримѣръ въ Ярославскій Ростовъ ѣздятъ слушать изъ Москвы нарочно. На постройки заново большихъ каменныхъ храмовъ у богатаго купечества являются крупныя завѣтныя и обѣтныя суммы. Выдѣляются дни, особо посвящаемые многоразличнымъ подаяніямъ на благотворительныя дѣла, между которыми жертва на церковь полагается самымъ богоугоднымъ дѣломъ. Ни одному просящему на церковное строеніе отказать не хочется, и послѣдняя копѣйка даже крайняго бѣдняка сплошъ и рядомъ звякаетъ на жестяномъ блюдечкѣ сборщика. Ни одинъ трактиръ въ Москвѣ не откажетъ во впускѣ просителя на нужду церковную; одинъ купецъ въ Москвѣ (Ив. Ив. Четвериковъ) собралъ на церкви сѣверо-западнаго края больше милліона. На школу иной не дастъ, надъ богадѣльней задумается: на построеніе же и украшеніе божьяго храма у великорусскаго купечества растоплено сердце и нѣтъ завѣтной копѣйки.

— Да будутъ очи Твои отверсты на храмъ сей день и ночь—гласитъ надпись на многихъ изъ московскихъ церквей.

— Возлюбихъ благолѣпіе дому Твоего отъ юности моея—отвѣтно гласитъ другая надпись.

За даяніемъ на подобныя дѣла не стоитъ коренной, обезпеченный въ жизни, русскій человѣкъ. Попробовали повѣрить это на дѣлѣ западные русскіе люди, когда началось въ Малой и Бѣлой Рос-

сіи гоненіе на православную вѣру и православныя церкви (а мѣстные ревнители всѣ обратились въ католичество, и великіе князья и княгини Литовскіе, и Солтаны, и Ходкевичи, а православныя братства успѣвали собирать только малые рубли). Попробовали первые ревнители сходить за помощью въ православную Московскую Русь и самымъ дѣломъ убѣдились въ томъ, что рука дающаго тамъ, дѣйствительно, не оскудѣваетъ. Сдѣлались хожденія эти обычнымъ дѣломъ. Одинъ выходилъ больше, умѣлъ просить и разсказывать; узналъ подходы, проникнулъ въ тайны благотворительныхъ сердецъ и въ свойства характеровъ благотворителей,— стало хожденіе это семейнымъ достояніемъ, за смертью счастливаго отца передаточнымъ-преемственнымъ для его сына, потомъ и родственниковъ, а наконецъ и ближнихъ сосѣдей, по справкамъ и наблюденіямъ, и послѣ откровенныхъ разговоровъ.

— И наше дѣло требуетъ науки,—наивно замѣтилъ мнѣ одинъ изъ мстиславскихъ кубраковъ.

— Весь городъ Мстиславль есть кубракъ,—откровенно высказывалъ мстиславскій оберъ-кубракъ, давая намекъ, что теперь всѣ городскіе жители, по родству, принимаютъ участіе въ кубрачествѣ.

Сдѣлалось такимъ образомъ это занятіе привилегированнымъ для цѣлаго города. Объявились въ немъ такіе мастера, что къ нимъ хоть съ заказомъ приходи (да такъ и дѣлывали): лучше никто не сдѣлаетъ. На томъ встали мстиславцы—и прославились. Кубрачитъ еще кое-кто изъ дубровенскихъ (жители мѣстечка Дубровны Оршанскаго уѣзда), да противъ мстиславскихъ имъ не сдѣлать, особенно съ тѣхъ поръ, какъ въ благочестивый подвигъ вкрались, грѣховнымъ людскимъ дѣломъ, злоупотребленія, и богоугодное занятіе, отъ разныхъ посторонніхъ соблазновъ, стало превращаться въ промысловое предпріятіе, съ вознагражденіемъ за личный трудъ, когда, словомъ, стали нанимать кубраковъ и за извѣстное вознагражденіе посылать ихъ на Русь за подаяніями. Ревнителей на такое дѣло нашлось много (даже извѣстны имена многихъ изъ нихъ). На поощреніяхъ недобрыя дѣла возросли и укрѣпились, а подходы и пріемы приняли систему и законченную организацію.

Попробовали положить предѣлъ злу книжками со шнуромъ и казенной консисторской печатью:

— Попробуй вырвать что написано; попробуй не донести тѣхъ денегъ, которыя указаны въ книгѣ!

Завели книги, но забыли, что грамотныхъ жертвователей на Руси еще очень немного: записалъ бы иной имена на поминовеніе, да писать не умѣетъ, да на ходу и написать нечѣмъ. Изъ иной деревни за чернилами и грамотѣемъ надо бѣжать до села и до самого отца-дьякона. Забыли также и то, что истинно-благочестивые вкладчики стараются жертву свою оставить въ тайнѣ и даютъ правой рукой съ тѣмъ, чтобъ не вѣдала и не видѣла лѣвая. Но такъ какъ многіе и пишутъ (надо же и записать кому-нибудь, чтобы принести что-нибудь), то, чтобы крупныя деньги не вывалились изъ-за пазухи, можно поддѣлать и подсунуть фальшивую книжку. Здѣсь, въ Петербургѣ, не такъ давно поймана была сборщица, у которой въ сборной книжкѣ откровенно и безцеремонно написаны были чувствительные и веселые стишки.

— Охъ, много насѣяно грѣха по бѣлому свѣту!—говорилъ мнѣ правдивый оцѣнщикъ кубрацкаго промысла изъ туземцевъ мстиславскихъ.

— Дѣло кубраковъ — грѣхъ большой передъ Богомъ: на церковь проситъ,—на себя тратитъ.

Книжка сборная въ неграмотной и безписьменной Россіи, къ тому же раздающей милостыню по буквальному евангельскому слову — нерасчитанно придуманная, стала помогать дѣлу далеко на меньшую половину, но обнаружила своего рода особенности: въ числѣ вкладчиковъ оказались, рядомъ съ князьями архіереи, рядомъ съ жертвою въ 2 коп. за здравіе десяти человѣкъ (чотко прописанныхъ)—жертвы въ 250—400—500 руб. за упокоеніе души усопшей. Книжка сборная такимъ оброзомъ оправдываетъ необходимость сборщика, который пришелъ бы ко мнѣ и намекнулъ о нуждѣ, и если я не въ духѣ или безъ денегъ, попавѣдался бы въ другой разъ, когда у меня и деньги будутъ, и доброе елейное настроеніе духа меня не покинетъ.

Хорошіе сборщики такъ и дѣлаютъ: кричатъ на одномъ днѣ по нѣскольку разъ.

У мстиславскихъ кубраковъ ихъ промысловое дѣло повелось самымъ простымъ способомъ, и въ наше время руководилось такими пріемами:

Скопившій деньги (безъ денегъ на кубрачество, какъ на чисто коммерческое предпріятіе выходить уже давно нельзя) въ ближайшихъ деревняхъ нанимаетъ работниковъ, въ качествѣ пособниковъ, человѣка 3—4. Между ними двое молодыхъ, третій поопытнѣе, бывалый, но несчастливый. На этого послѣдняго оберъ-кубракъ съумѣетъ выправить отдѣльную книжку и такимъ образомъ идетъ играть на двѣ руки въ одинъ карманъ.

Впрочемъ такіе случаи рѣдки. Обезпеченныхъ собственнымъ капитальцомъ можно навѣрное указать двухъ, дѣйствующихъ уже конечно шире, самостоятельнѣе и рѣшительнѣе другихъ. Чаще и обыкновеннѣе кубраки—люди смѣлые, но бѣдные, при легкости заработка привыкшіе не цѣнить плодовъ его и пристрастившіеся пропускать ихъ прахомъ, т. е. пропивать. Тѣмъ не менѣе, это люди, вкусившіе соблазна до острой болѣзни, называемой по просту повадкой или привычкой, или своего рода запоемъ.

Подошла съ острыми клещами нужда, — онъ и задумался:

— Надо добыть денегъ на дорогу. Ноютъ ноги, просятъ работы, давно не бывали въ дѣлѣ, въ дорогѣ. Давно по Питеру не гуливалъ, Москвы не видывалъ: въ тамошнихъ кабакахъ водки не пивалъ. Надоѣли до тошноты эти домашніе шинки и еврейскія морды.

Мелькаютъ въ настроенномъ воображеніи всѣ эти докучные Мордки, Шмули, Мееры, Гирши, но впереди всѣхъ и чище другихъ тѣ Моисеи и Самуилы, которые даютъ взаемъ деньги. Тѣмъ край счастливъ, что безъ ссудныхъ кассъ и банковъ можно достать наличныя деньги, конечно за неистовые проценты, носящіе названіе «жидовскихъ», но человѣку бывалому, уже не разъ дѣлавшему заемъ и аккуратно расплатившемуся, всякій еврей повѣритъ съ охотой. Понажметъ онъ, помучаетъ разговоромъ и запутанными условіями, обставленными хитрѣйшими уловками, но повѣритъ.

Сумма, нужная для того, чтобы собраться «въ дорогу», собственно и не Богъ-знаетъ какая крупная, чтобы изъ-за нея искать Кроне-

берговъ и Ротшильдовъ. Такихъ богачей и во Мстиславлѣ каждый кубракъ находитъ для себя довольное число.

Для того, чтобы подняться съ мѣста и пуститься въ путь, полагаютъ обыкновенно достаточнымъ 200 руб. сер. Надо себѣ выправить паспортъ и заручить таковыми же помощниковъ, которые, сверхъ того, требуютъ еще задатковъ для домашнихъ. Плачивали благочиннымъ за рекомендацію консисторіи, плачивали въ консисторіи за рекомендацію Россіи и за то, чтобы получить книжку не на одну какую-нибудь церковь, а на всю епархію. Грѣховъ и расходовъ было много.

Надо было лошадь купить, телѣгу; выѣзжали на Русь какъ цыгане. Теперь необходимо и товарищей одѣть по русски: вмѣсто колпака-магерки—картузъ съ козырькомъ, вмѣсто куцой свитки — долгополый чорный армякъ, вмѣсто лыковыхъ каверзней и лаптей — кожаные сапоги.

Теперь кто идетъ на чистыя деньги и на богатыя приношенія парчой, шолковыми матеріями и церковными принадлежностями, тотъ прямо садится въ Витебскѣ на желѣзную дорогу и ѣдетъ въ любую сторону: черезъ Динабургъ въ Петербургъ или черезъ Смоленскъ прямо въ Москву,—куда возьметъ смѣлость и куда наторена дорога. Впрочемъ, и теперь тѣ, которые умѣютъ ладить съ деревенскими вкладами, въ видѣ холста, отсыпнаго хлѣба, яицъ и тому подобнаго, отправляются въ путь старымъ способомъ въ телѣгѣ, а бывалые — не на одной, а на тройкѣ. Первые уходятъ года на два, чаще на одинъ годъ. Бѣдные и несмѣлые пускаются на промыселъ въ ближнее сосѣдство, въ чужія губерніи, напр. Смоленскую и Псковскую раза два въ годъ: уѣдутъ осенью, на зиму, а къ «Калядамъ» (Рождеству Христову) возвращаются. Послѣ Святокъ опять въ путь до «Великоднія» (Пасхи). Лѣто дома: занимаются хозяйствомъ, помогаютъ женамъ.

— Приходятъ, и кому посчастливитъ (объясняетъ знатокъ и руководитель мой во Мстиславлѣ): — одинъ съ деньгами, а другой и такъ приходитъ, ворочается ни съ чѣмъ. Тоже и у нихъ кому счастье. Что наберутъ изъ товару, тѣмъ въ городѣ нашемъ не тор-

гуютъ (тоже совѣстятся!), продаютъ гдѣ-нибудь «на боку» (—по бѣлорусски: «на сторонѣ»—по великорусски).

— Уѣдетъ на плохой телѣжонкѣ; лошаденку уведетъ маленькую мужичью, — назадъ оттуда приводитъ коней во-какихъ здоровенныхъ! Продаютъ ихъ здѣсь съ большимъ барышомъ. У счастливыхъ промыселъ въ рукахъ очень выгодный. Поглядите ихъ въ церкви (молиться они любятъ и крестъ кладутъ не по здѣшнему, а размашисто: ото лба до подпояски съ забросной, а отъ плеча со спины до другого плеча со стукомъ и съ вывертомъ).

Въ церкви мы видѣли кубраковъ въ суконныхъ сюртукахъ, при жилеткахъ, въ брюкахъ и смазныхъ сапогахъ. Сѣрый бѣлоруссъ совсѣмъ въ нихъ исчезъ. На головахъ на улицѣ въ праздникъ круглыя шляпы, цѣной рубля въ три.

— Женамъ привозятъ пояса дорогіе (продолжали мои толкователи), — привозятъ дорогія матеріи. Вонъ кубрачка идетъ, а на ворѣ и шапка горитъ: матерія—то на платьѣ такая самая, изъ которой ризы шьютъ. Охъ, великъ ихъ грѣхъ и не умолить имъ его!

— Знаете что? У насъ такая вѣра про нихъ: ни одинъ кубракъ въ родную землю не легъ,—помиралъ гдѣ-нибудь на боку (на сторонѣ). Сказываютъ, недалеко гдѣ-то корчма есть такая, а кругомъ могилы: все это кубраки. Опиваются.

— Пришолъ домой — праздникъ: давно не видались, въ живѣ нашли. А у него деньги. Давай пировать на радостяхъ. Сегодня пиръ, завтра пиръ. Такъ и опиваются. Гдѣ пилъ, тутъ и слегъ, а опивцовъ не велятъ класть на кладбищѣ, ховаютъ (хоронятъ) ихъ на околицахъ. Вотъ слово-то про нихъ не мимо шло, и повѣрье свято. Про это въ нашихъ мѣстахъ и уличные мальчишки смекаютъ. Кубракъ кричитъ своимъ голосомъ «на каменное строеніе», а они за него докрикиваютъ «на кабацкое раззореніе».

— Какимъ способомъ они промышляютъ?

— Намъ за горами — не видно, а знаемъ, что черезъ полгода вышлетъ домой хозяйкѣ сто рублей. Хозяйка 50 спрячетъ, 50 за долги жиду отдастъ. Прошелъ годъ — опять присылъ: опять хозяйка половину на себя, другую половину жиду за долги. Сама защеголяла: безпутные они у насъ. Мужъ вернется, а долги кое-какіе

все еще ждутъ его и стоятъ у воротъ. Начнетъ его жидъ пропекать, только отмахивайся. Отъ этого одного они часто опять уходятъ «въ дорогу».

— Кубрацкія жены (надо говорить правду) никакими работами не занимаются. Съ нихъ довольно присыльныхъ денегъ. Правда, свиней разводятъ: это для нашего города хорошо. Евреи свиней не любятъ, а они для насъ противъ евреевъ большая подмога. Дрянить евреи любятъ, — свинья за ними чистить достаточно хорошо.

— Мы судимъ дѣла ихъ по здѣшнему: какъ сбираютъ? Пришло сюда письмо съ деньгами отъ московскаго купца на новоявленныя мощи, и имя сказано. А сказано имя живаго архимандрита. Такъ-то одинъ голубчикъ и попался, да который — узнать не могли: ушло ихъ много.

— Еще доходили слухи, что одинъ такой-то въ Кронштадтѣ по кораблямъ сталъ ходить, и хорошо ему тамъ было: собиралъ много. Сталъ одинъ монахъ слѣдить за нимъ. На американскихъ корабляхъ насбиралъ онъ, по его счету, тысячи двѣ. Спросилъ онъ у него книгу, а тамъ его рукой копѣйки записаны, рублей нѣтъ. Отписалъ монахъ секретно куда слѣдуетъ: «такой-то-де то и то, вернется — повѣрьте его книгу». А онъ вернулся, да домикъ себѣ подновилъ Этотъ опять на промыселъ пойдетъ — занимать денегъ не станетъ.

— То и худо, что такіе стали малыхъ ребятъ брать изъ деревень и учить нехорошему своему ремеслу. Обучоные спознали науку, сами стали этимъ заниматься. Вышло кубрачество изъ нашего города въ деревню — вотъ худо! Короче сказать, ихъ уличные мальчишки такъ дразнятъ: «У Голенкиной рощи проявилися мощи,—дайте на покрывало». Этимъ они очень бываютъ недовольны и обижаются.

— Знать нехорошо занятіе, и сами они его не хвалятъ, когда свой языкъ выдумали: когда они промежъ себя говорятъ, разумѣть ихъ никакъ невозможно, только и слышишь: шайка-ширн, шайка-ширн и какія-то опять слова; тарабарщиной они такой разговоръ свой называютъ *. Такому языку своему и ребятъ-учениковъ они выучиваютъ.

---

* Впрочемъ, до кубрацкаго языка я, при всѣхъ усиліяхъ и стараніяхъ, добраться не могъ. Кажется, это не офенскій языкъ (иначе бы выскользали эти слова въ обыденномъ разговорѣ). Вѣроятнѣе, это — разговоръ въ родѣ семи-

— Ребяткамъ этимъ хорошія деньги платятъ: рублей по сорока въ годъ. Большимъ работникамъ выдѣляютъ больше 50 руб. Ряда, впрочемъ, по успѣху. Онъ ужь такъ и смотритъ, кто больше выпрашиваетъ, тому больше выдѣляетъ, меньше сбираетъ—больше 30 руб. не дастъ. Самъ онъ рѣдко выходитъ, а охотливѣй повѣряетъ вечеромъ работниковъ своихъ. Всего его обшаритъ, всего прощупаетъ, раздѣнетъ до-нага, на-изнанку выворотитъ—и опять постукаетъ, да посмотритъ. Этого работники не скрываютъ—жалуются здѣсь на это самое.

— А какъ выдѣляютъ церквамъ, на которыя просятъ? Надо спросить въ полицейскомъ управленіи,—тамъ то и дѣло пишутъ: взыскать съ такого-то 40 руб., добрать на такомъ-то 60. Одинъ цѣлыхъ сто рублей не донесъ. Рѣдкой изъ нихъ полнотой-то доноситъ. Только одни богатые этого побаиваются: имъ своя честь дорога. И на это у насъ, по такимъ ихъ дѣламъ, такое слово есть *подкубрить*, значитъ совсѣмъ надуть.

— А какъ на нихъ смотрятъ сосѣди? Могу смѣло сказать—нехорошо. Горѣла разъ ихная слободка. Въ нашихъ городахъ на эти несчастные случаи бываетъ большая суматоха и бѣда, если ночью случится, и если жиды перепугаются и со своимъ гвалтомъ тутъ сунутся—свѣтопреставленье идетъ. Жиды только кричатъ, да фалдами машутъ,—больше мѣшаютъ, и помогать не умѣютъ. Наши всѣ отъ мала до велика спасать бѣгутъ. Бѣгутъ, спрашиваютъ: кто горитъ?

— Кубраки, говорятъ.

— «А, кубраки!»

— Да съ этими словами кто рукой махнулъ и тише пошелъ, а кто и назадъ вернулся. Очень-то не спѣшили. А на другомъ пожарѣ надо сказать: одинъ не кубрацкой домъ уцѣлѣлъ, когда кругомъ всѣ кубрацкіе дома сгорѣли,—самъ я слышалъ, какъ всѣ потомъ гово-

---

нарскаго по херамъ или, въ самомъ дѣлѣ, тарабарскаго, весь секретъ котораго состоитъ въ томъ, чтобы пріобрѣсти привычку говорить скоро, бойко, смѣшивая и перепутывая слоги словъ съ условными безсмысленными вставками по образцу вышеуказанному.

рили: «вотъ милость Божья на праведнаго, гнѣвъ его на грѣшниковъ».

— Большого почтенія и похвалы имъ отъ насъ нѣтъ: не за что. Даже. евреи ихъ попрекаютъ и осуждаютъ, а у нихъ одинъ сказъ: такъ отцы наши дѣлали.

— Зачѣмъ кубраку грамота?—продолжалъ отвѣчать на мои вопросы руководитель мой. Хозяину одному она въ пользу: надо умѣть прочитать, что запишутъ, счеты писать. Хозяевъ много грамотныхъ. Простому кубраку грамота, могу сказать—врагъ. У этакаго прямой отвѣтъ при учетѣ: затѣмъ я подаякіе и не записалъ, потому что грамотѣ не разумѣю. Поди—ищи съ такого!

— Надо ихъ изводить, надо ихъ изводить, а какъ ихъ изведешь? Пробовалъ на нихъ ходить войной одинъ хорошій исправникъ (покойный Ив. Ив. М—чъ), да они сами ему сказывали: «не совѣтуемъ,—насъ де много: ты, молъ, одинъ. Пустимся хлопотать,—все по нашему будетъ. По бѣлу-свѣту ходимъ не спуста—друзей наживаемъ». Одинъ тутъ ему, покойнику, и побасеночку такую такъ-то ловко подвернулъ (бойкіе они у насъ всѣ, и на языкъ востре людей не найти).

«Былъ, говоритъ, у насъ городничій и не такъ, чтобы очень давно. Пришелъ къ нему жидокъ. Онъ его ударилъ въ високъ, и положилъ на мѣстѣ. Испугался его высокородіе. Смотритъ въ окно, а мы по улицѣ ходимъ съ товарищами, какъ бы-то надо сказать—во свидѣтеляхъ. Выслалъ солдата—меня зоветъ. Пришелъ: вижу тепленькаго,—лежитъ. Вижу живого — хуже савана, холоднѣй мертваго. Экое, говорю, горе». А лежитъ онъ, ваше высокородіе, надо быть въ обморокѣ.«—Да, говоритъ.—»Понимаю—говорю я—ваше положеніе, на нашихъ глазахъ человѣкъ умереть можетъ.—Не хорошо—говоритъ онъ—это для меня.—«Слушаю, молъ, и понимаю: завтра поутру свидѣтели будутъ; случился ударъ—померъ; сами видѣли вотъ такъ, какъ теперь окно это самое видимъ». Поѣздилъ я по деревнямъ—сейчасъ нашелъ, что обѣщалъ и что было надо. Вотъ какова наша кубрацкая сила!» — Надо бы говорить «совѣсть», потому что вотъ онъ и ложную присягу не прочь принять...

Главная, прочемъ, сила кубраковъ заключается въ слѣдующемъ.

По свѣдѣніямъ могилевской консисторіи, 51 человѣкъ, ходившіе съ

книжками въ 1865 году, собрали 7,969 руб. 83 коп., то-есть каждый принесъ по 156 руб. 27 коп. 42 человѣка, сбиравшіе въ 1866 году, доставили консисторіи 10,512 руб. 83¾ коп., то-есть принесли каждый еще больше (по 250 руб. 30 коп.)—великъ соблазнъ!

Отходя отъ этихъ цифръ, можно судить о полномъ сборѣ кубраками денегъ, и едва ли во многомъ ошибаются ближніе ихъ сосѣди, полагающіе приблизительно, что каждый кубракъ выхаживаетъ въ годъ до тысячи рублей. Вотъ и опять соблазнъ, едва ли одолимый при весьма многихъ и сильныхъ поощреніяхъ!

Равнымъ образомъ, всѣ увѣрены (и доказываютъ множествомъ наглазныхъ примѣровъ) въ томъ, что легкое и неправедное стяжаніе не идетъ имъ въ прокъ: они не дѣлаются богатыми, сшибаются на винѣ и загульномъ пьянствѣ, столь обычномъ явленіи въ бѣлорусской жизни и въ бѣлорусской странѣ, заставленной шинками съ ловкимъ продавцомъ и поднощикомъ—евреемъ. Хозяйства ихъ запущены. Прежде занимались они землепашествомъ,—теперь совсѣмъ бросили. Замотавшись и навязавши на себя петель, они, какъ въ бѣличьемъ колесѣ, отъ пропитыхъ на кубрачествѣ деньгахъ опять лезутъ за добычей средствъ тѣмъ же единственнымъ, имъ вѣдомымъ путемъ сбора подаяній: обманомъ и задержкою про себя тѣхъ суммъ, которыя даны на церковь. Мало того: для многихъ самыя сборныя книжки сдѣлались источникомъ спекуляцій, особенно съ тѣхъ поръ, какъ въ послѣднее время начали затруднять и съуживать кубрацкіе пути къ наживѣ. Книжки, выправленныя счастливыми, стали своего рода выигрышными билетами съ большою премією, когда получателями принесены были изъ могилевскаго банка на мстиславскую биржу. Вмѣстѣ съ книжкой начали покупать еще право, сверхъ оплаты предварительныхъ издержекъ, возмѣщая послѣднія щедрою рукою (какъ спекулировали продажею на охотниковъ поддѣльныхъ книжекъ, то-есть прошнурованныхъ, но въ исходящій журналъ не записанныхъ).

Изъ этого можно судить на сколько, и въ самомъ дѣлѣ, прибыленъ промыселъ, и сколько группируется данныхъ для того, чтобы всѣ промышленники сбились въ тѣсный кругъ, въ своего рода общество или артель, гдѣ всѣ должны играть въ одну руку, и вставать другъ за друга плотной стѣной. Общественное недовольство съ нѣ-

которымъ оттѣнкомъ нескрываемаго презрѣнія къ нимъ и ихъ ремеслу еще больше сплачиваетъ ихъ между собою и объединяетъ въ извѣстнаго рода силу, борьба съ которой представляетъ уже нѣкоторыя трудности и препятствія.

— Если не выдавать имъ вовсе книжекъ, толкуютъ мѣстные ревнители правды;—то бѣдность церквей и настоятельныя нужды (не для роскошнаго, а для приличнаго только вида) всегда вызовутъ надобность въ помощи такихъ людей, которые были бы посредниками между нуждающимся и готовымъ помочь. Форма готова,— зачѣмъ ходить далеко? Наймешь охотливаго и умѣлаго, выправишь ему книжку самъ, чтобы избавить его отъ излишнихъ расходовъ и на церковь получить больше,—и пошлешь. Все же что-нибудь и принесутъ,—принесутъ несомнѣнно, а и что-нибудь, въ виду нуждъ заветшалыхъ деревянныхъ церквей нашихъ, много значитъ.

— Однако, посланники эти (возражали мы) ходятъ съ такими вредными товарищами, каковы: обманъ и своекорыстіе...

— Нѣкоторые, говорятъ, про всякой случай запасаются монашескимъ платьемъ (поддерживали и подкрѣпляли насъ). Одинъ въ Петербургѣ сказывался монахомъ съ Аѳона изъ монастыря, который погорѣлъ и 60 братій осталось въ однихъ рубахахъ. Случился нашъ мстиславскій при этомъ: узналъ въ монахѣ кубрака и уличилъ его.

— У нихъ въ слободкѣ и сейчасъ можно встрѣтить такого, у котораго очень круглая борода выросла (въ нашихъ мѣстахъ такія рѣдко попадаются); указываютъ на него, что онъ-де и ризу надѣвалъ, и молебны пѣвалъ, гдѣ это требовалось, и тому вѣровалось. Но все это слухи, требующіе подкрѣпленія.

Тѣмъ не менѣе, лучшихъ слуховъ, хорошихъ разсказовъ про нихъ не слышно, а все такіе возмутительные—про плутни и вранье, въ которыхъ можно утѣшаться лишь однимъ, что они топорнаго, грубаго дѣла и нехитраго вымысла: смѣтливый и толковый можетъ сейчасъ догадаться.

На меня, на ловца этихъ свѣдѣній, набѣжалъ звѣрь самъ безъ привады, явившись (по возвращеніи моемъ въ Петербугъ изъ восточной половины Бѣлоруссіи какъ разъ на второй день) съ блюдечкомъ,

книжкой и разсказомъ о несчастномъ городѣ, въ которомъ-де сгорѣло 12 церквей.

— Какой же этотъ несчастный городъ?

—«Мстиславль».

— Да тамъ, кажется, и всего-то семь церквей,—я тамъ былъ.

—«Не вы ли это съ Иваномъ-то Ивановичемъ на Дѣвьемъ городкѣ были?»

Вотъ и знакомый даже, который нисколько, однако, не сконфузился и, признавшись таковымъ, не торопясь, повернулся и направился къ двери; не пожелалъ даже и подаянія.

Какъ теперь помню его чугунное, отекшее лицо съ красными и ясными, такъ-называемыми «чертами изъ жизни» на носу,—не пьяный, но съ крѣпкаго похмѣлья и послѣдствіями его, не позволявшими, стоя къ нему близко, съ нимъ разговаривать.

Это ли достойные званія и чести адвокаты за церковную нужду и представители такого подвига, который на Руси считается святымъ? Неужели нѣтъ иныхъ способовъ замѣнить ихъ, этихъ паломниковъ, отжившихъ свой вѣкъ и переродившихся изъ овцы въ волка? Неужели нашъ вѣкъ, облегчившій пути сообщенія и сократившій дороги для пѣшаго хожденія, не дастъ иныхъ средствъ на замѣну древле-русскихъ? Несомнѣнно главнымъ образомъ то, что добрая доля причинъ, поддерживающихъ кубрачество, все-таки заключается въ неграмотности и неразвитости деревенскаго люда и въ предразсудочности городскихъ жителей,—словомъ, основывается на тѣхъ подпорахъ, которыя достались отъ предковъ, сильно погнили и готовы рухнуть при первомъ рѣшительномъ и смѣломъ натискѣ.

Не выходя изъ того же Мстиславля, въ которомъ двѣ сотни кубраковъ въ сотню лѣтъ не только не построили каменныхъ церквей, но и не зачинили четырехъ наличныхъ деревянныхъ,—мы находимъ опредѣлительный отвѣтъ на вопросы.

Въ 12-ти верстахъ отъ этого Мстиславля лежитъ давній Пустынскій Успенскій мужской монастырь, два столѣтія находившійся во владѣніи монаховъ уніатскаго базиліанскаго ордена. По присоединеніи уніатовъ, монастырь заветшалъ и близился къ совершенному упраздненію: собственныхъ средствъ вовсе не имѣлъ, разсчетъ на бѣд-

ный народъ былъ плохой! «Православнаго русскаго купечества, которое отличается усердіемъ къ храмамъ Божіимъ, совсѣмъ нѣтъ; всѣ рынки, всѣ оборотные капиталы страны, всѣ болѣе доходныя оброчныя статьи, все промышленное и торговое движеніе края въ рукахъ евреевъ, которые привившись къ православному русскому туземному населенію, имѣютъ въ виду однѣ свои выгоды, и гдѣ помѣщики поляки, которые хотя и благоговѣютъ къ находящейся въ этомъ монастырѣ святынѣ, но, по нерасположенію своему къ православной вѣрѣ, не оказываютъ поддержки существованію обители».

Стоило явиться въ монастырѣ догадливому, энергическому архимандриту, стоило ему попасть на одно изъ современныхъ средствъ распространенія извѣстій посредствомъ печатнаго слова черезъ газеты — и монастырь узнать нельзя. Я видѣлъ кругомъ его огромную, въ окружности на цѣлую версту, каменную ограду, каменный двухъ-этажный братскій корпусъ, каменныя службы, двѣ деревянныя на каменномъ фундаментѣ гостинницы, большую каменную крытую желѣзомъ церковь, большое двухъ-этажное каменное зданіе, также съ церковью по серединѣ; передѣлывалась третья церковь. Работы эти всѣ были начаты лишь въ 1863 году, и, смотря на результаты ихъ, нельзя не дивиться значительнымъ капиталамъ, собраннымъ въ столь короткое время.

По адресъ-календарю знакомился настоятель съ именами богатыхъ русскихъ купцовъ, и посылалъ имъ письма. Получивъ приношеніе, онъ спѣшилъ отправлять жертвователямъ литографированную икону Пустынской Богоматери. Присылъ денегъ усилился. На эти деньги изъ монастыря стали отправлятъ книжки: монастырскими тюками завалена бываетъ мстиславская почтовая контора. Въ нѣсколькихъ десяткахъ тысячъ разлетѣлось оттуда печатное «Извѣщеніе» (которое лежитъ теперь передъ нами, и изъ котораго мы выбрали нѣсколько строкъ, помѣщенныхъ выше во вносныхъ знакахъ).

Извѣщеніе давало отчетъ жертвователямъ о произведенныхъ работахъ, о неоконченныхъ, необходимыхъ и предполагаемыхъ, а между тѣмъ денежные присылы на имя «Анатолія съ братіею» не изсякаютъ.

Нужно ли прибавлять еще что нибудь ко всему сказанному?

Тѣмъ не менѣе, на дняхъ я встрѣтилъ опять кубрака, по обыкновенію, въ завѣтномъ мундирѣ: въ синемъ русскомъ армякѣ съ большимъ отложнымъ воротникомъ. Пѣвучая рѣчь, искуственный, испещренный словесами отъ Писанія разговоръ, рѣзкое *г*, да смягченный звукъ *ы* въ *и* его выдаетъ. Впрочемъ, по послѣднимъ примѣтамъ, это, можетъ быть, не кубракъ, а *лаборь* (одного дѣла слуги, но не одного поля ягоды въ буквальномъ смыслѣ этого слова, то есть одинъ бѣлоруссъ, другой малороссъ). По чернымъ волосамъ можно отличить второго отъ бѣлокураго перваго. Поле, возростившее кубрака, лежитъ на сѣверо-востокѣ Бѣлоруссіи, близъ границъ Бѣлой Руси съ Великою; мѣсто родины выходца лаборя на юго-западѣ Бѣлоруссіи, близъ ея границъ съ Малороссіей въ Гродненской губерніи, Кобринскаго уѣзда, главнымъ образомъ мѣстечко Яновъ. Какъ бѣлорусскій Мстиславль заразилъ примѣромъ Дубровну, такъ и малороссійскій Яновъ увлекъ примѣромъ деревню Мотоль (того же уѣзда), изъ которой также выходятъ лабори, но меньше и рѣже.

IV

«Лаборь»—тотъ же кубракъ. Мудрено найти различіе между ними, за то сходныхъ чертъ не оберешься. Сначала—о первыхъ, потомъ о вторыхъ.

Источникъ происхожденія слова кубракъ, вѣроятно, завалилось гдѣ нибудь въ архивахъ; слово лаборь любятъ производить отъ латинскаго labor (трудъ, трудникъ), хотя у малороссовъ названіе это превратилось въ лобырь и мѣстами просто въ лодырь, что по великорусски уже совсѣмъ нехорошо, а впрочемъ, очень пригодно, потому что лодыремъ зовутъ человѣка, который въ одно и тоже время и шатунъ и плутъ (см. словарь Даля).

Можетъ быть, въ цвѣтущія времена Польши, столь искусившейся въ знаніи латыни, народилось это слово для отличія людей этого рода,—мудренаго въ томъ нѣтъ уже и потому, что съ давнихъ вре-

менъ въ Польшѣ jus patronatus—право подаянія давалось только извѣстнымъ церквамъ по выбору и по протекціи, въ разсчетѣ на благотворительность православныхъ русскихъ. Такъ въ 1510 г. это право получила королева Елена Ивановна на Троицкій монастырь въ Вильнѣ; въ 1522 году Федько Хрептовичъ получилъ его на Лаврентьевской монастырь. О томъ же просилъ Василій Михайловичъ Сангушко для церкви св. Василія во Владимірѣ Волынскомъ. Связь и зависимость лаборства отъ панства была свѣжа и ясна, даже въ послѣднее время. Промыселъ этотъ ими поощрялся, какъ ихъ собственная доходная и оброчная статья.

Извѣстно, что при недавнемъ разсчетѣ съ крѣпостнымъ правомъ, въ сѣверо-западномъ краѣ оказалось громадное количество батраковъ и бобылей, т. е. тѣхъ несчастныхъ, которые обезземелены, и при нихъ—значительное число владѣльцевъ, пользовавшихся доходами съ тѣхъ самыхъ, которыя несомнѣнно могли принадлежать лишь крестьянамъ только ихъ кровавымъ продолжительнымъ и настойчивымъ трудомъ могли быть отвоеваны у дѣвственныхъ лѣсовъ, отбиты у непролазныхъ болотъ, а въ Полѣсьѣ даже и отъ воды тѣ острова и оазисы, которые стали потомъ пахатныти полями. Не только у мелкихъ, но и у крупныхъ владѣльцевъ велся обычай отнимать суму у нищаго, посредствомъ отрѣзковъ земель на самого пана многоразличными способами. Между послѣдними наичаще практиковался простой сгонъ съ земли осиротѣвшей семьи въ томъ случаѣ, когда умершій отецъ оставлялъ вдову и малолѣтнихъ.

Первая пускалась на произволъ судьбы въ чинѣ и званіи бобылки, а малолѣтки отдавались въ другія семьи и жили весь вѣкъ свой на чужой землѣ, подъ именемъ примаковъ и батраковъ. Всякій поводъ не упускался изъ виду; всякая случайность была на руку, для тѣхъ, которые силились увеличить объемъ своихъ владѣній, не жалѣя мужика. Конечно, чѣмъ хуже была земля, тѣмъ случаи эти были чаще, поводы разнообразнѣе, способы обезземеленія безжалостнѣе, поползновенія настойчивѣе.

Въ Яновѣ и Мотолѣ земля песчаная и неблагодарная; всякой выдѣленный кусокъ—лакомой кусъ. Захотѣлъ послѣдовать примѣру сосѣдей: — ступай, сдѣлай милость, на всѣ четыре стороны.

Земля между тѣмъ прирѣзывалась ко владѣльческой, переставала считаться и быть крестьянской.

При такомъ выгодномъ промыслѣ можно и оброкъ наложить высшій—выдержатъ; можно и книжку выхлопотать. Не удастся въ консисторіи,—попа заставляли выдавать не фальшивую, но незаконную. Многіе были уличены въ томъ и отданы подъ судъ (у иныхъ еще и до сихъ поръ дѣла эти не кончены)—да объ этомъ католическіе паны мало думали, и православныхъ мало жалѣли. Отсюда всѣ православные яновцы—лабори; отсюда съ древнѣйшихъ временъ ни у одного изъ нихъ не бывало больше 2—3 десятинъ земли (на дворъ). Всю эту землю обработывали у нихъ наемные рабочіе, которымъ платилось гораздо больше, чѣмъ панъ-помѣщикъ налагалъ на самого лаборя оброку.

Яновскій лаборь такъ уже себя и понимаетъ, что быть ему безъисходно прошакомъ и скитальцемъ, а потому и пускаетъ въ дѣло другой пріемъ, новый. Когда прознаетъ про церковную нужду и сдержитъ это извѣстіе въ тайнѣ про себя, онъ идетъ къ священнику той бѣдной церкви и самъ навязывается съ услугами, безцеремонно торгуется; не отказываетъ въ денежномъ задаткѣ, не останавливается на обѣщаніи выдѣла изъ заработковъ тому, кто укажетъ для него путь и снабдитъ правомъ.

Такимъ образомъ кубракъ—мѣщанинъ, лаборь—крестьянинъ, и въ спискѣ фамилій съ юго и западно-русскимъ оттѣнкомъ большая часть показанныхъ нами (выше) въ крестьянахъ—выходцы изъ Янова или Мотоля *) Впрочемъ, они чаще шатаются по ближайшимъ

*) Бываютъ, впрочемъ, лабори и изъ другихъ мѣстъ. Вотъ, между прочимъ, что мы читаемъ въ «Кіевлянинѣ»: «Въ Луцкомъ уѣздѣ, Волынской губерніи, находится замѣчательное, по историческимъ воспоминаніямъ, мѣстечко Олыка. Въ немъ до сихъ поръ существуетъ особенный промыселъ такъ называемыхъ лобуровъ или прошаковъ. Лобурцы, прошаки—это мѣщане-христіане олыкскіе, занимающіеся хожденіемъ по разнымъ мѣстамъ Волынской губерніи и сосѣднихъ съ нею, для сбора пожертвованій на устройство и починку церквей. Они, провѣдавъ, что на постройку или починку церкви въ какомъ нибудь селеніи, или мѣстечкѣ, послѣдовало разрѣшеніе епархіальнаго начальства, отправляются туда, принимаютъ на себя, по договору, обязанность собирать пожертвованія на церковь, берутъ съ собою книги, выданныя изъ духовной консисторіи, и двигаются въ

мѣстностямъ: въ Минскѣ, Гродно, Вильнѣ, забираются въ Жмудь и собираютъ по всей Ковенской губерніи, не обходя и хатъ католиковъ. Въ этихъ случаяхъ сборщикамъ на православныя церкви, по самому ходу дѣла, приходится подражать кубракамъ,—прибѣгать по неволѣ къ ложнымъ разсказнямъ, къ хитростямъ и безхитростнымъ обманамъ и надувательствамъ. Простаковъ и на такихъ немудреныхъ хитрецовъ, въ тѣхъ глухихъ странахъ—непочатый лѣсъ. Лаборь долженъ лишь умѣть говорить по-польски, а затѣмъ онъ уже съумѣетъ наврать, что пришолъ изъ далекаго Рима, отъ самаго наисвятѣйшаго Папежа, для сбора на новый косцелъ, который будетъ выше и больше всѣхъ на свѣтѣ.

Съумѣетъ лаборь и поторговать священными предметами, въ видѣ нанчаще встрѣчающихся у католиковъ штофиковъ, въ которыхъ бываетъ заключенъ маленькій изъ фольги алтарикъ. Не задумываются яновскіе лабори принимать на себя видъ ксендзовъ, одѣваясь въ бѣлыя комешки (рубашки костельныя) и служа супликаціи. Гдѣ надо и того требуется, лаборь не откажется и поколдовать—отробыть зробленое (т. е. отчурать заколдованное, изгнать изъ дому нечистую силу), полечить святой водой, или частицею животворящаго древа. Слыхали многіе, какъ они увѣряютъ простаковъ: «знаемъ, что у Бога на небѣ дѣлается; намъ это все открыто».

Одни лабори [1]) надували бабъ тѣмъ, что выдавали себя за лекарей головныхъ болей. Когда приходили больныя, одинъ яновецъ снималъ съ бабьихъ головъ наметки (длинные куски холста), другой прибиралъ ихъ въ мѣшокъ. Къ головамъ простоволосыхъ и простоплетеныхъ бабъ прикладывался потомъ кусокъ какого-то дерева,

---

путь-дорогу. Нѣкоторые изъ нихъ, какъ уже опытомъ приноровившіеся къ этому дѣлу, дѣйствуютъ довольно успѣшно; крестьяне, по своимъ средствамъ и по усердію, даютъ лобурамъ деньги, хлѣбъ въ зернѣ, холстъ, муку, сало и т. п.; само собою, что въ книгу записываются только жертвуемыя деньги. По преданію, сохранившемуся въ Яновѣ, будто бы изъ этихъ мѣстъ были переселены въ Яновъ какимъ-то давнимъ паномъ нѣсколько такихъ прошаковъ, которые и заразили остальныхъ».

[1]) По свѣдѣніямъ, сообщеннымъ туземцемъ, близко знающимъ этихъ промышленниковъ (г. Ставровичемъ, см. «Виленскій Вѣстникъ», т. I, 1869 г., изд. В. Кулина).

подъ видомъ животворящаго, а къ рукамъ лаборей прибавлялся еще новый предметъ на обмѣнъ и продажу въ сосѣдство къ тѣмъ, которые пожертвованы на церковь и которыми лабори, подобно кубракамъ, также торгуютъ и продаютъ, не доходя до роднаго Мотоля или Янова. Приходятъ же домой всегда два раза, также къ Пасхѣ и къ Петровкамъ: въ первомъ случаѣ для Велико-дня, во второмъ по той причинѣ, что въ лѣтнюю пору поживиться нечѣмъ, всѣ на поляхъ, и всѣ безъ денегъ: нечего и не у кого уже и попросить. За то лѣтомъ Яновъ тѣмъ и отличается, что, когда вездѣ происходятъ изнурительныя полевыя работы, — въ немъ царствуютъ разгулъ и веселье. Лобари на этотъ случай ухитрились даже обзавестись своимъ оркестромъ: всѣ сосѣди зовутъ жидовъ, у яновцевъ и капельмейстеръ свой—Адамъ Фракъ по имени.

Другіе выдавали себя за апостоловъ и совѣтовали крестьянину Брестскаго уѣзда Гоголюку служить Богу пророчествомъ и учить людей покаянію, обѣщая имъ, въ случаѣ непослушанія, несчастіе, именно смертельную болѣзнь, сначала на любимыхъ животныхъ—свиней, потомъ на необходимыхъ—коровъ, а наконецъ, и на самихъ людей. На кладбищѣ, подъ новымъ крестомъ, указали и то мѣсто, гдѣ избранный пророкъ могъ найти грамоту на посланничество. Довѣрчивый хохолъ отдалъ имъ все свое денежное имущество, а остальной скарбъ они съумѣли ночью выкрасть сами—и скрылись. Обманутый увѣровалъ въ слово ихъ до умономѣшательства: бросилъ хозяйство, сталъ бродить по деревнямъ, всѣхъ проклиналъ...

Третьи, подъ видомъ ксендзовъ изъ Рима, врачующихъ болѣзни, выманили въ Виленской губерніи у старухи-польки, страдавшей неизлечимою болѣзнію, больше тысячи рублей для новаго костела въ Римѣ, но попались: вернувшійся домой сынъ старухи поймалъ лаборей и предалъ суду.

Четвертые... впрочемъ, нужно ли приводить новые случаи обмановъ и слѣдить за всѣми продѣлками лаборей? Довольно сказать: двуличность и здѣсь, какъ у кубраковъ, идетъ рядомъ съ наружнымъ благочестіемъ. И эти волки въ овечьей шкурѣ умѣютъ класть большіе кресты съ заброской съ плеча на плечо и съ вывертомъ при переносѣ руки ото лба къ животу.

Тотъ же авторъ, о которомъ я упомянулъ и къ которому обращался за справкой, говоритъ: «религіозность яновцевъ и приверженность ихъ къ своей приходской церкви достойны замѣчанія. Рѣдкій изъ нихъ позволитъ себѣ, во время путешествія, говѣть, исповѣдаться и причащаться гдѣ-либо на сторонѣ. Напротивъ того, всякій считаетъ своею священною обязанностію возвратиться къ этому времени домой и исполнить свой христіанскій долгъ на родинѣ, въ своей приходской церкви. Въ заутрени и обѣдни, если яновцы дома, церковь всегда бываетъ переполнена народомъ. Даже въ будни, если есть богослуженіе, народа въ церкви бываетъ очень много. Церковнымъ празднествамъ яновцы стараются придать всевозможную торжественность. Во время пасхальной заутрени они устраиваютъ вокругъ церкви костры, плошки и, приготовивъ множество факеловъ изъ смоленыхъ канатовъ, сопутствуютъ съ ними крестному ходу. Сорокоусты и поминовеніе усопшихъ родственниковъ составляютъ у яновцевъ священныя времена. Въ поминальные дни, родственники и знакомые считаютъ своимъ непремѣннымъ долгомъ помолиться за усопшаго на обѣднѣ и почтить память его поминальною трапезою. Такая трапеза устроляется въ томъ домѣ, гдѣ жилъ усопшій», и т. д.

Вотъ пока результатъ сношеній съ великороссами и посѣщенія Россіи, очень рѣзко, впрочемъ, выдѣляющійся въ средѣ народа сѣверо-западной полосы Россіи, гдѣ повсюду церковь замѣняетъ въ воскресенье—шинокъ.

— Кто это поѣхалъ?—спрашивалъ тотъ же авторъ крестьянина-подводчика.

— Лаборь.

— А какъ же ты узналъ его?

— Бо шапка съ козырькомъ—отвѣчалъ мужичокъ.

Итакъ—еще пріобрѣтеніе, по кубрацкому примѣру, и съ присоединеніемъ полушубка съ ременнымъ кушакомъ и саноговъ съ длинными голенищами, вмѣсто неизмѣнныхъ и повсюдныхъ бѣлорусскихъ каверзней и лаптей.

Нельзя упустить также и того обстоятельства, что лаборская изба уже не хата: въ ней настланъ досчатой полъ и въ углу поставлена

печка съ трубой. Словомъ, лаборская изба не курная съ копотью, а бѣлая, и притомъ такая, гдѣ всѣ стѣны, словно въ старовѣрской молельнѣ, увѣшаны образами. Но по причинѣ близкаго сосѣдства католическихъ странъ, святитель Николай виситъ съ Антоніемъ Падуанскимъ—любимымъ святымъ всего края; съ икононой новгородскаго Знаменія Богоматери, св. Розалія съ пламенѣющимъ сердцемъ, и т. п.

— Неужели и только? спроситъ читатель.

— Поищемъ еще, но предупреждаемъ впередъ, что иныхъ пріобрѣтеній уже очень немного.

Выдѣляется простое, но характерное для того края отличіе: лаборь учтивъ и льстивъ, при встрѣчѣ снимаетъ шапку и кланяется. Вмѣсто убивающей всякаго свѣжаго человѣка замкнутости туземца, лаборь словоохотливъ и, какъ бывалецъ и проходимецъ, предусмотрителенъ и остороженъ: съ разу узнаетъ съ кѣмъ говоритъ и имѣетъ дѣло и какъ надо говорить. Говоритъ онъ витіеватымъ языкомъ, отборными словами: «рѣчь проникнута своего рода діалектикою и, во всякомъ случаѣ, скромна и умна. Всѣ лабори, въ силу закона своего происхожденія, конечно, говорятъ по-русски, но также какъ и кубраки, два языка знаютъ» [1]). Добросовѣстно въ этомъ случаѣ, по крайней мѣрѣ, то, что они, въ сознаніи нечистоты своего промысла, принуждены прибѣгнуть, подобно столичнымъ мазурикамъ и всероссійскимъ офенямъ, подъ покровъ ширмъ, не особенно благовидныхъ, но по временамъ пригодныхъ и мѣстами удобопримѣнимыхъ.

Жены кубраковъ и лаборей, за отсутствіемъ мужей, обязанныя исполнять ихъ должность по веденію хозяйства, превратились въ бойкихъ и расторопныхъ бабъ. Онѣ рѣзко отличаются отъ своихъ землячекъ, именно болѣе подвижнымъ умомъ и находчивостью и тою очень характерною въ краѣ особенностью, что всякая крестьянка тамъ

---

[1]) Вотъ нѣсколько словъ уловленныхъ тѣмъ же авторомъ: Богъ — Охвесъ, церковь—хлюса, священникъ—корхъ, крестъ—ставеръ, хлюсный ставеръ—церковный крестъ, рубль—хрущъ; книга для записки пожертвованій—ребсанька. Языкъ свой они называютъ «либерская гавридня».

только продаетъ (да и того сдѣлать толково не умѣетъ), а яновская крестьянка и продастъ, и купитъ не хуже еврейки.

Если эти оба мастера, подъ разными именами играющіе въ одну руку и успѣли совсѣмъ обмѣнять тяжолый земледѣльческій и ремесленный трудъ на легкой и весолый промыселъ, то тѣмъ не менѣе они съумѣли и выдѣлиться среди своихъ сосѣдей. Маленькія хозяйства свои они ведутъ въ чистотѣ, порядкѣ и съ примѣтными удобствами. На дворѣ у нихъ чисто; въ избахъ свѣтло и опрятно. Передъ иконами по-купечески горятъ лампадки; столы всегда накрыты бѣлыми и чистыми скатертями; вездѣ прибрано. подметено и подскоблено, какъ бы для пріема большаго начальства или какого-нибудь дорогого гостя, и какъ бы въ намѣренный контрастъ съ другими: не-кубраками и не-лоборами. Какъ въ избѣ, такъ и на дворѣ и на гумнѣ. Въ этомъ отношеніи они очень напоминаютъ степенныхъ, скопившихъ копѣйку, торговыхъ мужиковъ Великой Россіи и уже не сохраняютъ за собою никакихъ чертъ одноплеменныхъ съ ними бѣлоруссовъ или малороссовъ. Шатанье по бѣлу-свѣту и по чужимъ людямъ сдѣлало свое дѣло; совершило наружное превращеніе.

Кубракъ и лаборь, на простотѣ и довѣрчивости набожнаго народа укрѣпившіе свой промыселъ, поддерживаютъ его и въ то время, когда послѣдовали ограниченія, запрещенія и тому подобныя препятствія.

Имѣется распоряженіе, чтобы «выдачу сборныхъ книгъ по возможности ограничить, и строго придерживаться существующихъ постановленій. Производство сборовъ въ С.-Петербургѣ для церквей прочихъ епархій разрѣшать не болѣе ста лицамъ и притомъ тѣмъ, которымъ выданы книги отъ ихъ епархіальныхъ начальствъ, руководствуясь въ этомъ случаѣ правиломъ, для заграничныхъ сборщиковъ постановленнымъ, т. е. дозволять сборъ тогда только, когда нормальное число ихъ неполно, или по выбытіи кого-либо изъ получившихъ таковое дозволеніе».

Мѣстныя епархіальныя начальства (могилевское и гродненское) сдѣлали также своего рода распоряженія въ видахъ устраненія всякихъ злоупотребленій религіозными обѣтами и пожертвованіями христіанъ. Такъ между прочимъ: «не выдаютъ книгъ безъ предварительнаго заявленія о нуждахъ извѣстной церкви мѣстнаго благочиннаго

если же окажется, что какая либо церковь дѣйствительно нуждается въ починкѣ или перестройкѣ, то выдаютъ книгу только прихожанину той церкви, на которую имѣетъ быть производимъ сборъ, за надлежащимъ посвидѣтельствованіемъ мѣстной полиціи о благонадежности и добросовѣстности сборщика».

Обычай, унаслѣдованный отъ древнихъ паломниковъ и низведенный въ новѣйшія времена до промысла офеней, такимъ образомъ, теперь надломленъ. Но онъ все еще живетъ и дѣйствуетъ, энергически хватаясь за разломанныя доски и р зорванныя снасти разбитой лодьи.

Въ бытовомъ морѣ многообразной русской народной жизни мы видимъ, такимъ образомъ, одно крушеніе, но за то передъ нами выплываютъ новыя лодки съ другими пловцами. Всмотримся и въ нихъ и, что увидимъ, разскажемъ сейчасъ.

Эти встрѣчные пловцы и ходоки по всему лицу земли русской,— подлинные, безъ обма на

III.

НИЩАЯ БРАТІЯ.

— Ай же ты, Спасъ— Спасъ мило-
сердый.
Не давай ты имъ (нищей братіи)
горы золотыя,
Не давай ты имъ рѣки медвяныя
Сильные—богатые отнимутъ;
Много тутъ будетъ убійства,
Тутъ много будетъ кровопролитья.
Ты дай имъ Свое святое имя:
Тебя будутъ поминати,
Тебя будутъ величати.
Отъ того они слова
Будутъ сыты, да и пьяны;
Будутъ и обуты и одѣты.
Будутъ и тепломъ обогрѣты
И отъ темныя ночи пріукрыты.

(Изъ русской старины о Вознесеніи Господнемъ).

I.

ПОБИРУШКИ

и

ПОГОРѢЛЬЦЫ.

Не родомъ нищіе ведутся, а кому Богъ дастъ.
И церковь не строй, а сиротство прикрой, да нищету пристрой.

Народныя пословицы.

I.

На дворѣ осень. Однако, еще не та пора ея, когда неустанные дожди распускаютъ невылазную грязь и холодную, пронизывающую до костей сырость, когда исчезаетъ спокойное настроеніе духа и сѣренькая природа кажется еще сумрачнѣе.

Осень была въ началѣ. Листья деревьевъ измѣнили цвѣтъ: шаршавая осиновая роща изъ долговязыхъ деревьевъ окрасилась въ свѣтло-желтый, какъ охра; вишневые приземистые кусты ярко покраснѣли,—листья на нихъ стали какъ карминъ; но дубовый пожелтѣлый листъ еще не перешелъ въ грязный и мрачный бурый цвѣтъ Лиственные лѣса начали уже навѣвать грусть и усиливать осеннюю тоску и только березовые перелѣски по низинамъ отливали совсѣмъ лимонной окраской умиравшей листвы, и пріятно для глазъ вырѣзались на темномъ фонѣ хвойныхъ лѣсовъ, оживляя и скрашивая ихъ мертвенную, несмѣняемую одежду.

Утренники съ холодкомъ уже давно начались и холодная роса усердно выгоняла на солнечную дневную пригрѣву сочныя и маслянистыя головки грибовъ—остаточные признаки растительной силы, несомнѣнно истощонной и значительно ослабѣвшей. Свѣжій и сухой холодокъ днемъ, задерживавшій высыханіе всего намоченнаго росой и дождемъ, давалъ чувствовать въ тѣлѣ ту бодрость и силу, которыя дѣлаютъ пріятнымъ трудъ и оживляютъ работы въ той мѣрѣ, въ какой умѣютъ цѣнить это всего больше въ деревняхъ и всего чаще на поляхъ и гумнахъ.

Я вспоминаю теперь одну такую осень на Клязьмѣ, во Владимір-

ской губерніи, когда, потаскавшись пѣшкомъ въ тѣхъ мѣстахъ и натолкавшись между офенями, возвращался я отъ богомазовъ на встрѣчу новыхъ впечатлѣній, которыя на тотъ выходъ были тоже остаточными.

Въ самомъ дѣлѣ, стояла пора хлопотливой деревенской осени, въ самомъ серьезномъ ея величіи, когда идетъ строгая повѣрка и оцѣнка сельскихъ работъ и земледѣльческихъ знаній. Не богата такими впечатлѣніями промысловая Владимірская губернія, однако кое-что даетъ, потому что и на Клязьмѣ крестьяне стараются еще сохранять старинный и завѣтный характеръ земледѣльческаго народа.

— Гдѣ ни бѣгаютъ: кто съ лучкомъ, кто съ иглой, а кто, какъ и нашъ братъ, съ коробочкомъ,—гдѣ ни бѣгаютъ, а къ осени домой гоношатъ, подсказываетъ мой товарищъ по телѣгѣ, красно-глаголивый говорунъ—офеня.

— Послѣ Покрова опять всѣ на всѣ четыре разойдутся. Такъ ли я говорю?

Вопросъ относился къ третьему изъ насъ, сидѣвшему на облучкѣ и имѣвшему за эту работу получить отъ насъ, по доставленіи на условленное мѣсто, «чалковый рупь».

Угрюмо отвѣчалъ онъ въ поучительномъ солидномъ тонѣ:

— Мы тоже. По берегамъ-то Клязьмы, въ поймахъ корье деремъ.

— Ивовое?

— Съ чернотолу (съ ивы). Выждемъ вотъ ненастную погоду—и пойдемъ драть.

— Не отъ васъ ли это колодцы-то копать ходятъ?

Не дождавшись отвѣта, мой спутникъ обратился ко мнѣ:

— Только однимъ ремесломъ и занимаются и на него простираются. Не надо колодцевъ — и они безъ дѣла. Какова промышленность?

— А ты не зубоскаль. Закопаешь, братъ, когда что ни посѣй— ничего не взойдетъ. У насъ вонъ и на попѣ кругомъ поля-то объѣзжали бабы, да и тутъ ничего не выдрали.

Разговоръ продолжался все въ такомъ родѣ: съ насмѣшливыми,

бойкими замѣтками съ одной стороны, въ самомъ простодушномъ и откровенномъ тонѣ съ другой.

Эта другая сторона любопытна была для меня тѣмъ, что разговоръ ея былъ рѣзко отличенъ отъ обыкновеннаго и не всегда понятенъ по множеству новыхъ словъ. Нашъ товарищъ успѣлъ наговорить ихъ довольно даже за коротенькимъ обѣдомъ, за который сѣли мы по пріѣздѣ съ нимъ на мѣсто. (Я ихъ записалъ тогда и теперь помню).

Онъ, постучавшись въ окно знакомой избы, попросилъ высокую кичку, высунувшуюся въ окно, «припоромить» (пріютить). Войдя въ избу, тотчасъ же принялся пить, оправдавшись тѣмъ, что онъ сильно бажаетъ (жаждетъ) и кружку съ квасомъ назвалъ «ручкой»:

— Покормись, завѣдай (покушай, отвѣдай)! говорилъ онъ, предлагая мнѣ своего домашняго пирога изъ-за пазухи, и когда пирогъ мнѣ не понравился, посовѣтовалъ, указывая на деревянный ящикъ съ прорѣзной высокой спинкой и приподнятой крышечкой:

— Трухни солью-то!

Худенькаго хозяйскаго ребенка назвалъ «непыратымъ», а себя, послѣ того, какъ приласкалъ эту дѣвочку, выхвасталъ «незагнойчивымъ», что́, послѣ хлопотливыхъ допросовъ и догадокъ съ нашей стороны, оказалось въ значеніи человѣка «ласковаго».

Описывая деревенское хозяйство, онъ какъ-то кстати упомянулъ «баранъ де пудокъ» (робокъ).

На вопросъ мой:

— Знаешь ли ты, что значитъ слово «робкій»?

Отвѣчалъ:

— Не вѣду.

Это былъ одинъ изъ судогодскихъ лѣсовиковъ, которые и пастбища до сихъ поръ зовутъ „пажитями“ и вмѣсто посѣтить говорятъ «назрить», вмѣсто толстый—«дебѣлый», вмѣсто горячій—«ярый»—словомъ еще продовольствуются многими старинными оборотами и словами изъ глубокой древности.

Наслушались мы, наѣлись и поѣхали съ новымъ цокуномъ опять на одной лошадкѣ въ телѣгѣ дальше.

Но и дальше видимъ все тѣже суетливыя и торопливыя пригото-

вленія къ годичному испытанію. Куда ни посмотришь—вездѣ хлопотливый спѣхъ и видимые слѣды усиленныхъ и чрезмѣрныхъ заботъ и трудовъ. Ни днемъ, ни ночью слѣды эти не исчезаютъ, и если не слышно лихорадочнаго базарнаго крика, толкотни и суетни толпящагося народа, за то и въ глубокую полночь видно и слышно, что наглазное спокойствіе только кажущееся.

На бѣлесоватомъ безоблачномъ просвѣтѣ ночнаго голубого неба вырѣзаются обглоданныя крылья вѣтряной мельницы, смѣняясь одно другимъ: совсѣмъ обломанное—заплатаннымъ и починеннымъ, и оба то исчезнутъ во мракѣ, густо задернувшемъ землю, то выплывутъ одно послѣ другого на густую темную синеву неба. Немазаное колесо такъ и скрипитъ, и слышно, какъ срываются кулаки съ зубьевъ, а песты толчеи такъ и колотятъ, словно и они тоже побаиваются и торопятся.

Изъ того же неодолимаго глазомъ мрака не медлитъ дать знать о себѣ шумомъ и стукомъ водяная мельница, гдѣ въ перебой и перегонку за струями воды, сплескиваемой съ колеса въ омутъ, торопливо стучитъ шестерня. Мигаетъ въ маленькомъ оконцѣ огонекъ: знать полусонный мельникъ зажегъ его, чтобы смазать валъ или заправить мельничную снасть. Пусть быстрѣе трясется крытцо и спорнѣе стряхиваетъ готовую горячую муку въ подставной сусѣкъ: одолѣли мужики заказами. Всѣмъ надобно скоро, и всѣмъ заразъ.

Поворчалъ онъ, присѣлъ на порогъ, прислонился къ косяку, захотѣлъ подремать, а спать нельзя, такова ужь эта осень передъ Покровомъ.

И солнышко давно закатилось, и заря прогорѣла, а въ деревняхъ не до сна: играютъ огоньки и спятъ только малые ребятишки. Долго еще не подниматься на небѣ солнцу, бѣлѣетъ небо предразсвѣтнымъ блескомъ еще до зари, а въ разныхъ мѣстахъ спопутнаго проснувшагося селенія уже взлетаютъ на воздухъ невысокіе столбы густой пыли. Это вѣютъ обмолоченный хлѣбъ, и гремятъ ускоренно цѣпомъ на гуменникахъ торопливые хозяева.

У неосторожныхъ стали вспыхивать овины. Всего одинъ вечеръ ѣхали мы, а не одну такую бѣду видѣли: первую прямо, вторую налѣво.

Вспыхивала вдали, какъ порохъ, свѣчка; на нашихъ глазахъ превращалась въ пламя и разливала свѣтъ отъ него по темному небу короткимъ заревомъ. Упало вскорѣ зарево, погасла и свѣчка, предварительно выбросивъ изъ себя облачко яркихъ искръ и густого чернаго дыма, который мы не видали только потому, что мѣшала вечерная мгла и даль. Стало быть, сбѣжались во-время мужики, растаскали горѣвшія бревна, залили водой головешки, затоптали лаптишками затлѣвшуюся солому, накиданную по гумеппику.

Второе зарево держалось дольше; оно все искрилось и очень скоро встало въ ночномъ мракѣ и на темномъ небѣ огненной полосой несомнѣннаго пожара. Такъ понимаютъ и спутники и въ одно слово со вздохомъ говорятъ оба:

— Деревня занялась.

— Упаси Богъ вѣтра!

— Клѣтищи, кажись, горятъ: словно бы въ ихней сторонѣ, али Объѣдово?

— Видалъ ты Объѣдово-то въ этой сторонѣ! Развѣ я не знаю гдѣ Объѣдово-то? Вонъ оно какъ будетъ, Объѣдово-то твое!

Рукой мой офеня — проходимецъ своей и чужой земли —указалъ прямо.

— Ну, такъ либо Жуковица, либо Шпариха. Шпариха, надо-быть —она самая! — соглашался нашъ проводникъ. Но послѣ долгаго раздумья, онъ опять отказывался, иногда, для очистки совѣсти, немного поспоривъ.

Споръ однако не выяснялъ мѣста, деревня не отгадывалась: на ночное время нужна особая снаровка, которой не всякой владѣетъ.

Въ этомъ согласились и спорщики:

— Угадай ты ночью-то!

— А не угадаешь.

— Дорога-то тебя какъ водитъ? Какъ она тебя водитъ? Ты думаешь все прямо ѣдешь, а она тебя задомъ поставила, да повернула на право совсѣмъ. А тамъ ты за поворотомъ опять въ лѣвѣ очутился. Угадай тутъ!

— А можно. Дѣдушка! (проходящему старику) гдѣ горитъ?

— Пропастищи горятъ.

— Совсѣмъ значитъ искали не въ той сторонѣ; попали пальцемъ въ небо: вотъ како дѣло.

— Отъ овиновъ надо-быть, дѣдушко?

— Отъ чего больше?— Отъ нихъ: отъ овиновъ.

Дулъ вѣтеръ въ лазейку овина, на яму, гдѣ горятъ сухія дрова, выбивалъ изъ нихъ и крутилъ наверхъ крупныя искры. Одна крупная пролетѣла сквозъ рѣшетины потолка, на которыхъ разослапъ сухой хлѣбъ: зажгла солому. Въ плохо притворенное окно «садила», опять влетѣлъ вѣтеръ и раздулъ тлѣвшее мѣсто: занялся и хлѣбъ и рѣшетины.

Перепуганные мужики не сладили съ огнемъ и вѣтромъ: вырвалъ вѣтеръ головешку и вонзилъ въ первую соломенную крышу жилья, да такъ, что никто того не примѣтилъ: слизнулъ огненнымъ языкомъ эту избу. А тамъ загорѣлась и сосѣдняя, и еще третья въ другомъ порядкѣ, да такъ вся деревня подъ рядъ. Кричатъ на пожарѣ всѣ, что есть мочи. Бѣгаютъ отъ избы къ избѣ словно опоеные, наталкиваются, сшибаютъ съ ногъ ребятъ и бабъ, обходящихъ избы съ образомъ «Неопалимой купины», который на такіе случаи имѣется во всякой деревнѣ.

— А все пострѣлята-ребята. Ихъ стерожить оставили, да глядѣть, а они спать завалились: пригрѣваетъ тепломъ-то овиннымъ!— толковалъ мой спутникъ, всматриваясь въ пожарище.

— Не ребятки тутъ виноваты, замѣчалъ ямщикъ:—запажины въ этомъ дѣлѣ бѣда. На нихъ зерна заваливаются, попадаютъ въ зерна искры—искра въ сухомъ зернѣ лютой звѣрь. Ты ее затаптываешь, а она тебѣ лапоть прожигаетъ. Гляди еще и унесешь его съ искрой-то въ какое недоброе мѣсто: залѣзетъ въ прошву, не скоро изъ нее искру-то выколотишь.

— Построить бы мужику овинъ-отъ каменный, да желѣзную крышу сдѣлать, да пожарную трубу вдвинуть. Эдакіе-то я во Владимірѣ видалъ. Вотъ оно и не было бы бѣды, замѣтилъ офеня и засмѣялся.

— Оставь, парень, шутки-то: завтра-чай сбирать пойдутъ?

— Что имъ дѣлать-то осталось?

— До единаго человѣка на сборъ выйдутъ.

Разговоръ продолжался все на ту же тему, а тѣмъ временемъ

взошло солнышко, засіялъ свѣтленькой денекъ. Освѣтилась дорога, и на ней большая толпа задымленныхъ, немытыхъ, въ рваныхъ армякахъ погорѣльцевъ.

— Какіе такіе?

— Изъ Дубковъ.

— Когда погорѣли-то?

— Да вотъ третій день ходимъ.

— Примите, Христа ради, отъ насъ!

— Спаси тебя Богъ на святой твоей милостынкѣ!

Подали и мы этимъ людямъ, этимъ осеннимъ встрѣчнымъ спутникамъ, въ томъ убѣжденіи, что ужъ если они случайно погорѣли, то у нихъ сгорѣло все, что было изъ спасенаго и копленаго: дома у нихъ ничего не осталось. Иной безъ шапки выскочилъ и въ торопяхъ не успѣлъ захватить армячишка: такъ и остался. Другой въ лаптяхъ на одной ногѣ, а ребята всѣ въ однихъ рубашонкахъ. Сколько ни было въ деревнѣ жителей, всѣ вотъ они на-лицо. Всѣ вышли на большую дорогу.

— Не осталось ли кого?

— Да дядя Митрій, ветхой человѣкъ. Искали его —не нашли.

— Глухой онъ былъ, и на ногахъ не твердый: сгорѣлъ.

— Еще кого не забыли ли?

— Антонъ не пошелъ, у него зять богатый, Федосей, пріютилъ самъ мужикъ денежный; пошолъ къ кому вздумалъ. А остальные всѣ здѣсь въ кучѣ, всѣ здѣсь.

Одинъ время отъ времени въ подробныхъ и охотливыхъ разсказахъ о пожарѣ схватывается за ухо.

— Что у тебя?

— Сжогъ ухо-то. Спалъ я: проснулся, горимъ. Спасибо еще, что запалило ухо, а-то бы и не проснуться. Надо-быть огня въ нутро-то попало, и спалило тамъ. Такъ и закатываетъ,—мѣста не нахожу. Кое-еле успѣлъ выскочить.

Въ самомъ дѣлѣ, идетъ онъ безъ армяка и безъ шапки, лишь подвязался синимъ платкомъ, выпрошеннымъ въ спопутной деревнѣ у встрѣчной бабы.

Это темное пятно, вырѣзавшееся на свѣтлой веселой картинѣ

честнаго осенняго труда, отодвинулось отъ насъ на дорогу и задній планъ, и исчезло въ сосѣдней деревнѣ. Появлялось оно потомъ еще нѣсколько дней на околицахъ ближнихъ селеній и на проселкахъ унылыхъ заклязменскихъ мѣстъ.

Пятна эти, впрочемъ, скоро изчезнутъ. Появленіе погорѣльцевъ въ осеннее время, явленіе сколько непзбѣжное и почти обязательное, столько же и скоропреходящее. Глубоко сознавая нужду, нарождающую подлинную голь, просвѣчивающую до бѣлаго тѣла, погорѣльцамъ охотно помогаютъ всѣ тѣ, которые счастливѣе работали, давно уже выучились разумѣть, что попасть въ бѣду можно отъ одного сгорѣвшаго овина, отъ одной жолтенькой копеечной свѣчки, какъ говоритъ и ясно доказываетъ городъ Москва. Въ сущности погорѣли случайно, несчастіе выбрало ихъ на этотъ годъ по капризу, но не отказывало сь посѣтить на будущій другихъ очередныхъ

Погорѣльцы—нищіе временные, а потому не тяготятъ и не докучаютъ: имъ бы обогрѣться, да прокормиться на время нечаяннаго случая,—бѣда избывная. Дать имъ придти въ себя, приласкать ихъ, чтобы не отчаявались,—и воровать, и грабить они не пойдутъ. Иной хоть и не говоритъ о подачѣ милостыни въ ссуду съ возращеніемъ при первой поправкѣ, да такъ думаетъ, и такъ сдѣлаетъ. Не въ состояніи сдѣлать этого одинъ, можетъ быть, только тотъ, у котораго огонь спалилъ животину и лопатину. Остаться безъ лошади, когда негдѣ взять ссуды, потерять овецъ и корову, когда на базарахъ приведется потомъ покупать ихъ на чистыя деньги: вотъ, гдѣ для совершеннаго обнищанья дѣйствительныя и сильныя причины. А такъ какъ всѣ эти бѣды сплошъ и рядомъ валятся разомъ на одну и ту же горемычную голову, то неудивительно, что не бываетъ такихъ деревенскихъ пожаровъ, послѣ которыхъ не оставался бы хотя одинъ несчастный въ совершенномъ нищенствѣ, безъ надежды поправленія, съ полнымъ правомъ идти на всѣ четыре стороны. Если у него не хватитъ находчивости и умѣнья поступить такъ, то, пристроившись къ родному пепелищу, онъ не во многомъ выгадаетъ. Помочь за угощеніе виномъ и ѣдой ему не подъ силу и не по средствамъ, та помочь, которая другимъ людямъ подостаточнѣе и находчивѣе его въ одинъ день и луга коситъ, и поля убираетъ, и избы на

пожарищахъ выстраиваетъ въ двѣ, — три недѣли. Для вдовъ, для солдатокъ, для сиротъ и малосильныхъ семей пожаръ — истинное несчастіе.

Изъ этого несчастнаго разряда деревенскихъ жильцовъ выдѣляется на погорѣлое мѣсто та неимущая братія, которая весь вѣкъ потомъ бродитъ по избамъ и стучится по подоконьямъ. Селится она на родномъ пожарищѣ, на старомъ мѣстѣ, въ чьей-нибудь банѣ, которая уцѣлѣла отъ огня, и отъ которой отступился хозяинъ. Онъ подарилъ ее жалкому бѣдному человѣку, прорубилъ, глядя на его немощь, пошире окна и передѣлалъ банный полокъ на избяныя полати, каменку на бѣлую печь. Пріютившаяся тутъ бѣдность съ того и жизнь начинаетъ, что ходитъ по новымъ строеніямъ и сбираетъ про себя, въ замѣну дровъ, щепу и стружки.

Если положить по одному такому горемыкѣ на любой пожаръ и на каждую деревню, и если, повѣривъ оффиціальной цифрѣ, свидѣтельствующей, что на каждый мѣсяцъ выпадаетъ во всей Россіи тысяча пожаровъ (а на осенніе мѣсяцы въ три раза больше), сообразить общее число погорѣльцевъ, превращающихся въ полныхъ нищихъ, можно глубоко призадуматься. Для размышленій и думъ здѣсь просторъ въ обѣ стороны: и въ ту, гдѣ скопляется неотразимо и неустанно каждый день совершенно безпомощная нищета, безсильная для себя, безполезная для другихъ, и въ ту сторону, сосѣднюю съ первой и ближнюю къ ней, гдѣ живетъ и дѣйствуетъ благодѣющая сила, которая сдерживаетъ зло нищеты, умѣетъ сокрушать его во время и не даетъ разыграться.

Нищета ходитъ большими шагами,—да и взаимная помощь, сосѣдское сердоболье за ней поспѣваютъ. Погорѣльцы дѣйствуютъ съ открытымъ лицомъ и со спокойной совѣстью; для городовъ умываютъ даже лица, одѣваются въ лучшія платья, заручаются открытыми форменными свидѣтельствами,—и во всякомъ случаѣ на сборѣ, въ качествѣ нищей братіи и попрошаекъ, ходятъ недолго.

Кто слѣдилъ за деревенскою осенью на самыхъ мѣстахъ, тотъ видѣлъ это чудо воочію: погорѣльцы бродятъ недолго; разъ прошли, другой разъ этихъ въ одномъ мѣстѣ въ нищей братіи не увидишь: хожеными путями они не пользуются. На зиму, сосѣдское сердоболье

ихъ присадитъ гдѣ-нибудь по сватовству и кумовству, а съ ранней весны осенніе погорѣльцы уже рубятъ свои новыя избы, послѣ посѣва яровыхъ и въ ожиданіи озимей. Помогаютъ имъ всѣ беззавѣтно, уготовываютъ милостынькой и себѣ путь поглаже: авось, того и гляди и самимъ не сегодня, завтра приведется по этой дорожкѣ прогуляться.

Людская слабость — лѣнь, семейное безсиліе, да власть Божья, сказывающаяся неурожаемъ, плодятъ и множатъ неимущую братію, и въ малохлѣбныхъ мѣстахъ вырождаютъ невеселыя правила. Пропустилъ два, три дня горячей рабочей поры—значитъ—навѣрное потерялъ если не все, то очень много. Когда своевременно не высохнетъ хлѣбъ на корню, когда высохшій не уберется во-время съ поля, — зерно на половину утечетъ (обсыплется), а затѣмъ позобаетъ перелетная птица то, что не успѣютъ вколотить въ землю и загноить тамъ сильные проливные дожди, Нищій готовъ.

Удивляться тутъ собственно нечему: деревенская жизнь въ крестьянскомъ тягловомъ положеніи, что переходъ черезъ рѣчку по жордочкѣ: и жордочка тонка, и рѣчка глубока. Сорваться можно каждый день — стоитъ только чуть-чуть позазѣваться, а завязнуть затѣмъ въ тинѣ (и, конечно, по горло) — неотразимая неизбѣжность. Вотъ, между прочимъ, почему, во всегдашнемъ страхѣ подобныхъ опасностей, хлопотлива и суетлива въ работахъ деревенская осень, даже и тамъ, гдѣ земля давно отказывается кормить и гдѣ не прекращаютъ съ ней знакомства и дружбы только по старой памяти, какъ на этотъ разъ въ той мѣстности, куда привелъ я читателя.

Въ подобныхъ мѣстностяхъ малохлѣбной полосы лѣсныхъ губерній, если выпалъ на несчастную долю земледѣльцевъ неурожай, то онъ сейчасъ же и скажется прямо: въ городахъ — наплывомъ нищихъ, тѣхъ самыхъ хозяевъ, которые все лѣто питались надеждами, а въ началѣ осени торопливо работали, на что-то разсчитывали; въ деревняхъ — докучливымъ крикомъ малыхъ ребятъ и стукапьемъ палкой въ подъоконницу стариковъ и старухъ. Тѣ и другіе, въ виду голодовки, по исконному деревенскому обычаю, забываются дома и предоставляются самимъ себѣ.

А въ счастливое урожайное время?

И въ такое рѣдкое счастливое время съ умнаго лица русскаго

деревенскаго человѣка не сходитъ невеселая сосредоточенная задумчивость; морщины не сглаживаются; улыбка бываетъ, но смѣхомъ лице не оживляется и глаза рѣдко блещутъ веселостью.

— Зачѣмъ умолотъ считать? Къ чему себя повѣрять? Дѣло извѣстное: не хватаетъ.

— Что Богъ дастъ — все въ закромахъ будетъ, а намъ его, Батюшку, повѣрять не приходится. На Божью власть не пойдешь съ жалобой къ мировому.

— Грѣхъ умолотъ считать; чего тутъ считать? И сосчитаешь когда лишній овинъ, все на тоже выйдетъ: чего тутъ считать?

И не повѣряютъ себя. Вѣрнаго отвѣта на то, каковъ приполонъ (приростъ) никто сказать не рѣшается и всякой боится; и узнать о томъ въ тѣхъ мѣстахъ отъ самихъ хозяевъ совсѣмъ невозможно. Въ самомъ дѣлѣ, трудъ учета излишній: даже полный урожай круглый годъ не прокормитъ; безъ прикупки чужого хлѣба не обойдешься. А такъ какъ хлѣбная торговля всегда идетъ на чистыя деньги, то и надо промышлять эти ходячія и размѣнныя деньги тамъ, гдѣ онѣ водятся.

Во Владимірской губерніи, давно истребившей лѣса, это лучше всего понимаютъ: давно — по пословицѣ — обжогшись на молокѣ дуютъ и на воду. Съ незапамятной старины, въ тѣхъ мѣстахъ пріобрѣли промысловый навыкъ и хорошо знаютъ даже про самыя отдаленныя мѣста, гдѣ даютъ деньги и хорошо кормятъ.

II.

Не дологъ осенній день. Скоро набѣгаютъ сумерки, когда легко смѣшать встрѣчнаго прохожаго безразлично съ воромъ и волкомъ. Неохотно везутъ лошади и то и дѣло срываются ногами въ неожиданныя мокрыя колдобины или скользятъ по налощенному дождями глиннику и падаютъ. Любя животинку, проводники изъ крестьянской бѣдности, занимающейся извозомъ по великой нуждѣ и на до-

сугѣ, осенними вечерами ѣздить не любятъ. Насъ остановили въ первой встрѣчной деревнѣ и высадили въ первую случайную избу, лишь только представилась къ тому возможность.

Изба, пріютившая насъ, какъ и всѣ тысячи прежнихъ, дававшихъ пріютъ и угрѣву, съ дорожнаго холоду и сырости, сразу понравилась и успокоила насъ. Большая печь дышала тепломъ. Отъ нея, съ придаткомъ участія наполнявшихъ избу хозяевъ, было и жарко и душно. Дѣдушка, лежавшій на полатяхъ, метался и поскрипывалъ полатными брусьями; а съ печи, которою завладѣваютъ старухи, доносился почти непрерывный стонъ: даже малые ребятки, свернувшіеся на грязномъ полу подъ материнскимъ полушубкомъ, разметались, переплелись ручонками и уткнулись головками самымъ неудобнымъ способомъ.

Покормили насъ заѣзжихъ людей, чѣмъ удалось, однако не дальше неизмѣннаго молока и яичницы, которая за похвальный обычай являться всегда съ услугамъ называется между прочимъ скородумкой. Надо спать. Повидимому, легкое занятіе сидѣть въ телѣгѣ и ѣхать, но на осеннее время, по грязнымъ проселкамъ, въ этомъ большой трудъ и великое испытаніе: устанешь до тоски и истомы. Крестьянская изба, награждающая тепломъ, особеннаго ночнаго спокойствія не даетъ, но кое-какой получить можно, приноровясь по навыку и приспособясь по опыту.

На печь и на полати не лѣзешь; тамъ и дышать нечѣмъ да и привычные къ нимъ старики не одинъ разъ за ночь слѣзаютъ оттуда и уходятъ въ сѣни освѣжить себя и очнуться. На полу дуетъ, по тягѣ изъ дверныхъ щелей и изъ голбчика надъ подъизбицей въ неплотныя окна безъ двойныхъ рамъ и въ волоковое окно, которое и прорубается, какъ извѣстно, для этой тяги прямо противъ печи. Свернулись мы въ кутномъ хозяйскомъ углу, въ которомъ не прорубаютъ оконъ; свернулись мы тутъ въ вѣрномъ разсчетѣ на посѣщеніе тѣхъ докучливыхъ хозяевъ, которые зарождаются во мху въ стѣнахъ и любятъ, по обычаю житья на чужой счетъ, выходить на разбой темною ночью, когда уже въ свѣтцѣ и послѣдній уголекъ на лучинѣ пересталъ чадить и стрекать. Усталость взяла свое. Клоповъ мы какъ будто не слыхали: крѣпкій, здоровый молодой сонъ

посѣтилъ насъ съ товарищемъ, въ качествѣ истиннаго покровителя и услужливаго благодѣтеля.

Проснулись мы, по обыкновенію, довольно рано, немного позднѣе самихъ хозяевъ. Проснулись отъ того холоду, который, по обыкновенію, напустила хозяйка, затопившая печь и отворившая дверь въ сѣни настежъ. Свѣжая лучина въ свѣтцѣ трещала и угольки, стрекавшіе въ подставленную лоханку, шипѣли, опрокидываясь въ воду, и немедленно всплывали на поверхность ея. Дѣдко сползъ съ полатей и очень усердно мылъ изъ рукомойника морщинистыя и мозолистыя руки, много потрудившіяся, а теперь безнадежныя. Сквозь полумракъ освѣщенія лучиной и на сколько позволяла напряженность глазъ, можно было высмотрѣть и другія подробности проснувшейся избы, — всѣ, впрочемъ, какъ бы заказныя для нашихъ деревенскихъ избъ и семей безъ изъятія, однообразныя и достаточно невеселыя.

Шевелятся на полу проснувшіяся дѣтки въ ветхихъ рубашонкахъ, свалившихся съ плечъ. Одинъ испуганно-любопытными глазками посматривалъ въ нашъ уголъ, какъ бы дивится новому пятну на однообразной и приглядѣвшейся картинѣ, и въ одно и тоже время радуется, что пятно это появилось: что оно значитъ и зачѣмъ тутъ зачернѣло? Ребятамъ даютъ понѣжиться, побаловаться: никто ихъ не будитъ и не торопитъ вставать.

Со вздохами по временамъ, шепчетъ молитву хозяинъ, стоя противъ передняго угла, въ которомъ, среди непроглядnаго мрака, затонуло тѣло съ образами, почернѣлыми и источенными тараканами, охотливыми до деповыхъ иконъ, писанныхъ въ Холуѣ красками на яичномъ бѣлкѣ. Молящаяся фигура хозяина то взмахнетъ головой порывисто и круто откинетъ со лба назадъ волосы, свалившіеся на лицо во время поклоновъ, то почешетъ подъ мышками, то слазитъ рукой за спину, и не перестаетъ шептать молитвы. Время отъ времени онъ прекращаетъ поклоны, обдергиваетъ рубаху и поправляетъ подпояску. Всталъ на молитву и дѣдъ впереди сына.

Хозяйка прежде другихъ поднялась и прежде всѣхъ помолилась на перегородкой; теперь она возится съ горшками, перетираетъ ихъ и постукиваетъ. Видно тамъ, какъ широкимъ огненнымъ языкомъ зализываетъ печное пламя черное чело печи: слава Богу, печь съ

трубой, изба не курная и, стало быть, на ночной холодъ не выгонитъ. Можно продолжать осматриваться, хотя собственно смотрѣть нечего. Можно высмотрѣть одну лишь неизбывную бѣдность, которою — по деревенской пословицѣ — изувѣшаны шесты. На стѣнахъ ничего не видно, кромѣ сбруи въ нашемъ углу и надъ нашими головами; не видать даже и завѣтныхъ лубочныхъ картинокъ. Иконы и въ самомъ дѣлѣ крѣпко попорчены и хотя села Хо̀луй и По̀лѣхъ мы оставили всего лишь третёводни, а вотъ эти иконы и подмѣнить на новыя видно нечѣмъ. На хозяйкѣ сарафанъ въ заплатахъ, на плечахъ молодухи ситцевая рубаха только и есть, что видно: подъ сарафаномъ — нижній станъ весь изъ домотканаго толстаго холста. На обоихъ хозяевахъ порты и рубахи тоже изъ домашней пестряди; видно и при дешевизнѣ фабричнаго миткаля, который подъ бокомъ запасаютъ на всю Россію и Азію, выгоднѣе обойтись безъ него, потому что на всякій день не закупишь. Полушубковъ безъ заплатъ мы и не видимъ, а непришитые и торчащіе дырьями овчинные лоскутья для каждаго полушубка словно заказаны были нарочно.

Не веселый видъ; не веселая картина!

Все мы это видимъ, и разглядываемъ, и обдумываемъ вотъ уже цѣлый часъ, а еще никто не проронилъ словечка. Всѣ очень мрачно настроены; всѣ высматриваютъ изъ-подлобья и не взглядываютъ другъ на друга, словно взаимно надоѣли и съ вечера ложились побранившись и передравшись. А ничего и похожаго не было.

Намъ почуялись за все это время какіе-то глухіе звуки человѣческаго голоса, да и тѣмъ довѣряться не рѣшаемся, и они едва ли не создались въ воображеніи нашемъ. Угрюмо глядитъ изба; угрюмо смотрятъ и жители ея. Молодуха, напримѣръ, какъ только встала, такъ и усѣлась, минуты не медля, за работу. Она подхватила подъ себя донцо прялки и пощипывала торопливыми руками новую льняную бороду, надѣтую на гребень. Большуха, какъ перетерла горшки, такъ и полѣзла за квашней на припечекъ, и съ такимъ усердіемъ начала мѣсить и катать хлѣбы, что мы не знали чему подивиться: ея ли торопливости въ работѣ, ея ли способности всюду поспѣть и, по возможности, какъ можно больше и скорѣе все передѣлать.

Еще немного спустя времени, и остальные всѣ очутились за работой.

Стали и ребятокъ подымать съ полу на дѣло. Оживилась изба первымъ говоромъ, живымъ словомъ, и опять смолкла и задумалась: надъ чѣмъ? Надъ тѣмъ ли, что вотъ опять новый день коротать надо: пришелъ онъ безъ твоей воли, но съ твоей заботой, длинный день и хлопотливый. Вчерашній изжили кое-какъ, а кто его знаетъ, чѣмъ этотъ новый день подаритъ. Не отъ воспоминаній ли о вчерашнемъ, когда ничего веселаго въ подспорье не выдумалось, не отъ думъ ли при взглядѣ въ непроглядную темень, предшествующую сегодняшнему, стало всѣмъ такъ боязно и у всѣхъ проявилось невеселое, задумчивое настроеніе духа. И народилось оно такъ вотъ вдругъ, безъ видимыхъ причинъ. На бѣду, и умъ отдохнулъ, и память посвѣжѣла: неужели они представляютъ себѣ и оцѣниваютъ только невеселыя картины?

Должно быть такъ.

Заплетая вчера новый лыковой лапоть и думая про кожаные сапоги съ голенищами, смекалъ хозяинъ про умолотъ хлѣба:

— Хорошъ былъ, не въ примѣръ лучше прошлогодняго. А давай Богъ, если своего новаго хлѣба хватитъ отъ Покрова до зимняго Николы.

— Да нѣтъ: и примѣру того не было, чтобы даже до Веденья доставало. И до Веденья не протянешь, и надо со своихъ харчей уходить, оставлять дома только бабъ со стариками и ребятами— имъ до Николы хлѣба достанетъ. На Никольскихъ торгахъ могутъ прикупить чужаго хлѣба, а на это надо денегъ добыть, такихъ денегъ, которыя можно бы было размѣнять на мелочь.

И мужикъ проковырялъ такую большую дыру кочедыкомъ въ лаптѣ, что и лапоть испортилъ. Отбросивъ его на лавку, мужикъ огрызнулся на липовыя лыки и сталъ распутывать новую связку изъ цѣлой сотни свѣжихъ покупныхъ лыкъ. Съ вечера они отмокли въ корытѣ съ горячей водой и расправились, сдѣлались широкими лентами. Чернота и неровности соскоблены ножомъ. Взято 20 лыкъ рядомъ въ руку. Сталъ кочедыкъ—кривое шило выплетать сначала подошву, затѣмъ подъемъ на колодкѣ и въ концѣ концовъ пятку.

Хорошо бы тутъ пѣсню приладить: сама она просится на уста, а гдѣ ее взять? На голодный животъ и пѣсня не поется.

Пахтая смѣтану на масло для продажи на сельскомъ базарѣ, и хозяйка вздумала свое:

— Вотъ уйдутъ сами за промысломъ: какъ колотиться? Не уторгуетъ ли опять барынька-становиха на маслѣ по двѣ копѣйки съ фунта, не выпроситъ ли опять матушка-попадья фунтикъ въ придачу на духовное свое знаніе, да еще на своемъ безмѣнѣ вѣшать будетъ?—Сохрани Богъ!

Вздумала такъ, да и вздрогнула.

Маленькій баловникъ надѣлъ горшокъ на голову, да не сдержалъ его маленькими ручонками: сорвался горшокъ на полъ и разбился.

Бросилась мать за перегородку къ печи, нахлопала тамъ сына до сыта, и сама накричалась до слезъ:

— Гдѣ я теперь горшокъ-отъ возьму? Въ чемъ я кашу варить буду? Не по сосѣдямъ же за горшкомъ-то ходить да выпрашивать: вѣдь и не дастъ никто, да всякъ и пристыдитъ тебя. Что ты, пострѣленокъ, разбойникъ экой, надѣлалъ? Вотъ и глиняной бы горшокъ, а сколь дорогъ!

Долго кричала и еще дольше потомъ ворчала баба, грозясь на сына и взглядывала на дѣда—потатчика ребячьимъ шалостямъ и заступника за внуковъ.

Но и дѣдъ не вступился, и дѣдъ смолчалъ: видно, дѣло говорила баба, и велику бѣду напрокудилъ внукъ.

Свѣсивъ голову и сѣдую бороду съ полатей, старый дѣдъ—ежевыя въ семьѣ рукавицы—думалъ свою думу, смотря на спину и голову сына, который точалъ въ куту подъ полатями новый лапоть.

— Пойди, кормилушко, на старое дѣло, выходи, голубчикъ, за новыми денежками: охъ-охо-хо-хо! Не пора ли ужь?—Вотъ и осенины въ глубь пошли: къ Покрову подваливаютъ. Хлѣбъ теперь по всему свѣту сжали, серпы иступили и воткнули ихъ въ стѣну въ холодной свѣтелкѣ: тебя серпы эти ждутъ. Самъ я за ними съ покойничкомъ-батюшкой хаживалъ, и самъ одинъ собиралъ, и тебя выучилъ: передалъ тебѣ тѣ мѣста, гдѣ меня знали и почитали; ты сотенъ по двѣнадцати приносилъ, а велика ли корысть?

Старикъ углубился въ расчеты:

— Тупой серпъ надо выправить, отточить и вызубрить; на то и зубрильщики въ сосѣдяхъ живутъ. Ему за сотню надо дать полтора, а не то и два цалковыхъ. Себѣ серпъ обойдется въ двѣ копѣйки— дадутъ четыре, пять копѣекъ. За зиму надаютъ рублей до ста, да 60 проѣздишь, проѣшь: 30 рублевъ дома останутся на ковъ, на соль, на государеву подать. А еще завидуютъ добрые люди, сказываютъ, что нашъ-де промыселъ—самый барышный. А не пойти попробовать?

Немедленно за этимъ вопросомъ у дѣда мелькнулъ въ головѣ холщовый мѣшокъ черезъ правое плечо къ лѣвому боку, высокая черемуховая палка, да паперть церковная, да базарная площадка со старцами-слѣпцами и калѣками.

Онъ дальше не думалъ, и на сына пересталъ смотрѣть. Повернулся онъ на полатяхъ на спину, и съ тяжолыми вздохами поглядывалъ въ осѣвшую и покривившуюся матицу задымленнаго и почернѣлаго потолка.

Все это было вчера, а не то ли же и сегодня, когда въ торжественномъ молчаніи начался Божій день. Заходили ноги тотчасъ, какъ только были спущены съ постели на полъ, и засуетились руки, лишь только удалось всполоснуть ихъ холодной колодезной водой. Злоба дневи довлѣетъ: вонъ и подъ окошкомъ заныли зяблые дѣтскіе голоса. Истово и настойчиво выпрашиваютъ они подаяніе «Христа ради».

— Чьи дѣтки?

— Солдаткины. Солдатка у насъ тутъ на задахъ живетъ, христовымъ именемъ бродитъ.

Опять стукъ съ улицы въ подоконницу, на этотъ разъ молчаливый, безъ приговоровъ.

— Матренушка надо быть.

— Она и есть! отвѣчаетъ хозяйка, подавая въ волоковое окно кусочекъ обглоданнаго хлѣбца.

— Вдова сусѣдская. На краю живетъ. Послѣ мужа въ сиротахъ занищала. Убило его въ лѣсу лѣсиной, такъ и не раздышался: померъ.

Новый стукъ и опять безъ приговоровъ.

— Старикъ Мартынъ: этотъ къ намъ съ чужины пришелъ. У насъ на деревнѣ присталъ. Живетъ который ужь годъ!

И этому подали.

— Сами-то вотъ собирать не выходимъ, такъ къ намъ идутъ, —объяснялъ старикъ-дѣдъ мудреную истину простымъ немудрымъ и охотливымъ словомъ для насъ лично.

Больше стуку мы не слыхали: значитъ всѣ прошли. И всѣхъ одѣлили.

— У насъ ихъ всего трое (объяснилъ дѣдъ своимъ хладнокровнымъ, спокойнымъ тономъ). Въ сосѣдней деревнѣ ихъ пятеро: тѣмъ тяжелѣе нашего. Въ богатыхъ селахъ десятками убогіе водятся.

И сталъ разсуждать: отчего это такъ?

— Богатѣлей ли тамъ завелось много, и много они ѣдятъ и все они пожираютъ: ничего другимъ не остается,—какъ судить?

— Думалъ я и такъ: на богатаго, молъ, бѣдность вѣру кладетъ и къ нему подселяется, и выходитъ: чѣмъ больше, тѣмъ хуже. Промежъ себя бѣдность не сговорится, наберется ее много: со всѣми-то и не сладятъ, всѣхъ-то ихъ и не прокормить.

— Думалъ я, вотъ видишь, и на хорошее, а никакъ въ разумъ свой взять не могу, отчего это въ большихъ селахъ и городахъ всякой нищей братіи много? Какихъ хочешь, тѣхъ тамъ и просишь: и слѣпыхъ, и зрячихъ, и хромыхъ, и безногихъ. Одного парнишечко за руку водитъ, иного товарищъ возитъ на телѣжкѣ: такую маленькую приладили. Во Мстерѣ видалъ такого, что на однихъ локоткахъ ходитъ и не говоритъ,а мычитъ словно теленокъ.

— На что только произволеніе Божіе не простирается за грѣхи наши? И хоть весь ты свѣтъ обойди, а во всякой деревнѣ на убогаго человѣка попадешь, а нѣтъ — такъ и по три, по четыре ведется. На всякомъ вотъ православномъ селеньѣ экая повинность лежитъ — надо такъ говорить. Никто ее въ счетъ не кладетъ, а всякой платитъ, со смиреніемъ по Божьему указу: вонъ какъ и наши же бабы. давѣ. Какъ вотъ это дѣло теперь разсудить? Ну-ко, братцы, подумайте!

III.

Въ безчисленномъ и несослѣдимомъ сонмищѣ, вдоль и поперекъ бороздящемъ всю Русь, съ самаго его основанія, подъ разными видами неимущаго лица и подъ общимъ названіемъ «нищей братіи», такъ же, какъ и между просителями на построеніе церквей, играютъ на двѣ руки.

Одни въ самомъ дѣлѣ *нищаютъ*, придя по силѣ обстоятельствъ въ крайную бѣдность и, при недостаткѣ силъ или энергіи, поютъ подъ чужими окнами и вымаливаютъ себѣ насущную помощь. Другіе, съ примѣра и въ подражаніе этимъ, *нищатся*, какъ вѣрно выражаются въ деревняхъ, т. е. притворяются нищими и побираются именемъ Христовымъ безъ нужды.

Всѣ они одной масти даже и по мундиру, но при внимательномъ взглядѣ на внутреннія качества, не только подлинные нищіе и притворные побирухи, или, какъ тотъ же народъ называетъ ихъ *нищеброды*, не походятъ другъ на друга, но и въ каждой изъ двухъ родовыхъ категорій встрѣчаются по нѣсколько видовыхъ подраздѣленій.

Объ нихъ-то и пойдетъ настоящій разсказъ нашъ, въ продолженіе прежнихъ о ходокахъ и шатунахъ, разгуливающихъ по бѣлому свѣту и дѣйствующихъ Христовымъ именемъ и Христа-ради.

«Христа-ради», какъ уже не нами сказано, бываетъ разное, хотя не только нѣтъ города, но и какой нибудь деревушки на Руси, гдѣ бы этихъ невеселыхъ словъ не было слышно одновременно въ противоположныхъ краяхъ селенія, по неотложному наряду, ежедневно. Въ деревняхъ—каждымъ раннимъ утромъ, чуть забрезжетъ свѣтъ, когда крестьянская бѣдность, способная работать, надѣется и еще не отчаявается, потягивается и позѣвываетъ, приготовляясь топить печи и вскорѣ захочетъ ѣсть. Въ городахъ, гдѣ толсто звонятъ да тонко ѣдятъ, и гдѣ живетъ извѣрившаяся до отчаянія мѣщанская

голь, неизбывное «Христа-ради», вытягиваемое зяблыми и надтреснутыми голосами, слышится безъ разбору круглый день, съ утра до вечера, пока сіяетъ свѣтъ и пока непроглядная темнота не распутаетъ всегда робкую и запуганную честную бѣдность.

Деревенское подоконное «Христа-ради», по домашнему положенію и взаимному договору, безхитростная, прямодушная и грубо-откровенная голь изъ самаго ближняго сосѣдства, «дворъ о дворъ» одной деревни и много «съ поля на поле» сосѣдней. Голь, впрочемъ, настоящая: сгорбленная и оборванная, очень растрепанная и неумытая, съ робкимъ запуганнымъ видомъ и голосомъ, съ длинной черемуховой палкой въ рукахъ и перекинутымъ, черезъ плечо къ лѣвому боку на бедро, холщовымъ мѣшкомъ.

Въ немъ вся цѣль жизни и ея секретъ, для него всѣ хлопоты и мольбы и на этотъ разъ уже только объ малыхъ остаткахъ и объѣдкахъ, что убереглось за ночь отъ таракановъ и завалялось на столѣ послѣ ребятъ.

Эти и не всегда поютъ подъ окномъ, ограничиваясь стукомъ черемуховаго падога въ досчатый подоконникъ, и молчаливо выпрашиваютъ обычную, неизбывную подать, давно заусловленную и всегда обязательную.

— Тукъ-тукъ!—слышимъ и разумѣемъ. Разумѣемъ такъ, что подать сейчасъ надо. Вчера не выходилъ и не сбиралъ: значитъ доѣдалъ сборное третеводни. А сборъ, надо быть, задался хорошій: на два дня вишь хватило.

— Принялся стучать въ другой разъ—значитъ, больно ѣсть захотѣлъ.

— На, вотъ, прими Христа-ради! Держи полу, лови обглоданный ломоть чернаго хлѣба, либо кусокъ пирога съ кашей также чернаго и не доѣденнаго, а то—на большое счастье—и оба вмѣстѣ. Прими—не прогнѣвайся!

— Чего гнѣваться? Голодному кусокъ за цѣлой ломотокъ: вонъ ужь отъ голоду-то и животъ подвело и заикалось.

А то и такъ (что все равно): поискала баба на столѣ, пошарила въ столѣ, и подъ столъ заглянула, хоть шаромъ кати:

— Нѣту, Мартынушко, у самихъ, родимый человѣкъ, нѣту. При-

ходи въ другой разъ. Либо ребятки подобрали, либо телка стащила, ни кусочка нѣтъ. Не прогнѣвись, Христа-ради.

— Кому гнѣваться-то велишь? Кому ты такъ сказываешь? Тотъ ли я человѣкъ, чтобы губы надувать? У тебя не нашелъ, можетъ, Василиса выброситъ. У Маланьи вчера блины по покойничкѣ по ихнемъ пекли: туда пойду. Свой вѣдь я человѣкъ-отъ. Со своей нуждой никакъ не слажу, а про вашу нужду тоже доподлинно знаю. Ну-ко полно — Христосъ съ тобой!—чего мнѣ на тебя гнѣваться? Другой разъ и впрямъ подашь. Сколько ужь я у тебя перебралъ, а и ну-поди много! Свои люди, сусѣдскіе люди!

Въ самомъ дѣлѣ, свои: убогій идетъ прямо-таки изъ той склонившейся на бокъ, худо выкрытой избы, но еще не обезсилѣвшей по угламъ до того состоянія, чтобы не сдерживать тепла, прямо-таки изъ той самой избы, которая еще не превратилась въ баню, однако, вытѣснилась изъ ряда прочихъ избъ на край, на самую околицу селенія. Выдѣлилась же она туда по тому же необъяснимому и повсюдному закону, по какому и въ церквахъ таже неимущая братія протискивается къ самымъ дверямъ церковныхъ выходовъ, и не дерзаетъ подвигаться близко къ серединѣ, а тѣмъ больше къ иконостасу.

Да и эта изба не своя, а пригрѣлъ въ ней также бѣдный, но сердобольный человѣкъ на такихъ коммерческихъ условіяхъ:

— Мѣста не пролежишь: бери его подъ себя. А на счетъ пищи: сама въ міръ хожу, чужія окна грызу, — пищу самъ промышляй, какъ умѣешь. Если хворосту въ печь насбираешь, водицы изъ колодца выходишь: на что лучше! Мнѣ такіе-то и во-снѣхъ все видѣлись. На нихъ и свѣчки къ образамъ ставливала. Разболокайся, да живи съ Богомъ—со Христомъ!

Да еще сверхъ того и пошутила:

— Разживайся, съ легкой руки, уголькомъ да глинкою изъ пустой моей печи.

Не только раздѣтую деревенскую бѣдность, но и одѣтую для сбора подаяній и стало быть для показа въ людяхъ во все свое лучшее и нарядное, хоть и не оглядывай тотъ, у кого чувствительное и впечатлительное сердце: нагота и рвань бьютъ въ глаза и могутъ вы-

звать изъ нихъ непрошеныя слезы. Лучше прибодрившись и вооружась терпѣніемъ, послушаемъ, что всегда неохотно разсказываетъ эта бѣдность, на громадное большинство случаевъ совсѣмъ молчаливая. Да бываютъ подходящіе случаи — можно иногда добиться до откровенности. Къ тому же теперь намъ это сдѣлать легко: ихъ всего двое.

Одинъ занищалъ во вдовствѣ и сиротствѣ отъ недостатка посторонней помощи и въ томъ возрастѣ, когда еще ѣсть очень хочется. Другой ниспустился до безпокойнаго положенія нищаго отъ совершеннаго одиночества въ свѣтѣ. Сходство между обоими можно наслѣдить простымъ глазомъ, а до неизбѣжнаго различія между ними и случайныхъ особенностей можно дойти распросами. Занищавшее вдовство болтливо: у него на вопросы — цѣлыя повѣсти, гдѣ граница между житейской правдой и доморощеными выдумками давно уже стушевалась. Надо было вызывать состраданіе, стало быть подкрашивать бѣды. Сначала самому не вѣрилось, потомъ привычка взяла верхъ, и пришлось укрѣпиться на вымыслѣ, какъ бы подлинной истинѣ и бывальщинѣ.

Однако, очистивъ налеты фантазіи, можно получить самую нехитрую повѣсть, завязка которой сведется всегда на одно.

Покойничекъ зашибалъ съ горя; передъ смертью всего пуще. Вѣкъ проживалъ онъ спротой и въ маломъ достаткѣ. Маялся съ нуждой и старался одолѣть ее трудомъ. Работа не вывезла и сломила: весь словно развинченный сталъ. Какъ не зашибать! Думалъ все худое, все походя проклиналъ, а самъ пересталъ беречься. Хоть бы сдохнуть-де поскорѣй. А тамъ все равно: на рулѣ ли, плывя на баркѣ, не успаровилъ и ударило этимъ бревномъ такъ, что мало сказать, духъ на мѣстѣ вышибло, да еще и въ воду выкинуло. Съ овина ли сорвался со всего маху грудью на бревно. Дерево ли въ лѣсу рубилъ и надрубилъ его, и трещитъ оно — и покачнулось, отскочить въ сторону хотѣлъ, да не успаровилъ; словно подпихнулъ кто подъ лѣсину: раздавила она всю грудь въ доску. Подобрали холодное тѣло товарищи, притащили къ избѣ, сказали женѣ:

— Прибирай-ко!

Всплеснула она руками, бросилась на холодное тѣло и завыла,

сперва нескладно, что пришло на умъ, а потомъ опамятовалась и наладилась. А такъ какъ была она цѣлые сутки недаровымъ матомъ, не переставая, на всю деревню, то всѣ сосѣди, одинъ за другимъ, переслушали ее, а бабы даже и переплакались всѣ. Досужія подвывали.

На этотъ случай давняя практика съ отдаленной старины приготовила для нихъ складныя причитанья — плаксы, которыми можно и себя высказать, и другихъ вызвать на состраданіе и участіе [1]).

Потомъ по пословицѣ: на вдовій дворъ хоть щепку брось; съ мужемъ была нужа; безъ мужа и того хуже; а вдовой и сиротой, хоть волкомъ вой.

Вдова въ крестьянствѣ нищаетъ первою.

Занищала и пошла по дворамъ: въ первое время горе выплаки-

---

[1]) Одну такую «плаксу», подслушанную мною въ Олонецкой губерніи (прославленной въ послѣднее время въ качествѣ мѣстности, умѣвшей цѣльнѣе сохранить въ себѣ всякую старину), привожу въ томъ самомъ видѣ, какъ вылетѣла она изъ устъ вдовы-плакальщицы (олончанки):

Моя ты законная милосць-державушка!
Ужь я какъ-то стану жить безъ тобя, круцинная головушка!
Кругь меня-то, круцинной головушки,
Вьютъ витрушки съ запàдками —
Говорятъ-то мнòги добрые людюшки съ прибавками!
Какъ жила я при тобѣ, моя законная милосць-державушка
Было мни гладкое словецюшко пріятное,
Была лёкка перемнушка,
И довольны были хлѣбушки!
Не огрублена я была грубымъ браннымъ словецюшкомъ,
И не ударена побоямы цяжёлыма,
Цяжёлыма — несносныма!
Ты придай-ка ума-разума,
Во младую во головушку,
Ты законная милосць-державушка:
Мни-ка, какъ буде жить посли твòего бываньица?
Буду вольная вдова да самовольная,
Буду я жона да безнарядная,
И вдова да безнацяльная!..
Не по силушки наложатъ роботушку
Не по-рòзмысламъ — въ головушку заботушку!..
И усё буду боятьця, круцинная головушка теперюшко,
Цьто бы витрушки меня не обвіяли,
Цьто бы людюшки не обаяли!..

вать, утѣшеніе получить, а потомъ уже окончательно съ одною цѣлью: съ горемъ мыкаться и жалобиться.

Да и сосѣдки зовутъ:

— Сегодня пироги я пекла — заходи-ко отвѣдать!

— Вотъ ты все въ избѣ-то своей воемъ воешь: перестань-ко! Приходи въ нашу на досужій часъ посудачить.

— Мужняя-то душенька теперь налетаетъ въ избу тосковать по своемъ: — одной-то тебѣ не страшно ли тамъ?

— Весельемъ нашимъ не похвалимся, а тепла у насъ про тебя хватитъ.

— Тяжело твое дѣло, по сказанному: вели Богъ подать, не вели Богъ просить. Какъ теперь тебѣ съ этимъ приведется ладить?

Такихъ ласковыхъ словъ довольно. Довольно ихъ для обѣднѣвшаго и убогаго человѣка: онъ не заставитъ просить; самому надо гдѣ-нибудь преклонять головушку. Въ своей избѣ теперь не сидится; въ чужой словно бы рай Божій. Въ своей избѣ—вонъ столъ въ парадномъ переднемъ углу, на немъ ѣда лежала, а теперь самъ кормилецъ легъ: синій весь, лицо такое-то черное, что и признать его нельзя.

Вонъ и кутной уголъ, хозяйскій: сиживалъ въ немъ покойничекъ и все молча копошился, а въ разговоръ когда вступалъ, хорошихъ словъ, какъ замужъ за него вышла, не слыхивала: все говорилъ про великую нужду, да про разныя печали. Въ кутъ, по смерти его, и взглянуть страшно. Нужда теперь и безъ него изо всѣхъ угловъ кричитъ, а того пуще изъ передняго лѣваго, угла бабьяго: какъ вернулась съ погоста, такъ и печь не тапливала.

— И хорошо это: взглянешь когда ночью на покинутое мѣсто, такъ и толкнетъ въ сердце, и замретъ оно; и горло схватитъ, и слезы подступятъ. Хорошо еще, когда голосить захочется: въ причитаньяхъ однихъ только и спасенье. А вотъ въ чужой сосѣдской избѣ про все это и забудешь, оттого туда такъ и хочется.

Стыдно каликѣ въ міръ идти, а попустится на такое дѣло — не попомнитъ, стыдъ совсѣмъ забудетъ.

Входя въ чужую избу вдовьимъ обычаемъ, по сиротству, поря-

докъ соблюдать немудрено (этому дѣлу и не учатъ, само дается). Отворила дверь, вошла, помолилась въ передній уголъ; но, и поздоровавшись, не пойдешь туда, а сядешь тутъ же, гдѣ стоишь, у самой двери. Передній, правой уголъ затѣмъ и зовется большимъ, что сажаютъ туда только дорогихъ гостей: попа-батюшку, своихъ да богоданныхъ родителей, кумовьевъ да сватьевъ (и чѣмъ крупнѣе человѣкъ, тѣмъ глубже подъ самые образа). Въ лѣвый передній, отведенный обычаемъ бабамъ, для ихъ стряпни и работъ, тоже сиротѣ не двинуться безъ зову и позволенія: не всякая любитъ, чтобы въ ея горшки заглядывали, да плошки обнюхивали. Такое же святое это мѣсто, какъ правый задній уголъ — хозяйскій кутъ.

Вотъ это мѣсто подлѣ него, на кончикѣ лавки и у самаго косяка входной двери — самое подходящее, сиротское. Конечно, по знакомству и сосѣдству, долго на этомъ мѣстѣ сидѣть не приведется, а все-таки присѣсть надо уже потому, что всякій это цѣнитъ.

Послѣ того, какъ ясно покажешь, во что теперь себя во вдовствѣ ставишь, хорошо бываетъ: почитаютъ. И почтеніе это, конечно, выходитъ изъ сердобольнаго лѣваго кута, куда, послѣ приглашенія, хоть и за самую перегородку ступай: значитъ, подлиннымъ гостемъ сдѣлалась.

Однако не гостить пришла: и сама это твердо знаетъ, и другіе понимаютъ. Въ хлѣбѣ-соли не отказываютъ. Иная за большой столъ не сажаетъ, а кускомъ не обходитъ, привыкши обычаемъ кормить голодныхъ сосѣдокъ тутъ же за перегородкой, у печи. При этомъ, конечно, поѣсть разъ и два чужого — не велика хозяевамъ убыль. Вотъ въ третій разъ зайти — не такъ-то легко придумать, какъ это складнѣе сдѣлать, не всегда войдешь сразу. А ну, — оговорятъ? Бабы не оговорятъ (развѣ какая ужь злая), у бабъ мягкое сердце, а вотъ — мужики...

Мужики страшны: супротивное и сердитое слово у нихъ спроста сказывается; на оговоръ слово скоро покупается и не за большую цѣну. Мужиковъ надо обойти такъ, чтобы не казаться имъ лишнимъ гостемъ, объѣдалой да опивалой.

— А чѣмъ заслужить? Мудрено ли: подъ праздникъ можно напроситься столы поскоблить, лавки помыть, а подъ большіе праздники

и стѣны съ дресвой прочистить, и полы ножомъ оскоблить, и отымалкой вымыть.

— Про помощь бабамъ и сказывать нечего: тамъ всякая въ угоду, такъ какъ на нихъ лежитъ вся домашняя обуза по самое горло: немножко, на соломенку малую подмогу сдѣлать, имъ ужь и легче, онѣ уже и чувствуютъ это, и благодарятъ. Помочь постирать, баньку истопить, пошить, попрясть, поткать:—столько работъ, что и не пересчитаешь, столько случаевъ угодить, что на каждый день набрать можно, была бы охота.

Да когда и работъ нѣтъ—угодить бабамъ не трудно по той общей женской слабости, для которой въ деревняхъ и въ ближнемъ сосѣдствѣ пищи болѣе, чѣмъ даже гдѣ-либо.

— Вотъ ты по домамъ-то ходишь, не слыхала ли чего, не поразскажешь ли?

— Не токмо, мать моя, слышала, а вотъ—надобно побожась сказать—сама все видѣла. Вотъ этими самыми глазыньками, что и на тебя же гляжу, все, боярынька моя, видѣла. Разскажу тебѣ такъ, какъ ужъ и никому не разсказать. Вотъ прислушай-ко.

И духъ захватило, и даже въ горлѣ щолкнуло: такъ опромѣтью и накинулась она съ разговоромъ:

— Вотъ сидимъ мы это, матыньки мои: такъ вотъ я, такъ-то она. Сидимъ это на лавкѣ-то... котенокъ подъ бокомъ мурлычитъ. И котеночка этого я имъ принесла, выпросила: отдайте-ко молъ котеночката, такой ужъ у васъ пригожій вылизался. Бери, говоритъ, неси, говоритъ, не жаль, говоритъ: у насъ—слышь—опять кошка-то сукотной ходитъ. Вотъ мурлычетъ это котенокъ-отъ: «вилы-грабли стогъ метали», такъ-то истово выпѣваетъ. Сидимъ это—гуторимъ, разнощикъ-то этотъ кудревастый и входитъ. Входитъ онъ это, сударыни мои....

И пошла, какъ вода сквозь прорванную плотину на мельницѣ Хоть бревна и валежникъ закатывай—не поможетъ.

Задумчиво стояла вода въ омутѣ, повиновалась и не шелохнулись, пока не было выхода, а прорвалась, нашла выходъ, молитесь Богу: сама она теперь все свое возьметъ, вырвется на свободу. Подхватило—и понесло.

Нищенкѣ того и надо было, да и бабамъ того же самаго.

Осенніе вечера длинные, а зимніе еще того длиннѣе; временемъ подремлется, временемъ веретеномъ посучишь. Чтобы не очень смаривало, достанешь съ печи сухое березовое полѣно, лучины нащиплешь. Больше, пожалуй, ничего и не придумаешь. А такъ какъ такихъ будничныхъ вечеровъ впереди цѣлая сотня, то и велика бываетъ радость, когда доведется хоть одинъ такой вечеръ провести непохоже на прежніе.

Запросъ съ одной стороны вызвалъ предложеніе услугъ—съ другой наладился взаимный обмѣнъ. За товаромъ ѣздить недалеко, самъ напрашивается на руки. Какъ пріобрѣтеніе его изъ первыхъ рукъ, такъ и сбытъ его, въ качествѣ ходоваго и всѣми нужнаго, производится обыкновенно самыми простыми способами.

Деревенскій бытъ не умѣетъ разнообразить сорты его, а обмѣнъ основывается на двухъ лишь способахъ: на требованіяхъ со стороны потребителей, а при отсутствіи его охотливымъ предложеніемъ самого производителя,—первыхъ рукъ въ этомъ живомъ дѣлѣ. За то они и становятся очень хлопотливыми, не зѣваютъ и не дремлютъ; непосѣдливо стараясь о запасахъ и новыхъ пріобрѣтеніяхъ, не особенно хлопочутъ о фальшивомъ и подлинномъ товарѣ. Главная забота заключается лишь въ томъ, чтобы тотъ или другой имѣлся всегда на лицо и въ готовности. Пришелъ производитель со свѣжимъ товаромъ въ избу покупателя, и сталъ товаръ свой раскладывать и показывать, между прочимъ, такого, напримѣръ, сорта и достоинствъ:

— Ушли, желанная моя, солдаты-то. И сама такъ-то я рада, что и сказать тебѣ не могу. Курочка, то у меня хохлушка была, знаешь ее,—вѣдь одинъ пострѣлъ поймалъ и головку отвернулъ таково-то скоро. Я глазомъ мигнуть не успѣла, а онъ ее и за пазуху спряталъ.

— А у шабра-то, желанная моя, молоко все выпили: и свѣжее, и кислое. И творогъ поѣли,—идутъ, да только усы обтираютъ.

— Съ мужиками-то въ кабакѣ водку пили. Изъ кабака и въ дорогу ушли. И тотъ-отъ, что отставалъ отъ нихъ,—и тотъ убѣжалъ догонять, и такъ-то онъ перебиралъ ногами-то по дорогѣ. Надо быть строго у нихъ это. Безстыжая-то дѣвка вѣдь за деревню выбѣгала, провожала его.

— По матери, сударыня, по матери по своей. Сама вѣдь ты помнишь покойницу-то.

— Хорошимъ словомъ не помяну. Какъ солдаты-то лѣтомъ стояли, видалъ ли ее кто за работой—все съ ними. Провожать-то ихъ куды ходила! Пять недѣль въ деревню-то не показывалась, а пришла вся избитая, въ синякахъ, а лѣвый-отъ глазъ такъ ей разворотили, что я какъ увидѣла, такъ и ахнула.

— Не похвалю я, мать, сосѣдушекъ нашихъ, — нечѣмъ. Поглядѣла я на нихъ въ то время. Да и всѣ-то наши бабыньки — не тѣмъ ихъ помянуть.

— Да вотъ, желанная моя, взять бы теперь къ примѣру эту...

Нищенка показывала рукой на сосѣднюю избу, и взяла въ примѣръ ее, взяла другую, представила третью. Про всѣхъ и каждую она знала больше другихъ, — и теперь уже не столько по любви къ искусству, сколько уже по прямой своей обязанности. Не смотритъ она на то, что этотъ товаръ старый и залежалый, — найдется у нея по первому же спросу и требованію свѣжій и новый.

— Попы-то со святомъ ѣздили—вѣдь дьяконъ опять крестъ обронилъ. Проѣзжіе мужики нашли ужъ, и принесли ему,—а онъ третій день и глазъ не открывалъ: все спалъ, сказывала дьяконица. Проснется когда, попроситъ кваску испить, да и опять спать. Ужь и попы наши!..

— Что говорить?!

— Не то со святомъ, не то за сборомъ. Я съ пѣтухами поднялась, успаровлю, думаю, къ обѣднѣ. Пошла на село, а тамъ, слышь, четвертое воскресенье не звонили. Дьячекъ на встрѣчу попался,—телку свою искалъ: что́, молъ, Изотычъ, будетъ обѣдня-то?—Большой, слышь, не будетъ, а я маленькую безъ звону разогрѣлъ, да самъ и сладилъ, а ты-де, говоритъ, опоздала.

— Ужь и поповны у нихъ!

— Есть ли ужь другіе экіе глаза завидущіе? Все-то бы она у тебя взяла, что́ видитъ. Все-то бы она выклянчила,—и всего еще ей мало. А вѣдь грѣхъ сказать, чтобы нужда ихъ больно велика была: такія знать урождаются.

— Станемъ къ примѣру, говорить хотя бы про протопопицу... али бо дьяконицу..

А станетъ говорить— все знаетъ; нуждается только въ одномъ подговорѣ. Поддержи, подскажи, подмажь машину, подсыпь зерна,— жернова молоть не перестанутъ, и цѣлые годы они не перетираются.

— И какіе у васъ, у чертей — у нищенокъ, языки длинные!— въ удивленіи и съ досадой скажетъ мужикъ.

— Съ моей бабой васъ на одну осину вѣшать.

— Кто бабьимъ сварамъ заводчикъ?—онѣ! (подскажетъ другой недовольный)!

— Скажи на милость: сидятъ бабы по избамъ шолковыя, какъ овцы смирныя, — пиши ты ихъ на икону: совсѣмъ святыя. А побывай одна такая-то, — словно она въ бабъ-то зелья какого насыплетъ; откуда у нихъ разговоръ возьмется: и повеселѣютъ, и загудятъ, что̀ рой пчелиный, и на мѣстѣ не посидятъ — всю-то избу выстудятъ!

— У меня всѣ переругались. Большуха которую-то сноху прихолотила даже. А все нищенка чего-то ей нашептала.

— Я вотъ диву даюсь: все-то онѣ, братъ, знаютъ.

— Мудреное ли дѣло? Ты вонъ по двору-то ходишь, навозъ, чай къ лаптямъ пристаетъ, много его за день-то въ избу натаскаешь Пройдись-ка по двору-то другой разъ, что̀ у тебя на лаптяхъ-то будетъ? Какъ имъ не знать, шлюхамъ!

— Я, братъ ты мой, одной такой-то до Дмитріевой субботы и глазъ къ себѣ не велѣлъ казать.

— Ужь очень смущаютъ, хуже солдатъ: надо говорить правду.

Говоря правду, нельзя умолчать о такихъ особенностяхъ, какія представляютъ собою эти люди, неизбѣжные для каждой православной деревни.

Вотъ они, за поголовнымъ безграматствомъ сельскаго люда, живыя ходячія газеты съ внутренними извѣстіями изъ самаго ближняго сосѣдства; толковыя изъ нихъ даже съ курсами и биржевыми цѣнами установившимися на извѣстный продуктъ также на ближнемъ базарѣ, и всегда съ обличеніями самаго сердитаго свойства. Разница въ томъ что опроверженія на нихъ считаются ненужными:

— Что ты возьмешь съ убогаго человѣка,—тѣмъ вѣдь кормится.

Однако, отъ ихъ ока, недремлющаго и отъ старости и по обязанности, шаловливая молодежъ хоронится въ овинахъ и за гуменниками, а старческій грѣхъ уходитъ даже въ дальнія деревни. Нравовъ они не исправляютъ, а въ понужденіяхъ къ укрывательству грѣха и порока оказываютъ нѣкоторую долю участія. Деревенскія драмы, супружескія измѣны, любовныя связи молодыхъ паръ безъ нихъ не узнаютъ, а съ ними, искусившимися въ наблюденіяхъ и опытными при частыхъ разсказахъ, охотливый садись, слушай и составляй руководящія правила изъ того матеріала, что̀ ласкаетъ суевѣрное воображеніе, и изъ другого, пригоднаго для житейскаго руководства супруговъ и родителей. Для тѣхъ и другихъ они непокупные блюстители и даровые приставники.

— И парня-то, какъ черезъ тынъ перелѣзалъ, хоть и въ спину, видѣла, а по кушаку, да по сапогамъ признала. Ее-то, срамотницу, та̀къ въ безстыжую-то рожу и разглядѣла, какъ въ зеркальце: онамолъ самая, потаскушка экая!

— Покупалъ, мать, твой-отъ на базарѣ въ городу морковь и снесъ сударушкѣ-то своей: и какъ морковь-то грызла, видѣла. и обглоданый-то хвостикъ подъ окномъ на завалинкѣ валялся—видѣла. Меня не проведутъ. Мнѣ бы вотъ къ ней въ деревню-то только зайти,—обоихъ бы на чистую воду вывела.

— А пойду: мнѣ, мать, больно щецъ съ убоинкой поѣсть захотѣлось, а тамъ обѣщались. Та̀къ мнѣ щецъ захотѣлось, что и разсказать не смогу. Яичекъ я, матынька моя, ни печоныхъ. ни вареныхъ и, не помню когда, не отвѣдывала. И каковы они на скусъ-отъ, забыла совсѣмъ. Даже вотъ сплюнуть теперь захотѣлось. Прости-ко ты меня на этомъ, не гнѣвайся!

— Хотѣла я у тебя попросить...

И вкрадчивымъ голосомъ попроситъ и выпроситъ. Заручившись даляніемъ, она обяжется новымъ порученіемъ, приметъ на себя другую роль и выполнитъ волю пославшей та̀къ, какъ будто получала годовое денежное обезпеченіе.

На нищей братіи, и кромѣ этихъ случайныхъ и экстренныхъ надобностей, лежатъ другія обязанности и службы, сдѣлавшія ихъ не-

избѣжными въ деревенскомъ быту по прадѣдовскимъ преданіямъ и по вѣковой деревенской вѣрѣ.

Надо сварить овсяной крупы, припустить туда немножко меду и идти въ село помянуть родителей на Радуницѣ (во вторникъ на Ѳоминой недѣлѣ) и на Дмитріеву суботу (осенью),.—кто лучше помянетъ? Чья слеза и молитва скорѣй и легче дойдутъ и до родителей-покойничковъ, и до самого Бога?

— Конечно нищей братіи, которая тутъ на погостахъ про эти случаи собралась вся и готова къ услугамъ.

— Къ кому можетъ обратиться за помощью тотъ, у кого родятся дѣти, да не живутъ?

— Къ нищей братіи: отдай ребенка въ окно первому убогому человѣку, который придетъ за милостинькой. Онъ приметъ дитя, поласкаетъ его на улицѣ, обнесетъ кругомъ дома и отдастъ въ двери—будетъ жить. Убожья рука счастливая.

Печотъ боязливая баба по обѣту на весенняго Богослова (8-го мая память евангелиста Іоанна Богослова), чтобы урожай былъ на яровое, которое съ этого дня кое-гдѣ и посѣютъ:—кого тѣми обѣтными пирогами будетъ она угощать, задобривая на молитву?

— Опять-таки нищихъ и странниковъ.

Это—ихъ праздникъ съ пирогами, весенній.

Лѣтомъ варятъ для нихъ мірскую кашу, тоже въ качествѣ угощенія, на примѣтный въ крестьянствѣ день Акулины (13 іюня), который зовется и «гречишникомъ» (за недѣлю до него или недѣлю послѣ сѣютъ гречу), и «Задери хвосты» (потому что на скотъ въ полѣ начинаетъ нападать мошка).

Зимой нищей братіи опять почетъ на Никольщину, когда всѣ варятъ пиво и всѣ перегостятъ другъ у друга.

— Всего припасено, будь добрымъ сосѣдомъ, не мысля зла, будь молельщикомъ, вспоминая про живыхъ и умершихъ: всѣ милости просимъ брагу пить!

Въ той же Владимірской губерніи соблюдается очень древній обычай (и въ особенности твердо около Шуи, Мстеры и т. д.), оставшійся, впрочемъ, только у старовѣровъ. Этотъ обычай—тайная милостыня

всѣмъ бѣднякамъ (и прежде другихъ, конечно, нищимъ) отъ тѣхъ, у кого окажется въ домѣ опасный больной или налетитъ на семью и дѣла повѣтріе бѣдъ и напастей.

Въ милостыню полагаются: гречневая крупа, пшено, мука, печоный хлѣбъ, и въ особенности бѣлый, въ родѣ баранокъ, восковыя свѣчи и деньги. Разноситъ тайную милостыню избранный человѣкъ, ночью, самымъ осторожнымъ способомъ, чтобы не открыть и не указать на того, кто послалъ. Выбираютъ обыкновенно женщинъ и дѣвокъ, которыя кладутъ милостыню, какъ въ Шуѣ и около, на окно или отдаютъ, какъ во Мстерѣ, на руки кого-либо изъ домашнихъ, вызваннаго легонькимъ стукомъ въ подоконницу Въ послѣднемъ случаѣ тотъ, кто подаетъ, закутывается и обвязываетъ все лицо платкомъ кромѣ глазъ. Нашедшій неожиданное подаяніе обязанъ помолиться, а такая молитва, думаютъ, очень вѣрно и скоро избавляетъ отъ всякихъ бѣдъ и напастей.

Словомъ, въ теченіи всего круглаго года, для убогихъ людей готовая помощь и пища съ древнѣйшихъ временъ, какъ только спознала Русь христіанство. А сколько во все это время, для пущаго укрѣпленія въ народѣ высокаго значенія милостыни, наговорено было въ церквахъ проповѣдей на легкую тэму псаломскаго стиха: «кто убожитъ и богатитъ, смиряетъ и выситъ, возставляетъ отъ земли убога и отъ гноища воздвизаетъ нища», или на столь любимый лѣнивыми попами и молодыми семинаристами текстъ для проповѣди: «милуяй нища, взаимъ даетъ Богу».

Короче сказать для нищаго на Руси, на проторенныхъ дорогахъ, мягкіе пуховики и горячія яства у того самого люда, который давно сказалъ себѣ въ поученіе и правило для жизни: «Въ окно подать—Богу подать». Или: «Подай въ окно—Богъ подастъ въ подворотню», то-есть незримо, и неожиданно, и много.

Вотъ тѣ неизсякаемые источники, изъ которыхъ беретъ себѣ неисчерпаемое количество пищи наше стоголовое и пестрое чудовище—нищенство.

IV.

Ежедневно прокармливаясь отъ деревенскихъ сосѣдей по ихъ непривычкѣ къ отказу, имѣя даже свои праздники и обѣтные дни, по древнимъ народнымъ законамъ, съ тѣхъ давнихъ временъ, когда у московскихъ царей при дворѣ содержались даже придворные «штатные» нищіе на случай извѣстныхъ церковныхъ обрядовъ (въ родѣ омовенія ногъ)—деревенское нищенство далеко отъ опасностей голодной смерти, но не чуждо нѣкоторыхъ продовольственныхъ кризисовъ. Выпадаютъ на хлѣбъ недороды, когда нищаютъ самыя деревни. Выпадаютъ на самихъ убогихъ такіе недуги, что нельзя подняться съ мѣста и выдти за сборомъ: въ свободное время еще могутъ вспомнить, что давно-де не стучалъ подъ окномъ, и провѣдаютъ; но въ рабочую пору, когда по цѣлымъ днямъ всѣ на работѣ, кромѣ старыхъ, да малыхъ, можно заболѣть и помереть такъ, что никто не спохватится.

Во избѣжаніе такихъ-то случайностей, убогіе люди стараются жить въ товариществѣ, на крайній случай вдвоемъ. Этотъ способъ еще и тѣмъ хорошъ и удобенъ, что занищавшаго до ходьбы по подоконьямъ совѣсть зазритъ просить у сосѣдей словно бы по наряду, а чужой, пришлый въ товарищи, этому стыду не причастенъ. Изъ своей деревни легче сходить за сборомъ въ чужую, пріятнѣе постоять на сельской паперти: по сосѣдскимъ избамъ удобнѣе походить гостемъ, съ вѣстями, какъ будто бы за нуждой и по приглашенію (хотя бы и со сплетнями). Чужому человѣку этого всего соблюдать не надо: съ него и не спросятъ. Пришлому чужому легче и сподручнѣе устроить нарядъ ежедневный и стучать падогомъ въ подоконную дощечку, пока не обругаютъ, не выбранятъ за докучливость и навязчивость: у нищаго на вороту брань не виснетъ. А сбирать въ двѣ руки въ одно мѣсто—двоякая выгода: и больше будетъ, и въ запасъ остается. Нахвалятъ бывалые люди какое-нибудь бойкое тор-

говое сборище, прослышишь отъ другихъ про иное святое мѣсто, куда собирается народъ тысячами помолиться о хлѣбѣ насущномъ и объ избавленіи отъ всякаго зла и отъ лукаваго, захочется тутъ и тамъ попытать: вдвоемъ легче и любовнѣе и мѣсто найти, и тамъ не затеряться. Одинокіе убогіе такъ и стараются всегда жить вдвоемъ; иначе ихъ представить себѣ трудно.

Вотъ вдвоемъ же поселились и эти наши знакомые. Вся трудность для нихъ въ согласномъ, небранчивомъ и недрачливомъ сожитіи.

— А легко ли это? спросимъ у сосѣдей.

— Ну, да сами не видывали, не слыхивали: ни брани, ни перекоровъ; а поди и у нихъ со всячиной.

— Народъ-отъ они собрался разной, — подсказываетъ дѣдъ и смѣется.

— Матрена-то «собери домокъ», скупердяга, а товарищъ-отъ ея—распустѣня: огонь стало быть да масло. Собрались они тутъ какъ-то къ Угоднику помолиться да и пособирать. Огурцы у насъ по осенямъ-то дешевы бываютъ, огурцовъ-то этихъ имъ много дали на дорогу. Станутъ ѣсть огурцы-то даровые: Матрена дѣлитъ. Дѣлитъ и мѣряетъ: и тутъ глядитъ какъ бы товарищу огурчикъ покороче да потоньше выбрать. Мартынъ этотъ вернулся съ богомолья-то и пожаловался. Слеза у него даже пробивалась. Сказывалъ: «я-де вотъ до соленаго охотливъ»; безъ соли ему, слышь, и хлѣбъ—трава. Соленаго, говоритъ, судачка поѣсть: «мнѣ, слышь, и раю этого не надо, про которой слѣпые старцы поютъ». Знаютъ и наши про экую сласть его, и когда сукрой хлѣбца подаютъ—круто солятъ. Онъ эту соль сгребаетъ, сушитъ и насетъ про тотъ случай, когда чрево-то его соли попроситъ. Накопилъ онъ ее въ достаткѣ и на богомолье съ ней пошелъ. Жадущіе-то матренины глаза соль высмотрѣли и она ее выпросила: все-де равно мнѣ ее въ одной котомкѣ съ огурцами нести. А этотъ простота ей отдалъ. Запроситъ—не даетъ, или дастъ съ естолько, что онъ заругается. «Измучила, говоритъ, она меня совсѣмъ; съ голоду морить хотѣла и зломъ, говоритъ, она на меня стала пыхать, что змѣя: извести-де меня хочетъ». А самъ плачетъ. Ну да и какъ не плакать такому горю?

Дѣдко опять разсмѣялся.

— Ницiе, что ребята малые. Куда у нихъ этотъ разумъ дѣвается? Подъ окнами они его затаскиваютъ что ли, алибо ужъ это убожество-то поѣдаетъ его,—никакъ я домекнуть не могу, сколько не перебиралъ въ умѣ своемъ. А и малъ младенецъ—несмышленочекъ хоть бы и сѣдой Мартынъ этотъ. Сказываетъ про него эта самая баба—товарка его:

— Выходитъ когда этотъ убогiй человѣкъ деньги; убогому человѣку все надобно, потому у него ничего нѣтъ, а на деньги купить бы можно. Чтожъ, ты думаешь, онъ покупаетъ? Да вотъ легка на поминѣ: она тебѣ сама все разскажетъ.

— Разскажи-ка, Матренушка, что твой старикъ-то дѣляетъ, когда деньги промыслитъ? Ну-ко!

Просьба эта относилась къ маленькой, сухонькой старушоночкѣ, плотно укутанной въ дырявый полушубокъ, изъ-подъ котораго выглядывалъ обмызганный подолъ крашенинnаго сарафана. Старушоночка какъ будто иззябла вся и никакъ ей не согрѣться: такъ и съежилась она въ комокъ, какъ и морщинистое маленькое лицо ея,—вся сгорбилась и ссутулилась. А довольно бойкая, съ привычными смѣлыми манерами своего человѣка въ домѣ, на что мы никакъ уже разсчитывать не могли: забитаго, молъ, человѣка увидимъ.

— Зашла я къ вамъ повѣдать, (начала она, правда, надтреснутымъ старушечьимъ дрожащимъ голосомъ мужскаго тона, баскомъ) шерстобиты черезъ деревню-то нашу прошли и лучки торчатъ за плечами...

— Ну, и пущай проходятъ: пропусти ты ихъ! (все еще подемѣиваясь, перебилъ ее дѣдъ).

— Матренушка! скоро и мы сами уйдемъ.

— Въ доброй часъ.

— На этомъ спасибо, а ты все-таки разскажи намъ, куда твой товарищъ деньги тратилъ. Мы вѣдь тебя не на глумъ поднимать хотимъ, не опасайся ты этого. Намъ вотъ это къ слову пришлось: ну-ко, ну!

Старушка поломалась немного, отказывалась, однако вскорѣ усѣлась на лавку и головой закачала.

— Непутный вѣдь онъ, пропащiй человѣкъ! сами знаете. Эдакого-

то весь свѣтъ изойди, нигдѣ не сыщешь. Сижу вотъ я послѣ армарки-то въ своемъ бабьемъ углу, а онъ въ своемъ кутномъ: на своемъ, значитъ, мѣстѣ. Мнѣ что-то потемило въ глазахъ, я и вздремнула маленько. Слышу, въ его-то углу ляскаетъ что-то: ка-быть чавкаетъ. Схватилась я, открыла глаза-тѣ! глянула на него, а онъ что-то и спряталъ. Что-молъ спряталъ? покажи! Инъ не показываетъ. Ну, да ладно молъ. Заснулъ онъ: я и обыскала. Да такъ и обмерла на мѣстѣ. Накупилъ онъ себѣ на базарѣ-то пряниковъ вишь, да рожковъ. Ими-то онъ и забавлялся. На утро, какъ проснулся, принялась гвоздить. Какой богачъ завелся! Да спротское ли наше дѣло! Да какъ не облопался! И надо быть то не въ первой разъ.

— Тебѣ вѣдь онъ деньги-то, сколько промыслитъ, отдавать должонъ? Такой у васъ съ нимъ и уговоръ былъ?—объяснилъ намъ дѣдъ, не скрываа, по прежнему, веселой улыбки.

— Уговору такого я ему не давала. Самъ онъ его выговорилъ безо всякаго понужденія. А вотъ, говоритъ, примай выхоженое, кабыть за тепловое. Другой работы я съ него не спрашиваю, да и не возьмешь съ него: негодящій онъ человѣкъ доподлинно. Дровъ онъ тебѣ не нарубитъ, щепы не натаскаетъ или наворочаетъ ину пору того и этого съ естолько, что и складывать некуда. Его самого тогда ужъ просить надо: положилъ бы топоръ подъ лавку, пересталъ бы рубить.

— А то вонъ вечоръ (тараторила Матрена) лаптишко заплелъ, и ушолъ далеко: сталъ ужъ оплетать пятку, бросилъ его въ сторону на лавку, да и забылъ, словно и не онъ дѣлалъ. И сегодня забылъ, и завтра не вспомнитъ. Парнишко ему тутъ полюбился: игрушку ему мастерить, вмѣсто лаптя, выдумалъ. Ну, да думаю: слава тебѣ Создателю— и то дѣло: все не сложа руки сидитъ.

— А то примется сказки сказывать, пѣсню себѣ подъ носъ загудитъ. А не то ляжетъ и лежитъ пластомъ, да не день, а по недѣлямъ. Ему и за милостынькой-то сходить на то время лѣнь. Просишь-просишь, да ужь и пригрозишь пустыми щами. Разъ, каюсь я вамъ, согрѣшила: плеснула ему въ бороду изъ чашки. Не любитъ онъ запасу, ничего у него нѣтъ: съ чѣмъ ко мнѣ пришелъ, съ тѣмъ

и теперь остается. Только крестъ на груди да изъ носильнаго что на плечахъ.

— Кошовочку-ту для сбора ему по дорогѣ какой-то пастухъ смастерилъ да даромъ далъ. Кошель ему тоже чужіе сшили: теперь ему и не сказать, гдѣ взялъ и кто далъ. Провались вотъ надъ нимъ потолокъ-отъ, онъ и рукъ своихъ не подниметъ и не отпихнется. Такой окаянный, такой не суразный! Не вспоминайте-ко лучше мнѣ про него!

Старушонка разсердилась и сплюнула.

— Ну да ладно, Матренушка: и онъ про тебя какія дѣла сказываетъ,—послушала-бы!—подзадоривалъ нищенку дѣдъ.

— Ну да, батюшко, на бѣднаго—самъ вѣдь знаешь: вездѣ каплетъ. А ему нечего про меня говорить... нерѣшительнымъ голосомъ возразила было старуха.

— Сказываетъ, что ты деньги копить стала, и много-де ужъ сотенъ наберегла.

Старуха такъ и подскочила на мѣстѣ, робко озираясь и не зная, куда глаза спрятать.

— Все вретъ, все вретъ, потому мою хлѣбъ-соль онъ понимать не умѣетъ. Я ужъ сколько разъ его прогоняла: уходи-молъ ты, врагъ, супостатъ мой, съ глазъ моихъ долой, напостылѣлъ ты мнѣ. Нейдетъ вишь.

— И не пойдетъ (шутилъ дѣдъ). Я говоритъ, знаю, говоритъ, куда она и деньги прятать ходитъ. Мнѣ бы, говоритъ, только самое мѣсто признать: въ чемъ-де и какъ...

Старуха, какъ на иглахъ, еще больше засуетилась на мѣстѣ.

— Я, говоритъ, и лѣсокъ этотъ запримѣтилъ, и дерево распозналъ. Теперь, говоритъ, спознать бы только: въ горшкѣ-молъ али въ буракѣ, али бо, говоритъ, въ ящикѣ, что попадья подарила, не вижу-де его что-то въ избѣ-то....

Старуху еще больше взмыло: такъ и задрожала она. Дѣдъ видимо рѣшился сказнить ее на свидѣтеляхъ въ досталь:

— Мнѣ бы, говоритъ, только глазомъ взять, а руками я ея деньги раскопаю. Деньги себѣ возьму.—Да что-молъ ты, дурашной,

дѣлать-то на нихъ станешь?—А я, говоритъ, въ кабакъ на вино снесу.

Тутъ старуха не выдержала: поднялась было съ лавки, да и опять опустилась. Видно было, какъ пугливо бѣгали глаза ея и суетливо выставлялся изъ-подъ набойчатаго синяго платка ея востренькій носикъ.

Не было для насъ сомнѣнія въ томъ, что въ дѣдкиныхъ словахъ была большая доля правды. Не нравилось что-то, безпокоило что-то старуху. Такъ бы ей и пропàсть на этомъ мѣстѣ. Да вышла на выручку старшая баба.

— Перестань-ко ты, батюшко, съ чужой болтовни свои слова кидать: какія у нищенокъ деньги? Много-ли онѣ ихъ соберутъ, да и у кого возьмутъ, когда всякъ самъ поровитъ это сдѣлать и т. д.

Но дѣдъ и безъ того замолчалъ, удовлетворившись забавой надъ скупымъ и скрытнымъ человѣкомъ.

Старуха недолго съ нами сидѣла и вскорѣ ушла.

Словоохотливый, веселый старикъ опять развязалъ языкъ и опять на счетъ ушедшей.

— Вотъ придетъ домой, прибранитъ лежня—и за дѣло; къ тому я и разговоръ съ ней завелъ. Ей слова мои ни во что, а ему покоры ея на пользу.

— Гляди, прогонитъ его она, замѣтилъ большуха.—Что ты надѣлалъ?

— И она не прогонитъ, и самъ онъ не уйдетъ. Мѣсто-то онъ належалъ: ему съ него теперь какъ подняться-то? Ни за что ему, лежню, съ этого мѣста не встать. Онъ вонъ у ней въ передній отъ уголъ глядитъ, святые лики тамъ видитъ и думаетъ, что «хранители вы мои и заступники», какъ онъ ихъ покинетъ и безъ нихъ останется? Убогому человѣку этого нельзя дѣлать; у него вся тутъ и надежда. Другихъ-то искать будешь, какихъ еще найдешь, а молитвами этихъ которой онъ годъ со старухой-то злой спасается! Нищихъ Богъ любитъ—въ писаніи сказано.

Дѣдъ замолчалъ.

— Нищіе бога боятся и почитаютъ истинно!—съ глубокимъ

вздохомъ и серьезною увѣренностію добавилъ онъ потомъ, и даже привсталъ съ лавки и обдернулъ рубаху.

И опять продолжалъ:

— Не сживаются вмѣстѣ, когда одинъ похожъ на другого, и оба къ одному руку протягиваютъ. По старымъ нашимъ примѣтамъ: когда одного къ своему толкаетъ, а другого къ другому ведетъ, тамъ ссорѣ и перекорамъ быть нельзя. Зачѣмъ они это дѣлать будутъ, когда другъ дружкѣ не мѣшаютъ? Не слѣдъ тому быть. Вотъ и живутъ они оба которой годъ вмѣстѣ! А сколько разъ на одномъ днѣ повздорятъ? Считали ли вы, а я вѣрно смѣкаю, потому у другихъ видывалъ. Баба —та деньги копитъ; замѣчаю я, что она чѣмъ старѣй, тѣмъ больше отъ скряжничества стала сохнуть. Гляди-ко, носъ отъ у ней завострился и глаза упали. А тотъ грузнѣетъ, да брюзгнетъ, и словно бы даже веселѣе сталъ. Птица онъ небесная, на крыльяхъ живетъ. А это—крыса: воруетъ и про запасъ кладетъ. Не спуста она его тѣмъ попрекнула: слышали? Я вѣдь съ нимъ толковалъ, и его распрашивалъ. Что онъ мнѣ говорилъ: знаете ли? А я вамъ скажу, такъ и быть.

— Пріѣзжалъ въ наше село купецъ изъ Москвы. Пришелъ прямо въ церковь. Шуба на немъ богатая. Позвалъ батюшку; на кладбище они пошли. Тутъ похороненъ его родитель. Отпѣли панихиду. Матрена-то тутъ и подвернулась.

— На-ко, говоритъ, старуха! —помолись о рабахъ божьихъ о такихъ то,—и имена сказалъ. И далъ онъ ей деньги. Пошла она къ церковному старостѣ показать и спросить, что купецъ-отъ далъ: десять рублей далъ онъ ей, красненькую—значитъ. Пришла она домой-то и пристала къ товарищу: скажи-де ей, сколько копеечекъ дадутъ за эту бумажку. Стали считать—поссорились и поругались. Денегъ-то всѣхъ однако не сосчитали. Не самъ я это выдумалъ, а говорю такъ, какъ мнѣ товарищъ ея разсказалъ. Самъ все разсказывалъ.

— Съ этой поры взбѣленилась старуха, словно купецъ-отъ въ нее яду какого влилъ. На сборныя копеечки прежде свѣчки ставила Богу—теперь перестала. Стала копеечки алтыннымъ гвоздемъ прибивать. Которая попадется въ руки, зажметъ ее, и только думаетъ

объ одномъ, какъ бы копеечку-то изъ рукъ не выпустить. Что ей въ руки попало, то и пропало.

— Сказывалъ товарищъ-отъ: сидятъ когда вдвоемъ, молчатъ-молчатъ, она и спроситъ: къ пяти-то десяткамъ копеечекъ сколько-де до рубля-то еще не хватаетъ? Такъ онъ и смѣкалъ, что старуха недаромъ на паперти ходила: вонъ и отчетъ отдаетъ, сама того не желая. Стала она на него еще больше серчать: хлѣбъ ли онъ не доѣстъ, да кусочекъ на столѣ оставитъ. Разъ, говоритъ, и на то осерчала, что варева попросилъ: дня два надъ нимъ измывалась. Одежью такъ изветошилась, что хоть огня присѣкай. Дома и печь перестала топить; что поѣстъ въ людяхъ, тѣмъ и сыта. Сыта-то сыта, а самъ я видалъ не одинъ разъ: поѣстъ у тебя, а кусочекъ чего нибудь еще съ собой возьметъ; оглядится кругомъ—не видятъ ли—и спрячетъ. Стала грѣшнымъ дѣломъ утаивать, по чужомъ тужить, завидовать. Старецъ -отъ ея говрилъ, что и дома диво: утаеное бережетъ, сама не ѣстъ и ему не даетъ; какъ почала жить съ зажимкой, то и стали вороха въ углу лежать и плѣсень на нихъ наростать; мышей наплодила.

— Смѣется старецъ-то: у обѣдни, говоритъ,—когда стоитъ и люди собираются молебенъ пѣть, семъ-ка, думаетъ, и я пристану, дайка и я помолюсь даромъ. Совсѣмъ извелась баба; засѣлъ въ нее чортъ; теперь его не выгребешь: это дѣло такое. Нѣтъ грѣха хуже бѣдности.

Дальше, конечно, старая и извѣстная повѣсть.

Накопитъ старуха денегъ. Корысть къ нимъ дойдетъ у ней до чудовищныхъ размѣровъ; заболѣетъ она серьезной и опасной болѣзнью помѣшательства. Въ убожествѣ одна нужда гнела, а теперь обѣ вмѣстѣ: и бѣдность, и скупость. Хоть иглой въ глаза—ничего у нея теперь не выщербить. Въ страхѣ за деньги и съ мыслью объ нихъ. старуха и на смертный одръ ляжетъ. И здѣсь не скажетъ она, куда ихъ спрятала даже и тому товарищу-горемыкѣ, убожество котораго каждый день видѣла передъ собою и достаточно въ немъ убѣдилась. Кому удастся подсмотрѣть, тотъ деньги выкрадетъ, домъ выстроитъ, выпишется, какъ говорятъ въ нашихъ деревняхъ, въ купцы.

Впрочемъ, большею частью случается такъ, что бумажныя деньги сгниваютъ въ землѣ, а металлическія черезъ десятки и сотни лѣтъ, отрытыя косулей или сохой въ полѣ, дѣлаются достояніемъ либо жидовъ, либо археологовъ.

Въ мирѣ почившее крѣпостное право владѣло секретомъ выводить нищенскія деньги наружу, и то лишь въ тѣхъ случаяхъ, когда у нищенокъ оказывались въ господскихъ дворняхъ дочери, родныя племянницы, и помѣщики соглашались отпукать ихъ на волю за приличное вознагражденіе. Немало извѣстно примѣровъ, что на такіе случаи отыскивались у нищенокъ сотни рублей. Тысячи рублей случайными способами находили по смерти у тѣхъ изъ нихъ, которые казались при жизни убоже всѣхъ и въ очевидныхъ условіяхъ несомнѣнно-безвыходнаго положенія. Газеты наши не скупятся, время отъ времени, заявленіями о такихъ необычайныхъ казусахъ, что послѣ умершихъ нищихъ оставались солидные капиталы, и на самомъ дѣлѣ, на сбереженія этихъ скрягъ немало настроено на Руси церквей; немало устроилось солидныхъ промышленныхъ и торговыхъ предпріятій въ рукахъ купеческихъ фамилій: Походяшиныхъ, Побирухиныхъ, и т. под.

Въ деревенской глуши, гдѣ не умѣютъ и не привыкли считать деньги и въ рѣдкихъ случаяхъ знаютъ имъ настоящую цѣну, чтобы по ней давать имъ надлежащій ходъ и примѣненіе,— сиротскія, крохами собранныя деньги исчезаютъ безъ всякаго употребленія зарытыми въ подъизбицахъ, на овинахъ, въ лѣсахъ и въ другихъ, наименѣе подозрительныхъ, наиболѣе укрытыхъ и потаенныхъ мѣстахъ.

Въ городахъ, среди мѣщанской голи, гдѣ вѣчно колотятся изъ-за денегъ и глубже деревенскаго поняли ихъ силу, нищенскимъ сбереженіямъ указываютъ путь прямо: та же Матренушка неизбѣжно превратилась бы въ ростовщицу. У нищенокъ берутъ взаймы деньги и часто случается, что не отдаютъ обратно, очищая совѣсть подъ шумокъ тѣмъ оправданіемъ, что не великъ грѣхъ задержать неправедное стяжаніе. Тѣмъ не менѣе, нищенскія деньги выходятъ изъ рукъ и подъ вѣрные заклады и за такіе проценты, которымъ и жиды могли бы позавидовать.

Нельзя не прибавить къ этому и того обстоятельства, что скряж-

ничество, при постоянномъ и безконечномъ напряженіи всѣхъ умственныхъ силъ на одномъ пріобрѣтеніи и сбереженіи, овладѣваетъ секретомъ самые пустые, ничего не стоющіе предметы обращать въ цѣнность и въ деньги: голь хитра и догадлива, голь на выдумки горазда. При скупости она и съ камня лыко деретъ, шиломъ горохъ хлебаетъ, да и то отряхиваетъ. Не удивительно, что если при этомъ обнаруживаются чудеса, лишь кажущіяся—на самомъ же дѣлѣ превращающіяся на глазахъ ближе присмотрѣвшихся къ дѣлу въ самое простое и заурядное явленіе. Необъясненнымъ тутъ можетъ показаться лишь то, что скряжничество и изумительное скопидомство постигаетъ наичаще женщинъ и богатство въ нищей братіи скопляется въ рукахъ старухъ тѣмъ вѣрнѣе, чѣмъ онѣ старѣе и дряхлѣе. Пущай стращаютъ досужіе люди, что на томъ свѣтѣ за ростовщичество придется считать каленые пятаки голыми руками, женское сиротство хорошо смекаетъ и то, что для бабьей круглой бѣдности совсѣмъ не бываетъ никакого выхода. Намечется она изъ угла въ уголъ, настрадается съ утра до вечера каждый день, и если попадетъ на тропу свою, то ужъ уколачивать начнетъ ее безъ отдыха и безъ перерывовъ. Деньги въ ростъ отдаетъ, и заклады охраняетъ, а христарадить не перестаетъ, т. е. опять безпрерывно и ежедневно прикапливаетъ до тѣхъ поръ, пока не подточитъ силы, и не свалитъ на столъ навзничъ свой доморощенный злодѣй—скряжничество въ товарищахъ съ голодомъ, или чужой злодѣй съ завистливымъ окомъ и въ товарищахъ съ острымъ ножемъ.

На Волгѣ одинъ отставной солдатъ Гаврило Кириловъ чутьемъ выучился узнавать денежныхъ побирушекъ, пригрѣвалъ ихъ у себя въ домишкѣ, потомъ изводилъ ихъ, а наконецъ самъ выстроилъ въ Симбирскѣ два большихъ каменныхъ дома, сталъ торговать и сотнями рублей отдавалъ подъ заклады деньги.

V.

Видѣли мы и старухина товарища, и съ нимъ поговорили и про него послушали.

Родился онъ, какъ говорится, на камушкѣ, т. е., въ круглой нищетѣ. Вытащила его мать на свѣтъ вольный, за пазухой, когда сама вышла «грызть окна», т. е. просить Христа-ради подаянія. Когда онъ сталъ подростать и сдѣлался тяжелѣе, перекинула она его за спину и усадила тамъ въ корзинку-пещуръ, сплетенный ножомъ изъ бересты досужимъ пастухомъ на пастбищѣ и ей подаренный мимоходомъ. Чтобы ребенокъ не вываливался и ближе взглядывался въ материнское ремесло и занятія, она привязала къ спинѣ кушакомъ и увязала въ пещурѣ веревкой. Протягивалась и его маленькая ручонка рядомъ съ загрубѣлой рукой матери, принимавшей или просящей подаяніе святой милостынки. Стали перепадать лишніе гроши матери и на его имя и званіе, по силѣ исконнаго и повсюднаго обычая русскаго народа, подавать лишное тому, кто ходитъ съ ребенкомъ.

Еще подросъ онъ: сталъ тяжелъ, всталъ на свои ноги—мать выпустила его изъ корзинки и указала уже новыя средства прохожденія по жизненному пути изъ-подъ оконъ одного селенія на церковную паперть ближняго села. Шагаетъ мать привычнымъ дѣломъ охотливо и поспѣшно,—маленькія ножонки не поспѣваютъ, спотыкаются, особенно зимой скоро безсилѣютъ. За ревъ и жалобы—первые уроки житейской мудрости: пинки, толчки и трясоволочки отъ рукъ матери, рѣдко успѣвающей выходить изъ всегдашняго злобнаго и неутолимаго раздраженія. Когда побитыя мѣста перестанутъ болѣть, тогда и горе забудется: сталъ привыкать, выучился забывать, принимать наказаніе за должное и неизбывное; сталъ даже этимъ хвастаться.

Вывела мать сына на улицу и на базаръ, на легкое и соблазнительное житье попрошайствомъ, по нуждѣ, да тамъ его и оставила также не по своей волѣ: набираться уличной премудрости, просвѣ-

щаться базарной наукой. Наука эта не головоломная. Учитъ она всего только одному правилу: надѣяться на чужую помощь и искать ее; но такъ скоро и твердо напечатлѣваетъ его въ сознаніи, что при встрѣчѣ съ бѣдой и нуждой, своихъ силъ и взять негдѣ. А на хорошее время и подаютъ хорошо и неразборчиво: въ худой день хлѣбомъ меньше фунта, деньгами меньше двухъ копеекъ. На копеечку можно толокна купить и полакомиться; мать на нее съ овсяной крупой варитъ щи. Хоть зерно въ нихъ за капустнымъ листомъ съ плетью гоняется, но хорошо и такъ, потому что другихъ лучшихъ не пробовали, оттого и это полагается за роскошное богачѳво кушанье. Копеечку, впрочемъ, можно обмѣнять и на бабки и въ торопяхъ на ходу за овиннымъ угломъ съ чужими ребятами срѣзаться и обыграть ихъ. А когда и совсѣмъ подростешь и войдешь въ большой разумъ, можно копеечку эту и въ орлянку проиграть съ другими нищими-ребятами уже не на костяки, а на деньги. При этой неизбѣжной встрѣчѣ, мимо которой и на кривыхъ оглобляхъ не проѣхать, опять наука. Мудрость этой заключается въ томъ, чтобы не всю ее понять, не домекнуть ее до того мѣста, на которомъ еще до совершеннолѣтія попадаютъ въ темную за пьянство и въ острогъ за воровство и тому подобныя художества. Особенно въ городахъ, на такія дѣла большая повадка и потачка.

Тамъ одного безногаго видѣли безпомощнымъ: пріѣхалъ на колѣнкахъ и пустые саночки впередъ себя поталкивалъ, и на базарѣ собиралъ подаянія, а вечеромъ за городомъ чуть-чуть признали его и диву дались: идетъ на твердыхъ и живыхъ ногахъ, и саночки за собой везетъ съ грузомъ: тутъ хлѣбъ, зерно и куделя.

Приходилъ на базаръ степенный человѣкъ; звалъ ребятокъ-нищихъ садъ подметать, полоть гряды; приглашалъ старухъ бѣлье стирать, подмывать полы, стариковъ — мести соръ; деньги давалъ, обѣщался обѣдомъ накормить и сулилъ щи съ убоиной — никто не пошелъ. Пока толковалъ степенный человѣкъ, всѣ воздерживались; какъ ушелъ — на смѣхъ его подняли, а малые ребята такъ и залились хохотомъ: даже страшно стало.

Надо подъ одну мѣрку вставать, другимъ подражать, чтобы не попрекали и не били. Старался онъ, и выходило что-то, да далеко

не все: вышелъ онъ, какъ говорится, въ полѣ обсѣвокъ. Въ дѣлежѣ обмѣряютъ, обдѣлятъ и обвѣшаютъ: при немъ шепчутся и сторонятся; а нищіе-ребятки запой когда дѣлали — ни разу съ собой его не позвали.

Задумался онъ. Немножко прибодрился. Вонъ и пропасть видитъ подъ ногами: скользить-бы туда по покатости, а онъ устоялъ. Какъ это съ нимъ случилось, сколько вотъ онъ ни думаетъ, отчету себѣ въ томъ дать не можетъ до сего времени, когда спозналъ его нашъ дѣдъ, на харчахъ у Матрены.

Разсказывалъ нашъ дѣдъ и про него:

— Люблю я, и не люблю этого Мартына. Не люблю я его за то, что пустяка въ немъ сидитъ много: старухѣ отгребаетъ гроши безъ пути. Та ихъ прячетъ. Утаитъ когда что — пряники покупаетъ. Ну, да это пущай за тѣмъ, что малыхъ ребятокъ онъ больно любитъ: котораго ни встрѣтитъ, того и приласкаетъ. Бабы-то наши шаловливыхъ ребятъ нищими стращаютъ: «нищему-де тебя отдамъ, коли баловать не перестанешь», а его вотъ, Мартына-то, не боятся.

— Этого вотъ я никакъ въ толкъ не возьму: ни за какую онъ работу уцѣпиться не можетъ. Не бываетъ у него такъ, что принялся да и додѣлалъ. Правду я тебѣ давѣ сказалъ: совсѣмъ птица небесная.

— А можетъ быть, дѣдъ, онъ и пробовалъ раньше, да у него не выходитъ. Поживешь середь базарной голи, многому разучишься. Не оттуда-ли все это идетъ?

— Нѣтъ, ты вотъ что послушай. Пробовалъ онъ, какъ ты говоришь, точно пробовалъ: изъ-за хлѣба очищалъ зимой прорубь на рѣкѣ: толку-то у него въ этомъ не бываетъ. Нанимался онъ и въ дома въ работники, — да какъ? Меня, говоритъ, хоть и не корми, а давай водки. Мужикъ нанялъ его богатый, давалъ ему водки каждый день, и впрямь онъ сытъ былъ, и къ обѣду не ходилъ: диву даже дались. Житье ему было красное, однако не уцѣпился, опять ушелъ подъ окна и опять къ своей старухѣ подъ крыло. Хвастывалъ онъ мнѣ, что и на землю пробовалъ садиться; тоже поля пахалъ.

— Что же, молъ, за чѣмъ дѣло стало?

— А опоздаю — говоритъ: всегда опоздаю и вспахать, и посѣять.

Не умѣю я во-время поспѣвать: вонъ и къ обѣднѣ, когда за милостинкой выхожу, — смотрю: старуха моя давно глаза скосила и ругательски шипитъ, — за самое начало не угодилъ, вишь. «Ты молъ и на свѣтъ-отъ Божій родиться запоздалъ! Кажись, такихъ, какъ ты, теперь не надо»!

— А можетъ, впрочемъ, Господу и эдакихъ зачѣмъ нибудь надо, какъ ты думаешь?

— Безъ такихъ-то, дѣдъ, вѣдь и на свѣтѣ скучно было бы жить: кто бы, напримѣръ, ребятишекъ приласкалъ, когда они у всѣхъ на тычкахъ да на колотушкахъ. Хорошо-ли бы было жить съ одними Матренами? Вѣдь онъ не родился такимъ: его такимъ на базарѣ, въ нищей артели, сдѣлали. Потерялъ силу, потерялъ любовь къ труду.

— А можетъ и правда твоя. Я думаю своимъ деревенскимъ разумомъ такъ: у насъ, кто сиротой сдѣлался, тотъ сейчасъ нищимъ станетъ. Вотъ какъ бы и Матрена. Сиротѣ достается одно — идти просить, сбирать. Лѣнивому мужику и грибъ поклона не стоитъ: не сорветъ его. Лѣнь мужика не кормитъ. Пожалуй, Мартынъ оттого и нищимъ сталъ. Правда твоя, что и отъ лѣни много народу въ нищіе идетъ. Ну, а вотъ постой-ка: отчего лѣниваго на работу не позываетъ и отчего Мартынъ со всякой работы уходитъ?

— Я, дѣдъ, думаю, что и работать мы спѣшимъ для того, чтобы потомъ самимъ ничего не дѣлать. Хлопочемъ мы, суетимся, а все поглядываемъ: нельзя-ли какъ чужимъ трудомъ пожить, на чужой спинѣ поѣздить: эдакъ-то какъ будто легче и пріятнѣе. Всѣ больше объ этомъ заботятся.

Задумался дѣдъ.

— Да можетъ это у васъ тамъ, въ городахъ, такъ-то?

— А у васъ въ деревняхъ? Можетъ быть, поменьше и гораздо поменьше, а доводится такой случай, развѣ зѣваютъ, развѣ не такъ же сдѣлаютъ?

Опять дѣдъ задумался, опять опустилъ голову.

— И вѣрно твое слово, милый человѣкъ, дѣлаютъ, и у насъ, ей Богу, дѣлаютъ. А нехорошо это. Вѣдь вотъ мнѣ и въ голову того

не приходило. Сказалъ ты мнѣ вѣрно. Значитъ, больно-то на Мартына и сердиться не приходится?

— Да ужъ это, какъ ты хочешь, а онъ не во всемъ виноватъ.

— А я тебѣ вотъ что промолвить хочу, къ твоимъ словамъ, по твоему. Оттого Мартыну своя работа и на умъ нейдетъ, что спозналъ онъ другую, полегче. Чего легче: слѣзъ съ печи, вышелъ на село, всталъ въ церкви, протянулъ руку: вотъ и рукомесло. Самое оно, легкое. И заманчиво гораздо. Остановился на одномъ мѣстѣ (ворчливо повторялъ дѣдушка), скинулъ шапку, протянулъ руку: вотъ тебѣ и все. Мудрено-ли въ самомъ дѣлѣ?

— А слыхали вы про Адовшину: мѣста у насъ такія живутъ, Адовшиной слывутъ? Вотъ будетъ Брыкино село, Мильнево, Смолино Раставица.... тутъ пойдутъ.... вотъ и забылъ, какія тутъ въ Адовшинѣ деревни-то еще, бабы?

— Крутово, Саранча будетъ, Каркмазово; опять Маринино, а тамъ и Павловское.

— Вотъ, кажись, и всѣ: все это Адовшиной прозывается, а когда и Чернымъ угломъ. Подъ Адоевскими господами тѣ селенія состояли. оттого и прозвались такъ. Теперь удѣльные. Князьями-эти Адовскіе-то были.

— Ну, такъ вотъ тутъ весь народъ сплошъ, и старый и малый, и сильный и немогутный, всѣ нищіе. И нищенствуютъ они не отъ нужды, а ради промысла. Промышляютъ они этимъ дѣломъ, выдаютъ себя за погорѣльцовъ. Слыхали-ли вы про экія дѣла?

Мы про это слыхали; за тѣмъ въ эту сторону повернули. Дѣду въ томъ не открылись.

Попрощались мы съ нимъ и направились по грязной осенней дорогѣ въ эту «чорную сторону» (въ сѣверную оконечность Судогодскаго уѣзда),—къ этому «чорному народу», который попрошайствомъ кормится и нищенствомъ промышляетъ.

— Слышалъ я въ людяхъ: худой солдатъ не надѣется быть инвалидомъ—говорилъ между прочимъ проводникъ нашъ, когда опять захлюстала по грязи мокрая и растрепанная лошаденка и мы, хватаясь за края телѣги очень усердно хлопотали о томъ, чтобы не перелетѣть черезъ грядку и не сломать себѣ шеи.

— А вѣдь солдатъ въ нашей землѣ и въ самомъ дѣлѣ можетъ сдѣлатся генераломъ — поддерживали мы его слово охотливость. Бывали примѣры.

— Я не знаю. Я не къ тому молвилъ. Вотъ что я тебѣ сказать хочу. Видѣлъ ты офеней,—а знаешь ли? Вѣдь худой изъ нихъ не дѣлается купцомъ, а хорошіе строютъ въ Москвѣ каменные дома и торгуютъ въ большомъ Гостиномъ дворѣ.

— Знаю, и видывалъ. Знаю напримѣръ я такъ, что какъ бы ни былъ малъ городишка, въ немъ есть купецъ, который торгуетъ краснотоваромъ. Все это—офени.

— Другіе, которые отъ нихъ въ маркитанты ходятъ,—тѣ ста по четыре—по пяти наживаютъ въ годъ и приносятъ домой чистоганомъ. Значитъ, милость Божья вся съ ними. А отъ чего вотъ эти, куда ты ѣдешь, что промышляютъ христовымъ именемъ и собираютъ много денегъ,—плохо живутъ? Что ни стоитъ Божій свѣтъ изъ нихъ еще ни одинъ въ купцы не выписался? У нихъ (надо такъ сказывать): чего ни спроси,—всего ни крохи. Слыхивалъ я, что у богатаго мужика борода ростетъ помеломъ, а у нихъ, что вотъ я ни глядѣлъ,—у всѣхъ она выросла клиномъ. Кажись всѣхъ нищихъ-то перещеголяли. Отъ чего это?

— Я вотъ, милый человѣкъ, за тѣмъ туда и ѣду, чтобы узнать про то, о чемъ ты надумалъ и сказалъ. Что увижу и услышу тамъ, разскажу на досугѣ.

2.

НИЩЕБРОДЫ

и

КАЛУНЫ.

Нищій вездѣ сыщетъ.

Спи да лежи, съ богатствомъ сиди, а сердце чуетъ, что въ нищихъ быть.

Пошли торговать: на погорѣлое собирать.

Народныя поговорки.

I.

На дворѣ все еще таже осень, сырая и дождливая, съ холодкомъ и грязью, и съ отчаянною бездорожицею, какая захватила меня на р. Клязьмѣ и ея притокахъ. Озими давно засѣяны, и даже вездѣ потушены овины. Кое-кто изъ домовитыхъ и осмотрительныхъ успѣлъ вычинить избу, подбросивъ свѣжей соломы на кровлю и новаго омялья на завалинки.

Прошелъ Покровъ, т. е. не церковный праздникъ, а все то время до него и послѣ, когда кончается старый крестьянскій годъ и начинается новый: не тотъ, который заказалъ для городовъ и чиновниковъ Петръ Первый, а настоящій деревенскій новый рабочій годъ. Въ календаряхъ онъ не значится и никакимъ празднествомъ не знаменуется, но въ деревенской жизни и крестьянскомъ быту всѣми сознаётся и сильно чувствуется. У торговыхъ мужиковъ — сроки платежамъ; у хозяевъ средней руки — новый работникъ: старый, договорившійся по древнему завѣту, съ вешняго Егорья, отошелъ прочь. Въ малосильныхъ семьяхъ,—новая работница: молодая баба, которую взяли за сына.

У всѣхъ рѣшительно, даже у послѣдняго бѣдняка-хозяина, съ Покрова во всемъ новь: новь въ хлѣбѣ, въ овощахъ, новь во всѣхъ домашнихъ припасахъ и матеріалахъ, даже до того, что новь и въ постеляхъ: старые соломенники сожжены въ печи, старые и малые стали спать на свѣжей соломѣ. Словомъ на дворѣ стоитъ то осеннее время, когда—по пословицѣ—и у воробья пиво.

До глухой тоскливой осени было еще далеко: настоящая, молодая была въ своей порѣ и силѣ, хлопотливая и устойчивая въ работахъ даже и въ этихъ мѣстахъ, по которымъ ѣдемъ и гдѣ живутъ самые плохіе хлѣбопашцы и гдѣ на земледѣліе давно уже перестали смотрѣть съ подобающимъ уваженіемъ.

Вотъ, не больше мѣсяца тому назадъ, ѣхали мы по той же Клязьмѣ «аргунами», гдѣ—по пословицѣ—и лапшу топоромъ крошатъ: весь народъ уходитъ плотничать. Изъ 550 деревень, имѣющихъ въ центрѣ волость Аргуново, а на сторонѣ—старинный городъ Киржачъ, не уходятъ въ дальную сторону только 40 деревень, не выбираются на чужбину только несложившіеся въ полную силу ребята, да совсѣмъ разсыпавшіеся старики.

— Нашъ аргунъ (толковали тамъ) положитъ на доску два перста и маленько ихъ растопыритъ, а другой промежъ перстовъ топоромъ рубитъ, и ни одного перста не тронетъ. Зато аргунъ въ большой славѣ во всемъ свѣтѣ: супротивъ него не сдѣлать и галичанину. Не повезетъ ему въ плотникахъ, онъ сейчасъ съиграетъ и на другую руку. Топоръ за поясъ, мѣшокъ съ рубанкомъ, со стамеской, скажемъ такъ, кинетъ въ уголъ—возьметъ лопатку и почнетъ класть кирпичи. Изъ плотника произведетъ себя въ каменщики.

По правую сторону верховья Клязьмы, дѣйствительно, живутъ настоящіе каменщики съ тѣмъ неизбѣжнымъ условіемъ, что, какъ между аргунами завелись кровельщики, которыхъ зовутъ лишь крыши крыть, такъ и здѣсь объявились штукатуры, которые берутся только отдѣлывать стѣны. Такъ вся эта мѣстность и не выпускаетъ изъ своихъ рукъ ни одного строительнаго дѣла, знакомаго имъ съ издревле, когда ростовцы (по лѣтописному указанію) имѣли право сказать со зла и въ упрекъ владимірцамъ: «вы—наши холопы *каменницы*».

Вотъ съ р. Пехры ходятъ всѣ шерсть бить туда, гдѣ стригутъ овецъ на двѣ стрижки (весною и осенью), да не умѣютъ ее мыть и пушить. Шерстобитнымъ мастерствомъ всѣхъ больше прославились фетиньевцы.

Съ рѣки Вязьмы бродятъ по чужимъ деревнямъ швецы-портные очищать ту статью въ деревенскихъ хозяйствахъ, которая не попала

въ руки шерстобитовъ: овца нестриженая и въ племя пущеная, а въ шерсти зарѣзанная для зимней шапки и полушубка. Эти—мастера опять на двѣ руки: и пѣсни пѣть, и сказки врать.

Недалеко, въ сторонѣ, и Алексино со всесвѣтными проходимцами, картавыми торговцами—офенями, у которыхъ за великое ихъ мастерство и извѣстность въ разныхъ странахъ Россіи существуютъ разныя прозвища (и такихъ названій больше десятка). Эти уходятъ торговать краснымм и разными товарамм, а петроковскіе мужики—жить въ пастухахъ, чужой скотъ пасти, на рогу играть.

— И никому (объясняютъ намъ) на трубѣ такъ не сыграть въ цѣломъ свѣтѣ. Куда ни придетъ, гдѣ ни скажется владимірцомъ, другихъ сторожей не надо.

Цѣлое село—колодезники: ходятъ только колодцы рыть.

— Угадай ты воду, гдѣ ея нѣтъ и быть ей не показано. А онъ сквозь землю видитъ и по опрокинутой сковородѣ воду смотритъ, и жилу находитъ. Срубъ тебѣ сдѣлаетъ, такъ что никогда не осыплется.

Словомъ, мы попали въ настоящую бродяжью сторону, гдѣ живутъ все выходцы и мастера на всѣ руки. Здѣсь даже и тѣ промыслы (какъ скорняжій, кузнечный и кожевенный), которые всюду и всѣ привыкли считать и видѣть осѣдлыми, носятъ бродяжій, подвижной характеръ. Подъ всѣми и повсюду лежитъ земля комлемъ и ничего не родитъ, кромѣ песчанаго червя и ни къ чему непригоднаго, отшибающаго отъ листьевъ камфарнымъ запахомъ божьяго дерева (artemisia abrotanum). Если же и родитъ земля, то очень скудно: и хорошо удобренная, при десяти четверикахъ посѣва, самое большое самъ—шестъ, а того чаще самъ—четвертъ и даже самъ—другъ.

Безрасчетное хозяйство безпутныхъ дѣтей расточило богатое наслѣдство отцовъ: исчезли лѣса, а за ними обмелѣли рѣки и затощала почва въ странѣ, гдѣ и самые города получили названіе отъ лѣсовъ, между которыми малому ребенку извѣстны муромскіе (древній *Стародубъ* — нынѣче Кляземскій Городокъ; гор. Ярополчъ съ урочищемъ на *Вязяхъ*, нынѣшніе *Вязники*) и отъ плодородія почвы (Меленки, Гороховецъ).

Отъ такой бѣды побѣжали въ разбродъ и въ запуски въ разныя

стороны: кузнецы—за сборомъ старыхъ серповъ по окольнымъ губерніямъ, гдѣ успѣли они наторить дорогъ для себя и завели знакомство; скорняки и кожевники «на низъ» (на югъ Россіи).

Пришелъ любой изъ нихъ въ знакомое мѣсто, поклонился волостному начальству. Собрали сходку. Міроѣдамъ и старикамъ выставилъ онъ ведро водки. Стали горланить молодые и старые, стали спорить, норовя перегрызть несогласнымъ горло, и къ полудню порѣшили на томъ, чтобы не пускать во всѣ деревни своей волости никакого скорняка, никакого кузнеца, кромѣ этихъ, которые умѣютъ угождать міру—народу Божьему, и не давать, помимо ихъ, никому овчинъ на выдѣлку, серповъ и косъ для точенья, а отдавать непремѣнно этимъ и именно по такой-то цѣнѣ.

Нанялъ скорнякъ избу и открылъ заведеніе: заторилъ квасы, распустилъ зловоніе, и тупую косу приладилъ: ждетъ заказовъ. Съ каждой овчинки дадутъ ему 5 коп. за выдѣлку, да сверхъ того онъ на себя же теребитъ еще два фунта шерсти. Къ концу работъ скорнякъ можетъ купить пару лошадокъ, нагрузить возъ шерстью, щетиной, овчинами и свининой и возвращаться домой съ работниками, которыхъ онъ нанимаетъ иногда человѣкъ до семи.

Въ одно съ ними время бродятъ и въ одно же время возвращаются къ домамъ и тѣ молодцы изъ-за Клязьмы, которые ходятъ «по серпы»: каждый—въ свой участокъ, ни за что не позволяя себѣ переступать въ чужой. Въ своемъ, который достался по наслѣдству, серповщикъ собираетъ старые и испорченные серпы, раздаетъ исправленные и продаетъ новые, самимъ выкованные и вызубренные. Иной сходитъ по серпы въ зиму раза три, но къ Пасхѣ, по послѣднему пути, на распутицу, серповщики всѣ непремѣнно дома и уже до Рождества Богородицы никуда не трогаются. Скорняки также къ первымъ недѣлямъ поста тянутся къ своимъ деревнямъ и до осени остаются дома.

—Непремѣнно до осени дома,—настойчиво замѣчаютъ намъ въ тѣхъ мѣстахъ.

—Какіе бы круги ни огибалъ аргунъ, куда бы онъ ни запропастился, лѣтомъ домой прибѣжитъ, хотьи позднѣй другихъ. Шерстобитъ тянетъ къ дому на Пасху, и петроковскіе пастухи вернулись на

осень, на горячее, рабочее время; они заручились мѣстомъ въ насиженомъ углѣ и подрядились съ задаткомъ. Всѣ теперь дома, всѣ при сохѣ. Такъ всѣмъ и сказано: «держись за сошенку—за кривую ноженку». Всѣ и держатся, творя Господне приказаніе. Держатся и тѣ, которые за промысломъ не бѣгаютъ, а находятъ его дома, въ ближнихъ людяхъ. Не пашутъ земли очень немногіе. По пальцамъ малый ребенокъ сочтетъ: вотъ двое—и только. Эти не сѣютъ, но зато на нихъ другимъ надо хлѣбъ приготовлять: они его ѣдятъ и покупаютъ.

—Подай-ко свѣтло-божественную іерусалимскую вохру-то! проситъ подручнаго мальчика вязниковскій богомазъ, силясь изощрять свою рѣчь соотвѣтственно своему ремеслу, и круглый годъ, сидя дома, пишетъ иконы (все больше Николу Лѣтняго безъ митры и Николу Зимняго въ митрѣ).

Написанныя яичными красками, иконы продаетъ онъ скупщику-офенѣ, получаетъ деньги и бѣжитъ версты за три на клязменскую Пристань купить себѣ хлѣба на недѣлю. Покупаетъ его только на одну недѣлю и такъ, чтобы можно было, сверхъ того, пить три дня «хлѣбное» безъ просыпа, начиная съ утра субботы.

—Уже двѣнадцатый часъ, а маменька еще изъ міру не вернулась! выговариваетъ другой вязниковецъ (сосѣдъ перваго), посматривая на свои карманные серебрянные часы и ожидая матери, которая пошла за милостыней, чтобы накормить ею дорогого гостя-сына.

Онъ пришелъ къ ней на побывку изъ дальняго города, около котораго занимается мелкой торговлей-офенствомъ. Отдыхая, онъ во все лѣто не шевелитъ пальцемъ и только шатается по сосѣдямъ и пируетъ съ досужими и охочими до начала нижегородской ярмарки. Здѣсь онъ заручается у хозяина новымъ товаромъ и ѣдетъ на свое мѣсто опять года на три—на четыре.

Оба эти отвѣтчика за десятки волостей—однаго отца дѣти, оба: и сидѣнь, и бѣгунъ, потому и перестали сѣять хлѣбъ, что за нихъ и для нихъ стали это дѣлать другіе.

Наламывая спину и грудь за ткацкими станами, въ низкихъ и смрадныхъ свѣтелкахъ и на фабрикахъ, на всякую руку: и ручной миткаль, и красную пестрядь, и набивной ситецъ, сарпинку и хол-

стинку, ткачи оставляютъ станы и идутъ разминать руки и плечи на полевыхъ и луговыхъ работахъ, которыя цѣнятся дороже и пріятнѣе всякой другой.

Въ Хритоновщинѣ дѣлаютъ извѣстныя на всю Русь косы: съ осенняго заговѣнья куютъ, съ Благовѣщенья отдѣлываютъ и точатъ, но передъ лѣтней Казанской и эти мастера запираютъ свои кузницы и превращаются въ хлѣбопашцевъ.

—Въ зимнее время (толкуютъ намъ), всякій змѣей изгибается, на всякую работу идетъ: иной по три, по четыре шкуры на себѣ перемѣнитъ; лѣтомъ—всѣ на полевомъ дѣлѣ, хоть тресни. Это надо замѣтить и очень помнить. Каменщикъ и штукатуромъ попробуетъ, и мраморщикомъ скажется: умѣю-де дѣлать стѣны подъ мраморъ, а землю-кормилицу и онъ не забудетъ, не балуется. Иной и телѣги сколачиваетъ, и ребячьи игрушки мастеритъ другой рукой, а Господню заповѣдь помнитъ очень твердо и истово. Почему такъ? А вотъ почему:

—Самымъ богатымъ надо полагать серповщика. Много онъ ходитъ, громко стучитъ, рублей на девяносто въ годъ нагремитъ и набѣгаетъ. Кажется, сильнѣе его и быть невозможно: такой богачъ! А станешь усчитывать, по дѣламъ его деньги разбирать, и раздавать, и, нехотя скажешь: бѣги-ка, братъ, и въ четвертый разъ. Иное—съ возомъ придетъ и пшеничку привезетъ, а иное— и съ пустыми руками, судя по году и по уговору, когда продешевится.

—Вотъ и другіе! Какъ ужъ за Судогдой въ глинѣ круто пляшутъ и на всякую стать эту глину мѣсятъ! И какіе славные горшки лѣпятъ, кувшины дѣлаютъ, на занятныя игрушки дѣтскія простираются, и послягаютъ на всякое дѣло: бусы, государь мой, мастерятъ на украшеніе дѣвичьихъ шеекъ! Хорошъ и горшокъ въ продажѣ и въ дѣлѣ. Веселыя и проворныя руки дѣлаютъ ихъ въ день до полусотни: эка масляница! А горшокъ-отъ стоитъ копейку, самый большой покупаютъ за гривенникъ. Какъ ни надсѣдайся на горшкахъ, больше 15 рублей въ годъ не навертишь и больше 30 рублей не выручишь на самыхъ большихъ и красивыхъ.

— Если взять четвертную за тѣ деньги, что наши мастера выручаютъ, то и будетъ это такъ точно и про овчинниковъ, и про те-

лежниковъ, хоть бы пускались эти и на хваленую работу: на черенки для серповъ и на мелкія деревянныя подѣлки (по 20 копеекъ за сотню). Да и то — слава тебѣ, Творцу Небесному, потому что по-за-спиной земелька есть: въ кои годы и она выручастъ. Вотъ почему всякъ бѣжитъ къ дому на лѣто, а тѣмъ паче на осень озими засѣвать, убирать яровое. А почему собственно? Храмина-то въ деревнѣ утлая-утлая: вотъ она и рушится. Мало позазѣвайся на чужихъ бабъ, во-время догадка не возьметъ — разсыплется храмина. Небольно онъ ее и подновитъ — по деньгамъ его сдѣлать этого ему невозможно. Вотъ онъ и прибѣжитъ домой. Маленько подопретъ плечомъ. На мѣсто-то, какъ надо, хоть не установитъ, а, все-таки, стало легче. Бабамъ онъ первое духу придалъ и себя обманулъ. Ну, да что станешь дѣлать? Безъ того всѣ мы не живемъ на бѣломъ свѣтѣ: такая ужъ участь крестьянская!

— А на что надежда? Да вотъ смотри на небо: оттуда ждемъ.

— За то ужъ по нашимъ мѣстамъ какъ хорошо Богу молятся! Нигдѣ богомольнѣе нашего народа найти невозможно! Разъ я подъ Владиміромъ съ сашеи сталъ по пальцамъ считать по бѣлымъ колокольнамъ: по два раза пальцы-то на рукахъ загибалъ, больше двухъ десятковъ насчиталъ въ одномъ только мѣстѣ. Пробовалъ то же дѣлать подъ Вязниками — одно и то же. Въ рѣдкомъ селѣ нѣтъ у насъ чудотворной иконы. Почиваютъ по городамъ нашимъ святые угодники, и князья, и святители: Евфимій, Іоаннъ и Евфросинія суздальскіе, Андрей Боголюбскій и сынъ его Глѣбъ, Серапіонъ, Симонъ владимірскіе, св. благовѣрный князь муромскій Петръ съ другинею своею Февроніею, и опять князья муромскіе Константинъ, съ чадами его Михаиломъ и Ѳеодоромъ, переяславскіе угодники Божіи: Даніилъ, Корнилій, Никита-столпникъ... Да ужъ короче сказать, у насъ и присловье такое живетъ въ народѣ: «въ Суздалѣ, да въ Муромѣ Богу помолиться».

— Теперь, осенью-то, мужику самое бы время Богу молиться, да пробѣгалъ онъ—опоздалъ: ужо зимой начнетъ, потому что очень онъ на этихъ полевыхъ работахъ обожжется. Не было еще въ нашихъ мѣстахъ примѣра, чтобы которому мужику хватало своего хлѣба дальше половины зимы, а того вѣрнѣе сказать — дальше

*

веселыхъ святокъ. Безъ прикупки чужого хлѣба никто не обходится. Оттого и нѣтъ люднѣе, шумливѣе нашихъ зимнихъ базаровъ; изъ нихъ всякій походитъ на добрую ярмарку.

— Оттого-то, какъ ты въ правду назвалъ, хлопотлива наша здѣшняя клязменская осень. Отъ мужика теперь паръ валитъ. Мужикъ теперь краснѣетъ на подобіе гусиныхъ лапъ. Зато въ немъ и силы ростутъ: онъ крѣпнетъ. Лѣтомъ наши деревни чуть живы, какъ осеннія мухи: еле въ нихъ ходятъ, едва глазами глядятъ. Ничего, что теперь въ глаза эти пылью порошитъ: мужикъ отъ этого, надо такъ говорить, какъ овца, руномъ обрастаетъ. Скоро его стричь будутъ.

— Кто первымъ начнетъ?

— Первымъ и здѣсь всегда стрижетъ попъ. Выѣзжаютъ попы за нóвью, за новымъ хлѣбомъ, да и за всѣмъ, что успѣлъ мужикъ снять съ земли. Ну, да у попа пущай ножницы-то кривыя: не больно онъ ими глубоко забираетъ. Повыхватаетъ съ боку, да кое-гдѣ, съ тѣмъ и отходитъ. Самыя вострыя и прямыя ножницы у своего брата. Этого брата зовутъ торговымъ мужикомъ—зовутъ и міроѣдомъ. Такой-то стрижетъ знаетъ гдѣ и какъ: прямо до живого мяса и до бѣлаго тѣла. Считать ли другихъ? Боюсь, что и не сосчитаю всѣхъ: больно ужъ много...

— Погорѣльцы стучатся подъ окнами послѣ поповъ. Потомъ закричатъ старухи и малолѣтки: они и поработали, и посчитали урожай — да дыра въ горсти, силъ не хватило, а въ дому такихъ силачей нѣтъ. Походили бѣдняги по своимъ деревнямъ, а потомъ потянулись и на городъ.

— Наконецъ пошли вотъ и эти, что погорѣльцами себя любятъ называть, а на самомъ дѣлѣ они этимъ попрошайствомъ промышляютъ. За Клязьмой такихъ промышленниковъ цѣлая сторона, которая зовется и «Черной Стороной», и «Адовщиной». Когда всѣ уберутся съ полей, а лишніе ѣдоки выберутся изъ дому на дальные отхожіе промыслы—для «нищебродовъ» наступаетъ первое въ году рабочее время. Перепробовалъ нашъ народъ всѣ промыслы: надо, знать, быть на землѣ и такому!

II.

По торфянымъ берегамъ, въ поймахъ Клязьмы-рѣки и по маленькимъ рѣчкамъ, растетъ козья ива, черноталъ (salix pentandra); забираясь туда, судогодскіе мужики послѣ Покрова кору дерутъ съ этого чернотала и высматриваютъ для того самое ненастное время, когда эта кора лучше отстаетъ, и тѣмъ Бога хвалятъ: почитаютъ святой трудъ и не гнушаются работой, которую цѣнятъ и хвалятъ на кожевенныхъ заводахъ, и деньги платятъ съ пучка.

По этимъ поймамъ проходятъ мимо судогодскіе нищеброды, отвернувшись отъ мокрой работы, и не останавливаются, глядя прямо и въ сторону.

Вотъ, подъ глазами у нихъ и на той-же дорогѣ, другіе роютъ ямы и морятъ въ нихъ уголья—тоже продажный и цѣнный товаръ. Да, знать, слишкомъ чадна и черна ужъ работа, и на нее выходцы изъ Адовщины не глядятъ и стараются обойти и пройти мимо, все-таки смотря дальше впередъ.

Дальше—по той-же тореной дорожкѣ тянутся артелями пильщики сорить себѣ глаза и обсыпаться древесною пылью и опилками. И это дѣло адовцевъ не учитъ и не заманиваетъ, какъ неподходящее и точно также требующее труда и терпѣнія: опять дальше и мимо.

Подаютъ готовый примѣръ и другіе такіе-же сосѣди, которые живутъ подъ-бокомъ, да, и мало того, сплошъ и рядомъ дворъ-о-дворъ: лѣпятъ горшки— товаръ самый ходовой и почтенный. Матеріалъ не покупной, самъ подъ ногами валяется, а товаръ этотъ скоро бьется и трескается, и на базарахъ раскупается безостановочно. Да работа грязная: есть много почище, и, какъ она ни проста—бываютъ другія гораздо легче ея. И черезъ горшки бредутъ мимо судогодскіе нищеброды, обходя такимъ образомъ и мокрыя, и пыльныя, и черныя, и грязныя работы, отыскиваютъ и высматриваютъ побѣлѣе и полегче.

Такой трудъ имъ найденъ и несомнѣнно очень давно, не на люд-

ской памяти, а именно съ тѣхъ самыхъ поръ, когда земля наотрѣзъ отказалась кормить. Стала почва безплодною, малопроизводительною. Куда ни посмотришь—песокъ да камни. Хуже судогодскихъ мѣстъ, какъ по всей Адовщинѣ, не придумаешь и не увидишь. А такія скудныя мѣста тянутся по всей сѣверной части Судогодскаго уѣзда и восточной—Ковровскаго, отъ рѣки Клязьмы до р. Ушны съ запада на востокъ, и отъ Тетрюка и Кестомы до самой рѣки Судогды, съ сѣвера на югъ. Тутъ и вся Адовщина съ деревнями и селами. Если прибавить сюда изъ Ковровскаго уѣзда самый городъ Ковровъ, село Мошокъ, да Ильинскій Погостъ (притоны и пристани), то и все нищенствующее государство является въ полномъ видѣ: величиной и пространствомъ не меньше какого-нибудь столь-же древняго и почтеннаго германскаго княжества.

Оттуда народъ мало-по-малу, заведеннымъ порядкомъ, расходился въ разныя стороны на добрыя мѣста, не пугаясь даже дальней Америки и неближней Россіи и Африки. Здѣсь онъ весь на лицо и никуда не смѣлъ выбираться съ корнемъ, а обязательно крѣпился къ землѣмачихѣ, такъ какъ такова была для народа сила историческихъ судебъ, извѣстная подъ именемъ крѣпостнаго права и паспортной системы.

Самое имя Адовщины, какъ искаженное изъ Одоевщины (по имени владѣльцевъ)—имя почтенное, историческое [1]). Когда расположеніе народа къ земледѣлію и при этомъ крестьянская бѣдность (отъ тяжкихъ работъ въ дикихъ лѣсахъ и на сырой почвѣ) способствовали появленію и развитію на русской землѣ крѣпостнаго права, оно и здѣсь налегло всею массою своихъ силъ и привилегій. Налегло оно при этомъ раньше всѣхъ и тяжеле прочихъ и за то, что владимірскому краю привелось попасть въ руки первыхъ строителей сѣверорусской земли, и за то, что именно здѣсь и въ крайней близости одновременно совершался актъ великаго государственнаго объеди-

---

[1]) Въ этихъ странахъ—какъ извѣстно—самые княжескіе роды и прозвища произошли отъ тѣхъ селеній, которыя считались центральными и главными: князья Стародубскіе отъ г. Стародуба, въ 12 верстахъ отъ нынѣшняго Коврова (теперь село—Кляземскій-Городокъ), Ряполовскіе отъ с. Ряполова, отъ села Пожара—Пожарскіе, отъ Палѣха—Палецкіе, и т. д.

нения. Главный объединитель русскихъ земель—Москва, кровный родичъ Владиміра, Суздаля и Мурома, находился всего на два девяноста верстъ разстоянія, т. е. на шесть лошадиныхъ перегоновъ (считая конскій бѣгъ въ 30 верстъ до мѣста отдыха или смѣны): посылать и исполнять запрещенія переходовъ съ худыхъ земель на хорошія было недалеко и удобно. Самые первые опыты прикрѣпленія крестьянъ къ землѣ практиковались, конечно, здѣсь. Самые крупные поземельные владѣльцы (бо́льшею частью изъ захудалыхъ родовъ Рюрикова дома) получали, взамѣну отобранныхъ княжествъ, для кормленія и утѣшенія своего, крестьянъ и угодья преимущественно въ этихъ лѣсныхъ подмосковныхъ мѣстностяхъ.

Подъ защитою силы, закона и произвола, крѣпить народъ къ той землѣ, на которой кто сидѣлъ, не разбирая почвы и силъ сидѣвшихъ—было легко и подручно. Были-бы крестьяне на виду и на счету, помнили про владѣльцевъ и, неся всѣ законныя и противозаконныя тяготы, платили повинность—о другомъ крѣпостное право не думало. Оно знало и учило крестьянъ «тянуть по землѣ и по водѣ» въ ту или другую сторону и не замѣтило, какъ, отъ соединенныхъ и напряженныхъ усилій, земли затощали, лѣса вырубились, рѣки обмелѣли. У самаго престольнаго города Владиміра, съ золотыми воротами, по насмѣшливому народному присловью, остались теперь только два угодья: «отъ Москвы два девяноста, да изъ Клязьмы воду пей».

Между тѣмъ владѣльческіе путы и цѣпи не переставали удерживать народъ на однихъ и тѣхъ-же мѣстахъ. Когда вольные новгородскіе люди населили холодный сѣверъ и выдумали сначала Вятку и Пермь, а потомъ Сибирь: здѣсь, въ центрѣ Великой Россіи, наросло крѣпкое землѣ осѣдлое земледѣльческое и городское населеніе, стѣсняя взаимно другъ друга приростомъ, истощая почву, но не скопляя богатствъ. Здѣсь не медлила проявить себя и борьба за существованіе, выразившаяся изобрѣтеніемъ промысловъ во всемъ ихъ разнообразіи: и домашнихъ, и отхожихъ. Разнообразіе ихъ и народная изобрѣтательность дошли здѣсь, наконецъ, до того, что у Владимірскаго края въ этомъ отношеніи нѣтъ уже соперниковъ на всемъ пространствѣ русской земли.

Жившимъ въ лѣсахъ нетрудно было сдѣлаться плотниками и остаться въ условіяхъ этого дешеваго промысла самаго первобытнаго, простаго и легкаго изобрѣтенія. Потруднѣе и позднѣе привелось сидѣвшимъ на глинѣ стать горшечниками и вблизи болотныхъ желѣзныхъ рудъ—кузнецами, но еще сподручнѣе и легче было проскользнуть между ними и попасть на легкій промыселъ попрошайства и нищенства. Проявиться и укрѣпиться ему было именно тѣмъ и удобно и возможно, что вокругъ и около него успѣли скопиться благопріятная почва и питательные соки, т. е. многотерпѣливые дѣлатели и плоды ихъ дѣяній, сказавшіеся избыткомъ или залишкомъ. Къ укоренившемуся, хотя и дуплистому, дереву привилось чужеядное растеніе и удержалось на немъ.

Несмотря на то, что въ здѣшнихъ странахъ, какъ и по всему сѣверу Россіи, не безъ труда и усилій водворялось христіанство, и изъ Мурома, въ 13 вѣкѣ, жители изгнали перваго просвѣтителя своихъ странъ, епископа Василія (за что до сихъ поръ зовутъ муромцевъ *святогонами*), христіанство, все-таки, успѣло пустить здѣсь глубокіе и надежные корни. Повѣряя результаты прошлаго наличнымъ наслѣдіемъ, мы видимъ владимірскую страну во главѣ и въ первыхъ по числу церквей и по количеству духовенства. Христіанской проповѣди на основное ученіе о любви къ ближнему и на излюбленное о милостынѣ и преимущественной любви къ неимущему, по коренному закону: «милуяй нища—взаймъ даетъ Богу»—было достаточно здѣсь средствъ и простора. Подача просящимъ, благотвореніе неимущимъ, помощь страждущимъ стали такимъ кореннымъ народнымъ свойствомъ, что въ настоящее время творитъ оно великія чудеса.

Затѣмъ, когда облегчонъ былъ спросъ, гораздо того сильнѣе и шире проявилось предложеніе. Нищенству на Руси и поддержанію его всѣми зависящими силами открылось широкое и безконечное раздолье.

Народъ началъ чтить память только тѣхъ князей и владѣтелей, которые были милостивы къ нищимъ. Самыхъ щедрыхъ изъ нихъ онъ признавалъ за святыхъ угодниковъ Божіихъ. Самъ-же оставался онъ на столько чуткимъ къ нуждѣ и скорымъ на помощь, что руководителямъ его благочестія и блюстителямъ церковныхъ обрядовъ

приводилось распорядиться лишь назначеніемъ обѣтныхъ дней, посвященныхъ исключительно кормленію нищихъ, и опредѣлить таковые цѣлымъ десяткомъ на каждый годъ. Какъ у удѣльныхъ князей появились пріюты для калѣкъ и юродовъ, а у богатыхъ московскихъ царей даже въ самыхъ дворцахъ отдѣльные покои для такъ-называемыхъ «верховныхъ нищихъ и богомольцевъ», такъ и въ народной средѣ, въ каждой деревушкѣ пріютились двѣ-три избы, про жильцевъ которыхъ писцовыя книги говорили всѣ въ одно слово: «живетъ мірскимъ подаяніемъ», «бродитъ за сборомъ», «кормится нищенскимъ промысломъ».

Деревенькіе порядки эти въ цѣломъ видѣ дожили и до нашихъ дней, и старинные крестьянскіе «сироты», кормившіеся Христовымъ именемъ, ходя по городамъ и селеніямъ, ведутъ свою жизнь и теперь по тѣмъ-же пріемамъ, не имѣя причинъ и основанія считать ихъ незаконными и зазорными.

Если этотъ неизбывный законъ, отразившійся въ маломъ видѣ на каждой деревушкѣ, мы примѣнимъ къ цѣлымъ областямъ (не стѣсняясь даже искусственно созданными предѣлами губерній), то встрѣтимъ тоже явленіе.

Десятки семей, укрѣпившихся въ разумѣніи заповѣди, что «отъ сумы никому отказыватся нельзя», не затруднились удержать подлѣ себя единицы престарѣлыхъ-немощныхъ и ничего неимущихъ. Съ готовностію помощи, но не безъ стѣсненія себя въ своихъ избыткахъ, они примѣняютъ къ этимъ «сиротамъ» Христову заповѣдь и по завѣту отцовъ, и по собственному произволенію.

Сотни селеній, поставленныхъ въ тѣ же благопріятныя условія состраданія и помощи, предлагаютъ услуги десятку деревень, обреченныхъ на тяжелую нужду нищеты отъ безплодія почвы и малоземелья, отъ пастойчиваго закрѣпленія на этой неблагонадежной землѣ не знавшимъ милосердія крѣпостнымъ правомъ. Оно не имѣло нужды и не желало знать, чѣмъ питается плательщикъ податей и какимъ способомъ собираетъ онъ платежныя деньги, и даже готово было, въ разсчетахъ личной корысти, поощрять любой изъ этихъ способовъ, лишь-бы только добывались имъ деньги. Всякій былъ въ правѣ снять съ земли и прогнать отъ себя безсильнаго работника,

хилаго и хвораго старика. Сотнями указовъ приходилось убѣждать владѣльцевъ въ томъ, что малолѣтные сироты требуютъ съ ихъ стороны вниманія и попеченія. Не одну такую-же сотню случаевъ указываетъ исторія и въ такомъ родѣ, когда сами помѣщики поощряли промысловое нищество, а иногда даже прямо заводили его въ своихъ вотчинахъ, принимая на себя роль учредителей и контролеровъ. Почва, къ тому-же, въ сѣверныхъ лѣсныхъ губерніяхъ всегда была готова, и находились пригодные люди въ видѣ всегда отпускаемыхъ на волю престарѣлыхъ и больныхъ дворовыхъ людей, когда они, истративъ силы и здоровье на барской службѣ, не могли уже болѣе продолжать работать. А такъ какъ владѣльцы семейства ихъ оставляли у себя, то и приводилось изгнанникамъ собирать разбитыя силы въ артельную и начинать въ этомъ видѣ единственно доступный имъ промыселъ. Отсюда, по извѣстіямъ изъ старины, на одномъ Бѣлоозерѣ и на посадѣ его «домовъ людей старыхъ и хилыхъ и увѣчныхъ и которые бродятъ въ мірѣ 112 дворовъ, а людей въ нихъ 189 человѣкъ». Въ одномъ этомъ городѣ, стояло восемъ келій нищихъ, и т. д.

Нищество спасало такимъ образомъ отъ голодной смерти и послужило, можетъ быть, лишь одному: увеличенію городовъ и торговыхъ селъ, привлекая къ нимъ безнадежныхъ людей, промышляющихъ попрошайствомъ. Города сами были скудны, а изъ деревень жители ихъ то и дѣло отписывали все одно и тоже: «деревнишка наша отдалѣла, и грязи великія, а намъ въ той деревнишкѣ не пожилось, хлѣбъ не родится, да и скотъ не ведется. и отъ воды далеко». Понятно, что при такихъ условіяхъ, приводилось соединяться не десяткамъ, а сотнямъ такихъ селеній, чтобы прокормить другія, у которыхъ и эти несчастія разлиты также въ обиліи и чтобы дать наиболѣе крупныя доказательства тому закону статистики, что въ обыкновенное время 15 человѣкъ обязательно и навѣрное пропитываютъ однаго нищаго, а въ неурожайные годы, одинъ живетъ на счетъ десяти.

Такимъ образомъ, среди промышленнаго и фабричнаго населенія, живущаго по Окѣ и Клязьмѣ и обезпеченнаго въ трудѣ опредѣленнымъ заработкомъ, зародилась эта группа деревень, «Черная Сторона».

Ея жителямъ сначала, какъ и всѣмъ, по выраженію знаменитаго крестьянина Посошкова, не давали обростать, но стригли, яко овцу до гола, а когда и «козы не оставили и пригнали въ нищету», жители эти стали кормиться христовымъ именемъ и мірскимъ подаяніемъ. Затѣмъ по соблазну легкаго дѣянія и веселаго промысла, они умѣли ухитриться смѣнить этотъ способъ прокормленія и самозащиты на настоящій промыселъ. Ближнее сосѣдство богатѣйшей нижегородской ярмарки придало этому промыслу прочное обезпеченіе, дало надежную поддержку и существованіе его на русской землѣ укрѣпило и узаконило.

Впрочемъ, если оглядимся по всему лицу этой земли, даже не особенно пристально, увидимъ, что судогодской захолустный уголъ— не въ первыхъ и не въ послѣднихъ, и уловленный статистическою наукою законъ находитъ здѣсь великое множество подтвержденій.

Сдѣлаемъ, кстати, этотъ опытъ простыхъ поверхностныхъ наблюденій.

III.

Подъ самой Москвой, торговой и богатой, въ средѣ промышленнаго фабричнаго населенія, живущаго—по оргинальному народному названію—«на-щелку» (т. е. на тканьѣ шелковыхъ матерій), проявились знаменитые «Гуслицы» и прославились мастерствомъ и искусствомъ дѣлать фальшивыя ассигнаціи и ходить на всякія темныя дѣла и на легкіе выгодные промыслы. Проявились здѣсь между другими и нищеброды, по неотразимому экономическому закону, съ тѣмъ лишь различіемъ, что гуслицкіе старовѣры изъ Богородскаго уѣзда тянутъ на промыселъ на низъ, въ богатыя придонскія страны, къ сытымъ казакамъ и русскимъ «сходцамъ», придерживавшимся той же старой вѣры. Они ѣздятъ туда обыкновенно съ товаромъ ежегодно по нѣсколько разъ. Но такъ какъ товаръ этотъ—дешевый и легкій (мѣдные образки) или дорогой и тяжелый ищущій любителя (старопечатныя

книги), то гуслицкіе купцы больше нищебродятъ. Они придерживаются старообрядскихъ селеній и, шатаясь по нимъ, собираютъ на погорѣлое мѣсто. Подаютъ имъ муку и крупу; берутъ они и холстъ и щетину, продавая тамъ же, на первомъ подручномъ базарѣ.

Нищебродятъ «гусляки» усердно и долго.

Слѣдомъ за ними бредутъ и о-бокъ съ ними ходятъ по два раза въ годъ, изъ Верейскаго и Можайскаго уѣздовъ, еще мастера того же дѣла, также знаменитые ходоки—«шуваликн».

Знамениты они тѣмъ, что въ Москвѣ перестали уже имъ подавать, и отъ московскихъ чудотворцевъ привелось имъ прибѣгнуть подъ покровительство воронежскихъ и ходить также на низъ и на тотъ, же тихій Донъ.

Это — бродяги настоящіе: ремесла никакого не знаютъ, товара съ собой не берутъ, а идутъ просто клянчить и собирать милостыню. Все—народъ простой и черный: лжотъ и унижается, что соберетъ то и пропьетъ. Въ этомъ они—не чета трезвымъ «гуслякамъ»: по постоялымъ дворамъ, идя со сборомъ, шуваликн безобразничаютъ, хвастаются, пьянствуютъ и ведутъ неподобныя рѣчи, а, придя домой, остаются такими же.

Гуслякъ—всю дорогу трезвъ. Какъ старовѣръ, онъ мало пьетъ водки и во всемъ воздержевъ.

Вмѣсто «души на распашку», онъ угрюмъ и скрытенъ и для того два языка знаетъ (т. е. умѣетъ говорить по офенски). Дома, въ деревнѣ, гуслякъ—все тотъ же: сдержанный, смекающій про себя и осторожный, умѣющій высмотрѣть и сдѣлать, что нужно и можно. Въ селѣ Мстерѣ (Влад. губ.), гдѣ дѣлаютъ и пишутъ старинные образа, запретили выпускать въ продажу мѣдные,—гусляки сдѣлали то, что торговля такими образами съ той поры еще больше усилилась: они стали отпечатывать старую икону въ глину, въ эту форму наливать расплавленную мѣдь, дѣлать другую форму и потомъ очищать неровности подпилкомъ. Не выходило всѣхъ буквъ, мѣстами выходили лишь точки, но на тѣльномъ крестѣ, напримѣръ, всякій зналъ, что должно быть написано «да воскреснетъ Богъ» и что продаются эти издѣлія дешево: на-вѣсъ—по 40—45 к. крупные, по 50—55 к. мелкіе, за фунтъ. Надо капризному богачу на Дону старинный об-

разъ прадѣдовскаго дѣла (и денегъ онъ за него, по казачьему богатству, никакихъ не пожалѣетъ) — гуслякъ дѣлаетъ образъ изъ зеленой мѣди, кладетъ ее часа на два въ соленую воду, потомъ подержитъ только надъ нашатырными парами — и готово: какъ будто самъ патріархъ московскій Іосифъ такой крестъ носилъ и такимъ образамъ молился. Гуслякъ и донскимъ щеголихамъ-раскольницамъ умѣлъ угодить: четырехъ конечные тѣльные кресты онъ дѣлаетъ съ арабесками и сіяніемъ, дѣлаетъ и сердцевидной формы, обливая бѣлымъ и голубымъ глянцовымъ слоемъ ценины, чтобы походили на финифтяные, и можно было брать за нихъ дороже.

За гуслицкими художниками не угоняться; за шуваликами — гоняются многіе, и имъ подражаютъ.

Отойдемъ отъ нихъ и посмотримъ въ другую сторону.

По сибирскому тракту на Тюмень, на первой станціи отъ Екатеринбурга, гонятся за кошевами проѣзжихъ босоногіе и неотвязчивые «косулинскіе нищіе»: мальчики и дѣвочки, взрослые и беззубые старики и старухи — въ перегонку другъ съ другомъ и что-то кричатъ.

Эти тоже промышляютъ ниществомъ, и разсчитываютъ главнымъ образомъ на двѣ громадныя ярмарки: старинную въ Ирбитѣ и новѣйшую въ Крестахъ, и также обязательно выродились тунеядцами среди сытыхъ и богатыхъ сибирскихъ мѣстъ, по Иртышу въ одну сторону и по южному Уралу въ другую. Сюда обязательно и ежегодно присылаютъ изъ Россіи цѣлыя тысячи нищихъ, подъ названіемъ «ссыльныхъ» и «поселенцевъ». Есть изъ чего выбираться временнымъ и постояннымъ нищебродамъ, дѣйствительнымъ нищимъ и мнимымъ.

Въ тотъ же Екатеринбургъ, а затѣмъ и въ Пермь (гдѣ до 1840 г. почти совсѣмъ не было замѣтно нищихъ, а просящихъ милостыню знали на перечотъ) стали съ 1860 года приходить огромныя ватаги здоровыхъ молодцовъ и дѣтей отъ 5 до 10 лѣтъ и ребятъ отъ 10 до 17. Стало быть, и здѣсь нищенство обратилось въ промыселъ: отъ неурожаевъ въ Чердынскомъ и Соликамскомъ уѣздахъ, изъ высланныхъ подъ надзоръ полиціи, изъ неосторожныхъ, соблазненныхъ заводчиками (при непомѣрномъ развитіи винокуренія) и распродавшихъ свои хлѣбные запасы. На хлѣбъ поднялась цѣна, а вслѣдствіе

того и на всѣ жизненные припасы: въ 1860 г. стоилъ хлѣбъ 20 к. за пудъ, въ 1861 взыгралъ до 80; говядина, вмѣсто 50 к. за пудъ, стала продаваться по 2 р. 40 к. Многихъ рабочихъ распустили уральскіе заводы, а къ ссыльнымъ, по прежнему, питали старожилы недовѣріе: масса бродячаго народа увеличилась. Не такъ давно не знали вовсе замковъ на дверяхъ, теперь видятъ одно, что кражи и нищенство возросли непомѣрно.

Изъ Чердыни и съ сѣвернаго Урала пошли въ нищенство пермяки и вогулы, которые, пристраиваясь къ русскимъ городамъ и селеніямъ, бьютъ на-двое, въ силу обязательныхъ законовъ для нашихъ инородческихъ племенъ: либо обрусѣютъ (какъ дѣлается это съ самоѣдами, выходящими «на ѣдому», т. е. на то же нищенство, или «байгушами», нищими, выходящими изъ степи въ уральскія станицы киргизами), либо въ значительномъ числѣ перемрутъ съ голоду отъ неудобствъ осѣдлой, непривычной для нихъ жизни.

Попробуемъ вернуться назадъ—и опять оглядимся.

Въ разсчетѣ на помощь промышленнаго Приволжья (Средней Волги, отъ Нижняго до Костромы) въ Макарьевскомъ уѣздѣ (Костромской губерніи) объявились деревни, посягнувшія на тотъ-же промыселъ нищенствомъ и соблазнившіяся судогодскимъ примѣромъ.

На богатую Вятку пошли походомъ свои промысловые нищіе изъ самыхъ холодныхъ лѣсныхъ губерній, въ числѣ которыхъ видное мѣсто принадлежитъ Тверской. Изъ Весьегонскаго уѣзда, изъ многихъ деревень, выходятъ промышлять-торговать все однѣ дѣвки: молодыя, здоровыя и красивыя. Торгуютъ онѣ неизвѣстно гдѣ, приносятъ съ собою иногда ребятъ и промышляютъ своимъ обычаемъ на столько удачно въ свое обезпеченіе, что ни на какіе соблазны не сдаются и ни подъ какимъ видомъ не рѣшаются выходить замужъ на осѣдлое житье въ окольности и на обезпеченное—свёкрово и мужнино.

«Зубчовскихъ купчовъ» той же губерніи давно спрашиваютъ встрѣчные: «ты чей, молодецъ? гдѣ былъ?» — и получаютъ всегда одинъ и тотъ же отвѣтъ: «въ Москвѣ по міру ходилъ» (по свидѣтельству народнаго присловья).

Снова перемѣнивъ точки наблюденій, мы наталкиваемся на однородныя картины, куда бы ни перекинулся глазъ на географической картѣ.

Вотъ въ мокрыхъ лѣсахъ верховьевъ Днѣпра и Западной Двины съ притоками лежитъ Богомъ забытая бѣлорусская сторона, которая только Ему одному извѣстно чѣмъ питается и чѣмъ сдерживается отъ поголовнаго нищенства. Однако, Петербургу хорошо извѣстны такіе же мнимые погорѣльцы и забитые нищіе, напоминающіе о себѣ въ сумеркахъ и по пригороднымъ мѣстамъ: все это, съ давнихъ временъ существованія этого города—выходцы изъ Псковской и Витебской губерній. Столичный городъ сталъ также центромъ тяготѣнія, надеждою, покровителемъ и защитникомъ нищенства.

Въ Сѣверо-западномъ краѣ, изъ подобнаго рода людей давно извѣстны, какъ завѣдомые тунеядцы, очень многіе. Среди плодородной Жмуди и привилегированныхъ литовцевъ и польскихъ выселенцевъ-шляхтичей, по рѣкамъ Вилію и Нѣману, прославился охотою жить на чужой счетъ и безъ труда пожирать труды дѣлателей «ошмянскій шляхтичъ».

Между смоленскою и могилевскою шляхтою выросъ другой чужеядный грибъ, подъ именемъ «лѣпиваго клепенскаго мужика», въ Сычовскомъ уѣздѣ, Смоленской губерніи. Этого мужика изъ с. Клепени, какъ раззорилъ французъ въ отечественную войну двѣнадцатаго года, такъ онъ и не поправлялся. Какъ удалось ему въ первый же годъ счастливо походить по чужимъ мѣстамъ за милостынкой, такъ и на послѣдующіе онъ ничего другаго для прокормленія себя не выдумывалъ. Отсюда же, изъ этой Бѣлоруссіи, — и именно изъ Витебской губерніи, выходятъ тѣ «нищеброды», которые безобразятъ красивыя и парадныя улицы строгаго Петербурга. Витебскіе, какъ и всѣ другіе тунеядцы въ родѣ псковскихъ и тверскихъ, живутъ въ особыхъ квартирахъ, собственно для нихъ содержимыхъ, на нарахъ, на которыхъ каждое мѣсто стоитъ 1 руб. или 75 коп. въ мѣсяцъ. «Хозяинъ» квартиры, цѣною въ 20 руб., платитъ за нее, въ виду предназначенія для нищихъ, 50 руб. и болѣе, и держитъ «сборную братію» не иначе, какъ подъ отвѣтственностію и поручительствомъ ими же избраннаго старосты. Рѣдкій изъ такихъ не выручаетъ даже одного рубля въ день. Витебскіе приходятъ цѣлыми семьями, изъ Псковской губерніи — старики и старухи, изъ Тверской и

Новгородской бабы и отчасти бывшіе ямщики изъ шоссейныхъ теперь заброшеныхъ ямовъ [1]).

Тамъ, гдѣ преимущественно-земледѣльческая, не знающая никакихъ промысловъ, Бѣлая Русь кончается, и начинаетъ жить великорусскій народъ, промышленный, смышленый и бойкій, лежитъ, между прочимъ, Калужская губернія со своимъ характернымъ Полѣсьемъ И здѣсь, какъ бѣлоруссу, худо жить въ лѣсахъ. Однако, уже за р. Угрой это смекнули и занялись подспорными земледѣлію работами. Калужскіе «палѣхи» рубятъ въ лѣсу осину для лопатъ и корытъ, дубъ для обручей, санныхъ вязьевъ и полозьевъ, кленъ для гребней и кулачьевъ-зубцовъ на мельничныхъ колесахъ. Гонятъ деготь, пилятъ дрова. Весною входятъ въ меженья (низменныя мѣста), поросшія осиновымъ кустарникомъ, и дерутъ здѣсь лыки. Надумались заняться даже фабричнымъ ремесломъ тканья рогожъ (въ селѣ Спасѣ Дёминскомъ, Мосальскаго же уѣзда, товару этому главный складъ). Недалеко отсюда, богатые и торговые Сухиничи — на двѣ статьи: пеньковую и хлѣбную. Здѣсь же проходитъ сильный торговый путь въ Гжатскъ и Зубцовъ. Опять—всякое приволье для желающаго прокормиться мірскимъ подаяніемъ и чужимъ даровымъ хлѣбомъ: и вотъ — въ деревняхъ тѣхъ же рогожениковъ завелись промысловые нищіе по причинѣ скуднаго заработка. Вынужденные неумолимою необходимостію, здѣсь занимаются пока еще нищенствомъ и тѣ, которые не оставляютъ ремесла рогожениковъ. Бродягъ этихъ всякаго рода и возраста можно видѣть, всѣхъ въ сборѣ, два раза въ годъ: на Вознесенье и на Лаврентьевъ день (10-го августа) въ лежащемъ близъ города Калуги монастырѣ Лаврентьевомъ. Грубыя лица, загорѣлыя отъ солнца и обросшія длинными волосами, прямо указываютъ на мосальскихъ палѣховъ, прибывшихъ сюда къ «народушку божьему» попросить его «сотворить святую милостынку» имъ, этимъ несчастнымъ, изъ которыхъ иные сидятъ въ однихъ сорочкахъ, другіе

---

[1]) Въ 1859 году эти петербургскіе нищіе опредѣлились по губерніямъ такъ:

Изъ Витебской	211	человѣкъ,
— Псковской	154	—
— Тверской	113	—
— Новгородской	77	—
— Ярославской	77	—

въ чекменяхъ безъ шапокъ. Всѣ склонили глаза надъ чашками со смиреніемъ и отчаяніемъ, хотя другіе и пріѣхали сюда на лошадяхъ и въ крѣпкихъ телегахъ.

Въ благодатной Украйнѣ и, конечно, опять въ городахъ, соблазнительныхъ большимъ скопленіемъ торгующаго народа,—тоже самое. Въ Харьковѣ, напримѣръ, въ предмѣстьяхъ его, существуютъ такъ называемыя «чортовы гнѣзда», т. е. дома въ видѣ стрижовыхъ норъ, самой первобытной культурной формы подземныя жилища. Лачуги эти составляютъ собственность нищихъ, которые выползаютъ отсюда днемъ собирать подаянія; вечеромъ принимаютъ гостей. Эти гости носятъ особое имя и называются «раклы», а въ сущности — тѣ же карманники и ночные воры. Въ домахъ нищихъ они производятъ дуванъ (дѣлежъ), послѣ котораго съ хозяевами и вольными женщинами пьютъ, поютъ и пляшутъ.

Здѣсь, впрочемъ, завѣтнаго артельнаго начала нѣтъ: все больше—сбродъ случайный. Чаще попадаются люди преклонныхъ лѣтъ и всѣ крайне несообщительны. Удается изрѣдка нѣкоторымъ спариваться для житья въ подобныхъ навозныхъ кучахъ, но не надолго: ловкій и пронырливый разбиваетъ въ пухъ вялаго и неумѣлаго, и прогоняетъ прочь отъ себя.

Еще разъ (и въ послѣдній) перенесемся на среднюю Волгу, въ мѣстность между Нижнымъ и Казанью.

Здѣсь прямо наталкиваемся мы на извѣстнаго съ древнѣйшихъ временъ, можетъ быть, съ самаго покоренія Казани, и знакомаго всей Руси подъ именемъ «казанскаго сироты» тамошняго поволжскаго промышленника Христовымъ именемъ, хотя и мусульманина, происходящаго отъ бывшихъ татарскихъ мурзъ. Это — самый докучный и самый умѣлый выпросить. Поровняться съ нимъ можетъ назойливостью и настойчивостью развѣ только тотъ соперникъ его, который обираетъ куски дальше на низу: въ губерніяхъ Самарской и Саратовской, и приходитъ сюда изъ 15-ти селъ и деревень Саранскаго и Инсарскаго уѣздовъ Пензенской губерніи.

Ходитъ этотъ народъ большими артелями и называютъ они себя «ка-

---

Изъ Могилевской и Архангельской (также наиболѣе другихъ видающихся) прежде было мало, — теперь изъ Могилевской—51 и изъ Архангельской—45.

лунами» (отъ слова «калить», что на ихъ языкѣ значитъ сбирать, нищебродить; по тому же смыслу, какъ у московскихъ шуваликовъ и жуликовъ оно значитъ «звонить», и убогіе нищіе зовутся «звонарями»).

Всѣ эти люди, говоря словами поговорки, «ходятъ торговать — на погорѣлое собирать», хотя далеко не всѣ здѣсь перечислены. Тѣмъ не менѣе, и по указаннымъ образцамъ можно увѣренно идти къ тѣмъ предположеніямъ, что внимательный учотъ значительно дополнитъ списокъ по каждой губерніи и укажетъ очень во многихъ не по одной такой мѣстности. Прикрытыя язвы откроются въ размѣрахъ серьёзныхъ, хотя бы уже потому, что вотъ цѣлыя мѣстности не видятъ иного выхода изъ нужды безхлѣбья и отъ недостатка другихъ заработковъ, кромѣ нищенства. Разъ прибѣгнувъ къ нему, они имѣютъ полную возможность преобразить его въ настоящій и правильный промыселъ, гдѣ и сплочиванье въ артели, и наемъ, и разсчеты, и стачки, и стычки, и взятки, и дѣлежки, и купля, и продажа: — все, однимъ словомъ, и на лицо, и при мѣстѣ, и на ходу, какъ бы и въ настоящемъ комерческомъ предпріятіи.

Обращаюсь къ знакомымъ представителямъ этого занятія, отъ которыхъ отвлекли меня товарищи ихъ по ремеслу и промыслу.

IV.

Къ Покрову озими давно засѣяны, и яровыя поля совсѣмъ убраны: собственно крестьянскія деревенскія работы кончены. Умолотъ не считается, изъ боязни грѣха повѣрять Божью волю: «все, что Богъ далъ — все въ закромахъ будетъ». Знаютъ твердо одно — что недохватъ, во всякомъ случаѣ, скажется раньше половины зимы. Чтобы прожить всей семьей безъ отлучекъ на своихъ хлѣбахъ надо на каждую рабочую душу по малой мѣрѣ $4^1/_2$ десятины.

Гдѣ слышно про такую благодать?

Однако, какъ ни прикончены работы — на крестьянской рабочей и ревизской душѣ стало легче, посѣтилъ ее миръ и благодушіе, за-

родились надежды: потянуло на завѣтную и обѣтную щедрость, отворились окна для подаяній.

Послѣ лѣтней истомы, въ самомъ дѣлѣ, стали всѣ побогаче и отъ видимыхъ достатковъ бодрѣе и веселѣе. Не прочь теперь и смѣнять ихъ на подходящее и самимъ недостающее; не прочь и даромъ дать малую толику съ міра—бѣдному и холодному на рубаху. Денегъ въ крестьянскихъ рукахъ по-долгу и по-многу не бываетъ, а монетой никто надѣлить не въ силахъ. Водится она только у міроѣдовъ и у торговыхъ мужиковъ, да и у этихъ прибивается алтынным гвоздемъ.

Зато теперь лёнъ есть, яица скоплены, всякаго жита до четырехъ сортовъ собралось, настрижено съ овецъ шерсти, набѣлено холста и нитокъ, насушено грибовъ и ягодъ:

— Милости просимъ, во имя Господне!

Не заставляютъ тебя ждать судогодскіе нищеброды именно въ это самое время, по окончательной уборкѣ полей.

Умудренные опытомъ подымаются они не толпами, а обозами. Въ семьѣ остаются только хилые старики да ползуны-ребята: всякъ, кто владѣетъ ногами, идетъ на работу. У кого нѣтъ своихъ калѣкъ: ребятъ-сидней, стариковъ-слѣпыхъ, молодыхъ хромыхъ, искалѣченныхъ звѣремъ или изломавшихся на работахъ, такихъ заговариваютъ у сосѣдей, нанимаютъ въ людяхъ. Подбираются сюда тѣ немощные, которые и сами готовы идти на промыселъ, да не знаютъ какъ и куда. Много подобнаго люда валяется по монастырскимъ папертямъ и переходамъ и шатается по хлѣбосольнымъ избамъ. Хотя въ разбродъ и въ одиночку, они всегда предпочтутъ такой невзгодѣ удачливую артель.

Велики выходятъ артели нищихъ, въ особенности изъ судогодскаго села Маршина, гдѣ, какъ говорятъ, воръ на ворѣ живетъ и всѣ нищебродятъ. Рваныя бараньи шапчонки на нечосаныхъ головахъ, бороды не приглаженыя и волосы на нихъ космочками, какъ пишутъ на старинныхъ иконахъ Христа-ради юродивыхъ. Къ тому же лица неумытыя и грязныя и на тѣлѣ все домотканое и рваное, съ большими и яркими заплатами: сѣрые зипуны и понитки. У бабъ (и въ ситцевой сторонѣ), вмѣсто всякаго платка, кусокъ простаго бѣлаго холста, похожаго на тряпку.

*

Вотъ весь тотъ нарядъ, которымъ щеголяютъ передъ доброхотными дателями судогодскіе нищеброды, норовя походить на погорѣльцевъ и, во всякомъ случаѣ, на непокрытую бѣдность и неизглаголанную нищету. Но такъ какъ въ ближнимъ сосѣдяхъ про это прознали, да къ тому же по пословицѣ, и своей «наготы-босоты изувѣшаны шесты», а судогодскіе всегда, сверхъ того, примѣтны, потому что въ разговорахъ, въ отмѣну прочимъ, прицокиваютъ и придзекиваютъ, то и изгибается ихъ бродяжья дорога изъ своихъ и ближнихъ мѣстъ далеко въ разныя стороны. Круто поворачиваетъ она либо за Оку—на Нижній, Тамбовъ и Рязань и дальше, либо разбивается на мелкія и длинныя тропы по губерніямъ Костромской и Ярославской. Временныя для нихъ остановки—базары; дальныя прогулки—Петербургъ и Москва; охотливые же походы на мѣста доброй жатвы—большія прославленныя ярмарки (въ родѣ ростовской, Яросл. губ.), около которыхъ удается имъ подбирать и нанимать всю ту искалѣченную нищую братію изъ слѣпыхъ и хромыхъ, каковые служатъ для ихъ артелей самымъ роскошнымъ украшеніемъ. Диву даются и понять не могутъ наблюдающіе въ тѣхъ мѣстахъ люди, откуда такъ скоро и такъ много набираютъ этого «сидня и лежня» судогодскіе нищеброды, въ помощь себѣ. Все, что сидѣло на печи забытымъ, все, что лежало въ куту заброшеннымъ, посажено и положено на тележки или на санки и вывезено къ монастырскимъ святымъ воротамъ и на городскія площади къ окаяннымъ кабакамъ.

Принимаютъ они все, что подадутъ изъ съѣдобнаго и носильнаго, съ алчностью, которая понуждаетъ на ссоры и драки съ соперниками и чужими искателями подобныхъ же подачекъ, и съ тою жадностью, которая не терпитъ, чтобы иной кусокъ вываливался изъ рукъ или пролеталъ мимо. Жадность эта тутъ же, на промыслѣ, успѣваетъ породить ту крайность скопидомства, которой усвоено имя скаредности и которая не стѣсняетъ набалованную и порченую руку стянуть на пути то, что плохо лежитъ и попадаетъ на глаза. Не съумѣть посланному парнишкѣ выханжить, или успѣетъ онъ залакомить прошеное и брошеное—значитъ потомъ больно биту быть. Многихъ такихъ мастеровъ-прошаковъ (особенно въ городахъ) потому и признаютъ, что недобравшихъ или недонесшихъ подаяніе мальчишекъ-«сиротъ» на-

ходятъ закоченѣлыми и посинѣвшими отъ мороза на улицахъ и за угломъ, изъ-за великаго страха показаться съ пустыми руками на глаза хозяина—будетъ ли то родной отецъ, или чужой человѣкъ —наниматель и покровитель.

Середина зимы—самое лакомое и барышное для такихъ нищихъ время, большею частію до самой масляницы, когда и крестьяне объѣдаются остатками, чтобы начать великій постъ, который тѣмъ хорошо и кстати выдуманъ и заказанъ, что въ деревняхъ остается изъ съѣдобнаго только квашоная овощь, да толокно съ квасомъ и сиротская овсяная мучка и крупка. Тѣмъ временемъ начнутъ нестись курицы, станутъ скопляться молочные отъ коровы продукты (которые отъ того и носятъ самое простое названіе скоповъ). Когда самимъ остается мало и всякій ѣстъ съ оглядкой, посторонній человѣкъ—лишній и ничѣмъ не разживется. Развѣ на Красной Горкѣ или Радуницѣ (во вторникъ на Ѳоминой недѣлѣ) или на Святой, гдѣ еще хранятся старые обычаи, доведется собрать крашеныя яица на могилахъ, оставленныя «про нищую братію» тѣми, кто со своими умершими родителями приходилъ христосоваться. Но въ этомъ даяніи—слабъ соблазнъ и невелика корысть. Ко Христову-дню и самый работящій хозяинъ начинаетъ тощать, а потому ходовые нищіе поворачиваютъ оглобли къ домамъ. У каждаго—по доброму возу изъ нарѣзанныхъ концовъ холста, нитокъ, кудели, зерна и муки. У изворотливыхъ такіе возы—не первые послѣ того, какъ удалось имъ сбыть собранное и вымоленное за деньги на спопутномъ базарѣ или въ сподручномъ кабакѣ.

Словомъ, потолкавшись въ великомъ посту на ярмаркахъ и базарахъ, которые въ это время бываютъ еще шумливы и многолюдны на послѣднее—нищеброды изъ-подъ Коврова и Судогды, по послѣднему санному пути, возвращаются въ свои курныя черныя избы, въ свою черную и темную сторону. Здѣсь, весной и лѣтомъ, для нихъ наступаетъ благодатная и благопріятная пора для другого, не менѣе темнаго промысла. Домовитые сосѣди ихъ съ егорьевой росы начинаютъ выгонять на пастьбу, по свѣжей травѣ, лошадей: выгодно и удобно воровать ихъ въ эту пору. Для укрытія слѣдовъ, въ качествѣ пристаней и хоронушекъ, указываютъ въ тѣхъ мѣстахъ на завѣдомо-на-

дежные притоны въ селѣ Мошокъ и въ Ильинскомъ погостѣ, и въ самомъ городѣ Ковровѣ.

«Калуны» Саранскаго уѣзда Пензенской губерніи, для пущаго успѣха въ дѣлѣ и въ отличіе отъ судогодскихъ, выѣзжаютъ на промыселъ въ годъ по *три* раза. Первый ихъ выѣздъ—въ ту же богатую испытую пору осенняго времени, послѣ Успеньева дня или Рождества Богородицы, смотря по погодѣ. Ѣздять же они до Михайлова дня, такъ какъ выѣзжаютъ «калить» въ это время на телегахъ и стараются застать народъ у гумна и амбара, когда онъ особенно бываетъ щедръ на подаяніе. Иные задерживаются дома кое-какими занятіями (галицинскіе, наприм., бьютъ масло), кончатъ ихъ—и на промыселъ. Второй выѣздъ—по первому санному пути, около Николина дня на всѣ Святки, сытые и богатые въ тѣхъ черноземныхъ мѣстахъ, а возвратъ домой—на широкую Масляницу съ упромышленной пшеничной и гречишной мукой и съ вымоленымъ топленымъ коровьимъ масломъ. Со второй недѣли поста—третій выѣздъ, такъ черноземный мужикъ круглый годъ не тощаетъ, и хоть слегка ежится и огрызается, но подаетъ и отсыпаетъ до самаго Семика,—до, времени новаго посѣва. Въ это время и въ страдную пору уже никого изъ калуновъ не видать, развѣ промелькнетъ одинъ какой-нибудь запоздалый возъ далеко промышлявшаго, напримѣръ, въ Петербургѣ а то, пожалуй, въ Грузіи и въ Бессарабіи (нѣкоторые заходятъ, говорятъ, даже въ Персію).

Послѣ первой уборки хлѣба (временемъ немного пораньше судогодскихъ), пензенскіе калуны опять выбираются, по завѣтному примѣру отцовъ и дѣдовъ, на легкіе и выгодные заработки. Выѣзды эти такъ описываетъ самовидецъ и свидѣтель этихъ продѣлокъ (тамошній священникъ, отецъ Василій Тифлисовъ):

«Хлѣбъ убранъ, и вотъ кибитки рогожаныя, холщовыя и иногда трудно опредѣлимой матеріи опять появились и потянулись вдоль селъ, одна за другою, набитыя по двое и больше здоровенныхъ сѣдоковъ, съ прибавкою разныхъ возрастовъ мальчишекъ. И наши крестьяне-труженики съ сего времени положительно попрошайками-нищими аттакованы. По мѣрѣ приближенія зимы, число нищихъ ростетъ и ростетъ, и наконецъ, къ праздникамъ Рождества Христова и послѣ-

дующимъ за нимъ, достигаетъ, кажется, своего апогея. Въ это время куда ни взглянете по селу, вездѣ видите снующихъ изъ двора во дворъ съ сумами, способными вмѣщать въ себѣ у взрослыхъ обыкновенно пуда по два и больше. Попадаются и такіе субъекты, кои вооружены не одной, а двумя, тремя и даже четырьмя сумами и такимъ образомъ ими прикрыты всѣ четыре стороны фигуры человѣческой. Подобные проказники всегда имѣютъ готовый отвѣтъ:

«Всякое даяніе, кормилецъ мой—благо: ничѣмъ, значитъ, не брезгуемъ».

Такъ какъ пензенскимъ калунамъ, въ противоположность судогодскимъ нищебродамъ, достаются на очистку самыя плодородныя страны, то и даянія слишкомъ обильны, и не приходится ими брезговать, просто по одному тому, что на всякую подачку существуютъ хорошія базарныя цѣны. Обвѣшанныя заплатами, кибитки не одинъ разъ нагружаются до верху мѣшками со ржаной мукой; обвѣшанные лохмотьями, ѣздоки при нихъ, не отходя еще сотни верстъ отъ родимыхъ гнѣздъ, успѣваютъ собрать въ зимній день не меньше пуда (плохіе) или двухъ и трехъ (проворные). А такъ какъ и здѣсь въ степяхъ, какъ и въ лѣсахъ, каждый нищенскій возъ нагребаютъ трое и четверо, то отъ такой тароватости возъ въ одну недѣлю выростаетъ въ большой тридцати-пудовой, подъ силу только такой же степной кормленой лошади.

Въ Пензѣ, на базарѣ, эти возы, по установившимся цѣнамъ, обмѣниваются на чистыя ходячія деньги. Эти, въ свою очередь, *размѣниваются* на плясовыя, бѣшеныя капли зелена-вина за любою захватанною дверью, которыхъ не одинъ десятокъ соблазнительно посматриваетъ на городскую нижнюю хлѣбную площадь. А такъ какъ разгулъ этотъ у всѣхъ на виду и самый промыселъ ведется среди бѣлаго дня, то и надъ голицынскими и гермаковскими, какъ и надъ одоевскими промышленниками, стряслась одинакая бѣда, отъ которой привелось уходить дальше и глубже. На Волгѣ—попросторнѣе и посвободнѣе.

Туда калуны ѣдутъ уже прямо и открыто торговать настоящимъ ходовымъ товаромъ. Везутъ яблоки и груши, булавки и иглы, маковыя сбойни и веретена. По селу ѣдутъ,—продажный товаръ выкли-

кивают. Съ желающими мѣняютъ на холстъ, нитки и хлѣбъ, предпочитая имѣть дѣло съ глупыми и темными бабами. Для этого выбираютъ и выгадываютъ ту пору осенняго времени, когда сами хозяева обыкновенно выѣзжаютъ изъ селеній въ дальные хутора. На этотъ разъ отецъ или самъ хозяинъ-калунъ поторговываетъ, а сыновья или работники калятъ. Въ концѣ августа, товаръ распродается весь, и тогда начинаютъ калить всѣ, и во всю силу, и на всѣ руки. Что они ни соберутъ, мѣняютъ тѣмъ же путемъ по встрѣчнымъ базарамъ и прямо съ возовъ на деньги, каковыхъ умѣлые и проворные привозятъ домой до круглой тысячи.

Немудрено, что такіе ходоки и проходимцы самоувѣренно могутъ нанимать до пяти мальчиковъ, до двухъ взрослыхъ работниковъ, полагая на недѣлю до 5, 7 и 9 руб. ассиг. на каждаго человѣка. А такъ какъ выходятъ на промыселъ и бабы, то и для нихъ не составляетъ риска наемъ охотницъ своего же пола изъ всегда готоваго и повсюду имѣющагося къ услугамъ празднаго сословія старыхъ дѣвицъ-богомолокъ, къ одному возу отъ 2 и до 5-ти.

Отличные хозяева теперь сами уже и не калятъ, а, набирая калѣкъ или уродовъ, лишь руководятъ ими и зорко наблюдаютъ. Говорятъ, что иные калуны, при недостаткѣ калѣкъ, уродуютъ собственныхъ дѣтей и съ доморощенными чудовищами выходятъ на промыселъ.

Впрочемъ смышленому и смѣлому человѣку мудрено ли притвориться уродомъ:

Завязалъ правую здоровую руку за спину подъ платье, — опустилъ рукавъ болтаться и виснуть: вотъ и безрукій. Кто изъ подающихъ станетъ подробно досматривать?

Или: подобралъ любое колѣно на деревянную колодку, подложилъ на нее что нибудь мяконькое, привязалъ покрѣпче: вотъ и безногій.

Или: вывернулъ руку вверхъ ладонью, заплелъ палецъ за палецъ, выставилъ на морозѣ—покраснѣло: вотъ и калѣка.

У этихъ калуновъ, какъ и у судогодскихъ нищебродовъ, за недоносъ ребятами выпрошеннаго—добрая встрепка, горячія розги или,

по желанію и вдохновенію, другія взысканія: лишеніе пищи, выставка на морозъ безъ полушубковъ, и т. под.

«Случается, говоритъ другой очевидецъ (священникъ отецъ Алексѣй Масловскій):—случается, что, взявши двухъ-трехъ мальчиковъ, не привозятъ ни одного.

— Куда дѣлъ?

— Богъ вѣсть: мудрено-ли баловню-мальчишкѣ въ чужихъ людяхъ заблудиться и запропаститься».

Вотъ какъ описываетъ этотъ-же очевидецъ тѣхъ мальчиковъ, которымъ удается возвратиться съ промысла:

«Что это за существа?—одни скелеты. Одежда оборванная, изношенная (до 70 заплатъ). Лицо впалое, блѣдное, глаза красные, индѣ съ вывороченными вѣками; походка вялая».

Не подлежитъ, конечно, сомнѣнію, что калуны чужихъ ребятъ также плохо берегутъ и худо кормятъ, и поддѣлываютъ подъ настоящихъ нищихъ искуственныхъ калѣкъ.

Извѣстно, что настоящіе и усердные калуны намѣренно запасаются дырявою одеждою, солдатской шинелью, полукафтаньемъ и ремнемъ (женщины черной монашеской ряской) какъ свидѣтельствуютъ тѣ, которые пожили между калунами и къ нимъ пристально присмотрѣлись. Конечно, все это приготовляется и уносится въ путь-дорогу для того, чтобы тамъ, гдѣ окажется выгоднымъ, успѣть и съумѣть превратиться въ кубрака. Начиная кубрачить, не перестаютъ и калить на всякую стать и во вся тяжкая.

Зимой у нихъ самый обыкновенный пріемъ въ промыслѣ — собирать на рекрута, выпрашивать на погорѣлое или на непокрытое бездонное сиротство, или на такую бѣдность и нищету:

— Вотъ и одёжи—только что на себѣ.

На парнѣ, въ самомъ дѣлѣ, одна только рубаха съ оборваннымъ воротомъ, изъ-подъ котораго по загорѣлой шеѣ и на могучей богатырской груди виднѣется одинъ лишь обглоданный деревянный крестикъ на узловатой бичевочкѣ.

— Сначала погорѣли. Потомъ ожили—выбило градомъ. Яровое совсѣмъ не уродилось. Встали на хлѣбъ высокія цѣны, и деньги бы водились — не укупить ни за что. Настропили винокурныхъ заво-

довъ. Позавели кабаковъ: всякому стало лестно и выгодно виномъ торговать.

— Потомъ опять — тяжелые налоги: гдѣ ни возьми, промыслили деньги, а деньги себѣ нужны на соль и на деготь, а теперь и на одёжу. Къ тому же—семья большая, а въ семьѣ все—немощные и маломощные малолѣтки.

— Напала лихая повальная болѣзнь, всѣхъ большихъ работниковъ въ дому поглотала: надо платить подати за умершихъ. Земли въ надѣлахъ такъ мало, что самъ собою можешь ее сдобрить только про горохъ да на рѣпу. Наконецъ... да и концовъ тому, по Божьей совѣсти сказать, не сведешь.

Вотъ та канва, на которой просторно шить всякіе узоры, и всѣ цвѣта приходятся настоящіе: незачѣмъ ходить за поддѣльными. Всякій это разумѣетъ и испыталъ на себѣ въ той же мѣрѣ, силѣ и точности, какъ, напр., всякаго мочилъ дождь и каждаго обсыпало снѣгомъ. Великъ трудъ, взявши одинъ цвѣтъ и нитку, разрисовать ими одними узоръ такъ, чтобы очевидно было и жалобно; а со всѣми цвѣтами и нитями и малый ребенокъ справится.

Безъ навыка и умѣнья можно собрать только на дневное пропитаніе—таково бродяжье, общее всѣмъ и самымъ дѣломъ дознанное и доказанное вѣрованіе. Если гдѣ калунъ не выпроситъ, тамъ другой не берись. Калунъ и нищебродъ и руки цѣлуютъ, и въ ноги кланяются, притворяются и врутъ, и обманываютъ, и все-таки не отстаютъ, получивъ подаяніе, а выпрашиваютъ еще чего-нибудь изъ лишняго и ненужнаго. Сколько ни давай — все мало, все еще требуется. Назойливость и докучливость ихъ обратились даже въ поговорку въ тѣхъ мѣстахъ, гдѣ они дѣйствуютъ. «Косулинскій нищій, голицынскій нищій, шуваликъ, казанскій сирота» сдѣлались бранными словами.

Ложь и обманъ они въ грѣхъ не ставятъ, а думаютъ такъ, что, если безъ этихъ свойствъ и свѣтъ не живетъ, то имъ тѣмъ больше: безо лжи и обману и промыселъ придется покинуть. Дадутъ нищеброду копеечку—онъ сейчасъ же попроситъ холстика: значитъ есть, если отдѣлываются денежками. Неподающихъ другой нахалъ не побоится и пристыдитъ за то.

Противъ обидчиваго и отвѣчающаго упреками и наставленіями у нихъ всегда готова и своя щетинка, грубое рѣзкое слово, упрекъ наотрѣзъ и наотмашъ, по писанію и по готовымъ сердитымъ изреченіямъ:

— Кусокъ-отъ святой у насъ не отнятъ: Христосъ никому не велѣлъ его про себя оставлять. Онъ, Батюшко, еще и не то терпѣлъ.

— Онъ, Царь Небесный, любилъ нищихъ. А намъ негдѣ взять пропитанія, какъ только что́ дадутъ на Его святое имя.

Такъ отвѣчали на упреки въ нищенствѣ и бродяжествѣ судогодскіе нищеброды, несомнѣнно въ полное согласіе съ саранскими калунами, у которыхъ, впрочемъ, имѣется прямое указаніе на паспортахъ, выдаваемыхъ волостными правленіями, и въ отмѣткахъ на билетахъ этихъ все больше такого рода: «лишился родителей», «воры раззорили», «потерпѣлъ раззореніе отъ пожара», и т. п. Конечно, всѣ эти помѣтки кладутся за бутылку донскаго или хересу старшинами, которые сами всѣ—калуны или были таковыми, особенно въ главныхъ промышленныхъ саранскихъ и инсарскихъ гнѣздахъ, каковы: село Голицыно и деревни: Гермаковка и Акшенасъ.

Въ большомъ селѣ Голицынѣ изъ 300 дворовъ ходятъ на промыселъ больше 200, въ Акшенасѣ изъ 120 дворовъ не занимаются только четыре, а въ Гермаковѣ «калитъ» все селеніе сплошъ, дворъ-по́ дворъ.

Въ Гермаковкѣ коренная родина этого промысла, и отсюда распространился онъ по всѣмъ окрестностямъ съ замѣчательной быстротой, начиная съ 40-хъ годовъ текущаго столѣтія [1]), Передъ осво-

---

[1]) Заразились нищебродным промысломъ въ этой губерніи слѣдующія селенія: села Голицыно и Зыково (Саранск. уѣз.), Княжуха, Булгаково, Блохино, (Инсарск. уѣз.). Деревни Саранскаго уѣзда: Акшенасъ, Митрофаниха и Клинъ (обѣ до половины) и Зиновка. Деревни Инсарскаго уѣзда: Гермаковка, Ускляй, Нефловка, Русскій Майданъ, Воробьевка. Въ первой волости (Саранск. уѣз.) считается болѣе 2 тыс. душъ; во второй (Инсарскаго) около $1^1/_2$ тыс. душъ. Всего же нищенствуетъ приблизительно около 3 тыс., считая, конечно, въ этомъ числѣ и наемныхъ мальчиковъ, и наемныхъ же старыхъ дѣвушекъ. Село Акшенасъ съ деревнями Аргамаковымъ и Нефловкою—это центръ: сюда приходятъ нанимаяться со всѣхъ окрестностей: изъ Усклая, Кашкарева, Любятина, Пестравки, Петровскаго. Отсюда ѣдутъ въ нищенство даже такіе богачи, которые имѣ-

божденіемъ крестьянъ, изъ Голицына, отъ тѣхъ-же тяжелыхъ и невыносимыхъ до послѣдней крайности оброковъ, народъ бѣжалъ въ виду великой нужды, кто куда успѣлъ. Тогдашняя дешевизна хлѣба поощрила несчастныхъ: давали имъ, глядя на безвыходное положеніе, щедрой рукой. Въ одну недѣлю—по свѣжимъ разсказамъ въ тѣхъ мѣстахъ—удавалось собирать на сто и болѣе рублей.

Послѣ освобожденія, только лѣнивый не поѣхалъ калить, и указываютъ случаи, когда отцы прогоняли отъ себя дѣтей за то, что не шли вмѣстѣ съ ними. Словомъ, нищенскій промыселъ сталъ быстро выростать, увлекая новыхъ, и въ послѣднія 12—15 лѣтъ число пензенскихъ калуновъ едва-ли, говорятъ, не удвоилось противъ того, что показано нами въ примѣчаніи, такъ какъ заразу отъ чужихъ и вѣдомыхъ примѣровъ и удачъ перенесли и въ сосѣдніе уѣзды. Теперь стали калить кое гдѣ въ Мокшанскомъ и Городищенскомъ уѣздахъ, а въ старыхъ и основныхъ мѣстахъ ведутъ промыселъ безъ всякаго удержу и зазрѣнія совѣсти: тамъ, напримѣръ, продолжаютъ еще калить и такія старухи, которымъ навѣрное исполнилось 70 лѣтъ отъ рожденія.

Затѣмъ, обѣ стороны, по неотразимому закону, твердо основались на привычкѣ: одни выучились выбирать мѣста и выпрашивать, другіе—принимать нищихъ и подавать.

Между самими нищебродами разница произошла небольшая: одни надумались раньше, другіе выучились позднѣе. Самыми первыми, и въ очень давнія времена, припялись за нищенскій промыселъ судогодскіе.

Послѣ «французскаго раззоренія» въ 1812 году, бросился спасаться отъ голодовки и полнѣйшей нищеты въ Москву народъ со Смоленской и Можайской раззоренной непріятелемъ дороги и получилъ прокормъ обильный и легкій какъ въ самомъ городѣ Москвѣ, такъ и въ южныхъ уѣздахъ Московской губерніи, нестрадавшихъ отъ войны. Одни, оправившись, возвратились къ старому занятію; дру-

---

ютъ мельницы, по семи одоньевъ хлѣба, въ долгахъ и кредитѣ ста по два руб. сер. Бродятъ за милостыней опытные и ловкіе плотники, отличные печники и каменщики.

тіе, увлекшись соблазномъ легкаго заработка, остались при этомъ новомъ промыслѣ.

Выродились въ Верейскомъ и Можайскомъ уѣздахъ свои нищеброды «шувалики» (въ особенности извѣстны тамъ теперь деревни Клинъ и Шувалики). Эти, противъ старыхъ бродягъ изъ-подъ Судогды, новаго ничего не придумали, а своимъ увѣковѣченнымъ пріемамъ могли научить новыхъ, хотя бы тѣхъ же калуновъ и другихъ изъ желающихъ бродить по тому длинному пути, который совершаютъ они ежегодно два раза изъ-за Москвы въ тотъ же черноземный и хлѣбородный степный край. Когда въ московскихъ рядахъ и по лавкамъ этихъ погорѣльцовъ распознали и всѣ, какъ бы одинъ человѣкъ, сговорились между собою, и перестали имъ подавать, шувалики стали ходить въ Задонскъ и Воронежъ, но мѣрѣ того, какъ эти города, по очередно одинъ за другимъ, начали прославляться и привлекать десятки тысячъ богомольнаго люда къ мощамъ святителей Тихона и Митрофанія. Ѣздятъ шувалики, по общему промысловому пріему, артелями, человѣкъ по десяти и болѣе, и по общимъ нищенскимъ обычаямъ—вскорѣ по осенней уборкѣ хлѣба. Въ отличіе отъ владимірскихъ и пензенскихъ, московскіе дѣлаютъ вылазки на завѣтныя мѣста въ годъ два раза: вернувшись къ масляницѣ съ мукой и масломъ изъ перваго похода, ѣдутъ «на добычу» (такъ этотъ промыселъ у нихъ называется) весной, когда на Дону въ русскихъ деревняхъ и казачьихъ станицахъ отпашутъ: передъ сѣнокосомъ въ тѣхъ мѣстахъ, они исчезаютъ. По дорогѣ, у нихъ для промысла короткія стоянки въ Ельцѣ, Тулѣ, Задонскѣ; и тутъ, и тамъ—все одни и тѣ же, лѣтъ по 30-ти, пристанища на заговоренныхъ постоялыхъ дворахъ. Въ Воронежѣ, на два такихъ притона въ одинъ разъ съѣзжается человѣкъ по 30-ти, а въ годъ перебываетъ человѣкъ по сту и больше: всѣ съ законными видами на 2—3 мѣсяца и на полгода, и у всѣхъ одинъ отвѣтъ на вопросъ:

— Зачѣмъ и куда ѣдете?

— На заработки къ «сходцамъ» (т. е. къ переселенцамъ изъ-подъ Москвы, живущимъ въ поселкахъ: Можайскомъ, Московскомъ и т. под.).

Сбираютъ въ одиночку и партіями. Въ первомъ случаѣ, также

умѣютъ притворяться глухонѣмыми и юродами, навѣшивая на шею всякой неподходящей дряни, въ видѣ зубьевъ, побрякушекъ и т. п., и отъ монастырскихъ воротъ ходятъ еще по улицамъ. Въ воронежскихъ уѣздахъ, населенныхъ малороссами, для захожихъ еще тѣмъ хорошо, что въ хохлахъ въ день «проводъ» покойника въ могилу до погребенія бываетъ обѣдъ, на которомъ нищіе — первые гости. На крестины, на поминки тоже зовутъ нищихъ. Во второмъ случаѣ, выдавая себя за погорѣльцовъ, цѣлыми толпами они становятся на колѣни и умѣютъ разсказать ужасающія подробности. Перепадаетъ за то въ ихъ ловкія руки «добычи» отъ полтинника и до рубля въ день, много хлѣба и всякаго тряпья. Негодное тряпье они продаютъ въ Воронежѣ «шибаямъ» [1]), а зерновой хлѣбъ почти на самомъ мѣстѣ сбора. Возвращаются домой всякой разъ съ лошадкой, а самымъ ловкимъ удается вымѣнять не одну и съ хорошей лихвой продать въ своихъ мѣстахъ добраго «битюка» какому нибудь охотнику изъ городскихъ купцовъ.

Туда, откуда вышли, мы вмѣстѣ съ ними и возвратимся.

V.

Возвращеніе домой добродушныхъ и веселыхъ калуновъ всегда сказывается веселыми праздниками. Всего больше пьютъ и больше кричатъ на михайловъ день (8 ноября), когда къ тому же, кстати, въ селѣ Голицынѣ, храмовой праздникъ. Деньги, которыя они принесутъ съ собой, пропиваютъ всѣ, слегка начиная гулянки по спопутнымъ постоялымъ дворамъ и завершаютъ дома тѣмъ, что двѣ-три недѣли пьютъ круто и ѣдятъ сладко, и подчуютъ всякаго встрѣчнаго и поперечнаго. На масляницѣ, послѣ второго похода — тоже самое: самъ калунъ-отецъ мѣситъ грязь, пошатываясь и потряхивая груз

---

[1]) Такъ въ Курской и Воронежской губерніяхъ, какъ извѣстно, называютъ перекупщиковъ-кулаковъ, барышниковъ изъ мѣщанской голи.

ной головой. Рядомъ съ нимъ бредутъ два-три сына, которые тоже «намочились и наторопились», а впереди всѣ три снохи горланятъ пѣсни и отмахиваютъ трепака. Около семика и на троицу — третій приходъ и третье въ году пиршество и дома, и по трактирамъ, гдѣ этихъ молодцевъ сейчасъ узнаютъ по тому, что они шумливѣе всѣхъ и требовательнѣе, больше ломаются и дразнятся, и подлѣ нихъ и съ ними всѣ волостныя власти: — старшины и писаря. За то, говорятъ, голицынскій кабатчикъ платитъ помѣщику три тысячи рублей серебромъ ежегодной аренды (случается, однако, и такъ, что иные калуны возвращаются домой съ немилыми проводниками, по этапамъ). Каждый хозяинъ за всѣми расходами очищаетъ себѣ отъ 50 до 100 руб., а потому увѣренно полагаютъ, что одна деревня Аргамакова съ 300 душъ проживаетъ около $3^1/_2$ тыс. руб.

Обучонные въ московскихъ притонахъ, вышколенные и протертые въ городскихъ рядахъ по Никольской и Ильинкѣ на злоехидныхъ насмѣшкахъ и безцеремонныхъ правоученіяхъ рядскихъ молодцевъ, «шувалики» привыкли возвращаться домой съ оглядкой и осторожностью. У судогодской адовщины—та же наука, а, стало быть, и тѣ же пріемы: возвращаются домой степенно и живутъ глухое время неслышно. Пьютъ и они послѣ промысла непремѣнно больше, но тише, не шумятъ и не бахвалятся. Въ особенности, адовцы—народъ сумрачный, непривѣтливый; говорятъ неохотливо и если и выговорятъ что́, то все со зла и съ кипучаго сердца. О промыслѣ своемъ иначе не выражаются, какъ «вотъ ходилъ, говоритъ, хлебать чужой грязи за тысячу верстъ». Эти, и въ самомъ дѣлѣ, немного приносятъ. Приносятъ они только одну корысть: нахоженную и наповаженую страсть къ попрошайству и бродяжеству, да старую непзноше́нную лѣпь назадъ, много пороковъ и ни одной добродѣтели, за то страсть къ пьянству несокрушимую. Иные только на одно вино и собираютъ. Утратился всякій стыдъ, и нищенство съ воровствомъ пошли о́-бокъ: стало не грѣхъ украсть и у товарища-спутника, не только у пьянаго, но, еще того веселѣе и похвальнѣе, у трезваго.

Отсюда—еще пущая нерасчотливость въ хозяйствѣ и, при полномъ недостаткѣ энергіи въ борьбѣ съ нуждой, дѣйствующей на всякаго человѣка угнетающимъ образомъ, единственная надежда на

одну лишь чужую помощь. Между тѣмъ, здоровый нищій теряетъ уваженіе другихъ. Страсть къ попрошайству и бродяжеству подъ окнами и по чужимъ дворамъ уносится всѣми въ могилу. Пробовали пристроивать мальчиковъ къ дѣлу, посылали совѣтоваться съ матерями, но эти нетолько не изъявляли согласія, но и больно били ребятъ за одно лишь желаніе трудиться.

Попадая въ хорошую и работящую семью, по выбору слѣпого сердца, не разбирающаго наряда и характера, адовщинскія дѣвушки въ роли женъ и снохъ, только на время исправляются отъ обычной и привычной своей безпечности и страсти таскаться по подоконьямъ съ коробками. Но до сихъ поръ еще не видали примѣра, чтобы сдѣлались онѣ настоящими людьми и добрыми хозяйками. Взятая туда, гдѣ нищенство предосудительно и занятіе имъ зазорно, сыто накормленая и одѣтая куколкой, она ищетъ случая какъ бы выскользнуть изъ глазъ и, воспользовавшись темнотой сумерекъ, одѣться въ лохмотья. Не успѣютъ домашніе спохватиться, какъ она уже побрела въ сосѣднее селеніе за милостынкой. Ни ласки мужа, ни совѣты свекра, ни упреки золовокъ и свекрови не въ силахъ побѣдить страсти, одинаковой съ той, которая тянетъ кабацкаго завсегдатая сглонуть хоть капельку винца изъ стаканчика, выпитаго прохожимъ посѣтителемъ. Какъ праздникъ, а въ особенности лѣтомъ, когда оставляютъ ее, отбившуюся отъ рукъ лежебоку, домашніе, ушедшіе въ поле на работу, она оболокается въ лохмотья, надѣваетъ кузовъ и тащится къ наслажденію—постучать въ подоконникъ и попыть подъ окнами, поскучать на свою нищету въ избахъ довѣрчивымъ беззубымъ и глухимъ старухамъ и несмышленымъ ребятишкамъ: было бы только кому слушать. Она не прочь и стянуть плохо лежащее. Честной семьѣ немало достается труда розыскивать потомъ тѣхъ, кого она обидѣла, и возвратить то, чѣмъ она обездолила. Нѣ-кому на нее и пожаловаться. Не идти же въ ея родную семью, гдѣ все по тому же и по старому: «опять мужицекъ пойди хочетъ» на такой же промыселъ и самъ «отечь не сышшетъ» куда забрался сынъ и «гдѣ его найди не вѣдатъ» (говоря ихъ же своеобразнымъ парѣчіемъ).

У шуваликовъ заводилось даже такое правило, что «кто плохо *добываетъ*, за того и дѣвка не пойдетъ замужъ». У этихъ, какъ и у

одоевскихъ (въ отличіе отъ калуповъ), установился обрядъ артельнаго дѣлежа сборовъ, тотчасъ же по возвращеніи вечеромъ на ночлегъ, на равныя части и съ тѣмъ, что устраивается складчина на выпивку и закуску (и эти привыкли сладко поѣсть, а шуваликн, сверхъ того, заявляютъ московское пристрастіе къ чаю [1]). Тутъ же, на постояломъ дворѣ, устраивается взаимное угощеніе до особаго безобразія (имѣющаго названіе нищенскаго), если нищеброды въ подвалахъ и чердакахъ «шиповскаго малинника», или въ «желѣзникахъ» (на желѣзинскомъ подворьѣ) понадѣялись на московскихъ чудотворцевъ. Тутъ только и дозволительны для подмосковныхъ шатуновъ тѣ веселые праздники, которые калуны имѣютъ право отправлять на родинѣ въ открытую и широкую. Зато въ Москвѣ для такихъ дѣлъ—не только раздолье, но и опредѣленный порядокъ по. извѣстной программѣ:

Раннее утро. Жильцы этихъ притоновъ всякаго сброду, гдѣ нищіе безразлично смѣшиваются съ ворами-жуликами, спятъ въ мертвую. Нищіе встаютъ: ударили къ заутренямъ. Рѣдкій поднялся здоровымъ и бодрымъ: трещитъ голова. Заутрени еще не отошли, надо торопиться постучать въ аптеку—въ кабакъ: тамъ къ этому стуку прислушались и по ударамъ знаютъ, что просится самый почотный и любимый посѣтитель заведенія — нищій, успѣвшій оглядѣть всю окольность. Городоваго не видать: спитъ.

Опохмѣлился нищій и немного захмѣлѣлъ—не бѣда: на церковной паперти не станетъ соваться къ носу подающаго, а на почтительномъ отдаленіи вытянетъ руку. Если онъ не выдержитъ въ кабакѣ и прорветъ его, то потащится опять въ ночлежную спать, въ карты играть, пѣсни слушать, самъ разговаривать.

Къ полудню—работа: лавки открыты—по московски настежъ; къ тому же и трактиры отперты.

Богатый купецъ оставилъ на поминъ души своей большой капиталъ: его помаленьку мѣняютъ на великое множество мѣдюковъ цѣлыми мѣшками. Приказчики ставятъ во дворѣ у калитки столъ и

---

[1]) Нищимъ на всякой обѣдъ полагается: похлебка, лапша и щи.

на него деревянный ящикъ. Всякій пролѣзаетъ сквозъ калитку, беретъ дачу, крестится кулакомъ и, отходя, обдумываетъ, какъ бы въ другой разъ пролѣзть. Одна нищенка выдумала: сгребла пробѣгавшую сучку, завернула въ тряпицу и поднесла, чтобы дали двойную дачу, да собака залаяла, а слѣдомъ за ней и она сама завизжала,

Въ полдень въ «Желѣзникахъ» нѣтъ никого, всѣ за дѣломъ. Вечеромъ—опять всѣ на лицо: продаютъ желающимъ собранное, мѣняются выпрошенной одежонкой, на деньги играютъ въ карты. Слабые вообще до женскаго пола, нищіе любезничаютъ съ пьяной проживалкой до того времени, когда хозяева оберутъ за ночлегъ деньги—шабашъ: буйному сонмищу переставать пора, надо стихать.

Хозяинъ огни погасилъ, оставилъ лишь одинъ ночникъ, который только трещитъ и воняетъ, но не свѣтитъ—не его это дѣло. Спать пора. Опять ночлежники попали въ то колесо, которое называется бѣличьимъ: стучитъ, кружится, вертится, а конца ему нѣтъ.

У этихъ каждый день тысячи разъ имя Божіе на языкѣ, но, въ самомъ дѣлѣ, про Бога они совсѣмъ забыли, въ новое (и послѣднее) отличіе отъ простодушныхъ калуновъ. Калуны Бога помнятъ и Его боятся, конечно, по своему. При всей нравственной испорченности они—богомольны и усердны къ той церкви, гдѣ крещены и повѣнчаны. Собравшись на промыселъ или возвратившись домой, калуны служатъ молебны или панихиды по умершимъ родителямъ, ставятъ большія свѣчи къ мѣстнымъ иконамъ. «Чтобы толкъ былъ отъ молебна», заказываютъ его отдѣльно отъ другихъ. Каждое воскресенье такихъ молебновъ перепоетъ, послѣ обѣдни, голицынскій священникъ не меньше сорока. Одинъ калунъ заказалъ и вывезъ изъ Саратова иконы на все семейство: всѣхъ ангеловъ наличнаго числа членовъ.

— «И ужь какъ же калуны молятся со всѣмъ семействомъ, когда служатъ молебны! говоритъ одинъ еженедѣльный наблюдатель и свидѣтель этихъ обрядовъ.

— Молятся до поту лица. Отслуживъ одинъ молебенъ, калунъ встаетъ съ колѣнъ и, тыкая пальцемъ въ какую-нибудь икону, проговоритъ: «вотъ этому, батюшка, служите, и еще этому», и т. д., пока всѣхъ переберутъ. Такихъ оригиналовъ много».

Того же самаго про адовщину сказать нельзя (а про шуваликовъ,

въ этомъ случаѣ, и вспоминать напрасно). Въ темномъ и черномъ углу Адовщины совершилось даже совершенно противоположное явленіе. Будучи плохими православными, они охотно переходятъ въ старую вѣру и придерживаются самаго крайняго раскола, каковъ безпоповщина, а въ немъ самаго упорнаго толка—Спасова согласія, въ томъ его подраздѣленіи, которое отрицаетъ все (нѣтовщина) и утверждаетъ только одно, что царство антихриста уже настало.

— Намъ это, при нашемъ дѣлѣ, говорятъ они:—поваднѣй, чѣмъ кому-нибудь другому...

Тѣмъ не менѣе, довольно ясно и то, что Судогодскій уѣздъ и его «черная сторонушка» какъ разъ примыкаетъ къ той обширной области, гдѣ начинается эта вѣра «по спасову согласу», въ особенности удачно (и почти исключительно) угнѣздившаяся по Окѣ и правому берегу Волги за Нижнымъ, далеко на низъ. Хорошо и полезно это согласіе Адовщины на «нѣтовщину» тѣмъ, что и она любитъ тайную милостыню и хранитъ обычай «тихаго подаянія» [1]). Спишь себѣ, а богатый одновѣръ, какой-нибудь шуйскій купецъ, задумалъ такую милостыню, во избѣжаніе какой-либо бѣды и напасти: кто заболитъ, то во здравіе того; кому по векселю платить приходитъ срокъ, а денегъ у него нѣтъ, то, чтобы въ яму не засадили. Такіе благочестивые отсылаютъ гречневую крупу, пшено, муку, пекутъ крупитчатыя булки, баранки и складываютъ ихъ въ мѣшки. Надежный человѣкъ, укутавшись такъ, чтобы лица нельзя распознать, ѣдетъ ночью и тихимъ стукомъ въ окно вызываетъ на улицу и передаетъ: «прими, значитъ, и помолись». Станутъ изъ мѣшковъ выбирать и вытряхивать, всегда деньги высыплются, восковыя свѣчи вывалятся.

На этомъ же обычаѣ въ Шадринскомъ уѣздѣ (Пермск. губ.), куда также давно забрался расколъ со всѣми разнообразными своими толками до самаго послѣдняго, выродился даже особый родъ нищихъ

---

[1]) Обычай этотъ, напр. въ Тверской губерніи, въ селѣ Раевскомъ, отправляется дѣвицами, наложившими на себя обѣтъ не выходить замужъ. Эти дѣвицы, которыя, какъ говорятъ тамъ, «взялись за Бога», обыкновенно ночью, вдали отъ своей деревни, подбрасываютъ подаянія и скрываются.

*

въ поразительную отмѣну отъ всѣхъ существующихъ. Въ точинскомъ приходѣ живутъ такіе, которые за милостыней никуда сами не ходятъ, а напротивъ къ нимъ приносятъ подаянія прямо на-домъ.

На этомъ и оканчиваются всѣ ничтожныя различія одинаковаго и столь оригинальнаго промысла, несмотря на то, что географически промысловыя мѣстности значительно удалены другъ отъ друга. Экономическія причины всѣхъ ихъ сблизили и объединили.

На оповѣщенномъ сейчасъ вопросъ не кончается, и картину дорисовать невозможно. Въ разныхъ мѣстахъ выясняются новыя причины, порождаются новые поводы къ появленію нищенства, которое такъ легко и просто принимаетъ видъ и форму промысла. Сюда отнесемъ появленіе нищихъ въ большихъ группахъ тамъ, гдѣ ихъ до сихъ поръ не было видно, и изъ немногихъ, оставшихся чистыми и свободными, мѣстъ приходится указать только нѣкоторыя, гдѣ извѣстная обезпеченность позволяетъ считать ремесло нищаго обиднымъ и гдѣ нищенству, подъ фирмою промышленнаго занятія, не даютъ пока мѣста.

Извѣстны еще до сихъ поръ казачьи земли и тѣсныя группы раскольничьихъ поселеній, гдѣ голодная нищета утоляется взаимопомощію и объявившіеся нищіе намѣренно и тщательно припрятываются передъ самымъ выходомъ на вольный свѣтъ и на глаза свидѣтелей и наблюдателей. Къ числу такихъ счастливыхъ странъ увѣреннѣе всего мы готовы отнести изъ видѣнныхъ нами и провѣренныхъ—Землю Уральскаго Казачьяго Войска, о которой не говоримъ теперь потому лишь, что вопросъ этотъ не въ задачѣ и не въ планѣ настоящихъ разсказовъ. Впереди, передъ нами еще очень длинный путь по безконечной и разнообразной Бродячей Руси.

Вотъ, не отходя отъ нищей братіи, передъ нами другой своеобразный и самостоятельный видъ ея—калѣки перехожіе или слѣпцы-старцы.

3.

КАЛИКИ ПЕРЕХОЖІЕ.

...Когда передъ тобой
Во мглѣ сокрылся міръ земной,—
Мгновенно твой проснулся геній,
На все минувшее воззрѣлъ,—
И въ хоръ свѣтлыхъ привидѣній
Онъ пѣсни дивныя запѣлъ.

Пушкинъ.

Всякая слѣпая себя смекаетъ.

Пословица.

I.

Наступала весна. Торопливые ручейки, сдерживаясь въ кропотливой и настойчивой суетнѣ своей только лишь ночнымъ холодкомъ и утренниками, за день и на глазахъ, совершали видимыя чудеса. Быстро превращались бѣлыя, какъ лебяжій пухъ, снѣговыя поляны въ синевато-мертвенныя. Подточеный и подмытый снѣгъ осѣдалъ, превращаясь въ пѣну на тѣхъ мѣстахъ, гдѣ, весело рѣзвясь на веселой солнечной пригрѣвѣ, шаловливые потоки сбѣгались вмѣстѣ и становились еще говорливѣе, и торопились по обнаженнымъ покатостямъ на крутые берега широкой рѣки.

Подъ рѣчной ледъ давно уже и неустанно днемъ спрыгиваютъ по крутоярамъ эти докучливые рѣзвуны, успѣвающіе соединяться въ сердитые ручьи. Отъ ихъ усилій береговые припаи успѣли уже оторваться отъ закрѣпъ и обнажить живую воду. Ледъ также мертвенно засинѣлъ и потрескался.

Какъ ни хлопотали по ночамъ свѣжіе холода приковывать къ береговымъ зацѣпамъ отстававшій ледъ, малая, но дружная сила брала свое. Ледяной покровъ двинулся съ мѣста. По трещинамъ обнажились полосы чернѣвшей воды. Грязная, старая зимняя дорога, утыканная вѣхами и лежавшая всю зиму кривулями, совсѣмъ выпрямилась и легла вдоль русла. Проруби также перемѣнили мѣсто и стали едва примѣтны.

Рѣка, какъ говорятъ, задумалась, и приготовилась къ неизбѣжному перевороту.

Тихо зашевелилось все ледяное поле и сперва, какъ полусонное,

стало лѣниво подвигаться на береговые завороты, огибало мысы и наталкивалось надломанными боками на камни и скалы. Поверхность рѣки очень скоро приняла оживленный, веселый и игривый видъ. Льдины поскрипывали, слегка покачивались и поталкивались ребрами, и плыли въ разсыпную: мелкія и заднія нагоняли большія и переднія и либо лѣзли на нихъ и становились ребромъ, либо подбирались снизу и надламывали тѣ изъ нихъ, которыя тяжело шли и сильно изныли на припекѣ весенняго солнца.

Обрадовалось теплому дню и плѣнилось веселой картиной ледохода все населеніе небольшого, но стариннаго городка, и собралось смотрѣть на родную рѣку, отъ мала до велика. На берегу ея всѣ на лицо: съ черемуховыми и камышевыми палками степенные граждане молчаливо сидѣли на завалинкахъ у домовъ и на скамейкахъ набережной. Менѣе пожилые размѣстились на накатахъ сосновыхъ бревенъ. Малые ребята всѣ у воды, гдѣ уже успѣли намокнуть и продрогнуть. Зажившая рѣка увлекла всѣхъ своимъ веселымъ видомъ и только разъ въ году повторяющеюся картиною, которая навѣваетъ столь пріятное и спокойное раздумье.

Только, когда передняя масса шевелившагося льда вновь забѣлѣла и ближнія льдины начали набѣгать одна на другую, а число коловоротовъ стало увеличиваться—пришло въ движеніе и засуетилось все, что́ было на берегу. Молодежъ побѣжала вдоль по рѣкѣ; поднялись съ мѣста старые и степенные люди: отъ сильнаго напора набѣгавшихъ волнъ на крутомъ поворотѣ рѣки, произошелъ заторъ.

Ледъ остановился и, повидимому, на долгое время.

Гулко зазвонилъ соборный колоколъ ко всенощной. Можно бы уже и расходиться по домамъ или въ церковь: завтра — большой праздникъ, или еще поглядѣть на рѣку?

Съ противоположнаго берега на ледъ спрыгнули двѣ живыя человѣческія фигуры и побрели одна за другою.

Нельзя теперь не остаться на берегу, чтобы съ замираніемъ сердца не посмотрѣть на то, ка́къ люди эти начнутъ доходить до середины рѣки, чтобы на всѣ голоса закричать имъ требованіе возвратиться туда, откуда сошли и гдѣ, между старыми амбарушками и сараями, сиротливо чернѣетъ едва-живая сторожка перевозчиковъ,

теперь пустая, но казавшаяся на этотъ разъ такою привѣтливою и гостепріимною. Въ крикѣ съ городскаго берега помянули и ее, и амбарушки, и всякаго лысаго бѣса, и всѣхъ родителей.

Путники не внимали совѣтамъ и застращиваньямъ, но поторапливались, особенно передній, который смѣло и увѣренно шелъ впередъ, перепрыгивая черезъ стоявшія ребромъ льдины. Только разъ остановилъ онъ шаги, чтобы поднять задняго, который запнулся за стамуху, упалъ и закричалъ недаровымъ матомъ. На берегу, въ виду этого казуса, даже ахнули тѣмъ могучимъ вздохомъ богатырской груди, который можетъ вылетѣть лишь изъ огромной толпы, настроенной однимъ чувствомъ и одновременно пораженной внезапнымъ ужасомъ.

Путники опредѣлились и отдѣлились: передній былъ мальчикъ съ длинной палкой, за которую ухватился обѣими руками старикъ. Стало удобнымъ опредѣленнѣе ругаться и увѣреннѣе кричать.

— Проломаныя головы — эти «крапивники!» Нѣтъ у нихъ страха Божія! слышалось отъ однихъ.

— Потонетъ безшабашный — не жалко! За что старикъ пропадетъ? вторили другіе.

— Назадъ, окаянный! Пихай старика въ спину. Пропади ты совсѣмъ!—желали третьи, и, ка́къ ни отмахивали руками отъ своего берега путниковъ, они были подъ самымъ городскимъ взвозомъ.

Ка́къ ни усердствовали десятскіе, гдѣ-нигдѣ заручившіеся длинными и толстыми палками — осязательнымъ знакомъ своего полицейскаго достоинства, чтобы не пускать нищихъ на городской берегъ, оба послѣдніе совѣтовъ и угрозъ не слушались. Ловко вспрыгнулъ на песчаный откосъ мальчикъ, но старикъ опять запнулся, упалъ и перемочился.

Вскорѣ оба виноватые были на лицо и стояли подъ самыми непріятельскимъ выстрѣлами съ поличнымъ: старикъ — съ широкимъ холщовымъ мѣшкомъ, подвязаннымъ черезъ правое плечо къ лѣвому боку ниже колѣна. Мальчикъ — съ длиннымъ черемуховымъ падогомъ, за конецъ котораго крѣпко ухватился сзади его слѣпой старецъ. Онъ, какъ вошелъ въ грязь, натасканную зимой на спускъ лошадьми и возами, такъ и переставалъ нерѣшительно и торопливо се-

менить худыми ногами. Онъ уставилъ ихъ тутъ, какъ пенье, вкопанными и еще больше сгорбился, словно ждалъ, что вотъ его опять обольютъ холодной, ледяной водой, и теперь не съ ногъ и боковъ, а прямо съ головы, сквозь надвинутую на глаза лоскутную и рваную овечью шапку. Въ неподвижныхъ чертахъ изрытаго оспой лица его непріятно вырѣзались бѣлки глазъ, казавшіеся необыкновенными и огромными. На этотъ разъ еще, къ тому же, глаза эти мигали, торопливо и судорожно бѣгая изъ одного угла глазной впадины въ другой. Свѣжее, молодое, но истомленное и тоже болѣзненное лицо его проводника смѣло смотрѣло на всѣхъ, и въ живыхъ выразительныхъ сѣрыхъ глазахъ незамѣтно было испуга. Напротивъ видѣлось насмѣшливое и хвастливое выраженіе, какъ будто говорившее:

— Вотъ и на омутахъ по рѣкѣ не боялся; вотъ и теперь на берегу не боюсь никого. Ну, бейте меня. Ну, что́ вы скажете?

— Двѣ головы-то у тебя, пострелёнокъ? кричалъ одинъ подъ самое ухо, и кулакъ показалъ.

— И впрямъ двѣ (подумалъ, но не сказалъ словомъ, а выразилъ смѣлымъ взглядомъ): — непремѣнно двѣ: моя, да дѣдкина.

Онъ даже оглянулся кругомъ, выискивая въ обступившей ихъ толпѣ десятскихъ съ орясинами, и выжидая, кто и скоро ли бить будетъ (одинъ изъ послѣднихъ успѣлъ-таки натолкать ему спину и надавить, и пастукать плечи).

— Экіе они— озорники: поводари эти! Эки ребятки—головорѣзы! — замѣчалъ первый и тотъ же.

— А всѣ вотъ экіе! И гдѣ эти старцы набираютъ такихъ? вопрошалъ новый (и этотъ свой кулакъ сложилъ).

— Ну, да вотъ обойди ты деревни. Спроси: возьметъ ли кто этихъ головорѣзовъ въ работники, когда отъ старцевъ отойдутъ?

— Никто не беретъ (слѣдовалъ отвѣтъ): — кому этихъ сорвиголовъ надо?

— Въ Сибирь ихъ много идетъ, страсть—много! Туда ихъ, слышь, надо: на цѣпь! подтвердилъ третій.

— Вѣдь, онъ, крыса, носъ тебѣ откуситъ. Вскочитъ на плечи тебѣ и откуситъ, выгрызетъ тебѣ носъ!

Сказавшій, четвертый, въ самомъ дѣлѣ покрутилъ плечомъ и показалъ на немъ мѣщанскую заплату.

— Ты, старче, что его слушалъ? Зачѣмъ шолъ?

Старикъ молчалъ, опершись на длинную палку и настороживъ уши, но отвѣчалъ за него поводарь:

— Онъ самъ велѣлъ. Онъ самъ толкалъ: иди, говоритъ; веди меня, говоритъ.

— У, стрѣлья тебѣ въ бокъ, окаянный! сказалъ десятскій, и въ самомъ дѣлѣ очень больно толкнулъ его въ бокъ.

— Вѣдь, рѣка-то шла, вы! слѣпой, да молодой! вступился и говорилъ скромнымъ и медленнымъ голосомъ степенный и сѣдой, какъ лунь, гражданинъ.

— Вѣдь ледъ-отъ только остановился: рѣка-то пошла бы. Вѣдь понесло бы васъ, и вы потонули бы. Али смерть красна? Рѣка-то сейчасъ опять пойдетъ: она не знаетъ, вѣдь, что васъ ей пережидать надо. Вонъ, глядите-ко: опять тронулась!..

— Гляди-ко, и впрямъ, дѣдко! — съострилъ поводарь, толкнувъ старика въ бокъ и, вмѣстѣ съ другими, сталъ всматриваться въ рѣку.

Ледъ прорвало. Онъ поплылъ дальше со скрипомъ, превратившимся вскорѣ въ сплошной и гулкій шумъ.

Только вблизи, у самыхъ береговъ, шумъ этотъ измѣнялся въ ясно слышный шелестъ мелкихъ льдинъ, пробѣгавшихъ по песчанымъ покрытымъ крупною дрясвою оплечьямъ береговъ. И еще чутко давалъ себя знать толпившимся у воды ребятишкамъ пріятный и легкій звонъ въ тѣхъ мѣстахъ, гдѣ подмоченныя и подогрѣтыя ледяныя ребра осыпались свѣтлыми и острыми иглами, въ которыхъ бойкому весеннему солнышку удавалось мимоходомъ поиграть всѣми прелестными и дорого-покупаемыми цвѣтами драгоцѣнныхъ и самоцвѣтныхъ камней.

II.

Пока зрячіе граждане маленькаго стариннаго городка всматривались въ свою вновь тронувшуюся рѣку, слѣпого старика проводникъ успѣлъ увести изъ толпы на городскую гору.

По обычаю, смиренно и молча пробирались они сторонкой, возлѣ самыхъ заборовъ, которые безконечно тянулись отъ желтаго дома до зеленаго, оберегая и загораживая неприглядные огороды, изрытые оврагами и густо заростающіе лѣтомъ репейникомъ и крапивой, а теперь заваленые осѣдавшимъ синимъ снѣгомъ.

У товарищей разговоръ:

— А вѣдь я, Гриша, чуялъ, какъ разверзалось-то на рѣкѣ! заговорилъ, наконецъ, все время до сихъ поръ упорно молчавшій старецъ-слѣпецъ.

— Вотъ, молъ, дитятко, перехожу я моря-то Чернаго пучину невлажными стопами, яко Израиль, а она разверзается. Да Господь мой ударилъ по пучинѣ—и совокупи! Чулъ, вѣдь, я, чулъ это.

— Разсказывай, дѣдко, другимъ, а мы знаемъ, чѣмъ ты чуешь. Вонъ косолапой-отъ хоть и говоритъ, что ты слышать можешь, какъ трава ростетъ и цвѣтъ распускается, а я тому не повѣрю, я слыхъ-отъ твой разумѣю. Гдѣ дѣвки сидятъ — ты это нанюхаешь: а гдѣ надо самому сидѣть, ты: иди, говоришь, впередъ! Хоть бы и теперь. Отстань!

Старецъ замолчалъ и не проронилъ слова, пока тянулся заборъ купеческаго дома, окрашенный въ сѣрую краску и утыканный сверху гвоздями противъ непрошеныхъ воровъ и баловливыхъ сосѣдскихъ ребятъ.

— Гдѣ идемъ, сказывай! Не слышитъ ли кто насъ?

— Иди, знай! отвѣчалъ зрячій проводникъ тѣмъ тономъ, изъ котораго привычнымъ ухомъ слѣпецъ легко уразумѣлъ, что говорить можно все, что думается.

— Ты пошто это давѣ снялся огрызаться-то?

— А ты молчалъ бы.

— Сколько я тебѣ говорилъ — не сниматься съ такими: убогіе, вѣдь, мы. Подъ самымъ заборомъ ходить надо, чтобы кого не задѣть и не обидѣть, а не лѣзть на головы.

— Я, дѣдко, уведу тебя отсюда. Не останемся: что тутъ дѣлать? Еще прибьютъ. Засадятъ меня въ темную — на кого тебя покину?

— Ой, глупенькой ты, ой, неразумненькой ты, Гриша! Ка́къ уходить? Зачѣмъ и шли? Вѣдь, къ здѣшнему празднику торопились? Вотъ я и измочился весь, чтобы у собора посидѣть, да чтобы добрые люди обсушили. Сдѣлай ты мнѣ милость: не уводи ты меня, голубчикъ ты мой!

Мальчикъ молчалъ.

— Уведешь ты меня — ревѣть буду. Всю дорогу такъ и буду волкомъ ревѣть! Пусть всякой знаетъ, сколь ты меня мучаешь и сколь мнѣ съ тобой жить тяжело. Прошу я тебя, желанный ты мой. Сѣчь будутъ—молить буду. Высѣкутъ—слушай: какъ просилъ, такъ и сдѣлаю. Возьми, что́ желалъ: возьми твои два двугривенныхъ и ступай куда хотѣлъ.

— Та́къ ты ихъ и далъ: жила, вѣдь, ты!

— Ей Богу, не жила, а слѣпому безъ того нельзя, самъ суди! Возьми свои и ступай—сказано. Ты уйдешь, а я лягу гдѣ положишь. Гдѣ прикажешь, тамъ и лягу—и лежать буду кряжомъ: никто меня на томъ мѣстѣ не увидитъ, и не услышитъ, и звать тебя не стану, и жаловаться не буду. Погуляй; вотъ, погуляй, во всю душу: завтра—праздникъ. Большой у Господа праздникъ завтра.

Проводникъ по прежнему молчалъ. Круто повертывалъ онъ палку на углахъ улицъ и, упирая ее на грудь слѣпого, сворачивалъ и направлялъ его нетвердые, все что-то нащупывающіе шаги.

Слѣпой продолжалъ:

— Вернешься съ праздника, изъ гулянки какой, слушай: корить не стану.

— Станешь!—вырвался, наконецъ, отвѣтъ въ самомъ твердомъ и увѣренномъ тонѣ.

— Вотъ, ей Богу, не стану: глаза мои лопни!

— Да, вѣдь, лопнули.

— Ну, помни ты, озорникъ, это слово.

— Какъ не помнить? Ты самъ не дашь забыть — припомнишь.

— Слушай, Гришанушко: коли корить буду — веди въ крапиву, веди. Самъ пойду.

Проходившая баба могла бы видѣть, какъ послѣ этихъ словъ на лицѣ мальчика взыграла веселая улыбка; но мѣщанка торопилась въ церковь и потому, можетъ быть, ничего не могла замѣтить.

Мальчику вспомнилось о томъ обычномъ пріемѣ его товарищей по ремеслу и занятію — пріемѣ, къ какому прибѣгаютъ они, когда выйдутъ изъ терпѣнія отъ капризовъ старцевъ и пожелаютъ имъ отомстить. Ворчливая старость и безъ того докучна, а слѣпая, къ тому же, еще очень зла. А такъ какъ слѣпая старость ходитъ на худой конецъ и при большой скудости съ однимъ провожатымъ и, притомъ, слѣпые старики любятъ сбиваться въ артели, то и зрячимъ ребятамъ, хоть и еще накладнѣй терпѣть ото всѣхъ, то зато и повадней, также своей артелью и складчиною, выдумывать и платиться всѣмъ однимъ разомъ.

Давно прилажено такъ:

Захотятъ отомстить и наказать полегче — передніе ребятки кричатъ:

— Вода! По рѣкѣ бресть надо.

Задніе этотъ крикъ понимаютъ, подхватываютъ и повторяютъ на томъ мѣстѣ, гдѣ никакой рѣки не протекаетъ, а, напротивъ, навалились кучи сухого гнилья отъ покинутаго и заброшеннаго дома. Самъ хозяинъ ушелъ въ солдаты или безъ вѣсти пропалъ, разыскивая какой-нибудь городъ Адесть; хозяйка, если не увязалась за нимъ, ушла въ нищенство и тамъ замоталась. Домъ разсыпался. По гнилью двора и гуменника выросла крапива, да такая густая, что и не пролѣзешь. Ранней весной даетъ она о себѣ знать сильнымъ запахомъ; во всякое другое время и чуткій носъ слѣпыхъ того не распознаетъ.

Въ эту жгучую воду, въ крапиву стрекучую и ведутъ капризныхъ и злыхъ слѣпцовъ, по крику ребятъ, приготовиться идти въ бродъ, чтобы не измочить и послѣднихъ останковъ.

Или наоборотъ: не пожалѣютъ со зла ребятки и старческаго облаченія и стариковскихъ кошелей, и подмочатъ въ нихъ и пироги съ кашей, и сгибни съ-аминемъ: у рѣки скажутъ: «сухо».

Захотятъ эти повадыри отомстить поехидней и наказать дѣдовъ поспльнѣй, скажутъ, идучи полемъ, что подходятъ къ деревнѣ: запоютъ старцы жалобныя, божественныя пѣсни о томъ, ка́къ Лазарь лежалъ на землѣ во гноищѣ, а въ раю на лонѣ авраамовомъ, или ка́къ Алексѣй-человѣкъ Божій жилъ у отца на задворьяхъ. Поютъ старцы внустѣ; устанутъ. Надоѣдятъ жалобныя надоскучившія пѣсни, захотятъ спѣтъ веселенькое:

— Можно?—спрашиваютъ.

— Пойте: полемъ идемъ. Кругомъ обложило лѣсомъ, а деревень и зги не видать.

Дивятся православные затѣѣ слѣпцовъ, глядя въ окошки, и конечно не двигаются за подаяніемъ.

— Знать старцы пьяны, коли мірскія содомскія пѣсни поютъ. А отъ божественнаго мы послушали бы!

Ничего такъ не любитъ деревенскій народъ, какъ слушать эти жалобныя сказанія о людской нуждѣ и благочестивыхъ, Богу угодныхъ, подвигахъ сирыхъ и неимущихъ. Такъ они толковы, понятны и образны, что и слова́ прямо въ душу просятся, и напѣвъ хватаетъ за сердце. Такъ (по этой причинѣ) всегда много народа около поющихъ слѣпцовъ, гдѣ бы то ни было, на какомъ бы бойкомъ мѣстѣ они ни сгрудились! Сквозъ толпу умиленныхъ и слушающихъ не продерешься и не протолкаешься. Любятъ женщины, любятъ и дѣти, кругомъ обступая и облѣпляя старцевъ.

Старецъ съ проводникомъ стоялъ уже въ церкви, у входныхъ дверей въ то время, когда проходили мимо задержавшіеся на ледоходѣ и запоздалые горожане. Соборный голосистый дьяконъ, стоя въ притворѣ, впереди свѣчи на высокомъ подсвѣчникѣ, рѣчисто перебиралъ уже прошеніе о помилованіи отъ глада, губительства, труса, потопа, огня, меча, нашествія иноплеменныхъ и междоусобныя бррани, (охотливо ударяя на это слово для любителей изъ купечества, какъ на удобное и подходящее для хвастовства зычнымъ голосомъ).

Еще темно было въ церкви, еще подслѣпыя городскія нищенки

не разглядѣли изъ-за тусклаго свѣта желтыхъ восковыхъ свѣчъ въ придѣлахъ и не оттерли непрошеныхъ пришельцевъ.

Все это случилось потомъ, когда кончилась всенощная, когда, однако, кое-кто изъ двинувшагося по домамъ народа успѣлъ сунуть въ руку слѣпца копеечки, когда, наконецъ, оба, и старикъ, и мальчикъ, могли постучаться на краю города въ лачужкѣ и попросить ночлега у такого же непокрытаго бѣднякa:

—Не примешь ли насъ ночевать?

—Войдите, Христа-ради.

—Спаси тебя, Господи!

III.

Добрый человѣкъ гостей своихъ не спрашивалъ: какъ зовутъ и откуда пришли? а накрошилъ въ чашку ржаного хлѣба и до верху налилъ туда молока.

Присадилъ онъ ихъ къ столу: ѣшьте съ дорожки во славу Божію!

Спрашивать нечего: дѣло понятное тому, кто вкусилъ мѣщанскаго счастья, кидаясь, какъ угорѣлый, отъ одной работы къ другой и не удержался ни на какой подходящей. То на пристань бѣгалъ суда грузить, то въ огородахъ нанимался копать гряды. Пробовалъ въ своей рѣкѣ и чужихъ озерахъ ловить рыбу, когда она шла въ ходовое время. Косой помахивалъ на чужихъ лугахъ; въ ямщикахъ пожилъ, а вотъ теперь незавидная тихая пристань: засѣлъ сапоги точать. Заказалъ купецъ въ каблуки новые гвозди вбить и заплатки приладить; велѣлъ принести послѣ раннихъ обѣденъ, обѣщалъ гривенникъ дать и винца стаканчикъ. Надо поторапливаться, чтобы къ этой ранней обѣднѣ самому попасть и поздней не прозѣвать: сталъ неудачливый работникъ, горемышной мѣщанинъ, отъ великихъ бѣдъ и напастей, очень богомольнымъ. Безъ крестовъ и поклоновъ ни одной часовни онъ не пропуститъ; любитъ говорить про божественное;

дома поетъ церковныя пѣсни и достигъ раченіемъ и стараніемъ до того, что сталъ неизбѣжнымъ человѣкомъ на церковномъ клиросѣ.

Прибѣжалъ онъ съ церковнаго клироса отъ всенощной. За свой столъ—престолъ и вотъ стучитъ-гремитъ, вбивая въ чужіе сапоги покупные гвозди, привздохнетъ и споетъ про пучину моря житейскаго, воздвигаемаго напастей бурею.

Про тихое пристанище спѣлъ онъ, и про своихъ гостей вспомнилъ, спросилъ къ слову:

— Давно ли, миленькій старчикъ, не видишь ты божьяго-то свѣту?

— Съ роду, христолюбивый: родители такимъ на свѣтъ Божій выпустили. Былъ, говорятъ, зрячимъ: да въ малыхъ лѣтахъ. Не помню.

— Стало, такъ и въ понятіе объ немъ не берешь: о бѣломъ-то нашемъ свѣтѣ?

— Съ чужихъ словъ, родимой мой, про него пою, что и бѣлой-то онъ, и вольной свѣтъ. И про звѣзды частыя, и про красное солнушко: все изъ чужихъ словъ. Вотъ, ты мнѣ молочка-то похлебать далъ: вкусное оно, сладкое; поѣлъ его—сытъ сталъ, а какое оно—также не вѣдаю. Говорятъ—бѣлое.—А какое, молъ, бѣлое? «Да какъ гусь-слышь».—А какой, молъ, гусь-отъ живетъ? Такъ вотъ во тмѣ и живу. Что́ скажутъ, тому вѣрю,—говорилъ старецъ тѣмъ обычнымъ манеромъ на распѣвъ и протяжно, къ какому пріучаютъ нищую братію пѣніе духовныхъ стиховъ и одна неизмѣнная съ ранняго утра до поздняго вечера пѣсня: «сотворите слѣпому-убогому святую милостынку, Христа-ради».

— Поглядѣлъ бы я на бѣлой-отъ вольной свѣтъ!

— А вонъ у насъ въ городу говорятъ: и не глядѣлъ бы лучше на бѣлой-отъ свѣтъ. И много такихъ: великое число. Нѣшто ты и во снѣ-то ничего ни видишь?

— Вижу то, что́ наговорятъ люди, да про что́ самъ пою.

— Богатырей, поди, много видишь?

— Вижу, добрый человѣкъ, часто вижу. Всѣ меня попрекаютъ; вотъ и Иванушко мой попрекаетъ: все-де тебѣ огромнымъ кажетъ. Малое за великое понимаю: отъ слѣпоты моей знать дѣло такое.

— Во снѣ онъ больно нужается, зычно кричитъ!—подтвердилъ

старца проводникъ.—Иной разъ, какъ полоумный вскочишь отъ его крику.

— Отъ того и кричу, Иванушко, что большое да страшное вижу. А ты, добрый человѣкъ, не пужайся: нынче не пѣлъ и кричать не стану.

— Кричатъ по ночамъ наши старцы (вмѣшался проводникъ), когда по долгу на дорогѣ сидятъ да поютъ много. Послушалъ бы ты, чего не придумали они со́-слѣпа-то. Вонъ когда про себя запоютъ, что́ у нихъ выходитъ?

Закричали калики зычнымъ голосомъ
И толь легко закричали.
Что окольни съ теремовъ разсыпалися,
Маковки съ церквей повалилися.

— А на самъ-дѣлѣ рази когда собаки пристанутъ и взвоютъ. А хвалятъ люди.

— Меня больно хвалятъ. У меня память хлеская. Я дошелъ!— хвастался слѣпой.

— Такая память—не приведи Богъ! подтвердилъ проводникъ.

— Ты мнѣ только скажи какую ни на есть старину говоркомъ, да спой ее вдругорядь: я ее всю на память приму и во вѣкъ не забуду.

— Словно ее кто ему гвоздемъ проколотитъ,— пояснялъ товарищъ.

— Я пою, а въ нутрѣ какъ бы не то дѣлается, когда молчу, либо сижу. Подымается во мнѣ словно духъ какой и ходитъ по нутру-то моему. Одни слова пропою, а передъ духомъ-то моимъ новыя выстаютъ, и какъ-то тянутъ впередъ, и такъ-то дрожь во мнѣ во всемъ дѣлается. Лютъ я пѣть, лютъ тогда бываю: запою и по другому заживу, и ничего больше не чую. И благодаришь Бога за то, что не забылъ онъ и про тебя, не покинулъ, а далъ тебѣ такой вольной духъ и память.

— Памятью не обиженъ: зла не забываетъ!—подтверждалъ проводникъ, видимо привычный и въ бесѣдахъ, какъ и на ходу, поддерживать и помогать старцу.

— У нихъ глаза-тѣ въ концахъ перстовъ засѣли. Разъ церков-

ную книгу пощупалъ и за сапожное голенище принялъ: я ему далъ листы перебиратъ, сталъ онъ потомъ разумѣть что́ такое книга, и которая церковная.

— У меня на это большая сила въ перстахъ! продолжалъ хвастаться разговорившійся и обогрѣтый привѣтливымъ словомъ добраго человѣка слѣпой старикъ.

— И ухо у меня сильное.

— Вотъ какое ухо (подтверждалъ мальчикъ): дай ты ему палку его въ руки, постучитъ онъ ей и тотчасъ чуетъ, травой-ли идетъ, по грязи-ли, на домъ наткнулся, али на изгородь попалъ.

— Съ палкой всякой слѣпецъ силенъ. Самъ Господь палку слѣпцу за мѣсто глазъ далъ и поставилъ ему въ провожатые. Отъ нея у слѣпца и ноги есть, и пищу достаетъ.

— А ребятки провожатые?

— Невсегда при тебѣ: отпущаемъ. Молодое дѣло: баловаться хочетъ. Отъ себя они по-міру бродятъ, невсегда тебѣ принесутъ.

— Мой Иванушко добрый: мнѣ онъ приноситъ и дѣлится со мной,— спохватился старикъ и сталъ шарить около себя.

Нащупалъ плечо мальчика, поднялъ свою руку къ нему на голову и погладилъ по лохматымъ густымъ волосамъ своего Иванушки.

— Корми́тели они наши, пои́тели: въ нихъ и разумъ нашъ, и око наше.

— У дѣдушки Матвѣя носъ еще больно чутокъ: гдѣ-гдѣ деревню-то онъ почуетъ. У насъ вонъ и глаза вострые, а за нимъ не поспѣешь. Намъ и волковъ по колкамъ-то такъ не спознать супротивъ него. Сколько разъ его за то, когда артелей ходимъ, благодарили, что отъ экой бѣды отводилъ—гдѣ-гдѣ волчій вой услышитъ.

— Вонъ языкъ свой не похвалю: мяконькое распознать могу, а чего другого не понять мнѣ.

— Медовой пряникъ за щепу не сочтетъ. Ѣсть любитъ, чтобы сколь больше, да повкуснѣе.

— Старческій грѣхъ —надо каяться.

— И винцо, поди, любишь?

— Какъ жретъ-то!

*

— А ведетъ ли тебя на прочіе-то мірскіе какіе соблазны? спрашивалъ благотворитель, окончивъ работу и прибираясь спать.

— А чего не видалъ—какъ того желать? Куда тянуться и чего хотѣть? бесѣдовалъ дѣдушка Матвѣй.

— Онъ тебѣ этого въ жизнь не скажетъ. На это у нихъ у всѣхъ большой зарокъ положенъ. Слушай ты его; онъ и врать—мастеръ, а въ экихъ дѣлахъ первый заторщикъ.

— Нехорошее вы время-то для себя теперь выбрали! перебилъ хозяинъ, позевывая и поскрипывая полатями, на которыя забрался спать.

— Время, добрый человѣкъ, всякое намъ хорошо! продолжалъ старикъ, не оставляя прежняго пѣвучаго и мягкаго тона въ голосѣ.

— Люди все одни и тѣ же: все—благодѣтели, милосливцы и кормители. Ихъ милосливаго сердца остудить не можно—договаривалъ слѣпецъ уже засыпавшему милостивцу и стравнопріимцу.

Въ самомъ дѣлѣ, весна въ крестьянской, а тѣмъ болѣе въ городской жизни—не такое время, которое было бы богато избы тками стало быть, удобно для подаяній. Даже на черноземныхъ мѣстахъ въ срединѣ января половина своего хлѣба съѣдена (Петръ—полукормъ 16-го, Аксинья—полухлѣбница 24 числа этого же мѣсяца). Въ лѣсныхъ губерніяхъ эта тяжолая пора начинается гораздо раньше, и покупной хлѣбъ начинаетъ выручать съ самыхъ святокъ. Весна встрѣчается всегда на-тощакъ, и Егорій (23-го апрѣля) называется въ томъ же народномъ календарѣ уже прямо «голоднымъ». Истребляется даже запасъ квашоныхъ овощей, которыя съ теплыми днями начинаютъ загнивать и прорастать, а потому-то и день Маріи Египетской (1-го апрѣля) называется «пустые щи».

На ледоходъ крестьянская и мѣщанская нужда начинаетъ обнаруживаться совсѣмъ на-голо́ и въ проголодь. Лишніе работники, которые на зиму покидали семьи и ходили искать денегъ въ сторонніхъ заработкахъ, гдѣ ни приведется и что́ ни подойдетъ къ рукамъ—теперь всѣ сбѣжались домой съ разныхъ сторонъ, чтобы подпереть плечомъ разшатавшуюся домовую храмину. Всѣ до́ма, и всѣ въ перепугѣ и страхѣ за себя и своихъ, ждутъ—не дождутся того вре-

мени, когда весеняя пора обезпечитъ надеждами и обяжетъ работами. Изъ ушедшихъ на промыселъ за размѣнными и ходячими деньгами запоздали только немногіе, и лишь тѣ, у которыхъ утрачена всякая надежда пріобрѣтенія нужнаго, на обмѣнъ своего, и которымъ требуются деньги на все, даже на хлѣбъ. Но скоро прибѣгутъ и эти.

Ранней весною всѣ будутъ дома, потому что, какъ бы ни былъ изобрѣтателенъ ихъ умъ на подспорные промыслы, на землю у нихъ все-таки не утеряна надежда: земледѣліе—основа и корень крестьянской жизни. Съ приходомъ этихъ, умолкаетъ нужда только на короткое время, а въ самомъ дѣлѣ, и надъ ними нависла таже черная туча, которая тяготѣла и надъ оставшимися дома.

Оставшіеся дома перебивались изо дня въ день, черезъ два въ третій затопляя печи, чтобы покормиться чѣмъ-нибудь горяченькимъ. Въ самомъ дѣлѣ, одинъ только Богъ знаетъ, чѣмъ и какъ въ это весеннее время питаются люди! Свѣжая трава—истинный праздникъ и для отощалаго домашняго скота, и для унылаго и полуголоднаго люда. Ходятъ и ребята по озимымъ полямъ, съ которыхъ снята была рожь и на которыхъ выростаютъ песты (хвощи, дикая спаржа); ходятъ и взрослые по лѣснымъ опушкамъ и, выбирая молодыя сосны, рѣжутъ изъ подъ коры длинными лентами молодую древесную заболонь (лубъ). Песты и древесный сокъ идутъ въ подспорье пищи и замѣняютъ ее: чѣмъ бы ни напитаться, лишь бы сытымъ быть. Теперь не до нищихъ.

Нищіе, въ самомъ дѣлѣ, весенее время хорошо понимаютъ и замѣтно пропадаютъ. Тѣ изъ нихъ, которые ниществом промышляютъ, вовсе скрываются, отходятъ въ свою сторону. Ближніе и домашніе утрачиваютъ смѣлость и назойливость: начинаютъ понимать стыдъ и припоминать совѣсть. Послѣднее даяніе бываетъ имъ на Красной Горкѣ, на могилкахъ родителей. Затѣмъ объ нихъ на все лѣто всѣ забываютъ.

Только однимъ слѣпцамъ указала судьба вѣчную и безконечную дорогу и никѣмъ неоспариваемое право ходить круглой годъ и, бродя неустанно и непосѣдливо, нащупывать уже положительно одинъ голько завалявшіяся крохи. Зимой счастливымъ изъ нихъ на извѣстное

время удается пристраиваться къ чужой теплой избѣ, гдѣ часто пахнетъ свѣжимъ печонымъ хлѣбомъ и щами и гдѣ благотворительная рука пріучила себя давать калѣкамъ поддержку. Зимой слѣпцы успѣваютъ пожить въ одномъ дому и, когда надоѣдятъ и заслышатъ сердитую воркотню, переходятъ въ другой домъ, гдѣ также принимаютъ ихъ и обогрѣваютъ. Зимой калѣки перехожіе, на всю свою жизнь обреченные на скитаніе, ищутъ въ чужихъ людяхъ потерянаго счастія, съ переходами и остановками. Съ ранней весной и имъ приходится уходить на свѣжій и вольный воздухъ, на тяжелый и трудный заработокъ.

Къ веснѣ слѣпецъ подыскиваетъ поводаря, которые на зиму уходятъ къ своимъ въ отпускъ. Къ ледоходу лишнихъ ребятъ въ семьяхъ накопляется очень много, и нанять ихъ, числомъ сколько угодно, не только легко, но и очень сподручно и выгодно, даже и изъ такихъ, которые слѣпыхъ еще не важивали, но живутъ круглыми, а, стало быть, и бездомными сиротами. Этимъ «спротамъ» даже и ходу другого не бываетъ, по той же причинѣ и по тому же закону, по какому и слѣпой, какъ только лишился глазъ, такъ и всталъ обѣими ногами на ту дорогу, которая идетъ во всѣ стороны и безконечно и заманчиво вьется кругомъ.

Кругъ этотъ заколдованъ, и попавшій въ него, какъ обойденный въ лѣсу лѣшимъ, со слѣпыми глазами своими, еще никогда и ни разу не выходилъ вонъ. Особенно соблазнительно вьются эти дорожные круги на теплое время, начиная съ ранней весны и вплоть до крѣпкихъ заморозковъ.

Сидѣлъ такой слѣпой-нищій въ зимнюю морозную пору въ худой избенкѣ, въ чужой избѣ, и лапотки плелъ. Мастеръ онъ на всякое ручное дѣло, которое не требуетъ большаго труда и вымысловъ и дается на ощупь. Сидѣлъ онъ въ тепломъ куту, въ темномъ мѣстѣ. Обложили его готовыми лыками, кочедыкъ—кривое и толстое шило—у него въ рукахъ, и неуклюжая деревянная колодка подъ бокомъ.

Покупали эти лыки сами хозяева на базарѣ, вязку во сто лентъ за 7 копеекъ; дома въ корытѣ обливали кипяткомъ; расправляли въ широкія ленты; черноту и неровности соскабливали ножомъ.

Отбиралъ слѣпой дѣдъ 20 лыкъ въ рядъ, пересчитывалъ, бралъ ихъ въ одну руку, въ другую—тупое короткое шило и заплеталъ подошву. Скоро подошва спорилась. Нащупывалъ онъ колодку, клалъ ее на подошву и плелъ сначала верхъ, а потомъ и пятку. Поворачивалъ кочедыкъ деревянной ручкой, пристукивалъ новый лапоть: выходилъ онъ гладкимъ и такимъ крѣпкимъ, что дивились всѣ, какъ умудрилъ Господь слѣпого человѣка то разумѣть и такъ, что и свѣту не надо жечь про такого рабочаго мастера.

Уплачивалъ дѣдушка добрымъ людямъ лапотками за тепло и пищу во всю зиму тамъ, гдѣ не откажутъ ему пожить и погрѣться.

Пахнуло тепломъ на дворѣ—сталъ онъ въ избѣ лишнимъ. Законъ этотъ знаетъ не хуже другихъ и привыкъ ко времени примѣняться, смекая, что на тощее весеннее время начнетъ народъ не столько благотворить, сколько себя оборонять, и примется теперь крѣпко и усердно молиться Богу. Помиловалъ бы Богъ животы, далъ бы Богъ ко времени вспахать и посѣять, не обидѣлъ бы крестьянскую нужду всходами и урожаями.

— Вотъ, и пойдутъ теперь лѣтней порой «Богородицы» по всѣмъ деревнямъ, городамъ и селамъ. Разнымъ «Царицамъ Небеснымъ» начнутся праздники и молебствія, особенно по честнымъ монастырямъ: Владимірской-Матушкѣ два раза въ лѣто, Тихвинской, Смоленской, Троеручицѣ и разнымъ многимъ. Разнаго народу начнетъ много сбираться въ одно мѣсто; станутъ всѣ со всякимъ усердіемъ молебны заказывать. И насъ, немощныхъ нищихъ, въ молитвахъ своихъ не забудутъ, и мы со своими къ нимъ пристанемъ. Вѣдь, нашу молитву—въ писаніяхъ сказываютъ—любитъ Богъ.

Вотъ и дѣдушка Матвѣй, вмѣстѣ съ другими, почуялъ весеннее тепло, когда можно и на поляхъ спать, и въ лѣсу ухорониться. Нащупалъ и онъ первые слѣды и тропу на длинную лѣтнюю дорогу и кинулся въ даль и на прогулку съ такимъ усердіемъ, что и ледоходу не побоялся и даже жизнью рисковалъ на широкой и глубокой городской рѣкѣ.

Что его такъ сильно манило?

Конечно, не соборная паперть полуголоднаго мѣщанскаго городка,

съ которой могли и имѣли право оттереть и прогнать свои домашніе, насидѣвшіе мѣсто, городскіе нищіе (случалось, что при этомъ и до крови колачивали).

IV.

Шелъ дѣдушка Матвѣй въ слѣпую артель наниматься.

Прослышалъ онъ, что не въ дальнихъ мѣстахъ живетъ такой человѣкъ, который нищую братію договариваетъ за извѣстное количество денегъ и задатки даетъ впередъ. Прозналъ и про него тотъ промышленный человѣкъ, которому наговорили знакомые слѣпцы, что вотъ-де знаютъ (вмѣстѣ съ чашечкой сиживали) и сами слыхали, что слѣпой Матвѣй такъ твердо всякой стихъ помнитъ до послѣдняго слова и такъ много этихъ стиховъ знаетъ, что для большихъ ярмарокъ нѣтъ лучше вожака, заводчика и запѣвалы.

—И покладистъ. И голосъ жалобный: дрожитъ. На міру весь вѣкъ живетъ. И къ артелямъ слѣпымъ приставалъ и въ нихъ хаживалъ, а живалъ не сутяжливѣе, не драчливѣе другихъ. И непросыпнымъ пьяницей назвать грѣшно, а если на деньги и жаденъ, то небольше прочихъ. Ходитъ со своимъ повадаремъ и отъ подставныхъ и лишнихъ не отказывался. Съ виду мужикъ настоящій: и по годамъ старецъ, и слѣпымъ мать родила. Нетолько работникъ подходящій, но и сокровище.

Промышленный человѣкъ радости своей при такихъ вѣстяхъ не скрывалъ даже, настойчиво наказывая всѣмъ тѣмъ, кто Матвѣя встрѣтитъ зимой, сказать и просить навѣдаться ранней весной, какъ только вскроются рѣки.

— Потерпливался бы, помня самъ, какъ дорого это время.

Поспѣшалъ и дѣдушко Матвѣй, потому что успѣлъ узнать много пріятнаго и подходящаго.

Узналъ, что промышленный человѣкъ въ нищей братіи давно состоитъ и ходилъ въ артеляхъ, чуть не до самаго города Ерусалима.

И такъ онъ изловчился на нищемъ промыслѣ, что началъ самъ собирать и водить артели.

— Теперь страшеннымъ богачомъ сдѣлался, тысячникомъ: набираетъ по 3, по 4 артели: пускаетъ ихъ въ разныя стороны по большимъ ярмаркамъ. Самъ сталъ ходить только на самую большую, а на другія ищетъ вѣрныхъ и надежныхъ людей, которыхъ могъ бы ставить за себя и на нихъ во всемъ полагаться. Старикъ Матвѣй тѣмъ-де ему и на руку, что человѣкъ свѣжій: ходилъ до сихъ поръ только въ своихъ мѣстахъ и не испортился—кладъ человѣкъ!

Промышленный человѣкъ—зовутъ Лукьяномъ—былъ тоже убогій, но только зрячій. Судьба велѣла ему пахать землю и въ крестьянствѣ жить, называться мужикомъ. Ходилъ и онъ около жеребьевыхъ полосъ пашни, холилъ землю, доглядывалъ за посѣвомъ, отвѣта ждалъ. Отвѣтъ, какъ и для прочихъ, всякой годъ выходилъ одинъ: не надѣйся, уходи лучше прочь, смекай на другое. Смекалъ онъ на одинъ промыселъ, пробовалъ другой—возвращался домой.

Видѣли сосѣди, что Лукьяну и избы починить не на что: надо бы лѣсу прикупить. Была изба въ двѣ связи съ переходами; Лукьянъ сперва переходы сломалъ и здоровыми бревнами изъ нея же самой починилъ главную. Когда же перекосило и эту, онъ изъ другой половины выбралъ хорошія бревна: стала у него изъ избы лачужка. Давалъ за нее въ кабакѣ охотливый человѣкъ два рубля деньгами, да штофъ водки. И совсѣмъ бы лачуга эта развалилась, да съ одного бока подпиралъ ее сосѣдъ. Облокотилась она на чужую избу и поджидала всякую зиму своего хозяина: съ чѣмъ придетъ и что принесетъ.

Разъ вернулся такъ, что и ногъ не принесъ: привезли добрые люди убогимъ, безногимъ. Влѣзъ онъ по лѣсенкѣ въ свою избу на рукахъ, съ костылками, подшитыми кожей, а ноги проволочилъ сзади, словно на прокатъ взялъ чужія.

Сказывалъ Лукьянъ, не тратя слезъ и не скупясь словами, что потерялъ ноги на рѣчномъ весеннемъ сплавѣ. Поговаривали другіе, что онъ отъ худаго промысла ходилъ на недоброй: переломали ему ноги самосудомъ, когда ломалъ чужую клѣть и не доглядѣлъ, что посторонніе люди это видятъ.

Домой онъ привезъ съ собой чужого парня: изъ-за хлѣба взялъ на прокормъ, въ проважатые. Съ нимъ вмѣстѣ смастерилъ онъ дома тележку на двухъ колесахъ, сѣлъ въ нее и поѣхалъ въ міръ, на мірское даяніе для пропитанія. Ничего ему больше не оставалось дѣлать и придумать было невозможно. Выдумалось же такъ по тому хорошо, что не въ долгѣ завелась клячонка, которая и стала помогать парню возить убогаго безногаго по такимъ мѣстамъ, гдѣ нищую братію любятъ и къ ней жалостливы.

Стали сосѣди толковать, что у Лукьяна оттого завелась лошадь, что онъ у слѣпыхъ былъ вожакомъ: правилъ цѣлою артелью; самъ деньги обиралъ, и дѣлежъ дѣлалъ самый неправильный. Не дрожала у него рука и сверхъ уговору изъ чашекъ по лишней монетѣ снимать, особенно у тѣхъ слѣпыхъ, которые были настоящіе, и при частыхъ и большихъ подачахъ не успѣвали нащупывать всѣхъ денегъ.

— А не то и застращивалъ, разсказывалъ проводникъ:—отдай-де копѣйку, а не отдашь—больше украду изъ твоей чашки.

— Рука у Лукьяна ловкая, а слѣпыхъ мудрено-ли обидѣть? Слѣпые люди тѣмъ просты, что на прощупаную деньгу они жадны и сосчитаную у нихъ коломъ не выбьешь, а за другимъ имъ не углядѣть.

Разсказывалъ проводникъ, что большіе вороха съѣдобнаго и всякаго припаса нищая братія собираетъ на ярмаркахъ: этого даянія и сосчитать нельзя, и никакъ слѣпымъ всего не запомнить. Если и спорятъ когда о недоборахъ и недочетахъ, то больше со зла и съ пуста: на одну очистку совѣсти. Надо же поспорить и поругаться; безъ того слѣпое житье самое скучное.

Весь съѣстной сборъ поручался на совѣсть зрячаго Лукьяна: онъ его считалъ и продавалъ. На пищенскій сборъ очень лакомы и на перебой охотливы въ кабакахъ сидѣльцы: дешовая и хорошая закуска — такой дома не сдѣлаешь. Попадаются яица, колобки, пироги со всякой начинкой, ватрушки, и всего не сосчитаешь. За такой товаръ въ кабакахъ слѣпой братіи даже большой почетъ оказывается.

Лукьянъ это лучше всѣхъ знаетъ, да такъ и поступаетъ: выговоритъ денегъ сколько требуется, да умѣетъ заговорить, сверхъ того,

про всякаго слѣпого товарища такой крѣпкой и сильной водки, какую продаютъ только торговымъ мужикамъ. Такимъ зельемъ онъ и горластымъ, и капризнымъ слѣпымъ ротъ затираетъ, и при этомъ остается больше всѣхъ въ барышахъ.

— Еще и къ «достойнамъ» въ церквѣ не ударятъ, а его раза три къ кабаку-то подвезешь — пояснялъ его проводникъ.

— Я для своихъ артелей большіе порядки завелъ: со мной ходить любятъ!—хвастался онъ слѣпому Матвѣю, котораго принялъ любовно и весело.

— Я ужъ всю землю произошелъ: всякій монастырь и всякую ярмарку понимаю.

— А насчетъ харча какъ у тебя?

— Харчъ у моихъ слѣпцовъ архирейскій. Я люблю сыто кормить и водкой пою, чтобы сидѣли по долгу и пѣли густо. Гдѣ больше одного дня сидѣть не доводится, тамъ ужъ, извѣстно, не расхарчишься: ѣдятъ что̀ подаютъ. Остатки мѣняю на вино. У меня про слѣпыхъ что̀ ни кабакъ, то и закадышный другъ: вездѣ дома. Я и тутъ лажу, чтобы ребята мои у́шки похлебали: подвозятъ меня къ рыбнымъ возамъ—выпрашиваю.

— Я къ тому спросилъ, какъ, молъ, у тебя тамъ, гдѣ долго жить доводится: по ярмаркамъ что̀ ли?

— Тамъ, другъ сердечный, ни одного дня безъ варева не живемъ. Матку панимаю. Живетъ она при артели.

— Баба-то?

— А тебѣ, небось, дѣвку? У меня одна такая-то съ ребенкомъ ходитъ. И не зазрится. Было разъ дѣло въ Лаврентьевомъ монастырѣ, да съ рукъ сошло. Одинъ такой-то шустрой человѣкъ-богомолецъ спрашивалъ тамъ: «чей-де ребенокъ?»—А крапивникъ, молъ: въ крапивѣ нашли. «Отчего-де, слышь, не живете въ законѣ».—Да, вѣдь, слѣпыхъ, молъ, не вѣнчаютъ: закономъ заказано. Отсталъ. Пытали молодцы-то смѣяться: «пущай-де онъ на отца-то бы указалъ; можетъ, и насъ надоумилъ бы». А то, слышь, никакъ не разберемся которой ужъ годъ. Матка есть у насъ, матка, какъ и у плотниковъ: она и щи знаетъ стрянать, и баранину не пережигаетъ.

— Насчетъ харча не сумлѣвайся. Объ этомъ у меня первая забота. Толкуй дальше!

— По какому у тебя дуванъ бываетъ?

— А вотъ я еще тебя не слыхивалъ, какъ поешь, рано ли встаешь и много ли знаешь. Хвалили тебя, да я не вѣдаю. Поживи у меня, попытаю.

Пожилъ Матвѣй не однѣ сутки, попѣлъ не одинъ десятокъ «былинъ» и «сказаній», еще больше того говоркомъ насказалъ.

Приступили опять къ покинутому разговору. Голосъ также понравился.

— Не бурчишь. Голосомъ подъ хорошаго дьякона подошелъ. Дьячишь важно: не скрою.

— Повыдь-ко, паренёкъ, изъ избы-то!

Проводникъ Матвѣя послушался—скрылся.

Лукьянъ говорилъ, подмигивая на дверь:

— Одинъ такой-то на слѣпца разсердился: завелъ его въ дремучій лѣсъ зимней порой. Тамъ и замерзъ старецъ. Наши деревенскіе ходили откапывать. Это я къ слову: не о томъ сказать-то хотѣлъ.

— Что молодцу-то своему платишь?

— Деньгами въ домъ, отъ святой недѣли до осеннихъ заговѣнъ шесть съ полтиной выклянчили на нонѣшное лѣто.

— За экія деньги я тебѣ въ нашихъ мѣстахъ цѣлое стадо сгоню на выборъ.

— Не всякое мѣсто такое.

— А по моему—всѣ по тому же. Умѣй высмотрѣть, да съумѣй подойти. А къ веснѣ чего же легче! Вотъ, я договорилъ нонче тринаддать ребятъ: люблю, чтобы за слѣпымъ, какъ слѣдуетъ за дитей, попеченіе было настоящее. Я всѣхъ этихъ ребятъ всего къ семи старикамъ поставлю, ты — осьмой. Который слабъ, того водятъ потрое: одинъ ноги учитъ переставлять, двое пьянаго носятъ. Иной доглядываетъ, а другому еще учиться надо.

— Вотъ слушай-ко: всѣхъ ребятъ заговорилъ на годъ. Одну дальную артель они сводятъ, я ихъ къ другой приставлю, къ ближней. Двумъ парнямъ положилъ по 10-ти, девять пойдутъ за 8 рублевъ

съ полтиной, а одному твоя же цѣна — шесть рублевъ съ гривной. Одинъ шустрой, уховертый парень, за двадцать рублевъ слаженъ, потому: ходитъ на десятой годъ, и мнѣ словно сынъ родной. И не сирота, а уходитъ своей волей отъ отца съ матерью. Лучше его нашего ремесла никому такъ не спознать: на печатную сажень сквозь землю видитъ. Дешевые ребята—дурашные: зато имъ и цѣна такая.

— Одного такого-то баринъ одинъ въ Тифинѣ-городѣ спрашиваетъ: «нѣшто, говоритъ, тебѣ со слѣпыми-то лучше ходить, чѣмъ дома жить у родителевъ?»—Лучше, сказываетъ. «А чѣмъ лучше?»— Здѣсь барапокъ много.

— А другой такой же разъ всю артель зарѣзалъ: подъ Москвой было. Архимандритъ шелъ. Остановился. Подозвалъ его. Онъ у него милостыньки сейчасъ же попросилъ. А тотъ положилъ ему такъ-то руку на голову и спрашиваетъ: «на чье ты имя подаяніе просишь?» А нашъ и ротъ разинулъ — молчитъ. «Кого-ради милостыню просишь?»—А про старчиковъ — слышь. «А ты, говоритъ, какія слова мнѣ сказалъ, когда у меня поданія попросилъ?» — А Христа-ради, говоритъ. «Кто же Христосъ былъ?» — Не знаю — слышь. Онъ и другого, и третьяго: одинъ отвѣтъ. Началъ онъ насъ, архимандритъ, стыдить, да при всемъ-то при народѣ, да слова-то жалостливыя, да говоритъ-то такъ мягко и вразумительно, что у меня ажъ борода зачесалась. Ужъ и колотилъ я ребятъ-то послѣ того, потому такъ и сказалъ архимандритъ-отъ: «я-де васъ запомнилъ и другой разъ придете къ намъ, да такихъ ребятъ приведете, да узнаю я ихъ, да и въ ограду, слышь, не пущу». А монастырь свята-то Троица, много народу собираетъ. Кто ихъ пострѣлятъ учить-то станетъ? У насъ и мастеровъ такихъ нѣтъ. Не каждый и слѣпецъ про то вѣдаетъ.

— Ты-то, Матвѣй, знаешь-ли?

— Мнѣ одинъ богомолецъ толковалъ. Да я и «Сонъ Богородицы» знаю и пою, когда кто пожелаетъ. Я и про Голубиную книгу знаю, а это не всякой можетъ.

— Вотъ и послушай теперь. Смекни-ко, сколько я на ребятъ извожу денегъ?

— Я смекнулъ: сто-тридцать рублевъ.

— Съ рублемъ — по моему. Вотъ ты теперь меня и не прижимай.

Не запрашивай много денегъ, а спроси такъ, чтобы намъ не разойтись,—сказалъ Лукьянъ, и глаза его впились въ лицо слѣпого Матвѣя.

Хотѣлъ онъ въ нихъ читать и ничего не видѣлъ: видно одно рябое лицо.

— Оспа избила (подумалъ безногій).

Видны двѣ глазныя щели и морщинки на вѣкахъ, и лобъ ниспустился, словно стянуло его туда, въ это самое примѣтное на лицѣ мѣсто.

— Въ правду слѣпой: вѣрно сказывали (опять подумалъ). Это— не то, что чертовикъ-солдатъ безрукой. Какъ обошелъ онъ меня! Во вѣкъ не забыть!

Привелъ онъ себѣ на память одного стараго товарища и спутника.

— Какъ на міръ выходитъ, такъ и начнетъ иглой глаза стрекать. На тотъ конецъ и верешокъ зеркальца носилъ при себѣ. Поставитъ противу себя зеркальцо — сядетъ. Вынетъ иглу, поднимета одну вѣку, поднимета другую—и начнетъ иглой стрекать. И сведетъ ему вѣки — сидитъ надъ чашечкой, какъ и впрямъ слѣпой. Хотѣлъ я у него изъ чашечки гривенникъ серебряной, что офицеръ ему положилъ, себѣ взять: а онъ и сгребъ меня за руку.

— Положи противу шустраго-то парня вчетверо: не будетъ много,— перебилъ думы надумавшійся Матвѣй отвѣтомъ.

— Голосисто, дѣдъ, поёшь, гдѣ-то сядешь?

— А я, добрый человѣкъ, не въ запросъ, а какъ самъ скажешь?

— Можетъ, ты пошутилъ, такъ я опять съ тобой начну разговоръ. Прислушайся-ко!

— Варева твое брюхо выпросило—это первый мой сказъ. Второе, къ твоей слѣпотѣ, по моему положенію, надо трехъ ребятъ поставить, сверхъ твоего. Пойдешь ты съ артелью въ самыя мѣста настоящія, хорошія. Не къ тому я это говорю, чтобы ты больше запрашивалъ, а надо тебѣ знать, у каждаго монастыря не по пяти кабаковъ живетъ, а по ярмарочнымъ мѣстамъ мы ихъ десятками считаемъ.

Посмотрѣлъ онъ на Матвѣя: слѣпой даже облизнулся и круто пошевелился на мѣстѣ.

— Знаемъ такіе кабаки, гдѣ какъ ты хочешь: хоть пляши, хоть скоромныя пѣсни пой: молодые парни даже заказываютъ такія и водку подносятъ отъ себя для угощенія.

Матвѣй даже крякнулъ: значитъ (смекаетъ про себя Лукьянъ), стало его крѣпко сдавать назадъ.

— Прими тоже въ разсчетъ: баба съ вами, баба хожалая, выученая. Парня твоего кормить надо: я ему лапотки свои кладу; армячишко дамъ. Пиво пить разрѣшаю, а который до чаю охочъ: у меня чай по ярмаркамъ-то идетъ безъ запрету.

— Это у тебя хорошо, похвалилъ Матвѣй.

— Да такъ хорошо, что кто отъ меня лѣтось ходилъ, недавно опять здѣсь былъ и наймовался. Отъ меня самая дальная артель ушла ужь. Я, вѣдь, тебѣ всю правду сказываю. Харчи мои. Что своимъ умомъ упромыслишь, все твое.

— Я вотъ про это тоже хотѣлъ спросить....

— А я все по откровенности, все по правдѣ. Разсчитывай: на новое мѣсто придешь, пачпортъ покажи, а въ артели-то попадаютъ со слѣпыми пачпортами.

— У меня настоящій: вотъ гляди на него.

— Да, вѣдь, другой слѣпой человѣкъ со слѣпымъ-то пачпортомъ дороже зрячаго: мнѣ-ка за него платить. Опять же говорить буду про монастыри. Въ хорошемъ за всякое мѣсто «власти» деньги берутъ: большія—если у паперти сѣсть хочешь; поменьше—у святыхъ воротъ; за воротами еще меньше. А все деньги подай, все старостато мой поставитъ мнѣ на счетъ!

— А про ярмарку-то что ты думаешь? На всякую хорошую ярмарку полагается особливое начальство. Оно такъ и почитаетъ, что ярмаркаде вся его, всякое мѣсто ему принадлежитъ. Затѣмъ-де его сюда и опредѣлили. А ты ему за то мѣсто, на которомъ хочешь сидѣть, заплати. Да онъ еще разбираетъ: это-де захотѣлъ хорошее—значитъ давай больше, а не то—слышь, отдамъ другимъ. У меня-де это мѣсто другіе слѣпые приторговывали. Ты это сочти, Матвѣюшко—добрый старецъ!

— Считаю. Смекаю. Говори дальше.

— Теперь, вотъ я и твое кластъ стану. Голосъ хорошъ, а намъ такой надо, чтобы, когда чужая артель на монастырѣ поетъ, наша была бы слышнѣе. Чтобы, когда гудитъ колоколъ, на выходъ изъ церкви, нашихъ слѣпыхъ не забивалъ бы: хрипъ-не-хрипъ, а чтобы ревъ и гулъ былъ внятенъ. Люблю я это, и народъ это любитъ. Твой голосъ подойдетъ. А я вонъ тому человѣку, что, какъ коростель во ржи, скрипитъ посомъ-то, больше не даю, какъ и шустрому новадарю: двадцать рублевъ за все лѣто. Тридцать рублевъ тебѣ за голосъ кладу, потому голосъ твой толстый. А ты мнѣ скажи, который мужикъ, что за промысломъ съ наше ходитъ, больше тридцати рублевъ домой приноситъ? Я не слыхивалъ.

— Да, вѣдь, наше дѣло—не стать тому! Бываетъ, что и больше приносятъ,—возразилъ-было Матвѣй, но Лукьянъ перебилъ его несовсѣмъ ласково.

— Я слыхалъ, что подъ Нижнымъ на Волгѣ такой мастеръ завелся, что слѣпыхъ въ ремесло нанимаетъ, и ходитъ къ нему вашего брата довольно. Одинъ годъ и нанимать ихъ мнѣ было трудно. Тянетъ купецъ проволоку, а изъ нея ситы плететъ. Надо ему тонкую и толстую, да такую, чтобы ровная была. Глазомъ того не возьмешь, а вашъ братъ, слышь, перстомъ нащупываетъ, какъ велика тонина и ровна ли. Не хочешь ли? Онъ кладетъ за все лѣто пятнадцать рублей и харчи свои: попыталъ бы.

— Куда слѣпой пойдетъ? Нѣкуда. Я къ этому не привыченъ. Я, вонъ, лапотки по зимамъ плету, и отъ нихъ у меня голова болитъ. Сказывалъ бы подходящее.

— Я не все сказалъ. Одёжой тебя не надѣлять; новой чашки мнѣ не покупать про тебя. Со своимъ, значитъ, богачествомъ ходишь.

— А я стиховъ-то сколько знаю!

— Вотъ это въ счетъ кладу, и по нонѣшнымъ временамъ за это даю тебѣ цѣну. Не такъ давно объ этомъ и разговаривать бы не сталъ: самое было пустяшное дѣло. Давай Лазаря да Алексѣя человѣка Божья—больше и не надо было. Ты, вотъ, про богатыревъ поешь—за это нонѣ деньги даютъ. Стали навертываться чудные охочіе люди, что слова твои пишутъ въ книжку и по гривеннику, по

двугривенному платятъ за стихъ. Самъ я своими глазами видѣлъ, какъ одному такому-то какой-то стихъ такъ полюбился, что онъ далъ бумажный рубль. А слѣпой-отъ и разобрать не съумѣлъ: что, слышь, на рукѣ шуршитъ—не поминанье ли кто вмѣстѣ съ семиткой-то супулъ? Не повѣрилъ; диву сдался.

— Опять же ты экаго-то жди, а артели-то въ томъ какова корысть? Когда еще онъ придетъ къ тебѣ, а придетъ—твоя выгода: ты, чай, на артель-то дѣлить не станешь, а зажмешь въ своемъ кулакѣ. А кулакъ-отъ у тебя вонъ какой! Ты меня спросилъ, а я тебѣ отвѣчу: можетъ, ты всю артель выучишь тѣмъ стихамъ? Можетъ, ты и стихи эти положишь въ мою пользу, а мой парень, что за меня съ вами пойдетъ, можетъ отбирать у тебя эти деньги?

Матвѣй на вопросъ не отвѣтилъ.

— Значитъ, дѣдъ, ты со своимъ стихомъ про богатыревъ на себя ходи. Мнѣ-ка не надо. А тебя, который пожелаетъ того, у меня въ артели можетъ достать: ему эдакъ-то и легче. Надо бы, значитъ, еще съ тебя получать. Ну, да ладно: къ 30-ти я еще десять на тебя накидываю. И давай по рукамъ. Можетъ, другимъ-третьимъ стихомъ ты и артель обучишь: все же прибыль!

— Ну, да и плутъ же ты—мужикъ!—подумалъ про себя Матвѣй, но сказать вслухъ не рѣшился:—изъ-за стиховъ меня вызывалъ, а теперь они и не годятся.

— То мнѣ въ тебѣ полюбилось, что свѣжій ты человѣкъ и нѣтъ въ тебѣ экаго, что въ другихъ разбойникахъ. У иного и голосъ коротокъ, и памятью слабъ, а лѣзетъ пуще всѣхъ; выше всѣхъ себя полагаетъ. Съ другимъ разсчетъ-отъ въ недѣлю не сведешь: отъ тебѣ то въ счетъ ставить начнетъ, что не придетъ тебѣ и въ голову. А въ артели-то наозорничаетъ; срамоты наведетъ на все, не продохнешь. Слѣпой солдатъ всѣхъ тутъ хуже. Выдумаетъ нѣмымъ прикидываться: ладно, молъ, другіе къ нѣмымъ больше жалостливѣй, чѣмъ ко слѣпому. Молчи, коли тебѣ того захотѣлось: ходи нѣмымъ. Онъ и ходитъ, и мычитъ. Онъ свое знаетъ: въ артели-то иной разъ слова отъ него не добьются, словно въ столбнякѣ живетъ. Привыкаютъ молчать-то. А хитрый человѣкъ разъ и подошелъ. Приласкалъ онъ,—вотъ какъ приласкалъ:

— Болѣзные, говоритъ, вы мои! И какъ мнѣ васъ жалко, до слезъ всѣхъ жалко, никакихъ денегъ для васъ не пожалѣю, скорбные вы люди! А Господь васъ слышитъ и понимаетъ! А скажите-тко вы мнѣ, дѣдушки, давно ли вы онѣмѣли?

— А ужь будетъ, говорятъ, года съ три.

И вздохнули. Да и вздохъ тутъ не помогъ: прогнали ихъ въ шею, и другимъ то мѣсто заказали.

— Я это все къ тому говорю, что за артель отвѣчать—не мутовку лизать. Вотъ что было:

— Ходила артель. Всякой въ ней былъ: и хромой, и слѣпой, и убогій, что и у меня же. Ходила артель хорошая: набрался и нанялся всякой, а кто его разберетъ, изъ какихъ онъ? Идутъ зря—зря ихъ и принимаешь. Хорошо, молъ, такъ то, что всѣ на лицо, кто кому требуется.

—Ходила эта артель съ барышомъ и сѣла на ярмаркѣ. А и ярмарка-то была ледащая, и хороша-то была только тѣмъ, что лежала на дорогѣ. Сидитъ артель и поетъ, а у ней убогенькій паренекъ. Одна баба и признала его за сына, да и заголосила. Собрался народъ. Она начала жаловаться: вонъ-де, какъ изуродовали! Народъ на самосудъ пошелъ, сталъ старцевъ пощипывать. Одинъ и взмолилъ со слѣпу: говорилъ-де я вамъ, чтобы вы глаза-тѣ ему тогда выкололи, не послушали меня! Народъ такъ остервенился, что слѣпыхъ избили всѣхъ, нѣсколько человѣкъ до самой смерти.

— Съ той поры вышелъ законъ, чтобы за нищей братьей глядѣть да смотрѣть. Стало съ тѣхъ поръ больно строго. Пойми ты меня! Я еще отъ себя трехрублевую прибавлю тебѣ. Прибавлю за то, что ты совсѣмъ слѣпъ человѣкъ: тебя обидѣть способно. Другой хоть и слѣпъ, да все мало-мало видитъ: этотъ въ обиду и самъ не поддастся. Прими прибавокъ и давай по рукамъ ударимъ, и виномъ запьемъ.

По рукамъ ударили и виномъ запили

Передъ тѣмъ, какъ въ дорогу идти—сѣли. Сѣли-посидѣли, Богу помолились. Матвѣй задатокъ получилъ и вышелъ изъ избы.

Остался въ избѣ самъ хозяинъ и «шустрой» парень—староста.

— А артель-то ладненька сбилась: всякой мастеръ есть, по любой части!—говорилъ Лукьянъ, потирая дюжія руки.

— Свора полная: чужому да лишному и пристать негдѣ! — отвѣчалъ «шустрой» староста и вскорѣ догонялъ въ-припрыжку ковылявшаго слѣпца Матвѣя съ ребятами-поводарями, и съ Иванушкой.

V.

Когда налаженъ былъ путь и пустились въ дорогу, слѣпые хотя и не видѣли, но понимали, сколько привычки и сноровки требовалось отъ приставного старосты и сколько былъ ловокъ и умѣлъ тотъ, котораго отпустилъ съ ними Лукьянъ. Возъимѣлъ Лукьянъ къ нему довѣріе и сталъ пускать его за себя, какъ свой глазъ-алмазъ, съ тѣхъ самыхъ поръ, когда удалось «шустрому» показать большую находчивость.

Пѣли его слѣпцы на одномъ монастырскомъ дворѣ, и хорошо пѣли. Вблизи ихъ сидѣли три артели чужихъ, и числомъ меньше, и голосами слабѣе, да повернуло къ нимъ счастье, а лукьянова артель цѣлый день пѣла на вѣтеръ. Надо бы домой уходить: понятное дѣло — ничего не выворчишь. Другой такъ бы и сдѣлалъ, а «шустрой» человѣкъ понялъ слѣпыхъ за товаръ ходовой, отыскалъ къ нему охотника изъ такихъ же подрядчиковъ нищихъ и сдалъ ему артель съ большимъ барышемъ. Перепродажей слѣпого товара Лукьянъ остался вполнѣ доволенъ и прикащика сталъ понимать выше облака ходячаго: ловкій человѣкъ!

Немудреное дѣло забрать по пути заговоренныхъ и получившихъ задатки — хитрое дѣло съ мѣста поднять и свести въ кучу. Сведя въ толпу, надо съ ней толково и кротко, съ великимъ терпѣніемъ вести дѣло: народъ все больной, обиженный природой и обездоленный, стало быть, и безъ причины обидчивъ, и безъ пути и мѣры капризенъ.

Какъ вышли, такъ и стали ругать хозяина «безногаго чорта» и толковать про него всякое худо и мыслить злое. Бывалые ломались всѣхъ больше. Гдѣ бы въ сторонку свернуть, съ поля на-поле ходя,

чтобы забрать новаго товарища, артель несогласна и не хочетъ шагу сдѣлать. Умѣлъ староста приснаровиться такъ, что самъ побѣжитъ за этимъ, а слѣпыхъ и убогихъ выведетъ на село и къ церкви поставитъ. Поютъ они тамъ и сбираютъ. Онъ этотъ сборъ и въ счетъ не кладетъ: не велика корысть, немного даютъ въ бѣдныхъ спопутныхъ приходахъ. Самъ онъ цѣлый день пробѣгаетъ, и другого дня прихватитъ, догонитъ артель и покручинится чуть не со слезами.

— Этотъ и съ печи не лѣзетъ; продешевилъ, говоритъ, я съ твоимъ хозяиномъ. Про задатокъ не хочетъ и помнить, словно не бралъ. Родные за него вступаются и знать того не хотятъ, что не мое это дѣло, а если и мое, то подначальное. Штофъ вина выпросили — поставилъ.

— Тотъ изъ дому ушелъ; вчера хотѣлъ быть, да знать задержали-де рѣки, а можетъ, и въ грязяхъ завязъ. Да онъ и дома нуженъ. У насъ—сказывали мнѣ нынѣче мережи плести даютъ большія деньги; что́ ему боловаться съ вами? Станетъ бродить дома рыбу; хоть и слѣпъ, а раковъ ловить ловокъ. Надо старшинѣ кланяться, писаря дарить, чтобы гнали этого.

Въ томъ и бѣда, трудъ и хлопоты, что приводится примѣнять ихъ въ мѣстахъ промысловыхъ, гдѣ всякой выходы изъ нужды знаетъ и себя умѣетъ беречь.

Въ глухихъ земледѣльческихъ мѣстахъ, гдѣ, обжогшись на землѣ, не умѣетъ отъ нея отбиваться, то же самое дѣло сдѣлать проще. Тамъ, за 3—4 дня до сборнаго народнаго дня, всѣ калѣки сами лѣзутъ напоказъ на привычное мѣсто. Соберутся и сядутъ: выбирай кулакъ-нищій любого. Иной самъ сторговывается; за другого говоритъ вожакъ. 3, 4, 5, 8, иногда 10 рублей рѣшаютъ дѣло въ сутки.

Затѣмъ—какъ хочешь: перепродай съ хорошимъ барышемъ артель свою другому, или самъ иди съ ними. Тогда умѣй только откупить, мѣсто у привратника-монаха или у церковнаго сторожа.

Въ такихъ мѣстахъ, гдѣ нищенство давно собой промышляетъ и народу Божьему больше жить нѣчѣмъ, подрядчики калѣкъ выучились ходить и на хитрость. Отбираютъ они остаточныхъ, нестоль изуродованныхъ и подходящихъ (которые зато, какъ оборышъ, и ходятъ за подходящую дешовую цѣну), покупаютъ въ лавкахъ мѣдный купо-

росъ и другое разъѣдающее снадобье и расписываютъ этимъ лица. Выходитъ такъ, что еще и лучше бываетъ: образъ и подобіе Божіе такъ изуродуется, что на всѣхъ одинаковый наводитъ страхъ и состраданіе: весь въ крови, вѣки выворочены и т. п. Конечно, здѣсь живется гораздо потруднѣе.

Да и сбитыхъ въ кучу надо направлять такъ, чтобы артель разбивалась на многія части, не казалось бы толпой, не оговаривали бы люди, что вотъ-де ихъ сколько пошло торговать, и не останавливало бы проѣзжее начальство: у всѣхъ ли-де есть законные виды? Большое искуство и главная забота прилагались къ тому, чтобы въ пѣшей артели казался всякъ по себѣ и проходящему изъ святыхъ монастырскихъ воротъ богомольцу ясно и вразумительно было одно, что собрались эти люди съ разныхъ сторонъ, пришли изъ разныхъ мѣстъ, гдѣ встала великая нужда и общая печаль разлилась.

Только умудренному опытомъ человѣку можно разбившуюся артель вновь собрать и поставить на одну тропу. Только такому удается провести, не дѣлая крюковъ, по базарнымъ мѣстамъ и довести въ дальное и злачное мѣсто. А сколько возни съ «погибшимъ народомъ», поводарями ребятами, въ которыхъ и молодость кипитъ ключемъ и бьетъ наружу, и баловство съ артельной порчей путается сверхъ того и подмѣшивается! Сѣчь и бить не велятъ; да и сами они либо отомстятъ, либо разбѣгутся.

Изъ полной груди радостнымъ вздохомъ облегчилъ себя староста, когда завидѣлъ на горѣ бѣлую ограду и за ней бѣлыя церкви святой златоглавой обители, раскинувшейся по склону высокой горы и затопувшей въ зелени старыхъ березъ и столѣтнихъ кедровъ. Пѣшая братія, одинъ за другимъ, теперь сядетъ на мѣста и примется за дѣло.

Теперь станетъ легче; надо смотрѣть, чтобы изъ проводниковъ который-нибудь не утаилъ подаянія: и безъ того ужо́ пойдутъ споры, да крики о томъ же. Ни одинъ слѣпой не вѣритъ, чтобы у него не украли подаянія.

Вотъ и усѣлись. И «дьячить» стали подъ благовѣстъ большого колокола, который, по случаю праздничнаго монастырскаго дня, гудитъ ровно полчаса.

Стукнула въ Матвѣеву чашечку первая копеечка:—благослови Богъ!

А вотъ и другая:

— Спаси тебя, Господи!

Перестали звонить—перестали и старцы пѣть. Стали сидѣть молча.

Думаетъ слѣпой:

— Дай пощупаю, сосчитаюсь.

— Вотъ и трешникъ. Гдѣ же копеечка? вотъ и она! А это—семитка... Нѣтъ! не семитка, а надо быть грошъ. Нонѣшнія деньги пожиже стали, никакъ не разберешь сразу, словно бы насѣчка помельче у этихъ. Такъ, оно такъ: это—семитка изъ новенькихъ.

Чья-то рука опять дотронулась до пальцевъ: яичко скользнуло и взыграло на деньгахъ по чашечкѣ.

— Прими, Христа-ради!

— Дай тебѣ, Господи, многолѣт... Бабенка дала. Ну, да ладно: все—къ рукамъ, въ одно мѣсто.

И еще яичко, и колобъ.

Одно яичко въ чашкѣ оставилъ, другое съ колобкомъ спустилъ въ мѣшокъ, что́ съ боку крѣпко привязанъ.

— Зналъ Лукьянъ, куда привести и гдѣ посадить; не спуста хвастливъ — хорошее мѣсто. Другимъ-то даютъ ли? Али съ краю сижу? Словно бы слѣва никто не сопитъ и не дышетъ. Прислушаюсь: Ишь, чортовъ сынъ, на вонную сторону приладилъ. А изъ церкви пойдутъ — какъ мнѣ быть? Не попроситься ли пересѣсть. А какъ услышатъ? Помолчу лучше. Ближніе-то къ воротамъ мухоморы больше соберутъ.

— Вонъ идетъ кто-то, шелеститъ по плитѣ. Кабы лапоть—такъ ляскалъ бы; знать, башмаки: взвизгиваютъ. Надо быть — горожанка идетъ: эта подастъ.

— Слѣпому-убогому святую милостынку!—пропѣто вслухъ, а потомъ подумалось опять про себя:

— Мимо прошла, скаредная. Дай опять посчитаюсь: въ чашкѣ яичко; вонъ оно кругленькое: надо быть, молодка снесла. Вонъ она

давѣшняя семитка, двѣ копеечки, трешникъ. Гдѣ другой трешникъ самый?

Зашевелилась рука, судорожно заходили пальцы по краямъ чашки, а самый вопросъ выскочилъ вслухъ.

Проводникъ, стоя сзади, осерчалъ и проворчалъ:

— Щупай лучше! Возьми бѣльма-то въ зубы!

Пощупалъ и успокоился: трешникъ дома, лежалъ подъ яичкомъ.

Опять старецъ голову внизъ опустилъ и глаза уставилъ надъ чашечкой.

Сапоги застукали и заскрипѣли, и запахло дегтемъ. Слѣпой и чашечку впередъ выдвинулъ, да тотчасъ же и опять къ себѣ потянулъ.

— Надо быть, монахъ прошелъ: сами взять наровятъ: а можетъ быть, и купецъ да скупецъ.

— Дай тебѣ, Господи, милости Божіей! опять пропѣлъ вслухъ и опять сталъ про себя думать:

— Вотъ и еще копеечку дали, а у меня еще и нога не затекала: дача, надо быть, будетъ хорошая. Много подавать станутъ, когда ужо пойдутъ отъ службы. Духомъ чую я это. Да нѣтъ, постой! чего я считаю? вѣдь, не мои. Вѣдь, отберетъ эти деньги «шустрой»! Онъ глазъ теперь не спускаетъ съ нихъ. Скареды!

— Твердо Лукьянъ знаетъ мѣста: словно въ рай привелъ... Сколько ихъ тутъ проходитъ, ногами дробитъ... А вотъ и опять подавать перестали... Слава Богу, что перестали. А какъ не расплатится Лукьянъ? Печонымъ хлѣбомъ пахнетъ — знать, только наша нищая братія осталась тутъ... Не сгрести ли про себя въ кулакъ? увидятъ — отнимутъ. Пожалуй, раздѣться велятъ; станутъ осматривать, щупать. И понесъ меня чортъ! Да вѣдь мѣстовъ не знаю. Они знаютъ. На будущій годъ одинъ сюда приду. А кто доведетъ? Посадятъ. Скажутъ тутъ сидишь, анъ не тутъ—эко дѣло проклятое!..

— Закусывайте, старцы! послышался голосъ старосты. — Здѣсь обѣдню три часа служатъ. Да не чавкайте, ѣшьте тише!

— А гдѣ наши ребятки?

— Ищи за селомъ. Поди, въ свайку играютъ.

— А можетъ, и пряники подбираются воровать въ лавкахъ.

— Скоро ли къ «достойнямъ» ударятъ?

— А ты подожди.

— Да и помолчи. Иные соскучатся, изъ церкви-то выходить начнутъ, услышатъ. Закусывай знай!

— Когда пѣть-то?

— А тамъ вонъ теперь за тебя монахи поютъ. Твоему пѣтуху рано.

— Запоешь — монахи тебѣ такъ-то ротъ замажутъ. Не любятъ они насъ, знай ты это.

— Прячь колобки!—опять команда старосты.

Вскорѣ затѣмъ опяти дробь шаговъ прямо и сзади.

Снова про себя думы:

— Опять клюетъ. Ишь чикаетъ: развяжи мошны. Сѣмъ-ко прислушаюсь: не чикпетъ ли?—Вотъ опять.

Старецъ даже икнулъ и вздумалъ на всякой чикъ кланяться, а поетъ благодарность безъ умолку.

— Вотъ привести угодили! Вотъ сладко! Все бы сидѣлъ, да пѣлъ.

Между тѣмъ, опять все примолкло. Монастырскій колоколъ ударилъ къ «Достойно». Снова забродили шаги взадъ и впередъ. Стали въ чашечки постукивать, время отъ времени, новыя деньги, стали почаще просовывать въ руку мягкое изъ съѣстнаго и печонаго.

А тамъ и команда:

— Запѣвайте-ко, старцы! Не торопитесь только!

Во славномъ было во градѣ во Римѣ,
При царѣ было при Опурѣ,
Жилъ-себѣ славенъ Ефимьянъ князь.
Не было у князя отро́ду:
Не было ни сына, ни дочери.
Взмо́лится князь Ефимьянинъ,
Взмо́лится Господу со слезами:
«Господи, Творецъ милосердый!
Взо́зри Ты на наше на моленье,
Создай, Господь, единое намъ дѣтище
Создай, Господь, сына либо до́чи!

При младости князю на потѣху,
При старости князю на замѣну,
При смерти—души на поминанье!

Потянулись стихъ за стихомъ изъ любимаго старческаго и народнаго сказанія про Алексѣя-Божьяго человѣка: ка́къ онъ «на возро́сти скоро къ писанію научился, ка́къ прибирали ему обру́чную, княгиню и они Божій законъ принимали. Да Алексѣй, сидя за свадебной трапезой, хлѣба и соли не вкушаетъ, ме́двяна питья не спиваетъ, а уливается горячими слезами».

Обѣдня уже отошла, когда старцы успѣли пропѣть о томъ, какъ Божій человѣкъ ушелъ изъ родительскаго дома въ Ефе́съ-градъ «приходилъ ко соборныя церкви, становился у церкви во паперти, по правую сторону притвору», и какъ его искали посланные отцомъ, нашли и не узнали: «ни́щитой каликой называли, милостыню ему подавали, Олексѣя-свѣта поминали, а онъ у нихъ принимаетъ, по нищей по братіи раздѣляетъ, Господа Бога прославляетъ».

Останавливались проходящіе и прислушивались къ стихамъ о томъ, какъ Алексѣй 17 лѣтъ Господу молился и услышалъ гласъ Божіей Матери, повелѣвшей ему идти въ домъ родителей, и о томъ, ка́къ онъ домой возвратился, всталъ на паперти Божьей церкви, гдѣ отецъ его не узналъ и подалъ милостыню, какъ убогому незнаемому человѣку. Какъ, наконецъ, родитель велѣлъ его, нищаго, взять въ палату, приказалъ «накормить его хлѣбомъ-солью, построилъ убогому келью, нищаго-убогаго сберегати».

Которую князь ѣству воскушаетъ,
Тою ко убогому отсылаетъ,—

ведутъ старцы разбитыми, дрожащими и шепелявыми голосами.

Одинъ только тоскливый скрипъ слышенъ, да еще Матвѣй возносилъ надо всѣми свой густой и сильный голосъ и очень истово, ясно и для всѣхъ слышно и вразумительно отчеканивалъ:

Да злы были у князя рабы сво:
Ничего къ нему ѣствы не доносили,
Блюдья—посуду обмывали,
Помои на келью возливали.

— Ой, батюшки, слѣпцы праведные!—воздыхала старушка и клала изъ-за пазухи колобокъ и яичко.

Уже густая стѣна обступила кружо́къ слѣпыхъ, когда они кончали послѣдніе стихи Человѣка Божья:

Съ радостію Олексій нужду принимаетъ,
Самъ Господа Бога прославляетъ.
Трудился онъ Господу, молился
Тридцать лѣтъ да всѣ и четыре.

Толпа слушателей была уже такъ велика, что шаловливымъ мальчишкамъ доводилось втискиваться головами и плечами и получать за то сверху нахлобучки.

До того народъ былъ прислушливъ, что не терпѣлъ никакихъ посторонніхъ звуковъ и на замѣчанія молодаго парня съ гармоникой, что «эти-де хлещe поютъ, чѣмъ тѣ, которые сидятъ у колокольны»,— отвѣчалъ ворчливымъ гуломъ.

Кто ни подошелъ къ кругу старцевъ, тотъ и остался тутъ неподвижнымъ.

Такая же безсмѣнная, но наростающая толпа окружила и тѣхъ слѣпцовъ, которые пѣли у колокольни, и другой кругъ слѣпыхъ и калѣкъ, помѣстившихся за святыми воротами у колодчика, ископаннаго руками святаго угодника.

— Умиленіе! замѣчалъ сдержаннымъ голосомъ сѣдой человѣкъ послѣ тяжолаго, протяжнаго вздоха.

— Умудрилъ Господь старцевъ!— вторилъ ему другой растроганный голосъ, когда кончали слѣпцы одинъ «стихарь» и немедленно заводили другой: некогда было и деньги нащупывать и думать о мірскомъ и постороннемъ.

Надо было отъ словъ не отставать и за другими тянуться.

Праведное со́нце
Въ Раю просвѣтилося—

заводилъ Матвѣй трескучимъ басомъ любимую пѣсню калѣкъ «Про паденіе Адама» и плачъ его о прекрасномъ раѣ:

Распла́чется Адамъ
Передъ раемъ сто́ячи
Ай, раю мой, раю,
Прекрасный мой раю! —

вторили ему всякіе голоса товарищей-калѣкъ въ то время, когда издали доносилось про Лазаря, а на другомъ концѣ монастырскаго двора заводили «Человѣка Божья».

Все о нищетѣ и убожествѣ Богомъ любимыхъ и ему угодныхъ, все о нуждѣ и страданіяхъ, которыя каждый на себѣ испыталъ, и тоску, согласную съ напѣвомъ и складомъ, носитъ въ душѣ своей, да не умѣетъ выразить. Вызвались старцы за міръ постопать, выдѣлились на видное мѣсто за всѣхъ поплакать и вслухъ разсказать про людскую скорбь и напасти. Теперь они — выборные отъ всего міра ходатаи и жалобники.

Не велѣлъ Господь намъ жити
Во прекрасномъ раю
Сослалъ насъ Господь Богъ
На трудную землю:
Ой раю, мой раю.
Прекрасный мой раю!
Вѣкъ правдой жити
Намъ зла не творити;
Отъ праведныхъ трудовъ
Отъ по́тнаго лица
Пищи соискати!..

— Во истину сердечное умиленіе! — повторялъ сѣдой человѣкъ.

— Ой, болѣзненькіе! Миляги несчастные. Охъ, сердечные, Богомъ обиженные! — вторили женскіе голоса.

И, глотая обильные слезы, женщины утирали ихъ рукавами, не двигаясь съ мѣста и готовясь слушать до самаго вечера.

— Вотъ опять зазвякало, подумалось старцамъ: — что́ дождь! капля за каплей. А все, поди, ближнимъ больше сыплютъ. А шустрой это въ счетъ будетъ класть: такой уговоръ. Кому больше насуютъ, тому больше водки, а можетъ, еще и пивомъ поподчуетъ. Ка́къ узнать? Какъ сосчитать, когда посошъ и слова припоминаешь и подгоняешь

всякое слово, одно къ другому. Ка́къ совладать? А ка́къ спориль! ка́къ я просилъ кругъ дѣлать, плетешкомъ сидѣть: всѣмъ бы досталось поровну, а вотъ теперь и сиди словно при дорогѣ.

Проводникъ больно толкнулъ старца въ бокъ: опять велятъ начинать. Староста давно уже сердито крутитъ головой и глазами подмигиваетъ.

Проходящіе люди изъ равнодушныхъ, отходя отъ одной поющей толпы, попадали тотчасъ же въ струю тѣхъ тоскливыхъ звуковъ и до томительнаго однообразія схожихъ мотивовъ. Не успѣвали остыть въ ушахъ и забыться эти вторые, встрѣчаетъ на новомъ мѣстѣ третій гулъ и стонъ, стараясь отдѣлиться, но невольно сливаясь съ задними.

— И это — послѣ церковной-то службы! — замѣчала мѣстная власть, обращаясь къ товарищу. Слуга покорный: мои нервы—тоже не веревки, ка́къ имъ выдерживать? Ка́къ деретъ этотъ рябой! Понимаю я, почему и чорствыя, деревянныя мужичьи души трогаются и волнуются. Очень, вѣдь, много денегъ набрасываютъ, нигдѣ столько! Посмотрите: серебряныя монеты лежатъ въ чашкахъ. Ужасно любитъ народъ слушать этихъ слѣпыхъ горлановъ, и не знаю, любитъ ли онъ еще что-нибудь больше. Смотрите, такъ и облѣпили; такъ и лѣзутъ въ самый ротъ къ старцамъ.

— Это пѣніе, отвѣтилъ товарищъ: — умиляетъ душу и освѣжаетъ нравственное чувство простолюдина, уча въ то же время, терпѣливо переносить превратности жизни. Здѣсь онъ желаетъ видѣть выраженіе своихъ лучшихъ и задушевныхъ мыслей и чувствъ. Поднявши это свое же измышленіе и порожденіе на высоту нравственнаго идеала, народъ любуется и красуется имъ съ честною и чистою младенческою наивностію и откровенностію. Они поютъ для денегъ —онъ этого понимать не хочетъ и думаетъ, что слѣпцы священнодѣйствуютъ. Онъ очень искренно требуетъ и приличной обстановки, и своего рода торжественности, и смиренія во взорахъ и голосѣ. Пусть они обманываютъ, пусть ужо́ ночью пропьютъ всѣ собранныя здѣсь деньги въ кабакѣ—что́ ему за дѣло? Ему и въ голову не приходитъ ничего, кромѣ той мысли и представленія, что передъ нимъ творится священная служба, совершается умилительное таинство.

Вѣдь, и священникъ всегда ли приходитъ къ алтарю готовымъ и чистымъ, какъ ему въ уставѣ указано? Конечно, лучше обмануться, чѣмъ терять вѣрованія въ свои вѣковѣчные помыслы. Пусть же слѣпой старецъ навсегда остается при Божьемъ храмѣ, какъ его дополненіе. Оттого-то и сами слѣпцы признаютъ надъ собою власть духовныхъ лицъ, и священникамъ во всемъ готовно покоряются.

— Въ этихъ монастырскихъ картинахъ нельзя не видѣть глубокаго моралзующаго начала, помимо того, что всякій здѣсь слышитъ свою завѣтную мысль, складно и гласно высказанную: дума въ думу и слово въ слово. Физическій недостатокъ лишилъ созерцанія внѣшняго міра, освободилъ отъ напряженій разумѣть въ немъ суть, неподдающуюся первобытнымъ дешовымъ пріемамъ, но зато углубилъ въ созерцаніе внутренняго міра и пространно развернулъ ничѣмъ нестѣсняемому теперь воображенію широкое поле фантастическихъ чудесъ и красотъ. Творчеству слѣпцовъ мы обязаны этими смѣлыми поэтическими образами, которыми переполнены наши былины о богатыряхъ, гдѣ все такъ громадно и могучо, хотя и написано грубою кистью. Памяти слѣпцовъ мы должны быть благодарны за то, что она сохранила намъ большія сотни поэмъ самаго разнообразнаго вида и смысла, гдѣ всякая старая память отказалась бы и когда десятки рукъ не успѣли еще до сихъ поръ записать всего, что́ сказывается и поется слѣпцами про родное былое.

Опять проходящіе, и опять разговоры:

— Во всѣхъ кругахъ все слѣпые поютъ; ребята только подпѣваютъ, и то кое-ка́къ и нехотя. Ни одинъ изъ нихъ не умѣетъ сказать цѣлой «старины», полной «былины». И между стариками настоящіе стали пропадать, изводиться: на историческія сказанія надо искать знатоковъ днемъ съ огнемъ. Мудреное дѣло—уберечься, хотя самъ народъ бережетъ, хоронитъ и любитъ, да прошла какая-то моровая язва, запечатавшая языкъ и затемнившая память (и это не очень давнее время).

— Зато остальное остается попрежнему: немудрено и теперь, ка́къ и встарь было, на вѣкъ сдѣлаться слѣпымъ. Семь-восемь мѣсяцевъ житья въ темной избѣ и крутые переходы изъ нея на бѣлы снѣги. Зимой въ избѣ лучина свѣтитъ, дымитъ и чадитъ и ѣдкой

струей горячаго дыма прямо бьетъ въ глаза, наклоненные надъ мелкой работой, чтобы ближе и свѣтлѣе видѣть. Лѣтомъ можно бревна пилить: опилками глаза порошить. Нѣтъ-нѣтъ да и перепадетъ малая крупица въ больной глазъ, а не удастся: можно и у овина набѣжать на бѣду, когда вѣютъ обмолоченное зерно отъ острой и крѣпкой шелухи. Больной глазъ вытираютъ грязной холщовой тряпкой, какая первою попадется подъ руку, а водой мыть нельзя: хуже прикинется. Знающему лекарю изъ ученыхъ показать—тоже нельзя: хуже будетъ. Подастъ совѣтъ знахарь темными непонятными нашептами и велитъ искать сухой дождевикъ и пылить въ открытые глаза коричневой мелкой пылью его. Хорошо еще, если посовѣтуютъ мочить какой-нибудь звѣриной кровью; прикажутъ живаго крота достать и велятъ задавить его своими руками. А дождевикъ ростетъ только лѣтомъ; кроты роютъ землю также въ теплое время: жди этого послѣдняго средства съ его призрачнымъ спасеніемъ, когда земля отойдетъ и соберется родить поганый грибъ или начнутъ кроты обратное свое переселеніе съ изрытыхъ и объѣденыхъ мѣстъ на свѣжія и сытыя. Тѣмъ временемъ, оба глаза закрылись и бѣлый свѣтъ совсѣмъ потемнѣлъ. Гдѣ ни пропадало у темнаго и бѣднаго русскаго человѣка! Таковъ ему и законъ на роду написанъ. А выходъ одинъ на монастырскій дворъ, да на базарную и ярмарочную площади.

— Попробуемъ найти утѣшеніе хоть въ этой картинѣ, которую рисуетъ теперь монастырскій дворъ съ кругами распѣвающихъ слѣпыхъ подъ колокольный звонъ и подъ говоръ намолившагося народа, который тутъ же кстати продаетъ и покупаетъ.

— Этотъ большой колоколъ, на которомъ вычеканено имя Бориса Годунова, эти стрѣльчатыя окна и кое-гдѣ сохранившаяся въ нихъ слюда, эти бойницы и стѣны съ длинными и узкими отверстіями выстроенными въ тѣ времена, когда еще стрѣляли изъ пищалей и обливали враговъ кипяткомъ и варомъ: все это такъ согласно отвѣчало и напѣву, и самымъ словамъ стихарей слѣпцовъ, такъ пристало и такъ вмѣстѣ съ ними красиво и понятно!

На базарныхъ площадяхъ тѣ же слѣпые кажутся заурядными промышленными людьми, которые потому и поютъ усердно, что хотятъ получить за то деньги. Подъ монастырскими стѣнами эта же

слѣпая нищая братія кажется чѣмъ-то священнымъ и, во всякомъ случаѣ, какъ бы продолженіемъ и дополненіемъ того, что́ навѣяно церковною службою подъ тяжолыми громадными сводами передъ высочайшимъ иконостасомъ. Ватага слѣпыхъ—остатокъ самой отдаленной старины, когда не только не умѣли класть каменныхъ стѣнъ и стрѣлять изъ пищалей, но и деревянныя стѣны рубили тупымъ топоромъ, а про монастыри и Божіи церкви совсѣмъ не слыхали. Ватаги слѣпцовъ—явленіе на Руси самое древнее и притомъ такое, которое народъ бережно уберегъ про себя до нашихъ дней во всей неприкосновенности, чистотѣ и цѣльности.

Съ самыхъ языческихъ временъ лучше и удобнѣе пристроить ихъ не успѣли и не умѣли. Прадѣдовское наслѣдство безраздѣльно остается на общемъ мірскомъ попеченіи.

VI.

Еще въ высокомъ теремѣ ласковаго князя Владиміра появлялись за одинъ разъ сорокъ каликъ со каликою и на почетныхъ пирахъ получили большое мѣсто.

Всѣ это знаютъ и могутъ услышать отъ нашихъ слѣпцовъ, распѣвающихъ про своихъ древнихъ братій, что они

Становились всѣ во единой кругъ,
Клюки-посохи въ землю потыкали,
А и сумочки пзповѣсили.
Закричали калики зычнымъ голосомъ.

Можно услышать, что могучіе богатыри каличьимъ промысломъ и нарядомъ не гнушалися, одѣваясь, какъ щеголь и волокита Алеша Поповичъ, въ лапотки семи шелковъ, подковыренныя чистымъ серебромъ, надѣвали подсумокъ черна бархата, на головушку—шапку земли греческой, на плечи—шубу соболиную долгополую. И не только

не гнушались, но и за великую честь ставили, подъ видомъ калики, выходить на великіе богатырскіе подвиги, какъ Михаилъ Потокъ Ивановичъ, и матерой мужикъ Илья Муромецъ, когда шелъ изъ Мурома въ Кіевъ по такой дорогѣ, по которой никто не прохаживалъ и не проѣзживалъ. Только шелъ-прошелъ калика прохожая, прохожая калика волочальная: муница на немъ сорочинская, шляпа земли греческой.

Не одними разсказами о своихъ молодецкихъ похожденіяхъ кіевскаго князя они тѣшили, а утѣшали его и богатырскими подвигами. Каликой сходилъ Илья Муромецъ въ самый Царьградъ, когда прозналъ, что князя цареградскаго поганый Издольня въ полонъ взялъ, Царьградъ и золотую казну опечаталъ. Сдынулъ Муромецъ палицу въ девяносто пудъ, толкнулъ Издольну межъ уши, взялъ его за рѣзвы ноги и зачалъ помахивать: куда махнетъ-туда улочки, куда примахнетъ — переулочки.

Не отошла калачья честь, когда и Христова вѣра завелась на святой Руси: взяла она убогихъ и странныхъ подъ свою крѣпкую защиту и сказала опредѣлительно и твердо, что это — первые и ближніе друзья Христовы. Въ ихъ пользу установились новые обычаи, но прежняго смысла и значенія.

Изъ нищей братіи отбирали самыхъ убогихъ двѣнадцать человѣкъ. Водили ихъ въ тѣ же терема княженецкіе въ великій четвергъ. Умывалъ ихъ натруженыя походныя ноги самъ князь стольно-кіевскій, сажалъ ихъ за столы дубовыя и за скатерти браныя, самъ кормилъ ихъ и подчивалъ.

Та же честь не покинула слѣпыхъ-убогихъ, когда русская слава изъ Кіева перешла въ Москву и перевелась съ великихъ князей на бѣлыхъ царей. Любили каликъ-перехожихъ чествовать по христіанскимъ обычаямъ; любили слушать ихъ пѣсни и сказанія и въ Москвѣ, какъ и въ Кіевѣ, по народнымъ примѣрамъ и обычаямъ.

Въ Москвѣ дошло даже до того, что про старыхъ каликъ-перехожихъ, потерявшихъ вслѣдъ за глазами и ноги, строились особыя палаты, и убогіе принимались въ придворный штатъ и назывались «верховыми богомольцами». Ихъ звали въ зимніе вечера въ государеву комнату разсказывать про все, что они знали или отъ другихъ

слыхали про давно-минувшія времена, про подвиги благочестивыхъ людей, отъ бѣднаго Лазаря и прекраснаго Іосифа до Іоасафа—индѣйскаго царевича. Старцы эти и духовные стихи пѣвали, и сказки сказывали, а за все это были у царей въ великомъ почетѣ и милости. У царя Алексѣя Михайловича они жили даже подлѣ самыхъ царскихъ хоромъ, и, когда одинъ изъ такихъ (Венедиктъ Тимофеевъ) умеръ въ 1669 году, 9-го апрѣля, его отпѣвали два патріарха, два архимандрита, десять священниковъ, двѣнадцать дьяконовъ и безъ счету пѣвчихъ и причетниковъ. Самъ царь былъ на погребеніи и раздавалъ щедрую милостыню нищимъ и колодникамъ въ этотъ день, потомъ—въ третины, девятины, полусорочины и сорочины. Щедро, жаловалъ царь и все отпѣвавшее духовенство. Въ верховыхъ нищихъ не обдѣлялъ онъ своею милостію, содержаніемъ и попеченіемъ и юродивыхъ, и «слѣпцовъ домрачеевъ» (умѣвшихъ въ тѣ времена подыгрывать пѣнію былинъ и старинъ на струнной гитарѣ или домрѣ).

Во всякомъ богатомъ домѣ, въ такихъ же пристройкахъ въ одно—въ два оконца, со стеклянными оконницами и желѣзными затворами, живали тѣ же слѣпцы-сказочники, за разговорчивость и болтливость свою прозванные особымъ именемъ «бахарей» (краснобаевъ, раскащиковъ).

Богачи и бѣлая кость пробавлялись домашними пѣвцами и уберегали, свято храня и холя наемныхъ слѣпыхъ и убогихъ: крестьянская бѣдность, черносошный людъ, съ тою же любовью и вниманіемъ относился къ проходящимъ и гулящимъ базарнымъ старцамъ. Точно также бережно сохранили и ихъ чрезъ многіе вѣка до нашихъ дней и, съ тѣмъ вмѣстѣ, сберегли ту же въ нихъ вѣру.

Пропитывая и обогрѣвая при жизни, простой и бѣдный русскій народъ не забывалъ ихъ и по смерти. Для этого также съ древнѣйшихъ временъ существовали въ городахъ божедомки, въ деревняхъ на поляхъ—курганы. Здѣсь хоронили умершихъ странныхъ людей и въ семикъ пѣли общія и общественныя панихиды на мірской счетъ.

Не подать слѣпому нищему—тяжкій грѣхъ, да и небезопасно:

не проклялъ бы онъ со зла. А проклятіе, въ извѣстное время (бываетъ такое въ году не одинъ разъ), можетъ дѣйствовать, имѣетъ силу.

Пробовалъ бродячихъ нищихъ и слѣпыхъ старцевъ великій хозяинъ земли своей, Петръ Первый, пристроивать къ мѣстамъ, чтобы не толкались, не мѣшали и не напоминали бы царю про старыя, немилыя ему времена: приказывалъ монастырямъ строить богадѣльни, велѣлъ ловить и вязать всякую безъ разбора нищую братію, писалъ строгіе указы, не одинъ разъ ихъ напоминалъ и повторялъ—убогимъ удалось-таки пережить и это самое тяжелое для нихъ время. Унесли ихъ осторожныя ноги: къ монастырскимъ стѣнамъ ихъ не приковали, а остались они на прежнемъ положеніи. Пугливые ушли, въ раскольничьи скиты еще на пущій почетъ и на бо́льшее обезпеченіе и безопасность.

Завелись и въ раскольничьихъ мѣстахъ свои слѣпцы-пѣвцы, и между ними громче всѣхъ прославились тихвинскіе, которыхъ въ Юрьевомъ монастырѣ (въ Новгородѣ) любилъ дарить и слушать самъ строгій, знаменитый архимандритъ Фотій, при государѣ Александрѣ Благословенномъ.

И нигдѣ ихъ столько не набирается, какъ въ глухихъ лѣсныхъ мѣстахъ по ярмаркамъ: въ вологодскомъ, въ олонецкомъ краяхъ. Въ село Шунгу (Повѣнецкаго уѣзда), вблизи выгорѣцкихъ скитовъ, сходилось ихъ на рыбную благовѣщенскую и никольскую ярмарки до десятка артелей: пѣвали и въ одиночку, и парами, пѣвали втроемъ и цѣлыми десятками. Зато уже изъ этого мѣста, какъ и изъ всего олонецкаго края, вывозились самыя длиныя, старинныя и лучшія былины. Въ Шунгѣ и новики-нищіе учились, какъ въ академіи, и промышленные архангельскіе люди-поморы вывезли въ свои мѣста много рѣдкостныхъ сказаній (и намъ, во время поѣздки на Бѣлое море, охотно пѣли и сказывали эти словоохотливые люди).

Свято мѣсто не осталось пусто: число слѣпыхъ не умалилось; уменьшилось количество знатоковъ былинъ. Стали объ этомъ не спуста тужить и жаловаться; приходится уже разыскивать—стали. по этой причинѣ, поторапливаться. Все же прочее стоитъ по старому и обстоитъ, какъ говорятъ, благополучно.

Для примѣра и доказательствъ загляднемъ въ разные углы богомольной и сердобольной Россіи.

По Малороссіи дідъ (дідунь, старець) ходитъ. Во всякую онъ хату заходитъ безъ спросу, когда въ ней и нѣтъ никого. Беретъ, что́ ему попало на глаза, и уходитъ. Вернется ужо́ жинка съ поля, оглядится, замѣтитъ пропажу, скажетъ: «певне тутъ дідъ бувъ» и положитъ на дверь засовъ отъ діда. Имѣетъ дѣдъ право входить, да и умѣлъ во зло употребить довѣріе, родившееся отъ стараго и добраго обычая.

Умѣли и въ Малороссіи дѣды-жебраки выдѣлить артели слѣпыхъ, которыхъ и зовутъ «лирниками»: играютъ на лирѣ и поютъ божественныя пѣсни. Безъ лиры они и въ народъ не ходятъ и для этого самые молодые, чтобы имѣть право называться дѣдомъ, отпускаютъ бороду вопреки общимъ народнымъ обычаямъ.

Входя въ домъ, двери котораго для нихъ всегда открыты, чтобы сразу признали, они запѣваютъ молитву «Отче нашъ». А затѣмъ, такъ же, какъ тихвинскіе и олонецкіе калики, повертываютъ на веселое и смѣшное, по желанію дѣвчатъ, и на плясовую и скоромную, по требованію насмѣшливой молодежи, пока не закричитъ какой нибудь шутникъ:

— Дидуня, пипъ иде!

Перейдемъ въ Бѣлоруссію, столь же древнюю и неподвижную.

Здѣсь пѣвцы духовныхъ стиховъ, по образу жизни, называются *волочебниками* и, сообразно занятіямъ, *лалынщиками* и ходятъ всегда артелями человѣкъ въ 8—10 и болѣе, съ дудой и скрипкой [1]).

---

[1]) Лалынь—пѣсня, которую, какъ увѣряютъ они, начали пѣть съ тѣхъ временъ, какъ смѣнилась вѣра. А такъ какъ въ Бѣлоруссіи мѣнялась вѣра три раза (съ языческой на православную, съ этой на уніатскую и затѣмъ на католическую), то и несовсѣмъ можно догадаться, когда это случилось. Вѣрнѣе думать, что сталось такъ въ первомъ случаѣ. Классическая же дуда, національная особенность и принадлежность бѣлорусскаго племени—ни что иное, какъ самая первобытная дудка изъ тростника, бузины или камыша, а того проще—изъ молодой ивовой коры, снятой ранней весной. При ней надутый воздухомъ кожаный мѣшокъ. Въ Бѣлоруссіи это—любимой инструментъ: «гудокъ да дуда соберй наши дома», говорятъ въ насмѣшку надъ тамошними горемыками. Жилейка (такъ кра-

*

«Подъ дуду не пойду, подъ скрипицу не хочу, подъ жилейку помаленьку», шутливо говорятъ въ тѣхъ странахъ эти нужные люди, которые затѣмъ и берутъ съ собой сопѣлку, что также приходится имъ пѣть веселыя и загульныя пѣсни по заказу. Собственно надо пѣть духовныя и слѣдуетъ видѣть въ томъ религіозную обязанность и святое дѣло.

И здѣсь пѣвцы, исполняя обѣтъ, священнодѣйствуютъ. Подходя къ избѣ, становятся подъ окнами полукружьемъ: впереди и въ серединѣ мужикъ среднихъ лѣтъ — «починальщикъ» съ дудой. Боковые «подхватники» поютъ, а во время припѣвка хлопаютъ въ ладоши.

Не гуси летятъ не лебеди,—

заводитъ починальщикъ.

Христосъ воскресъ, на весь свѣтъ,—

вторятъ голосами и хлопаютъ ладонями помощники.

Идутъ, бредутъ волочебнички,
Волочебнички, полуночнички,
Челомъ здоровъ, хозяинушка!
Чи спишь-ляжишь, чи споцпваешь?
Коли-жь ты спишь, то Богъ съ тобой!
Коли-жь не спишь, говори ты съ намъ!
Не хошь говорить, хадзи ты съ намъ!
Хадзи ты съ намъ, съ волочебничкамъ,
Съ волочебничкамъ, со полуночничкамъ,
По темной ноци грязи толоци,
Собакъ дразнить, людей смѣшить,
Не хошь хадзищъ, дари-жь ты насъ [1]).

Подарки выговариваются:

«Починальщику яичекъ, да денегъ, да горѣлки, помощникамъ сыръ на тарелкѣ, мѣхоношѣ (заднему сборщику подаяній) пирогъ съ ношу, дударини хоть солонины: дуду помазать, струны погладзить, чтобы играла, не залегала. А за то, хозяинушко, живи здорово, жи-

---

сиво и характерно прозванная)— родная сестра первому инструменту, только еще попроще и пищитъ посмѣшнѣе въ устахъ ребятъ, пастуховъ и нищихъ (она безъ мѣшка).

[1]) Волочебнички ходятъ обыкновенно съ перваго дня Пасхи и непремѣнно къ ночи. Переходя по порядку къ каждой избѣ и не пропуская ни одной, бродятъ по деревнѣ всю ночь; не смотря ни на какую погоду.

ви богато! Дай тебѣ Боже пиво варить, сыновъ женить, горѣлку гнать, дочекъ отдавать!»

Жертва обязательно передается изъ каждаго окна и всегда въ примѣтно-достаточномъ количествѣ. Гдѣ крѣпко спятъ, тамъ громко стучатъ и укоряютъ. Гдѣ упираются по бѣдности или по неохотѣ, тамъ опять пѣвцы становятся въ кругъ и поютъ ругательный стихъ. припасенный на такой случай.

Такова обязательность пѣнія и такова сила въ появленіи волочебниковъ, что, если поютъ они въ то время, когда на дворѣ тихо, нѣтъ дождя, ночь ясная и звѣздистая—значитъ весь годъ будетъ урожайный и въ особенности хорошо яровымъ посѣвамъ. Очень худо, если поютъ пѣвцы въ дождливую и сырую погоду: волочебники того не разбираютъ и неустанно поютъ, чтобы обязательно обойти всѣхъ. Въ Витебской губерніи не лишаютъ такой чести даже (издавна поселившихся тамъ) великороссовъ-раскольниковъ: посѣщаютъ и этихъ. Дѣлежъ сбора производится не безъ ссоръ и дракъ, но всѣмъ поровну: часть для дому, другая половина—жиду въ шинокъ.

Если мы вернемся въ Великороссію, то едва ли найдемъ что нибудь особенное, что́ можно добавить къ разсказу. Не за большимъ приходится возвращаться.

Нижегородскіе промышленные мужики доморощеннымъ опытомъ дошли до того, что приладили способности слѣпцовъ къ желѣзному производству тянуть проволоку. Да вѣрно говорятъ и убѣдительно доказываютъ, что промыселъ этотъ, безъ вниманія и поддержки, сталъ упадать съ каждымъ годомъ все больше и скорѣе, отпуская и своихъ обученныхъ слѣпыхъ на нижегородскія ярмарочныя площадки и подъ утлыя стѣны сползающаго къ водѣ съ волжской горы Печерскаго монастыря.

Городская филантропія завела институтъ для избранныхъ петербургскихъ слѣпыхъ и выучила читать и считать по выпуклымъ знакамъ, да, конечно, согласно и хоромъ играть пьесы итальянской и нѣмецкой музыки, что́ доставляетъ удовольствіе, возбуждаетъ общее удивленіе и вызываетъ достойную и приличную похвалу руководителямъ. Концерты слѣпые даютъ; въ газетахъ пишутъ объ этомъ и печатаютъ полные и обстоятельные годовые отчеты.

Многія тысячи слѣпыхъ продолжаютъ бродить по всему обширному лицу земли русскаго царства. Не сговариваясь между собою, но, по ходу вещей и силою обстоятельствъ, они раздѣлили всю Русь на участки, поставивъ въ центрѣ бойкія мѣста народныхъ сходбищъ. Тяготѣя къ нимъ десятками промысловыхъ артелей, они другъ съ другомъ не путаются и взаимно одна артель другой не мѣшаетъ, всѣ дружно прокармливаются около полуголоднаго крестьянскаго люда, обогрѣваются кое какъ подъ пошатнувшейся и разметанной кровлей и на разные тоскливые голоса распѣваютъ вѣковѣчную пѣсню:

Тебѣ, свѣту, слава и держава,
Олексію Божью Человѣку.
Ему славы поемъ, именемъ зовемъ:
Славенъ Богъ, да и прославися!
Велико имя да и Господне!
Господнее по всей земли,
По всей земли—вселенныя!..
И во вѣки вѣковъ. Аминь.

IV.

БОГОМОЛЫ

и

БОГОМОЛЬЦЫ.

(ПОСВЯЩАЕТСЯ ПАМЯТИ ДРУГА ПЕТРА ПЕТРОВИЧА ГАГАРИНА).

Знаютъ и чудотворцы, что мы не богомольцы.

Народная поговорка.

1

Невыносимо жаркій полдень сухого лѣта. Подъ отвѣсными, прямыми лучами горячаго солнца, казалось, все припеклось, приникло и изомлѣло.

Едва шевеля усталыми ногами, лѣниво тянулись по тропинкамъ открытаго поля толпы богомольцевъ, сторонясь отъ пыльнаго полотна проѣздной почтовой и торговой дороги.

— Хоть бы маленькаго дождичка!— было у всѣхъ въ мысляхъ и въ молитвахъ.

— Хоть бы пыль-то маленько прибилъ!— вырывалось у путниковъ на словахъ, на взаимное развлеченіе и утѣшеніе.

— И сколь велика эта жарынь: ребро за ребро задѣвать стало!— слышался въ подтвержденіе отчаянный третій голосъ.

На открытомъ полѣ солнышко хозяйничало во всю силу и не въ людскую мощь и мѣру. Къ зимнимъ палящимъ морозамъ русскіе люди привыкли и выучились притерпливаться — палящій лѣтній зной невыносимъ и раздражаетъ. Подвергаться его вліянію нѣсколько дней къ ряду въ дорогѣ — у богомольцевъ считается подвигомъ; пережидать его и испытывать — у деревенскихъ хозяевъ полагается великимъ несчастіемъ, божескимъ наказаніемъ. По этой причинѣ подорожныя толпы густы и разнообразны: есть отсталые, но нѣтъ убылыхъ. Встрѣчныхъ рѣшительно не видать никого. Всѣ движутся

въ одномъ направленіи и подъ однимъ тяжелымъ гнетомъ горячаго лѣтняго полудня.

Истома во всемъ: даже деревушка, которая высыпалась на встрѣчу путникамъ, совершенно вымерла, и не давала никакихъ признаковъ дѣловой обыденной жизни. Безмолвно стояли обоими порядками избы, разступившіяся далеко по сторонамъ и опроставшія въ серединѣ широкую улицу подъ бойкую проѣзжую дорогу. Не только не слыхать собачьяго лая, но не видно было и самихъ собакъ, которыя, конечно, вмѣстѣ со всѣми живыми хоронятся въ тѣни, ищутъ тамъ прохлады и, не находя ея, впадаютъ въ молчаливую и сонливую меланхолію.

Не лучше путникамъ и за деревней, когда дорога разбилась на объѣзды перекрестки и опять тянулась полемъ. По прежнему видно было, какъ это поле, засѣянное направо яровымъ, налѣво озимымъ хлѣбомъ, покато склонялось во всѣ видимыя стороны. Въ одномъ мѣстѣ оно сливалось съ паромъ и черпѣло, а прямо примыкало къ синѣвшему вдалекѣ хвойному лѣсу.

На полотнѣ дороги толстымъ пушистымъ слоемъ лежала сухая пыль, отъ которой попадавшія на наѣзженую дорогу лошади сфыркивали, неистово встряхивались и крутили головами. Изъ-подъ налетовъ пыли не видать было травы, и взметанная лошадиными ногами эта пыль клубилась густыми непроглядными облаками и залѣпляла все, что хочетъ жить и должно дышать.

Сплошной полосой этихъ пыльныхъ облаковъ ярко и отчетливо обозначалась кривая дорога, тянувшаяся среди поломанныхъ изгородей, между пожелтѣлыми полосами озимаго хлѣба — къ лѣсу, прихотливыми колѣнами, поворотами и углами. Кажется, и не осилить ея, судя по досаднымъ и ненужнымъ изгибамъ, среди которыхъ нѣтъ ни одного прямика.

На всемъ видимомъ одинъ сплошной сѣрый цвѣтъ, и самый воздухъ около дороги казался набитымъ тою же сѣрою пылью.

Опять одно у всѣхъ на умѣ и на словахъ:

— Здорово знойтъ! —облитой горячимъ потомъ и утираясь запыленнымъ рукавомъ, замѣчаетъ одинъ.

— Больно ужь мàрить стало! — поддержпвалъ сосѣдъ, попадая

веревочными лаптишками въ мягкую кучу пыли, причемъ разбрасывалъ ее фонтанами по тропинкѣ.

Въ самомъ дѣлѣ ма́ритъ: все изнемогло на солнечномъ припекѣ и земля накалилась такъ, что нижній воздухъ пламенѣетъ и струится. Черезъ это начинаетъ все играть въ глазахъ, перемежаться и вздрагивать: и несрубленая, уцѣлѣвшая среди поля березка, и сѣнной сарай на лугу, и остожья сѣна, временами и неясно появляются, мотаясь взадъ и впередъ.

Душно. Обильный потъ и непривычная слабость одолѣваютъ. Даже пташки задумались.

— Цѣлую рѣку теперь выпилъ бы!

— Сухмень — погодка!

— Такая-то важная!

— Земля теперь про себя запасъ пьетъ: сказываютъ, оттого и родники оскудѣваютъ.

— А ты бы лучше не поминалъ теперь про воду-то: безъ нея съ души тянетъ!

— Бодрись, православные! Не сѣтуйте, не гнѣвите угодниковъ Божіихъ!—подкрѣплялъ ихъ поучающимъ тономъ тонкій фальцетъ обогнавшаго молодца съ длиннымъ посохомъ въ рукахъ, длинными волосами, прикрытыми шапкой, въ родѣ скуфьи, и въ томъ вѣковѣчномъ длинноломъ подрясникѣ, подпоясанномъ широкимъ кожанымъ ремнемъ, который усвоенъ всѣми присяжными богомольцами.

На спинѣ его мелькнула кожаная сума, въ родѣ солдатскаго ранца, укрѣпленная сходящимися на груди крестомъ кожаными ремнями, и подъ нею какой-то свертокъ въ клеенкѣ. Тощее, изможденное лицо успѣло еще разъ оглянуться на разговорщиковъ, но привычныя ноги, обутыя въ кожаные сапоги, торопили его впередъ по пыльной тропинкѣ и наталкивали на новую толпу и на тѣ же разговоры:

— Здѣсь не напьешься: вонъ ка́къ поле-то долго тянется! А гдѣ тутъ на рѣку попадешь? — ея и знаку нѣтъ. Ты, бабонька, въ избу на деревнѣ-то то́ркалась: пить, поди, просила—что́ тебѣ сказывали тамъ?

— Дай, слышь, грошъ. Да приходи, молъ, ты, алчный человѣкъ, въ наши мѣста—мы тебя всего водой окатимъ, и домой унести дадимъ.

— Тако дѣло, бабынька, тако празднично дѣло! За питье деньги стали просить — значитъ угодники близко. Подмонастырщина живетъ. Тѣмъ здѣсь торгуютъ. Всякій норовитъ около богомольца поживиться и того дѣла онъ ждетъ круглый годъ.

— Онъ такъ про себя и думаетъ: молиться ты идешь—значитъ, денегъ, сколько ни на есть, имѣешь при себѣ въ кошелѣ.

— Погляди-ка, что еще дальше увидишь!

— Скоро ли, родители, до батюшки-то до угодника-то дойдемъ?— слышался усталый и отчаянный женскій голосъ.

— А ты, богомолица, какъ идешь-то: обѣщаніемъ или принужденіемъ?— подхватилъ вопросомъ догнавшій вторую толпу присяжный богомолецъ съ длинными волосами и кожаной «калигой».

— Идешь по обѣту—такъ и терпи. Угодникъ это любитъ. Можетъ, онъ и сушъ-то такую умолилъ, чтобы тебя испытать.

— Грѣшные мы, а моченьки моей нѣту!

— Призови угодника Божія на помощь!

— Ой, не толкуй-ко ты, долговолосый! И говорить-то теперь тошнехонько! На ногахъ точно гири какія.

— То и хорошо: то и во спа́сенье!

И долговолосый круто забиралъ ногами впередъ, наталкиваясь на новыхъ и слыша все тоже:

— Вотъ поле-то пройдемъ—лѣсъ начнется. Только бы до лѣсу-то добраться,—говорили одни.

— А тамъ у нихъ луга: это — опять монастырщина. Часовенка будетъ, а тамъ опять лѣсъ станетъ, а за лѣсомъ-то за тѣмъ онъ и обозначится,—утѣшали себя и другихъ ближніе, и бывалые.

— Тошнехонько. Силушки нѣту!

— Вы не изъ мѣщанокъ ли будете?

— Дворовые были.

— Такъ я васъ и понималъ. Непривычны. Присѣли бы!

— Пробовала: насилу потомъ размялась.

— За это еще благодарите Бога: значитъ—сила есть, а то ноги-

то и совсѣмъ не пойдутъ. Переобулись бы — помогаетъ! совѣтовалъ тотъ, который шелъ совсѣмъ босикомъ, а городскіе сапоги на веревочкѣ перекинулъ черезъ лѣвое плечо.

Во всю дорогу отличался онъ терпѣливостью и веселостью, обращалъ на себя общее вниманіе и всѣмъ нравился. Прозвали его «шустрымъ» и поняли въ немъ того весельчака, который шутками и остротами оживляетъ товарищество и составляетъ неизбѣжное и дорогое лицо во всякой артели, гдѣ бы она на святой Руси ни сбиралась, для какого-бы промысла и ремесла ни плотилась, и при какихъ бы условіяхъ ни создалась. Безъ этого веселаго человѣка и толпа богомольцевъ не могла обойтись.

— Въ монастырѣ квасъ выставляютъ даромъ, — поддерживалъ онъ.

— Да можно ли пить-то его?—спрашивалъ робкій, тихій голосъ всѣми обижаемой бабы.

— Усердіе есть — можно и голову мочить, — подтрунивалъ въ отвѣтъ весельчакъ.

— Въ монастырѣ отдохнете: — тамъ женскій полъ почитаютъ и ублажаютъ. Чего пожелаете—всего довольно. И кормятъ.

— Ой, не грѣшите-тко!

— Хоть раздѣвайся, а легче нѣтъ! — крикливо вздыхалъ новый, медленно переплетая ногами вслѣдъ за другими приближавшимися уже къ лѣсу.

II.

Вотъ и лѣсъ—монастырскій боръ, съ желаемой прохладой. Летучая пыль смѣнилась подъ ногами зыбучимъ пескомъ. Густо обступили дорогу со всѣхъ сторонъ ели и сосны дружной безпримѣсной семьей: ели, уставивъ свои далеко распростертые корни, точно церковные подсвѣчники. Словно онѣ приладились здѣсь затѣмъ только, чтобы постоять для украшенія и ради компаніи, а налетитъ лихая

буря, онѣ прежде другихъ свалятся. Солидно укрѣпились сосны, глубоко проникнувъ своими корнями въ почву, особенно главнымъ стержневымъ корнемъ, и, какъ будто хвастаясь передъ сосѣдями, выбираютъ въ бору самыя свѣтлыя мѣста, кучатся на полянахъ и лѣзутъ, опережая ростъ елей, далеко въ высь, съ просмолившейся насквозь древесиной, не легко поддающейся топору и пилѣ. Успѣли ихъ догнать и перегнать ростомъ только лиственницы — рѣдкое дерево, всегда заставляющее удивляться и любоваться собою тамъ, гдѣ оно уцѣлѣло, однако, въ небольшихъ насажденіяхъ и въ разбросъ между другими.

Среди крѣпкаго подбодряющаго смолистаго запаха пріятно отдохнуть и освѣжиться дыханіемъ и впечатлѣніями. Солнышко не вездѣ проникаетъ. Буреломъ и густо накиданный валежникъ успѣли сохранить достаточно влаги, отзывающейся затхлой сыростью около тѣхъ мѣстъ, гдѣ залегла мшина — мягкая какъ пухъ и задерживающая шаги.

Здѣсь нетвердыя на ногахъ ели успѣли свалиться, взрыть при паденіи почву и приподнять ее корнями ровно на столько, чтобы хорошо было зимой приладить на этомъ мѣстѣ медвѣдю берлогу.

Вотъ и согнутый въ дугу и свороченный на сторону еловый и сосновый жерднякъ съ сплетеными и спутаными вершинами. Значитъ погостилъ на нихъ около полугода снѣгъ и однѣ верхушки надломилъ, другія совсѣмъ оторвалъ и сбросилъ внизъ въ неодолимую валежную кучу.

Вотъ и цѣлая неоглядная сосновая роща, холеная по завѣту угодниковъ и сбережоная: многія сосны помнятъ основаніе монастыря и доживаютъ теперь до половины третьей сотни лѣтъ. Словомъ все, для приглядѣвшихся глазъ, на своемъ назначенномъ мѣстѣ и нечѣмъ интересоваться: и въ этомъ бору тоже спокойное и вѣчное однообразіе, умѣющее располагать къ спокойствію душевному и быстро переносить въ задумчивость. Изъ этой рощи—говоритъ преданіе—рубили угодники тѣ бревна, изъ которыхъ строили и свою малую келью, и первую малую церковь, до сихъ поръ сохранившуюся.

Среди осыпавшейся густымъ слоемъ нетлѣнной хвои, образовавшей скользкую, какъ паркетъ, поляну, рѣжется дорога, поддержи-

ваемая колеями проѣзжихъ телегъ и размывными рытвинами отъ дождей и талаго весенняго снѣга. Тутъ, у дороги, на проѣзжемъ мѣстѣ, по просѣкѣ и на вѣтру хвоя уступаетъ и лежитъ тонкимъ слоемъ, обнаруживая тѣ площадки, которыя невольно срываютъ замѣчанія:

— Скоро тутъ грибъ завяжется.

— Боровой красный рыжикъ: ѣдреный, налитой сокомъ, что́ человѣчья кровь, краснымъ. Въ посолѣ такой рыжикъ долго держится и не киснетъ; станешь его ѣсть — хруститъ на зубахъ. Такой-то и брать весело.

— И сильный: деретъ землю и роетъ хвою и, когда выходитъ изъ-подъ земли, эту самую хвою выноситъ на шляпкѣ.

— Монастырь здѣсь набираетъ грибъ многими десятками ушатовъ на всю зиму, а на сторонѣ грибовъ не прикупаетъ: хватаетъ своихъ. Еще и владыкѣ посылаетъ отварныхъ бутылочныхъ, мелконькихъ, чуть не съ булавочную головку.

Поползла дорога подъ гору, разрытая болѣе глубокими колеями и канавами, на дождливое время скользкая и головоломная: троечники и почта тормозятъ здѣсь колеса. Подъ горой дорога тянется лугомъ.

На поворотѣ вправо стоитъ часовня и два монаха сидятъ за сборомъ. Здѣсь, всѣ кучки богомольцевъ останавливаются.

Часовня укрываетъ родникъ съ холодной ключевой водой, обильно скапливаемой въ широкомъ срубѣ.

Одинъ монахъ надѣваетъ ризу и служитъ молебенъ угоднику, образъ котораго, среди другихъ, находится на видномъ мѣстѣ. Въ углу часовни, въ деревянной кіотѣ, помѣщается во весь ростъ изваяніе изъ дерева Параскевы-Пятницы, въ старыхъ и подержаныхъ шелковыхъ ризахъ. Ликъ святой мученицы очень древняго и грубаго дѣла, и въ темномъ углу съ трудомъ распознается.

— Когда пришелъ въ эту страну угодникъ — сказываетъ его житіе — на этомъ мѣстѣ собирались жители совершать свои поганыя требища и идоложертвенныя игрища гудѣніемъ, скаканіемъ, плясаніемъ и всякими богомерзскими дѣйствами. Отсюда женихи умыкали невѣстъ и тѣмъ порождали семейныя междоусобія и кровопролитныя

побоища. Поселившійся вблизи Божій угодникъ водрузилъ здѣсь крестъ, освятилъ воду, которой дотолѣ приписывалась волшебная сила, исходящая изъ злаго и поганаго духа, обитавшаго въ этой водѣ. Разсерженные жители изгнали за то святаго человѣка, и, когда онъ, по маломъ времени, возвратился сюда, то поселился уже въ нѣкоторомъ разстояніи, но все-таки достигъ того, что стало то мѣсто свято, а тѣ люди увѣровали въ единаго Бога.

— Здѣсь святой жезломъ своимъ разбилъ идола Ваала,—толковалъ по своему богомольцамъ монахъ.

— Здѣсь же извелъ онъ источникъ, которымъ попалилъ огненную жертву.

— А гдѣ же посохъ?

— Черемуховый посохъ долгое время сохранялся въ обители, но нынѣ взятъ и унесенъ, говорятъ, вмѣстѣ съ чудотворной иконой, писанной самимъ преподобнымъ, въ Москву. Туда, говорятъ, свозили нѣкогда все, что́ въ каждой русской области было свято и чтимо всѣми.

— Если святой вызвалъ изъ земли источникъ—давно уже объяснилъ себѣ и рѣшилъ окрестный народъ: — значитъ, ему надо молиться отъ засу́хи, чтобы дождя умолилъ православному люду. А если ему надо молиться о дождѣ, то воленъ онъ и силенъ остановить проливные: значитъ — надо молиться ему и о сухой погодѣ, о вёдрѣ.

Съ какою жадностью пьютъ странники холодную и чистую воду, съ такою же охотою и готовностію кладутъ на столикъ все, что́ могутъ: городскіе—мѣдныя и серебряныя деньги; деревенскіе—холстъ, нитки, пряденую овечью шерсть, домотканое сукно, и т. д. Деньги, впрочемъ, бросаютъ на дно источника. Грязью со дна мажутъ глаза, которые у рѣдкаго не болятъ, а на этотъ разъ у всѣхъ гноятся отъ пыли: вода почитается святою и цѣлебною отъ всѣхъ болѣзней, наружныхъ и внутреннихъ.

Ужо́, когда толпы богомольцевъ перестанутъ приливать и всѣ пройдутъ въ монастырь, сборщики-монахи прилаженною на длинной палкѣ сѣткою станутъ доставать, какъ изъ садка рыбу, броше-

ныя монеты, отчетливо видимыя въ свѣтлой, какъ хрусталь, родниковой водѣ.

Теперь толпы богомольцевъ все прибываютъ и длинными вереницами тянутся по всему обширному вполью и по низменности, усаженной на одномъ краю веселой березовой рощей, за которой открываются огромные луга, уставленные неисчислимымъ множествомъ стоговъ сѣна, стоящихъ группами и въ одиночку.

Луга оказались поемными: они привели къ широкой рѣкѣ, на берегу которой—часовня и перевозъ.

Думали, что за перевозъ надо платить: бывальцы сказали, что въ монастырь монахи перевозятъ даромъ. Думали, что часовню можно пройти мимо, съ легкой молитвой и попутнымъ крестомъ, оказалось, что и у этой часовни сборщики кланяются и разсказываютъ:

— На это мѣсто приходилъ угодникъ, когда еще не хотѣлъ объявляться міру и жилъ отшельникомъ въ полномъ уединеніи. Сюда почною порою выходилъ онъ изъ подземелья и приносилъ своего издѣлія лапотки, точеныя изъ осиноваго дерева деревянныя ложки и чашечки, вещуры изъ березовой коры: что́ все дѣлалъ своими ручками. Все это здѣсь выставлялъ онъ и покидалъ. Приходили благочестивые люди, брали вещи, оставляли кто что́ могъ: иные деньги, другіе изъ съѣстнаго, кто изъ одёжи. Ночью угодникъ собиралъ оставленное, а если и ничего не находилъ, то благодарилъ Бога за то, что сподобилъ его подѣлиться съ неимущимъ. Издѣліе его ручекъ хранятъ въ ризницѣ и выставляютъ на праздники для желающихъ ко святымъ вещамъ приложиться. Покажутъ и вамъ.

По рѣкѣ ходилъ досчаникъ и плавали большія лодки на веслахъ: монастырь усердствовалъ богомольцамъ въ такой степени, что вызвалъ мимолетное замѣчаніе:

— Сколь трудятся, а все безвозмездно!

Монахи, гребя веслами и дружно налегая сильными руками и мощными грудями на весла, пѣли согласно, тихо и дружно: «Спаси, Господи, люди твоя». Берега рѣки при этомъ быстро сближались.

Въ нѣсколькихъ шагахъ отъ рѣчнаго берега—опять часовня, на этотъ разъ каменная:

— Подавать-то и здѣсь поди надо?—спрашивалъ робкій голосъ богомолки-бабы.

— По произволенію и усердію — отвѣчалъ богомолецъ въ подрясникѣ.

— А я, батюшка, по дорогѣ-то все ужь извела. Съ чѣмъ я и въ монастырь-отъ приду?

— А ты, тетенька, не сумлѣвайся: все, что́, позади оставила, въ одну кучу, сюда пойдетъ — отвѣчалъ ей «шустрой».

— Ты бы не торопилась: въ монастырѣ другіе сборы ждутъ. Мало несешь — не клади здѣсь: оставь — тамъ опять понадобится,— утѣшалъ ее третій товарищъ и спутникъ.

— Здѣсь, въ о́но время,—объяснялъ монахъ:—одинъ богомолецъ богородиченъ хлѣбецъ обронилъ. Далъ ему этотъ хлѣбецъ самъ преподобный. Бѣжала блудящая собака: восхотѣла тотъ благословенный хлѣбецъ поглотить. И исшелъ изъ земли огнь и попалилъ собаку. Оттого и часовня называется просфоро-чудовою, и то чудо на иконѣ преподобнаго изображено. Можете въ монастырѣ въ придѣлѣ преподобнаго видѣть на иконѣ его, и у насъ въ часовнѣ на стѣнѣ написано.

Подали богомольцы и здѣсь.

Монастырское преданіе ушло въ народъ съ тѣмъ назидательнымъ оттѣнкомъ, что, раздавая святые хлѣбы, угодникъ заботливо пекся о хлѣбородіи, — стало быть, подобаетъ сугубо молиться ему и о томъ.

— А такъ какъ (думалъ народъ) отъ хлѣбнаго урожая бываетъ домашнему скоту хорошо, то слѣдуетъ угоднику молиться и о томъ, чтобы уродились ягнята, и о избавленіи скота отъ падежа, и о сохраненіи его отъ снѣденія звѣрей, особенно осенью, на день преставленія святаго.

Тянулись богатые травяные луга, опять съ непочатыми остожьями еще прошлогодняго сѣна. Сильная трава обѣщала новый обильный сборъ, который кое-гдѣ уже и начался, обозначаясь сѣрыми съ прозеленью копенками, разбросанными кое-гдѣ и пока кое-ка́къ. Сотни стоговъ видны были богомольцамъ въ той и другой сторонѣ обширнаго, неоглядnаго поемнаго луга.

— Сѣна́ тысячами возовъ продаютъ — слышалось въ отвѣтъ на невольно срывавшіяся замѣчанія и изумленіе.

— При этомъ у нихъ лошадей, кажется, больше сотни, а овецъ и не счесть. Довольно сказать, что овчинъ не покупаютъ, да еще остается.

— Продаютъ.

— Рогатаго скота у нихъ столько же. Вонъ церковка-то бѣлѣется — тамъ скотный дворъ: сметану пахтаютъ, масло топятъ.

— Продаютъ.

— Рѣка-то рыбная: заборы ставятъ, неводомъ ѣздятъ. За большимъ монастыремъ озера есть: садки подѣланы. Ни рыбы, ни молока, ни яицъ не покупаютъ.

— Остатки продаютъ — слышался все тотъ же голосъ, начинавшій говорить уже завистливо и съ сердцовъ, но съ прежнею убѣдительностью и твердостію.

— Наградилъ Господь всякимъ изобиліемъ!

— У другого богача того нѣту.

— На нашу деревню хоть бы полъ-естолька: день бы и ночь Бога молили.

— Облопались бы!

— Эки угодья, эки богачества!

— Скоро ли, кормители, до угодника-то добредемъ: силушка покидаетъ вовсе,— опять ноютъ бабы.

— А ты потрудись! Вонъ, гляди теперь прямо-то.

Изъ-за осиновой рощи, такъ же чищеной, какъ и березовая, которыя — по завѣщанію основателя — не рубятъ безъ крайности, а отапливаютъ монастырь сучьями и валежникомъ, изъ-за всклоченой некрасивой осиновой рощи вырѣзалась высокая гора. На самой вершинѣ ея засверкали многочисленные кресты монастырскихъ церквей, которыхъ насчитали досужіе богомольцы семь. Между ними выдѣлились двѣ колокольни: одна высокая, другая широкая, въ четыре пролета. Обозначается главный, холодный соборъ во имя Спаса съ пятью главами, и преподобницкая церковь на четыре ската (шатровая), съ одной главой, покрашенной голубой краской съ золотыми звѣздами.

*

Неоглядная каменная бѣлая стѣна, замыкающая въ себя монастырскія зданія, тянется внизъ по склону горы, цѣпляясь по крутизнамъ и утопая въ зелени монастырской рощи по отлогости.

При видѣ всего разомъ открывшагося, въ поразительной красотѣ и неожиданности, вся масса богомольцевъ встала на колѣни и шептала молитвы. Слышались вздохи, оханья; мѣстами всхлипыванья, отрывочныя слова молитвъ съ упоминаніемъ имени угодника, Царицы Небесной Казанской, Тихвинской, Неопалимой Купины. Съ горы доносился неясный гулъ стоустой молвы.

По горѣ, въ разнообразныхъ направленіяхъ, тянулись густые ряды богомольцевъ, выступившихъ изъ подмонастырской слободы на дорогу въ обитель. Обозначились каменныя лавки вблизи монастырскихъ стѣнъ и въ самыхъ стѣнахъ; сѣрая шевелившаяся тамъ же масса народа, гудѣвшая на тысячу ладовъ, все сильнѣе и сильнѣе, по мѣрѣ приближенія къ ней. Тянулись приглядные дома монастырской слободы, разсыпавшейся подъ самой горой; мелькали — поразительно много и часто — вывѣски питейныхъ домовъ. Бѣлѣлась слободская церковь и опять часовни.

Потянулась березовая аллея. Стали попадаться встрѣчныя группы.

Въ одной слышится громкій, рѣзкій голосъ монаха, въ поучающемъ тонѣ обращенный къ богомольцу:

— По великому стеченію народному, благословлено на завтра четыре литургіи: двѣ раннихъ, одна средняя и поздняя въ соборѣ. Нынѣ два всенощныхъ бдѣнія: одно соборнымъ служеніемъ въ большомъ храмѣ, другое — для избранныхъ, по тѣснотѣ преподобницкой церкви, у мощей угодника.

— Владыко выходить будетъ ко всенощной въ большой соборъ. Литургію съ отцомъ архимандритомъ и съ благочиннымъ самъ совершать будетъ въ большомъ же соборѣ — отвѣчалъ монахъ на вопросъ спутника своего.

Говорилъ онъ съ тѣмъ рѣзкимъ выговоромъ, который характеренъ въ духовенствѣ великорусскихъ губерній, какъ вѣроятный остатокъ подражанія высшимъ іерархическимъ лицамъ, не такъ еще давно и въ большинствѣ уроженцамъ Малороссіи и воспитанникамъ кіевской академіи.

Надвигались новыя встрѣчныя группы съ новыми разговорами:

— Нынѣ, ради благообразія и благочинія, не благословлено разбивать питейныя палатки на ярмарочной площадкѣ: отведены мѣста къ рѣкѣ. Прежнія мѣста сданы [illegible]линщикамъ.

— Указъ о томъ изъ консисторіи вышелъ — баснлъ въ отвѣтъ молодой послушникъ въ колпачкѣ и подрясникѣ, подпоясанномъ широкимъ кожанымъ ремнемъ съ желѣзной бляхой.

Толпы до того загустѣли, что движеніе впередъ новыхъ сильно затруднялось. Проѣзжая дорога превратилась въ пѣшеходную — и это не помогло. Встрѣчныя телеги и возы двигались взадъ и впередъ, повидимому, безъ всякой надобности. Крики «поберегись!» сливались съ лошадинымъ ржаньемъ. Подъ ногами то и дѣло шныряли жеребята-стригунцы, увязавшіеся за матерями въ поповскихъ и крестьянскихъ телегахъ.

Въ одномъ мѣстѣ скрипѣли уже старческими голосами слѣпцы-странники, уставившись надъ деревянными чашечками. Дѣвки и бабы въ красныхъ ситцахъ то и дѣло подвертывались подъ оглобли проѣзжей телеги, и неистово взвизгивали, и отругивались.

Подъ монастырскими стѣнами хаосъ былъ непроглядный. По огромному широкому монастырскому нагорью народъ поднималъ гомонъ и колыхался волнами, какъ вздутое вѣтрами море.

Купцы развязывали возы и раскладывали товары; нѣкоторые успѣли уже подвѣсить и низко приспустить съ крыши лавокъ красные полинялые лоскутья кумача, въ ознаменованіе продажи здѣсь краснаго товара. Шла у нихъ перебранка съ своими приказчиками и сосѣдями. Кое гдѣ возились еще съ досками, немилосердно стукая обухами топоровъ и молотами.

Сновали одиночками и, стоя артелями, клапялись и вытягивали просьбы жалобными голосами разные роды нищей братіи.

Носили икону, грубо требуя посторониться. Везли на тележкахъ калѣкъ безногихъ и со сведеными руками, безъ посовъ, безъ ушей и безъ шапокъ.

Послѣ многихъ усилій, толчковъ, пинковъ и ругательствъ, съ трудомъ удавалось достичь до святыхъ врать, ведущихъ на монастырскій дворъ, замѣтить передъ вратами двѣ часовни: одну на-

право, другую налѣво. Удалось видѣть въ самыхъ воротахъ двѣ лавки съ литографическими видами монастыря, съ деревянными и металлическими крестиками монашескаго издѣлія, съ чотками и поминальными книжками, съ фотографическими карточками архіерея и архимандрита, съ бумажными и на деревѣ иконами преподобнаго соорудителя обители.

Граматные могли разглядѣть и прочесть надъ входными воротами начертанную крупными славянскими буквами подъ Всевидящимъ Окомъ надпись: «Се врата Господня — праведніи внидутъ въ онь».

III.

Смолкалъ народъ, выходя изъ воротъ на монастырскую площадку, уложенную плитами. Черезъ толстыя стѣны базарный говоръ не проникалъ, и, при этомъ быстромъ переходѣ и рѣзкомъ несходствѣ, ярко высказывались благоговѣйная тишина и привычное разсчитанное уваженіе къ святому мѣсту.

Приготовленіе и расположеніе къ молитвѣ были слишкомъ очевидны и понятны: собрались всѣ слѣпо и беззавѣтно вѣрующіе, угнетенные и несчастные, бѣдные и скорбные, желающіе успокоить душу и помолиться. Не только не лишними, но и очень кстати были тутъ, у самыхъ святыхъ воротъ, на углу, сидячіе слѣпцы, воспѣвающіе о бренности житія и о трудности благочестивыхъ подвиговъ —слѣпцы, откупившіе себѣ это бойкое мѣсто у монастырскихъ властей цѣлой артелью за двадцатирублевый вкладъ, и другіе, сидящіе у самой паперти, заплатившіе еще дороже.

Группы ранѣе забравшихся богомольцевъ ходили по отпертымъ церквамъ, разглядывая иконы въ иконостасахъ, и густой толпой, безконечно длиннымъ хвостомъ тянулись къ серебряной ракѣ угодника, подлѣ которой стоящій на возвышеніи «гробовой» монахъ неустанно поднималъ правую руку и истово большимъ крестомъ благо-

словлялъ каждаго приподнявшаго голову поклонника. Другой безпрестанно доставалъ чайной ложечкой масло изъ горѣвшихъ передъ ракою лампадъ и, черезъ маленькую воронку, лилъ его въ стеклянные пузырьки, которые передавали черезъ головы и плечи богомольцы, торопясь опередить и предупредить другъ друга. Иные шопотомъ перебранивались; а смирныхъ бабъ толкали подъ бока и отпихивали. Попискивали грудные ребята, которымъ матери торопились влить въ ротъ священнаго масла или помазать имъ глаза и уши.

Многіе изъ богомольцевъ обступили соборныя стѣны, вглядываясь въ стѣнное писаніе, изображавшее вселенскіе соборы, и гуще толпились тамъ, гдѣ большая и высокая фигура Арія стояла передъ Николаемъ-чудотворцемъ съ приподнятою десницею. Другіе группировались на монастырскихъ росписныхъ крытыхъ переходахъ и папертяхъ, разсматривая хожденія души по мытарствамъ. Одинъ читалъ не бойко, по складамъ, рѣдко попадая въ смыслъ, возвращался назадъ, неправильно произносилъ слова́ и рѣченія, безпрестанно и заурядъ ошибался въ постановкѣ ударенiй. Другіе благоговѣйно слушали, временами крестились и глубоко вздыхали.

Успѣвшіе насмотрѣться и наслушаться сидѣли по уголкамъ длинной паперти, и въ особенности у стѣнъ широкаго монастырскаго двора, и терпѣливо ожидали благовѣста: одни переобувались, смѣняя правый лапоть лѣвымъ; другіе обувались въ сапоги; третьи обертывали ноги въ новыя онучи.

Постукивая сапогами, хорошо подбитыми гвоздями, шатались взадъ и впередъ молодые послушники съ распущенными по плечамъ волосами: еще съ утра архимандричій келейникъ принесъ къ послушникамъ настоятельское благословеніе развязать косы, расчесать волоса, надѣть праздничные подрясники и подпоясаться кожаными поясами.

Поскрипывая смазными сапогами, время отъ времени переходили изъ келій въ церкви монахи, въ широкихъ клобукахъ и съ щеголеватыми чотками, нарочно заготовляемыми и сберегаемыми на праздничное людное и парадное время.

Торжественно выступалъ, медленно размахивая руками въ широкихъ рукавахъ, заѣзжій гость—протодьяконъ. Расправляя плечи

и выпячивая грудь, онъ басилъ товарищу иподьякону и временами густо и громко откашливался.

Бѣгали въ запуски «малые» архіерейскіе пѣвчіе, бросались снѣгомъ и камнями, послѣ чего одинъ дискантъ неудержимо завизжалъ. Большіе, собравшись въ кучку, разсказывали товарищу по семинаріи монаху, какъ городской соперникъ ихъ, содержатель вольной пѣвческой артели, отпѣлъ богатаго покойника, нарядивши пѣвчими факельщиковъ, когда большіе не пришли—и взялъ-таки четвертную бумажку.

Быстро семеня и дробя ногами, попарно прошли архимандричьи пѣвчіе въ казенныхъ шинелькахъ; они толкали другъ друга боками и плечами и шли въ сопровожденіи чинно и солидно выступавшихъ «большихъ», среди которыхъ выдался длинный-предлинный басъ и приземистая широкоплечая фигура октавы. Архіерейскіе городскіе пѣвчіе одѣты были въ подержаномъ и засаленномъ парадѣ — въ синихъ кафтанахъ съ золотыми галунами и перекинутыми черезъ плечи кистями, и въ широкихъ черныхъ поясахъ.

Глухо, но сильно ударилъ большой колоколъ и зазвучалъ серебрянымъ переливомъ его отголосокъ, словно шевелили въ то время огромной мѣшокъ съ серебромъ. Старинная колокольня толстыми стѣнами перехватила и задержала сильный вздохъ колокола, но сдѣлала его достаточно торжественнымъ и слышнымъ очень издалека.

Весь базарный народъ зашевелился переливною волной, скидалъ шапки и осѣнялъ себя крестнымъ знаменіемъ. Сидѣвшіе и переобувавшіеся быстро поднялись съ мѣстъ и тоже крестились.

Долго катилось, медленно ослабѣвая, колокольное эхо, пока повторился второй ударъ, сильно замедленный, по торжественному монастырскому обычаю.

Передъ третьимъ архіерейскіе басы успѣли перемолвиться съ товарищемъ.

— Благовѣстникъ-то у васъ зѣло лютъ: не хуже нашего.

— Почемъ платили?—спрашивалъ другой.

— Тысяча пудовъ.

— Борисовичъ?

— Борисъ Годуновъ прислалъ вкладомъ. Прописано это по колоколу-то. Да нынѣ не всякій можетъ прочесть эти слова: писаны старинною вязью.

— Поберегасте?—басилъ первый, хвастливо и искуственно напрягая голосъ на низкіе басовые тоны.

—Только въ самые большіе праздники клеплемъ. Похрипывать стало что-то.

—Надсадили.

—И мѣдь звѣнящая, что гласъ человѣческій.

Колоколъ ударилъ въ третій разъ и заглушилъ рѣчь.

Послѣ третьяго удара, опять замолчалъ онъ на нѣкоторое время.

— На мѣсто этого полагается другой въ 600 пудовъ: теперь въ полиелейныхъ, а по воскресеньямъ весь годъ оретъ большакомъ и ворчитъ чудесно,—слышно договаривалъ монахъ.

— Привезли его къ намъ въ о́но время неизвѣстные люди ночью; свалили у стѣны, такъ что никто и не слыхалъ, и уѣхали. Кто вкладъ дѣлалъ—осталось...

Желаемое слово монахъ сказалъ уже про себя въ то время, когда никто его разслышать не могъ: начался благовѣстъ.

Колоколъ гудѣлъ такъ, что вблизи, подъ колокольней, можно было чутко различать крѣпкій стукъ большого теленія въ толстые и звонкіе края «борисыча». Звонари чувствовали, ка́къ ходенемъ ходила колокольня, потрясаясь отъ учащенныхъ и сильныхъ ударовъ двухъ человѣкъ разомъ. На колокольню, по обыкновенію, набилось много народу, преимущественно ребятъ: «малые» архіерейскіе пѣвчіе были всѣ тутъ на лицо. Они дрались и бранились съ чужими.

Гулко гудѣлъ колоколъ, и далеко разносилъ благовѣстъ по монастырской долинѣ и полямъ. Верстахъ въ 10—15 поднималъ онъ стариковъ съ печи для крестнаго осѣненія и молитвы и срывалъ у проѣзжающаго черезъ ту деревню почтоваго ямщика замѣчаніе, обращенное къ почтальону:

— Въ монастырѣ ударили. Завтра у нихъ—большой-разбольшой праздникъ. А ярмарка такая, что нѣтъ ея веселѣй. Вотъ какъ бы

не жизнь эта почтовая каторжная, сходилъ бы туда погулять. Несчастный я человѣкъ на семъ свѣтѣ!

Счастливые люди, добравшіеся до манастырскихъ церквей, видѣли, какъ, опираясь на палку, со смиренно-задумчивымъ видомъ, прошелъ въ соборъ архимандритъ, противъ своего обыкновенія, въ алтарныя двери, а не въ западныя, гдѣ прежде приготовлялась ему встрѣча и гдѣ онъ, по архіерейски, облачался въ мантію со скрижалями и входилъ съ пѣніемъ «Достойно». Видѣвшій все это богомолъ, обгонявшій по дорогѣ странниковъ, насмѣшливо улыбнулся. Не скрыли улыбки и «большіе» архіерейскіе пѣвчіе, которые поспѣшили занять правый клиросъ.

Благовѣстъ долго не прекращался. Оглушалъ онъ и разсыпался по горамъ и окрестностямъ, по малому счету, полчаса времени, пока не показалась на парадномъ крыльцѣ келій сѣдая постная фигура въ черномъ клобукѣ, но свѣтлой рясѣ, поддерживаемая подъ руки съ обѣихъ сторонъ дюжими молодцами. Начался звонъ «во вся», во всѣ колокола, сколько ни было ихъ на длинной, въ четыре отдѣленія, колокольнѣ. Начался тотъ звонъ, въ которомъ мелкіе колокола не попадаютъ подъ тонъ и въ тактъ съ большими и выходитъ нескладица и неурядица, имѣющая, впрочемъ, извѣстную оригинальность такъ-называемаго «ивановскаго» (московскаго) звона, въ отличіе отъ согласнаго, очень поразительнаго и пріятнаго «ростовскаго» звона.

Началось всенощная—торжественная, трехъчасовая монастырская—самая любимая русскимъ народомъ церковная служба, а на Вербное Воскресенье, Рождество Христово, св. Пасху и Воздвиженье ни съ чѣмъ несравнимая. Утреня, какъ молебствіе съ восхваленіями Божіихъ дѣяній, исполненная разнообразными молитвенными возглашеніями, совершенно понятна самому простому уму, и потому въ особенности охотно посѣщается.

IV.

Когда знакомый намъ богомолъ вступилъ на святое крыльцо, паперть и соборная церковь были набиты биткомъ: народъ стоялъ непробивной стѣной, которая только изрѣдка колебалась. При этомъ, крайніе съ трудомъ устраивали на ногахъ.

Колебалась народная масса отъ того, что въ то время происходило кажденіе церкви. Рослый дьяконъ съ длиннѣйшей свѣчой въ рукахъ, намѣренно, въ общее удовольствіе, щеголялъ «посадкой и выходкой» и прокладывалъ путь. Богомольцы готовно и благоговѣйно уступали мѣсто и, кланяясь, оставляли для прохода дорогу, которая тотчасъ же и замыкалась, когда іеромонахъ съ кадиломъ, въ клобукѣ и ризѣ, прослѣдывалъ за дьякономъ, поторапливаясь кадить и кланяться и путался на ускоренномъ ходу въ длинныхъ полахъ своего подрясника.

Казалось, не было никакой возможности пробить народную стѣну и пробраться впередъ. Однако, опытные пріемы брали свое. Втирая свое сухое правое плечо въ промежутки чужихъ, рядомъ стоящихъ, опытный богомолъ завоевывалъ на вершокъ мѣста. Приспуская лѣвое, онъ нагибался и, быстро выпрямляясь, протискивался весь уже на цѣлую четверть аршина, съ тѣмъ искуствомъ и ловкостью, которая оставляла его безъ упрековъ заднихъ и противодѣйствія переднихъ.

То и другое началось только тогда, какъ онъ, обольщенный и обнадеженный побѣдой, злоупотребилъ локтями и началъ поторапливаться къ западнымъ дверямъ. Для того онъ усердно втискивался и потряхивалъ при этомъ головой съ длинными волосами. Не спасли и они.

Въ Божьемъ храмѣ всякій чувствуетъ себя равнымъ всѣмъ и на своемъ мѣстѣ, которое отнять никто не вправѣ и не въ силѣ. Неравенство остается лишь за тѣми, кто пришелъ позже, а стало-быть,

обязанъ непремѣнно оставаться назади. Пришедшіе раньше и завоевавшіе, и выстоявшіе себѣ, несмотря на множество препятствій по распоряженіямъ клириковъ, переднее и удобное мѣсто, понятнымъ образомъ ревнивы къ нему, раздражительны на толчки и бранчивы на поползновенія запоздалыхъ и задпихъ.

— Приходилъ бы раньше, стоялъ бы у самаго иконостаса съ пѣвчими.

— Здѣсь мѣста непокупныя. Здѣсь всѣ равны, будь ты хоть самъ губернаторъ.

— Не торгуйся пожалуйста.

— Я самъ тебя такъ двину, что не вздохнешь и дома не скажешься!

Вотъ тѣ, всегда неизбѣжныя замѣчанія и восклицанія, которыя обязательны во всякой церковной тѣснотѣ и которыя, конечно, всякій слыхалъ.

Стройными переливами, съ передачею стиховъ съ одного клироса на другой, разносился по церкви умилительный псаломъ «Благослови, душе моя, Господа».

Внезапно наступившая, по его окончаніи тишина произвела на всѣхъ надлежащее впечатлѣніе, особенно внушительное, когда среди ея раздался звонкій серебристый басъ дьякона, помѣстившагося на высокомъ амвонѣ и говорившаго рѣчисто и истово прошенія сугубой эктеніи.

Въ это время, богомолъ былъ уже побѣдителемъ и, стоя въ самыхъ входныхъ дверяхъ, слегка усмѣхался счастливой улыбкой.

Теперь онъ достигъ цѣли. Теперь онъ можетъ услышать: будутъ ли пѣть «аллилуйя» на двѣ эктеніи, или прямо запоютъ «блаженъ мужъ», и можетъ увидѣть: сойдутся ли «на Господи воззвахъ» для «богородична», на «слава и нынѣ» оба пѣвческихъ хора вмѣстѣ, на солеѣ противъ царскихъ дверей, или городскіе пѣвчіе не позволятъ себѣ смѣшаться съ монастырскими, гдѣ въ басахъ ни одного дьякона, а въ городскихъ всѣ басы—дьяконскаго чина и даже одинъ теноръ—дьяконъ.

Осматривая опытными глазами поле битвы, богомолъ разсчетливо

не покидалъ мѣста и добраго настроенія духа, ласково отвѣтивъ на вопросъ соскучившагося сосѣда:

— Будетъ ли владыка, и что онъ не выходитъ?

— Выйдетъ на литію, сюда къ намъ, въ притворъ: приготовьтесь.

И на вопросъ старухи:

— Который, батюшка, владыко-то: золотыхъ-то шапокъ двѣ вижу?

Отвѣчалъ:

— Средній: выше всѣхъ стоитъ!—и успокоился на отвѣтѣ интересовавшему его вопросу о томъ: въ омофорѣ выйдетъ на литію архіерей, или просто въ мантіи.

— Просвѣти міръ твой милостью и щедротами, возвесели родъ православныхъ!—громко и рѣчисто продолжалъ возглашать протодьяковъ въ тяжеломъ зеленаго бархата стихарѣ, украшенномъ золотыми крестами съ вышитымъ по спинѣ золотомъ именемъ «апостолъ». Онъ стоялъ передъ соборомъ монаховъ въ длинныхъ мантіяхъ, очень ловко ими оправленныхъ, и впереди высокой свѣчи, на высокомъ стоячемъ подсвѣчникѣ.

Сіяло лицо богомола, чутко прислушивавшагося къ раскатистымъ тонамъ свѣтлаго и чистаго голоса дьякона и искренно наслаждавшагося его вибраціями. Онѣ гулко отзывались подъ старинными росписными сводами древняго собора и уносились эхомъ въ высокой куполъ, гдѣ, въ полусвѣтѣ, видѣлся образъ творящаго міръ съ благословляющею рукою Господа Саваофа.

Во всемъ храмѣ царствовала невозмутимая тишина, среди которой ощутителенъ и досаденъ казался всякій откровенный вздохъ, всякій взрывъ долго сдерживаемаго кашля. Вниманіе и умиленіе было всеобщее и на столько примѣтное, что впечатлѣніе, видимо, передалось протодьякону и народный восторгъ перешелъ на него: онъ, не смотря на усвоенную привычку и пріобрѣтенное равнодушіе, на этотъ разъ, казалось, хотѣлъ превзойти себя. Онъ отчеканивалъ слова съ рѣзкими звуками и упадалъ на тѣ, гдѣ могъ давать свободу голосу и вызывать громкіе отголоски и перекаты, особенно любимые народомъ.

Выработанный голосъ, называемый толстымъ, умиляетъ и освѣжаетъ

на молитвѣ не менѣе, какъ всякій обрядъ, выходящій изъ обычнаго и привычнаго церковнаго порядка службы, въ родѣ литіи, благословенія хлѣбовъ, величанія посреди храма, и проч.

Когда владыка дрожащимъ старческимъ голосомъ читалъ молитву о благословеніи хлѣбовъ, пшеницы, вина и елея, въ церкви сдѣлалось такъ тихо, что чутко можно было слышать, какъ чирикали надъ карнизами купола свившія тамъ себѣ гнѣзда неизбѣжные церковные гости и жильцы—ласточки.

Богомолъ, въ это время, былъ уже въ серединѣ церкви, благодаря той ловкости и находчивости, а также своему полумонашескому костюму, съ какими онъ во-время успѣлъ ухватить конецъ ковра и, вмѣстѣ съ послушниками и въ видѣ ихъ помощника, закатывать его изъ притвора къ архіерейскому амвону. Хитрость удалась: онъ былъ уже далеко впереди.

На новомъ мѣстѣ его сначала занимало чтеніе громкимъ тенóромъ шестопсалмія, когда по церкви снова пошла волна, стукотня, писки и вскрики отъ схлынувшаго на корридоры и паперть соскучившагося и уставшаго народа, измученнаго невыносимой духотой и жарой.

Всѣ утирались отъ горячаго пота. У рѣдкаго не стрѣляло отъ ѣдкой боли въ спину около шеи. На всѣхъ лицахъ изображалось унылое выраженіе отъ усталости.

— А ну ка́къ «сѣдальны» начнутъ по аѳонскому чину?—подумалось богомолу, при воспоминаніи о продолжительности чтенія этихъ духовныхъ стиховъ, при которыхъ дозволяется всѣмъ сидѣть, но дѣлать это можно однимъ только монахамъ на клиросныхъ прилавкахъ.

Испугавшись грѣховной мысли, онъ началъ усердно, и скоро, и много креститься и низко кланяться.

Въ церкви потушены были свѣчи. Остались только тѣ, которыя свѣтились у мѣстныхъ иконъ. Ниспускалась даже лампада, висѣвшая надъ царскими дверями, чтобы было читать посвѣтлѣе выходившему изъ алтаря монаху въ эпитрахили и съ книгой.

Только изъ предѣла преподобныхъ, сквозь сводистыя двери, выливался столбъ яркаго бѣлесоватаго свѣта отъ десятковъ лампадъ

и сотенъ свѣчей, поставленныхъ богомольцами. Крутой переходъ отъ громкаго пѣнія къ той тишинѣ, среди которой раздавался одинокій за всѣхъ голосъ—былъ на этотъ разъ въ особенности поразителенъ и торжественъ.

Среди полумрака и установившагося молчанія, этотъ голосъ говорилъ всѣмъ понятно и внушительно:

— Господи, передъ тобою всѣ желанія моя и воздыханія моя отъ тебе не утаятся.

— Сей нищій воззва и услышитъ ихъ Господь, и отъ всѣхъ скорбей ихъ избавитъ ихъ—продолжалъ голосъ, попадая въ желанія молящагося народа, видимо сосредочившаго все свое вниманіе на вылетавшія изъ средины храма слова:

— Нѣсть мира въ костѣхъ моихъ!

— Изнемогохъ и слякохся до конца!

— Весь день, сѣтуя, хождахъ!

— Тебѣ, единому, согрѣшихъ!—говорилъ за всѣхъ этотъ одинокій и смѣлый голосъ.

Наблюдавшій сверху могъ бы видѣть, какъ ловятъ богомольцы въ шести псалмахъ слова и подходящіе къ настроенію духа стихи и изреченія, какъ при этомъ учащенно и искренно молятся и ходитъ волна по густо сплотившемуся и тѣснящемуся къ серединѣ храма народу.

Могъ бы видѣть этотъ наблюдатель вопросительное выраженіе лицъ на тѣхъ стихахъ, смыслъ которыхъ утратился для современнаго разумѣнія и сталъ русскимъ людямъ непонятенъ. Могъ бы замѣтить онъ общій недоумѣвающій взглядъ, когда чтецъ отчеканилъ громко:

— На мя велерѣчивоша.

— Что́ онъ сказалъ?

— Слушай дальше: молись!

— Нѣсть исцѣленія въ плоти моей—раздавалось съ однаго пункта, и слѣдовали въ отвѣтъ учащенные поклоны и вздохи со всѣхъ другихъ сторонъ.

Могъ бы замѣтить этотъ наблюдатель, сколько равнодушія выра-

жало во все это время лицо богомола, сколько тоски и скуки изображалось на немъ, пока читали и пѣли затѣмъ эктеніи и сѣдальны.

Но ка́къ зато весело забѣгали его глаза и освѣтилось все блѣдное и изможденное лицо, когда съ обѣихъ сторонъ иконостаса зашевелились надъ головами молельщиковъ длинныя палки съ искривленными желтыми свѣчами, зажигавшими всѣ другія мѣстныя свѣчи и тѣ, которыя густо унизывали огромное паникадило, съ ниспускавшимся стекляннымъ шаромъ и шелковой кистью. Сюда давно уже направлялись праздныя глаза многихъ, силясь разсмотрѣть въ стекляномъ шару разнообразныя украшенія: въ видѣ свѣчей, престола, креста и т. п.

Освѣтилась церковь яркими огнями, главнымъ образомъ, сосредоточенными на сторонѣ алтаря, и еще болѣе яркій свѣтъ вылился изъ открытыхъ дверей алтаря: выходили на середину храма во всемъ разнообразіи цвѣтовъ ризъ и стихарей, лицъ и бородъ, цвѣта волосъ и грудныхъ украшеній, въ сопровожденіи архіерея, всѣ монастырскія власти на «величанье».

Въ вынесенномъ изъ алтаря свѣтѣ, въ клубахъ росного ладона, началось чествованіе и прославленіе угодника и почитаніе его святой памяти.

Торжественный звонъ всѣхъ монастырскихъ колоколовъ гармонически сливался съ торжественнымъ пѣніемъ служащаго духовенства и хоровъ. Наступили тѣ моменты всенощнаго богослуженія, которые наиболѣе умилительны, возбуждаютъ праздничное настроеніе, оживляютъ и вдохновляютъ всѣ лица.

На это время пришли въ церковь и тѣ, которые выходили вонъ отдохнуть и освѣжиться вечернимъ воздухомъ, когда замѣтно спала жара и солнце уже отливало багровыми и косыми лучами.

Религіозное тихое настроеніе молящихся не ослабѣвало, ничѣмъ не смущаясь, но постепенно и мирно возрастало до того момента, когда умолкъ звонъ. Все стихло и замерло въ церкви, и старичекъ-архіерей снова старался возносить свой слабый голосъ, читая соотвѣтствующее евангеліе: — Пріидите ко мнѣ вси труждающіися и обремененніи, и азъ упокою вы. Иго бо мое благо и бремя мое легко

есть! — заканчивалъ гармонически дрожащій старческій голосъ, перехваченный сильными молодыми голосами праваго хора.

Богомола занимало и безпокоило теперь лишь только то, чтобы поспѣть принять помазаніе масломъ изъ рукъ самаго архіерея прежде, чѣмъ онъ успѣетъ передать кисточку архимандриту.

— Да и передастъ ли?—Можетъ, всѣхъ самъ будетъ мазать.

Интересовало его потомъ протодьяконское «Спаси, Господи, люди Твоя» и удовлетворило: «силою креста» сдѣлалъ онъ высокимъ тономъ, самымъ блестящимъ образомъ. Подымался ровно, не забивалъ слоговъ, не срывался голосомъ, ни разу и ни однимъ тономъ не сфальшивилъ. Все бралъ твердо и на всѣхъ словахъ прошелъ голосомъ ясно, съ серебрянымъ отливомъ — ни одного звука не было сиплаго.

— Теперь—вопросъ: какъ будутъ пѣть ирмосы? На которомъ клиросѣ преподобному и на которомъ гласовые по октоиху?

Опять гасили свѣчи, мало по малу наводя темноту, своеобразно дѣйствующую и разсчитанно производящую особое впечатлѣніе на молящихся.

Опять общее умиленіе при пѣніи вмѣстѣ обоими хорами Бортнянскаго «Слава въ вышнихъ Богу» посреди церкви, на возвышеніи, въ эффектной темнотѣ, оживленной только свѣтомъ изъ алтаря, черезъ открытыя царскія двери и сквозь полукруглый подъ сводами проходъ въ предѣлъ угодниковъ. Темнота еще эффектнѣе усиливалась старинными тяжолыми сводами собора, слабо освѣщеннаго черезъ узкія и длинныя стрѣльчатыя окна вечернимъ свѣтомъ догоравшаго лѣтняго дня.

Вновь гасились остальныя свѣчи; ширкала на визгливомъ блокѣ лампада сверху отъ образа «Тайной Вечери» надъ царскими дверями. Слышался запахъ отъ свѣчнаго смрада. Слышались взвизги другихъ висячихъ лампадокъ.

Оставалось для богомола еще одно наблюденіе—и уже послѣднее:

Монахъ, дававшій отпустъ, смиренно наклонивъ голову въ сторону молящихся и, прося у нихъ благословенія и прощенія, имѣлъ на шеѣ магистерскій крестъ:

— Должно быть, въ архіереи метитъ. Для того и уединился сюда, чтобы замѣтили, и смиренствуетъ, значитъ, къ тому сану гото-

вится!—подумалъ онъ въ то время, когда народъ клалъ поклоны и крестныя знаменія.

Народъ въ это время поторапливался вдосталь и окончательно намолиться, а потому и начался слышный стукотокъ въ грудь и тотъ шумъ, который предшествуетъ выходу изъ церкви.

Снова заколыхался народъ. Сильными волнами протискивался онъ въ выходныя двери, которыя, конечно, не догадались отворить на обѣ половинки и, по обыкновенію, этимъ очень стѣснили всѣхъ молившихся.

V.

Монастырскій дворъ снова сталъ мѣстомъ отдохновенія, а на этотъ разъ —и ночлега.

Въ то время, когда монастырскія гостинницы наполнялись достаточнымъ людомъ, изъ котораго догадливые и опытные обсыпались персидскимъ порошкомъ, а другіе прилаживали складныя желѣзныя кровати — сѣрый народъ подкладывалъ подъ головы котомки, кирпичи и полѣнья, и располагался привычнымъ дѣломъ на жесткихъ плитахъ. Болѣе богомольные и усердные прилаживались подлѣ самыхъ церковныхъ стѣнъ; ближніе и знакомые помѣщались на папертяхъ и монастырскихъ переходахъ или тамъ же, гдѣ стояли и гдѣ имъ вздумалось лечь. Иные какъ легли, такъ и заснули до перваго удара колокола къ ранней обѣднѣ. Живыя тѣла также обложили кругомъ наружныя монастырскія стѣны по всѣмъ лужайкамъ, рвамъ и ямамъ.

Всѣхъ оковалъ крѣпкій и беззаботный сонъ среди полной безопасности въ томъ отношеніи, что никто не боялся ни за кошель, ни за кошовки и мѣшки: ни одна преступная рука на эти случаи не покушается. Всякій, на слѣдующее утро, проснулся съ тѣмъ же, съ чѣмъ и пришелъ и заснулъ, безъ ущерба и потерь.

Монастырскія ворота были заперты, но народный говоръ еще

нѣкоторое время раздавался въ монастырскихъ стѣнахъ, гдѣ, по временамъ, вторили ему удары башенныхъ часовъ, отбивавшихъ минуты и разыгрывавшихъ четверти, часы и получасы.

— Крещатыя-то ризы старинныя — толковалъ богомолъ сосѣду-купцу, остановившему на себѣ его вниманіе наибольшимъ количествомъ вздоховъ и наибольшимъ умиленіемъ, отразившимся на лицѣ. —Теперь перестали уже разбирать, что крещатыя ризы не всякому давались, а кого въ Царѣградѣ благословятъ. Было ли здѣсь благословлено это?

— Ризница у нихъ сильная (вторилъ купецъ, стараясь попадать въ тонъ разговора):— разъ я на Пасху къ нимъ угодилъ, такъ на всѣ девять пѣсней была особая перемѣна ризъ. Видѣлъ золотныя и бархатныя, а однѣ, сказывали, такія тяжелыя, что кади да поторапливайся, откадилъ—и снимай поскорѣй.

— А можете вы отличить заказныя ризы отъ тѣхъ, которыя шьются изъ надгробныхъ погребальныхъ покрововъ?— Я могу.

Купецъ повернулъ разговоръ въ другую сторону.

Онъ разсказывалъ:

—Въ нашихъ мѣстахъ колоколъ лили. Пришелъ нѣкоторый благочестивый человѣкъ, а за нимъ принесли четыре корзины. Онъ взялъ да въ печь-ту, гдѣ плавилась мѣдь, и высыпалъ: все серебро разное, ложки, тарелки, были и деньги, старинные цалковые.

— У насъ (присталъ проходившій третій) такое-то колоколо на колокольну вздымали, а оно не пошло.

— Застрялъ, что-ли? Канаты захлеснуло?

— Самъ не похотѣлъ идти: отошелъ отъ земли маленько и задумался. Виситъ эдакъ на-кось, а пейдетъ. Надо быть въ толпѣ увидалъ грѣшныхъ людей. Въ нашихъ мѣстахъ снохачей больно много.

— Старики это (объяснялъ онъ на вопросъ). Уйдутъ сыновья-то въ Питеръ, а они давай жить съ женами ихъ: со снохами значитъ.

— Не къ мѣсту бы разговоръ этотъ, внушалъ богомолъ.—Я вотъ про колокола-то тоже думалъ: пѣтъ лучше звону ростовскаго! Тамъ колокольня такая же, а играютъ согласнѣе: ноты придуманы, по нотамъ тамъ звонятъ.

— Слыхали мы. Изъ Москвы купецъ ѣздилъ послушать, да на

буднее время угодилъ: что́ дѣлать? Далъ пятьсотъ рублей — сдѣлали ему.

— Ростовскихъ звонарей въ Питеръ возили, на Исакій подымали, къ тамошнимъ колоколамъ пробовали приладить—отказались.

— Что́ такъ?

— Неспособно тѣмъ, что колокола не такъ прилажены; на разныхъ башняхъ: имъ другъ друга не видно и слышать не возможно. Не уснаровить. Наградили этихъ звонарей, дали имъ, слышь, по тысячѣ рублей, и вернули назадъ.

— Малиновой звонъ въ Ростовѣ—что́ говоритъ! Какое угодно каменное сердце растопитъ!—хвалилъ богомолъ, которому здѣшній звонъ не понравился.

— Вы, почтеннѣйшій человѣкъ, видать, много походили, многое видывали. Этимъ занимаетесь, что́ ли?

— Такой я обѣдъ на себя принялъ.

— Очень похвально и очень это любопытно, надо говорить правду. Завидное дѣло!

— Труденъ подвигъ, а Богу угоденъ.

— Не всякій его перенесетъ. И все, судырь мой, пѣшкомъ?

— Не дозволяю себѣ иныхъ уклоненій.

— А я васъ давича за монашка принялъ. Такъ, судырь мой! Теперь въ которомъ же вы монастырѣ побывали?

— Такой вы молодой человѣкъ, а сколько обошли!—продолжалъ толковать купецъ на отвѣтъ, неохотливыми рѣчами, часто позевывая и всякій разъ крестя ротъ.

— Вамъ бы къ какому монастырю пристать теперь.

— Паломничествомъ однимъ святые отцы благоугождали Богу и снискивали душѣ спасеніе.

— Ну, да, можетъ, который монастырь вамъ и приглянется. Въ нашихъ мѣстахъ есть одинъ такой монастырекъ—въ самой-то вотъ въ лѣсной трещѣ: только зимой и можно доѣхать. Вотъ-чай, тамъ-то какіе святые отцы живутъ?! Грѣшить-то я боюсь, а мнѣ эти большіе монастыри, гдѣ богомолокъ людно, сомнительны, милостивый государь,—продолжалъ толковать купецъ, ложась на монастырскую кровать въ гостинницѣ и пригласивъ богомола съ собою въ номеръ.

— Надо къ ранней сбѣгать, да и за позднюю угодить; отстою вечерню — назадъ домой поѣду, — договаривалъ онъ, укутываясь въ халатъ, который успѣлъ на дорогу захватить съ собою.

— Вы мнѣ завтра про странствія ваши поразскажите, я слушать люблю. Я вамъ очень благодаренъ буду за то. Ежели что́ тебѣ и изъ денегъ понадобится — мы не постоимъ, — толковалъ онъ, смеживъ глаза и приготовляясь заснуть.

— «А я для такой-то цѣли и познакомился съ тобой», продумалъ въ отвѣтъ странникъ, располагаясь на диванѣ въ томъ же, въ чемъ пришелъ, и снявъ только одни сапоги. Подъ голову себѣ подложилъ онъ колпачекъ, котомку и свертокъ.

— Простите-тко, Христа-ради! Спокойной ночи! — окончательно вздыхалъ купецъ и — заснулъ.

Заснули не всѣ: на монастырскомъ дворѣ шли еще кое-гдѣ свои разговоры.

— Ну, мать, какой онъ толстой! вырывалось изъ одной кучки. — Дьяконъ онъ, что́ ли, будетъ — назвать-то незнаю ка́къ.

— Батюшки! святое-то масло я въ пузыречкѣ-то раздавила: что́ мнѣ за это будетъ?

— А ты попу на духу спокайся: онъ тебѣ скажетъ, что́ дѣлать. Можетъ, холстъ велитъ соткать, либо молитвы земныя наложитъ, сколько тамъ ихъ въ правилѣ указано, либо что́....

— Да ужь не постояла бы ни зачѣмъ, только бы...

— А я во святомъ-то озерѣ передъ всенощной успѣлъ искупаться — сколь хорошо! — говорилъ въ другомъ углу громкій, молодой голосъ, и крикливо зѣвнулъ.

— Для святости велятъ это всѣмъ дѣлать, — лѣниво и неохотно отвѣчалъ ему товарищъ.

— Я отъ святаго-то гроба вереточикъ откусила, — слышался второй женскій голосъ.

— Зубы болятъ?

— Да у насъ во всей деревнѣ ни у одного здороваго зуба нѣту. Я про всю деревню откусила: сама подержу и другимъ стану давать класть на больные зубы.

— А не замѣтили тебя?

— Монашекъ въ горбъ далъ-таки: увидѣлъ.

— А не отнялъ?

— Да я скоро въ толпу-ту затерлась. Только и спросили: за что́-молъ, онъ это тебя?—Я не призналась.

— Вѣдь за это, дура, деньги платятъ.

— А гдѣ я ихъ возьму?

— Укради!

— Ну, что́ ты, дурашная, безъ пути-то врешь?

На новомъ мѣстѣ другіе разговоры:

— Пареміи-то монахъ читалъ: осѣчки дѣлалъ, и довольно-таки наворотилъ ихъ.

— Не всякому тоже дается, а у кого какой талантъ. Большой тутъ талантъ нужно: попробуйте-ко вы пареміи-то въ великую суботу: ихъ тамъ сколько?!

— А въ нашихъ мѣстахъ водился такой доточникъ — не нарадуешься бывало.

— Нынѣче такіе мастера выводиться стали. И пѣніе-то ка́къ-то по другому пошло—торопкомъ.

— Хорошъ ужь больно протодьяконъ-отъ!

— На низахъ жидковатъ!

— Не скажите! По «предстательству-то честныхъ небесныхъ силъ безплотныхъ» ка́къ великолѣпно прошелъ: замѣтили?

— Однако, на «благослови достояніе» засѣло и у него — откашливался.

— Не слыхалъ. На концахъ я эдакихъ и не зналъ никогда: одинъ конецъ винтомъ такъ и вонзилъ въ куполъ-отъ.

— Велика въ немъ сила!

— Говорятъ, возьметъ полуштофъ горлышкомъ, да такъ за единый взмахъ и выпиваетъ. Не отнимаетъ его и не переводитъ духу. И ничего — ни въ одномъ глазѣ, а какъ будто бы даже заново нарождается.

— По эпархіи-то поѣдутъ, сколько они этого зелья-то перепьютъ—привыкаютъ. Протодьякону-то, опричъ рому ямайскаго, ничего ужь и не подавай. Винищемъ-то развѣ только однихъ пѣвчихъ

и ублаготворишь. Онъ только въ бѣдныхъ приходахъ на французскую-то, да на кизлярку идетъ.

— Вы бы, господа, замолчали, потому что спать пора.

— А вы бы не распоряжались, потому что всякой себя знаетъ и всякой-про себя долженъ разумѣть.

— Да, вѣдь, разговоръ-отъ вашъ нехорошъ и не къ мѣсту.

— Мы про это тоже знаемъ, а вы бы не осуждали — не велѣно. Еслибы вы въ церкви-то давеча по верхамъ не глядѣли, то сами бы про то услыхали.

— Не судите, да не судимы будете,—зѣвалъ въ подтвержденіе новый голосъ изъ ближней кучи.

Однако, замолчали, заснули и эти. Не спали за всѣхъ одни лишь часы, да сторожъ, да нѣкоторые молодые послушники, долгое время еще шатавшіеся по монастырскому двору промежду богомольцами.

VI.

Въ монастырѣ были всѣ на лицо, кому нужно, прилично и неизбѣжно быть.

Вотъ этотъ—первый, всюду выбѣгавшій на глаза и оттѣнившійся отъ другихъ своеобразнымъ нарядомъ философъ, отбившійся отъ труда и дома, и кинувшійся на безконечное скитанье между ближними и дальными монастырями. Онъ — отвѣтчикъ и поручитель за большіе десятки подобныхъ ему «богомоловъ».

Съ малыхъ лѣтъ ему трудъ не давался по какому-то необъяснимому отвращенію. Далась ему грамота, и то по тому, что начиналъ онъ жизнь въ городѣ и въ мѣщанскомъ званіи. Здоровьемъ ему также не повезло: дурно сложенная грудь, малокровіе отъ не просыпнаго пьянства отца и золотуха отъ гулящей матери. Въ сознательные годы жизни, передъ глазами—достопочтенное мѣщанское счастье, гдѣ, кромѣ великихъ грѣховъ отъ скаредной нужды, ничего не было видно: зажмурить глаза, да и бѣжать на самой край свѣта.

— И впрямъ: провалился бы ты сквозь землю! совѣтуютъ отецъ и мать въ одно слово.

Надо бы, по-просту, либо самому запить, либо продаться въ солдаты. Да въ томъ и въ другомъ случаѣ встало помѣхой худое здоровье, тугой ростъ и такой видъ, что всякому было понятно, какой онъ царю солдатъ. Воровать и топиться—помѣшала совѣсть: ее не удалось сердитымъ родителямъ ни искривить, ни выколотить.

Много помогла и книжка (а попадалась всякая—впрочемъ, больше все духовно-нравственныя); отъ нея хотѣлось новой, тянуло потолковать съ самыми грамотными, прилѣпляло къ церкви и священнику и стало около нихъ придерживать. Что́ дьячки пробормотывали на рысяхъ и на́-спѣхъ, все то хотѣлось уразумѣть и перечесть самому. Съ книжкой иной разъ и объ ѣдѣ позабывалось, а другой человѣкъ почитать попроситъ и дастъ что́ нибудь на взаимное одолженіе. Съ книжками и дома легче стало сидѣть, хотя домашніе порядки начали казаться гораздо хуже и чернѣе.

Стало совсѣмъ отбивать отъ родного дома съ тѣхъ поръ, какъ, по милости грамоты, раскрылись передъ глазами новые пути для знакомствъ все съ людьми умными и толковыми, какихъ только можно получить въ городкѣ. Случилось ка́къ-то вдругъ, неожиданно такъ, что пришлось превратиться въ грамотѣя, которому за это деньги даютъ и пищей снабжаютъ, и хоть сверстники подсмѣиваются (дали прозваніе «херувима»), однако, солидные люди оказывали большое поощреніе: хоть совсѣмъ не трудись—сытъ будешь.

Родительскій домъ пришлось окончательно бросить: то есть, вышло, опять-таки, само по себѣ такимъ образомъ, что набѣжала неожиданная струя, подхватила и потянула съ собою. Не хочется упираться, потому что путь веселый и легкій. Никакихъ хлопотъ и заботъ не требуется—плыви знай: сама струя несетъ и показываетъ направленіе и разные веселые виды.

Съ малыхъ лѣтъ беззаботный, въ юношескихъ—неумѣлый и всегда забитый и робкій, полюбилъ онъ хожденіе по церквамъ и по ближнимъ монастырямъ. Стало занимать то, гдѣ лучше, гдѣ по другому поютъ и ходятъ.

— Я вотъ, почтенный человѣкъ и милостивый государь (говорилъ

онъ купцу, пріютившему его на ночлегъ въ монастырѣ), въ Соловкахъ цѣлое лѣто прожилъ и въ другой разъ туда ходилъ. Три раза былъ въ Кіевѣ и опять собираюсь туда: вы, вотъ, спросите меня, — я могу по порядку пересказать вамъ, какой угодникъ гдѣ и ка́къ лежитъ въ ближнихъ антоніевыхъ и дальныхъ ѳеодосіевыхъ пещерахъ. У Троицы Сергія каждый годъ бываю: куда ни пойду, всегда туда зайду. Обмѣняю паспортъ дома, и опять—въ путь-дорогу. Заграничный паспортъ бралъ, на Аѳонъ сходить сподобился. Шестой годъ странствую.

— Съ какимъ человѣкомъ помогъ мнѣ Богъ сойтись! удивлялся купецъ.

— А въ Іерусалимъ ко гробу Господню позываетъ?

— Во снѣ и въ гаданіяхъ—одно на умѣ и сердцѣ. За себя не постою, а дойти постараюсь; не умру безъ того. Деньги нужны.

— А еслибы я пособилъ?

— Я бы тамъ за ваше здоровье вѣчную лампаду подвѣсилъ.

— Ты это слово запомни. Отсюда поѣдемъ ко мнѣ въ городъ. Тамъ ты мнѣ, богоугодный человѣкъ, все разскажи. Мы потолкуемъ, пособеремъ. Этакіе-то отъ насъ ужь хаживали. Одного такова-то до ѳеодосія Тотемскаго досылали; оттуда икону его принесъ и просфирки доставилъ—не обманулъ. Пойдешь ты отъ насъ—надо такъ говорить — деннутатомъ. Помолишься за грѣхи наши. Охъ, много ихъ! Самому никакъ того дѣла не умолить. Колоколъ лили, тайную милостыню подаемъ, а все словно бы нажимаетъ и щемитъ. Торговое дѣло — вотъ какое безпокойное и сколь трудное! Какъ ни хлопотать — никому не уберечься. Все бы ничего: дѣла́ дѣлаешь какъ на умъ приходитъ... А вотъ эдакъ пріѣдешь помолиться, да къ оному поусердствуешь, все прослушаешь, все проглядишь, и защемитъ: начнутъ грѣхи-то докучать, начнетъ ломать душу-ту. И забудешь это пожалуй, потомъ, въ скоромъ времени — зальетъ память-то, и словно опять станешь правъ. А тамъ опять въ тоску повергнетъ.

—Вотъ что́: ты мою часть лучше теперь возьми — на́-ко! Зайди, знаешь что́—въ Саровскую пустынь: сколько лѣтъ туда собирался, а никакъ при дѣлахъ не уснаравливается.

— А Коренной Царицѣ Небесной удалось-таки мнѣ помолиться.

Да что́ въ томъ? ни во что́ кладу, такъ какъ попалъ по той же своей коммерціи: не было къ тому ни трудовъ моихъ, ни денегъ на то особенныхъ не изводилъ, такъ какъ пріѣхалъ съ товаромъ. Сходи за меня, сдѣлай милость!

Чужія порученія были на первомъ планѣ, а потому и сума была набита чужими поминальниками; складочныя и обѣтныя деньги лежали зашитыми въ подрясникѣ и поясѣ. По этой же причинѣ и самое направленіе пути странствій не совсѣмъ въ страннической волѣ, для которой остается одинъ только просторъ выбора такой дороги, которая удачно захватывала бы всѣ заказанныя мѣста и не доводилось бы большихъ крюковъ. Обманъ въ данномъ случаѣ не дозволителенъ, и тогда лучше прямой отказъ закащику, чѣмъ неисполненіе обѣщаннаго. Конечно, другой вопросъ — въ денежныхъ средствахъ и именно по тому, что никто не рѣшается, давая деньги, ставить въ рамки размѣры дорожныхъ тратъ. И кто ихъ можетъ провѣрить и предусмотрѣть во всѣмъ разнообразіи монастырскихъ правилъ и обычаевъ?

— Въ Соловкахъ за трапезу братскую сажаютъ и кормятъ такъ, что другой архимандритъ такъ не ѣстъ, по милости благодѣтелей. У Троицы Сергія даютъ толстую краюху чернаго хлѣба и попей кваску. Что́ говорить? — квасъ, безъ слова, очень хорошъ и оржаной хлѣбъ очень вкусенъ, да на такой трапезѣ много ли въ тѣло силы наберешь, много ли находишь? — внушалъ странникъ своему новому благодѣтелю.

— А у кіевскихъ чудотворцевъ?

— Самъ промышляй. И тамъ дадутъ хлѣба, когда попросишь, и тамъ хлѣбъ хорошъ.

— Монастырскій квасъ и хлѣбъ вездѣ хорошъ, внушительно толковалъ странникъ. — Хорошъ оттого, что артельный: велики бываютъ квашни и заторы; а они говорятъ — оттого, что съ молитвой мѣсятъ и въ печь сажаютъ, и по дурному, притомъ, не ругаются, и о худомъ въ это время не думаютъ. Можетъ, это и такъ.

— Словно бы ты монаховъ-то не любишь? спрашивалъ новый благодѣтель.

«Терпѣть я ихъ не могу: враги они мои заклятые», подумалъ онъ про себя, но сказать не рѣшился.

Сказалъ совсѣмъ другое:

— Да вотъ шестой годъ бремя-то это на своихъ раменахъ ношу, много десятковъ монастырей видалъ, а только въ пяти меня позвали за трапезу — и то въ самыхъ малыхъ и глухихъ. А въ одномъ цѣлую недѣлю, однако, кормили за то, что исполнялъ службу, читалъ. Жило восемь человѣкъ; съ игумномъ всего три грамотныхъ было: двое такихъ, грѣховнымъ дѣломъ, загуляли и не просыпались. Я за нихъ пѣлъ и читалъ. У другихъ самъ просишься: гдѣ посмѣются надъ тобой, а гдѣ и посадятъ за столъ.

— Надъ чѣмъ же смѣются?

— Другіе ревнуютъ твоему подвигу, а иные прямо-таки говорятъ, что ты-де не по чину отбиваешь у насъ хлѣбъ. Сборщиковъ они тоже не одобряютъ. Да оставимъ мы это — грѣшно вѣдь.

— А какъ они по этой-то части? спрашивалъ благодѣтель, стукая толстымъ пальцемъ по красной шеѣ и лукаво улыбаясь. — Я, вѣдь, не въ судъ, я вѣдь, не во осужденіе: изъ одного любопытства.

— Тѣ монастыри, куда бѣлыхъ поповъ и дьяконовъ посылаютъ на смиреніе, оскудѣли благочестіемъ; отъ другихъ имѣютъ отмѣну. Тамъ селится народъ самый грубый и бранчивый, прямо изъ міру.

— И убоинку ѣдятъ?

— Ѣдятъ тамъ всѣ по кельямъ, а кто ихъ тамъ повѣряетъ? — общей трапезы не бываетъ. Игуменъ пищу и питья не благословляетъ и не дозираетъ за ними. Тамъ и питейное въ большомъ уваженіи. Безъ благословенія и за ворота ходятъ, когда хотятъ. Есть монастыри, гдѣ ворота только притворяютъ, а не запираютъ.

— Ну, а на счетъ? — и благодѣтель подмигнулъ лѣвымъ глазомъ.

— Прилѣпи, Господи, языкъ мой къ гортани моей! Не осужу, не видалъ. Сѣтую за то, что на такой меня разговоръ навели; прости васъ за невѣдѣніе ваше угодникъ Божій! Мнѣ такое и на умъ не приходится принимать, столько я боленъ и изможденъ странствіемъ и столько мнѣ мало охоты до чужихъ паденій. Болѣе мнѣ пріятно видѣть и имѣть на очахъ покровъ и на устахъ храпеніе. Вотъ на

что́ я себя обрекъ, можетъ, до скончанія вѣка. Не обижайте меня, пощадите на святомъ мѣстѣ и въ оное время. А грѣхъ вашъ я умолить обязанъ, и отъ этого часа сердце мое о васъ непокойно и душа будетъ скорбѣть, пока не получитъ утѣшенія тамъ, гдѣ вы мнѣ указали.

Итакъ, передъ нами два вѣковѣчные типа: благодѣтеля и молельщика.

Одинъ очень сытъ и свободенъ въ желаніяхъ, другой—нищъ и убогъ, и угодливъ, по необходимости; первому—не досугъ, второй—на то пошелъ до предѣловъ самаго грубаго ремесла и настоящаго промысла. Онъ и терпѣливъ къ нему только потому, что ремесло это его кормитъ, а, въ сущности, совершенно равнодушенъ и ревнивъ, и завистливъ только къ тому, кто лучше его мастеритъ и больше умѣетъ и смѣетъ.

Трудъ поощряется и оплачивается,—стало быть, и охотниковъ на него сколько угодно. Нужно имѣть лишь призваніе и способность, изъ которыхъ первое дается судьбой-мачихой, а второе легко добывается практикой. Сколько на Руси такихъ болѣзненныхъ тѣломъ, неспособныхъ къ ломовому труду, но сохраняющихъ царя въ головѣ, столько и этихъ «божьихъ людей», которыхъ въ отрочествѣ считаютъ и называютъ полудурьемъ и отчитываютъ матери, при помощи знахарей, на день пророка Малахіи (января 3-го), а въ юности считаютъ испорченными баженками. Когда же они попадутъ на свое и прилѣпятся къ молитвѣ, зовутъ ихъ странниками по занятію и считаютъ богомолами по призванію. Ихъ очень много по мірскимъ прегрѣшеніямъ родителей, и всѣ они имѣютъ одинъ выходъ и могутъ прилѣпляться къ одному занятію—странничеству. Вліяніе стихій на нихъ, по привычкѣ съ молодости, очень слабо: ни дождь, ни морозъ, ни жара имъ ни почемъ. Избранный подвигъ умѣетъ поддерживать силу и энергію, развлекаетъ и увеселяетъ всѣмъ разнообразіемъ впечатлѣній. Нѣкоторые ухищряются до того, что начинаютъ босикомъ ходить по морозу, предсказывать, круто и дерзко обличать своихъ совопросниковъ, юродствовать и, наконецъ, или обращаются на путь правды, или просто сходятъ съ ума.

Воронежскій Кирюша, грязный и пошлый, разъѣзжалъ въ каретѣ

въ качествѣ святого. Однажды кучеръ замѣтилъ, какъ онъ считалъ денежную выручку—подсмотрѣлъ за нимъ и укралъ эти деньги. Кирюша заюродствовалъ еще больше: на вора не жаловался, но цѣлыми днями кричалъ: «пустите меня, не хочу здѣсь больше жить». Ушелъ онъ изъ Воронежа въ Тулу, гдѣ жилъ у купца въ особой комнатѣ, называвшейся «кирюшиной», мимо которой всѣ ходили не иначе, какъ на цыпочкахъ. Изъ Тулы какая-то княжна увезла его въ Москву и поселила также въ особой комнатѣ, которую убирала живыми цвѣтами. Кирюша накопилъ денегъ и ушелъ на родину, гдѣ выстроилъ хорошій домъ, развелъ фруктовый садъ, занялся сельскимъ хозяйствомъ. Стали любопытствовать:

— Приходитъ ли тебѣ теперь охота юродствовать?

— Нѣтъ, подурачился и будетъ.

Совсѣмъ другое богомолъ-странникъ: онъ неисправимъ. Порученія и наказы вдохновляютъ его и поддерживаютъ. Поддержка оказывается, конечно, тѣмъ же самымъ почтеннымъ и степеннымъ людомъ, который прославилъ знаменитостей московскихъ: Ивана Яковлича Корейшу и Семена Митрича, блаженнаго Данилушку изъ Коломны, странника Ивана Степаныча, дурачковъ Иванушку, Илью; юродивыхъ Клеопу, Агашу, Евсевія; петербургскую бертовскую Марфушу, зарайскаго Степу Клевача, и даже боготворилъ испанца Мандри, весьма извѣстнаго всѣмъ въ Москвѣ подъ именемъ Мандрыги.

Пустившись въ путь, надо доходить до мѣста. Забравшись далеко—надо выбиратся. При томъ, столько любопытнаго: всѣ монастыри на красивыхъ мѣстахъ, но который лучше? Всѣ богато надѣлены угодьями, но который богаче? Гдѣ разнообразнѣе доходныя статьи, какъ и кто ими пользуется? Монастырскія сплетни велики и разнообразны, но которыя хлеще бьютъ и дальше мѣтятъ? Въ Соловецкомъ монастырѣ ѣдятъ семгу, треску, сельдей, палтусину, въ московскихъ—осетрину, бѣлугу, севрюгу, а чѣмъ угощаются въ Кіевѣ и Воронежѣ?

Любопытно постоять на монастырскихъ папертяхъ вмѣстѣ съ нищими и, конечно, не унижаться до просьбы подаянія и даже не принять то, которое предложатъ.

А что́ будетъ, если пройтись съ заурядными богомольцами, изъ туземныхъ и ближнихъ, и послушать, что́ говорятъ? Чего они не натаскиваютъ съ Божьяго свѣта! Чего не наслушаешься отъ нихъ!

Странничать легко и повадно: вездѣ найдешь себѣ мѣсто для угрѣвы и прокормленія.

Итакъ — посохъ въ руки съ набалдашникомъ на одномъ концѣ, съ желѣзнымъ копьецомъ на другомъ, чтобы отбиваться отъ лютыхъ, голодныхъ деревенскихъ собакъ—и ступай, куда хочешь.

— Божій рабъ! онъ ходитъ, потому что это—путь ко спасенію!— думаетъ довѣрчивый народъ, очень охотливый къ разсказамъ о новоявленныхъ мощахъ, очень прислушливый къ повѣствованіямъ о всякихъ чудесахъ, въ особенности о такихъ, которыя наиболѣе необыкновенны. Со странниками даже и не ведутъ другихъ разговоровъ и очень любовно и внимательно ихъ выслушиваютъ и выспрашиваютъ.

Неприхотливъ, скроменъ, богомоленъ (въ особенности, съ легкой примѣсью юродства)—значитъ истинный странникъ и тотъ идеалъ богомола, который въ большомъ спросѣ, подъ который нетрудно и подладиться, если запасено всего этого въ личныхъ свойствахъ, про всякой обиходъ.

Хорошо понимаютъ странники также и то, что домъ всякаго сельскаго священника, ка́къ бы ни былъ онъ бѣденъ—для нихъ долженъ быть отпертъ. Всякій священникъ стои́тъ у народа на первомъ планѣ, какъ учитель и указатель, и во всемъ обязанъ подавать примѣръ до гостепріимства всякому страннику. Опытные изъ послѣднихъ такъ уже и приняли за пра́вило: лѣзть къ попу въ домъ; не спросясь, располагаться на ночлегъ; быть требовательными и назойливыми.

Эти умѣютъ и по дорогѣ сколачивать деньги на маслѣ изъ муроточивой лавы, на песочкѣ изъ могилки угодника, на крестикахъ, полежавшихъ въ ракѣ святого, на камушкахъ изъ той каменной тучи, которую отмолилъ преподобный, и т. д. Въ особенности же тѣмъ странникъ опасенъ (а, можетъ быть, и полезенъ), что ходитъ онъ по всему бѣлому свѣту, носитъ онъ молву всякую: и худую, и добрую.

Житье ему раздольное и безпечальное, была бы только охота: оттого эти люди не переводятся, а плодятся.

Нѣтъ ни одного на Руси людnаго богомолья, гдѣ бы не мелькали эти посохи съ набалдашниками, эти неопредѣленнаго покроя отрепаные халаты, гдѣ бы не раздавались искуственныя книжныя рѣчи, приправленныя перевранными текстами писанія и всякою несообразною доморощеною ложью.

VII.

Вотъ и еще богомольцы.

— Что́й-то, бабыньки, все это вы кучей ходите?—любопытствовала веселая старушка съ легкой и доброй улыбкой, по окончаніи ранней обѣдни (когда поднялось солнышко), наткнувшись на трехъ женщинъ и обращаясь къ нимъ съ этимъ простодушнымъ вопросомъ.

Замѣтное довольство, выражавшееся въ ея глазахъ и движеніяхъ, и то веселое настроеніе, которое испытываетъ всякій свалившій съ плечъ тяжелый грузъ—хотя бы отъ длинной молитвы — не понятъ былъ тѣми, къ которымъ обращалась она съ вопросомъ.

Нисколько не передалась имъ и не заразила ихъ эта беззаботная дѣтская веселость: онѣ промолчали.

Промолчали всѣ эти три женщины, одѣтыя во все темное: синіе сарафаны и черные головные платки на столько однообразно, что рѣзко бросались въ глаза всѣмъ встрѣчнымъ.

Однако, встрѣчная баба не унялась, искоса поглядывая на завернутыя въ платочки просвирки, которыя бережно держали въ правыхъ рукахъ и около груди всѣ черныя женщины.

— Замѣтила (бойко говорила встрѣчная): — и въ церкви-то вы въ одной кучкѣ стояли. Согрѣшила, подумала: что́ - молъ это за бабы?

— Мы — дѣвицы, а не бабы — нашлась одна изъ нихъ, рябая и некрасивая, и обидѣлась.

Не слушая ея, продолжала встрѣчная:

— Думаю себѣ: ка-быть монашки, а можетъ — молъ и святыя богомолочки. Ну, да такъ и есть — теперь вижу и разумѣю.

— Да откуда вы? — продолжала она допрашивать, не отставая и не отступая.

— Тутошныя, милостивица! — отвѣчала все та же.

— И у насъ есть экія-то! — говорила старушка, попадая въ отвѣтъ и подхватываясь локоткомъ. — А васъ я словно бы и не видывала. Ходите ли къ намъ-то? Приходите-тко! Я вотъ смерть люблю вашу сестру!

И довольная собой, встрѣчная прошла мимо, удовлетворенная тѣмъ, что, послѣ долгаго сидѣнья въ домашнемъ, темномъ бабьемъ куту, успѣла-таки перемолвиться. Подъ тягою и подъ вліяніемъ базарнаго шума и говора, удалось и ей на людяхъ перекинуться живымъ словомъ и переговорить, наконецъ, съ живыми людьми. Вдругъ ее, какъ бы что́-то толкало на это дѣло, а ка́къ? — она и сама понять не могла.

Она, однако, не ошиблась.

Встрѣчныя женщины оказались именно «богомолками», т. е. тѣми плаксивыми и скучными существами, которыя составляютъ неизбѣжную принадлежность всякаго большаго селенія и каждаго города. Изъ православнаго русскаго люда, у котораго обрядность смѣшалась съ вѣрованіемъ, отбираются въ этотъ разрядъ людей тѣ, которые наиболѣе впечатлительны ко внѣшности. По сиротству своему, они смиренны нравомъ, и если при этомъ граматны, то, само собою разумѣется, невольно выдѣляются нѣсколько впередъ и на видъ. Но бо́льшею частію это — заматорѣлыя дѣвы, надъ которыми совершились разныя немудреныя, но для всѣхъ ихъ одинаковыя условія и перемѣны.

Обездоленная сиротствомъ и крайнею бѣдностью, съ примѣсью какихъ-либо физическихъ недостатковъ, при нелюдимомъ и несообщительномъ характерѣ, а, вслѣдствіе того, обойденная женихами, дѣвушка находится въ деревенскомъ быту въ самомъ безвыходномъ

положеніи. Если ей, при твердости характера и во́ время подоспѣвшаго сердоболія сосѣдей, удалось уберечься отъ бродячаго нищенства, то несомнѣнно осталось одно — положиться на волю Божью, прилѣпиться ко Христу, сдѣлаться и прослыть «Христовой невѣстой», «взяться за Бога». Это значило повязать дѣвичьи волоса особой повязкой, которая всѣмъ была бы понятна.

— Что́, дѣвонька, не бабьей какой головушку-то покрыла?

— Уневѣстилась, родная.

— Ну, и слава Богу: помогай, Господи!

Обезпеченная разумѣніемъ граматы, т. е. владѣющая умѣньемъ разбирать церковную печать, охотливая рѣшается на это съ наибольшею поспѣшностью, съ полною увѣренностью въ томъ, что займетъ почотное мѣсто и сдѣлается нужнымъ и полезнымъ человѣкомъ. Безъ граматницы православному люду обойтись невозможно, и всякая такая навѣрное можетъ расчитывать на заработокъ, если не вполнѣ обезпечивающій, то все-таки подающій надежду на прокормъ и способный сохранить отъ неисчислимыхъ бѣдъ попрошайства и шатанья по подоконьямъ. Счастливымъ изъ нихъ удается стать достаточно независимыми и работать на себя въ одиночествѣ. Менѣе удачливыя высматриваютъ въ сосѣдяхъ эту счастливицу, и тѣмъ или другимъ путемъ пристраиваются къ ней. Сплошъ и рядомъ, богомолки живутъ вмѣстѣ по двѣ и по три, и старшая между ними давно сдѣлалась отшельницей и предалась молитвѣ и воздержанію по призванію. Нерѣдкія изъ такихъ съ малыхъ лѣтъ отказываются отъ мясной пищи, не пропускаютъ ни одной церковной службы. Ревностныя помогаютъ церковнымъ старостамъ собирать во время службы мірскія даянія и на этотъ случай предпочитаютъ носить блюдо съ изваяніемъ главы Іоанна Крестителя. Когда поднимаютъ изъ церкви иконы, онѣ успѣваютъ прежде другихъ принять Божіе Милосердіе на руки, отдавая на этотъ разъ предпочтеніе образамъ Богоматери, и шествуютъ всегда непосредственно за фонаремъ. Къ церкви онѣ прилѣпляются всѣмъ досугомъ и всею душею, а потому и стремятся поселиться гдѣ нибудь по близости, считая конечнымъ своимъ счастіемъ, если церковная тѣнь можетъ падать на ихъ жилище. Впрочемъ, это удается

немногимъ, и только самымъ счастливымъ и при томъ дѣвицамъ, происходящимъ изъ духовнаго званія.

Въ церкви богомолочки всегда занимали опредѣленное мѣсто, которое считали какъ-бы крѣпостнымъ или купленымъ и узнавали его по извѣстнымъ примѣтамъ: по гвоздю, по сучку или щелямъ въ половицахъ. Никто не рѣшался вставать тутъ изъ другихъ обычныхъ посѣтительницъ. Рѣшившаяся на то изъ мести, чтобы взыскать свою обиду, или изъ шалости, чтобы подразнить и разсердить, съ чужаго мѣста немедленно изгонялась. Если не помогали перекоры, перебранка и тотъ существенный и справедливый доводъ, что, «это-де мѣстечко унаслѣдовано отъ покойницы — родимой матушки и принадлежитъ ей вотъ уже второй десятокъ на исходѣ», богомолочки прибѣгали къ извѣстнымъ въ этихъ случаяхъ и не разъ испытаннымъ пріемамъ. Для того они начинали очень усердно класть поясные и земные поклоны: при первыхъ онѣ зло и неустанно старались колотить своей головой въ спину соперницы; при земныхъ поклонахъ старались угодить каблукомъ въ лобъ обидчицы.

Въ подобіе искреннихъ и настоящихъ монахинъ, онѣ живутъ кельями, не уступающими чистотой нравовъ самымъ строгимъ женскимъ обителямъ. Самыя кельи эти представляютъ собою нѣчто въ родѣ монастырьковъ, изъ которыхъ, въ прежнія времена, очень часто (а изрѣдка и теперь) образовывались настоящія общежительныя обители, когда благочестивой и безупречной жизнью удавалось обратить вниманіе денежныхъ благодѣтелей. До тѣхъ поръ эти «кельи», всего чаще расположенныя гдѣ-нибудь надъ оврагомъ и всегда на самомъ краю селеній, въ тихомъ и укромномъ мѣстѣ, скромно избѣгающія проѣздныхъ и шумныхъ путей, эти «кельи», жалкія снаружи, но очень опрятныя внутри и жарко натопленныя, представляютъ собою такія мѣста, около которыхъ сосредоточивается самое искреннее уваженіе всѣхъ сосѣдей.

Избушки эти оберегаются мірскимъ вниманіемъ и поддерживаются мірскими даяніями изъ благодарности къ тѣмъ услугамъ, которыя охотно оказываются здѣсь на всякій неизбѣжный и подходящій случай и по первому требованію всякаго въ видѣ совѣтовъ и руководствъ въ тяжолыя минуты жизни.

Поводовъ къ тому очень много, а потому и способы многоразличны. Самую келью строилъ на свои средства одинъ изъ такихъ, искусившійся въ бѣдахъ и выученный несчастіями, который, вводя нѣкогда богомолку въ новую хату, говорилъ ей:

— Молись за мои грѣхи!

— Такъ, благодѣтель, буду молиться, такъ буду крѣпко молиться, что ангели станутъ слетаться ко мнѣ!

Вотъ эти три встрѣчныя богомолки больше двадцати лѣтъ живутъ вмѣстѣ, не разлучаются и не тяготятся другъ другомъ, къ общему мірскому удивленію. Впрочемъ, вся тайна заключалась въ томъ, что дѣвицы съумѣли правильно разверстаться по способностямъ и характерамъ. Такимъ образомъ, дожили онѣ до тѣхъ лѣтъ, когда голоса ихъ потеряли женскую нѣжность и мягкость и стали басить, высыпались и посѣдѣли волосы, для укрытія каковыхъ понадобились и пригодились кстати плотные и крѣпкіе куфтыри, изъ подъ которыхъ безжизненно глядѣли выцвѣтшіе глаза на блѣдныхъ отекшихъ морщинистыхъ лицахъ. Самая хворая и смиренная видомъ, нетвердая на ногахъ и горбатенькая, была сама «Матушка Ѳекла Васильевна» — первое воротило и основной камень общежитія, къ которому, за ея долгую жизнь въ семь десятковъ, прилипало много богомольныхъ «сестрицъ», а теперь помогали волочить ноги двѣ сестрицы: Аннушка да Ненилушка — первая, какъ работница, вторая, какъ помощница и будущая преемница матушки.

У старушекъ водилась бурая коровушка и кудахтали сѣрыя курочки; топилась печь для угрѣвы и приготовленія пищи, словомъ — велось кое-какое хозяйство, надобилась черная работа: все это исправлялось Аннушкой, которая и была всѣхъ помоложе и попростѣе. Надо дойти до «самой» посовѣтоваться, за совѣтъ передать подарочекъ, какой былъ бы угоденъ ей и пріятенъ — избиралась посредницей Аннушка, которая и состояла при матушкѣ неотлучно, предана была ей всей душей и помышленіями и почитала ее за святую и безгрѣшную. Подъ рукою разсказывалось даже, что она и прорицать можетъ, если попроситъ о томъ правильно-вѣрующій.

Случался въ крестьянской семьѣ покойничекъ, и хотѣлось «поставить псалтырь» — приходили и кланялись Ненилушкѣ, большой

мастерицѣ и граматницѣ, за которой и сельскимъ дьячкамъ не угоняться. По этой причинѣ, Ненилушка рѣдко живала дома, возвращалась только на большіе праздники и на тѣ случаи, когда обѣщали двадцать рублей и заказывали читать псалтырь во весь сорокоустъ. Это значило — читать надо къ ряду сорокъ дней и сорокъ ночей на свѣчи и масло выдавали впередъ особыя деньги). Одной Ѳеклѣ не управиться, надо помощницу: три часа читать, три отдыхать. Не нанимать же Ѳеклѣ на сторонѣ? Не осрамиться же такъ, чтобы закащикъ подсмотрѣлъ въ окно ночью, что богомолки спятъ и обѣщанія не исполняютъ—да, избави Богъ отъ такого незамолимаго грѣха! Въ самомъ же дѣлѣ Ненилина псалтырь была дѣйствительно «неопокровенная», т. е. никогда она этой книги не закрывала.

Круглый годъ Ненила переходила изъ избы въ избу, справляла сорокоустъ: неумолчно и гнусливо читала псалтырь за условное награжденіе деньгами отъ торговыхъ людей и отсыпками мучкой и толокномъ отъ людей неимущихъ. Жила она при этомъ въ чужихъ людяхъ на всемъ готовомъ, угощалась у богатыхъ чайкомъ, а у бѣдныхъ пчелинымъ медкомъ, до котораго была великой охотницей. Выручку всю цѣликомъ, безъ утайки, приносила она въ келью и передавала матушкѣ.

Поговаривали, что у богомолокъ водились денежки зарытыми въ подъизбицѣ; побаивались, чтобы ихъ лихіе люди не убили и не ограбили. Но эти толки умолкали всякой разъ, когда Ѳекла Васильевна жертвовала въ новую церковь годовой обиходъ богослужебныхъ книгъ или покупала къ старой церкви новый колоколъ, или шила праздничныя ризы. Затѣмъ опять богомолки съ прежнею готовностію продолжали, не помня зла недобрыхъ словъ и худыхъ слуховъ, приходить на помощь желающимъ и нуждающимся, и опять копили денежки на церковную нужду, про которую знали лучше и вѣрнѣе другихъ.

Со своими духовными они были на короткой ногѣ, и самому архіерею имя ихъ было извѣстно.

Общія увѣренія и, грѣшнымъ дѣломъ, самомнѣнія сбили старухъ на одну сторону: всѣ онѣ считали себя благочестивыми, а матушку Ѳеклу даже заживо святою. Оттого, полагая себя выше и лучше дру-

тихъ, всѣ онѣ были капризны, обидчивы, въ высшей степени щекотливы, и тяжелы и невыносимы характеромъ. Это сознаніе выгнало ихъ изъ семей; по этой причинѣ, имъ удалось, понявши и снисходя другъ къ другу, ужиться вмѣстѣ, разсчитываться при случаѣ лишь ядовитыми перебранками, а затѣмъ—недѣлей косыхъ взаимныхъ взглядовъ. Это же сдержало ихъ отъ поступленія въ настоящій монастырь съ плотными стѣнами, не смотря на то, что оставался только одинъ шагъ, такъ какъ была и подготовка полная, нашелся бы и достаточный вкупъ. Это же заперло Ѳеклу Васильевну съ Аннушкой въ одинокой и душной избушкѣ и не мѣшало Ненилушкѣ подольше пить чай и ѣсть сотовой медъ по чужимъ гостепріимнымъ дворамъ.

Чайный грѣхъ и страсть къ сладенькому были ихъ общимъ недостаткомъ. При этомъ, чай онѣ пили до того густой, что у непривычныхъ могъ, какъ перецъ, першить въ горлѣ. Попивая чаекъ и заѣдая сдобными сгибнями, богомолки все время проводили въ бесѣдахъ о житіяхъ и чудесахъ. Впрочемъ не отказывали они себѣ въ удовольствіи промывать сосѣдскія косточки. Знали онѣ по этой части на досугѣ, конечно, больше другихъ.

Одно время проявилась-было у нихъ охота обращать молодыхъ дѣвушекъ къ церкви своими разсказами и внушеніями. Успѣхъ былъ поразительный: очень многія изъ невѣстъ въ купеческихъ семействахъ стали подниматься съ пѣтухами и бѣгать къ заутренѣ въ городской монастырь. Родители пригрозились, потолковывали, что это-де значитъ подрывать семейное счастіе—умная Ѳекла во́-время остановилась.

Вскорѣ, все горе было забыто и о такомъ злѣ богомолкамъ напоминать перестали. Послѣ такого кризиса, и онѣ сами сдѣлались осторожными и еще болѣе углубились въ созерцаніе и молчаніе.

Впрочемъ, за одной изъ нихъ, именно за Ненилой, видѣлось еще и другое драгоцѣнное художество, которое цѣнилось бабами, если не больше, то въ одну силу со знаніемъ псалтыря. Она мастерски умѣла на могилкахъ водить «плачки», не сбиваться и не стѣсняться, и съ духовнаго разрѣшенія.

Пробовалъ разъ молодой благочинный пенять:

— Матушка, Ѳекла Васильевна! Отъ Ненилиныхъ заплачекъ про-

ходу нѣтъ! Панихидъ нашихъ не слышно, нѣть не могу. Уставъ-отъ ты не хуже насъ знаешь, указано-ли?

— Въ уставахъ, ваше высокоблагословеніе, я не читывала; а у православныхъ сколько лѣтъ то дѣло ведется, знаешь-ли?

— Да, вѣдь, это—язычество!

— А ты бы остановилъ Ненилу-то. Она запоетъ, а ты пригрози на народѣ, да разгони тѣхъ, кто ее слушаетъ. Самъ владыка покойный по этому дѣлу проповѣдь сказывалъ,—вѣдь, и его не послушались. Твой тестюшко-то, коли баба туго разрѣшалась отъ родовъ, тоже не по уставу царскія-то двери отворялъ. За дальностію, когда полѣнится ѣхать, крестильныя молитвы въ шапку мужичью читалъ—и то шло у него за святое крещенье. Показано-ли такое-то дѣло въ церковномъ уставѣ?

Благочинный молчалъ, покусывая кончики бороды и усовъ.

— По уставу-то, отецъ благочинный, при нуждѣ и при болѣзни родильницы и новорожденнаго, и я за священника идти могу: вѣдь и мірянину разрѣшено крестить во святое крещеніе. А какъ я откажусь, когда всякій про то знаетъ и православная наша вѣра то разрѣшаетъ? Ты поговори-ко о томъ съ нашими бабами. Пробовалъ? А я объ этомъ и со владыкой самимъ говаривала.

Благочинный смирялся. Ѳекла Васильевна посылала къ нему медку да яичекъ; ребяткамъ поповымъ пряничковъ, а матушкѣ-попадьѣ ситчику московскаго съ Аннушкой. Ненила продолжала править свое дѣло по призыву и заказу съ прежнимъ искуствомъ и мастерствомъ.

Приходила баба, кланялась за сосѣдку, приносила заручное, просила:

— Утоли ее, горемычную: мѣста она не находитъ. Сама она вопить не умѣетъ. Маринушка, которая знаетъ, на богомолье ушла—взять негдѣ: помоги, поплачь!

Приходила Ненила на погостъ и могилку, на которой, лежа грудью, билась кручинная вдова по своемъ муженькѣ — законной державушкѣ.

Попадала Ненилушка въ ея мысль и вторила ея горю:

— Какъ жила я при тебѣ, было мнѣ сладкое словечушко пріят-

ное, была легкая перемѣнушка и довольны были хлѣбушки. Не огру́блена была грубымъ словечушкомъ и не уда́рена побоями тяжелыми, тяжелыми — несносными. Мнѣ ка́къ будетъ жить послѣ твоего бываньица? Буду вольная вдова да самовольная, буду я жена́ да безнарядная, и вдова да безначальная.

Отгадывала Ненилушка тоску матери по сынѣ, надѣявшейся на то, что будутъ отъ него довольные хлѣбушки, крѣпкая заборонушка, легкая перемѣнушка на крестьянской на работушкѣ,—тоску по сынѣ именно въ то время, «какъ пойдутъ удалыя головушки на крестьянскую работушку, на муравныя на поженки, на луга сѣнокосные, на разбористы полянушки; а опосля́ тыей хресьянской работушки на гульбища — на прокла́дища», и начнетъ, при видѣ живого и чужого счастія, «ошибать тошная тоскёцюшка и призазябнетъ ретивое сердечушко».

Попадала Ненилушка и въ мысли матери по преждевременно-умершей дочери, «бѣлой лебедушкѣ, сердечномъ рожономъ дитяткѣ», съ которой привелось разлучиться «не́ въ пору да не у во́-время».

— Не приходитъ мнѣ къ тебѣ (пѣла Ненилушка) пою́трушку ранешенько, ко твоему ко кру́тому, ко скла́дному сголовьицу, не будить, не тревожить тебя на крестьянскую работушку:

Не поло́жена ты была, бѣлая лебедушка,
На гумно да замолотничькою,
Во избу да водоносничкою,
На дворѣ да во коровничкѣ,
Во поздни во доёльнички.
Я работою тебя не грузила,
Я словечушкомъ тебѣ не согрубила,
Я все угождала твою вольную волюшку,
И содержала твою-ту красотушку
На твоемъ на бѣломъ на личушкѣ.

Умѣя во́-время искусно приладить свои дешовыя старушечьи слезы, богомолка Ненилушка не затруднялась пѣть и за мужа объ умершей женѣ и дѣтямъ за мать и отца.

Умѣла она пѣть и за сестру по братѣ, заводя надрывнымъ жалобнымъ голосомъ:

Мое ты тепло, красно лѣтушко!
Ты, скачоная жемчужинка!
Ты, кудрявая рябинушка,
Ты, дозрѣла ягодинушка,
Ты, сахарна семянпочка!
Какъ попѣчьку—теперечьку
Нѣту лѣтняго товарища,
Нѣту зимняго новозничька завьялова! и т. д.

скучаетъ сестра по братѣ, утѣшающая себя тѣмъ, что, не найдя его въ молодецкой толпѣ, разглядывая по волосу, по возрасту, по бѣлому личику, по яснымъ очешкамъ, по желтымъ кудерушкамъ, по цвѣтнымъ платьицамъ, возьметъ листикъ гербовой бумаженки, спишетъ его красивую походочку и хорошую поговорочку, возьметъ эту бѣлую бумаженку во рученьки, поглядитъ на нее и убавитъ всю кручинушку съ головушки и зазнобушку съ сердечушка. А то, вѣдь,

Зазябло ретивое сердечушко
Безъ холодной ключевой воды
И безъ хрустальныхъ ледочиковъ;
Безъ морозовъ безъ трескучихъ,
Безъ хіусовъ полузимнихъ.
Я осталась, кручинная головушка,
Будьто рыбушка во сѣточкѣ,
Будьто птиченька во клѣточкѣ!..

Всѣмъ угождаетъ Ненилушка, даже и въ томъ случаѣ знаетъ и подскажетъ стихъ, если у сиротъ, лишившихся родителей, остался, напримѣръ, дядя, который можетъ «наложить не по силушкѣ работушку, не по розмысламъ—въ головушку заботушку».

Не за тѣмъ ходятъ къ самой Ѳеклѣ Васильевнѣ, которая взяла на себя часть не обрядовую, а чисто нравственную и собственно духовную.

Такъ это всѣ и знаютъ.

— Матушка, Ѳекла Васильевна!—палъ слухъ, что самъ-отъ у меня на сплавѣ убитъ бревномъ безъ покаянія, вспомнитъ успокоившаяся вдова прошлогоднее лѣтнее свое несчастіе.—Что повелишь? Ноченьки не сплю, все мучаюсь: не умереть бы самой! Не пришелъ бы онъ за мной, не позвалъ бы за собой?

— Чтобы не тонулъ, надо бы тебѣ было молиться Николаю Чудо-

творцу. А случился тотъ грѣхъ, да напали на тебя безпокойства смертныя, велятъ молиться священно-мученику Садофу, великомученицѣ Варварѣ, священно-мученику Харалампію. И Онуфрій Великій помогаетъ: купила бы икону его — борода жгутомъ до полу пишется.

— Что́ мнѣ со своимъ пьяницей-то дѣлать? спрашивала другая.— Послѣднюю шубейку въ кабакъ снесъ: «голову твою сорву, говоритъ: и ту въ кабакъ унесу». И свинью доила — поила его молокомъ. И лягушку цѣлые сутки настаивала въ винѣ въ тепломъ мѣстѣ. Разбухла та лягушка въ мужичью шапку, а онъ выпилъ, и еще пуще блажить сталъ. Помоги: не къ кому, какъ къ тебѣ!

— Указано молиться отъ виннаго запойства мученику Вонифатію, а не то Моисею Мурину. Да ты спервоначалу одному: онъ не поможетъ, молись другому. Да ты съ вѣрой, да со свѣчей, да съ молебномъ; а того лучше — на день памяти, когда имъ, угодникамъ, память бываетъ.

— Пришелъ, родимушка моя,— плакалась третья, остерегаясь Аннушки, и нашептывала Ѳеклѣ Васильевнѣ на ушко́.

— Сошелъ проклятой-отъ мой изъ Питера и солдатку, слышь, гулящую оттуда привелъ съ собой. Что́ мнѣ дѣлать? Поселилъ у криворотаго пса — знахарки. Ходила я, хотѣла бѣльма ей выбрать, не смогла выслѣдить, не выходитъ она за ворота.

— Молись, дѣвонька! Не зельемъ, не снадобьемъ Богъ пособляетъ: молитовкой.

— Пробовала Тифинской свѣчку ставить и Неопалимой Купинѣ кланялась.

— Тифинской о здравіи младенцевъ молимся, а Неопалимой Купинѣ отъ пожара и молніи, о томъ же и Никитѣ Новгородскому. Молись-ко ты объ избавленіи мужа отъ блудныя страсти Мартиніану Преподобному; а не то поставь свѣчку Іоанну Многострадальному, либо Преподобному Моисею Угрину: вотъ, послѣ Петрова дня четыре недѣли пройдетъ, икону его выставятъ. Не всякой и попъ-отъ разглядѣть можетъ («праздниками» зовется), а ты свѣчу той иконѣ поставь, и помолись. Ихъ на иконѣ много, а кому сказываешь, тотъ твою молитву и приметъ, только бы была она со слезами и сердечнымъ сокрушеніемъ.

— Посиди-ко, я вотъ тебѣ почитаю.

Ѳекла брала изъ шкафа, наполненнаго церковными книгами, и читала изъ «Печерскаго Патерика» житіе Моисея не столько для разумѣнія простой и неграматной бабы, сколько въ разсчетѣ на довѣрчивость, для ея умиленія и воздыханій, да и себѣ на усладу.

Изъ той же кельи—и добрые примѣры. Ѳекла Васильевна съ семи лѣтъ жизни не принимала никакой мясной пищи; съ семнадцати не удовлетворялась еженедѣльнымъ постомъ по средамъ и пятницамъ, а прибавила еще одинъ день сухоядѣнія и пощенія: начала «понедѣльничать».

Ее уже не занимали тѣ 12 пятницъ, постъ въ которыя, по сказанію, обѣщаетъ разныя житейскія блага: всѣ пятницы въ году для нея были равны и одинаково постныя. Въ этомъ отношеніи, она съ товарками ушла еще дальше: въ великой постъ, напримѣръ, она въ эти три завѣтные постные дни не ѣла ничего варенаго, кромѣ хлѣба въ сухомятку съ сырою морковью или рѣпой.

Если богомолки надумывали причаститься въ субботу или воскресенье, то всю предшествующую недѣлю пробавлялись сухоядѣніемъ, дѣлая исключеніе для себя только на случай болѣзни, и тогда дозволяли себѣ вареную пищу только на два дня и то — немощи ради.

Эти правила твердо знала даже и Аннушка, и въ такой степени, что вопросами въ этихъ случаяхъ «саму» богомольныя бабы и не спрашивали. Учила ихъ Аннушка.

— Не пора ли печь жаворонки? спрашивали бабы въ великомъ посту, успѣвшія уже на средокрестной (четвертой) недѣлѣ поѣсть крестовъ.

— Считай послѣ Евдокей девятый день—будутъ сорокъ мучениковъ: вотъ, и жаворонки.

Въ самомъ дѣлѣ, въ благочестивой кельѣ было все на своемъ мѣстѣ и въ свое время: на тяблѣ иконы мѣстно-чтимыхъ святыхъ и Богоматери вмѣстѣ съ колпачкомъ отъ мощей Митрофанія, пояскомъ съ молитвой отъ соловецкихъ угодниковъ, даже съ камушкомъ съ рѣки Іордана, занесеннымъ сюда обогрѣтой и приголубленной паломницей. Въ этой кельѣ на первый Спасъ ѣли медъ, на второй (Пре-

ображенье) — яблоки; на день усѣкновенія главы Предтечи не ѣли ничего круглаго (ни рѣпы, ни луку, ни картофеля). Въ великій четвергъ непремѣнно закаливали соль съ квасной гущей, чтобы имѣть къ пасхальнымъ яицамъ соль черную, четверговую. На Вознесенье пекли изъ медоваго тѣста лѣсенки, и т. д.

На первой недѣлѣ поста въ пищу шли ржаные сухари съ тертымъ хрѣномъ и квасомъ, круто посоленые до густой пѣны—и только на весь день. А то и одна рѣдька-триха также съ солью и пѣной, но безъ сухарей, а съ хлѣбомъ въ ломтяхъ. При этомъ та или другая изъ богомолочекъ замѣчаетъ въ слухъ:

— Можно-ли эко кушанье сравнить со скоромью?!

Другая ей вторила:

— На силу-то, матушка, я дождалась до экихъ дней. Истосковалась совсѣмъ.

Ѳекла до самаго четверга обыкновенно ничего не брала въ ротъ; въ четвергъ разрѣшала только на сухояденіе, и опять зарекалась до субботы, такъ какъ, на этотъ день, и по студійскому, и по афонскому монашескому чину, поста не полагается. Въ субботу богомолочки наѣдались горяченькимъ до́-сыта и такъ, что на воскресенье либо у той, либо у другой непремѣнно побаливалъ животъ и покалывало въ бокахъ. Жаловались при этомъ обыкновенно всѣ на гречневую кашу съ конопляннымъ масломъ и квасомъ.

Къ Ѳеклѣ Васильевнѣ и въ этихъ случаяхъ ходили совсѣмъ за другимъ.

— Можно-ли, матушка, нынче на Благовѣщеньевъ день рыбку-то ѣсть?—привезли сушонаго судака.

— Аще прилучится на страстной недѣлѣ—не ясти.

— А ну-ка, разумница, ка́къ повелишь на счетъ ѣды съ масломъ?

— Я разрѣшаю себѣ вареное съ масломъ только на субботы и воскресенья, дозволяю себѣ тѣ́ при моей старости, по уставу, и на Госпожинъ постъ.

— Матушка Ѳекла! что́ мнѣ съ ребенкомъ дѣлать? И черезъ уголья вспрыскивала: нѣту сладу, измучилъ совсѣмъ.

— Сходи въ церковь—причасти!

— Икону я вымѣняла, допрашивала иная: какъ освятить, али такъ можно молиться?

— Окропи богоявленской водой, а нѣтъ у тебя — ко мнѣ приходи: я тебѣ сама сдѣлаю. Другой священной водой иконъ не святятъ.

И такъ далѣе.

Къ ней шли за совѣтомъ и въ скорбный жизненный часъ, и при печальной жизни подъ тяжелой мужниной рукой, за что очень не любили этихъ богомолокъ деревенскіе мужчины. Подтрунивали они надъ ними и въ глаза подсмѣивались, налагая на нихъ тѣмъ новыя испытанія и еще болѣе увеличивали ихъ молчаливымъ терпѣніемъ славу и уваженіе къ нимъ среди деревенскаго женскаго пола.

Этотъ довѣрчивый и темный народъ отдавался вліянію богомолокъ до возможной крайности и полнаго поученія.

— Куда, бабыньки, пробираетесь? спроситъ одна сосѣдка другую.

— Да вотъ, богомолочки-то наши на келью свою замокъ повѣсили, отвѣчаютъ бабы: всѣ три на богомолье въ село потянулись. И мы за ними.

— Какой же праздникъ-отъ будетъ?

— А Господь его знаетъ. Онѣ пошли — знать и намъ надо брести. Имъ про то знать лучше: онѣ намъ и указъ.

— Вы бы поспрошали ихъ!..

— Полно-ка, мать, еще прогнѣваются... Θекла-то, подико-сь, какая лютая на совѣсть-то. Начнетъ она тебя гонять: умрешь!

Подъ вліяніемъ такихъ богомолокъ и при участіи семейныхъ сердобольныхъ бабъ складываются желанія и выговариваются обѣты у неизлечимыхъ больныхъ, испытавшихъ всѣ врачебныя средства и готовыхъ идти пѣшкомъ, въ виду всякихъ лишеній, и при этомъ чѣмъ дальше, тѣмъ лучше.

Здѣсь вліяніе богомолокъ переходитъ уже и на мущинъ.

За богомолками тянутся слѣдомъ и эти, которыя хотятъ молиться по обѣщанію и не разбираютъ скорбныхъ и болѣзненныхъ случаевъ отъ радостныхъ и удачливыхъ дней. Пришли за ними къ Угоднику и тѣ, которыя собрались изъ дому отъ простаго и безотчетнаго подражанія другимъ.

— Всѣ пошли къ угоднику: зачѣмъ же и мы останемся дома?

Хоть и нѣтъ теперь большой нужды, а все впередъ пригодится: можетъ быть, какую бѣду и напередъ отмолимъ. Все оно какъ будто лучше.

Такъ какъ большіе праздники и монастырскія богомоленія разсчитаны на свободное отъ работъ крестьянское время, то весною, между яровымъ посѣвомъ и обработкою озимаго поля, а равно и осенью, по окончаніи всѣхъ полевыхъ работъ, толпы богомольцевъ по обширному пространству Русской Земли особенно многолюдны, шумливы и нарядны.

Въ самомъ дѣлѣ, деревенскимъ русскимъ людямъ всегда найдется о чемъ помолиться и попросить.

VIII.

Выходила на поляхъ свѣжая зелень озимей; торопилась березка разорвать почку и завязать новый листъ. Звонко заиграли пташки; наступили теплые дни; приближалась весна къ Николину-дню.

Проснулись утромъ—на дворѣ морозъ. Свернулся листъ на березѣ въ трубку; сморщилась молодая солома на озимяхъ. Захолонуло хозяйское сердце: пришла бѣда. За какіе грѣхи?

— Касьяновъ годъ—тяжолый годъ, толковали старухи въ успокоеніе.

— При чемъ тутъ Касьянъ-отъ?

— При томъ тутъ Касьянъ, что приставленъ онъ на томъ свѣтѣ стеречь дьявола, чтобы онъ лиха людямъ не дѣлалъ. Стережетъ онъ зорко, не даетъ ему баловать цѣлыхъ три года. На четвертый годъ даютъ Касьяну отдохнуть; вмѣсто него приставляютъ другого. Этому съ непривычки углядѣть за дьяволомъ никакъ невозможно: на что дьяволъ ни взглянетъ — все вянетъ. Вотъ взглянулъ на озими, посмотрѣлъ на березку — все познобилъ. Надо, добрые люди, Богу молиться.

Во всѣхъ деревняхъ сходились къ часовнямъ, привозили поповъ,

служили молебны съ водосвятіемъ и колѣнопреклоненіями: на душѣ стало легче.

Наступали теплые дни и во́-время и въ мѣру перепадали теплые дожди: одѣлся лѣсъ, потому что запоздавшія почкой деревья распустили листву, опередивши березы; вздохнула и озимь, и хотя не обѣщала соломы, но стала обнадеживать колосомъ и зерномъ.

Перемежились дожди, начала затягиваться сухмень, началъ задерживаться ростъ озимаго и яровыхъ всходовъ. Стали жолкнуть и сохнуть травы. Изъ лѣсовъ наноситъ крѣпкимъ запахомъ гари, а тамъ, гдѣ весной были болотца, показался дымъ и сильно чадитъ. Началась засуха.

Стали ждать лѣсныхъ пожаровъ и сгоняли народъ рыть канавы и зажигать встрѣчные костры изъ валежника на старой и густой хвоѣ. Принялись опять Богу молиться: подымали изъ селъ иконы и обходили луга и поля съ хоругвями и со свѣчами; дождили попы кропиломъ—что́-то будетъ?

Случается и такъ:

Послѣ жаркаго дня сухого лѣта, на бѣлесоватой катовой синевѣ неба растягивались широкія полосы густыхъ облаковъ и рдѣли по краямъ пурпуровыми огнями. Било солнце изъ облаковъ этихъ вверхъ золотыми лучами, какъ вѣнецъ изъ иконы. Затѣмъ облака очень быстро сгущались, исчезалъ свѣтъ, бѣгали по облаку змѣйки отъ молніи: ждали громовыхъ раскатовъ, боялись «разбойничьей ночи». Выгоняли кошекъ и собакъ изъ избы; на священные уголья бросали золу, обрѣзали себѣ ногти, чтобы не скрылся въ нихъ дьяволъ:—сейчасъ Илья пророкъ погонитъ его огненными прутьями и загремитъ колесницей.

Все толку мало. Громовые раскаты стали встряхивать избы; молнія зажгла дерево и убила корову. Вихри, въ которыхъ сидятъ злые духи, рвутъ крыши. Неудержимые потоки воды размываютъ поля и луга и низменные изъ нихъ заваливаютъ ни-вѣсть гдѣ намытымъ и ни-вѣсть откуда принесеннымъ пескомъ. Высокія ели валитъ вихорь вверхъ комлемъ. Крупный, въ голубиное яйцо, градъ ломаетъ на поляхъ солому и выколачиваетъ весь хлѣбъ съ корнемъ, забивая въ землю оторванные колосья.

Тамъ, гдѣ ильинскія села и построены въ очень давнія времена на рѣчныхъ подóлахъ пятницкія часовни надъ родниками, въ особенности собирались густыя толпы и, не расходясь, молились цѣлыми днями. Къ мощамъ угодниковъ и къ чудотворнымъ иконамъ тянулись православные сотнями; и цѣлыми тысячами скоплялись они тамъ, гдѣ приходило время храмовому празднику особо-чтимаго святого.

На монастырскихъ дверяхъ разбирались: кто́ за чѣмъ? оказывалось за разнымъ: одни о дождѣ, другіе—о вёдрѣ.

— Пытали все пробовать—ничего не помогло.

— Смотрѣли бы на птицу, на скотину.

— Вороны играютъ къ верху. Бѣлая и рыжая коровы въ стадѣ все впереди; свинья чешется, галки собираются къ вечеру гурьбой и кричатъ. Толкуны комаровъ и мошки стоятъ столбомъ: не бывать дождю.

— У старыхъ бы людей попытали: не болитъ ли спина, не кипитъ ли въ ушахъ сѣра, не залегаетъ ли носъ?

— Нѣтъ, говорятъ: все по старому, все-де икота мучаетъ. Все перепробовали. Вотъ сюда пришла — не поможетъ ли?—толковали ближніе богомольцы съ дальними и съ кротостію и терпѣніемъ отстаивали монастырскія службы, изъ которыхъ поздняя обѣдня съ молебномъ самая продолжительная.

Всѣ таковые, весь сѣрый, молчаливый, съ затаенною мыслью и скрытымъ горемъ, бѣдный народъ наполнялъ собой церкви на раннихъ обѣдняхъ, съ преимущественнымъ преобладаніемъ женскаго пола, среди которыхъ выстаивали службу и присяжныя богомолки.

Соборная архіерейская обѣдня привлекала почти исключительно чистый городской народъ въ смазныхъ и личныхъ сапогахъ, въ синихъ сибиркахъ, въ разнаго покроя пальто: все это—либо торговый народъ, либо мѣщане съ разночинцами и чиновниками. Всѣ они явились сюда по тому, что ужъ очень близко, очень весело и любопытно, и притомъ не столько помолиться, сколько поглазѣть въ полное и продолжительное удовольствіе. Они и не скрываются въ томъ, обличая себя разговорами и движеніями.

Изъ женскаго пола была все одна смѣшливая и игривая молодежъ, въ красныхъ и яркихъ цвѣтовъ ситцахъ, пришедшая тоже больше поглазѣть, чѣмъ помолиться: матери будили ихъ къ раннимъ обѣднямъ — онѣ не поднялись и не пошли.

Вотъ одна изъ такихъ тараторитъ, стоя у крыльца при входѣ на паперть:

— Палку-то въ церковь онъ внесъ простую — поповскую, а тамъ что́-то съ нимъ сдѣлали, по церкви-то понесъ онъ другую, съ зубьями, золотую, высокую-высокую, а за нимъ заговорилъ кто-то, да такъ-то громко! А тамъ меня повернули къ нимъ затылкомъ, я и не опомнилась, какъ изъ дверей-то меня сюда выпихнули. Пойду-ка на базаръ!

Общее вниманіе, дѣйствительно, сосредоточивалось на архіереѣ. Глаза всѣхъ напряженно устремлены были на то, ка̀къ онъ облачался среди церкви (при чемъ два иподьякона торопливо завязывали ленты и застегивали на бокахъ пуговки), ка́къ умывалъ онъ руки, ставилъ въ стихарь молодого человѣка. При этомъ толпа начинала тѣсниться и всѣ вставали на цыпочки, безцеремонно облокачиваясь руками на плечи переднихъ. Особенное произошло движеніе и выразился усиленный интересъ въ то время, когда повели отъ алтаря новаго ставленика, который два раза поклонился въ поясъ, въ третій прямо упалъ архіерею въ ноги.

На этотъ разъ въ толпѣ можно даже было слышать вопросы и разговоры:

— Чей такой?

— Гружининскаго стараго дьякона сынъ. Недавно свадьбу играли.

— Во священники?

— Нѣтъ, во діаконы: тѣхъ послѣ ставятъ, этихъ завсегда прежде.

— Какъ бы поглядѣть?

— А я посторонюсь, посмотрите!

— Стрижетъ, что́ ли? и т. д.

Съ крикомъ и взвизгами ринулась молящаяся толпа впередъ, когда очистилось архіерейское мѣсто среди самаго торжественнаго и увлекательнаго пѣнія «Пріидите поклонимся», и обнаружила такое

же настойчивое и сильное обратное движеніе назадъ къ дверямъ и далеко потомъ, когда раздался изъ-за аналоя одинокій голосъ говорившаго проповѣдь.

Ближніе потѣснились и сгрудились ближе къ солеѣ. Въ заднихъ и среднихъ рядахъ началась толкотня, раздавались толчки и пинки во всѣ стороны и вырывалась воркотня, упреки и даже сердитая брань.

Проповѣдникъ—молодой человѣкъ, съ гладко выстриженными волосами и въ золотномъ стихарѣ, крикливымъ голосомъ, не владѣя интонаціей, объяснялъ причины пришествія на землю Спасителя, ради нашего спасенія.

Подыскивая доказательства во псалмахъ Давида, въ писаніяхъ пророковъ, онъ всякій разъ выкрикивалъ свой вопросъ, положенный въ основаніе хрій, и на короткое время при этомъ промолкалъ. Потрудился онъ много, блуждая безъ конца въ заповѣдномъ кругѣ; казалось, могъ бы не кончить до завтра, не щадя усилій для доказательства истины, которая всѣмъ давно извѣстна и общепонятна. Вотъ бы и прямыя доказательства передъ глазами—полная церковь вѣрующаго въ то и молящагося Спасу народа. Вотъ и прямой отвѣтъ на существенный вопросъ проповѣди.

— Я ничего не понялъ, мудрено говоритъ. Да кто онъ такой?

— Нашего попа сынъ, профессоръ семинаріи: видѣлъ, отецъ-отъ изъ сѣверныхъ дверей выглядывалъ все время.

— Такъ; вѣдь, мы-то—не попы и не семинаристы! Какъ понимать слово его?

— Каково ваше сужденіе по выводу впечатлѣній? допытывалъ самъ проповѣдникъ подвернувшагося ему знатока, но получилъ короткій отвѣтъ:

— На старую истину есть нѣкоторыя новыя доказательства, но многое и упущено.

Архіерей, благословивъ его послѣ проповѣди, тоже ничего не сказалъ.

Потолковали немножко священники и похвалили проповѣдь тѣ, у которыхъ дѣти еще учились въ семинаріи.

Съ особенною, впрочемъ, торопливостью и усердіемъ клались за

обѣдней поклоны, когда отпирались и запирались царскія двери и ширкала по стальному пруту на мѣдныхъ колечкахъ шелковая яркаго цвѣта завѣса. На такой случай, какъ и на нѣкоторые другіе, сколько извѣстно, существуетъ въ народѣ особая молитва, Богъ вѣсть-откуда взятая и кѣмъ завѣщанная, но всѣмъ хорошо знакомая и богомолами усердно повторяемая:

— Шаркни, Боже, по душѣ, по тѣлу, по животу, по женѣ, по дѣтямъ, по моему здоровью.

Привычные къ церкви, прислушавшіеся къ словамъ, но неграматные и темные люди придумываютъ и свои молитвенныя возглашенія, спохватываясь во время отъ дремоты, чтобы перекрестить ротъ или спѣшно выговорить при томъ случаѣ, когда во время кажденія вспыхнетъ у дьякона въ кадилѣ ладанъ огненнымъ пламенемъ:

— Матушка Неопалимая Купина, не опали ты меня!

Кончилась обѣдня, кончился и соборный молебенъ.

Подъ веселой, громкой и продолжительной звонъ расходились молельщики всякій по своимъ мѣстамъ и дѣламъ. Нѣкоторые изъ нихъ прямо превратились въ торговцевъ и натягивали на желѣзный аршинъ кумачи и ситцы. Самая бо́льшая часть обратилась въ ту крикливую базарную толпу, которая неизмѣнно выростаетъ послѣ молитвы и подлѣ мѣста моленія съ самыхъ древнихъ языческихъ временъ. И на этотъ разъ, и на этомъ мѣстѣ оказалось тоже, что́ въ самыя отдаленныя доисторическія времена въ Ромнахъ, подъ Ильинъ день, значительно позднѣе въ Коренной, подъ Курскомъ, и еще ближе къ намъ, подъ Макарьевымъ на Жолтыхъ водахъ Волги и т. д.

Въ толкахъ и хлопотахъ о насущныхъ нуждахъ начинаетъ на базарѣ слабѣть и улетучиваться то бодрое и свѣжее чувство, которое было возбуждено или подогрѣто всею обрядовою торжественностію праздника и блескомъ богослуженій.

Очень не вдолгѣ начала шипѣть гармоника и тринькать балалайка. Еще не кончился монастырскій звонъ, а уже стали встрѣчаться одиночки, пары и тройки подгулявшихъ мужиковъ, горланившихъ пѣсни и пришедшихъ въ такое состояніе тѣла и духа, которое невольно вызывало вопросы встрѣчныхъ:

— Гдѣ это вы наторопились?

Дольше берегли поселившееся въ душѣ отрадное настроеніе тѣ изъ усердныхъ, опытныхъ и умѣлыхъ, которые привыкли молиться, пріучили себя вникать и прислушиваться, — словомъ, тѣ, которые изъ богомольцевъ превратились въ монастырскихъ гостей и сидѣли по кельямъ до вечерень.

Угощеніе было неизбѣжно и производилось съ полнымъ радушіемъ и русскихъ гостепріимствомъ, но такъ скрытно и смирно, что со стороны можно было думать, что служба утомила, и монастырь, исполняя вѣковѣчную задачу, погрузился, по обычаю, въ свою ежедневную мирную, тихую и однообразную дремоту.

Были даже свои гости и у архіерея.

IX.

Въ сѣрой муарантиковой рясѣ, въ клобукѣ, очень широко расходившемся кверху, время отъ времени поправляя панагію и ордена, сидѣлъ архіерей на диванѣ передъ столомъ, обставленномъ съ двухъ сторонъ креслами, въ ожиданіи гостей.

Когда онъ отправлялся за платкомъ въ карманъ подрясника и при этомъ распахивалъ полу рясы, видно было, что и этотъ подрясникъ былъ также шелковый, голубого цвѣта матеріи, подпоясанный широкимъ, шитымъ шелками и бисеромъ, великолѣпнымъ поясомъ.

Монастырскій настоятель-архимандритъ только-что успѣлъ поднести владыкѣ большую рюмку краснаго вина и богородичепъ свѣжій хлѣбецъ и стоялъ, въ ожиданіи благословенія. У открытаго окна виднѣлся стоявшій съ широкими плечами, круглымъ животомъ и высокою грудью протодьяконъ, тоже весь въ шелку и въ богатомъ поясѣ.

Искоса взглядывалъ онъ въ окно, подъ которымъ тихо и смиренно прохаживался монахъ, словно обронилъ что́ и теперь ищетъ. Едва скрывая улыбку, переносилъ протодьяконъ взглядъ со двора

на владыку и переминался ногами и разъ даже поперхнулся и крякнулъ.

Владыка замѣтилъ это и понялъ:

— Протодьяконъ! что́ ты тутъ праздно стоишь? Ступай! Теперь ты мнѣ не надобенъ.

Встрепенувшись, какъ бы отъ полусна, протодьяконъ быстро и ловко подошелъ подъ благословеніе и, цѣлуя мягкую, какъ пухъ, руку, проворчалъ басомъ:

— Пріемлю дерзновеніе попросить святаго благословенія.

— Ступай, ступай: ждутъ уже—поди!

Отпустилъ онъ и настоятеля, обѣщавшись позвать его, когда понадобится.

Самъ; сталъ принимать гостей и посѣтителей, заговаривалъ съ ними и старался, сколько возможно, быть любезнымъ хозяиномъ, но не уступалъ никому своего дивана.

Зачало обычное:

— Нынѣ православнымъ наипаче благопотребна и благовременна молитва: очень горячее лѣто, все горитъ. Оттого, полагаю, столь велико стеченіе народа въ обитель, каковаго я уже и не упомню!—сказалъ онъ такую фразу, которую, въ это же самое время, можетъ быть, проговорили съ нимъ въ самыхъ отдаленныхъ монастыряхъ и городахъ не одинъ десятокъ разъ.

При молчаніи, съ благоговѣйнымъ вниманіемъ предсѣдящихъ, владыка продолжалъ, оправляя обѣими руками клобукъ и побрякивая крупными четками изъ тяжеловѣсовъ:

— Въ храмѣ душно было. Я уже приказывалъ въ алтарѣ всѣ окна открыть. Въ старинныхъ храмахъ очень неудобно освѣжать воздухъ. Старинные люди любили тепло жить,—замѣчалъ архіерей съ легкой улыбкой, которая передалась и посѣтителямъ и ободрила ихъ.

Одинъ замѣтилъ-было, что «паръ костей не ломитъ», но другой перебилъ вопросомъ:

— Утомиться изволили?

— Какое же утомленіе въ молитвѣ?—довольно рѣзкимъ тономъ отвѣчалъ владыка вопросомъ, и продолжалъ:

— Молитва укрѣпляетъ и освѣжаетъ. Іоаннъ Богословъ восхищенъ былъ даже до третьяго неба. Я съ крестнымъ ходомъ обхожу половину нашего города и не ощущаю ни малѣйшаго утомленія.

— Мнѣ сидѣть по долгу гораздо мучительнѣе, продолжалъ онъ занимать гостей.

Въ это время, молодой келейникъ разносилъ чай въ чашкахъ. Первую поднесъ архіерею, а подавая прочимъ, клапялся, не разгибая спины, всей доской. При этомъ волоса его срывались на лицо, но онъ быстро встряхивалъ головой назадъ, отчего очень скоро и ловко размѣщалъ длинные волоса по своимъ мѣстамъ. То же самое дѣлалъ и слѣдовавшій за нимъ послушникъ, завѣдующій орлами и посохомъ, носившій теперь лотокъ съ нарѣзанными ломтями бѣлаго хлѣба монастырскаго печенья, но не сдобнаго и не сладкаго — по монашескому смиренію, нестяжанію и скудости.

Разговоръ вертѣлся на общихъ мѣстахъ и кое-какихъ замѣчаніяхъ на вопросы, а потому былъ вялъ, натянутъ и неинтересенъ.

Интереснѣе были самые гости.

Придерживался на кончикѣ кресла, не кстати и безъ причины улыбался толстый купецъ въ радужномъ жилетѣ и не зналъ, куда дѣвать свои руки. На оплывшемъ лицѣ изображалъ онъ испуганный видъ, говорившій, что попалъ сюда владѣлецъ его не столько по охотѣ и доброй волѣ, сколько по принужденію или по обязанности. Онъ не зналъ что́ съ собой дѣлать и положительно ничего не могъ говорить.

Это—одинъ изъ многихъ. Нѣкогда богатый купецъ, онъ имѣлъ пристрастіе къ духовнымъ лицамъ или, собственно, къ церковному пѣнію, а по отраженію и преемству,—къ пѣвческимъ хорамъ и «большимъ» пѣвчимъ.

Весь городъ, въ которомъ онъ жилъ, богатый и торговый городъ, заражонъ былъ, во всемъ купеческомъ сословіи, однимъ любезнымъ развлеченіемъ—хожденіемъ по церквамъ, собираніемъ пѣвческихъ хоровъ изъ любителей, разучиваніемъ портеснаго пѣнія и т. п. Разъ собрали деньги, послали депутатовъ, разыскали голосистаго баса, котораго архіерей и посвятилъ въ дьяконы. Граждане наслаждались имъ долго, стараясь подражать ему всѣмъ городомъ, и были

очень счастливы и очень хвастливы передъ сосѣдними городами, за что́ отъ этихъ прозваны были въ насмѣшку «колокольниками». Вдругъ, архіерей, за долговременную службу, посвятилъ своего протодьякона во священники, потомъ сталъ прислушиваться и выбирать поваго: со всей епархіи своей потребовалъ для испытанія и соревнованія всѣхъ голосистыхъ дьяконовъ. Первымъ имѣлся въ виду городецкій.

Городскіе купцы переполошились, опять собрали деньги, выбрали довѣренныхъ, послали молить слезно и кланяться низко у владыки, чтобы не лишилъ ихъ города знаменитости.

Владыка смиловался: дьякона имъ оставилъ. По старому дьякона поили и съ нимъ пили до того, что онъ занемогъ и скончался.

Вскорѣ послѣ того, черезъ тотъ городъ проѣзжалъ знаменитый столичный протодьяконъ, сосланный за какія-то прегрѣшенія на мѣсто родины, въ почотное изгнаніе.

Тогда не было телеграфовъ, не было послано и нарочныхъ эстафетъ, но, по людской молвѣ и по вѣтру, узнали «колокольники» о такомъ важномъ для нихъ событіи и о такомъ счастіи для ихъ города, что проѣдетъ басистая знаменитость. Заусловлены были соборные священники, разставлены махальные на дорогу, на встрѣчу высланы депутатами почотныя лица. Кланялись они проѣзжему, просили отслужить обѣдню, и, получивши за хорошія деньги согласіе, звонили въ будень въ праздничный большой соборный колоколъ.

Сбѣжался весь городъ. Проѣзжій протодьяконъ показалъ себя и въ церкви, и на общественномъ обѣдѣ. Сытымъ и пьянымъ увезли его тѣло дальше, но духъ его остался въ городѣ: каждый сталъ стараться ему подражать, дойти до тѣхъ густыхъ тоновъ, выработать такія же плѣнительныя вибраціи. Весь городъ забасилъ, пѣлъ и гудѣлъ, голосилъ на всѣ лады и на всякомъ мѣстѣ: и по домамъ, и по рядамъ. Возились и мучались такимъ образомъ долго, пока не дошелъ одинъ и не попалъ въ самую точку, и всѣхъ такимъ образомъ перехвасталъ.

Когда достигъ онъ такой чести и счастія, всѣ другіе соперники замолчали, и затѣмъ дерзали пробовать и развивать себя лишь толь-

ко дома, передъ праздниками, и такъ, чтобы побѣдитель не могъ ихъ услышать...

Побѣдитель былъ именно тотъ одутлый купецъ, который отмалчивался, сидя въ гостяхъ у архіерея.

Побѣда эта рѣшила его судьбу. Онъ началъ гоняться за пѣвчими, собирать ихъ въ хоры и заставлять пѣть, конечно, съ тѣмъ, чтобы и самому въ томъ участвовать. Самъ на свой счетъ завелъ онъ хоръ: потратилъ много денегъ, но не выдержалъ, распустилъ пѣвцовъ и началъ съ тѣхъ поръ гоняться за городскими и архіерейскими. Угощалъ ихъ, угощался самъ. При этомъ онъ сильно расходовался: пѣвчіе его не щадили да и онъ самъ не скупился для удовлетворенія своей неутолимой страсти. Верхомъ блаженства считалъ онъ пѣніе басоваго соло въ какомъ-либо изъ концертовъ Бортнянскаго, верхомъ счастія—чтеніе апостола за обѣдней, посреди церкви и многолюдства, и при пѣвчихъ.

Эта неумолимая и неисправимая страсть довела его, наконецъ, до полнаго раззоренія и поставила глазъ на глазъ съ грядущей бѣдностью. Догуливая послѣднее, онъ совсѣмъ переселился въ губернскій городъ, и, гдѣ бы ни пѣли пѣвчіе, онъ неизбѣжно являлся тамъ—не помогать, за утратою свѣтлаго и пригоднаго для хоровъ баса, а уже просто насладиться и послушать. Онъ и въ монастырь къ угоднику на праздникъ пріѣхалъ только потому, что туда увезли городскихъ пѣвчихъ, да сверхъ того, предполагалось пѣніе и мѣстныхъ: каковы-то они—онъ еще не слыхивалъ.

Онъ и къ архіерею въ гости залѣзъ лишь затѣмъ, чтобы выждать случай и осмѣлиться попѣнять вскользь на то, что владыка не разрѣшилъ пѣть съ партеса весь лѣвый ликъ, а приказалъ только «задостойникъ» нотный, и что, вмѣсто восьми-голоснаго концерта Бортнянскаго «Вси языцы», разученнаго пѣвчими, допустилъ какую-то скучную проповѣдь.

Онъ съ наслажденіемъ и вдосталь наулыбался и натеръ руками свои колѣна, когда одинъ изъ гостей архіерея заговорилъ о сегодняшной проповѣди и отозвался объ ней не совсѣмъ удовлетворительно.

— Понравились ли пѣвчіе?—приласкалъ купца архіерей.

— Много доволенъ,—умѣлъ придумать и сказать въ отвѣтъ любитель пѣнія и затѣмъ уже не говорилъ во все время ни слова.

— А я негодую, ибо торопились,—замѣтилъ съ своей стороны архіерей.

Щебетала за купца, когда поразмялся разговоръ, болтливая барыня изъ разряда тѣхъ богомолокъ, которыя безразлично, въ замужнемъ и вдовьемъ положеніи, обрекаютъ себя на скитанье по монастырямъ. Онѣ докучливо осаждаютъ всѣхъ настоятелей, часто добираются до архіереевъ и заводятъ съ ними бесѣды съ исключительною цѣлію потомиться подъ тяжестію обуревающихъ душу вопросовъ. Собственно до разрѣшенія ихъ мало имъ дѣла. Полученное или не усвоивается вовсе, по неразвитости, или скоро забывается, по дворянскому и свѣтскому праву, именно съ однимъ пріятнымъ итогомъ и преимуществомъ, что съ этимъ же вопросомъ можно-де заново обращаться къ другимъ и новымъ лицамъ.

Новыя лица, новые виды, новыя впечатлѣнія для подобнымъ «ханжей» всего дороже и милѣе. При этомъ вопросы, залегающіе въ душу, бываютъ самые причудливые и неожиданные, ставящіе совѣстливыхъ въ тупикъ и вызывающіе у смѣлыхъ рѣшительные отвѣты, произносимые не безъ улыбки.

— Можно ли, не грѣшно ли, и разрѣшается ли святыми отцами пробовать на зубахъ яйцо до заутрени Свѣтлаго Христова Воскресенья?

— Слѣдуетъ ли читать очистительную молитву надъ оскверненнымъ околѣвшею мышью глинянымъ сосудомъ или полагается творить это по требнику Могилы только надъ деревяннымъ сосудомъ?

Иногда онѣ обращаются за объясненіемъ сновъ, въ которыхъ проявится что-нибудь отъ божественнаго. Иногда принимаются хлопотать и докучать объ православіи новой чудотворной иконы или объ открытіи новоявленныхъ мощей, въ родѣ Анны Кашинской и Маѳы Посадницы. При этомъ простодушно разсказываютъ о совершившихся знаменіяхъ надъ ними самими или надъ ихъ ближними о различныхъ исцѣленіяхъ, о чудодѣйственной силѣ могильнаго песку, и о прочемъ.

Такихъ святошъ изъ женскаго пола и дворянскаго званія ко всякому архіерею прикомандировываются цѣлые десятки.

У всякаго архимандрита также сидятъ, вздыхаютъ и докучаютъ такія же ханжи, по тому неотразимому закону, что ихъ «ничѣмъ же избыти можно: ни молитвою, ни постомъ». Скорѣе міръ прейдетъ, а онѣ не переведутся на святой Руси, гдѣ такъ просторно для шатанья и такъ много монастырей и монаховъ.

Прошлое такихъ госпожъ, обыкновенно, веселое и шаловливое, съ избытковъ грѣшковъ среди холостёжи, безъ разбора чиновъ. Такихъ грѣховъ на одной головѣ скопляется иногда такъ много, что, когда, издержавшись въ свѣтской жизни, эти грѣшницы начинаютъ повѣрять себя и вдумываться, то выходитъ всегда на одно: надо отмаливаться. Избирается духовное лицо, всего чаще монашескаго чина,— ему ввѣряется всякая тайна, отъ него получаются поученія и руководства, какъ поступать и что дѣлать. Выбирается одна церковь, на которую и устремляются любовь и попеченія: жертвуются вклады, производятся всякія починки. Церковь эта считается своею, какъ бы домашнею, гдѣ и молится жертвовательница не иначе, какъ впереди всѣхъ и на коврикѣ, съ печатной книжкой въ рукахъ. Сюда выносится дьякономъ отдѣльно на блюдѣ просфора. Ей первой, при выходѣ, подается крестъ для цалованія, къ первой пріѣзжаютъ славить и т. д., по вѣковѣчному обычаю. Не въ своей церкви госпожа эта и молится неохотно. Изъ-за нея отлучается она только въ любимый монастырь и позволяетъ себѣ иногда снисходить до торжественныхъ архіерейскихъ служеній (какъ случилось и на этотъ разъ). Но и тогда она не отказываетъ себѣ въ привычныхъ удобствахъ: большой гайдукъ идетъ впереди и толкается, осаживая толпу и пролагая путь.

Высокіе чепцы эти на трясучихъ головахъ съ развѣвающимися оборками всегда торчатъ впереди у самыхъ иконостасовъ, гдѣ эти молельщицы постоянно отличаются особымъ нервнымъ безпокойствомъ и хлопотливостью. Онѣ либо лазятъ по лѣсенкамъ и прикладываются къ мѣстнымъ иконамъ, безъ разбора, во-время и безо-времени, либо толкутся у южныхъ дверей, гдѣ о чемъ-то всегда спорятъ и вздорятъ съ дьячками и по долгу толкуютъ съ дьяконами: то пере-

путаютъ имъ поминальники, то мало вынутъ частицъ изъ просвирки, то и просвирка-то словно не та: она подала какъ будто побольше и покрупнѣе.

Надоѣли эти молельщицы всѣмъ духовнымъ, но не какъ «Христовы невѣсты», а какъ истинныя «иродіады», которыхъ попы ублажаютъ «страха ради архіерейска», такъ какъ эти лживыя «магдалины» болтливы и злы на языкъ.

Въ качествѣ святыхъ женъ, онѣ щекотливы на обиду, капризы и мстительны во всѣхъ случаяхъ, когда не успоровятъ имъ первымъ подать крестъ, забудутъ вынести просфору, и т. д. Мстительность у нихъ прикрыта всегда простодушнымъ желаніемъ пещись о чистотѣ правовъ служителей алтаря. Доносы владыкамъ на неугодливыхъ поповъ у нихъ полагаются въ разрядѣ благочестивыхъ подвиговъ и въ качествѣ радѣнія о церкви. Въ этомъ отношеніи, онѣ очень опасны и сильны тѣмъ своимъ свойствомъ, что рядомъ съ богомоленіями умѣютъ показывать благотворенія и дѣлать различные, иногда очень щедрые вклады. То и другое, конечно, дѣлаютъ онѣ такъ, чтобы было всѣмъ видно.

Выходятъ онѣ изъ церквей тихо и торжественно, опираясь на трости, какъ ходили, можетъ быть, только древнія благочестивыя московскія царицы на богомолья. Онѣ, эти богомолки, своеручно даютъ милостыню калѣкамъ и нищимъ. Благотворятъ сиротамъ, въ особенности дѣвицамъ, изъ страстной любви отыскивать имъ жениховъ и выдавать ихъ замужъ. Любятъ навѣщать больныхъ и лечить домашними средствами, и непремѣнно боготворятъ какого нибудь разслабленнаго урода, къ которому ходятъ съ подаяніями за предсказаніями и для поученій. У странницъ, приносящихъ изъ Палестины волшебные іерусалимскіе жезлы и слышавшихъ, черезъ отверстіе въ храмѣ, стонъ грѣшниковъ въ аду, проводятъ цѣлые дни, слушаютъ вранье и утопаютъ въ наслажденіи, которое считаютъ благодатнымъ. Словомъ, ведутъ онѣ ту жизнь и отличаются такими дѣяніями, которыя всѣмъ такъ хорошо извѣстны, что нѣтъ нужды распространяться о нихъ больше.

Не особеннымъ вниманіемъ награждалъ архіерей и ту, которая

затесалась къ нему въ покои и сидѣла въ креслахъ противъ купца-воспѣваки.

— Куда обрекли себя, сударыня, нынѣ на богоугодный подвигъ странствованія?—спрашивалъ онъ ее только для того, чтобы быть любезнымъ и привѣтливымъ хозяиномъ.

— Многіе, сударыня, чрезъ такіе подвиги получаютъ успокоеніе во грѣхахъ. Это—одинъ изъ путей ко спасенію. Евфросинія-преподобная полоцкая, причтена къ лику святыхъ—проповѣдывалъ владыка, получивъ отвѣтъ.

Онъ хорошо зналъ, что богомольная сударыня одного года не можетъ усидѣть на одномъ мѣстѣ безъ того, чтобы не предпринять какое-нибудь путешествіе на далекое богомолье. Возвращалась она домой лишь затѣмъ, чтобы заручиться средствами изъ доходовъ по имѣнію, и опять ѣхала либо въ Задонскъ и Воронежъ, либо въ Кіевъ и Москву, либо въ Саровскую пустынь и Соловки; заѣзжала и сворачивала съ дороги въ спопутные и ближніе монастыри.

Странствовала она запасливо, ѣла сладко, искала всякихъ удобствъ и гонялась за возможнымъ спокойствіемъ. При этомъ отличалась барыня несноснымъ для спутниковъ характеромъ: мучала всѣмъ претензіями и капризами и даже скора и крута была на брань, а въ крѣпостное время—на щипки и побои.

Вся цѣль остальной жизни для нея свелась теперь на одно: молиться такъ, чтобъ было нескучно, благотворить такъ, чтобъ не было дорого и давался бы хорошій нравственный приростъ, а странствовать удобно и весело, и по возможности такъ, чтобы не требовалось труда и усилій: текла бы молитва по маслу, надежда на спасеніе не покидала, упрековъ и сомнѣній въ ханжествѣ и юродствѣ не слыхать было, да и самой объ нихъ не всходило бы на умъ.

Оставлялъ эту богомолку архіерей и обращался къ другимъ гостямъ, но озабоченное лицо его, обращавшееся часто къ дверямъ, показывало, что онъ занятъ былъ другими безпокойными мыслями, не дававшими ему возможности сосредоточиться на наличныхъ гостяхъ.

Наконецъ, показалась въ дверяхъ сухая, высокая и сѣдая фигура въ чорномъ фракѣ, украшенная двумя звѣздами, солидно и важно

державшая себя при входѣ. Всѣ сидѣвшіе повскакали съ мѣстъ. Воспѣвака-купецъ поспѣшилъ быстро схватить благословеніе и пролѣзъ въ дверь, поторапливаясь къ пѣвчимъ, которые осаживали уже вторую четверть съ холодными монастырскими огурцами.

При входѣ новаго гостя, самъ архіерей, видимо, оживился. Онъ уже ждалъ его, будучи знакомъ съ Петербурга, когда былъ тамъ викаріемъ, и видѣлъ сегодня въ церкви стоявшимъ у кожанаго аналоя и слѣдившимъ по книгѣ: повѣрялъ что́ или любопытствовалъ— осталось неизвѣстнымъ. Съ соблюденіемъ достоинства и медленно хозяинъ привсталъ съ дивана и направился на встрѣчу вошедшему. Благословилъ онъ его большимъ охотливымъ крестомъ, неохотно далъ поцаловать свою руку, заминался и совѣстился, но поцаловался съ гостемъ въ уста и вообще, видимо, воспрянулъ и сдѣлался добрымъ, какъ будто даже и помолодѣлъ.

Въ келью вошелъ одинъ изъ тѣхъ извѣстныхъ чиновныхъ богомоловъ, который странствіями своими одновременно прокладывалъ пути и ко спасенію, и къ высшимъ должностямъ по духовному вѣдомству. Епархіальнымъ владыкамъ рязсказывали даже по секрету, что онъ числился въ кандидатахъ на большую должность въ синодѣ и, странствуя теперь, уже только доучивается и доглядываетъ остальное немногое, чтобы стать подлиннымъ свѣтильникомъ, который горитъ пока подъ поломъ, а скоро поставленъ будетъ на высокое мѣсто.

Все это твердо зналъ и нашъ архіерей. Усаживая чиновнаго и знаменитаго гостя на диванъ, самъ онъ покусился даже сѣсть на кресло подлѣ—и вообще конфузился и путался.

— Благолѣпное служеніе вашего преосвященства перенесло мое воображеніе въ отдаленныя времена нашей православной русской церкви,—началъ говорить чиновникъ тѣмъ тономъ, который усвоенъ учителями-классиками, губернаторами, самомнительными чиновниками и прочими ораторами не по призванію, а по профессіи пріучонными къ слушателямъ и привыкшими слушать самихъ себя.

Не только у архіерейскихъ посѣтителей, но и у самого владыки были, что́ называется, ушки на макушкѣ.

— Подъ впечатлѣніями умилительности обрядовой части таин-

ственнаго литургисанія,—продолжалъ гость и пріостановился, спутавшись и забывши то, что онъ еще не такъ давно въ тѣхъ же словахъ отпилъ какому-то другому архіерею. Рядомъ сидящій съ нимъ понялъ и подхватилъ:

— Благодарю Господа, что открылась мнѣ возможность и случай вспомоществовать вамъ...

Но не то хотѣлъ сказать чиновный богомолъ, а потому и перебилъ отвѣтъ:

— Думалось мнѣ: ветхопещерная церковь. Ветхія крещатыя ризы. Деревянные сосуды, которые самъ же преподобный и вытачивалъ.

Архіерей понялъ — и промолчалъ.

— Ночь на молитвѣ, день на работѣ до пота лица, всѣмъ въ благообразный примѣръ и въ скромно-благолѣпное поученіе. Предъ нимъ малое стадо до слѣпоты вѣрующихъ, мало подготовленныхъ. Очами и сердцемъ приковались они къ слабому голосу изможденнаго трудами и молитвами старца.

Архіерей встрепенулся-было, но ораторъ не переставалъ:

— Сколь должно быть плодотворно и боговдохновенно то простое служеніе!

Архіерей совсѣмъ уже понялъ и, какъ опытный и бывалый въ спорахъ по семинаріи, смѣло пустился въ разговоръ и прибиралъ возраженіе о требованіяхъ вѣка, о необходимости образнаго воздѣйствія и внѣшнихъ обрядовъ на младенческіе умы...

— Да, скажу болѣе: умы, не зараженные притомъ духомъ иновѣрія и безвѣрія.

Хорошо зная, что архипастырь у него въ рукахъ, не по силѣ наибольшаго богословскаго образованія, а по житейскимъ случайностямъ, богомолъ перемѣнилъ разговоръ:

— Простите, владыко святой, я замѣшкался. Разсматривая иконостасъ, видѣлъ иконы очень древняго пошиба. Есть строгоновской школы. Есть одна, видимо, корсунскаго письма.

Начался тотъ разговоръ, который прочіе архіерейскіе посѣтители не хотѣли слушать, и, принявъ напутное благословеніе, оставили сановныхъ собесѣдниковъ вдвоемъ.

При выходѣ богомолки, богомолъ еще разъ и особенно внушительно искоса взглянулъ на нее, да такъ, что взглядъ этотъ не прошелъ незамѣтнымъ и для собесѣдника. Ходили слухи и указывали опредѣленныя доказательства, что рядомъ съ духовно-церковнымъ музеемъ, столь же усердно собиралъ богомолъ другую коллекцію, которую онъ рѣшался показывать только избраннымъ и охотникамъ, что коллекція эта превосходила все до сихъ поръ виданное въ этомъ родѣ и что стоила она также нѣсколько тысячъ рублей. Говорили, что страсть его къ женскому полу велика и, по мѣрѣ накопленія лѣтъ, возростала, что это — одна изъ причинъ его неугомонныхъ передвиженій и скитаній. Знали объ этомъ и въ монашескихъ кельяхъ, въ особенности, въ тѣхъ, которыя украшаются портретами архіереевъ, имѣютъ крашеные въ шахматы полы, мягкую мебель, мягкіе ковры и шитыя женскими руками подушки по канвѣ шерстями, шелками и бисеромъ.

По уходѣ свидѣтелей, разговоръ собесѣдниковъ вращался на общихъ мѣстахъ, всегда готовыхъ въ такихъ случаяхъ къ услугамъ Говорили о различныхъ епархіальныхъ архіереяхъ: объ одномъ, удаленномъ на покой за дурное веденіе казначейской части и слишкомъ тяжолые и явные поборы духовенства, и оправдывали его тѣмъ довѣріемъ, которое самъ же онъ, по лѣности и неосторожности, оказывалъ секретарю консисторіи, а секретарь былъ родной архіерейскій племянникъ. Говорили о другомъ, денежный капиталъ котораго въ нѣсколько тысячъ не могъ казаться поразительнымъ именно потому, что проповѣди его имѣли въ продажѣ громадный успѣхъ, и совсѣмъ не потому, чтобы онъ, подобно другимъ многимъ, печатныя проповѣди свои насильно навязывалъ епархіальному духовенству и библіотекамъ церквей, а, напротивъ, очень готовно и любезно благословлялъ ими всякаго, посѣщающаго его скромную ученую келью: при этомъ, даже надписывалъ автографы. Кончина третьяго — явленіе столь рѣдкое между людьми высшаго духовнаго сана, обыкновенно доживающими до самой глубокой и маститой старости, также на нѣкоторое время остановила на себѣ вниманіе собесѣдниковъ и послужила предметомъ для обоюдно-интереснаго разговора.

При этомъ, владыка перебиралъ и перечислялъ своихъ товарищей

по духовной академіи, а гость изумилъ подробными свѣдѣніями о каждомъ архіереѣ, зная и помня прохожденіе ими различныхъ должностей: ректоромъ такой-то, и такой-то семинаріи, потомъ такой-то академіи, викаріемъ тамъ-то, епископомъ здѣсь, тамъ и въ третьей епархіи и, наконецъ, архіепископомъ въ шестомъ мѣстѣ. Какой у него орденъ, на какой пожалована корона—богомолу было извѣстно также въ точности и подробности.

При этомъ, одинъ разъ ему привелось пожалѣть, что у сарскаго епископа до сихъ поръ только Анна.

Другой разъ онъ могъ даже поспорить съ собесѣдникомъ и очень ясно ему доказать, что тотъ ошибается: либо забылъ о пожалованіи, либо не досмотрѣлъ въ спискахъ, что и неудивительно, такъ какъ обо всѣхъ объявляется разомъ, въ одномъ нумерѣ «Сенатскихъ Вѣдомостей».

Продолжительнѣе была бесѣда при воспоминаніи объ архимандритѣ, прославившемся святою жизнію и извѣстномъ не только нашимъ собесѣдникамъ, но и повсюду среди богомольнаго люда, несмотря на то, что монастырь его находился въ глухихъ и отдаленныхъ мѣстахъ. Изрѣченія этого старца передавались изъ устъ въ уста, всѣ признавали его одареннымъ даромъ предвидѣнія и предсказаній и заживо почитали и называли его человѣкомъ праведнымъ.

Богомолу удалось посѣтить его, и архіерей съ глубокимъ вниманіемъ слѣдилъ за подробностями разсказа очевидца.

— Дряхлый старецъ, удрученный болѣзнями, съ трудомъ могъ подняться съ своихъ креселъ, чтобы привѣтствовать во мнѣ прежняго своего знакомца. Рано утромъ я уже нашелъ его посреди богомольцевъ, которые одинъ за другимъ приходили принять его благословеніе. Каждаго принималъ онъ ласково, спрашивалъ имя, надѣлялъ образкомъ и отпускалъ съ назидательнымъ словомъ. Я подивился его терпѣнію при такомъ болѣзненномъ состояніи.

— Государь мой, сказалъ онъ мнѣ: больше труда было этимъ усерднымъ людямъ прійти къ угоднику, нежели мнѣ принять ихъ. Да и у чего же я поставленъ, если не буду благословлять ихъ во имя святителя?

«Въ числѣ посѣтителей былъ докторъ. Онъ, видя страданія архимандрита, совѣтовалъ ему многія средства для облегченія болѣзни.

Амфилохій вниманіемъ своимъ платилъ ему за участіе и наконецъ сказалъ:

— Милостивый государь, вотъ уже многіе годы, какъ я страдаю: знаете ли, какой единственный пластырь обрѣлъ я противу всѣхъ моихъ болѣзней? Терпѣніе, государь мой, единое токмо терпѣніе! По скольку его приложишь къ своимъ ранамъ, по столько и почувствуешь облегченія. Повѣрьте, что другаго нѣтъ для моихъ недуговъ. Жизнь человѣческая, какъ лампада: когда сосудъ благоустроенъ, хороша свѣтильня и масло чисто, тогда ясно горитъ и лампада. Но когда все въ ней приходитъ въ ветхость, скудѣетъ елей и задуваетъ вѣтеръ,—а вѣтеръ наши собственныя страсти,— тогда время ей погаснуть, и она гаснетъ сама собою.

«При этомъ я невольно взглянулъ на лампаду, висѣвшую передъ иконами.

— Въ какомъ благочестивомъ обществѣ провождаете вы всѣ дни ваши?—сказалъ я праведнику.

— Извольте посмотрѣть, государь мой, смиренно отвѣчалъ онъ: вотъ на правую сторону отъ меня—святые угодники, прославившіе своею жизнію Господа, а вотъ налѣво—благочестивые мужи, шедшіе по слѣдамъ ихъ; но поелику они еще не удостоились прославленія свыше, то, чтобы не смѣшать горняго съ дольнимъ, между ними утвердися здѣсь пропасть велика, — я самъ съ моими немощами и грѣхами.

«Провожая меня за святыя ворота, онъ осчастливилъ меня такимъ напутствіемъ:

— Желаю вамъ хотя нѣкую часть того духа благодати, которымъ былъ исполненъ сей подвижникъ.

«Когда я переступилъ за ворота, онъ еще держалъ меня за руку.

Я говорилъ:

— О, святая обитель! Какъ трудно съ тобою разставаться.

Онъ отвѣчалъ:

— Чувствуете ли, что здѣсь за оградою совсѣмъ другой воздухъ? Вся свѣжесть, весь ароматъ ночи остались внутри стѣнъ, а здѣсь все дышетъ житейскимъ. Теперь, простите! Я стою на томъ порогѣ, гдѣ для меня долженъ кончаться міръ».

Разговоръ еще долго продолжался въ подобномъ родѣ.

Бесѣда кончилась, конечно, обѣдомъ, на которомъ главную роль играла стерляжья уха отмѣннаго вкуса (приготовленная, будто бы, какъ сплетничаютъ злые языки, на мясномъ или куриномъ бульонѣ) и тякая разварная осетрина, подобіе которой можно встрѣчать лишь на званыхъ и заказныхъ московскихъ обѣдахъ. Жареная рыба также была отборная, и только сладкое желе показалось гостю несладкимъ и слишкомъ приправленнымъ рыбьимъ клеемъ.

— Келейникъ сахаръ воруетъ—подумалось гостю.

Архіерей сегодня хотѣлъ уѣзжать, но ради большого гостя остался, чтобы лично ознакомить (да и самому кстати посмотрѣть) съ достопамятностями и древностями монастыря.

Вечерній чай пили вмѣстѣ и разошлись довольно рано, по монашескому правилу.

Послѣ совершенія обычнаго келейнаго правила, архіерей, ложась въ нагрѣтую и мягкую постель, слушалъ своего келейника:

— Къ вечернѣ выходили изъ монаховъ только четверо, да послушники. Нѣкоторыхъ послушниковъ не было—обычно рапортовалъ долговолосый парень.

— А изъ рясофорныхъ?

— Ни одного не выходило.

— Отецъ настоятель? продолжалъ спрашивать владыка.

— Почиваетъ съ вечеренъ, наушничалъ келейникъ и, получивъ благословеніе, отправился въ садъ погулять и попѣть что-нибудь отъ божественнаго, въ страхъ и поученіе прочимъ.

Владыка заснулъ съ мыслію не налагать взысканій, но принять все сообщонное къ свѣдѣнію и руководству.

X.

На другой день, во время посѣщенія церквей и ризницы, осмотрѣно было евангеліе, написанное полууставомъ рукою подвижника

и имъ же оправленное въ мѣдные наугольники грубаго дѣла. Показали часословъ, также съ помѣтою руки преподобнаго, его крашенинныя ризы, деревянные сосуды, воздвизальный крестъ, служебное евангеліе и многія вещи, жертвованныя московскими царями и, конечно, съ именами, завѣщанными царемъ Грознымъ, и съ неизбѣжнымъ и краснорѣчивымъ добавленіемъ: «помяни, Господи, иныхъ убіенныхъ, ихъ же имена Ты, Господи, вѣси».

Понялъ ли значеніе монастыря посѣтитель—неизвѣстно: въ сочиненіяхъ его остались только возгласы, украшенные яркими цвѣтами хрій.

Въ сущности, этотъ вопросъ былъ простъ и разъясненіе его немудрено.

Послѣ татарскаго погрома, пожоговъ и всяческихъ раззореній въ населенной срединной и южной Руси, когда народъ разсыпался по безопаснымъ мѣстамъ въ лѣсахъ и за болотами, пришелъ въ сѣверную лѣсную Русь невѣдомый человѣкъ.

Выстроился онъ кельей на высокой горѣ, у подножія которой протекала рѣка. Здѣсь пришлецъ очутился въ полномъ уединеніи и стало быть, въ такомъ мѣстѣ, которое никому не принадлежало. Онъ началъ валить и расчищать лѣсъ, приготовлялъ мѣсто для пашни, на которой неустанно трудился, а въ келіи также неустанно молился Богу. Здѣсь же нашли его случайно, но вскорѣ, другіе блудящіе люди, извѣстные въ тѣ времена подъ именемъ «гулящихъ людей», т. е. оставившіе раззоренные дома, не платившіе никакихъ податей и ищущіе пашни, при содѣйствіи и подъ защитою вліятельныхъ людей и опытныхъ хозяевъ.

Отшельникъ, сдѣлавшись духовнымъ лицомъ, могъ быть именно этимъ защитникомъ и оберегателемъ людского труда. Всѣ уже знали тогда, что татарскія власти особенно почитали русское духовенство и ему подвластныхъ. Они освобождали ихъ отъ всѣхъ податей и повинностей, позволяли судиться своимъ судомъ. Живущіе на монастырскихъ земляхъ свободны были отъ всѣхъ даней на вѣчныя времена, а также и отъ всякихъ пошлинъ. Такимъ людямъ дозволялось даже убить татарина, попавшагося на воровствѣ, и не отвѣчать за это никому.

Строили свободные люди усердіемъ своимъ церковь Спаса. Проходящій игуменъ постригалъ подвижника въ монахи; ближній епископъ посвящалъ его въ іереи: ставился монастырекъ изъ пришлыхъ людей, изъ которыхъ одни дѣлались хозяевами-монахами, другіе — рабочими, т. е. бѣльцами; основатель — игуменомъ. Подъ деревяннымъ монастырькомъ выстраивалась изъ свободныхъ людей слобода, жители которой и тянули тягло на церковь и на князя. Они перестали называться «гулящими» и «бобылями», а сдѣлались людьми тяглыми, живущими подъ Христомъ — «хрестьянами».

Они тынили монастырь и дворъ, сгономъ орали землю на монаховъ, сѣяли, жали, возили сѣно, косили десятинами и также возили на монастырскій дворъ. По большой рѣкѣ они же ставили зимой и лѣтомъ ѣзы, ходили на неводъ по малымъ притокамъ, осеннимъ временемъ били бобровъ и забивали истоки; прудили пруды, оплетали сады. На Пасху и Петровъ день приходили къ игумену со всѣмъ, кто что могъ принести.

Молотили рожь, пекли хлѣбы, мололи солодъ и варили пиво уже сами иноки, во главѣ которыхъ образцомъ и примѣромъ стоялъ неусыпный настоятель.

Соединенными и усердными трудами вскорѣ пришельцы достигли того, что могли ставить запасныя избы и назначать дворы, на которые и созывали новыхъ населѣниковъ. Свободно располагавшіе выборомъ мѣста для жительства особенно усердно шли сюда и оставались здѣсь. Безсемейные и престарѣлые постригались. Въ монастырѣ вскорѣ объявился настоятель и братія со властями: келаремъ, трапезникомъ, ватажникомъ, дьякомъ и даже посельскими старцами въ то время, когда настойчивымъ трудомъ удалось врубиться далеко въ лѣсъ и устроить отдаленныя хозяйства.

Одинъ разъ, идя на такое дѣло, въ одной сторонѣ новые люди натолкнулись на сосѣда. Дѣло было такъ.

Накосили монастырскіе пришельцы сѣно, сложили въ стога, пріѣхали съ возами взять сѣно про зимній запасъ, а оно все растаскано, и остожья вырыты и брошены. Стали допрашиваться, стали искать объявились такіе же новые пришлые люди, расчистившіе лѣсъ и заводившіе пашню. Межи встрѣтились и перепутались.

Клали сосѣди между собою такой обычный уговоръ: «что отъ пня къ дубу, а отъ дуба къ лѣсу да на березу, а на березѣ сукъ вислой»—то наше: и опять путались, опять начинали споры. Изъ чужихъ людей выбирался любой пройти по межѣ и для доказательства призвать въ посредники и свидѣтели мать-сыру землю (т. е. положить на голову дернъ), но монастырщина принимала то дѣло за языческое. Выбирался изъ нихъ одинъ: бралъ образъ Пречистыя, ставилъ себѣ на голову и шелъ по той межѣ, которая казалась ему справедливою, и рѣшалъ споръ. Но и этого оказалось мало: надо было обращаться подъ защиту властей.

На бѣду и кстати, въ другой разъ и въ другой сторонѣ, объявлялось новое горе: попались невѣдомые люди, черномазые, скуластые, сыроядцы. Земли́ они не пахали, а на лѣсъ была у нихъ вся надежда: тутъ и звѣрь, и птица, т. е. товаръ и пища. Тутъ и святыя мѣста, гдѣ жили боги ихъ и стояли въ видѣ деревянныхъ чурбановъ. Эти шли съ упорствомъ и оружіемъ, грозили пожечь все и всѣхъ выгнать.

Надо было строить земляную крѣпость и искать сильной защиты: явилась вторая большая нужда.

Самъ настоятель собрался въ путь. Трудными непроѣзжими дорогами добрался онъ до стольнаго города, гдѣ, при помощи благочестивыхъ добрыхъ людей, доходилъ до властей. Объявляли ему государеву милость: въ сочельникъ на Рождество Христово становиться предъ государевы свѣтлыя очи.

Когда на «стиховнѣ» начали пѣвчіе государевы пѣть стихиры, дальній пришлецъ подходилъ со святыней. Государь сходилъ съ своего мѣста и, не отходя отъ него, принималъ своими руками ту святыню: образъ Спаса, просфору и святую воду въ восковомъ сосудцѣ.

Робкаго и смиреннаго старца жаловалъ онъ къ рукѣ и самъ отъ него благословлялся; указалъ послать подачу; и старцевъ и слугъ кормить; думному дьяку выслушать челобитье и дать царскому богомольцу грамату за печатью.

Отданы были новому монастырю не только тѣ земли и пустоши, куда доходили соха и топоръ, но записаны были за ратную службу иныя государевы волости съ людьми и угодьями, а съ иновѣрцами велѣно было поступить по общему правилу, говорившему: «всякое

село, въ немъ же требы языческія бываютъ или присяги поганскія, да отдавается въ Божій храмъ со всѣмъ имѣніемъ, елика суть Господеви».

Прочно установился новый монастырь въ матеріальномъ отношеніи: оставалось удержаться въ немъ, пользуясь готовыми и подручными способами. Находились охотники брать часть воды и земли на оброкъ съ платою денежными и натуральными продуктами подъ надзоромъ монастырскихъ прикащиковъ. Находились другіе охотники продавать свои земли и третьи — жертвовать ихъ вкладомъ на соборную церковь на поминъ души, для кормленія нищихъ и памяти о вкладчикѣ, «а тѣ вклады держать въ дому Спаса, а ни продать, ни промѣнять, ни отдать никому».

Установились такимъ способомъ за монастыремъ вотчины и села. На память богомольцевъ пѣли старцы панихиды, служили обѣдни, ставили кормы, а имена благодѣтелей вписывали въ синодики.

Бережливостію копились вещевые и денежные запасы; хозяйственнымъ искуствомъ увеличивались поземельныя владѣнія. По прежнему, на новыя и никѣмъ незанятыя земли высылались для селитьбы изъ церковныхъ людей посельщики или принимались прибылые охочіе люди. Льготная грамата въ этомъ отношеніи творила великія чудеса: народъ, набираясь скоро и охотно, составлялъ около монастыря живую защиту отъ всѣхъ бѣдъ и напастей и ту великую силу, которая немедленно повела монастырь къ обогащенію.

Устоялась обитель такъ, что не имѣла нужды записываться ни за князя, ни за митрополита, а оставалась общинною и общежитною, имѣла за собою обширныя и разнообразныя земли. Она не упускала случая пользоваться дарами ихъ.

Когда дикіе олени, собираясь въ лѣсу на одно и то же мѣсто, указали на что-то свое любимое, то и монастырскій скотъ слѣдомъ за ними пошелъ сюда: жадно пилъ воду и тучнѣлъ. Монастырь поставилъ здѣсь черную избушку и печь, вмазалъ сковороды и началъ выварывать соль. Когда вблизи родника начали рыть колодцы и объявилась такая же соленая вода, число избушекъ и цреновъ увеличилось: монастырю открылось новое богатство—соляныя варницы.

Когда болотная ржа указала рыхлую бурую землю и попробовали

накалить и расплавить ту землю на ручныхъ горнахъ, монастырь сталъ ковать гвозди, сталъ потомъ сдавать тѣ болотныя залежи на откупъ умѣлымъ и охочимъ.

Устанавливался новый промыселъ, заводился новый торгъ, объявлялись большія статьи доходовъ въ видѣ мукомольныхъ мельницъ и т. п. Прославлялся зоркій взглядъ и прозорливый крѣпкій умъ основателя, возносилось его святое имя.

Собиралъ игуменъ опять монастырскую святыню: священную воду святилъ полнымъ соборомъ, на великій праздникъ вынималъ заздравную царскую часть изъ просфоры, писалъ своими руками икону и снова шелъ въ Москву.

Въ Москвѣ становили его на переходахъ изъ государственныхъ палатъ въ церковь Благовѣщенія; принималъ Государь святыню, наказывалъ молиться о здравіи беременной Царицы и благополучномъ ея разрѣшеніи. По рожденіи Царевича, отпускали старца домой съ новыми вкладами, съ новой льготной граматой и съ указомъ о правѣ ежегодно приходить въ Москву и становиться въ навечеріе Богоявленія въ ряду архимандритовъ московскихъ монастырей, ниже Троицкаго и Андроникова: умолилъ-де игуменъ Царю благовѣрнаго и христолюбиваго сына.

Стала обогащаться съ тѣхъ поръ монастырская ризница и возрастать казна отъ вкладовъ московскихъ царей, а по ихъ примѣру—и отъ бояръ. Первымъ вспомнилъ и щедро наградилъ обитель тотъ Царь, о рожденіи котораго молился основатель. Особенно же щедрыя жертвы шли отъ Грознаго, когда онъ убилъ сына Ивана и разрушилъ Новгородъ, отъ богомольнаго сына его Ѳедора и отъ шурина послѣдняго—Бориса Годунова, который особенно любилъ богатить монастыри самыми разнообразными вкладами. Ветхую деревянную церковь, гдѣ погребенъ и объявился нетлѣннымъ учредитель обители, замѣнилъ каменный соборъ и пристроился къ нему другой и большихъ размѣровъ. Монастырскія церкви и келіи опоясала также каменная и высокая стѣна со сторожевыми башнями и бойницами. Присылались сюда изъ Москвы пищали и пороховое зелье, чтобы, принимая на себя удары отъ лихихъ людей: татаръ и Литвы, монастырь застанвалъ окольный православный народъ и все государство.

По первой вѣсти о воцареніи новаго Государя, ходили монастырскіе настоятели въ Москву. Здѣсь старыя льготныя и несудимыя граматы новый Царь велѣлъ записывать на свое имя «и рушить ее ничѣмъ не велѣлъ и велѣлъ ходити о всемъ по тому, какъ написано». Воленъ монастырь возить и плавить по рѣкѣ свой хлѣбъ, свою соль и свое желѣзо на продажу безпошлинно: «ни мѣста, ни явки, ни тамги, ни вѣсчаго, ни помѣрнаго, ни гостинаго, ни скуннаго съ денегъ, ни дворовыя пошлины, ни амбарнаго, ни подклѣтнаго, ни съ судовъ побережнаго, ни съ кормщиковъ корчмаго, ни съ носниковъ носоваго, ни со сначеевъ шестоваго не емлютъ съ нихъ ничего, а пропущаютъ ихъ безъ зацѣпки». Не требовалось пошлинъ ни съ рыбныхъ ловель, ни съ бобровыхъ гоновъ. Монастырскіе крестьяне освобождены были даже отъ самой тяжолой для народа ямской повинности. Кромѣ тѣхъ случаевъ, когда они потребны будутъ въ военное время, съ нихъ не велѣно брать ни проводниковъ, ни подводъ: не надо было ни кормить самихъ проѣзжихъ чиновъ, ихъ прислугу и лошадей, ни подвергать себя всей тяжести постоевъ и проводъ. За все это «игумену съ братіею на мои имянины пѣти молебенъ соборомъ и обѣдню служити о нашемъ здравіи, а по моихъ родителѣхъ преставльшихся по памяти пѣти панихиды и обѣдню служити, а на братію кормъ большой и милостыня».

Крестьяне были довольны. Монастырь сталъ еще быстрѣе богатѣть и входилъ въ ту силу, когда подъ его защиту стали приписываться малые монастыри, разграбленные окрестными жителями, удѣльными князьями и разбойниками.

Ни тяжелыя времена лихолѣтья, ни отписка монастырскихъ крестьянъ въ экономическіе не потрясли монастырскихъ богатствъ. Онъ оставался на столько же сильнымъ, что могъ продолжать оказывать народныя и государственныя услуги. Новые настоятели цѣлыми недѣлями принимали имущество и описывали только одни церковныя сокровища: Божіе милосердіе въ окладахъ и съ прикладами, вѣнцами, цатами и пеленами, съ каменьями и жемчугомъ на тѣхъ, другихъ и третьихъ; въ казнѣ: деньги, серебряные сосуды, кубки, братины, ковши, золотыя и серебряныя чарки; на погребахъ и ледникахъ — котлы, противни, сковороды, блюда и ставцы; въ суши ахъ — хлѣбные за-

пасы; на конюшенныхъ дворахъ—лошадей, на воловыхъ—воловъ и коровъ и всякій мелкій скотъ, и «хлѣбъ, рожь и яровое, молочепой, и стоячій, и въ землѣ сѣяной».

Укрывая пришлаго, монастырь помогалъ и ближнему: дѣлалъ незабвенныя услуги и совершалъ великіе государственные и народные подвиги въ тяжолые годы голодовокъ и вражьихъ нашествій, во всѣ до сихъ поръ памятныя народу лихолѣтья.

Захудавшій деревенскій хозяинъ бралъ всякій хлѣбъ изъ обильныхъ запасовъ «на сѣмены и ѣмены» въ ссуду, съ отдачей послѣ уборки полей и, по своему выбору и желанію, съ кабалой на монастырскія работы въ опредѣленные сроки.

Всякій, истощонный въ конецъ до безсилія и искалѣченія и до скитальческой нищеты—могъ находить посмертную угрѣву въ богадѣленныхъ хатахъ и во всякій день готовую трапезу въ большомъ притворѣ трапезной церкви, посреди назидательнаго чтенія изъ житія святыхъ страннопріемцовъ, цѣлителей и ходатаевъ за великія народныя нужды передъ сильными земли.

Обездоленный несчастіями и неудачами въ жизни до насильственной смерти, строго порицаемой православною вѣрою, могъ разсчитывать на монастырскія божедомки и усыпальницы, беззавѣтно принимавшія ихъ въ сырую могилу, надъ которою разъ въ году совершалась общая служба и возносились примирительныя молитвы. Малыя дѣти и бездомовные сироты садились въ школы и получали наставленія въ Божьемъ словѣ и церковной граматѣ, пріурочивались безразлично и къ мірской жизни, и къ монастырской службѣ, по ихъ желанію и произволу.

Въ тяжолые годы вражескихъ нашествій подъ монастырскими стѣнами разрѣшались послѣдніе споры и всего чаще здѣсь-же разбивались непріятельскія надежды и стремленія.

Съ монастырскихъ имуществъ собирались сверхсмѣтныя дани на случай татарскаго выхода. Изъ монастырскихъ сокровищъ удѣлялись большія дачи на наемъ ратныхъ людей; отдавалось на пользу отечества все, что было цѣннаго и пригоднаго: снимались и ризы съ иконъ, и самые иноки превращались въ воиновъ. Безчисленныя заслуги монастырей увѣковѣчились въ народной памяти и любви на

столько твердо, что монастыри стали считаться святыми мѣстами, основатели и устроители ихъ — народными благодѣтелями и, по смерти своей, защитниками и заступниками.

Несмотря на всѣ превратности времени и историческихъ судебъ, до нашихъ дней, на пространствѣ земли нашей, убереглись десятки старинныхъ обителей, къ которымъ, по старинѣ, тяготѣютъ ближніе и дальные, какъ къ религіознымъ центрамъ, и не меньше десятка такихъ монастырей, которые пользуются всенароднымъ высокимъ почитаніемъ и неизмѣнною и нерушимою любовію, въ такой мѣрѣ, что ежегодно привлекаютъ къ себѣ тысячи богомольцевъ. Чѣмъ древнѣе обитель и болѣе уберегла она святыни, чѣмъ заслуги ея въ народной жизни цѣннѣе или многообразнѣе, тѣмъ посѣщенія многочисленнѣе. Въ первую половину 1861 г. Кіево-Печерскую лавру посѣтили болѣе 80 тысячъ поклонниковъ, съ тою особенностію, что изъ тысячи пришедшихъ въ январѣ и февралѣ (январь 1,193, февраль 1,088) и изъ двухъ тысячъ въ мартѣ (2,067), въ апрѣлѣ стало 12,758, а въ маѣ мѣсяцѣ возросло до 37,660, вмѣстѣ со вздорожаніемъ на рынкахъ съѣстныхъ припасовъ и увеличеніемъ нищенства *).

Стремленій и усердія ничто не сдержало, и народной вѣры никто не поколебалъ: ни люди въ ангельскомъ чинѣ, не совладавшіе съ грѣхомъ и соблазномъ по человѣческой немощи и слабости, ни ослабленіе помощи и уменьшеніе заслугъ обители, когда по волѣ новыхъ царей измѣнялись права, умалялась власть и вліяніе монастырскихъ властей.

Нарушали старцы обѣты цѣломудрія и воздержанія, перемѣняли прежній монастырскій уставъ: привозили къ нимъ вино горячее, сами они сытили и квасили медвяные квасы, и то пьяное питье пили и пьяными на народной соблазнъ по двору шатались и валялись на глазахъ всѣхъ, къ посрамленію святого мѣста. Въ томъ пьянственномъ обычаѣ, иные священники, и клирошане, и простая братія за-

*) При этомъ слѣдуетъ замѣтить то, что приводимыя цифры составились изъ отчетовъ лаврской гостиницы. Останавливающіеся въ частныхъ домахъ и нумерахъ неуловимы для счета. Приливъ богомольцевъ во 177 тысячъ ежегодно можно считать довольно близкимъ къ правдѣ.

коснѣли. Оттого происходили вражда и мятежи и всякія неустройства: соборные старцы держали у себя многихъ учениковъ, и подъ начало священникамъ и добраго житія престарѣлымъ старцамъ ихъ не отдавали, а жили съ ними въ монастырѣ кельями и заговоромъ.

По старинѣ судилъ эти дѣла самъ царь. Писалъ онъ граматы, посылалъ строгихъ настоятелей съ строгимъ наказомъ «смирять монастырскимъ всякимъ смиреньемъ, смотря по винѣ, кто чего доведется, чтобы впредь того не было»; но грѣхъ былъ неуступчивъ и упоренъ: стихалъ онъ при строгомъ и возраждался при новомъ слабомъ игуменѣ.

Долготерпѣливый и мягкій сердцемъ народъ сохранилъ въ памяти имена строгихъ строителей, но монастырскіе видимые и крупные грѣхи отпустилъ и не запомнилъ. Излюбленное мѣсто попрежнему почиталось святымъ. Остались слѣды грѣховъ только въ царскихъ граматахъ, да въ сказаніяхъ, записанныхъ граматными. Только имъ обязана исторія, что вмѣстѣ со строгими сохранилась память и о злыхъ, и между прочимъ о такомъ, который хозяйничалъ и въ описываемой нами обители.

Про себя онъ придумалъ роскошный образъ жизни: умывался не иначе, какъ кипячоной и процѣженной сквозь тонкое полотно водой; отъ своей кельи въ оградѣ до братскихъ келій и церкви ѣздилъ на лошади, хотя бы то было и лѣтнее время. Ѣлъ онъ ячменный хлѣбъ изъ зерна, кожицу котораго соскабливали ножичкомъ нарочно приставленныя къ тому дѣлу женщины и дѣвицы. Зерно мололи на мельницахъ, нарочно для этой цѣли устроенныхъ, и всякій день пекли булки и хлѣбцы свѣжіе; уху варили не иначе, какъ изъ живой рыбы, а лапшу на сливкахъ.

Про монастырскихъ крестьянъ выдумалъ онъ свои новыя правила. Обманомъ и лестью уговорилъ онъ ихъ смѣнить денежный оброкъ на издѣлье, и когда взялъ съ нихъ въ томъ подписку, началъ обременять возкою дровъ, сѣна, круглыхъ бревенъ и песку, и довелъ до крайней нищеты и отчаянія. При помощи подкупленныхъ подъячихъ, которыхъ одаривалъ и подкармливалъ, выбылыхъ по указамъ крестьянъ и бобылей снова обращалъ въ монастырскихъ служителей. Монастырь опять началъ быстро богатѣть, но крестьяне стали жало-

ваться: главныхъ челобитчиковъ выбили кнутомъ, вырвали имъ ноздри и 50 человѣкъ послали въ каторгу.

Остроумный лѣтописецъ присовѣтовалъ пѣть настоятелю: «Мученицы твои, Господи, плетьми у меня во обители пострадавшіи» и занесъ это сказаніе на память потомству.

Незлопамятный народъ и этихъ напастей не упомнилъ, хотя испыталъ на самомъ себѣ и вынесъ бѣды на своихъ плечахъ.

Утоленія печалей, утѣшенія въ скорбяхъ, цѣленія въ болѣзняхъ и мира душѣ ищетъ онъ тамъ, гдѣ указываютъ на то преданія и примѣры, не оглядываясь по сторонамъ, а устремляя всего себя къ завѣщанной предками святынѣ. У прославленной онъ ищетъ получить все, что̀ имъ потеряно или чѣмъ его обидѣли, что̀ ему крѣпко нужно и чего ему никто удѣлить не можетъ.

Для сѣверной Россіи объявились такими завѣтными святыми мѣстами монастыри на островахъ: Соловецкомъ и Валаамскомъ, близъ озера Бѣлаго, въ городахъ Тихвинѣ, Новгородѣ и Тотьмѣ. Въ Средней Россіи: Троицко-Сергіева Лавра, Новый Іерусалимъ, Саровская Пустынь, Лаврентьевъ Монастырь, Коренная и Оптина Пустыни, со всею московскою святынею въ соборахъ и большомъ числѣ монастырей. Въ Южной Россіи: Святыя Горы, Кіево-Печерская и Почаевская Лавры со всею святынею, сохранившеюся въ городахъ Кіевѣ, Воронежѣ и Задонскѣ.

Въ эти монастыри собираются богомольцы, дальніе и ближніе, въ замѣчательномъ многолюдствѣ, со всѣхъ концовъ Россіи.

Въ значительное большинство другихъ, какъ въ мѣста центральныя, идутъ только окольные и ближніе, но также въ примѣтномъ многолюдствѣ.

Немного можно указать такихъ монастырей, которые забыты и рѣдко посѣщаются, но зато, въ опредѣленное время и извѣстные сроки, изъ этихъ, менѣе прочихъ прославленныхъ, входитъ въ славу какой-нибудь одинъ со вновь открытыми мощами новаго угодника. Такое явленіе съ безпримѣрною быстротою и могучею силою охватываетъ и увлекаетъ все богомольное православное населеніе, изъ конца въ конецъ всего Русскаго Царства.

XI.

Въ открытомъ тарантасѣ, представленномъ губернаторомъ, очень красиво и покойно развалясь на мягкихъ подушкахъ, на другой день послѣ выѣзда архіерея, возвращался изъ монастыря чиновный богомолъ. Его сопровождалъ и оберегалъ, въ качествѣ курьера, прикомандированный губернскимъ почтмейстеромъ почтальйонъ. Станціонные смотрители сами высаживали проѣзжаго на крыльцо или безъ шапокъ выходили къ тарантасу, покрикивали и поталкивали ямщиковъ скорѣе пошевеливаться. Почтовыя лошади давно уже стояли въ ожиданіи, въ сбруѣ и на коренныя дуги подвязано было по два зазвонныхъ колокольчика. Капризничая на станціяхъ и торопливая почтальйона на ускоренную ѣзду, ѣхалъ онъ, въ душѣ совершенно довольный тѣмъ, что получилъ въ подарокъ и желаемыя старыя иконы, и ловко выговоренную имъ древнюю церковную вещь и нѣсколько рѣдкихъ старинныхъ свитковъ, какой-то деревянный отломокъ древняго алтарнаго украшенія, каменное круглое ядро — одинъ изъ тѣхъ боевыхъ снарядовъ, которые бросали со стѣнъ въ непріятелей: сначала—въ чудь, потомъ въ литву и ливонцевъ и, наконецъ, въ воровскихъ людей русскаго племени, и т. д.

Также ворчливо и капризно возвращалась богомолка барыня, утопавшая въ пуховыхъ подушкахъ, на которыхъ никакъ во всю дорогу не могла она улечься и успокоиться: безпрестанно останавливала она своихъ лошадей и приказывала перетряхивать и переукладывать дорожное ложе. При этомъ она ругала неподобными и злыми словами и свою женскую прислугу, примостившуюся кое-какъ въ ея ногахъ, и длиннаго гайдука, шестомъ торчавшаго рядомъ съ ямщикомъ на козлахъ. Съ испорченнымъ и сумрачно-озлобленнымъ состояніемъ духа ѣхали всѣ трое, не смотря на то, что двое переднихъ искренно хотѣли успокоиться и помолиться, хотя бы о мирѣ души избалованной и капризной грѣшницы-барыни. Сама она недовольна была и при-

смомъ архіерея, въ бесѣдѣ съ которымъ желала душевно потомиться, и появленіемъ сановнаго богомола, который помѣшалъ этому ея обычному дѣлу. Въ шолковомъ мѣшечкѣ везла она нѣсколько просфоръ, поданныхъ за здравіе и за упокой за ранней и поздней обѣдней, икону угодника, на которой у ногъ святого виднѣлись маленькія стѣны и церкви созданнаго имъ монастыря, украшенныя бѣлою и зеленою красками. Везла она масло, везла литографированный видъ монастыря, стихи какого-то монаха въ честь и славу угодника, и очень много рѣзныхъ изъ можжевелаго и кипариснаго дерева крестиковъ.

Увязался за пѣвческими тройками на своей наемной лихой и богомолъ-купецъ. Онъ часто окрикалъ «большихъ», приворачивалъ къ кабакамъ, покупалъ кизлярку, зазывалъ пѣвчихъ въ трактиры спопутнаго торговаго села. Пѣлъ онъ здѣсь съ ними хрипымъ басомъ по потнымъ тетрадкамъ, сверхъ всего, военныя пѣсни: «Что не соколы крылаты», и ей подобныя; пѣли устарѣлые романсы, въ родѣ: «Въ рѣкѣ бѣжитъ гремучій валъ» и забубенныя свѣтскія пѣсни, въ родѣ: «Акулинка къ обѣднѣ шла, пехтерь пироговъ несла, еще курицу жареную, требушину переваренную» и т. д.

Облегченныя вздохами и пропитавшіяся самодовольствомъ богомольнаго подвига на людяхъ, въ такой большой праздникъ и на самомъ святомъ мѣстѣ, плелись въ свою избушку богомолки, также съ просвирками, огарочками свѣчей, теплившихся у гроба преподобнаго, и малою толикою масленца изъ лампадки въ пузырькѣ.

Ѳекла говорила:

— Благодать-то вѣдь переходитъ: и то свято мѣсто, по которому угодникъ ходилъ, а ну-ко что про масло-то скажете, что у его гроба горѣло?

— Ну, матушка, кто что́ про то скажетъ!—отвѣтила, позѣвывая, Непила.

— Господня благодать!—подтвердила Аннушка, тоже изнервившаяся и зѣвающая во весь ротъ отъ усталости пѣшаго хожденія по песку и кочкамъ.

Ближніе богомольцы, совершенно довольные собой, счастливые тѣмъ, что и на нынѣшной годъ на память преподобнаго удалось имъ

не отстать отъ другихъ и помолиться вмѣстѣ, возвращались съ веселымъ духомъ и легкимъ сердцемъ, положивши въ немъ обѣтъ побывать въ монастырѣ еще разъ: на день преставленія угодника, осенью. Изъ этой массы веселымъ взглядомъ на лицахъ выдѣлилась и та кучка дальныхъ богомольцевъ, которые, помоливши здѣсь, рѣшились брести дальше, попробовать утолить на другомъ святомъ мѣстѣ душевную немочь.

По ихъ вѣрованіямъ, у всякаго святого своя благодать и особенные дары, и лишь у самыхъ прославленныхъ и великихъ чудотворцевъ неограниченно можно просить всего, въ чемъ нуждаешься. Одинъ скоръ на помощь въ разрѣшеніи неплодія, другой—въ дарованіи разума дѣтямъ, третій—въ умоленіи у Бога плодородія земли. Четвертый освобождаетъ женъ отъ труднаго рожденія, сохраняетъ и здравитъ младенцевъ и, въ то же время, сберегаетъ всѣхъ отъ пожара и молніи; пятый избавляетъ отъ злаго чарованія, а потому паперти его церкви и дворъ монастыря преисполняются безпредѣльными воплями и корчами кликушъ и другихъ порченыхъ женщинъ и даже мужчинъ. Больше десяти всероссійскихъ угодниковъ скоры на всякую помощь и раздаютъ дары благодати въ самомъ разнообразномъ и неисчислимомъ количествѣ. Впрочемъ, одѣляютъ благодатными дарами и всѣ прочіе притекающихъ къ нимъ съ твердою вѣрою.

Эта вѣра, которой обѣщана и предсказана сила переставлять горы, ежегодно поднимаетъ съ мѣста тысячи людей, выговорившихъ твердые обѣты въ тяжкія минуты жизни, въ виду опасностей, и помогаетъ имъ одолѣть тысячи невзгодъ на тысячахъ верстъ странствій. Самыя дальныя полагаются именно такими, которыя обезпечиваютъ душевное спокойствіе, и потому всѣ невзгоды переносятся безропотно и принимаются за обязательное и неизбѣжное испытаніе.

Несмотря на то, что всякій богомолецъ, въ глазахъ остальныхъ, дѣлается благочестивымъ человѣкомъ, возбуждающимъ уваженіе и обязывающимъ на посильную помощь—дальное богомолье требуетъ болѣе или менѣе крупныхъ денежныхъ запасовъ. Безъ того никто не пускается въ путь, помня отъ вѣковъ неизмѣнное правило-пословицу «монастырь докуку любитъ», т- е. и молитвы, и приношенія.

Въ прiисканiи денегъ для дальнаго монастыря заключаются для богомольнаго православнаго люда первыя тяжелыя испытанiя, когда, съ одной стороны, голосъ совѣсти понуждаетъ поспѣшить исполненiемъ обѣта, а обидная нужда и безъисходная бѣдность безжалостно заставляютъ медлить и откладывать не только на мѣсяцы, но и на цѣлые годы.

— Давно уже васъ угодникъ Божiй ожидаетъ, — съ ласковымъ упрекомъ, но съ полною увѣренностiю, имѣютъ право говорить всякому изъ такихъ монастырскiе настоятели свою обычную фразу, въ смыслѣ которой простодушные вѣрующiе всегда готовы видѣть прозорливость.

Собранныя деньги бережливостью въ заработкахъ, чаще займомъ, еще чаще доброхотными вкладами сосѣдей, обезпечиваютъ путь и ведутъ на новыя испытанiя, такъ какъ дальное богомолье обязываетъ сборами на послѣднее зимнее время ко вскрытiю рѣкъ или на суровое осеннее, къ началу зимнихъ морозовъ.

И вотъ, на первые опыты испытанiя въ вѣрѣ, эти зимнiя дороги въ трущобныхъ лѣсахъ, гдѣ двумъ встрѣчнымъ нельзя разъѣхаться, гдѣ и спросить не у кого о томъ, куда идти, и по цѣлымъ днямъ негдѣ обогрѣться. Въ глухихъ лѣсныхъ мѣстностяхъ, народъ жильями своими удалился къ рѣкамъ, оставивъ длинные и широкiе волока совершенно пустынными и необитаемыми.

Въ самомъ дѣлѣ, только со слѣпой вѣрой и твердой надеждой можно осиливать эти сугробы и обходить эти ухабы и всякiя ямы. по колѣна, а иногда и по поясъ въ снѣгу, наталкиваясь на одинокiя лѣсныя избушки, болѣе похожiя на утлыя деревенскiя баньки. Угару въ нихъ много; угрѣва самая сиротская. Этими, неизвѣстно кѣмъ выстроенными и потому никому не принадлежащими, пріютами можетъ пользоваться всякiй, не испрашивая позволенiя: затѣмъ ими и застроены всѣ безконечныя глухiя дороги въ безпредѣльныхъ трущобныхъ лѣсахъ; затѣмъ же и приспособлены къ нимъ разные благочестивые обычаи.

Въ нихъ ранѣе прошедшiе оставляютъ кое-что́ изъ съѣстныхъ припасовъ, кое-какую посуду, и всегда—трутъ и кремень. Конечно, всего этого немного; все это, бо́льшею частiю, что́-нибудь соленое, за-

мороженое и зачерствѣлое, но уже дороги избушки и тѣмъ, что можно въ нихъ затопить печь, обогрѣться, отдохнуть и переночевать. Все же лучше, чѣмъ съ опасностью хвори и озноб̀овъ ложиться въ яму между пнями и снѣгомъ на проталинѣ подъ деревьями, гдѣ обыкновенно снѣгъ не прилипаетъ, или прямо зарываться въ снѣгъ, пробивая палкой лишь одну отдушину и закапывая ноги такъ, чтобы было имъ тепло и удобно, или, наконецъ, усѣвшись подъ деревомъ и опершись въ него плечами, дремать въ полузабытьи часъ-другой и, почуявъ въ тѣлѣ ознобъ, снова вскакивать, брести дальше, не разбирать ночи.

Надежда, подкрѣпленная вѣрою, выводитъ страдальцевъ-странниковъ на селенія и на вѣрующихъ.

Изъ ближняго дома первой, высыпавшейся на полянѣ, деревушки слышится голосъ:

— Кого Богъ несетъ?

— Богомолецъ, къ Соловецкимъ.

— Заходи, переночуй.

Кормитъ добрый человѣкъ до отвалу, подчуетъ водкой.

Собирается прохожій въ дорогу, хочетъ уходить—опять просятъ поѣсть на дорожку. Хочетъ онъ деньги платить за угощеніе—ничего не берутъ, а еще предлагаютъ свои копеечки поставить угодникамъ свѣчку, вынуть просвирку и за нихъ, грѣшныхъ, тамъ помолиться.

Охотливо даются и берутся эти копеечки и, какъ милостыня, подспоряющая благочестивому подвигу и пособляющая на тотъ случай, когда невозможенъ разсчетъ и нелегка предусмотрительность.

Мирскимъ даяніемъ удается многимъ бережливымъ и опытнымъ достигать самыхъ дальнихъ цѣлей богомолья, именно потому, что богомольцы въ пути сливаются въ народномъ представленіи съ нищею братіею. А этимъ, по свидѣтельству умилительнаго народнаго стиха, самъ Христосъ, возносясь на небо, не оставилъ ни горъ золотыхъ, ни рѣкъ медвяныхъ, ни садовъ-виноградовъ, ни яблокъ кудрявыхъ, ни манны небесной, а далъ одно только свое святое имя Христово.

Съ тѣхъ поръ стали имъ милостыню подавати,
Всякій ихъ пріобуетъ и пріодѣнетъ,
Хлѣбомъ-солью напитаетъ,
Всякій ихъ отъ темной ночи оборонитъ,
Путь-дорогу указуетъ.
Стали они сыты, и одѣты,
Обуты, и тепломъ обогрѣты,
И отъ темныя ночи пріукрыты.

Малыя лѣсныя дороги выводятъ на большія и, мимо мелкихъ деревень, на крупныя и людныя селенія.

Здѣсь пристаютъ новые товарищи, которые идутъ съ тою же цѣлію и въ то же мѣсто, но нѣкоторые бредутъ съ бо́льшею опытностію, а потому и съ добрымъ руководящимъ совѣтомъ.

У богомольцевъ, непримѣтно для нихъ, плотится артель, которая съобща и начинаетъ воевать и отбиваться отъ новыхъ невзгодъ и притѣсненій, которыя въ особенномъ множествѣ скопляются тамъ гдѣ пошла прямая и нахоженая людская дорога. Здѣсь богомольцы — оброчные люди: на нихъ начинаютъ смотрѣть уже, какъ на денежныхъ плательщиковъ, и потому съ нетерпѣніемъ ждутъ ихъ въ урочное время, заготовляютъ и предлагаютъ имъ всякую помощь за размѣнныя деньги. Неопытнымъ здѣсь можно заблудиться и потеряться вѣрнѣе, чѣмъ въ дремучемъ лѣсу: въ артели легко идти стѣна на стѣну и отбивать всякій шагъ и защищать всякую копейку.

Повѣяло весной. Вскрылись рѣки.

Предлагаютъ богомольцамъ нанять большую лодку, на которой можно плыть вплоть до морскихъ монастырскихъ судовъ, и мѣсто на лодкѣ для каждаго тѣмъ дешевле и выгоднѣе, чѣмъ многолюднѣе артель и чѣмъ неудобнѣе можно всѣмъ размѣститься. Предлагаютъ и такъ, что, если кто хочетъ плыть «тягуномъ», т. е. желаетъ исполнять всякія черныя на суднѣ работы, выходить по нуждѣ на берегъ и тянуть лямку, тотъ можетъ плыть даромъ и получить еще хозяйскіе харчи. Кто хочетъ плыть «леженцомъ», съ того требуются только деньги и никакихъ постороннихъ услугъ, но зато и не дается никакихъ особенныхъ преимуществъ, кромѣ тѣхъ, что можно спать, если удастся улечься, можно согрѣваться, если есть во что́.

Одна артель приходитъ здѣсь на выручку: согласная складчина кормитъ ухой и свѣжимъ хлѣбомъ, взаимный договоръ оберегаетъ отъ неожиданныхъ и неразсчитанныхъ затрудненій и непріятностей.

Всякая артель требуетъ заповѣди и за нарушеніе ея, по общему уговору, кладетъ взысканія, хотя бы въ такомъ старинномъ смыслѣ:

Котора калика заворуется,
Котора калика заплутуется,
Которая сбзарится на бабицу
(Кто пустится на женскій блудъ),
Отвести того добра молодца во чисто поле,
Копать ему ямище глубокое,
Зарывать его во сыру землю по бѣлымъ грудямъ,
Чистъ-рѣчистъ языкъ вынять теменемъ,
Очи ясныя косицами.
Ретиво-сердце промежду плечей.

Положеніе богомольцевъ въ артеляхъ отчасти улучшается и облегчается, но испытаніямъ еще далеко не конецъ даже и на тотъ разъ, когда принимаютъ богомольцевъ казенныя монастырскія суда и подъ ногами разверзается непривычная морская бездна, всякой весной бурливая, безпокойная и страшная множествомъ смертей, отъ представленія которыхъ замираетъ сердце и вступаетъ въ умъ грѣховная мысль раскаянія и сѣтованія на себя самого.

Зато сколь учащены поклоны и размашисты крестныя знаменія, когда на тускломъ и сѣромъ фонѣ сѣвернаго неба ласково и привѣтливо засверкаютъ звѣздочками золочоные кресты и забѣлѣютъ голубками всѣ шесть церквей этой самой дальной и самой чтимой православнымъ людомъ обители Преподобныхъ Зосимы и Савватія.

Тѣмъ не менѣе, всѣ эти дальные и бѣдные богомольцы въ родныя мѣста свои возвратятся несомнѣнно успокоенными и умиротворенными, именно потому, что имъ удалось совершить трудный благочестивый подвигъ за себя, за своихъ родныхъ, за чужихъ закащиковъ и за весь міръ православный.

V.

СКРЫТНИКИ

и

ХРИСТОЛЮБЦЫ.

Изъ быта старовѣровъ.

(ПОСВЯЩАЕТСЯ ИВАНУ НИКИТИЧУ АНДРЕЕВУ).

— Церковь не въ бревнахъ, а въ ребрахъ (*раскольничья пословица*).

— Дома спасайся, а въ церковь ходи! (*отвѣтная пословица православныхъ*).

По старой вѣрѣ, да по новой модѣ (*поговорка*).

I.

На крутой горкѣ, видной очень издалека, расположился Погостъ, — просто погостъ, такъ какъ окрестный народъ успѣлъ забыть придаточное прозвище, которое отличало его отъ другихъ сосѣднихъ успѣвшихъ уже превратиться въ обыкновенныя села; т. е. наѣзжали крестьяне, обстраивались новыми избами, затребовали кабакъ, понуждались въ лавкѣ съ дегтемъ, солью и веревками, настроили клѣтушекъ, бань и овиновъ.

Этотъ Погостъ, стоя въ глухой лѣсной мѣстности, скудно населенной, успѣлъ сохранить за собой всѣ старинные признаки это рода древнихъ русскихъ селеній: деревянная, рубленая въ шесть стѣнъ, церковь окружена была всего только четырьмя, домами которые всѣ считались мірскими и принадлежали церковникамъ. Сюда окольный народъ являлся только за церковными требами: на лошадяхъ, погоняемыхъ въ хвостъ и гриву и съ колокольцами подъ дугой, сколько можно было собрать ихъ въ своей и сосѣдней деревнѣ, въѣзжала веселая, полупьяная свадьба съ молодцами въ перевязанныхъ черезъ плечо полотенцахъ. Кое-когда, и также очень рѣдко, отсюда, съ крутой горки, тащила лошаденка телегу или сани съ бабой, у которой толстая оттопыренная пазуха указывала всѣмъ встрѣчнымъ, что везутъ изъ Погоста окрещонаго паренька или дѣвочку. Такъ же рѣдко и такая же заморенная и истомленная крестьянская лошаденка втаскивала на погощенскую гору досчатый некрашеный гробъ

покончившаго и съ жизнью, и съ Погостомъ всѣ деревенскія обязательства и теперь прибывшаго отдать послѣдній долгъ: свои кости сырой глинистой землѣ, отмежованной отъ самой церкви внизъ по горѣ подъ божью ниву—подъ кладбищенскій погостъ.

Ильинская церковь, съ придѣломъ Николы, даетъ намекъ на то, что учрежденіе Погоста очень древнее, когда вѣру народа въ большого бога, низводившаго на землю дождь, громъ и молнію, надо было переводить на Илью-Пророка, а за свою жизнь при озерѣ большомъ, бурномъ и рыбномъ надо было молить не кого другаго, какъ батюшку Николу-угодника. Ставила ли Погостъ мірская воля въ складчинѣ всѣхъ окольныхъ деревушекъ, которыя темными кучками обсѣли церковную гору, сѣрѣли по низменности и сторонились другъ отъ друга и отъ погоста, или благочестивый московскій князь, или радѣющій христовой вѣрѣ архіепископъ Вольнаго города выбрали и указали тутъ жилое мѣсто—теперь о томъ дознаться и доискаться трудно: деревянная церковь не одинъ разъ, на своемъ долгомъ вѣку, горѣла до тла. Разъ ее молнія зажгла. Другой разъ дьяконъ размахался кадиломъ и заронилъ подъ престолъ уголекъ. Въ третій разъ пономарь забылъ затушить передъ иконостасомъ свѣчку. Церковь вспыхивала какъ порохъ и сгорала, середи прихода и въ виду его какъ свѣчка, со всею утварью, съ храмозданными граматами и съ антиминсами, по которымъ узнается время основанія. Разъ сгорѣлъ вмѣстѣ съ нею и разбитый ногами старикъ-сторожъ, жившій подъ колокольней и обязанный выползать изъ своей конуры каждыя сумерки, чтобы потянуть за веревку и позвонить на окольную мертвую пустыню столько разъ, сколько вздумается.

Сгорѣвшая церковь скоро возобновлялась: въ одинъ день благочестивыми мірянами свозились бревна изъ ближнихъ лѣсовъ, обыденкой же обтесывались и распиливались бревна и доски, обыдёнками рубили стѣну подъ самую стрѣху, обшивали крышей, прирубали колоколенный срубъ, ставили иконостасъ. Такъ выстроилась и та, которую видимъ, но и она успѣла уже застояться и вся почернѣла, и такъ загнила, что по всѣмъ угламъ обшита была досками, по вѣнцамъ залѣплена новыми накатными кряжами. Колоколенка, похожая на остовъ вѣтряной мельницы, покривилась, и обрѣшетились крыши.

На привычной глазъ это—дурной и знакомый признакъ: либо приходскій народъ съ неплодородной, неблагодарной почвы частію выселился совсѣмъ (пожалуй, даже и въ далекую Сибирь), частію живетъ въ дальнихъ мѣстахъ отхожимъ промысломъ, либо совратился въ расколъ и, вмѣсто одной церкви, выстроилъ нѣсколько домовыхъ часовенъ съ чугунными билами на переднихъ углахъ.

Гораздо поновѣе и приглядиѣе погостинской церкви казался даже домъ священника, стоявшій прямо противъ колокольни, да и то, говорятъ, потому, что священникъ приводился племянникомъ прежнему архіерею и только нынѣшнимъ присланъ сюда на смиреніе, однако, съ назначеніемъ въ благочинные.

Онъ свое жилище подновилъ и прирубилъ къ нему новую го́ренку. Дома́ другихъ церковниковъ, по той же причинѣ, какъ и церковь, представляли такую же плачевную вѣтошь, въ которой съ трудомъ улавливались оттѣнки іерархическихъ степеней: впрочемъ, хибарушка пономаря была гораздо дряннѣе дьяконской.

Надъ Погостомъ видимо висѣла непокрытая бѣдность, нужда и бездолье: всмотрѣвшись даже и въ покривившееся крылечко священническаго дома не́ за чѣмъ ходить далеко за подтвержденіемъ выговоренной народомъ присловки: «лежитъ деревенька на горкѣ—въ ней хлѣба ни корки; звону много, а хлѣба нѣтъ».

Нѣтъ хлѣба—нѣтъ жизни, и стои́тъ невозмутимая тишина. Въ избахъ и горницахъ домашніе разсчеты и свары людей, близко и совмѣстно живущихъ и успѣвшихъ надоѣсть другъ другу до рѣдечной горечи. На улицѣ, на виду и на народѣ, погостенская жизнь подлинно монастырская: тихая и безразговорная, только со звономъ и пѣніемъ, и даже безъ собачьяго лая для довершенія полнаго сходства.

Два раза въ году, съ солнечнаго восхода до заката, гудѣла и шумѣла погостенская улица, образованная порядкомъ домовъ церковниковъ и церковной оградой изъ плетня. Съѣзжался народъ Богу молиться, чествуя икону Николы-угодника, которую въ древнія времена принесъ изъ Новгородчины первый насельникъ этихъ мѣстъ и пожертвовалъ передъ смертью въ церковь. Эту икону стариннаго темнаго письма народъ сталъ считать чудотворною, и пріѣзжали

молиться ей даже тѣ, которые складывали крестное знаменіе полной ладонью и возили съ собой свои чашки и ложки. Церковники ждали этихъ дней за недѣли и встрѣчали съ распущенными, выправленными изъ косицъ волосами, во всемъ новомъ, и даже попомарь, на время обѣдни, благословлялся въ стихарь и неугомонно и суетливо бѣгалъ по церкви и изъ алтаря на колокольню. На другой день, и онъ и всѣ прочіе жильцы-церковники весело и радостно считали прибылые пятаки и яица, размѣряли и дѣлили холстъ, ленъ и нитки—посильныя приношенія богомольныхъ бабъ. На зимняго Николу приводилось дѣлить даже живыхъ куръ и барановъ и староста продавалъ желающимъ бычка или корову, привязываемыхъ неизвѣстными дателями къ церковной оградѣ. Прежде, на вешняго Николу, скотину тутъ же, на Погостѣ, и убивали, и пластали, и жарили, и ѣли сами мужики, выдѣляя церковникамъ половину, но возсталъ на обычай архіерей и запретилъ, назвавъ обычай языческимъ требищемъ. Съ тѣхъ поръ сталъ народъ приводить, по старому, живой скотъ, но уже отъ него отступался: хотѣли попы—съѣдали, не хотѣли—могли продать и раздѣлить промежъ себя вырученныя деньги.

Послѣ никольскихъ праздниковъ опять замиралъ Погостъ, погружаясь въ завѣтную тишину и беззавѣтную тоску и кручину. Появленіе чужихъ людей, и въ особенности на лошадяхъ, представляло уже событіе, порождавшее догадки и толки, а потомъ длинные разговоры.

Можно себѣ представить напряжонность интереса и необычайность событія, когда такихъ саней появилось на погостенской горѣ цѣлыхъ семь, какъ на этотъ разъ.

Семъ заиндѣвѣвшихъ лошадей, запряжонныхъ въ городскія саночки, съ накинутыми на большихъ сидѣньяхъ ковриками и войлочками, сфыркивали отъ мороза и у священническаго, и дьяконскаго крыльца.

Не пропустили этого безъ вниманія, на вѣчномъ безлюдьѣ Погоста, и тѣ двое мужиковъ, которые заходили къ отцу-дьякону испить винца и теперь пробирались къ домамъ (дьяконъ этимъ бѣшенымъ

товаромъ поторговывалъ для случайныхъ захожихъ изъ сосѣдей, знавшихъ тайну).

Одинъ мужикъ, толкая локтемъ въ бокъ товарища, говорилъ ему:

— Глянь-ко, парень, все кобылки!

— Собиралися попы изъ приходовъ девяти,—весело пропѣлъ товарищъ.

И оба засмѣялись.

— Ты гдѣ экое-то слыхалъ?

— Въ городу въ кабакъ заходилъ: одинъ, шустрой такой, на торбанѣ выигрывалъ и такъ-то смѣшно подбиралъ: все нутро изболѣло со смѣху. Трёшникъ ему и съ меня сошелъ.

Оба стали спускаться подъ гору.

На горѣ, въ горницѣ новой пристройки благочиннаго, разсѣвшись по плетенымъ, съ раскачавшимися ножками, стульямъ, дѣйствительно собралось семь священниковъ изъ ближнихъ приходовъ, со всего благочинія. Кромѣ старѣйшаго, котораго пяти-десятилѣтній юбилей священства, ознаменованный присылкой фіолетовой скуфейки отъ архіерея, праздновали соборной обѣдней, проповѣдью и пирогами, кромѣ его, страдавшаго водяной и грыжей, и не только никуда не ѣздившаго, но и переставшаго служить, всѣ остальные приходскіе священники погостенскаго благочинія были налицо.

Высокій, до того высокій, что, при проходѣ въ царскія двери всегда нагибался, отецъ Разумникъ бросался въ глаза прежде другихъ и этимъ нескладнымъ ростомъ, и густымъ ворчливо-рокочущимъ басомъ. На немъ былъ нанковый подержанный подрясникъ, подпоясанный соловецкимъ изъ нерпы широкимъ ремнемъ съ желѣзной петлей, подареннымъ богомольцемъ, котораго онъ накормилъ щами и кашей. Сверху подрясника накинута ряса просто изъ самой грубой, домотканой крестьянской сермяги. Человѣкъ молчаливый, съ угловатыми манерами и, несмотря на неотесаный складъ тѣла, съ добрымъ выраженіемъ лица, съ загнаннымъ робкимъ взглядомъ, очень тихій и смиренный. Не понадѣявшись на стулья, сидѣлъ онъ на кончикѣ кожанаго дивана.

Бѣлокурый и худенькій, изъ молодыхъ, отецъ Евтихій, исключен-

ный изъ духовной академіи «за сварливость нрава и противорѣчіе» и не удержавшійся при церкви губернскаго города, прежде прочихъ бросался въ глаза, какъ контрастъ Разумнику, именно этимъ тщедушнымъ видомъ, непосѣдливостью и особеннымъ огнемъ въ живыхъ, бѣгающихъ глазахъ. Взглядъ этотъ какъ бы говорилъ собой:

— Вотъ начинайте, вотъ говорите, что хотите — препираться и возражать не укосню. На всякое умозрительное положеніе — возраженіе и, въ подкрѣпленіе доказательствъ, изрѣченія отъ Писанія въ требуемомъ избыткѣ и неопровержимой точности: не угодно ли кому?

Но видимо этого никому еще не было угодно, и торжественную молчаливость никто нарушить не рѣшался.

Сухо перемолвились вопросами о томъ, каковъ умолотъ ячменю и овсовъ, чинно сидѣли отцы, успѣвшіе еще до выѣзда изъ домовъ распустить косы и расчесать волоса. У однихъ, которые были помоложе, лежали волоса эти по спинѣ мелкими волнами, точно лёнъ изъ-подъ трепала; у другихъ перекинуты были черезъ плечи на грудь модньмъ способомъ и по-городскому: съ проборомъ назади и по срединѣ. Только одинъ попъ Иванъ, самый смирный и молчаливый, одѣтъ и причесанъ былъ такъ, что трудно было догадаться: попъ ли онъ, или мужикъ-церковный староста. Вмѣсто рясы, на немъ прямо надѣта овчинная шуба, у которой и самые рукава были вольнодумно объужены; муфты не употреблялъ; вмѣсто высокаго околыша съ длиннѣйшей плисовой тульей, свихнувшейся, по-казачьи, на бокъ, онъ привезъ обыкновенную мужичью пыжичью шапку съ ушами (а лѣтнимъ временемъ любилъ мѣщанскій картузъ съ козырькомъ).

Суетливѣе прочихъ былъ самъ хозяинъ-благочинный: благообразный человѣкъ, съ козлиной бородкой, въ подрясникѣ, застегнутомъ на крючки, но безъ пояса и безъ рясы — по-домашнему и по-начальнически. Казалось и по гладко-приглаженнымъ волосамъ, и по раскраснѣвшемуся отъ хлопотливости лицу, что онъ какъ будто сейчасъ только вышелъ изъ бани.

Благочинный хлопоталъ о закускѣ, просовывался и выбѣгалъ въ приспѣшную къ попадьѣ поторопить стряпней, и въ особенности, самоваромъ, и надоѣлъ матушкѣ страшно.

— Ну, не суета ли ты? Не пополза?—говорила ему.

— Повремени, не осуждай, не сѣтуй! упрашивалъ онъ.

— И чему радъ: подожди, все сожрутъ, дай срокъ. Сидѣлъ бы съ ними.

— Не срами, не говори громко: и по званію моему, спаси Христосъ, могутъ быть со стороны сомнѣнія—осудятъ.

— Ну, какой ты благочинный: развѣ на шесткѣ благочинье-то твое? Ерша, что ли, проглотилъ: суетишься? Убирайся!

Благочинный отчаянно махалъ рукой, попадья показала ему мягкій и бѣлый кулакъ. Благочинный сталъ стихать: сорвется со стула, да и вспомнитъ, и задержится.

Сидя на стулѣ въ нетерпѣливомъ ожиданіи, онъ мелькомъ видѣлъ, какъ попъ Разумникъ высморкался въ полу, а Агафоникъ обычно потряхивалъ время отъ времени головой и съ искуствомъ, по сорочьи, прочищалъ зубы — дурная привычка, вывезенная имъ изъ семинаріи и хорошо всѣмъ знакомая.

Благочинный не обращалъ на нихъ особеннаго вниманія, останавливая его исключительно на почтенномъ сѣдомъ и плѣшивомъ старичкѣ Корнилѣ.

Корнилій былъ уроженцемъ здѣшнихъ мѣстъ, гдѣ уже и священствовалъ онъ третій десятокъ лѣтъ на исходѣ. Онъ даже и имя носилъ того святаго, котораго мѣстно чтили и мощамъ котораго, почивающимъ подъ спудомъ въ монастырькѣ за лѣсами, ходили покланяться издалека два раза въ годъ: въ день памяти (преставленія) и въ день тезоименитства его съ тѣмъ святымъ греческой церкви, имя котораго приналъ на себя угодникъ Божій при постриженіи въ монашество.

Попъ Корнилій пользовался всеобщимъ уваженіемъ. Отъ него и совѣтъ, и добрая помощь. Еще когда онъ былъ молодымъ и слылъ въ народѣ подъ именемъ «маленькаго попа», а у озорниковъ подъ названіемъ «шкалика», уваженіе къ нему зародилось тѣмъ, что онъ не былъ жаденъ, не имѣлъ тѣхъ завистливыхъ до крестьянскаго добра поповскихъ глазъ, которые такъ озлобленно не любитъ народъ. Приглашонный на требы, онъ не торговался, предпочиталъ ѣздить по деревнямъ на своей лошадкѣ, и къ лошадямъ, и ко вся-

кому животу оказывалъ большую любовь. Потомъ, когда онъ посѣдѣлъ и постарѣлъ, когда нажилъ круглое наполеоновское брюшко и неотвратимую грыжу, благодушное, солидно-степенное отношеніе къ людямъ выразилось еще опредѣленнѣе.

Передъ погостенскимъ благочиннымъ сидѣлъ отецъ Корнилій въ синей суконной рясѣ, въ плисовомъ подрясникѣ, подпоясанномъ по сытому и совсѣмъ круглому брюшку поясомъ, расшитымъ разноцвѣтными шерстями и бисеромъ.

— Не соблаговолите ли начать собесѣдованіе наше, отецъ Корнилій?—весело спрашивалъ благочинный, подсаживаясь къ нему и суетливо поднявшись вновь.

— Въ соборахъ-то помѣстныхъ первое слово кому предлагается: не первенствующему ли?—ласково смѣясь, отвѣчалъ Корнилій и оглядывался на Евтихія:

— Отецъ Евтихій! какъ по іерархическому-то чину: благочинному начинать подобаетъ?

И опять ласково и благодушно усмѣхнулся.

Евтихій оживился и закипѣлъ. Потокъ началъ выхлестывать изъ краевъ, но на бѣду съ переборомъ (у Евтихія былъ перебитый языкъ и неясная рѣчь, за что̀ у мужиковъ онъ слылъ подъ прозвищемъ «индѣйскаго пѣтуха» и «водяной мельницы»). Кулаки шестерни застучали и могли бы заглушить всякую человѣческую рѣчь, да опытный мельникъ, отецъ Корнилій, во́-время успѣлъ предусмотрѣть:

— Помедлите мало. Время покажетъ, когда преніямъ настанетъ череда. Благоволите, отецъ благочинный (не безъ серьёзности и нѣкоторой торжественности говорилъ отецъ Корнилій): — благоволите прочесть указъ консисторіи съ резолюціею и помѣтою высокопреосвященѣйшаго владыки (мѣстный архіерей титуловался архіепископомъ).

Прочитанъ былъ указъ, предписывавшій дать свѣдѣнія о состояніи въ приходахъ раскола, съ указаніемъ и опредѣленіемъ наиболѣе вредныхъ сектъ, вліянія раскольниковъ на православныхъ и объ отношеніяхъ ихъ къ самому духовенству.

— Съ подобающею священнической совѣсти откровенностію, про-

должалъ рѣзкій теноръ благочиннаго чтеніе указа: — предписывается извѣствовать о всѣхъ вышерѣченныхъ тлетворныхъ лжеученіяхъ, возмнившихъ колебать цѣлость матери нашей — православной Христовой церкви.

Помѣта на поляхъ, надписанная самимъ владыкой, заключала въ себѣ слѣдующее: «не лѣностнаго равнодушія, но отечески-пастырскаго тщанія ожидаю отъ служителей храма въ семъ дѣлѣ, въ коемъ едва ли благовременно будетъ творить дѣло Господне съ небреженіемъ».

Когда благочинный кончилъ, всѣ привстали и подошли смотрѣть на указъ не изъ желанія удостовѣриться въ подлинности его, а изъ любопытства полюбоваться на архіерейскій почеркъ: не отразилось ли на немъ гнѣвнаго состоянія духа писавшаго владыки?

Поднимались, впрочемъ, напрасно: мертвыя, коротенькія, круглыя буквы, болѣе похожія на точки, походили, какъ двѣ капли воды, на обыкновенный почеркъ всѣхъ учившихся въ семинаріяхъ, успѣвшихъ переписать не одну сотню тетрадей, «изъ разсчета, при дороговизнѣ и недостаткѣ бумаги», мелкимъ бисернымъ почеркомъ. Всѣ нашли сходство архіерейскаго почерка со своимъ, исключая Корнилія, у котораго старческія руки давно обмозолились и заскорузли при сохѣ и на косѣ и несовсѣмъ повиновались ему по старости лѣтъ, лежавшихъ на его плечахъ шестымъ десяткомъ.

— Благоволите же, святые отцы, преподать свои сужденія и мнѣнія,—заторопился непосѣдливый благочинный, когда всѣ опять размѣстились.

— Умозрительно, или на основаніи опытныхъ наблюденій? — сунулся-было Евтихій, но былъ остановленъ Корниліемъ, съумѣвшимъ обратить на себя вниманіе всѣхъ заявленіемъ готовности говорить, выразившейся тѣмъ, что онъ откашлялся и оперся руками на круглыя, полныя колѣна и поднялъ голову.

— Не устоять намъ въ тайнѣ нашей: всѣ видятъ и знаютъ, что приходы нашего благочинія разсѣяны въ самомъ ядрѣ раскольничьихъ злоученій. Не скроемъ и того, что плевелы его ростутъ и опутываютъ невѣжественные умы, какъ сѣтями, уловляя...

На этомъ мѣстѣ, отвыкшій говорить по ученому, Корнилій за-

мялся-было и Евтихій, замѣтивъ слабое мѣсто, всполохнулся всѣмъ тѣломъ, чтобы кинуться въ атаку, но старикъ нашелся и опять опередилъ:

— Отъ церкви Божіей сталъ народъ отбѣженъ и храмы стоятъ впустѣ: молись ты о мірѣ всемъ, а о своей веси хоть и не упоминай.

Легкая улыбка, пробѣжавшая по лицу Корнилія, передалась и всѣмъ другимъ и окончательно побѣдила и угомонила Евтихія.

Улыбка поощрила докладчика.

— Право, святые отцы, гляжу я когда въ окно и идутъ мимо бабы, согрѣшу, подумаю: коли нѣтъ, молъ, тутъ апостола, грядущаго на проповѣдь, такъ уже два попа, навѣрное, есть, а третій — уставщица. Мѣситъ, молъ, она тѣсто-то для хлѣбовъ, а сама сердится и думаетъ: постой-де, косой чортъ, ты меня уловилъ на сугубой аллилуйи, а я, вотъ, когда опять собраніе будетъ, загну тебѣ вопросъ о пятницахъ: отчего, молъ, избавленъ будеши, аще постишься предъ Косьмой и Демьяномъ, безсребренникахъ Господнихъ. Право, ей-ей!

Батюшки вслухъ засмѣялись.

— Слѣпой слѣпаго водитъ, а плевелы лжеученій ростутъ. Развелось этихъ наставниковъ такое множество, что я, вотъ въ храмѣ-то Божіемъ, кромѣ своей просвиренки, никого уже и не вижу. Да и у другихъ то же самое! Этого всего не скроешь хоть бы и предъ лицомъ самого владыки: какъ устоимъ прямо стрегущаго безгласны?

— Не укоризненно ли будетъ извѣщать о томъ владыку письменно: не умолчать-ли? — подалъ мнѣніе благочинный.

— Зачѣмъ? Не умолчимъ никогда, а по тропарю этому скажемъ: кто́ же насъ избавитъ отъ толькихъ бѣдъ, кто же и сохранитъ? Вотъ, вопросите отца Разумника, у него-де весь приходъ православный. Отецъ Разумникъ, много-ли нынче исповѣдовалъ-то?

— Человѣкъ съ двадцать было,—пробасилъ Разумникъ и тряхнулъ головой.

— А ко святому причащенію сколько изъ нихъ удостоилъ?

— Да двое пришло, и то — бабы.

— Вотъ каково счастье его и въ православномъ приходѣ! Какъ у тебя они крестятся-то?

— Теперь всѣ стали креститься полной ладонью, раскольничьимъ крестомъ, и тѣ, что́ года три назадъ маливались нашимъ.

— Ну, теперь я отъ себя скажу. Прислушайтесь-ко, святые отцы: къ дѣлу нашему слова́ мои будутъ пригодны. У меня въ приходѣ богачъ-отъ заводчикъ нашъ Разграбленой пропалъ.

Вопросительные, недоумѣвающіе взгляды слушателей обратились къ разсказчику.

— Пропалъ онъ въ одну ночь и семью покинулъ (а въ семьѣ 8 душъ, и все—отроки). Кланялась жена со свекровью и его благогородію, господину нашему становому приставу. Искалъ онъ — не нашолъ. Кручинилась и богатымъ, и сильнымъ міра нашего: скорбѣли всѣ, розыскивали, но и они не обрѣли. Годъ истекъ — нѣтъ Ивана Семеныча. И на лѣсъ подумывали — не заблудился-ли? И на рѣку подозрѣніе клали — не утонулъ ли? Пришло на свекровь, на почтенную старицу, наитіе: сѣмъ-ко обращусь съ прошеніемъ къ Тихонычу-Конокрадову. Силенъ онъ у насъ, больше губернатора въ немъ силы...

— Филиповскаго согласія! — замѣтилъ кто-то.

— Говорятъ, архіерейство ему изъ-за границы предлагали, да не въ томъ его могущество: у него на заводахъ сотъ пять народу живетъ. Поѣхалъ онъ по всѣмъ заводамъ, собралъ рабочихъ, топнулъ, да крикнулъ. Если, говоритъ, Разграбленаго Ивана Семеныча вы мнѣ не представите, кто изъ васъ знаетъ про то: я, говоритъ, на цѣлой мѣсяцъ по всѣмъ заводамъ работы пріостановлю и разсчета никому не дамъ. Знаю, говоритъ, что есть промежъ васъ такіе, что́ придерживаются этой сопелковской пакости. Чтобы, говоритъ, Иванъ Семенычъ, живъ или мертвъ, въ свою семью предоставленъ былъ завтра. На утро, въ возочкѣ крытомъ (и окошечки рогожкой затянули) представили бѣглеца живаго: Иванъ Семенычъ, да не тотъ. Одичалый, какъ вепрь, и грозный: дня не прожилъ — все разбивать, дѣтей и жену колотить, и на свекровь посягнулъ. И было послѣдняя горше первыхъ. Лучше бы-де его въ лѣсу-то такъ и оставить совсѣмъ.

Разсказъ опять подживилъ слушателей вызваннымъ имъ искреннимъ смѣхомъ.

Бѣлая, сытая попадья обносила гостей чаемъ, кланялась и упрашивала не церемониться — кушать. На столѣ, на множествѣ тарелочекъ, разложена была разнообразная снѣдь: орѣхи и круглые сухіе прянички съ оттиснутымъ груздочкомъ; были и битые пряники, и мелконькія валдайскія баранки, нетлѣнные и несокрушимые, и сотовый медъ, которымъ кланялась матушкѣ-благочинной другая попадья, и варенье малиновое изъ отборной ягоды, также поклоннаго приноса отъ сердобольной прохожанки. Между сладкимъ довольно и горькаго съ солеными принадлежностями. И тутъ все больше поклонное, дареное, начиная съ пѣннику и кабацкой настойки и наливокъ до соленыхъ груздей и рыжиковъ.

Рыжики въ тѣхъ мѣстахъ пріобрѣли громкую славу, и потому благочинному надо было гостей удивлять: выставлены были отборные маленькіе, отвареные въ уксусѣ, и кадочные изъ-подъ пресса столь улежалые, что хрустѣли на зубахъ и щипали языкъ. Попадья гостей ждала, а потому озаботилась и рыбникомъ съ семушкой, и жареной рыбкой — лещомъ. И жареное коровье вымя заняло на столѣ свое неизбѣжное мѣсто рядомъ съ огурцами, круто заправленными чеснокомъ и очень твердыми и холодными. Довольно было и сдобнаго, и пряжонаго.

Все это поставлено было на одинъ столъ, и все это пилось и ѣлось вмѣстѣ: пили передъ чаемъ и за чаемъ; поразвеселились, однако, во́-время спохватились.

— Не пора-ли уже послать за дьякономъ-то?

Послали за дьякономъ.

Благочинный досталъ бумаги, чернильницу съ заплеснѣвѣлыми чернилами и скоробленнымъ лебединымъ перомъ: надо отбирать свѣденія и писать отвѣтъ въ консисторію и ко владыкѣ.

Пришедшій дьяконъ обошолъ всѣхъ отцовъ: у всѣхъ перецѣловалъ руки и остановился у двери, съ покорнымъ видомъ, съ преклоненной головой, проникнутый скромною ролью секретаря съѣзда. Благочинный поподчивалъ водочкой, дьяконъ поломался немного и выпилъ, безъ закуски.

Отецъ Корнилій приласкалъ и пошутилъ:

— Ну какъ твои пчолки, дьяконъ?

— Нынче, ваше благословеніе, хорошо роились, сильно: лѣто свѣтлое, произрастеніе злаковъ преобильное. . .

— Ну, да вѣдь ты на пчелу словà такія знаешь...

— А молитвенныя словà, ваше благословеніе, знаю.

— Нѣтъ, вонъ мнѣ про тебя одна ваша баба разсказывала, что такія-де молитвы читаешь, что она отъ страха и трепета едва на ногахъ устояла.

Дьяконъ отвѣчалъ подначальнымъ хихиканьемъ и маханьемъ рукой. Взглядъ его говорилъ:

«Экой добрый пастырь, экой добродѣтельный: все шутитъ, нами не брезгуетъ. Вотъ бы кого на благочиніе-то, а не нашего змія — василиска и аспида».

— Ну-ка, дьяконъ, садись—пиши! говорилъ этотъ змій-василискъ, обычнымъ, нѣсколько грубымъ и повелительнымъ тономъ.

Стали отбирать мнѣнія.

Дьяконъ писалъ:

«По характеру своему раскольники разнятся между собою въ вѣроученіи по двумъ толкамъ: сектанты-филиповцы и сектанты-странники. Изъ послѣднихъ не всѣ находятся въ странствованіи, а бóльшая часть ихъ, въ силу своего ученія, занимаются пристанодержательствомъ скрытниковъ».

Дьяконъ вытащилъ изъ-подъ полы обломанный ножичекъ, приладилъ на поготокъ лѣвой руки ращепъ перышка, подвелъ къ свѣту, скосилъ лѣвый глазъ, отрѣзалъ и подточилъ.

Этимъ воспользовался Евтихій:

— Я бы полагалъ тутъ присоединить догматическое положеніе: всѣ раскольники безпоповщинской секты, т. е. законнаго священства не пріемлютъ, равно какъ и христіанскіе браки отметаютъ. Яко нѣсть во устѣхъ ихъ истины, сердце ихъ суетно, гробъ отверстъ гортань ихъ, языки своими льщаху.

Всѣ согласились, и дьяконъ приписалъ.

— Теперь, во исполненіе консисторскаго указа, упомянуть о вліяніи ихъ,—предложилъ благочинный.

— Ваше мнѣніе, отецъ благочинный?

— Расколъ здѣсь отличается фанатизмомъ; всѣ преданные ему грубы, чрезмѣрно горды и угрюмы по виду.

— Въ Грудинкѣ на базаръ хоть не показывайся—огорчаютъ, вставилъ Корнилій:—малые ребята начали ржать и сзади бѣгать.

Благочинный сильно тряхнулъ волосами и, сердито расправляя плечи, диктовалъ:

— Такой харахтеръ (писалъ за нимъ дальше дьяконъ) воспитала въ нихъ филиповская секта, которой они издавна преданы и упорно держатся.

— Полагалъ бы добавить, перебилъ Евтихій.—Вліяніе раскольниковъ на православныхъ сильно и выражается главнымъ образомъ: первое въ отклоненіи всѣхъ родителей отъ обученія граматѣ дѣтей въ церковно-приходскихъ школахъ; второе. .

— Садитесь-ко, отецъ Евтихій, къ дьякону-то поближе: ему будетъ вразумительнѣе. Пиши-ко, дьяконъ, не торопись, не наври Выпей-ко для вразумленія-то!—благословлялъ отецъ благочинный

Дьяконъ высморкался въ полу, выпилъ и опять писалъ.

«Второе—въ укрѣпленіи прихожанъ въ томъ лжеученіи, что нѣтъ нужды въ церкви. Въ грѣхахъ не нужно каяться передъ священникомъ, а надо каяться передъ единымъ только Господомъ, каковое лжеученіе, кромѣ того, что, отлучая нерадивыхъ прихожанъ отъ исповѣди и св. таинъ причастія, и совращаетъ въ расколъ, но и составляетъ главную причину различныхъ въ приходахъ пороковъ».

— Что́ достигается положеніемъ этимъ?-вмѣшался Корнилій.

— По пророку Давиду: «Суди имъ, Боже, да отпадутъ отъ мыслей своихъ, по множеству нечестія ихъ изрини я, яко преогорчиша тя, Господи!»—воздохнулъ Евтихій.

— Пократче-бы записать-то надо, возразилъ Корнилій—да и вопросъ столь многозначителенъ, что не излишне бы было собрать мнѣнія. По нимъ гражданское начальство дѣйствовать будетъ и можетъ впасть въ заблужденіе. Я такъ вотъ какъ написалъ про себя дома; прошу прислушать: «отношенія къ мѣстнымъ властямъ гражданскимъ—хладнокровныя». Не то, кажется, слово-то, ну, да отецъ Евтихій пособитъ! «хладнокровныя съ опасеніемъ и маловѣрчивыя, почему они и стараются избѣгать обращенія и собесѣдо-

ванія съ нами, считая, по своей сектѣ, какъ бы грѣхомъ правильное со властями отношеніе. Отношенія православныхъ людей къ раскольникамъ вообще почтительныя и уважительныя; такъ какъ люди въ расколъ поступаютъ большею частію въ старости и, поступивъ, показываютъ видъ степенный, оберегаясь и въ словахъ и поступкахъ очернить себя, то простой народъ и почитаетъ ихъ на особенномъ счету на пути какъ бы спасительскомъ, по подобію пустынниковъ, и нерѣдко слушаетъ ихъ со вниманіемъ».

И это писалъ дьяконъ. Наклонивъ голову подъ столъ, онъ зарядилъ носъ табачной понюшкой.

— Всякой злакъ на службу человѣкомъ,—торопливо сказалъ Евтихій, словно икнулъ.

— Вы какъ, отецъ Разумникъ, объ этихъ положеніяхъ полагаете?

— Раскольники мои къ мѣстнымъ властямъ непочтительны, наипаче бѣгуны, а православный народъ къ раскольникамъ снисходителенъ.

— А духъ раскольническій?

— Духъ раскольническій на простой православный народъ презрительный,—пробасилъ Разумникъ.

Это рѣшили не вписывать, на чемъ и Разумникъ не настаивалъ.

Дьяконъ такъ и просидѣлъ, навостривъ ухо съ заложеннымъ за него перомъ.

— А впрочемъ, православнаго въ домъ на ночь не примутъ и пищи не дадутъ, замѣтилъ Корнилій, оглядываясь на Агафоника.

— А вы, отецъ Агафоникъ, какого мнѣнія?

— Своего. Пожалуй, спишите:—вотъ моя нотатка!

Онъ вынулъ бумажку изъ-за пазухи.

Дьяконъ списалъ слѣдующее: «отношеніе къ мѣстнымъ властямъ и православному населенію не враждебно и не отчужденно, а подобострастно и приблизительно для своихъ цѣлей, равно и отношеніе православныхъ раскольникамъ близко и уважительно, и потому совращеніе первыхъ послѣдними въ раскольническія заблужденія очень легко и удобно».

*

— Теперь бы уже мѣсто и время и умозаключенію, предсѣдательствовалъ благочинный:—попадья поторапливаетъ. У ней въ печи все вскипѣло и поспѣло.

— Къ уменьшенію раскола могло бы способствовать распространеніе грамотности.

Всѣ единогласно согласились, и записали.

— О содѣйствіи гражданской власти слѣдовало бы упомянуть.

— Мзду емлющей и грѣховная творящей, замѣтилъ съ самодовольной улыбкой благочинный.—Благоволите упомянуть!

— У нашего Кирилыча, добавилъ Корнилій:—недремлющее око. Подъ великіе праздники ходитъ, да высматриваетъ: не тайнодѣйствуютъ-ли? А, впрочемъ, спаси Богъ, иносказательно о томъ упомянемъ.

Упомянули, съ прибавкой: «къ прекращенію тайныхъ собраній раскольниковъ и отправленія богослуженія».

— Богослуженіе-ли? Прилично-ли великое слово къ бабьимъ-то бреднямъ?

Поспорили. Евтихій въ диспутѣ слово отбилъ, и дьяконъ его записалъ даже съ чернильными брызгами.

— И опять писалъ онъ: «равно и требоисправленія расколоучителями».

— Вотъ и согласно съ истиной! прищолкнувъ языкомъ, замѣтилъ Корнилій.—И владыка не возгнушается: требоисправленія — тонкое слово и вразумительное. Причеркни-ко, дьяконъ: «а также принужденіе къ исполненію христіанскихъ обязанностей тѣхъ прихожанъ, кои принадлежатъ церкви».

— Не ищутъ истины и не хотятъ слышать о ней, замѣтилъ Евтихій.

— И это хорошо приписать.

— По заповѣди Христовой, не имѣютъ христіанской любви ко всѣмъ и каждому, а только къ самимъ себѣ.

— Строчи, дьяконъ!

Дьяконъ опять распахнулъ полу и, доставъ берестяную тавлинку, понюхалъ табачку.

— Какой потребляешь-то? послышался голосъ Корнилія.

— У этапнаго солдата покупаю: — не знаю, ваше благословеніе.

— Костромской лучше — хлеще забираетъ. Онъ — зеленый. Я тотъ предпочитаю, протодьяконской-то.

Отецъ Корнилій нюхнулъ. Закашлявшись, онъ продолжалъ:

— Вотъ и о треклятомъ-то зельѣ этомъ нельзя-ли упомянуть въ дополненіе: — все бы въ кучу. Не любятъ они его, какъ бѣсы ладону.

— Я о родителяхъ желалъ упомянуть.

— Упомянемъ, да и къ аминю поскорѣй. У меня ужь что-то голова заболѣла, шутливо замѣтилъ Корнилій,

— Складывайте-ка, отецъ Агафоникъ, что желаете присообщить о родителяхъ.

— Духъ раскола преемственно переходитъ отъ родителей къ дѣтямъ.

— Неопровержимы слова ваши. Якоже слышахомъ, тако же и видѣхомъ — по Давиду. Мотай, дьяконъ, на усъ! А отчего такъ?

— Вслѣдствіе невѣжества и неразвитости людей, по сильному подражанію предкамъ.

На этомъ мѣстѣ Евтихію опять удалось завязать споръ, поддержаться на высотѣ книжныхъ знаній передъ другими и опять ниспуститься побѣдителемъ.

Однако, благочинный, лукаво улыбаясь и оговорившись, что говоритъ не для дьяконскаго писанья, не спустилъ Евтихію:

— Отцы святые! замѣчу нѣчто. Одного я увѣщевалъ; съ нимъ по три дня мы сходились, на четвертый сказалъ онъ мнѣ: «все это я знаю давно, все это вижу. Да спрошу васъ, батюшка: если бы вы когда сами убѣдились, что вѣра ваша не права, согласились бы ее перемѣнить? Я родился въ расколѣ, воспитанъ въ немъ, родители меня благословили остаться въ вѣрѣ предковъ». Сколь пропитанъ сознаніемъ! А молодой человѣкъ, довольно умный, начитанъ, и богатый.

Среди общаго молчанія и послѣ общихъ вздоховъ, благочинный диктовалъ:

— Характеръ его — держаться старыхъ обрядовъ, а не довѣрять ученію церкви.

— Хорошо бы тутъ про антихриста теперь упомянуть,—улыбаясь, пробасилъ Разумникъ.

— А ты самъ вотъ и скажи, какъ надо.

Разумникъ застыдился и промолчалъ.

Его выручилъ Корнилій:

— Повремените мало. Это, впрочемъ, не ради дьякона. Скажу объ антихристѣ. Кончили въ городѣ работу бѣличью. У рабочихъ самоваръ—первое утѣшеніе, и безъ чайнаго питія не шьется, не порется. Артельный самоваръ въ мастерской остался: взять бы его хозяевамъ, да и спрятать. А хозяева-то оба по филиповскому согласу живутъ: два брата и на два дома. Самоваръ—ни одинъ въ домъ свой не пріемлетъ. Хотѣли даже выкинуть: поняли самоваръ за антихриста (одинъ братъ такъ его и называлъ). Не пожелали допустить, чтобы царствовали у нихъ вдругъ оба антихриста—духовный и чувственный. Хотѣли довольствоваться однимъ, однако, отдумали: ребята-то опять-де воротятся бѣлку кроить. Поэтому-то чувственный мѣдный антихристъ и остался у нихъ царствовать вмѣстѣ съ духовнымъ, кажется, навсегда.

— Вотъ теперь вы, отецъ Евтихій, благоволите о духовномъ сказать.

Евтихій диктовалъ:

«По лжеученію филиповщины, которымъ всѣ они пропитаны, смотрятъ на всякую власть и на православное населеніе, какъ на слугъ антихристова царствія, каковыхъ всѣхъ неминуемая участь, по убѣжденію ихъ, вѣчная погибель».

— Вотъ тутъ «аминь»-то какъ разъ приличествуетъ, самъ выскочилъ. Теперь вопросимъ мнѣнія матушки Евпраксіи.

— Пожалуйте-тко!—откуда ни взялся ея мягкій голосъ и мягкія бѣлыя руки, шевелившія тарелками и ложками.

— Вотъ, отцы, и предлагаемое!

— Однако, о бѣгунахъ-то ничего и не выразили,— замѣтилъ Корнилій, подбирая правый рукавъ рясы, чтобы налить настойки и не уронить спопутныхъ рюмокъ.

— Ну, да надо такъ говорить! замѣтилъ Агафоникъ, слѣдя глазами за матушкой, разливавшей горячую лапшу, которая визгливо

шипѣла по щелямъ и ямочкамъ надтреспутыхъ и подержаныхъ тарелокъ.

— Раскольничій духъ надъ православнымъ преобладаетъ.

— А ослабѣваетъ-ли?

— Но дѣйствіе этого духа еще глубоко таится. Уловлять народъ удобно. Безъ затрудненій учители скрытниковъ достигаютъ своихъ цѣлей.

— Выдь-ко, дьяконъ, припиши!—обратился благочинный къ послушному секретарю, смиренно сидѣвшему на кончикѣ стула и на самомъ краю стола.

— Про странниковъ я бы полагалъ... началъ-было Агафоникъ, но Евтихій быстро и внезапно перебилъ:

— Не полагайте, надо изложить всю истину.

— Что́ касается до... сталъ было продолжать диктовать Агафоникъ, но Евтихій не уступалъ:

— Не «касается»; зачѣмъ, касается? вотъ позвольте!

— Ка́къ?

— Умолчите, батюшко!

— Не приличествовало бы мнѣ предъ юнымъ возрастомъ... возвышая голосъ, продолжалъ-было Агафоникъ, но удержанъ былъ благочиннымъ, на этотъ разъ буквально исполнившимъ свою обязанность, предложивъ Евтихію выразить то письменно, что́ хотѣлъ словесно.

Дьяконъ потомъ записалъ нижеслѣдующее:

«Самые состоятельные, а слѣдовательно, и самые вліятельные жители приходовъ, частію по корыстнымъ видамъ, а частію по сочувствію къ странничеству, сдѣлались пристанодержателями бродягъ-странниковъ и чрезъ то открыли широкое поле для распространенія въ приходахъ ученія страннической секты».

Рѣшивъ, по возвращеніи въ домъ, собрать цифровыя свѣдѣнія о количествѣ «находящихся въ безъизвѣстномъ сходѣ», гости благочиннаго съ большимъ усердіемъ принялись за трапезу.

— Въ сѣти сей, юже скрыша, увязе нога ихъ, — добавилъ ученый Евтихій уже для себя, а не для дьякона, и тѣмъ порѣшилъ вопросъ и окончилъ разговоръ.

За обѣдомъ разговаривали уже объ житейскихъ интересахъ: про консисторскаго секретаря, державшаго въ рукахъ уже третьяго владыку. Вспоминали случаи находчивыхъ прицѣпокъ для немилостивыхъ поборовъ протодьякона. Вспоминали изреченія и замѣчанія самого владыки во время объѣздовъ имъ епархіи; поговорили о губернскихъ соборныхъ протоіереяхъ и о самомъ старѣйшемъ и находчивомъ острословѣ, не уступавшемъ ни въ чемъ невзлюбившему его нынѣшнему архипастырю.

Все, однимъ словомъ, выговорилось и протолковалось по чину и по обычаю при такихъ веселыхъ и рѣдкихъ съѣздахъ. Весело и говорливо досиживали гости день у благочиннаго, и пошутили и попѣли, начавъ съ завѣтной хоровой пѣсни, сочиненной митрополитомъ Платономъ, «Среди самыхъ юныхъ лѣтъ», и кончая «Среди игры, среди забавъ, среди благополучныхъ дней».

II.

Пріѣхавшіе съ батюшками, въ качествѣ кучеровъ, дьячки и пономари въ вислоухихъ малахаяхъ и со связанными волосами въ косички, раздѣлились на два лика: часть разсѣлась у погостинскаго дьячка, другая придерживалась около кухни благочиннаго.

Дьячекъ гостямъ радъ. Радъ онъ поразмять языкъ, избитый на чтеніяхъ и пѣніяхъ, и истрепаный на перебранкахъ съ дьячихой и дьяконицей: знакомые люди съ новыми вѣстями пріѣхали. Надо съ холодку и съ дороги промочить горло: досталъ у дьякона въ долгъ, до первыхъ дѣлёжекъ, четвертную. Съ погребицы притащилъ онъ ведерко съ груздями; въ солоницу новой соли присыпалъ и хлѣба нарѣзалъ.

— Приступите къ сему и лица ваша да не постыдятся!

— Слушай-ко Кононычъ: какимъ вѣтромъ-то сегодня всѣхъ въ кучу сбило?

— Толковали бабы про владыкинъ гнѣвъ.

— Изъ чего восшумѣ органская пѣснь?

— Ѣхалъ онъ по селеніямъ, гдѣ все поморскаго толку. Увидалъ, что собрались мужики кучей и шапки сняли. Велѣлъ остановиться, хотѣлъ благословлять — они не пошли. Въ разговоръ съ ними ступилъ и договорился до того, что къ обѣднѣ позвалъ. Я-де буду служить, а вы посмотрите только, хоть не молитесь. Одинъ и вышелъ отъ нихъ: отчего-ста не посмотрѣть, ты попой, а изъ насъ можетъ кого дома не случится. Къ этому другой присталъ: чего-ста мы, говоритъ, не видали? щепоть-то вашу, что́ ли? Никонъ-ста помутилъ вашу вѣру и «Христовъ крестъ перемѣнилъ». Дальше да больше владыка и велѣлъ, во гнѣвѣ своемъ, этого-то сгрести протодьякону за шиворотъ и передать становому Кирилычу, что́ сзади ѣхалъ.

— А ему бы простить, да отпустить съ миромъ: за что́ ты мнѣ нагрубилъ? Такъ ли не такъ отвѣтилъ: иди съ миромъ. Гляди, который бы и пришелъ къ нему самъ, безъ понужденія, и благословенія бы попросилъ.

— Ну, вотъ, мели, Емеля, твоя недѣля! Такъ его по стриженой-то макушкѣ и погладить. Тебя бы, вишь, послать туда, гляди, не догадались взять въ помощь протодьякону-то. Воистину такъ: собака на владыку лаетъ.

— А вы, братцы, о такихъ дѣлахъ помалчивайте. Неравно попъ-отъ Аѳоня услышитъ: ухо у него востро, да и языкъ, отцы и братіе, очень длиненъ. Мы про это знаемъ съ доказательствами.

— И все, господа, совсѣмъ не за тѣмъ благочинный звалъ. Нынѣ — раскольничій праздникъ: Трифона-бандуриста и матери его Хну — первыхъ изобрѣтателей табаку, что́ значится въ бабьемъ патерикѣ: такъ велѣли по книгамъ нашимъ-то справиться: такъ ли это?

— Ты не шути, Демьянычъ, а вѣрно такъ! Сказывалъ самъ-отъ мой: умножились беззаконія ихъ, превзыдоша главу ихъ: нельзя ли смирить чѣмъ?

— Я не шучу, а ты дай-ко табачку-то: я наложу трубочку.

— Умножились беззаконія, вотъ ка́къ умножились! По нашему приходу проявился нѣкій мужъ Антошка. Сталъ уводить бабъ изъ жильевъ въ лѣсъ. Одну такую матерую и сдобную свелъ, что всѣ

осердились и доносъ послали. Нѣтъ-де, ужь ты этимъ предметомъ не шути. А онъ совсѣмъ не шутитъ: сталъ чудеса творить. Знаетъ будущее, пророчитъ, когда будутъ поиски. Придетъ да и скажетъ: «ну, рабъ Божій, сегодня пріѣдутъ твой домъ обыскивать», и самъ уйдетъ въ лѣсъ. И точно, того дня прибывалъ кто-либо изъ начальниковъ: становой, исправникъ. Единожды случилось такъ, что становой-отъ пріѣхалъ съ подвязаннымъ у дуги колокольцемъ. Ка́къ тутъ быть? Антошка-то сидитъ въ подъизбицѣ, и нѣтъ ему оттуда выходу — точно въ темницѣ узникъ темничный. Выскочилъ онъ оттуда: скоренько потребовалъ большую чашу ендовы, плеснулъ въ нее до краевъ воды; поставилъ ее въ большой уголъ, да и нырнулъ туда: только брызги залетали. И вдругъ, невидимъ бысть, когда уже начальникъ былъ на крыльцѣ, который, не найдя никого, уѣхалъ безъ ничего.

— Точно такъ и въ житіяхъ пишется,— серьезно замѣтилъ одинъ изъ пономарей.

— На другой день, продолжалъ разсказчикъ-дьячекъ: — сей скрытникъ Антонъ явился къ содержателю, раскольнику-старообрядцу въ деревнѣ Семеновской. Сказывалъ ему, что онъ сіе чинитъ молитвъ ради своихъ, по Божьему изволу. Тогда честь ему была болѣе и болѣе. Въ честолюбіи-то этомъ, когда хозяйска дочь, пошедши въ клѣть за своимъ дѣломъ одна, скрытникъ зашелъ за нею въ клѣть. Припалъ къ ея ногамъ; сталъ склонять: «вотъ тебѣ денегъ елико угодно». Честность дѣвическая возгнушалась, не прельстилась ни на его ласки, ни на подарки и закричала громко: «Батюшко, батюшко: поди-ка сюда!» Родитель-то выскочилъ, да какъ воззрѣлъ на безчинство чародѣя, прогналъ его изъ дому вонъ. И съ тѣхъ поръ возъимѣлъ сильное отвращеніе къ симъ антихристовымъ предотечамъ. Никакихъ скрытниковъ къ себѣ въ домъ не пускаетъ и познанія съ ними не имѣетъ. Есть ли живъ сей чародѣй, или нѣтъ, того неизвѣстно.

— Живъ,— поддержалъ твердый голосъ одного изъ собесѣдниковъ: держится теперь около ковригинской вѣси. Оттуда опять двухъ дѣвокъ увелъ въ лѣсъ.

— Хорошо тамъ будетъ теперь бѣлку бить и рыжики искать—

весело! Ну, какъ они всѣхъ-то бабъ и дѣвокъ уведутъ—ка́къ жить будетъ? — вопросилъ маленькій пономарёкъ, проводникъ Евтихія, еще холостой и молодой, нагуливающій себѣ пронзительный басокъ.

— За кого Богу молить, кому обѣдни пѣть?

— Да мы ужь давно это оставили.

— А мы, подкрѣплялъ молоденькій пономарь: — маленькія разогрѣваемъ, да больше для одной попадьи и поемъ, и то, когда она сама велитъ. Когда и сама подойдетъ къ звоницѣ и потиликаетъ: если дома случишься—бѣжишь; вдвоемъ съ ней и служимъ.

— Ну, да́ ври больше, пока не услыхали: вотъ, постой, за такія хулы забрѣютъ тебя въ солдаты.

Теперь архіерей не тотъ: это Элпидифоръ брилъ.

— Ставливалъ онъ вашего брата и на колѣни середъ церкви, во время торжественнаго служенія, при всемъ честномъ народѣ.

— Ну, да вѣдь одинъ изъ такихъ-то и задавился.

— Ой, прилѣпи, скудоумный, языкъ твой къ гортани твоей!

— Вотъ, господа и братіе, сколь трудно житье стало!—вздохнулъ старый дьячёкъ изъ пріѣзжихъ.

— Да́,—какъ въ геенне́ огненной. Я вотъ шестую недѣлю варева-то не видалъ и забылъ, какое оно такое. Ѣдимъ съ дьячихой въ сухомятку. Ѣхали возы съ рыбой, выбѣгалъ, кланялся: двѣ рыбины трески съ возу сбросили.

— У насъ старый попъ умѣлъ походомъ на этихъ разбойниковъ-то выходитъ; ѣдали мы тогда и убоинку. Теперь отъ этого соловецкаго сухоядѣнія колотья въ животѣ ежедень не проходятъ: гудетъ, точно по гати на колесахъ телега ѣдетъ.

— Ты вотъ выпей-ка чашу-то утѣшенія: раздробитъ она слежалое то, говорили пономарю.

— И ее перестали видѣть, какъ откупъ теченіе свое скончалъ.

— Всѣ перестали. А ты разсказывай-ко, ка́къ вы походомъ-то со старымъ попомъ ходили.

— Ходили вѣдь мы путно: всегда на свои храмовые праздники. Они это знали: и, что́ зайцы, припадутъ за угломъ въ избѣ, чтобы и въ оконцо не взглядывать — и ждутъ. Я волоку святой воды самый большой чайникъ, чтобы всѣ избы опрыскать: такой ужь самъ-

отъ и чайникъ купилъ, нарочно за таковымъ ѣздилъ. Мужикъ на крылецъ, и гуменцо у него обрито: «не брызгай-де, а, вотъ, получи».— Да сколько, молъ?—А сколько улажено, по старому. — Нѣтъ, говоритъ,— не таковъ нонѣшній праздникъ: этотъ родители ваши чредили, какъ матушку-церковь ставили, этотъ втрое дороже, по той самой причинѣ, что предковской и досельной, а втрое стоитъ, потому что вы церковь-то эту бросили и забыли, да мало того, и обругиваете. Воротись-ко въ избу-то, отсчитывай. А самъ за порогъ, да и за притолку рукой; я епитрахиль ему расправляю, а онъ за крестъ берется. Бабы изъ избы кубаремъ со всѣхъ ногъ, а самъ тафтичку отдергиваетъ и рукой по за своими-то угодниками шаритъ, и мзду-то египетскую достаетъ. Смѣлъ былъ старый попъ и дерзостенъ. Мы на дворы то и книги подкидывали, и отступное брали; чего не дѣлали?!

— Иные, пожалуй, и понѣ не прочь.

— Не грѣши, Миронычь, дабы не покаяться.

— Не ото льсти словеса моя!

— Ну, да ладно, а ладнѣе, какъ на уста-то храненіе положишь.

Распухнулась покривившаяся наружу тяжолая дверь и, уныло скрипнувъ, предъявила толстую бабу въ сарафанѣ—работницу отца благочиннаго.

— Точно зерцало въ гаданіи, замѣтилъ пономарёкъ на это явленіе:—мы объ ней, а она сама тутъ. Что́ надо?

Баба не слушала и не давала отвѣту: отфыркиваясь и отплевываясь, она закрыла и носъ и ротъ рукавомъ тѣлогрѣйки, и съ трудомъ выговаривала:

— Начадили, надымили, нехристи!.. Съ души претъ отъ табачищу-то: слова не вымолвишь...

И закашлялась.

— Значитъ, изъ этихъ?—догадался веселый пономарь въ слухъ и, быстро приложивъ большой палецъ къ мизинцу и безъимянному въ открытой ладони, выразилъ раскольничье крестное знаменіе.

— Словно вы, нехристи, таракановъ жгли. Ой, задохнуся! Подите-ко, лѣшіе, къ благочинному... звать дьячковъ велѣлъ...

— А пономарей не надо?

— Кому тутъ васъ разбирать съ бабьими-то косицами: всѣ подьте, будь вамъ всѣмъ пусто!

Работница скрылась за дверь, которая на этотъ разъ, видѣли всѣ, тяжело стукнула ее по спинѣ.

Оправились и отправились всѣ къ благочинному на кухню.

— Подьте, долговолосые, въ покой, да безъ трубокъ: вонъ и Разумникъ на крылецъ курить выходилъ,— встрѣтила пришедшихъ работница, кокетливо улыбаясь и отпихиваясь правымъ локтемъ отъ шутокъ веселаго пономаря.

Раскачиваясь всѣмъ тѣломъ и не твердо стоя на ногахъ, выдвинулся на встрѣчу вошедшимъ отецъ Корнилій. Онъ открякивался и непрестанно широко махалъ правой рукой внизъ и вверхъ, вправо и влѣво, и говорилъ съ веселою улыбкою и раскраснѣвшимся лицомъ:

— Ну-ко, доместики, становись: споемъ «богородиченъ».

Мгновенно дьячки стали откашливаться и, толкаясь боками, устанавливаться: веселый пономарь позади всѣхъ, но Корнилій досталъ его оттуда рукой и сильнымъ порывомъ вытащилъ впередъ.

— Ты, пономарёкъ, встань на своемъ мѣстѣ!

И пихнулъ его на право.

— Начинайте «Иже тебѣ ради» — и задачку припустилъ: досоль-ми-до.

Двинули и понесли: «Богоотецъ пророкъ Давидъ», но очень нескладно, потому что и сидѣвшіе попы не утерпѣли и пристали: Евтихій съ теноромъ, Разумникъ съ громовымъ нескладнымъ басомъ, который заскрипѣлъ до того, что всѣ вошедшіе пѣвцы стали смотрѣть ему въ ротъ и глядѣть, какъ насупливались его брови, раздувался носъ и вздрагивала, встряхиваясь, борода. На «пѣсненно о тебѣ провозгласи» всѣ согласились, попали ловко въ тонъ и накипулись всей силой такъ, что отъ теноровыхъ взвизговъ загудѣло одно стекло въ дальней рамѣ и заныло другое въ ближней.

«Провозгласи» подхватили съ полнымъ усердіемъ баистые голоса и, словно подкинувъ на высоту, бережно сдержали это слово тамъ на октавныхъ тонахъ и оборвали, словно сбросили ницъ и разомъ.

Благочиннаго работница выскочила на крыльцо и забѣжала къ дьяконицѣ, бросилась тамъ на лавку и успѣла выговорить:

— Прорвало, мать: и—Господи! Словно несытые волки!

На «величія тебѣ сотворшему» опять-было пѣвцы разбѣжались кто куда, но сильные басы снова привели всѣхъ въ одно мѣсто къ согласію и дружно гудѣли и хрустѣли «преста царица одесную тебѣ», отдѣлывая и налегая на тѣ слоги, гдѣ попадалось р. Веселый пономарёкъ временами судорожно потряхивалъ правымъ плечомъ, выдѣлялся яснѣе прочихъ, несмотря на то, что заливной теноръ Евтихія силился обсыпать дробью и оглушить: для чего пѣвецъ вытащилъ всю свою шею изъ-подъ стоячаго стеганаго высокаго воротника подрясника и вытягивалъ ее, какъ гусь, стараясь пѣть въ голову, какъ адавленый.

Дальше по знакомой дорожкѣ потянулись всѣ дружно и ладно, словно ухватились въ плетешокъ руками и шли нога въ ногу, даже не осматриваясь. Басилъ пономарь, шевеля подбородкомъ, который розыскивалъ высокій воротникъ радужнаго цвѣта жилетки, чтобы опереться на него съ кадыкомъ вмѣстѣ и вызвать изъ горла болѣе неестественные, густые или, какъ говорятъ мужики, толстые звуки. Евтихій продолжалъ вытягивать въ струну правый бокъ и правую ногу и, не сдерживаясь на цыпочкахъ, время отъ времени пошатывался и поправлялся. Когда дошли до словъ «вочеловѣчитися благоволивый Богъ». на этомъ мѣстѣ взыграли и порѣзвились тенора, поторапливались и закручивали голосами, и по первому слову пробѣжали словно въ припрыжку. Даже старый дьячокъ Миронычъ, давно пѣвшій козла (и на этотъ разъ прихватывавшій ладонью лѣвое ухо, чтобы не крѣпко отдавало въ голову), пѣлъ съ самодовольной улыбкой и съ наибольшимъ стараніемъ и участіемъ. Когда добрались до «заблудшаго горохищнаго погибшаго овча», басы превзошли себя, и сама попадья, бросила убирать посуду и прислушивалась, какъ прокатили съ громомъ и хрустомъ «горохищное», какъ взобрался Разумникъ до глубокихъ октавныхъ топовъ со словами «на рамо воспріимъ, ко отцу принесе», и видѣла, какъ даже и у старика Мироныча до сихъ поръ неподвижно торчавшая бородка (словно и не его, а взятая у кого-то на прокатъ и пришитая прямо къ воротнику) сильно встряхнулась и поднялась кверху. Въ концѣ тропаря хороводникъ и заводчикъ Корнилій самъ ужь и не пѣлъ, а только уси-

ленѣе и размашистѣе вскидывалъ обѣими руками, и то отодвигался назадъ, то надвигался на поющую кучу. Когда она кончила, онъ опять кричалъ:

— Ну-ко опять: «Кто тебѣ не ублажитъ».

Этотъ догматикъ не задался: всѣ остались недовольны. Сбили и помѣшали попы, которые теперь всѣ до послѣдняго пристали къ пѣвцамъ: не устоялъ даже и благочинный. На «Въ Чермнѣмъ мори» помирились всѣ и успокоились.

Дьячковъ и пономарей услали, а сами стали собираться домой; розыскивали свои барашковыя и пыжичьи высокія съ ушами шапки и длинныя плисовыя муфты: у кого на заячьемъ или бѣличьемъ мѣху, у кого просто набитыя куделей.

Весело бѣжали поповы лошадки съ погостенской горки; похлестывали ихъ дьячки и пономари, сидѣвшіе на облучкахъ и козлахъ. Шибче всѣхъ бѣжала пара поеныхъ и кормленыхъ лошадокъ отца Корнилія, съ пристяжной на правой рукѣ и съ двумя стригунчиками жеребенками позади саней. Тише прочихъ и, совсѣмъ не спѣша, ѣхалъ отецъ Разумникъ, безъ кучера, одинъ, въ простыхъ крестьянскихъ рукавицахъ съ голицами, полнѣе другихъ нагрузившійся и половину дороги до села крѣпко и беззаботно проспавшій.

На открытый бой съ вывѣреннымъ оружіемъ или въ тайную, тщательно прикрытую засаду, вооруженные терпѣніемъ и опытомъ, ѣхали отцы съ погостенскаго съѣзда? Или, въ виду открытаго врага, успѣвшаго занять на полѣ битвы всѣ надежные пункты, безсильные отцы, припрятавъ оружіе, останутся по прежнему подневольными зрителями и будутъ лишь пугливо озираться на свѣжія подкрѣпленія, идущія по окраинамъ пустынныхъ лѣсовъ и изъ темныхъ подпольевъ жилыхъ селъ и деревень?

Всѣхъ меньше знаютъ про то сами отцы—эти восемь воиновъ, имѣющихъ каждый за спиной своей для защиты и спасенія свои толпы домочадцевъ изъ безпомощныхъ женщинъ и безсильныхъ дѣтей. Въ виду голодной смерти и погибели, всѣ находятся въ страхѣ, и энергія борьбы и нападеній давно уже смѣнилась чувствомъ самозащиты.

Каково при этомъ самое воинство, столь малое числомъ, но, можетъ быть, крѣпкое духомъ и внутренною силою?

Доѣдемъ вмѣстѣ съ ними до аванпостовъ, наглядно провѣримъ наличность, да кстати приглядимся и къ непріятельскому лагерю.

III.

Рыженькая кобылка привезла Разумника въ село къ низенькому дому, перешедшему къ нему отъ предмѣстника-тестя, выговорившаго себѣ уголъ въ кухнѣ на печкѣ. Разбудила его сэма попадья, доставшаяся ему вмѣстѣ съ этимъ неказистымъ, но теплымъ домомъ.

Нескладный высокій ростъ—ничтожное, повидимому, обстоятельство—составлялъ самое крупное несчастіе всей его жизни. Когда онъ еще учился въ семинаріи и проглатывалъ уже премудрость богословскаго класса, его едва не забрали въ солдаты: то было время, когда на учившуюся семинарскую молодежъ сами епархіальные архіереи вдругъ стали смотрѣть, какъ на рекрутовъ, пригодныхъ для гвардіи, и семинарскіе классы чуть-чуть совсѣмъ не превратились въ рекрутскія присутствія. Разумникъ уже стоялъ передъ архіереемъ и былъ бы отправленъ подъ мѣрку, если бы придерживался чарки и буянилъ: но кроткій нравъ и смиренство, засвидѣтельствованное ректоромъ, спасли его отъ лямки и ранца.

Ему задали задачу, съ трудомъ разрѣшимую, искать невѣсту съ мѣстомъ и, конечно, со священническимъ. Искалъ онъ долго, ходя пѣшкомъ и присаживаясь на облучкѣ у проѣзжихъ мужиковъ, выспрашивалъ и прислушивался, и дознался до одной такой, которая была и безобразна, и перестарокъ, и всѣми женихами была обойдена. Она успѣла уже обозлиться на свое долгое дѣвичество, и сдѣлалась капризною. Сочетался онъ съ нею бракомъ на тестевъ счетъ, а вскорѣ, поталкиваемый кулаками въ спину и съ трудомъ нагибаясь, услышалъ надъ своей головой великое слово «аксіосъ».

— Вотъ, у насъ и Разумникъ въ попахъ! А мы его и не слышимъ, и не видимъ,—толковали сельскіе мужики, когда новоставленикъ успѣлъ пообжиться, попасть подъ башмакъ попадьи и съ разу показать себя со всѣхъ четырехъ сторонъ прихожанамъ.

— Больно нескладной, точно оглобля, а смирный попъ, курицы не обидитъ,—хвастались послѣдніе сосѣдямъ на словахъ, но не на дѣлѣ.

Думая, что коли самъ ѣсть не проситъ, значитъ сытъ, мужики смирнаго попа забыли, а когда онъ своимъ ростомъ напоминалъ о себѣ на улицахъ и базарахъ, смѣялись надъ нимъ и ребятишекъ своихъ не останавливали дѣлать то же. Толпами бѣгали они за попомъ съ криками «иго-го», но еще ни разу Разумникъ на нихъ не обидѣлся и ни разу не отмахнулся, отвѣчая на вопросы товарищей коротко и ясно:

— А я по евангельскому слову: прохожу мимо, не взирая.

Мужики того не знали, что, появляясь на большихъ базарахъ и ярмарочкахъ, Разумникъ покупалъ четверочку чаю да фунтика два сахару—и только всего, и то на случай наѣзда отца благочиннаго. Товарищи знали, что не отъ скупости, а отъ той-же «неизглаголанной» скудности, у него и сермяжная ряса на плечахъ, и глубоко, и искренно вздыхали, когда заходила объ немъ рѣчь.

Чѣмъ онъ жилъ и пробавлялся—онъ и самъ на этотъ мудреной вопросъ не съумѣлъ бы отвѣтить. Одно было всѣмъ извѣстно, что умудрилъ его Богъ на слесарное дѣло, и къ механикѣ онъ имѣлъ склонность: въ ближнемъ городѣ часы поправлялъ и чистилъ и разъ починилъ цѣлый органъ. Для мужиковъ чинилъ ружья: мужики тѣхъ мѣстъ ходили за бѣлкой, били чухарей рябчиковъ и бѣлую куропатку. Птицу сбывали они прасоламъ, бѣлку подбирали въ мѣха и держали для того особыя мастерскія избы: опускали въ квасы, *бросили* и *пялили* потомъ, *распускали* и *топтали на волосъ*, и наконецъ разбирали по *водамъ* и кропили мѣха: черевые и хребтовые. Разумнику и около этого дѣла не удалось устроиться, по недостатку практичности и неумѣнью смыслить то, что, если голодно на большой и мірской дорогѣ, значитъ, надо сворачивать на проселки и тамъ поискать и попытаться. Слесарная работа и починка часовъ

увеличивали временами количество мѣдныхъ и серебряныхъ денегъ, но бѣдъ и нуждъ далеко не предотвращали.

Не таковъ былъ Корнилій. Года выучили и укрѣпили въ немъ знанія и страсть къ хозяйству и, въ особенности, къ лошадямъ. Спозналъ онъ эту науку до тонкостей. Когда сѣять овесъ, когда развѣшивать ячмень по прясламъ, чтобы дозрѣвалъ на вѣтру и солнышкѣ, не успѣвъ доспѣть на корню, Корнилій могъ посовѣтовать вѣрнѣе и лучше всѣхъ. Его взять—оцѣнить лошадь, посовѣтовать мужику въ этомъ самомъ важномъ и труднѣйшемъ вопросѣ хозяйственной жизни. По крестьянскимъ понятіямъ, онъ сталъ человѣкомъ очень нужнымъ, потому что былъ несомнѣнно полезенъ, и тѣмъ рѣзко выдѣлился изъ ряда своихъ товарищей. Мужики въ немъ попа позабыли, стали видѣть такого человѣка, какимъ онъ и самъ, можетъ быть, сдѣлаться не желалъ, но куда привели обстоятельства его жизни и быта. Мужики перестали подходить подъ благословеніе и цѣловать его руку; стали поговаривать: «гляди, попъ Корнилій не то и поетъ, что надо и чему его учили»; но зато шапки стали скидать при встрѣчѣ съ нимъ далеко раньше и стали кланяться ему гораздо ниже.

Попъ вошелъ въ почотъ и сталъ всѣмъ нуженъ. Въ концѣ концовъ, сталось такъ, что на базарахъ и цѣнъ не знаютъ, пока не пришелъ попъ Корнилій, а прошелъ онъ разъ между возами, прошелъ два—и загалдѣлъ базаръ на сотни голосовъ. А то оглядитъ продажнаго коня, выхватитъ изъ-подъ рясы кнутъ, вскочитъ на спину, чмокнетъ да свиснетъ и поѣдетъ пробовать не на счастье мужику-покупщику, а на вѣрную прибыль: смѣло бери узду въ полу и хлопай по рукамъ хоть съ самимъ цыганомъ, если попъ похвалилъ коня.

За развязку дѣла и за подспорье ему мужики были не только не прочь выдѣлять магарычъ или отсталое въ такомъ размѣрѣ, сколько самъ попъ заговоритъ и захочетъ. И мошны охотно и торопливо распутываются, и въ глаза ему глядятъ съ почтеніемъ, и по плечамъ гладятъ, и по спинѣ хлопаютъ съ полнѣйшей охотой, удовольствіемъ и съ нашимъ почтеніемъ. Тѣмъ Корнилій и жилъ, а отъ перекупки лошадокъ держалъ большую конюшню, и кому надо

было подобрать тройку, подыскать рысачка: къ нему ходили къ первому. Сами барышники сознавались въ томъ, что этого попа на лошадяхъ не обманешь; обмишулился онъ одинъ разъ, но и тогда, надо полагать, пьянъ былъ.

Изъ-за конюшни Корнилій, впрочемъ, и другихъ дѣлъ не проглядывалъ, не зѣвалъ, когда и бѣлку собирать придетъ время. Взглянетъ онъ и сразу смекнетъ, каковы черева выйдутъ въ квасахъ, и хребтамъ опредѣлитъ цѣну настоящую. Глазъ его не ослабъ и видитъ всякую бѣличью воду: которая синяя, подсиняя, темная, межеумочная, головная бѣлая и подголовная съ желтоватой подводкой. Когда подбирать начнутъ—его зовутъ, потому что никто лучше, вѣрнѣе и экономнѣе этого труднаго дѣла не сдѣлаетъ. По его указаніямъ веди кройку смѣло: и на одну, и на обѣ.

Любуясь на проворство и знаніе его, кто и покрѣпится, а всякій непремѣнно сказываетъ:

— Тебѣ бы рясу-то снять, надѣть нашъ мужичій полушубокъ, да торговымъ дѣломъ заняться: въ самую пору.

Поговаривали, что онъ ходилъ въ долѣ съ самымъ богатымъ заводчикомъ и держалъ за нимъ деньги для содержанія мастерскихъ избъ и самъ такую хотѣлъ на задахъ у себя выстроить, да побоялся владыки, и о компаніи своей никому не сказывалъ, и отъ всѣхъ скрывалъ.

Подойдетъ къ рукѣ перекупка соленыхъ рыжиковъ—не побрезгуетъ Корнилій и этой статьей, и позоветъ скупщика поглядѣть товаръ, а зашелъ поглядѣть—попъ товаръ сбудетъ выгоднѣе другихъ. Отъ этихъ дѣлъ сталъ онъ съ достаткомъ обезпеченъ, по крайней мѣрѣ, на столько, что держалъ два самовара, разводилъ цвѣты въ комнатахъ и выхолилъ китайскій розанъ и ерань въ такомъ видѣ, что похвалилъ ихъ самъ архіерей—знатокъ и любитель цвѣтовъ, про котораго у этого попа всегда находилась завѣтная бутылочка иностраннаго вина въ высокую цѣну. Пріѣдетъ жданный гость, между прочими разговорами, послѣ обѣда, насчетъ лошадокъ попутитъ и—запрещенія не положитъ, проститъ.

Въ виду Корнилія и по сравненію съ нимъ, другіе священники, сосѣди его, далеко отстали. Евтихій, напримѣръ, пріѣхалъ съ лю-

бовью къ книгамъ, а изъ-за нихъ со спорами и безконечною страстью къ наставленіямъ и поученіямъ. Изъ-за страсти къ поученіямъ онъ исчудачился до того, что мужики считали его полуумнымъ, не понимая его мертвенной книжной ученой рѣчи. Всего меньше годился онъ въ пастыри и проповѣдники неграмотнымъ людямъ. Всего меньше могъ онъ внушить къ себѣ уваженіе по той распущенности и равнодушію къ земнымъ благамъ, не исключая и собственнаго продовольствія и пропитанія, что составляло большое горе попадьи и предметъ удивленія сельскихъ крестьянъ. Днями онъ не поѣстъ совсѣмъ, а когда приведется—ѣстъ много, и все безъ разбору. Когда нападетъ на него «говорунъ»—ничѣмъ его не уймешь, и другой смѣлый такъ и оставитъ его середъ улицы договаривать про себя и на вѣтеръ. Ряска на боку, надѣтая криво, поясъ подпоясанъ, когда напомнятъ; волоса не всегда причесаны; самъ неизмѣнно суетливъ и съ судорожными движеніями.

— Скорѣй бы жить въ монастырѣ, чѣмъ на приходѣ,—думали всѣ, да разъ это же самое сказалъ ему въ глаза и самъ архіепископъ, посѣтившій приходъ его.

Что дадутъ за требу, только то у Евтихія и въ корысти, если не догадается сердобольный сметливый человѣкъ пособить ему посильнымъ приношеніемъ. Если нужно было его попадьѣ отвѣтить сѣтующей на бездолье, трудную жизнь и безденежье, она отвѣчала слезливой печальницѣ:

— Поженила бы я тебя на своемъ попѣ Евтихіѣ: не такія бы еще слезы проливала.

Тяжолая жизнь съ непрактическимъ ученымъ мужемъ не сдѣлала, однако, изъ нея ни простой стряпки, ни поломойки, но такую, которая смотрѣла въ оба и вовсе не зѣвала тамъ, гдѣ можно было поживиться.

На досугѣ она, между прочимъ, успѣла выучить наизустъ полные святцы: открывай любую страницу, требуй любое число въ подрядъ и въ разбивку—она имена всѣхъ святыхъ высчитаетъ, и безошибочно скажетъ. Къ ней ходили за справкой; она сама не опускала изъ виду ни одной именинницы, не забывала ни одного пирога. Только два слабыя мѣста знали за ней: имена святыхъ, почивающихъ въ

кіевскихъ ѳеодосіевыхъ пещерахъ, она не знала, въ антоніевыхъ помнила нетвердо, зато имена всѣхъ сорока мучениковъ и 70 апостоловъ хорошо знала и пересчитывала. Особенно прославилась она отчетливымъ знаніемъ всѣхъ каноновъ. Съ ними ходила на войну противъ старухъ-раскольницъ и одерживала надъ ними побѣду, всегда съ успѣхомъ, не выходя въ спорахъ изъ тропарей, кондаковъ и икосовъ.

— Вы сметану-то да творогъ небось на себя собираете?—умѣла она разъ спросить просфирню и сторожиху, собиравшихъ петровщину, т. е. молочные скопы и овечью волну.

— А гдѣ это указано?—не давала она спуску ни этимъ бабамъ, ни раскольникамъ.—Что въ писаніи-то говорится?

И ей вспомнилась толстая книга «Маргаритъ»—любимое чтеніе всѣхъ попадей, а въ ней Златоустаго слово «О лжеучителяхъ», и, какъ живая, встала передъ глазами та страница «Слова» и въ ней строки со словами:

«Волну и млеко отъ стадъ емлюще, а о овцахъ не пекущеся».

Въ доказательство и эту тяжолую книгу притащила, и это мѣсто указала. Сталось большое дѣло, совершился переворотъ: начали носить петровскій приносъ въ пользу причта не только того, къ которому принадлежала евтихіева попадья, но и во всѣхъ сосѣднихъ приходахъ.

Агафоникъ жилъ прижимками и вымогательствами и зорко высматривалъ, куда можно налетѣть и гдѣ хапнуть.

Дѣло нехитрое, была бы охота: запрещеній на раскольниковъ вышло много, такъ много и такихъ крутыхъ и рѣзкихъ, что и не придумать способовъ набраться силъ, чтобы подчиниться имъ и примириться. Агафоникъ зналъ ихъ всѣ на память, даже изъ тѣхъ, которые всѣми были забыты. Такъ, напримѣръ, не велѣно было выносить тѣла умершихъ раскольниковъ на ихъ собственныя кладбища: онъ не воспрещалъ, глядѣлъ сквозъ пальцы; когда просили его разрѣшенія—продавалъ его; когда хоронили, не предупредивъ, налеталъ и бралъ уже втрое. Поговаривали, что онъ записывалъ раскольничьи браки въ книгу, но не вѣнчалъ. Въ набѣгахъ своихъ онъ доигрался до того, что всѣ его считали кляузникомъ и донощи-

комъ, человѣкомъ неуживчивымъ. Его переводили изъ прихода въ приходъ, какъ человѣка безпокойнаго, и тѣмъ еще больше раззорили его и возбудили въ товарищахъ всеобщую къ нему нелюбовь. Про похожденія его разсказывали многочисленные анекдоты; мужики говорили свое:

— Самое зелье! Этотъ попъ, что худая баба — и не приведи, ты Господи!

— Когда бы убрали, то-ли бы дѣло было!

— Съ вострымъ ногтемъ попъ, что́ коршунъ!

Неуживчивое скитанье по разнымъ приходамъ развило въ немъ лихорадочную жадность ко всякимъ легкимъ стяжаніямъ, достающимся безъ труда и не требующимъ терпѣнія. Въ добавокъ, отъ семинаріи сохранилъ онъ странныя манеры кривлянья и дурныхъ привычекъ, которыми прорывался и во время служеній, вызывая улыбки и насмѣшки. Всѣми былъ нелюбимъ и съ раскольниками ладилъ лишь тѣмъ, что, находя въ приходѣ стараго письма образа или старой печати книги, не считалъ ихъ завѣтными. Поговаривали даже, что онъ этимъ кормился и, если бы остановился на одномъ какомъ-нибудь мѣстѣ, имѣлъ бы теперь и деньгу́.

Попъ Иванъ-*Чадо* (прозванный такъ за то, что за обѣдней, послѣ сугубой эктеніи, возглашалъ старинное добавочное прошеніе «О чадѣхъ и домочадцѣхъ», выпѣвая его при этомъ съ особеннымъ усердіемъ) ничѣмъ особеннымъ не отличался. Онъ, какъ и на погощенскомъ совѣщаніи, упорно промолчалъ, покряхтывалъ и сплевывалъ, и никто не позаботился узнать его мнѣніе, такъ и на приходѣ былъ молчаливъ и угрюмъ. Онъ принадлежалъ къ отживавшему типу малограмотныхъ, отправлявшихъ церковныя службы не по книгамъ, а больше по памяти. За раннее развитіе громкаго голоса его изъ реторики поставили въ дьяконы; изъ дьяконовъ, за безотвѣтное смиренство и изъ состраданія къ необыкновенно большому семейству, посвятили во священники.

Когда онъ попалъ въ приходъ, гдѣ преимущественно распространенъ былъ расколъ, судьба его тамъ разрѣшилась просто. Филиповскіе начотчики, расходясь въ толкованіи слова или текста, смѣясь, говорили между собою:

— Не пойти ли къ Чаду?

— Не попъ ли Иванъ такъ разумѣетъ: не онъ ли обучалъ?

И когда, ради шутки, обращались къ нему за толкованіемъ, Иванъ отвѣчалъ одно:

— Не дразните меня—не люблю. Покиньте вздоръ, ступайте къ бабамъ.

Не цѣня себя, какъ пастыря и учителя, онъ цѣнилъ въ себѣ право свершителя обрядовъ и тайнъ. На запутанную свадьбу былъ простъ и охотливъ. Точно также не отказывался отпѣвать покойниковъ по раскольничьему обряду, а одного изъ ихъ наставниковъ не задумался даже проводить на раскольничье кладбище. Его смиряли за то въ монастырской кельѣ, но попъ Иванъ до сихъ поръ вопрошаетъ:

— За что́?

Погостенскій благочинный тѣмъ только и жилъ, что́ досталось ему изъ сбереженій дяди архіерея и что́ сносилось обычнымъ поклоннымъ отъ товарищей—сослужителей его благочинія. Не имѣлъ онъ ни нужды, ни желанія прибѣгать къ тѣмъ способамъ, которыми пробавлялся его предмѣстникъ.

Тотъ, заручившись требникомъ Петра Могилы, подъ рукой и тайно и, конечно, за возвышенную плату, отчитывалъ по немъ и руководился имъ во всѣхъ случаяхъ, гдѣ было приглашеніе и вызовъ. Знали про то въ отдаленныхъ окрестностяхъ и пріѣзжали къ попу подводы изъ чужихъ приходовъ:

— Погостенскій попъ знаетъ и читаетъ такія молитвы, которымъ другихъ поповъ не учили. У него на всякую притку отказъ есть.

Требникъ Могилы, послѣ смерти попа, достался по наслѣдству его сыну—погощенскому дьякону: сталъ требникъ кормить изъ-за хлѣба на квасъ и дьякона. Дьякону это кстати: по наукѣ отца онъ и прежде умѣлъ гадать на псалтыри, подвѣшивая ее на ножницахъ, подбирая и растолковывая вскрывшіеся на случай стихи псалма всѣмъ тѣмъ, кто его о томъ просилъ и кто вѣрилъ, что и дьяконъ, какъ и покойникъ-батько—и колдунъ, и знахарь. Да и не вѣрить было нельзя: дьяконъ былъ охотникъ до пчолъ (весь огородъ уставленъ былъ пчелиными колодками), и еще ни одинъ рой отъ него не

улетѣлъ. Ходитъ онъ съ курчавой рыжей головой и хохлатой бородой промежъ ульями, какъ по церкви съ кадиломъ; ходитъ безъ сѣтки середъ шумливыхъ роевъ, и ни одна пчела его ужалить не смѣетъ.

Старый безголосый дьячекъ успѣлъ приспособиться къ огороду и выращивалъ такую капусту, что на базарахъ ее считали самою лучшею. Городскіе мѣщанишки-маклаки приходили даже къ нему на домъ, перебивали и переторговывали ядреный товаръ на корню. Старикъ былъ доволенъ, но кучился и жалобился встрѣчному и поперечному, когда стали путать цѣну и сбивать его со счету, заведя новую моду—покупать капусту не по грядамъ, а по сотнямъ кочней. Одинъ такой маклакъ въ соблазнъ даже ввелъ его, когда пришелъ торговаться въ церковь и изъ алтаря вызвалъ на клиросъ. Пока старикъ на пальцахъ считалъ да въ умѣ пересчитывалъ, перекладывая гряды на сотни, священникъ велѣлъ начинать часы и возгласъ далъ: вмѣсто «аминь» и «Слава Тебѣ Боже нашъ, слава Тебѣ», вышло въ слухъ всей церкви и всѣхъ предстоящихъ: шестью шесть—тридцать шесть.

Осталось сказать еще про пономаря, да лучше его самаго не скажешь: «слякохся отъ нищеты», говаривалъ онъ самъ съ полною откровенностью. Въ самомъ дѣлѣ: сыновья его, ходившіе въ епархіальный городъ за 250 верстъ съ вакацій и на вакаціи всегда пѣшкомъ, не уносили съ собой больше 3—4 гривенъ мѣдными деньгами, и чѣмъ жили—отецъ и думать боялся. Стаивалъ онъ на перекресткахъ, выпрашивая у проходящихъ подаянія, бродилъ по базарамъ между возами, собиралъ высыпавшіяся крохи, и не разъ видали его въ питейномъ домѣ пляшущимъ и поющимъ шаловливую пѣсенку не за вино, а за тѣ же мѣдныя деньги. Одинъ сынъ сдѣлался впослѣдствіи архіереемъ, другой—большимъ столичнымъ чиновникомъ: стали отцу помогать, да ужь тогда, когда ему ничего не было нужно.

Дьячкова вдова-теща круто мѣсила по суботамъ тѣсто и пекла просфоры—и этотъ заработокъ до того казался серьёзнымъ и важнымъ, что, когда благочинный хотѣлъ произвести въ просвирни сестру дьякона, старую дѣву, дьячекъ нѣсколько разъ приходилъ валяться у него въ ногахъ:

— Не будетъ милости—ко владыкѣ пойду!

Кончилось, впрочемъ, тѣмъ, что мѣсто осталось по старому. Соперницы стали избѣгать взаимныхъ встрѣчъ, а при случайныхъ корились и переругивались. У дьячка выродилось на попа косое медвѣжье взглядье и выросъ зубъ, который онъ, однако, старательно затравливалъ и не давалъ ему ныть и разыгрываться.

Итакъ, вотъ эти воины, выставленные въ передовую цѣпь лицомъ къ лицу съ непріятелемъ, и, какъ видимъ, безъ всякаго прикрытія, а въ добавокъ еще обезсилѣвшіе и усталые.

Въ виду ихъ тяжелаго и невыгоднаго положенія, конечно, самымъ существеннымъ и важнымъ является вопросъ о томъ: кто непріятель, и каковы его силы?

IV.

Погостамъ и селамъ, выродившимся изъ погостовъ, уже сама судьба судила стоять въ тѣхъ глухихъ мѣстахъ, гдѣ славянскія поселенія очень древнія и народъ пребываетъ въ патріархальной простотѣ нравовъ, цѣпко держась за прадѣдовскіе обычаи и вѣрованія. Тамъ, гдѣ уцѣлѣли погосты, несомнѣнно сохранилась и старая Русь, нетронутая чужеземными обычаями, и для археологовъ здѣсь богатая и интересная почва: этого имени селенія—прямые тому показатели въ настоящее время.

Въ старину, когда объявилось на Руси никоновское исправленіе церковныхъ книгъ и перемѣна нѣкоторыхъ церковныхъ обрядовъ, въ погостенскихъ приходахъ сильнѣе всего выразилось противодѣйствіе и отстаиванье старыхъ обрядовъ, особенно тѣхъ, которые зависѣли отъ церковныхъ постановленій и правилъ, названное борьбою за старую вѣру, высказалось наиболѣе крупными проявленіями, восходящими до поразительнаго героизма. Сюда бѣжали и здѣсь нахо-

дили готовый пріютъ и угрѣву всѣ тѣ, которыхъ притѣсняли въ городахъ и въ густонаселенныхъ пунктахъ. Когда преслѣдованія достигли и до этихъ мѣстъ невозмутимаго покоя и очень надежныхъ укрытій и откуда уже некуда было скрываться, упорство, доведенное до отчаянія, не задумалось высказаться ужасающимъ количествомъ самоубійствъ въ видѣ добровольныхъ самоистязаній голодомъ и самосожженій и самопотопленій «вѣры ради» не десятками, а сотнями ярыхъ фанатиковъ. Гдѣ больше сгруппировалось погостовъ, какъ въ Олонецкомъ Краю, туда охотливѣе сбѣгались гонимые и тамъ крупнѣе и чаще успѣло выразиться количество самосжигателей, морельщиковъ, топителей и т. п. Въ виду мученичества, старая вѣра укрѣплялась и, прикрытая отъ гонителей тайной, какъ весенняя вода снѣгомъ, медленно, но вѣрно подтачивала и осаживала этотъ снѣгъ.

Сталось такъ, что гдѣ брошены были сѣмена въ тѣ давнія времена, тамъ и теперь прозябаютъ плоды въ видѣ ревнителей древняго благочестія. Чѣмъ древнѣе мѣсто, тѣмъ ихъ больше, чѣмъ сильнѣе и чаще ихъ преслѣдовали, тѣмъ они дѣлались упрямѣе и озлобленнѣе. Сначала, по старой привычкѣ, не отставали отъ священства и держались поповъ до-никоновскаго постриженія, а когда тѣ попы вымерли, прикармливали бѣглыхъ, исправленныхъ по старымъ книгамъ и по особому чину. Когда поповъ стали ловить, а доставать ихъ представлялось дѣломъ значительной трудности, священство совсѣмъ отвергли.

Выросли безпоповщинскіе выгорѣцкіе скиты: всякій благочестивый міряninъ, грамотная и цѣломудренная женщина стали за поповъ совершать тайны. Совершая ихъ, начали оправдываться и сомнѣваться. Оправдывались примѣрами и жизнью первыхъ христіанъ, усумнились и задумались надъ таинствомъ брака. Одни встали за бракъ (секта поморская), другіе отказались признавать его святость и набожность (ѳедосѣевщина). Разбившись на два лагеря, враги стали отчаянно ненавидѣть другъ друга, презирать, преслѣдовать, не сообщаться ни въ молитвѣ, ни въ бесѣдѣ, ни въ пищѣ. Затѣмъ, въ виду неустанныхъ и усилившихся преслѣдованій, опять сошлись на одномъ, что наступило антихристово предрѣченное царство, что го-

нительная власть—слуги антихриста; исполнять ея велѣнія—неумолимый грѣхъ (въ современномъ царѣ Петрѣ Великомъ стали видѣть самаго антихриста) и, наконецъ, вовсе перестали молиться за предержащую власть. Словомъ, изъ поморской секты выродился новый толкъ—филиповщина или пилипоны—самаго мрачнаго, непримиримаго характера, отличившійся множествомъ самосожженій, искреннимъ и полнымъ отвращеніемъ ко всему не своему, какъ къ еретическому. Эта озлобленность отчужденія дошла до того, что филиповцы не только чуждались православныхъ и не ѣли изъ одной чашки и одной ложки съ поморцами и ѳедосѣевцами, но стали носить съ собой и свои иконы за пазухой. Когда же за это тяжесть нелюбья и гоненій надъ ними усилилась, самые ревностные ѳедосѣевцы рѣшили совсѣмъ бросить этотъ міръ, для котораго настали послѣдніе дни и антихристъ духовно уже воцарился.

Они, покинувъ осѣдлую жизнь, рѣшили скитаться, странствовать, скрываясь отъ людей въ непролазныхъ дебряхъ дремучихъ лѣсовъ или въ темныхъ подпольяхъ подъ землею. Проявилась между филиповцами новѣйшая секта сопелковскаго согласія, странниковъ, пустынниковъ, христовыхъ людей, бѣгуновъ, скрытниковъ, голбешниковъ, подпольниковъ, ныркoвъ, смотря по тому, подъ какимъ званіемъ захотѣли признавать ихъ окольные жители. (Мы будемъ, относительно бѣгуновъ, руководствоваться тѣми новыми и еще не обнародованными данными, которые собраны и доставлены намъ изъ Каргопольскаго Уѣзда Олонецкой Губерніи).

Поморцы, ѳедосѣевцы, филиповцы и скрытники—вся основная безпоповщина, разойдясь до непримиримаго раздраженія и озлобленія, согласно и твердо остановились вмѣстѣ на одномъ: не признавать господствующей церкви и не имѣть со служителями ея и вѣрующими въ нее ничего общаго, если бы даже грозили за то горчайшія мученія и бѣды. Не только войти въ церковь, но и встать подъ тѣнь ея—великъ грѣхъ даже и на тотъ случай, когда застанетъ проливной дождь.

Исповѣдниками трехъ старыхъ безпоповщинскихъ толковъ окруженъ былъ Погостъ, и съѣздъ у благочиннаго вызванъ былъ появленіемъ въ тѣхъ мѣстахъ новаго толка — четвертаго, неизвѣстнаго

и неожиданнаго, какъ печальное доказательство, что расколъ ростетъ и направился въ ту сторону, гдѣ его не сослѣдишь и не откроешь.

Стали, однако, слѣдить и разузнавать.

Къ самимъ сектаторамъ не пойдешь—и на дворъ они не пустятъ. Случается такъ, что, проходя мимо, неожиданно получишь оскорбленіе: либо заржутъ по-жеребячьи, либо скажутъ неподходящее слово, условную и очень злую брань. Случайная встрѣча, въ нейтральномъ домѣ или гдѣ-нибудь въ лавкѣ, легко укажетъ вора, на которомъ горитъ шапка, укажетъ тѣмъ, что воръ сдѣлаетъ косое взглядье, отвернется въ сторону, выйдетъ вонъ, а если и останется, то упорно промолчитъ и выждетъ твоего выхода.

Да и что̀ ужъ говорить про священниковъ? Мірянина взять: пустько любой у нихъ хлѣба выпроситъ, даже прохожій путникъ! Не только хлѣба, воды не дадутъ изъ колодца. Не слышно даже, чтобы кто у нихъ не того прихода и вѣры провелъ ночь, выпросилъ воды.

Таковы они всѣ безъ различія, и отдѣлить тутъ ѳедосѣевца отъ филиповца трудно. Выжидай, когда филиповецъ, при входѣ въ чужую избу, не молясь хозяйскимъ иконамъ, вытащитъ свою изъ-за пазухи; ищи случая, когда поморецъ отличится отъ ѳедосѣевца тѣмъ, что на работахъ съ православными станетъ жидкія кушанья ѣсть изъ особыхъ чашекъ и только густыя изъ одной, выговоривъ свое правило: «вино да каша—одна чаша».

Личными наблюденіями не убѣдиться: надо обратиться къ прихожанамъ, которые по-неволѣ близко стоятъ къ односельцамъ и потому больше видятъ. Иные, пожалуй, по именамъ всѣхъ назовутъ, но вѣрно ли? Конечно, нѣтъ. Нѣтъ, именно по тому, что тамъ, гдѣ расколу раздолье, тамъ въ одной семьѣ всѣ три вѣры вмѣстѣ, и всякій ѣстъ изъ своей чашки, и всякій молится своей иконѣ. Бабушка держитъ поповщинское распятіе, съ изображеніемъ на самомъ верху Господа Саваоѳа, подъ нимъ Св. Духа и крестъ съ титломъ: І. Н. Ц. І., а у большухи—тоже осьмиконечное распятіе, но поморское: вмѣсто Саваоѳа, образъ Нерукотвореннаго Спаса; Духа Святаго нѣтъ и, вмѣсто титла, написано: Іс. Хс. Царь Славы, а самъ хозяинъ иконы своей никому и не покажетъ, какъ истый филиповецъ. Умершихъ

всѣ кладутъ въ гробъ, выдолбленный, по древнему русскому обычаю. изъ цѣльнаго дерева (изъ колоды), завернутыми въ саванъ; но бабка разрѣшаетъ похоронить себя на православномъ кладбищѣ, а «сама» ни за что на это не согласна: хоть въ лѣсу подъ пнемъ, но не со «щепотниками».

Бываетъ и такъ, что всѣ члены семьи согласятся на одномъ толкѣ, но одни, дозволивъ себѣ при нуждѣ и по-неволѣ обмірщиться (поѣсть съ православными, побывать въ ихъ церкви и т. п.), налагаютъ на себя исправу: нѣсколько лѣстовокъ (нѣсколько разъ сотню поклоновъ), отлучаются въ молитвѣ, въ пищѣ. Другіе ничего этого съ собою не дѣлаютъ. Свекровь, купленную на торгу пищу, освящаетъ молитвами, сноха — стряпаетъ и такъ, неосвященую. По однимъ, сарафаны и большіе платки надо носить непремѣнно одинаковаго степеннаго цвѣта: либо черные, голубые, либо синіе, по другимъ — нѣтъ грѣха и въ пестрыхъ веселыхъ цвѣтахъ. На молитвѣ въ однѣхъ семьяхъ стараются всѣ стоять рядомъ и поклоны класть разомъ, а не врозь, по образцу птичьяго полета, въ другихъ — молятся, кто какъ знаетъ, но старшіе — особенно и прежде, младшіе — потомъ, послѣ всѣхъ.

Нѣкоторые выдумали, что хороша и богоугодна та молитва, къ словамъ которой прибавлять «охъ-охо-хо»: прочіе надъ этимъ подсмѣиваются. Такимъ образомъ, и въ одной сектѣ разные толки,—ничего не разберешь: все спуталось, и сами исповѣдники мало себя понимаютъ. Это вводитъ въ соблазнъ наблюдателей, и въ данномъ случаѣ очень легко ошибиться и другихъ ввести въ заблужденіе. Мудрствующіе священники попадались тутъ всего легче, именно тѣмъ, что раздробили основные толки на мелкія подраздѣленія: явились у нихъ и охохонцы какіе-то, щельники, немоляки, стариковщина, подцерковники и еще цѣлые десятки, и пошли гулять по свѣту эти неизвѣстныя и несуществующія секты. Стало еще труднѣе понимать основныя и главныя секты, и учотъ раскольниковъ сдѣлался почти недоступнымъ.

Учотъ сталъ совсѣмъ невозможнымъ въ виду другой неизбѣжной бѣды, что, гдѣ дрова рубятъ, тамъ и щепки валяются, гдѣ повальная болѣзнь — тамъ и зараза. Между расколомъ и православіемъ

образовалось то неопредѣленное и неизбѣжное среднее, на чемъ уже совершенно можно запутаться и ни до чего яснаго не дойти. А повидимому—и дѣло совсѣмъ нехитрое и причина его очевидная.

Большая ли рѣдкость встрѣтить духовному пастырю между православными прихожанами такихъ, которые не только вовсе незнакомы съ основными истинами вѣры христовой, но и не знаютъ ни одной молитвы? Удивительно ли, что, въ то же время между этими людьми встрѣчаются безчисленныя бредни раскольничьихъ сектъ. И это «среднее», эти межеумки и «ни то, ни се» сами не знаютъ, къ чему себя приписать: прямо ли къ филиповцамъ, или продолжать считать себя православными. Православный же онъ только потому, что два-три раза былъ въ церкви. Первые два раза приходилъ самъ исповѣдоваться и пріобщаться, потому что задумалъ жениться и сказали ему, что безъ попа тутъ нельзя, и бракъ не крѣпокъ, и жена можетъ сбѣжать, и всякъ твоему горю посмѣется: «ходилъ-де вокругъ пня, вѣнчалъ-де тебя сѣрой волкъ: убирайся ты къ лѣшему-чорту со своей глупой жалобой». Третій разъ былъ въ церкви не по своей волѣ: привозили умершимъ и отпѣвали по православному обычаю, потому что считался таковымъ и былъ записанъ въ приходскихъ спискахъ. На этомъ и кончалось все православіе, если въ теченіи жизни не заболѣвалъ опасно, когда нужно было приглашать священника на домъ, чтобы не сказали, что умеръ безъ исповѣди и причастія: и вотъ теперь самъ попъ свидѣтель тому, что ты дѣйствительно боленъ и не умираешь внезапною или насильственною смертію.

Эти средніе окрестить младенца не прочь, хоть въ какой угодно холодной водѣ, но вдругъ, ни съ того, ни съ другого, затруднитъ ихъ муропомазаніе: «нельзя ли, бачько, не мазать».

У хорошаго трезваго священника исповѣдаться не прочь, да вдругъ выдумаютъ дѣлать это не иначе, какъ тайно, ночью. То вдругъ начнутъ всѣ молиться двуперстнымъ крестомъ, то повадятся ходить въ одну какую-нибудь часовню, то начнутъ толковать между собою о грѣхахъ разныхъ: гулянки—грѣхъ, зимнія катушки съ горъ — грѣхъ; перестанутъ на масляницѣ надвѣшивать качели, въ

кабаки ходить. То начнутъ приходить съ вопросами за разрѣшеніемъ разныхъ недоумѣній:

— Я, вотъ, въ дальную дорогу съ обозомъ сходилъ, чужой пищи поѣлъ, притрогивался...

— Къ чему притрогивался? — спрашиваетъ отецъ Корнилій.

— Да мало ли къ чему, ко всякому...

— Ну, и пущай!

— Надо исправиться: въ баню сходить, потому, можетъ, къ чему нечистому прикасался.

— Ты и сходи въ баню, помойся. Послѣ дороги баня хорошо помогаетъ; облегчаетъ грудь.

— А ты бы мнѣ молитву передъ-баней-то, молитву такую прочелъ.

— Какую же такую молитву?

— Отъ осквернения.

— Ну, братцы! — скажетъ себѣ Корнилій: — мудрено васъ сосчитать, какъ барановъ въ стадѣ: все шли ладно, да вдругъ попритчилось и шарахнулись, когда я на второмъ десяткѣ считалъ, а теперь со счету совсѣмъ меня сбили.

— Какъ эта трудная наука-то, отецъ Евтихій, называется, что владыка-то намъ задалъ? — спрашивалъ онъ Евтихія, встрѣтившись съ нимъ на сельскомъ базарѣ.

— Статистическія изысканія! отвѣчалъ Евтихій, спеціально явившійся сюда по порученію матушки, присмотрѣться и, если подойдетъ цѣна, то и купить рукавицы для работницы, а вовсе не затѣмъ, чтобы подыскать и присмотрѣть вѣрнаго человѣка для разговоровъ по предмету статистики и заданнаго архіереемъ вопроса.

Евтихій отъ другихъ товарищей (исключая Корнилія и отчасти Ивана) не отличался, а можно даже сказать, превосходилъ ихъ гордостію (чехвальствомъ, какъ говорятъ мужики), доведенной до грубости въ обращеніи съ этими мужиками, торгующими на базарахъ и молящимися Богу въ церквахъ и подпольяхъ. Высшіе взгляды, презрѣніе къ сѣрому неграмотному люду, нахватанные въ семинаріи, пріобрѣли въ академіи даже злобный оттѣнокъ. Въ сношеніяхъ съ мужиками Евтихій оказывался бранчивѣе, крутѣе и капризнѣе про-

чихъ. Крестилъ, хоронилъ, исповѣдовалъ, вѣнчалъ онъ какъ и другіе, но къ бесѣдованіямъ былъ неохотливъ, да, признаться, и неумѣлъ. Отличался онъ отъ другихъ только тѣмъ, что, когда тѣ никакихъ книгъ не читали, онъ читалъ много и охотно. Когда другіе лѣниво служили въ церквахъ, но со старовѣровъ взыскивали за то, что тѣ молятся дома — Евтихій всегда пѣлъ и обѣдни, и утрени, и вечерни, и табаку не нюхалъ. По книгамъ изучалъ онъ дѣленіе раскола на секты, но Корнилій и этого не дѣлалъ, а рѣшилъ себѣ, что совсѣмъ непоповское дѣло — разбирать раскольниковъ по тремъ извѣстнымъ старинным толкамъ: какъ будто даже при этомъ и стыдно (до того трудно).

Оставалась передъ нимъ четвертая секта новая.

И надъ нею думалъ Корнилій: попадью спрашивалъ, къ просфирнѣ и другимъ бабамъ, которыя посудачливѣй и поболтливѣй обращался — онѣ чего не слыхали ли?

Рѣшился даже дьячка послать потолкаться въ народѣ, въ кабакѣ посидѣть. Ничего не дознавши, и самъ выходилъ на поиски.

— Не купишь ли ты у меня, Корнилій Семенычъ, жеребенка? Дома молокомъ я отпаивалъ,—спрашивалъ его толстый, какъ боровъ, сосѣдній торговецъ, придя къ нему на домъ.

— Прикупить можно, а ты скажи-ко мнѣ, Лука Ѳедосѣичъ, не слыхалъ ли ты чего про тотъ народъ, что по нашимъ мѣстамъ въ лѣсъ жить уходитъ?

— Да, вѣдь, тебѣ ужь у нихъ лошадей не покупать: въ лѣсъ ушелъ — значитъ все продалъ. На что это тебѣ потребовалась? Небось начальникъ твой велѣлъ?

— Изъ собственнаго, признаться, любопытства, хитрилъ опытный Корнилій: — стали наши бабы что-то часто про нихъ поговаривать. Вечоръ только и разговоровъ у нихъ было. Ту бабу свели, эту дѣвку сманили. Въ чемъ тутъ хитрость?

— Така у нихъ вѣра, Корнилій Семенычъ: вся ихна вѣра на бабѣ утвердилась. И въ лѣсу, знать, безъ бабы скучно жить, — мудрилъ, въ свою очередь, захожій продавецъ изъ среднихъ «никудышныхъ», склонившійся болѣе къ ѳедосѣевщинѣ.

— Значитъ, по ѳедосѣевски, браковъ у нихъ нѣтъ?

— Кака свадьба, коли сама идетъ своей волей и родителёвъ не спрашиваетъ? Кому свидѣтельство-то подписывать? Въ лѣсу-то развѣ медвѣдь про то спрашивать станетъ, а волкъ-отъ вонъ и совсѣмъ безъ паспорту бѣгаетъ которой годъ, — размазывалъ и замазывалъ продавецъ жеребенка.

— Да въ которыхъ лѣсахъ-то, въ лѣсахъ-то которыхъ живутъ и скрываются? — не безъ торопливости и досады въ голосѣ, продолжалъ бесѣдовать Корнилій.

— Въ лѣсахъ, надо быть, въ сюземныхъ скрываются, въ такихъ, чтобы никто ихъ увидать не могъ, а кольми паче попы. Можетъ, и въ тѣхъ лѣсахъ сокрытіе имѣютъ, которые по твоему приходу ростутъ,—философствовалъ гость.

— Что́ ты за жеребенка-то норовишь взять?

— А подемъ — погляди!

Пошли глядѣть, а у попа, опять-таки ничего не вышло: о чемъ по своему приходу придется писать преосвященному?

— Какъ вы по этому дѣлу полагаете? — спрашивалъ потомъ Корнилій у становаго, подливая ему въ чай норвежскаго, дешеваго, но очень крѣпкаго рому.

Господинъ съ лошадиными манерами и трубнымъ голосомъ, многозначительно сморщилъ лобъ и, ухватившись обѣими руками за правое колѣно и покачиваясь, отвѣчалъ:

— Самъ я эту статистику собиралъ недавно и могу подѣлиться собранными свѣдѣніями. Канальи эти — какіе-то бродяги пришлые, а не здѣшные. У одного изъ нихъ совсѣмъ былъ на слѣду, да мерзавецъ-десятскій предупредилъ — далъ имъ знать! Начистилъ ему зубы, обѣщалъ выпороть и прогнать прочь. Ловить ихъ очень трудно: вотъ, идетъ въ лѣсъ тропинка, едва примѣчаешь ее — идетъ-идетъ, къ рѣкѣ приводитъ. На рѣкѣ гдѣ-то бродъ и, если попадешь на него — и на той сторонѣ рѣки сейчасъ найдешь тропинку, однако, не сразу. Тутъ мохъ надранъ и накиданъ, тутъ сами негодяи эти камней натаскали: для нихъ это — примѣта, для постороннаго — чортъ знаетъ что́ такое. Эта тропинка въ болото приведетъ: тутъ никому не пройти, а они, подлецы, одни только и могутъ. Тамъ у нихъ подземелье съ ходами и выходами мѣстахъ въ трехъ.

Выходы эти подведены такъ, что надъ ними стоитъ дерево съ корнями: надо это дерево уронить, чтобы дыру увидѣть. Это и есть дверь въ подземное жилище этихъ анаѳемъ.

— Вы и спускались туда?

— Нѣтъ, зачѣмъ же, батюшко? Отъ меня губернское правленіе требовало только показаній о количествѣ совращенныхъ вновь.

Опытный Корнилій о церковныхъ данныхъ его благородіе уже и не спрашивалъ, имѣвши случай удостовѣряться въ точности ихъ и посмѣяться надъ пріемами. Становой и возы на ярмаркахъ считалъ въ то время, когда одни еще въѣзжали, а другіе успѣли съѣхать, и одновременно выражалъ желаніе узнать, сколько было народа на торжищѣ и на какую сумму крестьяне привезли своихъ издѣлій и продуктовъ промысла въ то время, когда за покупкой бѣлки во весь тотъ день не пріѣзжалъ еще самый богатый скупщикъ.

Этотъ всякой годъ имѣлъ обыкновеніе пріѣхать, звякнуть деньгами, назначить на бѣлку цѣну и открыть на нее торгъ, т. е. пустить на продажу одни лишь остатки, т. е. самыя мелкія партіи. При этомъ, по старому завѣту, не считалъ онъ, изъ боязни грѣха и отвѣта предъ Богомъ, ни товару сполна, ни барыша, какъ не считаютъ крестьяне хлѣбнаго умолота, толкуя «что Богъ далъ—все въ закромахъ будетъ». И къ другому ходовому ярмарочному товару, соленому и сушеному грибу, господинъ становой, къ изумленію отца Корнилія, приговаривался-было и тоже сосчитать хотѣлъ съ неоспоримою точностью, но и тутъ, по тѣмъ же причинамъ, не вышло.

— Скажи ему, сколько за товаръ денегъ собралъ (толковали мужики), сколько за грибъ, да за бѣлку денегъ выпустилъ; онъ, вишь, по этому и раскладку на себя сдѣлаетъ, чтобъ больше собрать, гусь эдакой! Врите ему, ребята, что больно-де тяжолое время приспѣло: на все недородъ, ни отъ чего нѣту корысти.

Обратился, наконецъ, Корнилій къ своему дьячку, котораго посылалъ на поиски.

— Бачка, ваше благословеніе!—пошолъ я отъ васъ, ходилъ-хо-

дилъ, слушалъ-слушалъ,—тараторилъ дьячекъ, захлебываясь словами и безпрестанно кланяясь.

— Да, не гоню, не торопись! Подпоясался бы, авось легче будетъ,—приласкалъ, смѣючись, Корнилій.

— Вотъ эту «статію-то» я и собиралъ. Гришка-цаловальникъ сказывалъ: есть, говоритъ, такіе; будь, говоритъ, Мироныч, ты касательственно этого не въ сумлѣніи. Есть, говоритъ — завелись. Вотъ-тѣ Христосъ, завелись! Живутъ въ подземельяхъ и ходы подѣлали. Не ходи къ нимъ. Никакъ ты ихъ не ссягнешь — убьютъ. Весеневской цаловальникъ про кровь поминалъ: какъ-де младенецъ у нихъ родится, такъ они сейчасъ убьютъ и кровью его свои портреты пишутъ и книги пишутъ. Ажъ книга-та свѣтится! И мнѣ одну такую книгу показывалъ, полууставомъ писана. И—повѣрьте, ваше благословеніе, истинному Богу, литеры въ той книгѣ свѣтятся—своими я глазами то видѣлъ. Одну ужь — говоритъ — я такую книгу отцу Евтихію подарилъ: онъ до нихъ-де охотникъ. А эту — говоритъ—никому не отдамъ, какія хошь давай деньги. А станутъ требовать—скажу нѣтъ. А вотъ передъ истиннымъ Христомъ!—самъ я ее видѣлъ.

И опять нѣтъ толку.

— Ступай, дьячекъ, домой, проспися: дьячиха ужь сколько разъ прибѣгала спрашивать, куда послалъ; не убили бы-слышь. И ревѣть принималась. Утѣшь ее и выспись!

Евтихій вчитывался въ подаренную, писанную полууставомъ, съ обычными изъ киновари заголовками тетрадку, подъ названіемъ: «Сказаніе о происхожденіи странническаго согласія и разнообразныхъ его отрасляхъ [1]).

Сказаніе начиналось такъ:

«Предвѣщая божественнымъ своимъ евангеліемъ, Христосъ Богъ нашъ, яко въ послѣдняя времена быти великимъ соблазномъ симъ,

---

[1]) Сказаніе это всѣмъ, писавшимъ о странической сектѣ, было неизвѣстно. Въ дальнѣйшемъ разсказѣ нашемъ мы предпочитаемъ пользоваться такими рукописями (пятью), которыя также до сихъ поръ не были извѣстны и обращались исключительно въ предѣлахъ мѣстности Каргопольскаго уѣзда.

*

между виновниками указываетъ и на такихъ, которые будутъ отводить отъ истины указаніемъ своихъ прелестей — въ пустыни. Въ настоящее же нынѣ плачевное время постигнуты мы событіемъ и свидѣтели есмы раскинутыхъ соблазновъ».

И далѣе, на пущую радость и удовольствіе Евтихія:

«Соблазнители, отводящіе съ пути истины къ прелести, обольщая указаніемъ въ пустыни, внушаютъ намъ обратить вниманіе на ученіе и прохожденіе сихъ новоявившихся, называющихъ себя пустынниками и странниками по сущности вѣрованія своего, принятаго съ крещеніемъ, проживъ между ними шестьнадесять лѣтъ въ духѣ ихъ странничества, видѣлъ я отводимыхъ съ пути истины простодушныхъ человѣкъ и легковѣрныхъ христіанъ, соблазненныхъ пустыннымъ странничествомъ, какъ лучшимъ средствомъ къ пріобрѣтенію спасенія, вчиная себя, со обѣтомъ крещенія, въ странничество. Крещеніе же свое простодушные называютъ не христовымъ, но іоанновымъ или пустыннымъ, какъ мнѣ случалось многократно слышать отъ нихъ; извѣстно и прочимъ».

«Пристрастіе чуждо было моего намѣренія» — увѣряетъ сказаніе. «Побуждался я истиною внушить легковѣрнымъ и простодушнымъ братіямъ моимъ, что они, бѣдные, содѣлались не христіане-странники своимъ перекрещиваніемъ, но лишившись таинства покаянія, колеблемы всякимъ вѣтромъ ученія ихъ». «Если они говорятъ вамъ: «се здѣ Христосъ въ пустыни», — не ходите слѣдомъ за ними. Я обнажу вамъ корень ихъ согласія и соблазна, соосязаю же и самое древо, произрастшее отъ того, и покажу, животъ или смерть даруютъ плоды его».

«Слѣдующая же за симъ повѣсть и являетъ намъ сіе»:

Странники происходятъ отъ старца Евфимія. Онъ былъ родомъ переяславлянинъ; имѣлъ жену и дѣтей; мірское имя его никому неизвѣстно. Въ первый рекрутскій наборъ, послѣ третьей ревизіи, бывшей въ 1764 году, въ царствованіе государыни Екатерины II-й, былъ онъ отданъ въ военную службу. Вскорѣ онъ оттуда скрылся и подъ видомъ странника явился въ Москву, гдѣ и былъ принятъ филиповцами въ ихъ согласіе. Здѣсь вскорѣ онъ познакомился съ проживавшимъ тамъ инокомъ Ѳеодосіемъ, прежде бывшимъ архіерейскимъ

пѣвчимъ, который тоже сбѣжалъ изъ военной службы. «И были они во всемъ до раздора Евфиміева дружны и вкупѣжительны». Но недолго тамъ пробыли. Совѣтовали имъ московскіе люди, какъ неимѣющимъ у себя законныхъ видовъ на жительство, «для безопасности и душевнаго спасенія» уѣхать въ Поморье, а Евфимію у тамошняго старца Андреяна постричься въ монахи.

Евфимій такъ и сдѣлалъ, т. е. добрался до дальняго Тонозера, гдѣ и поселился въ одномъ изъ тамошнихъ скитовъ, расположенныхъ по берегу и островамъ этого огромнаго озера. Однако пробылъ онъ тамъ недолго, не болѣе двухъ лѣтъ. Опъ выѣхалъ «съ противнымъ духомъ мудрованія», а причина тому была слѣдующая:

Прозналъ онъ какъ-то, что «отецъ-постригатель» его, Андреянъ, имѣлъ уже въ жизни случай отказаться отъ ученія и правилъ своего филиповскаго согласія: земское начальство сняло съ него камилавку и водило его въ церковь. Что тамъ съ нимъ происходило—въ подробности зналъ только самъ Андреянъ, и лишь нѣкоторыя частности извѣстны были немногимъ. Тѣмъ не менѣе, Евфимій сталъ посылать въ Москву письма, укоряя совѣтчиковъ своихъ за то, что они раньше не сказали ему про извѣстную вину Андреяна. Евфимій немедленно поспѣшилъ оставить Поморье.

Вмѣстѣ съ товарищемъ своимъ Ѳеодосіемъ, онъ пріѣхалъ въ Ярославль. Найдя тутъ единомышленниковъ, оба они остались жить, будучи приняты очень радушно. Явились они сюда съ затаеннымъ недоброжелательствомъ къ филиповскому ученію, и уже здѣсь Евфимій задумалъ объ исправленіяхъ и преобразованіяхъ. Ѳеодосій отговаривалъ начинать это дѣло такъ скоро, и во многомъ съ нимъ не соглашался. Евфимій, однако, не послушался и для своихъ цѣлей хаживалъ въ пошехонскіе лѣса, гдѣ были тогда два скита Филиппова согласія: Мининъ и Леонтьевъ. Тутъ онъ нашелъ себѣ одного послѣдователя, изъ недавно пришедшихъ туда, именно Павла Васильева, бывшаго крестьянина господина Мотовилова.

Вскорѣ пронесшійся слухъ о сыскѣ скитовъ съ военною командою заставилъ Евфимія и Павла уйти въ Ярославль и пристать, близъ города, въ деревнѣ Малышевѣ, у своего пріятеля Петра Ѳедорова. Пошехонскіе скиты тѣмъ временемъ были раззорены.

Въ Малышевѣ, при содѣйствіи Павла, Евфимій занялся составленіемъ, перепискою и распространеніемъ въ народѣ обличительныхъ сочиненій, «дѣлалъ выписки изъ книгъ и постъ водилъ». При личномъ его содѣйствіи и стараніи расположить умы въ свою пользу, ему удалось «заронить сѣмена сомнѣній для задуманнаго имъ новаго согласія». Озаботившись привлеченіемъ послѣдователей себѣ, онъ пріобрѣлъ таковыхъ восемь человѣкъ. Кромѣ Павла Васильева съ сестрой и малышевскаго Петра Ѳедорова, его усерднаго покровителя, ему послѣдовали: пошехонецъ Василій Прокофьевъ изъ деревни Бекарева (названный имъ Егоромъ), съ двумя дочерями, и Ирина Ѳедорова изъ Кашинскаго уѣзда съ Туговой Горы, названная Доминикой.

«Но еще не все имъ было сдѣлано: не доставало самаго главнаго дѣла для основанія строимаго имъ зданія».

«Нужно ему было прежнее все смыть съ себя и вновь обновиться крещеніемъ. Для исполненія сего льстился онъ надеждою на одного извѣстнаго ему престарѣлаго мужа, по имени Іоанна, странствующаго издревле, и который былъ отъ первыхъ остальцевъ древняго православія, а можетъ быть еще что былъ крещенъ и отъ священниковъ того православія, проживавшаго измлада въ укрывательствѣ, и посему не бывъ записанъ ни въ которой ревизіи».

Евфимію, однако, не удалось уговорить этого Ивана перекрестить себя и тѣмъ положить начало новому согласію «странствующей церкви». Какъ долго ни домогался Евфимій, «Иванъ не захотѣлъ послужить соблазномъ, для многихъ его знающихъ чадъ духовныхъ, которыхъ онъ много имѣлъ».

Такъ и не удалось Евфимію «обновить себя крещеніемъ отъ Іоанна, какъ и истинный Христосъ Богъ, начавшій благовѣстіе отъ времени крещенія своего отъ Предтечи Іоанна. Впрочемъ, по убѣжденію своихъ умствованій, не иначе долженъ былъ Евфимій начать собирать въ согласіе ученія своего, какъ съ крещенія себя, хотя и не могъ креститься отъ живущаго и желаемаго имъ крестителя, принужденъ былъ самъ себя крестить, бывъ неоднократно крещенъ. Что и исполнилъ».

Это было въ 1774 году.

На другой же день по самокрещеніи своемъ, Евфимій крестилъ всѣхъ семерыхъ своихъ послѣдователей, изъ числа которыхъ вскорѣ Павелъ Васильевъ, не сидѣвшій на одномъ, но переходившій изъ одного мѣста въ другое (въ Пошехонскомъ уѣздѣ), былъ пойманъ и, по суду, сосланъ въ Сибирь. «Причиною же сему было въ бѣгствѣ отъ Вавилона (міра сего) стяжаніе сребреницъ его, которыя далъ взаймъ одному изъ знакомыхъ. И ненавидяй Павелъ Вавилона, сжалился по его сребреникахъ, началъ безотступно ихъ требовать отъ должника, который, чтобы спасти Павла отъ прикосновенія къ нимъ, а себя избавить отъ докучливости его, доставилъ свѣдѣнія къ поиманію его».

Евфимій съ остальными пятью послѣдователями своими (кромѣ Петра Ѳедорова, оставшагося дома) вскорѣ ушелъ въ галицкіе лѣса. Отъ притѣсненій обывателей тѣхъ мѣстъ, «по наученію Нѣтовщины (то-есть послѣдователей Спасова согласія), онъ не могъ прожить здѣсь больше двухъ лѣтъ и выѣхалъ съ Ориною Ѳедоровою опять въ Ярославль (Василій же съ дочерьми удержался въ галицкихъ лѣсахъ). Близъ Ярославля, опять въ домѣ страннопріимника и благодѣтеля своего Петра Ѳедорова, Евфимій прожилъ еще три года до кончины своей, послѣдовавшей 20-го іюля 1779 года на 49-мъ году жизни. При селѣ Малышевѣ онъ и былъ преданъ землѣ.

Онъ былъ хорошимъ мастеромъ въ уставномъ письмѣ: въ 20-ти тетрадяхъ, съ помощью братьевъ Григорія и Алексѣя Яковлевыхъ, онъ переписалъ книгу, заключающую въ себѣ догматы его ученія «по 38 строкъ въ четверти тонкаго и мелкаго письма, видѣнную мною (пишетъ далѣе авторъ «Сказанія») съ подписью его». Умѣлъ онъ и рисовать: «есть рисованныя имъ книги и украшенный лицевой апокалипсисъ. Сдѣланныя же имъ разныя сочиненія и выборки принадлежатъ ко времени распространяемаго имъ своего согласія, и всѣ они остались у находившейся при немъ неотлучно ученицы и собесѣдницы Ирины Ѳедоровой». Она-то и стала теперь во главѣ секты.

Послѣ смерти Евфимія долгое время не было въ сектѣ прирашенія. Только одной Оринѣ удалось перекрестить въ селѣ Сопѣлкахъ (въ 4-хъ верстахъ отъ Малышева, въ 15-ти верстахъ отъ города Ярославля) тамошняго крестьянина Петра Семенова, переиме-

нованнаго Севастьяномъ, и уже черезъ 20 лѣтъ по смерти Евфимія, перекрестить еще ярославскаго мѣщанина Мокѣя Ѳодорова [1]).

Въ селѣ Сопѣлкахъ ученіе странниковъ быстро распространилось, одни стали уходить изъ домовъ, другіе, сами перѣшавшіеся бѣжать, вознаграждали себя тѣмъ, что старались укрывать скрывшихся.

«Послѣ сего перейду (пишетъ авторъ Сказанія) къ сказанію своего времени, видѣннаго мною шестьнадесятилѣтнимъ временемъ происхожденія между ими, подъ видомъ ихъ странства».

Дерево отъ корня Евфиміева начало развѣтляться на отдѣльныя и самостоятельныя отрасли.

Нѣкто Иванъ Петровъ, изъ Нерехты, поступилъ въ странники и сдѣлался ревностнымъ проповѣдникомъ, крестилъ самъ себя, плѣнившись ученіемъ Евфимія, но послѣдователи его отдѣлились отъ евфимистовъ и стали считать себя правѣе и чище.

Иванъ Ѳедоровъ, крестьянинъ деревни Голенищева, принадлежавшій къ ѳеодосіевскому андронову кладбищу въ Ярославлѣ, также углубившись въ тайны страннического ученія и въ дебри лѣсовъ, отдѣлился отъ сопѣлковскихъ тѣмъ, что завѣщалъ своимъ послѣдователямъ: деньги считать за печать антихристову, приносить на жертву свѣчи, масло и ладонъ. Ученіе свое онъ распространилъ въ особенности въ деревняхъ Шахотской волости, «гдѣ христіанство состояло почти изъ женскаго пола, и изъ нихъ нѣкоторая часть увлеклась ревностію, ушла для скрытія себя въ пошехонскіе лѣса». Эти къ уставамъ голенищевскаго Ивана, пребывая въ лѣсахъ, прибавили еще новые: рѣшились не покупать ни соли, ни хлѣба, ни крупъ, продающихся отъ казны, деньги въ руки не брать и податей не платить. А такъ какъ безъ денегъ обойтись нельзя, то и придумали оставлять ихъ въ деревняхъ у довѣренныхъ пріятелей, которые, по просьбѣ ихъ, и исполняли всѣ ихъ надобности. Если же кто-либо изъ ихъ согласія самъ рѣшался покупать, тѣхъ предавали

---

[1]) «Который (говоритъ авторъ Сказанія) и нынѣ находится въ живыхъ, старѣйшей изъ потомковъ Евфиміевыхъ, который много и сообщалъ мнѣ: всѣ вѣденія и извѣстія, для его какъ бы современныя, которыя были мнѣ источникомъ и Ириѣ и сожительствуя съ нею, у которой сохранились всѣ тайны жизни и ученія Евфиміева».

отлученію; пѣніе почитали за грѣхъ преступленія; исповѣди въ лицѣ человѣка не принимали, и крестить долженъ всякій самъ себя. «И протчіи ихъ многія самоумышленія нѣсть нынѣ время о семъ писати».

«Яко же рече Іоаннъ Богословъ (заключаетъ »Сказаніе»): изыдетъ отъ пустыни вѣтръ жгучъ и изсушитъ жилы церковныя, рече бо законопреступный врагъ: да не подвижуся въ вѣкъ отъ рода въ родъ безъ зла, ему же клятвы, уста его полна суть горести и льсти, и помышляетъ въ сердцы своемъ: забы Богъ, отврати лице свое, да не видитъ до конца. Мы же возопіемъ къ нему со слезами: возстани, Господи Боже нашъ!»

V.

«Историческій экстрактъ получается (думаетъ Евтихій), основаніе для донесенія по начальству въ надлежащей послѣдовательности изложенія есть, и тѣ мѣста видны въ немъ, гдѣ, по пріемамъ полемической символики, можно поставить возраженія и положенія съ основою на евангельскихъ текстахъ и изреченіяхъ первыхъ отцовъ церкви. Несомнѣнно, «Сказаніе» писано однимъ изъ лжемудрствовавшихъ филиповцевъ, негодующихъ на отпаденія: это еще болѣе облегчаетъ положенія противу мнимаго иночества Евфимія, противу лжекрещеній вторичныхъ. О мракѣ религіознаго неразумѣнія народа сказать прилично. Богатая тэма на намѣренное отлученіе себя отъ прочихъ вѣрующихъ, какъ сыновъ противленія. И ложное пониманіе пустыннаго житія. И странствующая церковь»...

На маленькомъ нервно-оживленномъ лицѣ Евтихія разлилось радостное самодовольство и увѣренность, когда онъ принялся за краткія свѣдѣнія о такъ-называемыхъ «Странствующихъ христіанахъ», въ надеждѣ явиться передъ владыкою первымъ сообщителемъ тайнъ скрытной секты и обличителемъ ихъ основныхъ еретическихъ лжеученій (въ разсчотѣ этомъ Евтихій не ошибся впослѣдствіи). Охот-

ливо работалось и скоро писалось: Евтихій былъ наверху авторскаго самодовольства и наслажденія.

— Смотри, опять не проторопись по третьегоднешному — охолаживалъ его голосъ попадьи, напоминавшей тотъ случай, когда Евтихій получалъ вмѣстѣ съ другими строгій выговоръ за неточность и противорѣчіе цифръ.

За три года передъ тѣмъ писали объ убыли явныхъ раскольниковъ филиповскаго согласія на 28 человѣкъ обоего пола, и о прибыли тайныхъ на 60; въ слѣдующемъ году прибыль оказалась въ явныхъ, и именно на 16 человѣкъ, а въ тайныхъ уже произошла убыль на 20. Такимъ образомъ, на глазахъ производившаго контроль владыки, численность раскольниковъ по годамъ то уменьшалась, то увеличивалась, а между тѣмъ, объяснительный текстъ донесенія говорилъ ему: «замѣчательныхъ случаевъ обращенія раскольниковъ къ православію не было, а также и случая усиленія раскола, а вслѣдствіе сего и явленія раскола также не было». Вслѣдствіе архіерейской помѣты на поляхъ, «значитъ, все обстоитъ благополучно, хотя и не грамматично, и не логично» и замѣченныхъ почти у всѣхъ словъ крупныхъ брызгъ съ пера, секретарь консисторіи написалъ тонкоязвительный, укоризненный текстъ указа, который подострилъ еще болѣе самъ владыка.

Указъ глубоко огорчилъ и напугалъ всѣхъ виновныхъ, долгое время былъ предметомъ толковъ и послужилъ поводомъ къ извѣстному уже намъ съѣзду у благочиннаго.

«И въ самомъ дѣлѣ (думалъ всякій про себя), по цифрамъ выходитъ то прибыль, то убыль, а по разсужденіямъ оказывается, что онъ стоитъ въ одинаковомъ уровнѣ, неподвижно.

Было и досадно, и стыдно, и утѣшительно лишь только то, что въ сосѣднемъ благочиніи священникъ литонъ былъ стараго мѣста и переведенъ въ новый приходъ въ то же злополучное тяжелое время, когда вновь прибывшій архіерей принялся за повѣрку приходскихъ донесеній.

Донесеніе говорило: «въ приходѣ раскольниковъ ни тайныхъ, ни явныхъ въ настоящее время нѣтъ», а между тѣмъ (какъ извѣстно было и архіерею), приходъ этотъ особенно отличался рас-

коломъ, былъ, такъ сказать, разсадникомъ его, ибо въ немъ съ открытія православной церкви существовалъ раскольничій скитъ.

Архіерей писалъ на поляхъ: «если, въ продолженіи 35 лѣтъ, не было совращеній, то столь многознаменательный случай упадка раскола, какъ отрадное явленіе, долженъ бы былъ обратить на себя вниманіе пастыря добра и отмѣченъ въ отчетахъ. Дабы приходъ и впредь безъ раскольниковъ не числился, благословляю поставить новаго счетчика».

Секретарь на послѣднемъ словѣ не задумался и доложилъ владыкѣ о такомъ приходѣ, гдѣ причтъ показалъ двухъ явныхъ филиповцевъ, назвавъ ихъ даже по именамъ и отозвавшись, что эти-то двое и «поддерживаютъ раскольниковъ въ упорствѣ къ обращенію».

На борьбу то съ ними и велѣно было ѣхать плохому счетчику на страхъ и поученіе прочимъ.

— Смотри, не ври!—совѣтовала попадья задумавшемуся и вспоминавшему эти случаи Евтихію: — не опять же намъ ѣхать на пятое мѣсто — моченьки моей не стало!

Горько проплакавшись, попадья, все еще черезъ слезы, спросила:

— Много-ли скрытниковъ-то на свой приходъ записалъ?

— У меня не числятся.

— Такъ вотъ смотри и ври! А прежде бы у добрыхъ людей спросилъ. Я и женскимъ дѣломъ, а больше твоего знаю. Лукозерскій— то сюземокъ въ нашемъ приходѣ?

— Въ заозерской дачѣ, и деревня Каменка въ нашемъ приходѣ.

— Что́ я слышала?! Ходили передъ Покровомъ мужики окуней ловить, захотѣли уху сварить. Въ лѣсу лѣсную избушку нашли съ сѣнцами. Въ избушкѣ по ларю мука́ разсыпана; по полочкамъ кое-гдѣ разбросаны спички и трутъ: знать по всему, что сейчасъ тутъ живые люди были, да вышли, схоронились. А видно, подолгу и давно живутъ: колодецъ вырытъ и обрубленъ. На дворѣ па́сти (ловушки) для душенья мышья. На божницѣ мѣдный образокъ видѣли: сидящій на престолѣ Господь Вседержитель. Подъ окномъ выдолбленъ пражикъ, куда вкладывается широкая доска вмѣсто стола. Въ сѣнцахъ разные черепки, скамеечки, ставчики, поваренки, тряпье и опорки

валенокъ. Въ третьей коморкѣ лежанка складена изъ кирпича. На дворѣ видны пни и могилки подъ елочками.

— Вотъ и храмъ!— не утерпѣлъ замѣтить Евтихій: дымная лачужка, смердящая затхлымъ и сырымъ воздухомъ конура замѣнила у нихъ истинную, святую, соборную и апостольскую, благодатную и благовонную церковь. Лазейка, основанная не на мощахъ святыхъ угодниковъ Божіихъ, а на костяхъ смердящихъ; стала на мѣсто храма, его же не одолѣютъ и врата адовы. Отмѣнно!

— И еще слышала. Ходилъ нѣкоторый человѣкъ съ ружьемъ полѣсовать рябчиковъ и бѣлку. Шелъ по извилистымъ тропинкамъ, заслышалъ шорохъ—собаки залаяли. Что́-то живое свернуло въ сторону и пало въ кусты и клочи. Андрей строго не велѣлъ собакамъ лаять, потому что не медвѣдя видѣлъ, а человѣка. А было это противъ гришуткиныхъ сѣнокосовъ, съ полверсты выше Барсукова къ рѣчкѣ Киченкѣ. Я для тебя все это и запомнила. Нашего ли прихода?

— Нашего прихода.

— Теперь не будешь выхвастываться, что эдакой ты проповѣдникъ, что расколъ передъ тобой какъ воскъ таетъ. Выдумали вы съ преосвященнымъ верстаться! Пиши-ко знай глупости-то свои, а я вотъ, какъ владыка пріѣдетъ, сама ему все доправлю: онъ мнѣ больше повѣритъ.

Впрочемъ, написанное Евтихіемъ, архіерею очень понравилось, и донесеніе его получило, противъ всякаго ожиданія, большую извѣстность. Объ немъ говорили, удивляясь свѣдѣніямъ, и любуясь, и завидуя способу изложенія.

Записка Евтихія названа образцовою. Приказано было ознакомить съ ея содержаніемъ, по возможности, всѣхъ пастырей, пасущихъ овецъ среди волковъ-раскольниковъ. Секретарь консисторіи усадилъ писца за переписку и бралъ потомъ съ каждаго, являвшагося по дѣламъ священника по рублю серебромъ и по бутылкѣ ямайскаго рома изъ губернскаго погреба за каждую тетрадку.

Евтихію послано было по ближайшей почтѣ архипастырское благословеніе.

Случайный подарокъ выручилъ и поощрилъ.

Похлопоталъ и постарался Евтихій достать черезъ десятыя руки почитать «Цвѣтникъ» Евфимія: получилъ—и зачиталъ, зажилилъ. Досталъ и «Посланіе его къ московскимъ старцамъ», прочиталъ и знаменитую книгу «Драгоцѣнный бисеръ: о сотвореніи свѣта, о паденіи Адамовѣ и о царствованіи грѣха и о упраздненіи его, о слугахъ антихристовыхъ и о самомъ господинѣ ихъ, о пришествіи Христовѣ, о святой Церкви, о страшномъ судѣ и о царствіи его, и о мукахъ—отъ божественнаго писанія избрана». Пересмотрѣлъ Евтихій и мелкихъ цвѣтничковъ много. Не показали только ему «Лицеваго Апокалипсиса» съ картинами, изобрѣтенными самимъ Евфиміемъ.

Въ «Цвѣтникахъ» увидѣлъ Евтихій исключительно подборъ тѣхъ извлеченій изъ Миней, Поученій св. отцовъ, Толкованій, Евангелій, изъ Книги Вѣры, Большаго Соборника, изъ Ефрема Сирина и проч, которыя порицаютъ мірское житіе и, въ противоположность ему, восхваляютъ пустыню, безмолвную жизнь, бѣгство отъ прелестей міра съ полнымъ отреченіемъ отъ него.

Вотъ отрывокъ изъ слова Іоанна Златоустаго о послушаніи съ вѣрою молящихся на всякомъ мѣстѣ; изъ Іоанна Лѣствичника о памяти смерти; изъ Григорія Синаита о тайной молитвѣ и безмолвномъ житіи; изъ Отечника о домашнихъ грѣхахъ и пестяжаніи; изъ Никиты Стифата «О пустынѣ истинной», «О изведеніи души изъ Египта грѣховнаго».

Вотъ обширное и широковѣщательное, сильное слово «О презрѣніи и объ отрицаніи міра», съ подробнымъ указаніемъ на всѣ тѣ мѣста изъ евангелія, дѣяній и посланій апостольскихъ, апокалипсиса и псалмовъ, гдѣ находятся отвѣты на эту тэму, столь существенно-важную для наставниковъ и проповѣдниковъ страннической секты. Кстати тутъ и житіе Алексѣя-человѣка Божія, такъ сильно выразившее презрѣніе къ славѣ и богатству міра и такую сильную героическую любовь къ нищетѣ; «О скверности и суетѣ къ происхожденію рода человѣческаго, о растлѣніи и зачатіи человѣческомъ»; «О еже о нуждахъ пещися, налишная же себѣ не попущати, но Богу непрестанно молитися» (поучительное наставленіе для странноприимцевъ секты); «О долготерпѣніи, воздержаніи» и проч.

А вотъ и многоцѣнный бисеръ страннического ученія: «Толкованіе

на слово св. Ипполита папы римскаго», сочиненіе самого Евфимія, и опять иныя извлеченія изъ того пространнаго и неизсякаемаго моря поученій и восхваленій пустыннаго и молитвеннаго житія, на которыя столь были обильно щедры пустынники Синая и Аѳона. Вотъ и знаменитая, столь возлюбленная всѣмъ старовѣрствомъ пѣснь Іоасафа царевича «О пустынѣ» («Пріими мя, пустыня, яко мати чадо свое во тихое и безмолвное нѣдро свое»), на этотъ разъ въ «Цвѣтникѣ» скрытниковъ написанная подъ крюковыми нотами.

Еще сборники («Цвѣтники») другаго вида и содержанія: это—стихотворныя пѣсни («стихи»), написанныя большею частью излюбленнымъ силлабическимъ размѣромъ и даже ямбами и анапестами (впрочемъ, далеко не всегда съ соблюденіемъ цезуры). Здѣсь, въ цѣломъ десяткѣ сборниковъ, полученныхъ изъ разныхъ рукъ, написанныхъ разнообразными почерками, отъ полууставнаго съ киноварью, подражательнаго печатному, до обыкновеннаго скорописнаго, полуграмотнаго и дѣтскаго, тотъ же строгій выборъ содержанія, соотвѣтствующаго духу ученія секты и духу настроенія сектаторовъ.

Вотъ и полемическое сочиненіе, написанное полууставомъ съ киноварью (какъ подобаетъ), подъ заглавіемъ: «Описаніе самохвальныхъ, мнимыхъ, таимыхъ, странныхъ, скрытыхъ согласія людей», начатое и конченное странною, дурно риѳмованною прозою, но очень оригинально.

«Которые сами себя восхваляютъ и прочихъ въ міру всѣхъ христіанъ осуждаютъ, а сами о себѣ не понимаютъ, что на томъ же міру живутъ, изъ тѣхъ же рукъ и хлѣбъ жуютъ: безъ работы пребываютъ только людей въ утѣхахъ зазираютъ, евангельскаго фарисея чинъ на себя принимаютъ» и проч.

Затѣмъ слѣдуетъ обличеніе ересей ученія.

Противъ первой ереси, отметанія креста: на 6 недѣль искуса, борется авторъ-филиповецъ свидѣтельствами изъ евангелія, изъ писаній Дамаскина, Патерика и Кормчей [1]).

Вторая ересь—уводъ людей изъ міра «людей съ міру утаскаютъ

---

[1]) Имя автора неизвѣстно, но обличенія его исключительно направлены противъ каргопольскихъ скрытниковъ.

аки волки овецъ похищаютъ, и назадъ въ Христово стадо не возвращаютъ, а апостолы на міръ крестили и посредѣ невѣрныхъ оставляли, и тѣ въ тая вѣру хранили, сами тутъ же жили».

Третьею ересью оказывается презрѣніе къ живущимъ въ міру и бѣгство; четвертою — отрицаніе милостыни («бѣдныхъ, убогихъ, на міру живущихъ наблюдать не велятъ, учатъ отъ тѣхъ нищихъ двери запирать, чтобы однихъ ихъ сохранять»); пятою ересью—осужденіе всѣхъ людей, не единомышленныхъ съ ними; шестою — непочитаніе креста («честному и животворящему кресту Христову не токмо главы своей не поклоняютъ, но и шапки не снимаютъ»), принимая его за дѣло рукъ невѣрныхъ евреевъ и противорѣча себѣ тѣмъ, что поклоняются и чтутъ книги, принятыя съ перевода, не только печатныя, но и письменныя, и не только съ древнихъ переводовъ, но и никоніанскія (т. е. исправленныя), а иконамъ поклоняются только тѣмъ, которыя намалеваны руками скрытниковъ.

Седьмою ересью (конечно, по сравненію со своими) филиповецъ, авторъ полемическихъ главъ, полагаетъ непочитаніе семи вселенскихъ соборовъ по поводу запрещенія седьмымъ соборомъ всему церковному чину чтенія еретическихъ книгъ, которыя противны истинѣ. «А странные не только ихъ принимаютъ, но и основываютъ на нихъ свои правила. Любимая ихъ книга—Петровы законы (а царя Петра сами антихристомъ нарицаютъ) и о русскомъ расколѣ. Всѣхъ христіанъ всего міра называютъ раскольниками. Въ ревизію писаться не дозволяютъ, не почитаютъ царя и отъ подданства ему убѣгаютъ, а ревизскія сказки признаютъ антихристовою печатію и сатанинскою книгою, говоря людямъ, записаннымъ въ ревизію: «тому нѣтъ крещенія и покаянія».

Осьмая ересь — «смѣшно платье надѣваютъ, и на коняхъ разъѣзжаютъ, купеческу одежду на себя притягаютъ», подражая Варлааму пустыннику, въ каковой этотъ являлся въ царскія палаты учить Іоасафа царевича Христовой вѣрѣ.

Девятая скрытниковъ ересь заключается (по филиповскому обличителю) въ томъ, что они не принимаютъ царскихъ законовъ и не хотятъ записываться въ ревизію, ссылаясь на то, что когда императоръ Петръ, манифестомъ своимъ, собралъ всѣхъ бѣжавшихъ и

скрывавшихся старовѣровъ, то записалъ ихъ раскольниками, а за это далъ имъ моленныя и кладбища.

Десятая — въ непочитаніи начальствъ, въ отказѣ отъ платежа всякихъ податей и повинностей, а также паспортовъ и билетовъ, чтобы не носить антихристовы пятна и не быть его слугами.

Одиннадцатая ересь — принятіе въ секту находившихся подъ судомъ и приговоренныхъ къ наказанію и укрываніе ихъ въ своихъ тайныхъ жилищахъ, какъ бы праведныхъ.

Двѣнадцатая ересь: «егда изъ ихъ закона, если кто пойманъ или гдѣ найденъ и къ начальству приведенъ, начальникъ ихъ перво спроситъ: «ты кто и какой человѣкъ, котораго мѣста отечества и что вина скитанія твоего, рци ми?» Они перво свободнымъ гласомъ отвѣчаютъ: «христіане есмы на земли, а мѣста отечества не знаемъ, но грядущаго взыскуемъ, странники есмы». И въ оправданіи своемъ ссылаются на соловецкую челобитную (на примѣръ Петра и Евдокима) и на житіе и образецъ Василія Новаго.

Появленіе же странниковъ въ концѣ своего разсужденія авторъ объясняетъ такими словами: «егда безмѣрны сласти умножились, христіане въ слабости попустились, тогда на ихъ лжеучители появились, и многи избранны прельстились, къ нимъ снова перекрестились, что впредь умножились, отъ пришедшаго человѣка Саввы научились. Онъ ихъ научалъ, на шесть недѣль крестъ съ ворота снималъ, самъ отъ насъ убралсе, а корень его осталсе».

— Вотъ и вполнѣ достаточно, чтобы не домогаться разъясненія иныхъ странническихъ бредней и, на основаніи опровергаемыхъ другимъ слѣпцемъ, приступить къ составленію записки съ догматическимъ содержаніемъ.

Такъ рѣшилъ себѣ отецъ Евтихій и больше о странствующихъ сектахъ не розыскивалъ.

Какъ всегда въ дѣлахъ такихъ, гдѣ выслушивается одна сторона и пренебрегается другая, существенной правды сказать не привелось.

Невполнѣ сознательное стремленіе уподобиться въ житіи первому Христову стаду, дѣйствовавшему на земли, Евтихіемъ замѣчено не было. Видѣлись, по предвзятой заранѣе мысли, грубое невѣжество,

гордость, самомнѣніе и дерзостныя поползновенія полуграмотныхъ начотчиковъ — отчасти именно то, что совершенно помѣшало даже отдаленному подобію желаемаго и искомаго. А между тѣмъ для службъ и молитвъ удобно всякое мѣсто, и всякій, кто умѣетъ читать Іисусову молитву, псалтырь и каноны. Чинъ служенія (похожій на филиповскій, по прямому преемству) отправляется лишь тогда, когда позволитъ случай (по зависимости отъ странническої передвижной жизни). Крещеніе обязательно въ рѣкѣ, покаяніе передъ всѣми вѣрными, подчиненіе законамъ только тѣмъ, которые не колеблютъ благочестія въ вѣрѣ, и т. д. И, по неотразимой послѣдовательности и зависимости отъ историческаго хода событій: сомнѣнія относительно догматовъ господствующей церкви — тѣ же, какія высказаны въ слишкомъ извѣстныхъ всѣмъ «Поморскихъ отвѣтахъ». Въ виду-же преслѣдованій и гоненій, предреченныхъ и весьма очевидно указанныхъ въ апокалипсисѣ и прямо свидѣтельствующихъ о близости конца міру, полное отреченіе отъ его заботъ и трудовъ, и единственная цѣль — труды и заботы только апостольскіе: молитва и проповѣдь.

Затѣмъ, также по естественному ходу вещей, время отъ времени — новыя прививки къ основному корню: то самокрещеніе, то введеніе брачныхъ обрядовъ, допущеніе въ скитальчествѣ осѣдлости въ видѣ странноприимцевъ, притворства подъ видомъ православныхъ на случаи поимокъ и заключенія, и т. д.: все — подъ вліяніемъ текущихъ событій, которыя предусмотрѣть и предугадать никакой наставникъ не могъ.

Одно въ страннической сектѣ различіе отъ всѣхъ другихъ и одно передъ ними преимущество: узкія, опредѣлившіяся твердо основы сдержали секту въ крѣпкихъ границахъ отъ уклоненій во враждебные другъ другу толки. Немногія изъ позднѣйшихъ прививокъ принялись. Доведенная до крайняго предѣла, филиповщина дальше не могла расплываться и замерла. Затѣмъ сталось такъ, что всѣ скрытники, гдѣ бы ни жили—теперь едино стадо.

VI.

Успѣхъ записки Евтихія, основанный на случайныхъ находкахъ, имѣлъ, собственно, мѣстный характеръ новизны, и напрасно придавалось ей большое значеніе, потому что существуетъ болѣе пространное и подробное описаніе житія Евфимія. Правда, что это новое сказаніе не противорѣчитъ краткому въ основныхъ данныхъ и не представляетъ особенно любопытныхъ и важныхъ частностей. Оба грѣшатъ тѣмъ, что вводятъ въ крупное заблужденіе всѣхъ изслѣдователей страннического ученія, приписывая измышленія странныхъ вѣрованій Евфимію, какъ основателю новой и до него неизвѣстной секты. Въ концѣ прошлаго столѣтія оно не могло быть новымъ явленіемъ на Руси, когда, за сто лѣтъ до того, бѣжали въ лѣса, «вертепы и горы», какъ свидѣтельствуетъ исторія раскола, ревнители древняго благочестія не сотнями, а тысячами.

Съ тѣхъ самыхъ поръ, какъ исправитель церковныхъ богослужебныхъ книгъ, Никонъ, у несогласныхъ съ нимъ признанъ былъ за врага церкви, за противника христіанской вѣры, т. е. за антихриста, а мірское имя его Никиты (по гречески Никитисъ), съ нѣкоторою натяжкою (съ перемѣною въ слово Никитіосъ), выраженное въ цифрахъ, показало апокалипсическое число 666, знаменующее имя «антихриста», съ тѣхъ самыхъ временъ оказалось полезнымъ оставлять насиженныя мѣста, сдѣлавшіяся опасными, и искать новыхъ и неизвѣстныхъ, но обѣщавшихъ безопасность. Немилосердныя и неустанныя преслѣдованія закрѣпили вѣру въ эту неизбѣжность и обязательность выселеній, и ловкія укрывательства, при частой перемѣнѣ мѣстъ, признаны были спасительнымъ подвигомъ, благочестивою ревностію къ вѣрѣ, возбуждавшими глубокое уваженіе, равносильное почитанію святыхъ мучениковъ, просвѣтителей и проповѣдниковъ Христовой вѣры. Келейникъ самого патріарха Никона, инокъ Корнилій, былъ одинъ изъ самыхъ неугомонныхъ скитальцевъ, истинно

не имѣвшій гдѣ главу приклонить и искавшій не этого предлежащаго видимаго города, въ стѣнахъ котораго онъ могъ бы поселиться, но розыскивающій всегда и всюду какой-то новый и неизвѣстный, тотъ, который предполагался гдѣ-то впереди, въ непроглядномъ туманѣ лѣсныхъ чёрней.

Къ нему-то стремились и другія тысячи, переходя черезъ лѣса въ необитаемыя пустыни, чтобы ошибиться въ ихъ пригодности, какъ мѣстъ поселенія, и въ виду безопасности для созерцательной жизни. Обманутые надеждами уходили снова дальше въ глушь и на новыя пустыри, чтобы здѣсь, въ неизвѣстности сложить свои кости или, при счастливыхъ обстоятельствахъ, положить основаніе новымъ селеніямъ, водворить трудовую хозяйственную жизнь, тутъ небывалую и безъ нихъ неосуществимую. Многимъ это и удалось. Но ревнивая подозрительность, обезпеченная силою и набалованная успѣхомъ, не успѣла овладѣть тѣмъ хладнокровіемъ и находчивостію, которыя во́-время останавливаютъ занесенный надъ жертвою ножъ, и не разобрала праваго отъ виновнаго. Не распознали и не поняли, что старовѣры вели ту же работу и тѣми же орудіями и способами, какими прежніе давніе люди колонизировали необитаемыя мертвыя страны: накопленныя вновь старовѣрами слободы срыты съ лица земли.

Разсѣянные и распуганные насельники разбрелись на одиночныя работы, съ разрозненными силами, въ скитахъ и вертепахъ, чтобы аскетическую жизнь съ озлобленнымъ сердцемъ признать за идеалъ жизни, а безпокойныя передвиженія въ виду новыхъ опасностей — за неизбѣжный подвигъ спасенія души и тѣла.

Когда Петръ Великій многими указами вызывалъ разбѣжавшихся и скрывавшихся старовѣровъ и обѣщалъ имъ разнаго рода льготы, многіе изъ филиповскаго согласія возвратились и записывались въ двойной раскольничій окладъ. Другіе продолжали скрываться въ лѣсахъ, рѣшившись не сообщаться ни съ кѣмъ изъ записавшихся въ ревизію или въ раскольники. Образовались, такимъ образомъ, «бѣгствующіе христіане, бѣгствующая церковь». Иванъ Филиповъ въ своей «Исторіи Выговской пустыни» указалъ на многихъ представителей ея, среди которыхъ немало людей замѣчательнаго характера, постоянства и

*

терпѣнія. Самое большое количество ихъ скрывалось въ лѣсахъ около Твери и въ Сибири и меньшая часть около Новгорода.

Слѣдственная комиссія при Екатеринѣ II-й, учрежденная для сыска раскольниковъ, дѣйствовала такъ усердно и ревностно, что бѣгствующая церковь увеличилась еще больше. Съ Урала, напримѣръ, отъ тамошнихъ заводчиковъ послышались даже жалобы на остановку работъ по сплаву желѣза и проч. по причинѣ сильныхъ побѣговъ рабочихъ: не кому было доставлять транспорты, возить руду, кирпичъ, дрова. «Бѣгствующая церковь» усиливалась и укрѣплялась. Въ деревнѣ Шарташахъ образовался главный притонъ; въ Каменской волости перекрещеный дьяконъ Ѳедоръ Аѳанасьевъ Косма-ковъ, бѣжавшій отъ розысковъ комиссіи въ 1761 году въ Тюменскій округъ, выстроилъ такъ-называемую «пашенную» избушку — скитъ, населившійся набожными стариками и даже бѣглыми. Эти люди, въ особенности бѣглые съ каторги, затѣмъ и оставляли немилыя мѣста, чтобы найти теплыя и укромныя, гдѣ бы, въ самомъ дѣлѣ, можно было скрываться подъ видомъ ли рабочихъ на заимкахъ, подъ именемъ ли иноковъ и отшельниковъ по скитамъ. Вольные бродяги съ каторжныхъ работъ въ Сибири еще съ самаго начала прошлаго вѣка живали въ лѣсахъ бѣгунами и были настоящими скрытниками. Космаковъ зналъ это лучше другихъ и потому дѣйствовалъ рѣшительно, набирая подъ свои законы, правила и вѣру свободный гулящій народъ. Космаковъ—по филиповщинѣ—не молился за властей, совѣтовалъ скрываться отъ людей и всего міра и «скитаться, удаляясь всѣми мѣрами изъ своей страны отъ родныхъ и всего племени въ пустыню», въ особенности отъ ревизіи и платежа податей, которыя тогда были двойныя.

Эту вѣру сибиряки умѣли отдѣлить отъ прочихъ и послѣдователей ея прозвали пашенными и скитальцами, грядущаго взыскующими. Послѣ всякаго осквернения (общенія съ міромъ), пашенные завели крещеніе: поѣлъ чужой пищи—купайся, вновь крестись; прикасался къ чужому, перебиралъ товаръ руками, на чужой телегѣ проѣхалъ, изъ дороги вернулся—опять крестись: иди въ баню, полѣзай въ рѣку, въ прорубь, для очищенія души; а того лучше — умертви себя голодомъ или огнемъ.

Многіе уходили «въ ямки»: на-скоро вырывали большую яму, такую, чтобы можно было стоять, сидѣть, лежать и молиться. Жившіе въ селеніяхъ, чтобы скрыться отъ продовъ, выкопали подземные ходы. Когда гоненія кончились и надъ космаковскимъ скитомъ взыграло солнышко, стало изъ скита 15 новыхъ—образовалась слободка (которая и до сихъ поръ называется Космаковой). Купцы тюменскіе стали посылать сюда милостыню, сосѣди — кормить; проявилась такимъ образомъ и вторая половина ревнителей секты — странноприимцы и христолюбцы. Появилось на свѣтъ даже цѣлое сказаніе, извѣстное подъ именемъ «Тюменскій странникъ».

Въ 1812 году Космаковъ, среди молитвъ за грѣхи купеческіе, умеръ, а съ нимъ отлетѣлъ и духъ ученія. Удержался онъ въ деревняхъ Овчинниковой и Семяхиной на р. Печени и въ деревнѣ Лужбиной на р. Липкѣ. Выдаютъ за вѣрное, что есть бѣгуны даже на островахъ большаго озера Чановъ. Ихъ розыскиваютъ, но по розыскамъ не оказывается; общества до новой ревизіи за нихъ платятъ, при новой переписки исключаютъ, какъ находящихся въ неизвѣстной отлучкѣ. Извѣстны они христолюбцамъ: если полиція и бдитъ, то они стерегутъ себя еще неусыпнѣе, агенты ихъ зорки. Паспорты отвергаютъ за изображаемый на нихъ государственный гербъ, какъ печать антихристову. Были такіе въ Утятской волости, водились въ мѣстности, гдѣ сходятся уѣзды Ишимскій, Курганскій и Ялуторовскій и куда наѣзжали наставники съ Урала. Бывали легонькіе соборы, съѣзжались старики за благословеніемъ и наставленіями; но и тутъ и тамъ теперь стало меньше и даже въ самой Тюмени осталось ихъ немного. Остаются овцы безъ пастыря: Космаковъ сдерживалъ, но не закрѣпилъ, а новаго Евфимія сюда долго не являлось. Не являлось такого человѣка, который бы не новое выдумывалъ, не стряпалъ свѣжее, а старые остатки собралъ, разобралъ, привелъ въ порядокъ, разогрѣлъ и предложилъ испробовать тѣмъ, у кого есть къ тому охота.

На готовое (не новаторомъ, а реформаторомъ) явился Евфимій въ другой странѣ, въ иныхъ дальныхъ лѣсахъ пошехонскихъ, и сдѣлалъ то, чего не сдѣлали въ Сибири, хотѣли сдѣлать и не умѣли до него въ Сопѣлкахъ. Однако, ему и здѣсь попался осталецъ бѣгствую-

щей церкви Иванъ, который давно убѣгалъ отъ міра и непосѣдливо скитался по лѣсамъ изъ мѣста въ мѣсто. Словомъ, уже до него все подходящее къ дѣлу было: весь горючій матеріалъ лежалъ на-готовѣ, да былъ раскиданъ. Оставалось собрать его въ кучу и зажечь.

Онъ и зажегъ: зачадило и задымило, и головешки съ пожара выбрасывались, и галки полетѣли, перебросило и туда, гдѣ этого совсѣмъ не ожидали, но гдѣ опять-таки лежали запасы взрывчиваго и скоропалительнаго снадобья, гдѣ, однимъ словомъ, удержался филиповскій раскольничій толкъ. Вышло теперь на то, что гдѣ эта секта тверда и многолюдна, т. е. связи съ сосѣднимъ и окружнымъ міромъ надорваны, такъ вездѣ бѣгство отъ міра и скитанье по пустынѣ полюбилось и страннническое ученіе нашло пріютъ и послѣдователей. Нѣтъ его только въ тѣхъ мѣстахъ, куда не дошли слухи, не забрели поджигатели. Но лишь найдется досужій учитель — подберутся тотчасъ и охотливые ученики, хотя въ небольшомъ числѣ, однако, въ такомъ, что возбуждаютъ вниманіе и любопытство къ сектѣ, не исчезающей, но живущей и дѣйствующей.

Для ярославскихъ филиповцевъ не доставало Евфимія, а по смерти его погодилась даже и Орина Ѳедорова, не отставшая отъ своего друга во всѣхъ его дальнихъ и трудныхъ скитаньяхъ. Этой же Орины, съ помощію другой товарки (Доминики) и бѣглаго филиповца изъ села Краснаго (Костромской губерніи и уѣзда), Родіона Михайлова, достаточно было, чтобы сопѣлковская вѣра укоренилась около Саратова, съ укрывательствомъ въ садахъ и окрестныхъ буеракахъ, а потомъ и за Астраханью, въ каспійскихъ камышахъ, съ притонами на рыбныхъ ватагахъ по островамъ и прибрежьямъ[*]). Пойманной, су-

*) Одно время сюда, въ Камыши до Узеней и въ устья р. Урала, особенно сильны были стремленія скрытниковъ, когда прошелъ между ними слухъ, что на мѣстѣ Каспійскаго моря явится новый Іерусалимъ, а міръ Божій явственно распался на два міра: господній (страннический) и сатанинскій (изо всѣхъ остальныхъ). Въ малонаселенныхъ Жигулевскихъ по Волгѣ Горахъ (Симбир. и Самар. Губ.), еще въ 1830 г. жили уже на этомъ вѣрованіи въ пещерахъ 8 человѣкъ, скрывавшіеся прежде въ пошехонскихъ лѣсахъ, т. е. тѣ же скрытники. Около того же времени и нѣсколько позднѣе, такіе же скрытники найдены были въ Пермской губерніи, а также открыты признаки скрытниковъ во Владимірской губерніи, въ Оренбургской и Архангельской.

жденной и сосланной въ Сибирь Доминикѣ Андреевой съ успѣхомъ удалось поапостольствовать на мѣстѣ поселенія въ слободѣ Кіѣ (теперь городъ Маріинскъ, Томск. губ.). Между костромскими филиповцами, около Вичуги (Кинешем. уѣзда) и въ уѣздѣ Нерехотскомъ и Костромскомъ *) Яковъ Яковлевъ, въ устюженскихъ лѣсахъ (Новгородской губ.) поддерживалъ сопѣлковскую вѣру Марко, въ Москвѣ Иванъ Юдичъ, въ Романовѣ-Борисоглѣбскѣ Василій (или Дмитрій Егоровъ). Въ вологодскихъ лѣсахъ клалъ починъ знаменитый Никита Семеновъ; въ каргопольскихъ сюземкахъ—Савва Александровъ и его послѣдователи Владиміръ, Никаноръ Дмитріевъ и другіе; въ балахнинскихъ и семеновскихъ чернораменныхъ лѣсахъ — Ѳедоръ Ивановъ; въ Тверской губерніи, въ корчевскихъ и калязинскихъ перелѣсьяхъ, Ермогенъ Кузьминъ, посѣявшій потомъ сѣмена секты въ Дмитровскомъ уѣздѣ (Моск. губ.). Въ Кунгурѣ и Тюмени, въ недавнее время, между сибиряками, опять заварилъ сопѣлковское дѣло бѣглый казакъ, Никита Овчинниковъ; всѣ, впрочемъ,—одного гнѣзда птенцы. Всѣ они—ставленики сопѣлковскихъ наставниковъ, прямые лѣторосли отъ самаго матераго корня—Евфимія, съ поразительнымъ сходствомъ признаковъ даже до мельчайшихъ подробностей и безъ всякихъ разновидностей, какъ то и быть слѣдуетъ.

Чтобы совсѣмъ покинуть міръ, возненавидѣть его до такой степени, чтобы не допускать его себѣ на глаза, надобились сильные толчки и учащонные удары отъ этого міра безъ пощады и отдыха. Съ Евфиміемъ и его послѣдователями такъ и случилось.

Сначала судьба выводила Евфимія на веселую жизнь архіерейскаго пѣвчаго, съ уваженіемъ, угощеніями и подарками отъ купечества, давнихъ и завѣдомыхъ любителей благолѣпія божіихъ храмовъ и благолѣпной обстановки богослуженій, съ почетомъ и ласками и опять съ угощеніемъ и подарками отъ духовенства, въ особенности при объѣздахъ епархіи, когда и пѣвчій дѣлается человѣкомъ опа-

*) Извѣстная деревня Коробово, населенная потомками Ивана Сусанина, почти вся состояла изъ христолюбцевъ: удобно было дѣлать это вслѣдствіе различныхъ дарованныхъ бѣлопашцамъ обильныхъ льготъ, и, между прочимъ, освобожденія отъ надзора мѣстной полиціи, не имѣвшей права, безъ особаго разрѣшенія, въѣзда въ эту деревню.

снымъ и нужнымъ. «Среди игры, среди забавы, среди благополучныхъ дней» (по словамъ любимой свѣтской пѣсни духовныхъ), беззаботная жизнь могла бы казаться счастьемъ, пока не спадетъ голосъ, да и на этотъ несчастный случай за архіерейскимъ пѣвчимъ всегда привилегированное право на дьяконское мѣсто въ губернскомъ городѣ, на священническое въ хорошемъ селѣ.

Евфимію этого счастья судьба не судила: на 21 году отъ роду, въ первый наборъ послѣ 3-й ревизіи (при Екатеринѣ II), его забрили въ солдаты: съ пѣвучаго клироса бросили въ грязную казарму, изъ беззаботно-веселой пѣвческой семьи въ строго и сумрачно-налаженную или отчаянно съ горя запивающую на распашку и до послѣдней нитки солдатскую. Вмѣсто ласково-запскивающаго регента—съ кулакомъ въ носъ и съ шомполомъ въ зубы унтеръ: и вытягиваетъ, и подтягиваетъ, и не жалѣетъ тумаковъ, и не обращаетъ вниманія на спиняки. Жаловаться нельзя, и возражать не смѣй, и разсужденіе—работа ума признается смертельнымъ грѣхомъ, несмываемымъ преступленіемъ. Переходъ слишкомъ рѣзокъ и невыносимъ для такого человѣка, который, съ малыхъ лѣтъ, возъимѣлъ пристрастіе къ книжному ученію и пріучилъ свой умъ къ философской работѣ, пользуясь богатыми природными способностями. Горячее сердце подсказало выходъ на торную дорожку побѣга изъ службы, а обстоятельства жизни—на неизбѣжное скитаніе и на неизбывное укрывательство, безъ паспорта, съ перемѣной имени: на теплое время, въ лѣсахъ, около жильевъ, на холодное—гдѣ-нибудь у сердобольныхъ благодѣтелей, которые бы признали за своего, приняли и поберегли.

Съ древнѣйшихъ временъ у послѣдователей выгорѣцкаго учителя Филиппа(въ монашествѣ Фотія, въ мірѣ—также бѣглаго московскаго стрѣльца), у филиповцевъ для такихъ страдальцевъ открытое сердце, для такихъ скитальцевъ надежный пріютъ. Надеженъ пріютъ для всякаго, кто въ самомъ дѣлѣ убѣжденъ въ томъ, что антихристъ съ первой ревизіи явно и необлыжно народился и, очевидно, выразился и въ капралѣ, и въ генералѣ, и въ сургучной печати на паспортѣ, если, и въ самомъ дѣлѣ, возненавидѣлъ тебя міръ и ты его возне-

навидѣлъ до того, что не стерпѣлъ житейскихъ правилъ и порядковъ.

— Вотъ мы не только въ питьѣ и пищѣ, но и въ молитвахъ, живя на міру, съ мірскими не сообщаемся, а чтобы совсѣмъ отдѣлиться—и самое крещеніе повторяемъ заново, для полнаго очищенія отъ мірскихъ осквернений. Не только въ церковь мы не ходимъ, но боимся и въ тѣнь ея встать, и не только старинаго письма иконамъ не молимся, но и изъ нихъ выбираемъ тѣ лишь, которыя кому больше полюбятся, и имъ однимъ поклоняемся.

— Могущій вмѣстить все это—отворяй двери, входи, прими новое крещеніе, выбирай свою икону, выбирай себѣ любую бабу. Браковъ не признаемъ и не вѣнчаемся, а положили даже такъ, что—если и женатый къ намъ присоединится, то жена его—какъ бы блудница: можетъ онъ лазить къ ней только черезъ окно, въ темную пору, и то такъ, чтобы никто того не примѣтилъ.

— Если и невинности дѣвица лишилась, да поклонилась родителямъ въ ноги: «простите-де меня, а въ упаденье пала», мы на это строго не смотримъ, обходимся опять одной эпитиміей: отъ пищи отлучимъ—ѣшь послѣ всѣхъ, на лѣстовки поставимъ, и затѣмъ зла не помнимъ.

— Не тяжелы наши правила, хотя и строги, но всякій снести можетъ, если человѣкъ трезвый, владѣетъ силой воли, а пристрастному къ ученью и чтенію у насъ просторъ столь же великъ, какъ и повсюду.

Евфимій принялъ вторичное крещеніе, выбралъ изъ пяти женщинъ, прилѣпившихся къ нему, одну, бѣглую крестьянку (Кашинскаго уѣзда Тверской губ.), Орину Ѳедорову, вступилъ съ нею въ сожительство, не измѣнилъ ей до конца жизни, и подчинился всѣмъ обычаямъ и порядкамъ филиповщины. Подчинился же онъ съ тѣмъ рвеніемъ и энергіею, которыя сразу выдѣлили его изъ толпы и объявили въ немъ человѣка замѣчательнаго ума и характера. Съ фарисейскою набожностію, прикрывшею массу пороковъ, съ развратомъ филиповцевъ, онъ, однако, сдружиться и сжиться не могъ. Какъ только обнаружился поводъ и выдался случай тяжолаго личнаго оскорбленія и задѣтаго самолюбія, онъ задумалъ разрывъ, осно-

ванный естественно на обличеніяхъ рѣзко выдающихся недостатковъ. Привелось опять скитаться, и въ созерцательной уединенной жизни искать спасенія и утѣшенія. Пытливому и живому уму, настроенному чтеніемъ отъ писаній, удалось уподобить свою жизнь жизни первыхъ христіанъ, удалявшихся изъ городовъ и неимѣвшихъ гдѣ приклонить голову.

Достиженіе идеала первобытной Христовой церкви (къ чему впослѣдствіи стремились и другіе сектаторы, какъ-то: духоборцы, молокане и въ особенности, изъ послѣднихъ, секта Общихъ) стало теперь для Евфимія на первомъ планѣ, и если не удалось ему приблизиться подобіемъ къ ней на столько, на сколько умѣли сдѣлать это, напримѣръ, Молокане Общіе, то потому лишь, что слишкомъ свѣжо и сильно было въ немъ вліяніе ученія филиповцевъ. Къ тому же, между ними ему привелось дѣйствовать и среди ихъ пріобрѣтать первыхъ послѣдователей.

Счастливый примѣръ и удачный образецъ Евфимія выразился и въ его послѣдователяхъ и преемникахъ съ поразительнымъ сходствомъ даже въ отдаленныхъ подробностяхъ.

Бѣглые кантонисты и бѣглые солдаты, озлобленные палками и розгами на плацпарадахъ и въ казармахъ, и въ виду грозящихъ ужасовъ отъ шпицрутеновъ за самовольную отлучку и легкую прогулку, являются первыми послѣдователями и самыми энергическими проповѣдниками сопѣлковской вѣры Евфимія. Таковы изъ кантонистовъ: Климентъ Ивановъ, около Сопѣлокъ; Ѳедоръ Ивановъ Кривой, около Кинешмы и Вичуги и въ заволжскихъ лѣсахъ Макарьевскаго и Семеновскаго уѣздовъ; изъ бѣглыхъ солдатъ: Евстафій Дмитріевъ, преемникъ и товарищъ Криваго, около Вичуги; Иванъ Абрамовъ Бурловъ въ Корчевскомъ и Калязинскомъ уѣздахъ, Тверской губ.; Дмитрій Яковлевъ въ пошехонскихъ лѣсахъ; бѣглый казакъ Никита Овчинниковъ въ Сибири, около Кунгура и особенно въ городѣ Тюмени, и Савва Александровъ, изъ бѣглыхъ солдатъ съ монетнаго двора, около Каргополя, съ другомъ Владиміромъ, и т. д. *). Точно также, съ примѣра и образца евфиміева, всѣ они

*) Замѣчательно при этомъ то обстоятельство, что граматные солдаты, сдѣлавшіеся дезертирами и не пожелавшіе отдаться всѣмъ случайностямъ бродя-

дѣйствуютъ вмѣстѣ и порознь, ведутъ дѣло пропаганды съ неизбѣжнымъ участіемъ и всегда готовою помощію женщины: бродятъ въ лѣсахъ и скрываются въ подземельяхъ веселыми парами безбрачныхъ сожителей.

И опять точно также, по завѣту перваго учителя и его неизмѣнной спутницы, подслащали они тяжелую жизнь помощью, гостепріимствомъ и подаяніями отъ благодѣтелей (христолюбцевъ, жиловыхъ христіанъ, страннопріимцевъ, пристанодержателей), оставшихся на міру въ теплыхъ домахъ и на сытой пищѣ: торгующихъ крестьянъ, достаточныхъ купцовъ, богатыхъ и именитыхъ заводчиковъ и фабрикантовъ. Еще самъ Евфимій пользовался дружбою и хлѣбомъ-солью, и подолгу гащивалъ въ домѣ извѣстной не только въ самомъ Ярославлѣ, но и въ отдаленныхъ торговыхъ русскихъ мѣстахъ купчихи Пастуховой. Уже Орина Ѳедорова, преемница Евфимія и его вѣрная подруга, съумѣла заинтересовать въ дѣлахъ секты и ея ученія такого полезнаго пособника, какъ крестьянинъ Петръ Крайневъ, перекрещенный въ Севастьяны. Севастьянъ успѣлъ ввести въ вѣру новый догматъ, дозволявшій быть и именоваться «христовыми людьми» не одинъ только лѣснымъ и подпольнымъ скитальцамъ. Поборниками вѣры стали считаться и тѣ, которые остались жить на міру и готовы были посылать въ лѣса деньги и припасы, кормить, одѣвать и поддерживать странниковъ всѣмъ нужнымъ, давать имъ убѣжище отъ морозу, остерегать и охранять отъ преслѣдователей и творить иныя дѣла на пользу и поддержаніе вѣры.

Объявилась въ толкѣ новая група послѣдователей и исповѣдниковъ, закрѣпившая и упрочившая бытіе его. Богатый ярославскій шубникъ пособилъ сопѣлковскимъ укрѣпиться въ Саратовѣ; купчиха

чей жизни, внесли въ нашъ расколъ значительную долю вліянія, выразившуюся въ крайностяхъ ученій и странностяхъ толковъ. Вездѣ, гдѣ рѣзкость и рѣшительность отрицанія успѣла характерно заявиться, тамъ убѣжавшіе съ поля войны немедленно пристраивались не въ качествѣ слѣпыхъ послѣдователей, а въ значеніи продолжателей съ наиболѣе рѣзкими оттѣнками, съ непримиримымъ озлобленіемъ. Какъ въ средѣ скрытниковъ, такъ въ особенности въ сектахъ раціоналистовъ (духоборовъ, молоканъ и субботниковъ) бѣглые солдаты являются главными воротилами и стоятъ во главѣ религіозныхъ движеній.

1-й гильдіи Марья Шапошникова—въ Москвѣ; богатые фабриканты, громкіе извѣстностью на всѣхъ азіатскихъ рынкахъ вплоть до Китая, Коноваловы, Кобылевы, Миндовскіе и Разореновы—около Вичуги (Костр.) и Иванова (Влад.); богатый крестьянинъ Прохоръ Григорьевъ—около Дмитрова (Моск. губ.), сибирскіе торговцы Рѣшетниковъ и Опрокидниковъ—около Тюмени.

Опираясь на нихъ и руководясь преемственно наставниками изъ Сопѣлокъ, росла евфиміева вѣра и особенно усилилась и оживилась въ первой четверти нынѣшняго столѣтія. Тогда вышли за нее на враговъ ярославскіе мѣщане, три брата Кувшиновы, и въ особенности рыбинской крестьянинъ Меркурій Семеновъ Киселевъ, перекрещенный въ Никиту Семенова. До 1855 года, въ теченіи 30 лѣтъ, онъ былъ истиннымъ ревнителемъ и изряднымъ поборникомъ по Евфиміѣ, предвосхитившимъ его славу и затмившимъ самую память *).

Этому дѣятелю раскола судьба судила выдти изъ того же подвижнаго и бродячаго ремесленнаго сословія деревенскихъ портныхъ или швецовъ, изъ котораго, по крайной случайности, вышелъ и основатель молоканской секты Семенъ Матвѣичъ Уклеинъ. По той же случайности, какъ и Евфимій, онъ изъ православныхъ поступилъ въ науку раскола также къ филиповцамъ и также довершалъ свое воспитаніе въ Москвѣ, на Преображенскомъ Ѳедосѣевскомъ кладбищѣ. Отсюда пріѣзжій сопѣлковскій странникъ сманивалъ его въ пошехонскіе лѣса, посовѣтовалъ ему «рѣшительно бросить весь міръ, оставить отца и мать и проч., и жить въ пустыняхъ, какъ и святіи творили» (говоритъ онъ самъ въ своемъ судебномъ показаніи). Но онъ, послѣдовавъ примѣру Евфимія, отправился въ глушь Поморскаго Края, на знаменитое въ пустынныхъ странствіяхъ большое (80 верстъ длины и 30 ширины) озеро, Топъ **), гдѣ и просвѣтился

*) Прекрасное изслѣдованіе о немъ и живо написованный образъ этого пропагандиста страннической секты можно найти въ «Вѣстникѣ Европы», 1872 г. книга 12, въ статьѣ А. П. Розова: «Странники или бѣгуны въ русскомъ расколѣ».

**) Посреди Топъ-озера (Арханг. губ., Кемск. уѣз.) находится островъ и на немъ существовалъ мужской филиповскій монастырь, а на западномъ берегу озера—такая же пустынь для женщинъ.

крещеніемъ съ переименованіемъ въ Никиту. Съ Топъ-озера Никита съ товарищами углубился еще дальше, на рѣку Буду, въ пустынь, завпсѣвшую отъ Топъ-озера, къ неизвѣстному «славному» иноку, а отъ него перебрался на третье мѣсто, уже къ самой норвежской границѣ. Только послѣ 15-ти-лѣтняго скитанья въ поморскихъ лѣсахъ, онъ рѣшился добраться до превознесенныхъ и препрославленныхъ пошехонскихъ.

Здѣсь также, по закону Евфимія, изъ двухъ, сдружившихся съ нимъ келейницъ, выбралъ онъ одну дѣвицу, старшую сестру Варвару Дмитріеву, которая и придержала за нимъ и на его имя хоронушку въ своемъ домѣ, въ деревнѣ Романовскаго уѣзда. Отсюда и успѣхъ его проповѣди. Здѣсь и первые быстрые шаги къ славѣ, и также, съ примѣра и въ подражаніе Евфимію, долговременная работа надъ писаніями и сочиненіями, среди которыхъ и надъ злобнымъ «Малый образъ ересѣмъ».

Отсюда Никита перебрался въ сосѣднія мѣстности Вологодской губерніи, гдѣ въ короткое время свилъ новое гнѣздо сопѣлковскому ученію. Отсюда хаживалъ онъ на соборы въ Сопѣлки, побывалъ въ Плесѣ и Ярославлѣ, снова добрался до Москвы, погостилъ на Таганкѣ и на Арбатѣ, вернулся назадъ. Здѣсь же, въ Вологдѣ, въ 1854 году онъ былъ схваченъ и посаженъ въ тюрьму, какъ лакомый кусъ для судебнаго слѣдствія, какъ дорогой звѣрь, за которымъ давно полевали и доѣздами и облавами, который, какъ матерой волкъ, рыскалъ по лѣсамъ и по задворьямъ, къ великому общему изумленію, уже *тридцать* лѣтъ.

Не въ становой квартирѣ, не въ земскомъ судѣ кое-какъ и наскоро производили допросъ и изслѣдованія, но особой комиссіей, въ которую присланъ былъ изъ самаго Петербурга чиновникъ, и чиновникъ не простыхъ, а особенныхъ порученій министерства внутреннихъ дѣлъ, искусившійся на раскольничьихъ дѣлахъ и на сопѣлковской сектѣ до тонкостей. Травленый волкъ Никита пробовалъ было притулиться и не сказываться, но старый ловецъ съумѣлъ хитро вынудить его давать такіе отвѣты по вѣрѣ, которые слово въ слово записаны имъ прежде въ его же сочиненіи, извѣстномъ слѣдователю: «Малый образъ ересѣмъ».

Вызванный на откровенность и не желавшій вполнѣ высказаться изъ личныхъ разсчетовъ на будущую безопасность, Никита не указалъ сообщниковъ и учениковъ, не открылъ притоновъ и именъ покровителей, но, все-таки, за долгое время скитаній, разсказать могъ многое. Онъ повѣдалъ много новаго, интереснаго и поучительнаго, да и спохватился. Заявленіемъ желанія присоединиться къ православію онъ намѣревался предотвратить бѣду отъ болтливости. Однако, бывалые на подобныхъ травляхъ и охотахъ, ему не повѣрили: держали его въ засадѣ и осадѣ, не смотря на то, что Никита исповѣдался и пріобщился и назначенъ былъ на жительство въ мѣстѣ родины.

Рѣшено было изъ вологодской тюремной засады перевести его въ болѣе крѣпкую и надежную — Соловецкую. На дорогѣ туда онъ опять притулился, былъ ласковъ съ проводниками и, улучивъ благопріятное время, бѣжалъ, скрывался въ лѣсахъ, былъ пойманъ и привезенъ-таки въ Соловки.

Здѣсь опять онъ прикинулся: запросился въ монахи, приготовился къ постриженію, выпущенъ былъ изъ каземата, походилъ на волѣ по монастырскому двору, осмотрѣлся и опять исчезъ изъ виду. Черезъ десять лѣтъ послѣ того (въ 1866 году) онъ снова странствовалъ по Россіи и скрывался въ лѣсахъ болѣе вѣрными и надежными способами. Живъ онъ и теперь, на 75 году жизни; но попалъ ли, какъ хотѣлось ему передъ первой поимкой, въ Каргополь—мы не знаемъ. Знаемъ навѣрное только то, что его туда звали и ждали (посылали нарочнаго) и что отправленъ имъ вмѣсто себя ученикъ Савва Александровъ. Этотъ уже успѣлъ-было принять крещеніе въ секту отъ потехонца Ивана Петрова—пустынника, но вновь перекрещенъ былъ или, какъ говорятъ, исправленъ въ Ярославлѣ самимъ Никитой Семенычемъ.

Послѣдуемъ за нимъ и мы туда же, такъ какъ страннническая вѣра тамъ новость; слѣды ея свѣжи и ясны, будучи налажены и проложены всего только 20 лѣтъ тому назадъ: можно походить и полюбопытствовать.

Итакъ—опять на дальній сѣверъ, за недоговоренымъ и недосмотрѣннымъ съ подмогою добраго человѣка, пристально присмотрѣвшагося ко всему тому, чего ради начатъ разсказъ нашъ. На этотъ

разъ, со старыми воспоминаніями и подновленными новымъ запасомъ свѣдѣніями, пойдемъ на нашъ любопытный сѣверъ прямо въ лѣсныя трущобы, въ глухіе и сплошные дремучіе лѣса, называемые тамъ сюземами или сюземками, гдѣ нѣтъ ни дорогъ, ни тропъ, гдѣ ходятъ пѣши или ѣздятъ только верхами, направляя путь по звѣздамъ. Здѣсь, какъ древле поселились люди новгородскаго племени и обычая по прибрежьямъ рѣкъ, такъ живутъ и теперь по этимъ рѣкамъ и рѣчкамъ и по берегамъ озеръ, пугливо избѣгая и сторонясь отъ темныхъ сюземовъ, мокрыхъ и негостепріимныхъ лѣсовъ. Здѣсь живутъ стариной, ревниво ее охраняютъ и пробавляются патріархальными обычаями и старыми вѣрованіями, о которыхъ въ иныхъ мѣстахъ уже давно забыли думать.

VII.

«Каргопольскіе предѣлы Обонежья», дѣйствительно — одна изъ тѣхъ лѣсныхъ мѣстностей сѣверной Россіи, гдѣ новгородскихъ насельниковъ можно считать очень давними и ранними, которые удачно воспользовались благопріятными природными условіями, и направились сюда въ доисторическія времена несомнѣнно съ Бѣлаго Озера. Подобно Бѣлозерску, по примѣрамъ и образцамъ однородныхъ съ нимъ древнѣйшихъ сѣверныхъ лѣсныхъ городовъ, упомянутыхъ первыми въ нашихъ лѣтописяхъ, каковы: Псковъ, Новгородъ, Ладога, Лукомль, Ростовъ, Галичъ и другіе, Каргополь устроился вблизи озера, на истокѣ большой рѣки и, какъ большинство этихъ городовъ, принялъ чужое, нерусское имя. И также, какъ чужакъ въ заселенной уже странѣ, выстроился онъ огороженнымъ острогомъ на рѣкѣ Онегѣ, осторожно устранился отъ приозерныхъ береговъ, занятыхъ ранѣе пришедшими инородцами чудскихъ родовъ, въ 3-хъ верстахъ отъ озера Лача, какъ расположился древній Бѣлозерскъ въ 17-ти верстахъ отъ Бѣлоозера, Новгородъ въ 7-ми — отъ Ильменя, Псковъ

въ 18-ти — отъ Чудскаго, Старая Ладога въ 30-ти — отъ озера своего имени и т. д.

По старорусскому новгородскому обычаю, всталъ этотъ городокъ на своемъ мѣстѣ съ завѣтнымъ Спасомъ, сохранявшимъ поселенцевъ отъ голода, потопленія и другихъ невзгодъ тяжолыхъ переселеній, посвятивъ Спасителю первую церковь, воздвигнутую на берегу. Затѣмъ, когда славянская сила взяла верхъ, отсидѣлась и получила вліяніе въ окрестностяхъ, русское населеніе выдвинулось къ озерамъ, оставивъ на старыхъ пепелищахъ рвы, валы и курганы подъ именемъ и видомъ городищъ, староселья. Такъ сталось и съ Каргополемъ, когда онъ сдѣлался срединнымъ и сильнымъ пунктомъ, къ которому *тянули* окрестные жители *по земль и водѣ*, т. е. сносили матеріальные избытки въ видѣ подати и предметовъ для обмѣна и торга, и подчинились нравственному вліянію, какъ мѣсту общественныхъ сходокъ и думъ. Каргополь сдѣлался великъ, богатъ и славенъ, и извѣстіе объ немъ, черезъ дальныя окольности лѣсовъ и болотъ, сквозь толстыя монастырскія стѣны, успѣло проникнуть въ темную келью отрѣшившагося отъ міра книжнаго отшельника, еще въ XIII столѣтіи нашей исторіи. Городъ записали въ лѣтопись подъ его страннымъ именемъ, происшедшимъ ли отъ слова карги, принятаго отъ инородцевъ въ значеніи каменистаго отлогаго берега (что очень похоже) или названнаго такъ по другимъ неизвѣстнымъ причинамъ (что также можетъ быть вѣроятно), потому что существуютъ еще на сѣверѣ два озера подъ именемъ Каргозеровъ). Какъ укрѣпленный охранительный постъ, городъ всталъ въ затулѣ дальнѣйшихъ вьселенцовъ вглубь сѣвера и востока, обезпечилъ имъ путь по Онегѣ и открылъ возможность заселенія корельскаго и поморскаго береговъ Бѣлаго Моря тѣмъ же людямъ новгородскаго облика, рѣчи и обычая. Какъ срединное, хорошо пристроившееся на пути и при дорогѣ мѣсто, Каргополь сталъ торговымъ городомъ, передаточнымъ и складочнымъ, между богатою Пермью и торговымъ Новгородомъ съ пригородами. Какъ богачъ, онъ разстроился въ ширь и обстроился каменными церквами въ количествѣ не одного десятка.

Пока жилось Новгороду и не стягивалась и не окрѣпла Москва, Каргополь не утрачивалъ своего нравственнаго значенія, хотя и за-

брошенный въ самую глушъ. Но стоило лишь укрѣпиться Москвѣ, задавить Псковъ и Новгородъ и пріобрѣсти потомъ новыя богатства Сибирью, открывъ въ нее новый путь, Каргополь захудалъ, вдругъ оказался заброшеннымъ городомъ въ самую глушъ и даль и, къ тому же, отдаленнымъ отъ Москвы невылазными болотами и непролазными дремучими лѣсами. Уже Борисъ Годуновъ смотрѣлъ на эту мѣстность, какъ нестоющую хлопотъ и попеченій, выселилъ отсюда не одну сотню людей въ Сибирь на пашню (т. е. для заселенія и развитія земледѣлія), и какъ на страну, на столько далекую и глухую, что показалась она надежною для высылки всѣхъ годуновскихъ недоброхотовъ: Андрея Шуйскаго (который и былъ лишонъ жизни въ самомъ городѣ) и инокиню Марѳу Ивановну, мать будущаго царя Михаила Ѳедоровича. Въ Каргополѣ же утопили и самозванца Болотникова съ атаманомъ Ѳедоромъ Нагибой и другими сосланными сюда мятежниками. Сюда же ссылали потомъ и всѣхъ недовольныхъ московскими порядками, тѣми порядками, которые вообще были не по-нутру и не по́-сердцу всей новгородчинѣ, жившей на своей волѣ.

Затѣмъ, когда невдолгѣ, при царѣ Алексѣѣ, задумала Москва исправленіе богослужебныхъ книгъ и неразсчетливо и неожиданно вызвала тѣмъ массы недовольныхъ, назвавшихъ эту исправу новой вѣрой, обонежскіе предѣлы оказались въ наилучшемъ и выгоднѣйшемъ положеніи по отношенію къ старой вѣрѣ, старымъ церковнымъ и бытовымъ порядкамъ. Здѣсь цѣлостнѣе убереглись древніе прадѣдовскіе обычаи, на которые за отдаленностью и бездорожьемъ не могла имѣть вліянія укрѣпившаяся, самоувѣренная и сильная Москва. Соловецкій монастырь новыхъ книгъ не принялъ и заперся наглухо передъ царскими войсками; Палеостровскій до-тла сгорѣлъ въ виду ихъ, сожженный засѣвшими старовѣрами въ осадѣ и не пощадившими своей жизни отъ самосожженія. Когда Соловецкій былъ взятъ и убѣжавшіе отъ казней успѣли перебраться на берегъ, въ онежскихъ лѣсахъ они нашли себѣ надежный пріютъ и на рѣкахъ Выгѣ и Лексѣ могли на долгое время соорудить надежный притонъ и религіозный центръ, прославившійся потомъ, какъ главное и основное гнѣздо безпоповщины. Здѣсь перестали молиться за московскаго царя; здѣсь всякую преслѣдующую власть признали антихри-

стовымъ порожденіемъ и повѣрили нарожденію на свѣтъ самого антихриста, воцарившагося въ мірѣ. Вотъ почему въ такомъ глубокомъ убѣжденіи здѣсь допускали для себя всѣ способы самоубійствъ въ разсчетѣ на наслѣдованіе мученическаго вѣнца и успѣли показать самую простодушную довѣрчивость ко всевозможнымъ религіознымъ измышленіямъ. Вѣра эта доведена была даже до крайнихъ предѣловъ самообольщенія, и обнаружилось самое глубокое невѣжество, напомнившее времена первобытныхъ дикихъ народовъ и проклявшее все святое въ дѣйствующемъ и живущемъ мірѣ. Отъ бѣглаго изъ Шунги дьячка (Данилы) до князей захудалаго рода (Мышецкихъ-Денисовыхъ) всѣ прониклись противоборствомъ московскимъ порядкамъ и энергіей дѣйствій въ упорномъ держаніи старой вѣры безъ попа, толкуя ее на разные образцы и способы.

Толкованія эти довели народъ до поморскаго толка, признавшаго необходимость и святость брака, до федосѣевщины, наоборотъ восхваляющей дѣвственную, безбрачную жизнь, по силѣ изреченія «тайно содѣянное, тайно и судится», и совѣтующей женщинѣ «хоть семерыхъ родить, только замужъ не ходить», и, наконецъ, до филиповщины, несогласившейся съ первыми и отдѣлившейся отъ вторыхъ, на толкованіяхъ о молитвѣ за царя и подчиненіи власти, въ виду несомнѣннаго водворенія на землѣ антихристова царства.

Воцарилась эта мрачная филиповская вѣра, среди гонительнаго времени, въ каргопольскихъ странахъ одновременно со всѣмъ Обонежьемъ, при содѣйствіи и участіи тѣхъ же благопріятныхъ причинъ.

Тяжолымъ гнетомъ налегаетъ на сѣвернаго лѣснаго жителя его трудовая обыденная жизнь, хотя Приопежье, значительная часть нынѣшняго Каргопольскаго уѣзда, считается мѣстностью наиболѣе хлѣбородною и удобною для земледѣлія (она прославилась ячменемъ, и ей годами удается даже продавать излишки сосѣдямъ). Но мучительныя заботы объ удобреніи отравлены и задержаны падежами отъ сибирской язвы почти повсемѣстными и каждогодными, особенно вблизи системы каналовъ. Когда, вслѣдствіе того, истинно-каторжная работа съ лѣсными новинами успѣла обратить каргопольскія окрестности въ настоящую безлѣсную степь; послѣ того, какъ Озе-

рецковскій, въ 1785 году, видѣлъ городъ Каргополь окруженнымъ лѣсами, жизнь отравлена и безпощадно усложненъ трудъ этого исконнаго и неизмѣннаго земледѣльца, болѣе тысячи лѣтъ назадъ поселившаго въ этихъ безхлѣбныхъ странахъ.

Подъ обухомъ раннихъ весеннихъ морозовъ и продолжительныхъ засухъ, безсильною пылью на поляхъ кажется кое-гдѣ нацарапанный наземъ и гнилой щепой—деревянная борона и игрушечная соха, на которыхъ ѣздитъ мѣстное сельское хозяйство, не додумавшееся здѣсь еще даже и до благодарной косули. А въ землѣ лежитъ не сортированное, отобранное на глазъ сѣмя, и земля эта обработана передъ самымъ сѣвомъ весною и только два мѣсяца успѣваетъ пролежать подъ паромъ для озимаго посѣва въ концѣ августа. Примѣра же обработки полей раннею осенью для весенняго сѣва, какъ того требуетъ суглинистая почва, до сихъ поръ еще никто не показалъ. Всѣ руководятся тѣми же образцами, какіе завѣщаны досельными предками, и еще никто не смекнулъ, что эти самыя миріады голубей и галокъ, въ докучливомъ множествѣ наводняющихъ чердаки деревень и селъ, доброхотно несутъ то добро, которое могло бы подспорить дѣлу на истощенной теперь, но нѣкогда богатой производительностью почвѣ. Въ Архангельской волости, напримѣръ, изъ 2,500 десятинъ пахатной земли 500 десятинъ лежатъ на отлогахъ именно за недостаткомъ удобренія. На огородахъ высѣваютъ только брюкву, лукъ и рѣдьку и такъ мало капусты, что о томъ и говорить не стóитъ, и храни Богъ—посѣять антихристово зелье, картофель, которое, къ тому же, сдѣлалось извѣстно только въ 1843 году. Въ цѣлой волости (напримѣръ, въ той же наиболѣе плодородной Архангельской) посѣяно въ 1872 году картофелю только 16 четвертей.

При такой проголоди, прямой выходъ на сторону, въ отхожій промыселъ, чтобы еще больше обездолились домашнія силы и чтобы еще крѣпче запустовала пашня и задичала земля. Но куда идти изъ такой дали и кáкъ разойтись въ ближнихъ мѣстахъ, не утруждаясь дорогой и не обманываясь надеждами? Прадѣды указали на дремучіе лѣса для охоты, прямоѣзжія дороги для извозу и на текучія рѣки для сплавовъ: вотъ тѣ три кита, на которыхъ каргопольская

страна можетъ опереться и стъ антихриста, въ видѣ недорода, спастись и укрыться. Не набѣгаетъ ли она при этомъ на его слугъ и пособниковъ?—А вотъ посмотримъ.

Ходя въ лѣсу, глядя на сучья, глупаго чухаря увидишь: сидитъ, повертываетъ головой, и любуется на собаку, какъ та изъ стороны въ сторону прыгаетъ, а самъ ея не боится: на такого дурака и на слетѣ, а тѣмъ паче на сучкѣ заряду жалко. Годится зарядъ на звѣря съ пушной шерстью, на бѣлку, которой прыгаетъ много, а противъ птицы всякой — глухарей, рябчиковъ и бѣлыхъ куропатокъ довольно и сильевъ, слопцовъ и пастей: всего того, что́ стариками выдумано, а теперь не одобряютъ и запрещаютъ. На михайловъ день на архангельскомъ торжкѣ, прозжоный плутъ эту птицу сбираетъ и покупаетъ: ка́къ ты съ нимъ ни борись, за всю свою охоту больше десяти рублей никогда не получишь. Зато въ архангельской волости больше 15 охотниковъ и не наберется.

Бѣлка—барышный звѣрь—отъ еловыхъ шишекъ не наживаетъ въ каргопольскихъ лѣсахъ добротнаго цвѣта шерсти и теряется передъ тою, которая живетъ дальше къ Сибири и питается кедровыми орѣхами: за ту даютъ по 30 коп., за свою и ближную, за *чистую*, безъ красной осенней шерсти—отъ $6^1/_2$ до 13 и даже до 14 коп.; за *зелень* съ зеленымъ, т. е. обрамленнымъ красной шерстью брюшкомъ (черевомъ)—только 3, 4 и 5 коп., за «заростель», съ красной лѣтней шерстью на хребтѣ—отъ 1 до 4 коп., а за «красную»—не дороже копѣйки. Да еще при этомъ мастеръ съ подмастерьемъ выходятъ за товаромъ изъ хозяйскаго дома словно на войну со врагомъ и супостатомъ.

Чтобы больше нажить и сильнѣе оплесть и барышниковъ, и охотниковъ, безъ того и не выходятъ, чтобы не продѣлать на счастье такой колдовской штуки. Къ дверямъ подъѣзда въ дому привозятъ на чункахъ (ручныхъ санкахъ безъ задка и боковъ) нѣсколько охапокъ дровъ. Попрощавшись съ дорожными, всѣ домашніе и мастера перетаскиваютъ дрова по полѣну въ самую лучшую комнату и складываютъ ихъ за дверями подъ столъ. А чтобы не попалъ на дрова недобрый глазъ, прикрываютъ салфеткой: у иныхъ до возвращенія

дорожныхъ, у другихъ до третьяго дня, когда дрова складываютъ въ печь и сжигаютъ.

Оттого перекупщики и на торгу ходятъ побойчѣе и посмѣлѣе, и всѣмъ они въ примѣту, и всѣмъ они не даютъ спуску.

А вотъ и другіе: мелкимъ бѣсомъ повертывая боками и потряхивая бородой (которая кстати и выростаетъ тамъ такъ жидко, какъ полагается бѣсу), предлагаетъ знакомый молодецъ работу впередъ и деньги сейчасъ въ задатокъ. А на дворѣ самое проклятое время—конецъ зимы: хлѣбъ весь пріѣденъ, коровенка сведена на базаръ, и антихристъ, въ видѣ сборщика податей, показалъ уже одинъ рогъ и постращалъ забодать: не соображаетъ того, что придти бы ему осенью, послѣ уборки полей—вѣрнѣе бы было. Съ этимъ грубіяномъ опаснѣе, съ новымъ и льстивымъ пріятнѣе вести дѣло, именно съ этимъ послѣднимъ, который зовется десятникомъ. Указываетъ онъ опять на рѣчной сплавъ, въ лѣсную; рядитъ понедѣльно; даетъ въ недѣлю полтора рубля—да мало. Прикидываешь умомъ—не выходитъ, споришь съ нимъ. Сулитъ онъ впередъ 16 руб., а надо 20; опять споры и торгъ: соглашается онъ и на 20, если спустить понедѣльную плату.

— Ужь и выжиги! Всего-то они мужика насквозь знаютъ. И гдѣ у него заплата прорвалась—и то видятъ, и то успѣлъ онъ глазомъ обвести кругомъ. Двадцать такъ двадцать: это все едино, значитъ—по гашникъ къ снѣгу, отъ Благовѣщенія до вскрытія рѣкъ и чтобы топоръ на сучьяхъ не звенѣлъ. А избы такой, гдѣ бы согрѣться—нѣтъ, шалашъ вымерзаетъ и продуваетъ его насквозь, а ѣды только и есть, что́ дадутъ. Идти до мѣста надо на своихъ харчахъ: вотъ почему хорошо 20, что изъ нихъ можно подати заплатить, для дому сольцы да прикупить дегтецу и про себя на путь дорогу рубля 2—3 приберечь. Съ Богомъ, по рукамъ!

Десятникъ подобралъ полную артель, ходя изъ избы въ избу: человѣкъ 60—и до ста. Называетъ ихъ всѣхъ артелью, но артель эта такова только по имени, да по тому еще, что горемычныхъ людей этотъ бѣсъ согласилъ на круговую поруку: неустойка какая—всѣмъ отвѣчать. Заболѣлъ одинъ и уроковъ не исполняетъ — его часть очищать всѣмъ другимъ, за него работать.

Побрели ребята на мѣсто сплава, гдѣ идетъ заготовка лѣсовъ и

гдѣ самаго лѣшаго-хозяина можно видѣть живьемъ, самого антихриста: нанималъ и привелъ слуга его, и тутъ же всю артель продалъ за калёныя денежки. Самъ посулилъ 2 рубля съ гривной—закабалилъ за пять. Лѣсной хозяинъ такъ и принялъ гуртомъ, какъ баранье стадо.

Впрочемъ, самого хозяина рукой не достанешь, остается по старому прямымъ хозяиномъ десятникъ. Передъ нимъ за все въ отвѣтѣ, и его одного только и знаешь.

Вскрылась рѣка, очистилась, и одну лишь принесла радость: работа пришла новая. На первыхъ порахъ какъ будто и повеселѣе думать объ ней, сидя передъ теплинкой — а на самомъ дѣлѣ?

— Прежде по поясъ въ снѣгу, а теперь по самую шею въ водѣ, да такой холодной, что отъ нея даже ко всему привычные костяные зубы ноютъ. По жердочкамъ около плотовъ не пройдешь, потому что отвѣчай за всякое бревно, какъ нянька за малаго ребенка: оторвалось оно, захлеснулось, полѣзай въ воду, промокай и дрогни насквозъ. А когда очень ужь зазнобился—на плоту шалашикъ изъ хвороста къ услугамъ, и соломка настлана: можно прилечь, можно, пожалуй, и костеръ разложить на берегу, на открытомъ мѣстѣ. Вдругъ голова заболитъ и затяжелѣетъ, по всѣмъ суставамъ ломота пойдетъ, подкатитъ къ горлу, перехватитъ его и весь загоришь въ адскомъ антихристовомъ пламени. Такого хозяевамъ не надо; такого и товарищи попихиваютъ и обругиваютъ. Въ баню бы! А вмѣсто нея—тотъ же шалашъ; ребята грязи въ него натаскали, хуже улицы; лежи, пока до жилого мѣста не доплывутъ, гдѣ бы свалить можно. А тамъ гляди спросятъ: не ѳедосѣевецъ ли? Да поглядятъ, какъ крестъ надѣлъ: не подъ рубашку ли? Хорошо, если, по грѣховности тѣлесной, носишь его поверхъ рубахи... А тамъ смотри и смерть придетъ: десятникъ того не поставилъ въ условіе, чтобы назадъ ему самому оглядываться и подбирать отсталыхъ: онъ смотритъ впередъ.

— Вотъ у него въ глазахъ, на мелкомъ мѣстѣ ребята не уснаровились, и навалило лѣсъ грудой: надо разворачивать. Потеря времени, отъ лѣсного хозяина озорная брань. Начнетъ десятникъ рваться и суетиться, докричится и дотолкается въ спины до того, что

всѣ налягутъ и общей силой сдвинутъ груду съ мѣста. Тронется лѣсъ разомъ, всей своей кучей — смотришь: того мужика, который поретивѣй хлопоталъ и по бревнамъ попрыгивалъ, свернуло подъ одно бревно, покрыло горбылями и затолкало такъ, что не знаешь: подъ тѣмъ ли онъ бревномъ, которое вздымается и вздрагиваетъ, послѣднюю онъ силушку пробуетъ, или зашибло его тѣмъ бревномъ, которое ныряло въ воду. И опять смерть, нерѣдкая на каждомъ сплавѣ, хоть и называется она не маятной, а одночасной.

Неудивительна послѣдняя, немудрена и первая, когда въ тяжолыхъ работахъ приводится проводить въ одномъ году восемь мѣсяцевъ.

Уцѣлѣвшіе на сплавахъ приносятъ домой безпардонное отчужденіе отъ семейной жизни, страсть къ кутежамъ и заработокъ въ 30—40 рублей, на столько недостаточный, что каждый успѣлъ попасть и завязнуть въ новой ловушкѣ, раскинутой десятникомъ. Петля эта—заборъ денегъ впередъ для кабалы, чтобы, при новомъ наймѣ и вербовкѣ, съ нимъ уже долго и круто и не разговаривать, а соглашаться на то, сколько положатъ. Отъ десятника и его кабалы мудрено отбиться, а если удастся такъ сдѣлать, то на охотника предлагается другой хваленой промыселъ, тоже стариковскій, тоже сулитъ онъ заработокъ тому, у кого во дворѣ стоитъ лошадь: это — извозъ.

Въ той сторонѣ, куда побѣжала и гдѣ кончилась порожистая, не совсѣмъ удобная для сплавовъ рѣка Онега, въ 350 верстахъ отъ ея истока, разлилось большое море. Въ немъ ловятъ рыбу, бьютъ звѣря для сала. Рыбу и сало продаютъ, требуютъ возчиковъ подъ разную рыбу (больше подъ треску и семгу); даютъ кладь и въ городѣ Онегѣ, и въ другомъ концѣ на восходъ солнца, въ селеніи Сельцѣ сосѣдняго (Холмогорскаго) уѣзда, верстахъ въ двухстахъ съ половиной. Рыбину складываютъ въ бочки пудовъ въ 25—27 вѣсу (рѣдко въ 30 пудовъ). Каргопольской лошадкѣ больше одной бочки не свести, да съ пуда отъ Сельца до Каргополя даютъ лѣтомъ 25—30 коп., осенью поднимаютъ цѣну съ 30 до 50, зимой даютъ меньше (15—20 коп.), да зато ко времени весенней распутицы (въ мартѣ) опять доводятъ цѣну до 25 и 30 коп. Отъ Онеги за то, что по-

дальше, а времени и корма въ дорогѣ изводится больше, разговоръ о цѣнѣ ниже, какъ съ двухъ двугривенныхъ и полтины съ пуда, и не начинается.

Затѣмъ, такой разсчетъ, свой, домашній,—напримѣръ, на Сельцо:

— Ѣхать въ дорогу — запасъ брать на четырнадцать дней по осенней распутицѣ: на лошадь овса 5 пудовъ, сѣна 10 пудовъ; на себя печонаго хлѣба 2 пуда, да денегъ надо для изводу на постоялыхъ дворахъ рубля 2 по малой мѣрѣ, да лагунку съ дегтемъ на 30 коп. Своихъ денегъ на дорогу пойдетъ 2 рубля три гривны, а, коли лошадь свезетъ бочку въ 30 пудовъ, барыша будетъ 12 руб. 7 гривенъ. Чего лучше: два рубля на коня, тринадцать въ карманъ. Если просидѣть дома эти дни и въ дорогу не ходить всѣ четырнадцать, и по полтинѣ на рабочій день съ лошадью дастъ сосѣдъ, станетъ только семь рублей, а не тринадцать.

— Полно, такъ ли это? Почемъ овесъ-отъ за пудъ продать можно?

— Да вѣдь свой онъ, некупленой: посѣялъ его — онъ и выросъ.

— Некупленой да продажный: на базаръ свезти — деньги дадутъ: дадутъ, по малой мѣрѣ. шесть гривинъ — 3 рубля, да за сѣно по 20 коп. — 2 р., — всего пять. Изъ тринадцати 8 руб. стало. Да за печоной хлѣбъ...

— Опять-таки не покупной. Развѣ за печоный хлѣбъ деньги дадутъ? Да ѣшь сдѣлай милость — сколько хочешь. Ишь, за хлѣбъ деньги класть, Бога гнѣвить! Хлѣбъ-отъ этотъ и дома бы съѣлъ, развѣ что на ходу-то въ дорогѣ больше его пережуешь.

— Дадутъ за хлѣбъ по 60 гривинъ за пудъ — отдашь, и баба охотно печь станетъ, если много понадобится его на заводъ или на артель какую... И еще рубль восемь гривенъ съ костей клади.

— Не клади, сдѣлай милость! ни овесъ, ни сѣно, ни хлѣбъ не куплены: Богъ далъ. Это — не Питеръ.

— Значитъ, чтобы не работать вблизи дома, а въ дальную дорогу идти, надо выручить всего двугривенный. да надо принять и то въ разсчетъ, что конь-отъ на ходу съ возомъ въ дорогѣ больше съѣстъ, чѣмъ дома въ стойлѣ: что въ дорогѣ съѣлъ, то осталось-бы

въ закромѣ. А попробуем-ка въ извозъ сходить лѣтнимъ путемъ, когда даютъ 30 коп. съ пуда или зимнимъ, когда получаешь 20— что выйдетъ? Дадутъ лѣтомъ 9 руб., а израсходуешь 12 р. 60коп. а зимой выплатятъ 6 руб., а прохарчишь 8 р. 70 коп. Убытокъ виденъ: хоть и счетовъ не бери въ руки.

— Мнѣ смѣшно это да и кому ни скажи — всякъ засмѣется: стану я самому себѣ овесъ за деньги продавать; начну и свою-то краюшку ѣсть да думать: вотъ, молъ, я грошъ глодаю, а можетъ-де, и цѣлый пятакъ. Отстань, сдѣлай милость!

На основаніи такихъ убѣжденій, которыхъ и оспорить нѣтъ никакой возможности. въ одной волости (напримѣръ, той же Архангельской) занимаются извозомъ 60 человѣкъ, распознавшихъ слугъ антихристовыхъ, чувственно воцарившихся на мѣстахъ сплавовъ и не домекнувшихъ того, что и «горой» (по сухому пути) ходитъ опъ, самъ антихристъ, за мужикомъ и возомъ и давно уже тутъ духовно господствуетъ.

Бѣгаютъ еще темные каргопольскіе люди по третьей дорогѣ, проторенной съ тѣхъ поръ, какъ въ восьмистахъ верстахъ стали строить каменный изъ кирпича, городокъ Питеръ. Подъ именемъ обжигалъ, порядовщиковъ, сушниковъ, земляниковъ, очелошниковъ и обрѣзниковъ живутъ они по Невѣ на кирпичныхъ заводахъ, но уходятъ сюда только счастливые, собственно тѣ, которымъ остается отъ полевой работы свободное время, а кабала отъ десятниковъ и другихъ міроѣдовъ не виситъ пу́тами на рукахъ и ногахъ. Только этимъ однимъ хорошо и необидно: лучше всѣхъ тому, который называется порядовщикомъ и выдѣлываетъ кирпичъ изъ готоваго хозяйскаго матеріала (отъ 2 р. 50 к. до 5р., съ тысячи, на 75 до 100 руб. въ одно лѣто), прибавляя еще по 200 кирпичей къ каждой тысячѣ даромъ, въ пользу хозяина, за квартиру и баню. Отъ 40 до 50 р. передаетъ тому, который зовется сушникомъ, т. е. вывозитъ кирпичъ отъ порядовщика и укладываетъ въ печи; отъ 30 до 40 получаетъ земляникъ за то, что вывозитъ землю къ машинѣ, гдѣ приготовляется глина, и до 25 руб. приходится за топку печей очелошнику. При томъ, что всѣ живутъ харчевой артелью, полагая расходы на нее поровну (а не соразмѣрно жалованью), съ неизмѣнной напятой

стряпухой «маткой» — промыселъ «по кирпичному дѣлу» полагается недурнымъ, и изъ одной архангельской волости выходитъ на него больше 50-ти человѣкъ

Нехорошо въ этомъ дѣлѣ то. что хозяйскія работы на горячее время всѣ ложатся на женщинъ, и бабамъ приходится совсѣмъ круто. Не желая говорить о выговоренномъ и доказанномъ, остановимся на самыхъ счастливыхъ — и именно на такихъ, которымъ удалось заручиться подспорнымъ трудомъ, за какой даютъ наличныя ходячія деньги. Счастливицы эти — только подгородныя каргопольскія женщины. Всѣмъ остальнымъ женщинамъ прабабушкины обычаи и примѣты указываютъ, опять-таки, только на лѣсъ, гдѣ, на холодныхъ утреникахъ исходнымъ лѣтомъ и на росѣ бабьяго лѣта, пробиваютъ сквозь полусгнившую листву и пожолклую траву сочные бѣлые грибы и, въ особенности, палитые кровью боровые рыжики.

Этотъ грибъ даже прославилъ городъ Каргополь и видимо держится въ этихъ мѣстахъ., вмѣстѣ съ лѣсными и бѣличьимъ промыслами съ самыхъ древнихъ временъ поселенія здѣсь русскихъ людей; теперь — какъ остатокъ прежняго торговаго и промысловаго благоденствія края. Однако, сколь ни мудрена случайность странныхъ и неожиданныхъ обогащеній торговлею, тайнобрачное, соленое и сушоное растеніе — не такой товаръ, который бы въ продажѣ не обманывалъ. На него бываетъ недородъ, когда и продавать нечего и перородъ, когда приходится отдавать въ перебой за безцѣнокъ. Вотъ почему эти же самыя грибовницы, подъ самымъ городомъ Каргополемъ, тащатся въ городъ и молятъ о помощи, еще, слава Богу, не по подоконьямъ, а у дверей и опершись о притолки мастерскихъ избъ. Ходить сюда они уже давно повадились, и все до мелкихъ подробностей каждой изъ нихъ знакомо.

Кислый запахъ чуть не съ ногъ валитъ уже въ самыхъ сѣняхъ. Оконъ въ избѣ много, а свѣту все какъ-то мало. Однако, у дверей, въ углу, печь видно, подъ матицей жердь и на ней висятъ правленые мѣха. Въ другомъ углу иконы видно, да только никакихъ ликовъ не распознаешь, хоть гляди впристаль: всѣ оперхли и тараканомъ проточены, и залѣплены толстымъ слоемъ пыли.

Вотъ и бочка середъ самой мастерской, двудонная изъ-подъ смолы

бочка, на которую кладутъ правильныя доски и правятъ мѣха, и вмѣсто стола обѣдаютъ, и ставятъ сгорбленный самоваръ съ расколотыми и безъ ручекъ чашками. Вотъ и корзины съ бѣлкой и мастера передъ ними сидятъ на лавкахъ: кто подбираетъ хребтовые мѣха — это аристократы; кто правитъ черева — это низкая чернь, десятилѣтніе мальчишки; кто *распускаетъ* бѣлку, т. е. отрѣзываетъ черева отъ хребта, и т. д.

Вотъ между ними и самъ мастеръ — командиръ избы и главный воротило всего скорняжьяго дѣла. Ради его милости, ласковаго взгляда и добраго слова, брела баба пѣшкомъ изъ своей деревни за 12—14 верстъ. Часовъ шесть сидѣла она на той сторонѣ рѣки, на берегу, дожидалась сбора другихъ швей и бабъ, чтобы перевезли въ городъ, подъ монастырь.

Въ этой избѣ она уже въ третьей или пятой; во всѣхъ остальныхъ отказали: черевьихъ мѣховъ нѣту. — Да хоть черевецъ? — Нѣту. Хоть зеленóвыхъ (зеленыхъ черевъ)? — Нѣту: и не надоѣдай, убирайся къ чорту. Въ одной избѣ только опросили: откуль, да какъ тебя зовутъ, да чья, да и опять «убирайся вонъ—нѣту».

Въ третьей мастерской только выслушала, какъ скверно подборщики ругаются, какія скверныя пѣсни знаютъ кроильщики и какъ всѣмъ не жаль бѣдной трудящейся, пришедшей молить о работѣ, работницы.

И въ этой избѣ мастера, оскаливъ зубы и наведя на лица улыбки, готовы поднять на смѣхъ, хоть и чествовала она всѣхъ обычнымъ робкимъ и ласковымъ привѣтомъ: «живите здоровы, вси крещоны!» И здѣсь никто не отвѣтилъ, и здѣсь самъ мастеръ томилъ и не оглядывался, да вдругъ воззрилъ и спросилъ, и не урчалъ по-медвѣжьи, и работу посулилъ дать, велѣлъ подождать. Нашлись у него и черева, и черевьи мѣха, и пла́сточекъ попросила (т. е. хребтовыхъ мѣховъ)—и пласточекъ прикинулъ: «Умѣешь ли только?»—«Всяко умію». И нитокъ отсчиталъ, да и обсчиталъ: за этимъ ужь и не гоняются, понятное, обычное дѣло, своими придется дошивать. Другія бабы плачутся, не отставая: «прибавь да прибавь!» Да это дѣлаютъ уже самыя пустыя, и то на очистку совѣсти.

Въ деревнѣ работа шьется, черезъ недѣлю идти надо сдавать, опять получать, и шить, и сдавать. Дойдетъ дѣло до разсчету.

— Работала не одну недѣлю, приходится получить три рубля: пожалуй-ко!

Пьяница-мастеръ эти деньги пропилъ, и отдать ему нечѣмъ. Пожаловаться пойти — никакой новой работы нигдѣ не получишь. Приходится взвыть, да вспомнить про того же антихриста: онъ людей на обиду сомущаетъ — несчастную бабу ограбить, ручьи слёзъ изъ глазъ выжать. А баба — извѣстно сколько слезлива, столько и стыдлива. И застѣнчива она, и боязлива. Къ тому же, всѣмъ бита, и о печку бита, и только-что развѣ самой-то печькой не бита.

Нѣтъ больше горя, какъ у шальскихъ, павловскихъ и саунинскихъ бабъ изъ-подъ самаго Каргополя.

Не оттого ли, не по завѣщанію ли бабокъ и прабабокъ, искусившихся въ ломкѣ житейской и настрадавшихся на пинкахъ и подзатыльникахъ отъ разныхъ житейскихъ случайныхъ (и все враждебныхъ) обстоятельствъ, придержалось правило хранить вновь нарождающагося бѣдовика отъ недобраго взгляда антихристовыхъ слугъ хоть на короткое время девяти мѣсяцовъ? Въ каргопольской странѣ всякая беременная женщина свято и старательно хлопочетъ скрыть свою беременность и скрываетъ ее не только отъ сосѣдей, но и отъ семейныхъ: кто увидитъ, за всякаго должна мучиться. Прячется она по хлѣвамъ, а въ лѣтнее время непрочь пожить и въ конюшнѣ, если не удалось заручиться на все время «сноса» гдѣ-нибудь въ укромномъ, уединенномъ и невидномъ мѣстѣ, да хоть бы и въ самое холодное и морозное время, да хоть бы и грозила ей отъ того самая смерть. Чѣмъ меньше знаютъ и видятъ — тѣмъ лучше, а при дѣвкахъ, напримѣръ, никакъ ужь и не разродиться.

Этому вѣря, и всему другому повѣришь, когда напускные и суевѣрные страхи ходятъ за каждой бабой по пятамъ, а въ особенности за беременной. Напугиваютъ такъ, что на всю жизнь остаются бабы трусливы и робки насквозъ до раскатистаго дикаго смѣха и до неудержимой икоты. И вѣрится многому тому, надъ чѣмъ другіе смѣются.

Какъ, напримѣръ, не вѣрить тому, что внизъ по Онегѣ, въ Кеми, все живутъ колдуны?

Шелъ оттуда на Каргополь, года тому два назадъ, по самому берегу рѣки Онеги, мужикъ тамошній, поморскій. Ищетъ онъ семь волковъ-оборотней: надо-де ихъ повернуть ему на людей. И знаетъ онъ, что люди старой вѣры, за это самое, волковъ въ тѣхъ мѣстахъ совсѣмъ не бьютъ, а толкуютъ, что, когда одинъ изъ нихъ забилъ волка, да сталъ сдирать съ него шкуру, то подъ шкурой-то армякъ нашелъ. Другой, когда разрывалъ зародъ сѣна, то увидѣлъ въ тряпкѣ младенца, а подлѣ стоитъ волчица и кланяется. Когда взялъ онъ младенца на руки и понесъ домой, волчица пошла за нимъ и подлѣ избы опять начала просить, кланяться. Когда шелъ по этимъ деревнямъ мужикъ съ низу и искалъ оборотней — его всѣ встрѣчали съ великимъ почотомъ и всякимъ уваженіемъ и, крѣпко побаиваясь, радостно принимали: у одного мужика, самаго трусливаго, прожилъ онъ полторы недѣли, объѣлъ и опилъ, насилу тотъ его выжилъ.

Въ этомъ же древнемъ краю случается и такъ, что если два сосѣда заспорятъ между собою о межѣ, то, чтобы разойтись безъ драки и міромъ, одинъ вырываетъ кусокъ дерна съ землей. «Пусть разсудитъ насъ мать сыра-земля», думаетъ и говоритъ онъ вслухъ, кладя эту земляную глыбу себѣ на голову и идя по той полосѣ границы, которую считаетъ справедливою. Если обойдетъ ее благополучно,—его взяла: противникъ не смѣетъ спорить. Этотъ языческій обрядъ, когда «мать сыра-земля» считалась богиней и требовала особенныхъ праздниковъ и приношеній, остался и въ другихъ мѣстахъ лѣсной Руси, но вмѣсто дерна ставятъ на голову икону. Въ каргопольскихъ мѣстахъ все еще прогуливаются съ кускомъ задеревенѣлой земли, т. е. изъ языческихъ временъ еще не успѣли выдвинуться въ христіанскія.

По той же самой дорогѣ, изъ-за Кеми, изъ давнихъ скрытницкихъ гнѣздъ на Топозерѣ, назадъ тому двадцать лѣтъ, прошелъ другой, смѣлый и ловкій, въ бѣгахъ омужичившійся солдатъ Савва Александровъ.

Онъ разсказывалъ, что антихристъ воцарился не чувственно, а духовно, что надо бѣжать изъ міра въ лѣсъ и тамъ отъ людей скры-

ваться—ему также повѣрили, и не однѣ бабы, но и мужики, и не одни филиповцы, но и изъ православныхъ кое-кто.

Въ одномъ селѣ напалъ онъ на праздникъ, про который онъ и не слыхивалъ: праздновали «Стѣнамъ и Ободверинамъ» [1]), а оказалось, что чествовали день освященія своей мѣстной приходской церкви («Троицкія именины» называли ему такой же праздникъ въ другомъ мѣстѣ).

Савву Александрова это привлекло и остановило тутъ.

Въ другомъ селѣ онъ натолкнулся на праздникъ «Баранье воскресенье»—первое послѣ Петрова дня, и видѣлъ, какъ къ церкви согнали барановъ, рѣзали ихъ и варили: часть жаренаго мяса выдѣляли церковному старостѣ, остальное съѣдали тутъ же сами; большую и общую трапезу устраивали, пили, ѣли и напивались до-зѣла.

Савва Александровъ и тутъ потиралъ руки, лукаво и радостно улыбался, и изъ этого мѣста не спѣшилъ, а останавливался, оставался и уловлялъ.

Дошелъ онъ и до «Коровьяго бога» къ Макарьевой пустынѣ близъ Ошевенскаго монастыря. Здѣсь уже пили и ѣли, сверхъ барановъ, всякій другой скотъ.

Здѣсь между обоими монастырями залегъ по рѣкѣ Пормѣ густой лѣсъ и вблизи по опушкамъ засѣли темные лѣсные люди.

Эти мѣста Савва полюбилъ больше прежняго и отсюда уже не выходилъ довольно долгое время.

Отъ границъ Архангельской губерніи началось распространеніе скрытницкой вѣры, и первые признаки ея удалось замѣтить въ Устьволгскомъ приходѣ. Вѣра шла по рѣкѣ Онегѣ, вверхъ, сворачивая въ прибрежные лѣса и въ нихъ пряталась: сначала по рѣчкѣ Большой Пормѣ, потомъ въ приходѣ Ольховца и Волосова. Въ 20 лѣтъ новая вѣра успѣла утвердиться въ волостяхъ Каргопольскаго уѣзда: Архангельской, Быковской, Усачевской, Панфиловской (собственно въ приходѣ Печниковскомъ), въ Мошковской волости (въ приходѣ Луговскомъ или въ Лугахъ) и въ Нифантовской (въ Рѣчно-Георгіевскомъ и Ошевенскомъ приходахъ). Не пошла эта вѣра къ Двинѣ

---

[1]) Ободверина—дверь и дверные косяки, а также и церковная паперть.

и на Сію: за Лугами — деревушкой, близъ Архангельскаго погоста, нѣтъ уже ни одного скрытника, точно такъ же, какъ и въ г. Каргополѣ ихъ очень мало. Зато въ 6 верстахъ отъ села Архангела къ Устьвельской станціи петербургскаго тракта, у деревни Кладовца, получила громкую извѣстность гора.

Гора заключаетъ въ себѣ подземные ходы, которые и полагались вырытыми руками скрытниковъ для жилья. Начальство подземелья эти распорядилось засыпать, однако, напрасно: гроты были — прихоть природы, а ходы оказались результатами подземныхъ ключей, въ обильномъ количествѣ прорывающихъ мистическую и подозрительную гору.

Изъ разцвѣтшаго, искусно насаженнаго Евфиміемъ въ пошехонскихъ лѣсахъ «терновнаго сада», вычищеннаго отъ валежника и зарослей Никитой Семеновымъ, переброшенныя вѣтромъ сѣмена въ лѣса каргопольскіе возросли, дали поросль и отрасли, которыя тщательно доглядывалъ ученикъ Никитинъ, Савва. За нею теперь ухаживаетъ и поливаетъ ее изъ бѣглыхъ ратниковъ Никаноръ — крестьянинъ Каргопольскаго уѣзда съ товарищами: Иваномъ Дмитричемъ изъ дер. Печникова и Владиміромъ изъ бѣглыхъ солдатъ (самъ Савва Александровъ ушелъ отсюда на новыя скитанья подъ Кинешму Костромской губерніи).

Имѣются, впрочемъ, уже подсохшіе и отвалившіеся сучья, выбитые и вынесенные попутнымъ благопріятнымъ вѣтромъ изъ лѣсной чащи на открытое поле, по перелѣсью, на міръ. Такихъ немного; завалившихся въ трещахъ гораздо больше.

Вѣрнаго и близкаго къ правдѣ количества бѣгающихъ «въ безвѣстной отлучкѣ» дознаться нельзя: затѣмъ и скрываются, чтобы избѣжать учота и сбить со счотовъ. Придетъ неизвѣстный чужой, изъ дальнихъ мѣстъ и приселится къ тѣмъ, которые ушли изъ ближнихъ селеній—кто́ его узна́етъ. Иная выпросилась на богомолье въ Соловки и тамъ могла потонуть, потеряться. Другой выправилъ изъ правленія паспортъ на дальніе заработки; третій исчезъ, безъ всякаго спроса, можетъ быть, подъ свалившимся деревомъ въ лѣсу, можетъ быть, подъ зашалившимся на сплавѣ бревномъ. Медвѣдь въ лѣсу ломаетъ, волки ѣдятъ и лѣшій заводитъ въ трещу на лихую и го-

лодную смерть. Усчитать по билетамъ и паспортамъ нельзя, потому что не только не возвращены они съ надписью о смерти, но и совсѣмъ уничтожены. Усчитать можно только тѣхъ, кто сказался ушедшимъ, да не вернулся, и тѣхъ, кто ушолъ и долго сосѣдями не досчитывается. Да и то—всѣ ли такіе прекратили сношенія съ міромъ по своей доброй волѣ?

По семейнымъ спискамъ, напримѣръ, Архангельской волости, числится въ филиповской сектѣ 40 мужчинъ и 60 женщинъ, а на самомъ дѣлѣ и по самымъ вѣрнымъ свѣдѣніямъ, ихъ 773 мужч. и 883 женщ. Или за 7 послѣднихъ лѣтъ, по 1873 годъ, считается въ «безъизвѣстномъ сходѣ» 21 человѣкъ: 7 мужчинъ и 14 женщинъ (по одному на годъ, три бабы въ 1869, четверо мужчинъ и сразу семь бабъ въ 1872 году: полагать надо, всѣ одиннадцать ушли прямо въ лѣсъ и въ подземелья). По приходскимъ же спискамъ, бѣгуновъ по той волости насчитывается всего 9, и такъ, что мужчинъ стало больше, а женщинъ меньше (5 мужчинъ, 4 женщины). Да и всего-то, по всѣмъ 11-ти приходамъ Каргопольскаго уѣзда, петрозаводская консисторія числила 51-го (28 мужчинъ 23 женщины), всего больше въ троицкомъ приходѣ (15 чел.: 11 женщинъ), всего меньше въ плескомъ (1 мужч. и 1 женщ.) и ни одного въ 4-хъ приходахъ, хотя, напримѣръ, въ одномъ изъ нихъ (бережне-дубровскомъ, ибо есть еще заднедубровскій приходъ) для кого-то полагаются и показаны въ таблицѣ бѣгуновъ два пристанодержателя (христолюбца).

Послѣднихъ, по тѣмъ же приходамъ, показано за тотъ же 1869 годъ всего 41 мужч. и ни одной и ни въ одномъ приходѣ сердобольной и христолюбивой женщины. Нѣкоторыхъ приходскіе списки осчастливили больше и надавали кучу благодѣтелей: напримѣръ, на 9 скрытниковъ записали 10 христолюбцевъ, на 12 волосовскаго прихода 11 благодѣтелей; на 4 бѣгуновъ луговскаго 9 христолюбцевъ, на 15 троицкаго—8; на 5 ошевенскаго—4; на 4 кенерѣцкаго—2; зато на 2 скрытыхъ плескаго прихода не указали ни одного христолюбца и т. д.

На этомъ можно и кончить: ничего больше по этому счотному вопросу не скажешь, и если все это выговорилось, то потому лишь,

что привелось къ слову; написано же въ спискахъ, конечно лишь то, что вздумалось или что́ велѣно.

Между тѣмъ въ скрытники уходятъ разомъ человѣкъ по 10 въ годъ.

VIII.

Тѣмъ временемъ, охотникъ въ лѣсъ вышелъ.

Видитъ онъ: въ лѣсу много дичи и звѣря, и лѣсъ подходящій—и стиглому, и бѣглому проходы есть, только удалу-молодцу проѣзду нѣтъ. Это и надо.

Облаву можно сдѣлать удачную, только надо подобрать и подъискать загонщиковъ. А на такое дѣло, всѣ говорятъ, хороша баба: и голосъ звонокъ, и волосъ тонокъ и длиненъ, и на нее, что́ волкъ на боязливаго и визгливаго поросенка, идетъ всякой красной и пушной звѣрь. И отецъ Евѳимій, и Никита Семенычъ такъ дѣлали и съ того начинали, а съ Никитой Семеновичемъ Савва Александровъ жилъ за родного брата и очень помогалъ ему въ Вологодскомъ уѣздѣ (въ 1857 году). Довольно достать одну такую бабу, которая была бы поумнѣй, и посудачливѣй, и побойчѣй, и несчастнѣе прочихъ, чтобы подыскалась тотчасъ же къ этой другая подходящая, а съ двумя и базаръ, и облáву можно сдѣлать.

Савва Александровъ, какъ пришелъ, такъ и подсмотрѣлъ одну такую, какъ-разъ подходящую: въ гурьевскомъ обществѣ, въ Быловской волости, изъ деревни Устья-Пормы, дѣвку Татьяну Свѣтлякову съ матерью.

Объявился онъ и показалъ себя ей: не на косолапаго косаго медвѣдя, а больше на шуструю охотничью собачку смахиваетъ. Умѣетъ подластиться, умѣетъ хвостомъ повертѣть, и все это у него не такъ, какъ у дворовой домашней собачонки. Есть на что́ взглянуть и къ чему присмотрѣться слабымъ бабьимъ дѣломъ и обычаемъ.

Савва въ городахъ жилъ, въ казармахъ обтерся: видывалъ, ка́къ

писаря и господа офицеры, да и свой братъ на ту же охоту хаживали, краснаго звѣря притравливали. Они совѣтовали:

— Ты слава́ такія спознай, коихъ промежъ себя не выговариваешь—ничего, если какое и изломаное попадется (бываетъ, что это-то слово и нравится больше). Подсмотри подходъ и вывертъ, да посмѣлѣе, да понахальнѣй, приступомъ—по военному: это бабамъ всего слаще. А тамъ ужь онѣ сами въ тебѣ увидятъ то, чего нѣтъ у тебя и чего показать не можешь: онѣ сами найдутъ и облюбятъ. Ты, вѣдь, солдатъ—одно слово. Слово то сильное и великое. Солдатомъ ты только покажись деревенской темной бабѣ и погляди, что́ изъ этого выйдетъ. А что́ выходитъ—про то вся мать наша Россія знаетъ.

Показался, поглядѣлъ и увидѣлъ:

— Несчастненькой ты человѣкъ, и беретъ меня жалость за самое сердечушко: ни зашить тебѣ, ни обмыть тебя не́кому. Гдѣ что́ забылъ—тутъ и оставилъ. Занесло тебя вѣтромъ, да и колышетъ имъ, словно былиночку. А дорогого сто́ишь! Все-то видѣлъ, про многое слышалъ и про все такъ складно разсказываешь. Не то я—слабая дѣвка, не то ты—сильный человѣкъ, и смотри, сколько ты этого горя вытерпѣлъ, ка́къ живъ остался. И теперь тебѣ головушки приклонить негдѣ: сквозь лѣса прошелъ, и опять въ лѣсъ хочешь. Съѣдятъ тебя сѣрые волки. Очень мы благодарны тѣмъ, что изо всѣхъ дѣвокъ ты взоръ свой на насъ бросилъ и насъ удостоилъ. Какой дѣвкѣ о вѣрѣ толковать любо, когда ей козловъ хочется ставить—плясать, да веселыя пѣсни пѣть, а я, вотъ, не такая; я, сколько хочешь, могу сидѣть и слушать. И люблю это даже, и сама кое-что́ домекнула, и еще того пуще новаго хочется. Очень благодарны, что насъ-то вотъ ты, экой человѣкъ, и посѣтилъ и удостоилъ. Пущай-ко другія-то отъ зависти рвутся, кому тоже этого требовалось, пущай онѣ метутся!

И по-деревенскому, и по-руски она «пожалѣла», т. е. полюбила: сама пошла съ Саввой въ лѣсъ и мать свою увела.

Въ лѣсу Татьяна прижила сына Исаака (и когда потребовалось Саввѣ идти назадъ въ лѣса пошехонскіе—поплелась дѣвка за нимъ и сына потащила за пазухой).

За Татьяной повалились и другія бабы, какъ рыжики въ кузовъ, потому что прошли слухи, и сказывали, и доказывали саввины бабы,

что учитель ихъ чудеса творитъ: вотъ прознало про него начальство, вездѣ его ищутъ, но нигдѣ, ни сына, ни бабъ поймать не могутъ. Всѣ это знаютъ и видятъ.

— А отчего не изловятъ?

— У него така рубаха бумажна есть, что надѣнетъ онъ ее на себя и бываетъ невидимъ.

— Ка́къ этому не повѣрить?

Не вѣрила только Марфа Полетаева изъ деревни Морозовой и то, говорятъ, потому, что давно уже была обольщена Саввою и подаяніями подкуплена; держала про него притонъ и числилась въ скрытницкой вѣрѣ. Зато, когда эту Марфу исправникъ Ларіоновъ строго допытывалъ о Саввѣ и грозилъ, и мучалъ, баба упорно закрывала слѣды и не выдавала, такъ что удобно выбрался Савва въ пошехонскіе, а потомъ къ учителямъ своимъ въ вологодскіе лѣса.

Когда дошелъ туда до него слухъ о томъ, что покинутая на бабьей слабости и разумѣ вѣра стала колебаться и грозитъ полнымъ паденіемъ (а къ тому же и кстати изъ Вологды послали искать его и ловить) Савва вернулся назадъ въ Каргопольскій уѣздъ.

На этотъ разъ онъ показалъ и другой способъ спасенія и укрытія, спрятавшись не въ лѣсу по р. Пормѣ, со всѣхъ сторонъ окруженномъ болотами, и не въ подземной кельѣ, построенной благодѣтелями (въ 15 верстахъ отъ устьвельскаго погоста), а въ жиломъ мѣстѣ.

Крестьянинъ троицкаго прихода, деревни Дилева Алексѣй Ивановъ Друганинъ, 70-ти-лѣтній старикъ и рьяный проповѣдникъ филиповскаго ученія (состоявшій подъ надзоромъ полиціи), принялъ къ себѣ наставника и вступилъ съ нимъ въ споръ съ вострымъ зубомъ и сердитымъ, косымъ взглядомъ.

— Мы ли не перекрещиваемся, мы ли отъ мірскихъ не отчуровываемся, вкупѣ съ ними Богу не молимся, и кто изъ церковниковъ къ намъ приходитъ — совершенно крестимъ, чего ради и насъ-то вы еретиками прозываете и третье крещеніе ты мнѣ предлагаешь?

— И вотъ именно для этого, понеже находитесь христіанской вѣрѣ отступники.

*

— А почему ваша вѣра христіанская и почему мы — отступники?

На словахъ былъ наставникъ искусенъ; въ книгахъ дорылся до того, что и говорить иначе не могъ, какъ по книжному, по печатному: не то онъ по книгѣ читаетъ, не то свои слова́ говоритъ:

— А по сему и отступники, когда, тысяща седмь сотъ двадесятъ второго года, ваши обязаны были сказками; тако же 1744 и 1745 г.г. тоже обязаны были сказками, даже до ссущаго младенца, и они подписались только самимъ доживать, а впредь раскольнической прелести не распространять, и никого къ тому не учить, не точію постороннихъ, но и живущихъ въ одномъ дому́. Учителей потайныхъ раскольниковъ въ домъ не принать, но сыскивать и имать—тоже подписались. Подписались—книгъ и печатныхъ, и письменныхъ въ домахъ у себя не держать отнюдь. А гдѣ про то познавали, то объявляли бы духовному правленію. Постой-ка, я дочитаю!

Савва вынулъ изъ мѣшка, изъ вороха́ книгъ, цвѣтничекъ: безъ мѣшка учитель на проповѣдь не ходилъ и другимъ не совѣтовалъ, такъ что теперь и у какой-нибудь старухи-скрытницы въ крашенинномъ мѣшечкѣ на боку лежитъ какая-нибудь «богодухновенная» книга, вмѣстѣ съ ней непремѣнно свой складной мѣдный образокъ, складная чашечка и непремѣнно складная ложечка всегда со свисткомъ, которымъ всякій скрытникъ пользуется, въ видахъ остереженія товарищей. Начетчикъ же всегда таскается съ цѣлымъ ворохомъ книгъ, на поляхъ которыхъ приклеены маленькіе лоскуточки краснаго цвѣта, обозначающіе тѣ мѣста книги, какія наиболѣе падобятся и требуются. Всякой лоскуточекъ на опытномъ, присмотрѣвшемся глазѣ безошибочно вскрываетъ желаемую страницу, какъ и на этотъ разъ:

— Дѣтей крестить правовѣрнымъ іереомъ, и седмилѣтіе прешедшихъ представлять въ церковь къ исповѣди и святыхъ таинъ причащенію. Смотри: при царѣ Петрѣ ваши первыми подписались, въ вашихъ странахъ для свободнаго и миролюбиваго житія первыми наругались надъ христіанскою православною вѣрою и за раскольничью прелесть согласились ее признать. У земнаго-то царя воеводы и воины, когда чести и награды заслуживаютъ? Не во время ли

самыхъ приступовъ даже до смерти ополчаются? А тѣмъ-то что́ бываетъ, что́ для своего спасенія царевымъ врагамъ покоряются? А кольми паче у царя небеснаго, которые за его святую вѣру до крови постраждутъ, то и вѣнцы получатъ, а которые отступятъ, то всѣ отъ него будутъ изгнаны. Это, вѣдь, и по святому евангелію, такъ выходитъ. Могутъ ли такіе-то христіане явѣ другимъ благодать преподать? Вотъ чего ради крещеніе и покаяніе ваше не вмѣняется. Хочешь, отъ божественнаго писанія покажу?

Это-то и надо было.

— Да показывай ты, только по моей книгѣ; въ вашихъ-то чего-чего не нагорожено! Толкуй и спорь безъ обману.

Понадобился Номоканонъ, Кормчая, Евангеліе поучительное, Евангеліе благовѣстное, Кирилова книга, Соборникъ большой, книга Ефрема Сирина — не Богъ знаетъ что́: у всякаго начетчика найти можно, а у такого, какъ Алексѣй Ивановъ — и подавно.

По Номоканону вышло, что всякаго бѣлорусца, хоть и попъ крестилъ, да молится этотъ попъ за пану — перекрещивать надо съизнова: и еретическое отрицаніе ему говорить, и молитвы всѣ говорить, и младенческое отрицаніе, какъ еретику.

По Кормчей вышло, что если кто принудитъ своихъ рабовъ вмѣсто себя послужить идоламъ, то обязанъ совращенный рабъ одинъ годъ каяться, а совратившій его—три года.

По Толковому Евангелію выходило такъ, что слова́: «Неубойтеся отъ убивающихъ тѣло, душу же не могущихъ убити, се убо азъ посылаю васъ, яко овца посреди волковъ»—относятся къ дѣлателямъ беззаконія, между которыми первые суть тѣ, которые отметаютъ вѣру и отвергаются Христа во время гоненія, какъ сдѣлалось при Петрѣ и его преемникахъ.

Всего лучше открылось въ книгѣ Кирилла Іерусалимскаго:

«Будетъ бѣда великая вскорѣ, какой не было отъ сотворенія міра и потомъ не будетъ, и это время, когда послѣдній антихристъ начнетъ вездѣ утруждать и мучить православныхъ христіанъ. «Послѣдній князь міра сего» привлечетъ подъ власть свою людей всѣхъ странъ и начнетъ воевать спачала съ греками, а потомъ и съ другими, и начнетъ прельщать всѣхъ христіанъ и всѣхъ народовъ, чтобы ему,

какъ Богу, поклонились: «различными коварствы, любовію, дарованіемъ, обѣщаніемъ, прошеніемъ, грозою, казнію, войною, посольствомъ». Тѣмъ только и будетъ спасеніе, кто убѣжитъ въ горы. Кто чувствуетъ въ себѣ силы, тотъ пусть съ сатаною борется; пугливые же пусть убѣгаютъ, ибо будетъ тогда скорбь великая».

Прихватился еще лоскуточекъ съ боку Кириловой книги, открылся 84 листъ съ такимъ текстомъ: «О, пустыне, иже Духа Святаго вмѣщаеши, блаженна еси, ибо ученицы Христовы въ тебѣ свое естество познаваютъ и дьявольскія злохитрства презираютъ. По апостольскому словеси глаголемъ: изыдите, братіе, отъ міра, изыдите! И нечистотѣ его не прикасайтеся. Возлюбите безмолвіе, да познаете Бога и откровеннымъ умомъ славу его узрите, что всуе мятемся въ жизни сей», и. т. д.

Недурно открылось по слову Ипполита папы римскаго объ антихристѣ, который, когда придетъ и начнетъ знаменовать всѣхъ своею печатію, тогда одни подвигнутся на мучителя и погибнутъ, другіе покорятся ему. Многіе же прелесть его избѣгнутъ, и именно тѣ, которые скроются въ горахъ и вертепахъ, и слезами и сокрушеніемъ сердца молятся Человѣколюбивому Богу. Онъ спасетъ ихъ отъ соблазновъ и невидимо покроетъ рукою своею.

Филиповцу Ипполитово слово хоть и не читай дальше— самъ твердо знаетъ; да только мѣсто-то это прежде проходилось мимо.

— Да и Ефремъ Сиринъ тоже подтверждаетъ: «и спасутся крыющіеся въ пропастѣхъ и вертепѣхъ, ненавидяще антихристова знаменія и страха». Всѣмъ такимъ ясно и понятно будетъ пришествіе мучителя, а тѣмъ, которые останутся въ мірѣ, «любящимъ земная, неразумно се будетъ, привязаны бо суть въ вещѣхъ житейскихъ, аще и услышатъ слово, то не имутъ вѣры».

И въ «Катихизисъ Большой» Савва указывалъ, и въ книгу «Зерцало» заглянули, и въ Минеѣ Четьѣ обѣщалъ отыскать сильное мѣсто, вездѣ промелькнуло много и выразилось подобное (какъ въ Зерцалѣ): «слышите, что къ вамъ глаголетъ Господь вашъ: изыдите отъ сего темнаго вавилона, людіе мои, изыдите отъ прелестныя любодѣйцы и не причаститеся грѣхомъ ея».

«Да елицы мученія мукъ терпѣти не можаху бѣгствомъ спасеніе получаху, оставляюще домы и села (это—Минея)».

— Тутъ противъ тебя, учитель, у меня слово есть: сила въ немъ большая—сказывать ли? О терпѣніяхъ въ мученіяхъ.

— Затѣмъ, сошлись, старче!

— Ну, да ладно, въ другой разъ, а теперь ступай—знай впередъ со своимъ. Я эдакаго-то еще отродясь не слыхивалъ и на умъ не всходило. Очень прошу продолжать.

«Гонимые за вѣру и отъ градовъ бѣгующіе, и расхищеніе имѣнія пріемлютъ, да безъ отверженія въ себя имя Господне соблюдутъ, подавайте убо таковымъ, яже на потребу» (это—Кириллова книга).

— И можно ли спорить и прекословить, когда и такое великое слово сказано? «Едва гонятъ вы во градѣ семъ, бѣгайте въ другій; аминь глаголю вамъ: не имати скончати грады Израилевы, дондеже пріидетъ Сынъ человѣческій». Кириллъ Іерусалимскій такъ и толкуетъ: «того ради достоитъ ма́йтися убѣгати, не имутъ скончатися грады Израилевы».

— Вотъ, надо бы тутъ противу тебя изъ Евангелія же поставить и отъ писаній очень многое. Ну, да ладно: всякому свое любо и мило. Указывай въ твоихъ книгахъ мѣста тѣ, что́ тебѣ самому нужны.

Свѣрялъ и переглядывалъ Алексѣй Ивановъ тексты въ своихъ книгахъ: подвоху не нашолъ. Ходилъ и въ Минею-Четью и вчитывался въ тѣ мѣста, на которыя указывалъ Савва. Рѣшилъ онъ тѣмъ, что Савва крѣпко вѣруетъ, знаетъ, и отъ божественнаго писанія вѣрно являетъ, гдѣ христіане будутъ при послѣднемъ антихристѣ проживать.

— Вѣрно сказываетъ онъ: будутъ въ гоненіи и въ скорбяхъ. И въ Кириловой книгѣ явственно написано.

— При антихристѣ, христіанамъ (бесѣдуетъ Савва) два пути: сильнымъ бороться, а страшливымъ—бѣжать, а какой третій путь? (спрашиваетъ).

—А третьяго пути во всемъ божественномъ писаніи не предвидится,—отвѣчалъ начетчикъ.

— И нигдѣ не написано (толкуетъ Савва), чтобы при послѣднемъ антихристѣ могли христіане жить явѣ на лицѣ земли.

— Не написано; я нигдѣ не читалъ.

— То смотрите и вы о старообрядахъ, что ихнее житіе со всѣмъ божественнымъ писаніемъ несогласно. Какую они несутъ скорбь, даже и въ Москвѣ, и въ Питерѣ, и въ прочихъ городахъ?

— Никакой не несутъ: въ городахъ купечество есть, а въ Поморской странѣ самые богатые и именитые люди. Какъ московскіе и питерскіе купцы, такъ и они вездѣ торговлю имѣютъ.

— Даже и въ прочихъ земляхъ (прибавлялъ Савва): живутъ во своихъ домахъ съ женами и съ дѣтьми, и никто ихъ не шевелитъ. И это ихно житіе всему писанію противно.

— Ну, да, вѣдь, они и по сіе время вѣру хранятъ!—замѣтилъ было Алѣксѣй Иванычъ.

— Такъ, неужели въ божественномъ-то писаніи ложь написана? Писано бо есть: небо и земля прейдутъ, а словеса моя—не прейдутъ. Чего ради обрѣли они себѣ свободное житіе? Явно, что отступленіемъ отъ вѣры. Дома, за своими печками, имъ хорошо называться христіанами, и тутъ имъ тепло говорить, что антихристъ царствуетъ, и архіереевъ и поповъ звать еретиками. А сказываютъ ли это лично предъ властью, какъ предъ градской, такъ и предъ духовной? И не смѣютъ ихнаго невѣрія обличить, и по святому Евангелію не смѣютъ вѣру исповѣдати устнами, и раскольническое имя на себѣ носить, и дѣтей своихъ отдаютъ крестить еретикамъ. Какъ святые-то мученики, по Минеѣ, отвѣчали предъ властями?

— Максимъ-исповѣдникъ хорошо властямъ сказалъ: «молчаніе—вѣры отметаніе».

— А первомученикъ-то Ѳедоръ? Вѣдь разсмѣялся епарху-то, когда этотъ совѣтовалъ ему причаститься. Ты-де, причастись только съ нами, только причастись, а я, молъ, тебя отпущу потомъ, куда хочешь. Что Ѳедоръ-отъ отвѣчалъ епарху? А вотъ что: «подобнѣ глаголеши, господи не епарше, когда бы кто кого просилъ, говоря: ничто же отъ тебѣ прошу, но только едину главу твою, и потомъ идеши, амо же хощеши». Гляди-ко, какъ они властямъ-то отвѣтили!

Вотъ отчего мы со старообрядцами не сообщаемся въ богослуженіи, и въ яденіи.

— И вся сосвѣтная слава, и честь, и богатство здѣсь съ нами, а утрѣ разрушается и оставается. И не утрѣ, но даже и въ единую минуту все разсыпается, а небесная-то въ безконечные вѣки пребываетъ.

— Аминь!

— Ну да́, ка́къ не аминь! подумалось наставнику. Знаю тебя, старче, и подсмотрѣлъ за тобой, и прислушался. Ты, вотъ, со всѣми своими-то все переболталъ, слушать стало не́чего. Да и самъ добрался до всей подноготной: надоѣла она тебѣ и толковать объ ней стало противно. Да и другіе, которые поумнѣе, стали головами, глядя на тебя, покачивать и выговорили страшное слово: «сталъ старикъ изъ ума выживать». А ты услыхалъ—разсердился: вотъ у тебя и кипитъ ключомъ сердце, уйму нѣтъ, и срывать его хочется. Конечно, одно теперь утѣшеніе—побраниться, уличить, оспорить. Ты, вотъ, день-то ходишь да ворчишь, все ищешь съ кѣмъ бы въ споръ вступить. Тебѣ и киселя не надо, по цѣлымъ днямъ, а положи на зубъ (а зубы-то, на бѣду твою, всѣ цѣлы), положи теперь какой-нибудь стишокъ отъ писанія, чтобы рожномъ приходился онъ прямо противъ филиповцевъ; возрадуешься въ тотъ день и возликуешь собачьимъ обычаемъ.

— Пересобачился ты съ ними такъ, что живаго мѣста не осталось: все обличилъ. А такъ какъ тѣ же самыя правила надо было прилаживать къ житію своему, и намерзѣли онѣ тебѣ, старче, такъ, что хоть со свѣту бѣги. Да и пора: года́ теперь подъ седьмой десятокъ идутъ; всѣ такіе совопросники въ твои года въ древнія времена схиму принимали. Ты этого и самъ захотѣлъ по старости и усталости, да признаться въ томъ стыдно. Все хочется другихъ вести и самому впередъ идти, а старость не въ радость. А у тебя все готово: и разговоръ-отъ о вѣрѣ затѣялъ въ томъ смыслѣ, который тебя давилъ и мучалъ. Онъ одинъ только и засѣлъ. Еретическая раскольничья скверна лежала вся на ладони, да вотъ стало обидно: ка́къ-де столько лѣтъ вѣрилъ, наставникомъ былъ, почитали, а вишь,

еретикомъ оказался! нечистъ-де: находятся люди, что и съ тобой общенія имѣть не хотятъ. Можетъ ли это быть, почему?

— Вотъ и пришелъ ты только за этимъ и допросы затѣялъ затѣмъ лишь, чтобы не сказали, что не самъ-де своей охотой изъ міру вышелъ, а соблазнили-де лихіе враги и супостаты. Возьмемъ грѣхъ на себя: такого звѣря затравить тѣмъ полезно и любопытно, что, все-таки, наставникъ, да вдобавокъ, бываль когда-то горячимъ проповѣдникомъ. За переднимъ легче другимъ идти, потому что видно, какъ онъ пятой-то по новой тропѣ твердое мѣсто намѣтилъ, такъ что и ногу можно поставить.

Затѣмъ, собственно съ почтеннаго старика и начинать приводилось, что, за саввинымъ отсутствіемъ, велъ онъ постоянные и ожесточенные споры съ его оставленными учениками, да и увлекся ими. Савва думалъ, что навредилъ и въ-попыхахъ прибѣжалъ на выручку къ своимъ, а между тѣмъ, препиратель самъ налетѣлъ и только вотъ поджидалъ теперь ласковаго слова, вниманія и почтенія.

Преподнесли то и другое, и третье—онъ и сдался: — вотъ и спасибо, вотъ теперь, пожалуй, и я съ вами, и ты оставайся при мнѣ!

Другининъ тотчасъ же подобралъ два-три топора, велѣлъ ставить новыя дворовыя службы, чтобы этимъ отвести опасные глаза, а тѣмъ же временемъ, по ночамъ, тайничекъ тутъ рыли, какъ пожелалъ и указалъ почтенный учитель и дорогой гость, который здѣсь и поселился.

Сталъ Другининъ христолюбцемъ, очутился на прямой тропѣ въ лѣсъ, по которой онъ вскорѣ не замедлилъ уйти изъ міра: унесъ онъ съ собой всѣ наличныя скопленыя деньги, въ количествѣ 400 руб. сер. Не имѣя возможности распродать сполна всю движимость и недвижимость, какъ того требуетъ переходъ въ странники, онъ оставилъ въ дому своего пріемыша.

Съ водвореніемъ Саввы и съ переходомъ въ секту такого козыря, какъ Алексѣй Ивановичъ, проявились скрытники и въ троицкомъ приходѣ, выработались и объявились новые ловцы въ человѣцѣхъ, сильные начотчики и большіе мастера, въ родѣ Никанора Дмитріева Попова съ товарищами: Иваномъ Митричемъ и Владиміромъ.

Савва умѣлъ вести дѣло:

— Права вѣра въ скрытникахъ! энергически и съ твердой увѣренностью отвѣчала дѣвушка отцу, взятая имъ изъ лѣсу, затосковавшая въ избѣ и опять пожелавшая вырваться изъ дому и деревни (хоть отецъ ее и припугивалъ, но дѣвушку эту все-таки увезли; однако опять возвратили отцу).

Крестьянинъ, Антонъ Детятевъ, у котораго мать (бывшая въ православіи Елена, превратившаяся у скрытниковъ въ Меланію), и сестра Настасья (переименованная въ Марью) до сихъ поръ живутъ въ скрытницахъ, а двоюродный братъ, Осипъ Васильевъ, отпустивъ отца своего Флора, въ лѣсъ, на сараѣ устроилъ для скрытниковъ келейку, съ маленькими окошками. Этотъ-то Антонъ Детятевъ пишетъ о Саввѣ *):

«Гдѣ Савва ни являлся, съ кѣмъ бы знакомства онъ ни имѣлъ и у кого бы ни жилъ, самъ или его ученицы, всѣ тѣ стали богаты, ибо Савва мастеръ бяше работать фальшивыя деньги. Кто въ лѣсахъ жить не хотѣлъ, того онъ отпускалъ въ міръ, гдѣ бы скрывали себя въ подпольяхъ по домамъ содержателей, коихъ онъ ужь награждалъ заблаговременно. Симъ-то самымъ пріобрѣлъ себѣ послѣдователей своей ереси, какъ древній Магометъ. Что посѣяно, а не было потоптано, то стало прорастать, и корень саввинъ въ выспрь прозябать. Удаленная отъ міра, саввина посадка стала размножаться».

При немъ состоялъ помощникомъ наставникъ Миронъ Васильевъ который, слѣдуя по стопамъ учителя и руководясь основнымъ его правиломъ (не поддѣлкою денегъ, что едва ли вѣроятно), склонилъ волосовскихъ, изъ деревни Занаволочья, крестьянъ «богачей братьевъ Кузнецовыхъ» и увелъ ихъ въ лѣсъ въ архангельской дачѣ, близъ

---

*) Въ лѣсу, дядя Детятева, Флоръ, переименованъ былъ Онисифоромъ; на міру осталась жена его, Агаѳья, также придерживаясь скрытницкой вѣры. Другой дядя—Трофимъ (или Іона), за то же самое былъ сосланъ въ Сибирь, а дочь его, Настасья, осталась дома, приверженицей новой вѣры. Вращаясь въ такой средѣ, Антонъ Детятевъ могъ сдѣлаться если не судьей, то добрымъ пособникомъ для изученія секты, о которой онъ написалъ тетрадку, доставшуюся въ черновомъ подлинникѣ намъ въ руки.

рѣчки Лейбушки. Пожитки и деньги были взяты съ собою, и кассиромъ къ нимъ приставленъ племянникъ Кузнецовыхъ, Петръ Васильевъ Купарихинъ.

Противъ осташевскихъ сѣнъ, къ востоку, на два съ половиною поприща, построена была лѣсная пустынь. Купарихинъ былъ не промахъ: книги и деньги схитилъ и убѣжалъ во-свояси. За нимъ гнались, но догнали у самой избы, а потому и не могли «свершить намѣренія удушить его». «Пустынножительна изба», гдѣ спасались и скрылись Кузнецовы, нынѣ употреблена на сѣнокосный станокъ (пріютъ для косцовъ) и находится на ножнѣ по той же рѣчкѣ Лейбушкѣ, на дачѣ, зовомой «Куварковы сѣна». Избушка и теперь на келью похожа съ прагомъ, куда трапезная доска вкладывалась.

«А ежели вправо на полверсты отъ сего станка путешествовать по тропѣ, вверхъ по теченію Лейбушки, пройдя не болѣе, какъ съ двѣ или три версты, виднѣется площадочно пространство, гдѣ стояла сія пустынь и, вѣроятно, тутъ погребались умершіе скрытники, на могилахъ коихъ, не по православному—крестовъ нѣтъ, а елушки, у коихъ, когда хоронятъ мертвеца, подкапыя коренье, сворачиваютъ всю цѣльну. Выкопавши яму, кладутъ туда тѣло умершаго безъ гроба, кажденія и безъ всякаго поминовенія, поставя елушку на мѣсто, яко будто вѣкъ ничего тутъ не бывало».

Въ этой пустынѣ жило около 30 человѣкъ скрытниковъ. Обратныхъ выходцевъ было мало: «гибли несчастные, яко прахъ предъ лицемъ вѣтра. Будто бы при этомъ помощникѣ Саввы, Миронѣ, отъ его огненнаго крещенія, зной на садъ его разлился и погибло 15 душъ мужскихъ и женскихъ, что въ зимницахъ въ станкѣ по рѣчкѣ Чучексѣ сгорѣли. О семъ было наѣздомъ временное отдѣленіе, но открытія губителя было невозможно, ибо всѣ были держатели руки скрытничества. Даже самые оставшіеся семейники погибшихъ по днесь придерживаются содержанію скрытниковъ».

Привелъ этого Мирона Савва изъ Ярославской губерніи, а приставалъ онъ самъ, Миронъ, и жилъ въ дер. Варшавской, между р. Кеной и Троицкимъ приходомъ, у одного раскольника-старообрядца.

Проявилъ онъ себя здѣсь больше стараніемъ уловлять бабъ, до

которыхъ былъ большой охотникъ, и не совсѣмъ удачно дѣйствовалъ на дѣвицъ. Зато изъ старухъ выбирай любую, если только предвидится въ ней прокъ. Разсчеты тутъ основаны на той впечатлительности и воспріимчивости, какими вообще отличается женская природа, легко и скоро поддающаяся постороннему вліянію. Успѣхъ его тѣмъ вѣрнѣе, конечно, чѣмъ наибольшею таинственностью и очевиднымъ запрещеніемъ обставлены и личность проповѣдника, и житейская обстановка вѣроученія. При замкнутой жизни, когда и свѣту видно столько, сколько есть его въ деревенскомъ окнѣ, темной бабѣ легко поддаваться на вѣру и принимать всякій обманъ за сущую правду, а размышлять онѣ не привыкли. Такова на бо́льшую часть деревенская молодежъ женской половины населенія.

Деревенскія старухи всѣ на одинъ покрой: труды и невзгоды житейскія за цѣлую жизнь такъ переполняютъ грудь охами и вздохами, что на склонѣ дней почти только ими и говорить приходится, и желается одного лишь утѣшенія и успокоенія наболѣвшему и настрадавшемуся сердцу. Конечно, всѣ эти испытанія за великіе грѣхи послалъ Господь: чѣмъ же его, батюшку, умилостивить? Да только на одну молитву и указываютъ всѣ: «молись, больше молись!» А такъ какъ не всякая молитва до него доходитъ, то и надо передъ тѣмъ очищаться, передъ молитвой и въ молитвѣ такіе обряды соблюдать, которые Богу угодны и молитву усиливаютъ.

Совѣтуютъ понедѣльничать: сверхъ середы и пятницы, еще одинъ день въ недѣлю поститься; совѣтуютъ крестъ на разные лады складывать и поклоны считать по ремешкамъ и узелкамъ. Очень, говорятъ, угодно пріемлется молитва, когда отъ любимой пищи отказываются; перестаютъ ѣсть мясо; отстаютъ отъ жидкой или отъ горячей пищи, да и мало ли выдумали путей ко спасенію въ старости и безсиліи.

Изъ этихъ правилъ для деревенскихъ и городскихъ старыхъ женщинъ подбирается, сверхъ общихъ церковныхъ православныхъ, большая куча такихъ, что можетъ составиться новая вѣра, цѣлая секта. Про старообрядокъ и говорить уже не́чего: старухами этими всѣ многоразличные толки вчинались; отъ нихъ распадались на вѣтви, когда ими же вносилась смута въ виду разныхъ сомнѣній.

Ими же, когда уже кончились ссоры и драки, и налаживался готовый толкъ, твердо держались старые оплоты и основы: старушечьи плечи показывали тутъ иногда чудеса силы и терпѣливости.

Такія старухи въ скрытницкой вѣрѣ хороши и удобоуловимы изъ тѣхъ, которыя успѣли уже наложить на себя много запрещеній и подсматривать: нѣтъ ли еще гдѣ чего нибудь новаго и неслыханнаго, а угоднаго и спасительнаго.

Наставникъ Миронъ, впрочемъ, такимъ бабамъ не придавалъ большой цѣны: бесѣду затѣвалъ и душу свою обнажалъ только передъ тѣми изъ женскаго пола, которыя не были и не казались перестарками, а по возможности были въ соку и порѣ. И еще лучше того, если у такой гладкой и сытой бабы была дочка-дѣвица: тутъ можно ужь изо-всѣхъ силъ потрудиться и постараться, не одними днями, но и цѣлыми недѣлями.

Вотъ отчего и уходятъ въ скрытницы всегда по двое: баба и дѣвка, мать и дочь, тетка и племянница—только бы жили онѣ подъ одной кровлей и потянуло бы изъ-подъ нея старшую бабу, на волю а не лѣсъ, и на пролетный вѣтеръ.

Не такъ легко сдвинуть съ мѣста мужиковъ, особенно тѣхъ, которые успѣли прикрѣпиться къ пахатной землѣ и цѣпляются за всякой подходящій и подручной промыселъ, а тянетъ ихъ въ лѣсъ не на житье, а на дѣло. Тутъ надо большое искуство и особенная приглядка и къ тѣмъ, которымъ на лѣсу посчастливитъ и умѣютъ они изъ-подъ топора изъ бревна выщерблять не щепу, а ходячія размѣнныя деньги, и къ тѣмъ, для которыхъ и лѣсъ, и рѣка, и поле—злыя мачихи. Изъ первыхъ идутъ въ благодѣтели, изъ нихъ иногда выбираются покровители-христолюбцы. Изъ вторыхъ можно только выхватить въ скрытники, соблазнить на готовые харчи, и въ особенности тѣхъ, которымъ совсѣмъ не повезла удача въ жизни.

На счастье тутъ уловляются оба сорта: и такіе, что́ неохотливы къ работѣ и полагаютъ праздникомъ тотъ день, когда отъ нея можно отлынуть, и работа въ рукахъ не спорится, и изживаютъ они дни, потягиваются и позѣвываютъ, сидя спятъ и лежа работаютъ. Годятся въ лѣсъ и изъ втораго сорта, гдѣ безталанная неудача не устаетъ

ходить по пятамъ и часто начинаетъ всходить на умъ всякое недоброе, при помощи отчаяннаго и безшабашнаго пьянства.

Лѣнивъ и ненаходчивъ былъ на такихъ наставникъ Миронъ—бабій воинъ и дѣвичій ратникъ,—храбръ и силенъ Никаноръ Поповъ, ставшій вторымъ по немъ наставникомъ по времени, первымъ по дѣлу. Ныряя по домамъ и скрываясь по подпольямъ, онъ любилъ высматривать и прицѣливаться именно въ такихъ, которыхъ работа отвадила отъ себя, а счастье не попало въ руки.

Еще не обсохшій отъ промочки на гонкахъ въ рѣчномъ сплавѣ и еще вдосталь не наругавшійся надъ плутомъ-десятникомъ, горемыка, обсчитанный въ платѣ и крупно обиженный, съ расходившимся и неперекипѣвшимъ сердцемъ, попробовалъ сходить въ извозъ съ рыбной кладью: обледѣнѣлъ, перезябъ, наломалъ плечи и ноги. Сталъ считать барыши: та же дира въ горсти; ни обсушиться, ни обогрѣться.

Ломаетъ онъ свои руки въ отчаяніи и мѣста себѣ нигдѣ не найдетъ.

Подумываться стало на бичевку и петлю, на подволоку и задворья, а того лучше—коровій хлѣвъ, гдѣ мать голымъ на свѣтъ выпустила, гдѣ полуобнажонным и оборваннымъ можно съ нимъ распроститься такъ, что и баба не увидитъ.

Смотрятъ на него два зоркіе, умные и смѣлые глаза изъ-подъ избицы: не смигиваютъ они и не прошибаются мимо и на сторону. Пока срывается съ сердца брань и еще круто заламываются руки бѣдняка, Никаноръ все глядитъ и не шевелится, чутко прислушивается и не сводитъ со лба глубокихъ думчивыхъ морщинъ. Начнетъ горемыка-паренъ стихать, перестанетъ ругаться и на глубокіе вздохи пойдетъ: Никоноръ до полтуловища изъ подполья приподнялся и высталъ, а ястребиныхъ глазъ не спускаетъ; и начнетъ расправлять свои щепкіе когти. А когда впалъ бѣдовикъ въ раздумье, опустилъ головушку и время отъ времени началъ безъ нужды схватываться съ мѣста да вздрагивать, да короткими порывами взламывать руки и хрустѣть суставами,—Никаноръ изъ-подъ подполья весь вылѣзъ.

Куда дѣвался хищный ястребиный глазъ: подернуло эти глаза

масломъ; на лицо выступило ласковое, благодушное взглядье, и когтей не видать: спряталъ. Изъ устъ текутъ медовыя рѣчи, и слова́ такія онъ говоритъ, что прямо попадаютъ въ твои мысли, и хорошо учатъ, и словно какъ будто обогрѣваютъ. Тепло отъ нихъ становится сначала и весело пото́мъ. А ка́къ принесъ книгу, да сталъ читать, а чего не смекнешь—протолковывать въ полное твое разумѣніе: слушалъ бы его—не наслушался. Обогрѣть обѣщаетъ, пособить посулилъ и изъ бѣдъ и напастей вывести совсѣмъ:

— Только ты, говоритъ, меня послушайся.

— Да сдѣлай милость, умный и добрый человѣкъ, выучи: изведи изъ темницы душу мою, куда хочешь, хоть и впрямъ прямо на лѣсъ.

— Не будетъ (говоритъ) антихриста чувственнаго, а ужь есть-де въ міру духовный...

— То вѣрно: я какъ будто и видалъ его—не его самого, можетъ быть, а похожихъ видалъ и сейчасъ царапины на тѣлѣ отъ когтей слугъ его чувствую.

— Царствуетъ антихристъ со временъ Никона патріарха, смѣнившаго вѣру и убавившаго восемь лѣтъ пасхальнаго счисленія. Малороссы уже отпали въ католичество, а россіанцы въ Никоніанство, съ 1666 года...

— Пущай такъ. Это тебѣ лучше знать. Мы тебѣ вѣримъ.

— Въ три перста молиться нельзя: это—щепоть...

— Похоже и есть: видывалъ на попа́хъ нашихъ, чѣмъ молятся, тѣмъ и нюхаютъ. Я давно двумя перстами молюсь.

— Треперстное—печать антихристова.

— Это знаемъ, слыхивали.

— Надо изъ міру уйти, отчураться отъ него... Кто въ ревизію записанъ, тому нѣтъ крещенія и покаянія.

— Не́чего и думать про то: ка́къ не уйти, коли самъ міръ прочь отъ себя гонитъ, да такой, притомъ, плетью, что по всему она хлещетъ и вездѣ достаетъ.

— Надо, чтобы изъ сказокъ мірскихъ выписали: кто тамъ записанъ, имена тѣхъ значатся въ адскихъ книгахъ, въ Титинѣ, у самого сатаны на колѣняхъ. Изъ міру надо вонъ.

— Да что́ лучше этого. На міру власти только и знаютъ, что деньги требуютъ и все такихъ, которыхъ у тебя нѣту.

— Пачпортовъ (совѣтуетъ) и въ руки не брать: на нихъ подлинная печать антихристова.

— Ну, да́ какъ не антихристова?! Она самая. Передержалъ я ихъ въ рукахъ много. Затѣмъ тебѣ его и даютъ, чтобъ хозяинъ отобралъ. А отберетъ онъ его и спрячетъ: обидѣть и обсчитать тебя ему теперь свободно. Попробуй-ка уйти безъ пачпорту: меня за это въ волости вотъ такъ выстегали! Куда ни покажешься съ нимъ — вездѣ отъ него обида: ну, его!..

— А ты, постой: не торопись-словомъ-то! Бываетъ, что антихристова печать и на доброе дѣло бываетъ пригодна: ты, когда къ намъ соберешься изъ міра выходить, возьми ее въ послѣдній разъ, осквернись — куда ни шло! Крещеніемъ новымъ мы тебя оправимъ и молитвы на такой случай сказываемъ. Бабамъ совѣтуемъ выправлять эти бѣсовскія бумаги на Соловецкой для богомолья. Мужики берутъ на дальній отхожій промыселъ, а въ срокъ не явятся, записываютъ ихъ «въ безъизвѣстной отлучкѣ».

— А ты ка́къ оправишь меня?

— Слѣдуетъ, говорю, вновь окреститься: поповское крещеніе — оскверненіе; безъ вторичнаго нѣтъ спасенія.

— Не постою и затѣмъ. Да, можетъ, я еще и не крещонъ вовсе: гляди, либо мать заупрямилась со своей вѣрой противъ батькиной, либо бабка забыла. Знаю я самъ въ нашихъ мѣстахъ не про одинъ такой случай. Креститься согласенъ. Только сдѣлай милость, чтобы въ прорубь не лѣзть: я—зяблой.

— Имя надо перемѣнить.

— Да ка́къ ни зови, только хлѣбомъ корми.

— Все, чѣмъ на міру владѣлъ, продать надо: деньги пойдутъ на все наше общество. Забирай пожитки, хлѣбъ выноси. Постарайся сдѣлать все это почью, а я тебѣ и убѣжище отведу: сначала въ пустынѣ, а современемъ и на дому у христолюбца.

— Вотъ тутъ баба: ее спрашивать надо. Ну, да, вѣдь, и то говорить: не сладко и ей. Подошли дѣла́ и у бабы со мной вмѣстѣ такъ, что и упираться долго не станетъ. Моя пойдетъ. Ладно, значитъ:

домъ продамъ и съ бабой приду. Домъ-отъ, какой ужь домъ! Кто за него и деньги-то дастъ; а вотъ баба — ничего, еще здоровая. Баба моя круто возитъ: побожусь. Ка́къ божиться-то теперь слѣдуетъ, по какому велишь?

— На божбу идутъ у насъ только два слова, на которыя самъ Спаситель указалъ. Стрѣлья да болячекъ въ бокъ мы никому не сулимъ: считаемъ это за великое прегрѣшеніе. А вотъ какъ подобаетъ молиться по нашему, этому—надо тебя научить.

Скрытницкій поклонъ оказался во всю спину, не сгибая ея, съ немедленнымъ паденіемъ прямо на колѣна. Руки, при этомъ, складываются вмѣстѣ на животѣ. Такимъ глубокимъ троекратнымъ поклономъ чествуются всѣ, находящіеся въ избѣ поочередно. При входѣ во всякой домъ, такіе поклоны совершаются, прежде всего, съ произнесеніемъ словъ: «Господи Іисусе Христе Сыне Божій, помилуй насъ». Въ большой уголъ, гдѣ стоятъ хозяйскія иконы, скрытники не молятся, полагая мерзость запустѣнія на мѣстѣ святѣ. Равно не покупаютъ, не держатъ и не кланяются тѣмъ образа́мъ, которые сдѣланы нескрытницкими руками, ни тѣмъ крестамъ, которые стоятъ при путяхъ, чтобы не быть въ общеніи съ православными. Они въ этомъ случаѣ ссылаются на примѣръ св. Андрея Христа-ради юродиваго и указываютъ въ своихъ цвѣтничкахъ то мѣсто изъ Апокалипсиса, гдѣ говорится, что въ царствованіе антихриста поставятся на мѣстѣ святѣ кумиры антихристовы. Поэтому, воздавъ чествованіе живому лику Божію въ человѣкѣ или, какъ они говорятъ, «пройдя по собору», вынимаютъ изъ-за пазухи свой мѣдный образо́къ, изготовленный въ Сопѣлкахъ. Поставивъ его гдѣ-нибудь на полочку, начинаютъ молиться спѣшно, скоро и всѣ вдругъ поклонами короткими, шейными, а не поясными, съ какими-то урывками и покачиваньями [1]). Садясь за столъ обѣдать, эти же иконки кладутъ на заблюдникъ черезъ столъ противъ себя, чтобы и въ этомъ отличаться отъ православныхъ.

— Молитва у насъ усердная и частая: молитовки мы творимъ и

---

[1]) У скрытниковъ, какъ извѣстно, имѣются свои иконные чеканщики и иконописцы.

кланяемся своему Богу четырежды въ сутки; иные проходятъ по 60 лѣстовокъ въ день (т. е. шесть тысячъ поклоновъ). Постимся часто; проклятаго табаку не употребляемъ; вина не пьемъ; чаемъ и кофеемъ пренебрегаемъ.

— Вотъ тебѣ теперь этотъ постъ въ испытаніе на шесть недѣль. Выдержишь его — больше ни о чемъ не думай: христолюбцы и благодѣтели все дадутъ. Работой никакой не обязываемъ, хоть вѣкъ скрывайся, сложа руки; все тебѣ принесутъ и приготовятъ: голова моя въ томъ тебѣ порукой!

Къ новоставленику назначенъ былъ невѣдомый и незримый для него опытный наблюдатель, который и остался при новикѣ и послѣ крещенія, въ качествѣ руководителя, такъ какъ искусъ крещеніемъ не кончается, а продолжается отъ 6-ти мѣсяцовъ до полутора года.

IX.

Новоприбылыхъ, послѣ шестинедѣльнаго поста, перекрестили Алексѣю Иванычу, какъ начотчику, показали въ цвѣтникахъ тѣ мѣста, гдѣ святыми отцами указано разрѣшеніе перекрещивать раскольниковъ и простолюдинамъ. Горемыкѣ-парню и бабамъ велѣли снять съ себя домашніе кресты на все шестинедѣльное время испытанія и бросить потомъ, по крещеніи. Въ замѣнъ ихъ выдали имъ свои большіе четырехконечные изъ вересоваго (можжевеловаго) дерева, и велѣли зашить, а не вѣшать.

Савва крестовъ этихъ на досугѣ много нарѣзывалъ.

— Крестъ этотъ (иногда въ жестяной или оловянной оправѣ) — духовный паспортъ, подписанный царемъ царей, прописанный въ полиціи полной, во градѣ вышнемъ Іерусалимѣ, скрѣпленный множествомъ рукъ св. отецъ.

Купали въ рѣкѣ, но уставныхъ и водосвятныхъ молитвъ не читали, а пѣли, заводя въ носъ по-старовѣрски, тропари и кондаки

тѣмъ святымъ, которые находятся въ наибо́льшемъ у нихъ уваженіи. Эктеній не сказывали, постриженія и муропомазанія не чинили.

Алексѣй Иванычъ въ несвящоной водѣ усумнился и, одѣвшись въ синій кафтанъ съ мѣдными въ два ряда пуговицами, шитый христолюбцами, посовѣтовалъ:

— Въ священой бы лучше, а то словно въ колодецъ спускали: могъ бы и самъ я такъ-то сдѣлать — чего это стоитъ? Не искупаться бы въ облаченіе духа нечистаго и темнаго!

— Порядокъ не указанъ. Не святимъ воды, чтобы тропаря «Спаси Господи» не пѣть, а пѣніемъ-то, все-таки, гнѣздящихся въ ней изженяемъ. За нонѣшняго Батюшку-Царя Бога молимъ.

Совопросникъ понялъ и удовлетворился.

Имена всѣмъ, однако, перемѣнили, но выбрали не съ подходящихъ буквъ прежнихъ именъ, а по святымъ, указаннымъ въ святцахъ на тотъ день, когда прилучилось крещеніе. Новокрещонымъ оправдали этотъ обычай желаніемъ духовно не соединяться и во всемъ расходиться съ обычаями, существующими и дѣйствующими въ мірѣ, и въ особенности у церковниковъ.

Впрочемъ, новое имя — не особой цѣны и значенія. На вопросы: Кто ты такой? одинъ отвѣтъ: Христовъ рабъ, Христовъ сынъ. Откуда? — отъ Христа. Куда? — ко Христу.

Для женщинъ вышло указаніе на одежду чернаго цвѣта, какъ вполнѣ подходящую, и въ особенности на черные платки для головъ и на обыкновенные темныхъ цвѣтовъ старовѣрскіе сарафаны съ пуговками. Для мужчинъ выстриженое на темени гуменцо стало также обязательнымъ въ прямомъ разсчетѣ, чтобы благодать вѣрнѣе проходила сквозь голую голову во всего человѣка.

Попробовалъ-было Алексѣй Иванычъ попечалиться на то, что при молитвахъ, вмѣсто деревяннаго масла, пускаютъ въ оборотъ топленое коровье (чадитъ и смраду много пускаетъ, что́ въ тѣсной избѣ довольно противно) — отвѣчали:

— Изъ чужихъ некрещоныхъ земель то масло идетъ, да и къ тому же, чтобы и въ этомъ мірскимъ не уподобиться. Затѣмъ, что за восковыми свѣчами великое опасеніе имѣемъ, дабы не попались таковыя отъ церквей, почему и сучимъ сами.

Затосковалъ-было Алексѣй Иванычъ и о томъ, что запаху ладона не слышитъ, и не видитъ курильницъ съ ручкой, и иконъ ими не окуриваютъ, да и про ладонъ услышалъ тотъ же отвѣтъ съ ссылкой на чужія некрещоныя земли.

На очистку совѣсти поспорилъ онъ немножко по привычкѣ, чтобы себя показать, но не настаивалъ.

— Въ день рожденія Превѣчнаго Младенца персидскіе князи приносили и злато, и ливанъ, и смирну изъ своей земли, значитъ, изъ невѣрной. Однако, даръ ихъ Богородицей Матерью Божьею принятъ, а не отвергнутъ. Не попирается ли вами исконъ-вѣчное жертвоприношеніе?

И затѣмъ успокоился. Успокоился онъ больше потому, что уже до него не зря, но толково придумано и твердо исполняется.

Потекла его жизнь вмѣстѣ съ другими въ темной и смрадной избушкѣ, срубленной въ глухомъ лѣсу, на сухомъ островочкѣ, обложенномъ кругомъ топкими болотами, подъ соснами и елками, въ собесѣдованіяхъ и молитвахъ, съ опасливыми выходами на лѣтнее время, въ сосредоточенномъ уединеніи на осенную распутицу и бездорожицу.

Сквозъ глухую трещу, заваленную колодами, оплетенную и обвѣшанную мохомъ, безъ проводника не пройти. По болотнымъ трясинамъ, оберегаясь отъ тѣхъ, гдѣ жижа заросла тонкимъ слоемъ, и попадая, мимо оконъ, на мшину и кочкарники, можетъ пролѣзать только твердая нога, руководимая приглядѣвшимся глазомъ.

Иной разъ и вышелъ бы на полянку на чужой дымокъ поглядѣть и къ деревенскому припюхаться, а не осмѣливаешься именно потому, чтобы не засосало въ ржавыхъ зыбунахъ между окнами и не обошолъ бы востроголовый лѣшій въ тѣхъ колкахъ, гдѣ только въ небо дыра, и что́ ни дерево—то всѣ какъ одинъ, и никакъ не распознаешь, гдѣ мѣту клалъ, гдѣ ее глазомъ вымѣрялъ и на память записалъ. Такія тропы, что́ по водѣ нитку, тянутъ самые толковые. И мудрятъ на нихъ, и знаки кладутъ, кругомъ озираясь и на небо взглядывая, только немногіе опытные и всѣ вмѣстѣ: одинъ-два изъ обительскихъ, одинъ-два изъ живущихъ на міру христолюбцевъ. Сами наставники знаютъ это не хуже другихъ (для нихъ это важно);

остальные всѣ хоть и не вглядывайся вовсе, а живи себѣ, какъ и впрямъ сказано: у Христа за пазушкой.

Христолюбцы за тѣмъ и на міру остались, чтобы помнить о пустынникахъ и не забывать дорогъ къ нимъ: они ни сѣютъ, ни жнутъ, ни въ житницы собираютъ, но зато на счетъ ѣды доходятъ до самыхъ большихъ слабостей. Мяснаго ни за что́ ѣсть не станутъ; вина ни подъ какимъ соблазномъ не выпьютъ, но зато ужь если одну рыбу приводится ѣсть, то давай не треску съ палтасомъ, отъ которыхъ въ тѣхъ мѣстахъ набивается оскомина, а давай-не давай семгу печорскую, либо жирную и вкусную рыбку пеледь, а того лучше, осетринки, севрюженки, икорки черненькой, густой и жидкой, съ Волги отъ ярославскихъ и московскихъ благодѣтелей.

За этими подаяніями ѣздятъ христолюбцы изъ-подъ Каргополя, доставляютъ таковые и сами благодѣтели изъ-подъ Ярославля. Раза три въ году одинъ какой-то пріѣзжаетъ взыскать онежскихъ деньгами и оставляетъ достаточныя суммы [1]). Разъ выѣзжаетъ отсюда самъ олонецкій наставникъ (или посылаетъ помощника Ив. Дмитріева) съ отчетами, за совѣтами, указаніями и наставленіями къ почтенному и опытному старцу, главному наставнику Никитѣ Семенычу, столь глубоко по Порьмѣ и Онегѣ чтимому. Здѣсь не только не вѣрятъ, но и слышать не хотятъ о томъ, чтобы этотъ свѣтильникъ когда-нибудь огасалъ и дымилъ, т. е. измѣнялъ страннической вѣрѣ во время гоненій и заточенія, будто бы принималъ православіе и пріобщался въ церкви.

Когда оскудѣваютъ избытки, истощаются запасы и шаловливая рука иного слабаго христолюбца задержитъ часть приносимаго для пустынныхъ скитальцевъ и употребитъ продажные припасы и деньги въ свою пользу—другіе, искренно преданные вѣрѣ христолюбцы изъ ближнихъ «жильцевъ», сбираютъ по сосѣднимъ деревнямъ мучки, маслица, яицъ и рыбку. Все это доставляютъ они отшельникамъ, бѣгая зимою на лыжахъ и балансируютъ лѣтомъ съ шестомъ въ рукахъ

---

[1]) Одна ярославская христолюбивая купчиха пожертвовала 12 тыс. руб. (въ 1866 г.), такъ что, въ то время, пришлось на каждаго скрытника по 40 рублей.

и ношей за плечами по болотнымъ кочкамъ, по тонкимъ жордочкамъ и колодинамъ.

И здѣсь не все попадаетъ на братію: подаянія перепадаютъ, на имя затворниковъ и страдальцевъ, въ большомъ количествѣ, и, возбуждая въ передатчикахъ соблазнъ, разжигаютъ корысть: изъ остатковъ наживаются они въ такомъ размѣрѣ, что объ нихъ начинаютъ говорить, какъ о денежныхъ людяхъ, а кое-кто, не стѣсняясь, и открыто заводитъ торговлю хотя бы и той же архангельской рыбой, каргопольскимъ грибомъ, заячьими шкурами и бѣлкой. Кантонистъ изъ Куткиной деревни, Иванъ Ершовъ, бывшій прежде очень бѣднымъ, выстроилъ себѣ новый домъ и, занимаясь охраненіемъ живыхъ, обязался въ то же время похоронами умершихъ и вывозитъ ихъ на какую-то поляну. У Ѳедора Бѣлоланова домъ сгорѣлъ, а вскорѣ всталъ новый еще лучше.

— Богъ-де намъ послалъ за то, что скрытыхъ призрѣваемъ и заповѣданія ихъ почитаемъ.

Если же очень обездолятъ и обсчитаютъ скрытниковъ благодѣтели и ляжетъ кованая зимняя открытая дорога по болотнымъ кочкарникамъ, мимо наледей, прямо черезъ лѣсъ на деревни—пустынникамъ разрѣшается выходъ на жилыя мѣста. Здѣсь у христолюбцевъ найдется про нихъ укромное и бережное мѣсто: какая-нибудь хоронушка въ подъизбицѣ. Въ деревнѣ Залѣсьѣ у брата ушедшаго въ скрытники Григорья Лепнина всѣ знали подъ избой келью, окнами выходившую въ огородъ. Здѣсь, въ широкой межѣ, между грядами, обросшей дерномъ, хоронились умершіе такъ скрытно, вровень съ землей, что и признать могильнаго мѣста никакъ невозможно. Сюда собирались и на соборы и пѣвали пасхальную службу, разставивъ кругомъ надежную стражу—махальныхъ.

За мірскими даяніями, при достаточномъ обезпеченіи одеждой и пищей, живется и въ лѣсу хорошо, и гораздо спокойнѣе, чѣмъ въ жилыхъ мѣстахъ. Праздныхъ любопытныхъ къ себѣ не пускаютъ, а вынужденные уступить одному, всѣми уважаемому, привезли его съ завязанными глазами. Старосты, старшины и сотскіе, обязываемые преслѣдованіями, сплошъ и рядомъ оказываются пристанодержателями. Содержатель обывательскихъ лошадей, перевозящихъ полицію,

былъ на откупу и давалъ знать объ наѣздѣ всякихъ чиновниковъ; перевозчикъ черезъ Онегу былъ также купленъ.

Явятся на домъ христолюбца: видятъ лампадку, книги забытыя, и ладаномъ пахнетъ какъ-будто—и свято то мѣсто, и горячъ самый слѣдъ. Ищи теперь въ полѣ вѣтеръ — сейчасъ тутъ были и скрылись. Въ прятки играть лучше ихъ никто не умѣетъ: вѣдь тѣмъ только всю свою жизнь и занимаются. Въ лѣсъ, конечно, и не ходи лучше: въ лѣсу имъ рай.

Но и въ лѣсахъ враги водятся, и первый изъ нихъ—скука. Для грамотныхъ людей заносятся книги разнаго содержанія. Для неграмотныхъ предлагаются собесѣдованія съ начотчиками, слушаніе ихъ поученій хотя бы и для того только, чтобы повздыхать, памятуя суету мірскую и всякія житейскія невзгоды, ставшія теперь воспоминаніями. Ихъ въ лѣсной затулѣ пріятно теперь сообразить и собрать, или, чтобы, на хорошій конецъ, и заснуть: вѣдь, и сонъ, умѣючи и постаравшись, можно превратить въ простую и легкую привычку. Притомъ мало бездѣльниковъ, которые бы ничего не дѣлали, когда всѣ работаютъ, и не стали бы подражать имъ—и хоть бы лапотки плесть для себя, крестики рѣзать, бураки гнуть изъ бересты на продажу, при содѣйствіи страннопріимцовъ-благодѣтелей.

Этому самъ наставникъ Савва показывалъ примѣръ: онъ не гнушался даже бабьимъ дѣломъ—вязаньемъ шерстяныхъ чулковъ, и при этомъ успѣлъ отличиться особеннымъ, поразительнымъ для скрытницъ, искуствомъ вязать ихъ разомъ, вмѣстѣ съ пяткою. Онъ и сапоги, и башмаки шилъ искусно, и, конечно, не на косую, а на прямую колодку (косая колодка—антихристово произведеніе не у однихъ скрытниковъ, но у всѣхъ старовѣровъ). Чулки и носки, по легкости работы и по привычкѣ, вязались скоро; кожаные сапоги, при казарменной подготовкѣ и практикѣ, шились крѣпко: первые на досугѣ, вторые по заказу. Всѣ эти издѣлія, при помощи христолюбцовъ, продавались въ тѣхъ мѣстахъ, по недостатку рукъ и мастеровъ, очень выгодно. Вырученныя деньги безразлично поступали на всю артель скрывшихся, умудряя прочихъ примѣромъ и поспѣвая выручкой, какъ разъ въ то время, когда изсякали запасы и приближалось время ворчливаго ропота недовольныхъ и неудержимаго ша-

танья ихъ изъ деревни въ деревню, темными ночами, околицами и закоулочками, промежъ домовъ христолюбивыхъ міротворцевъ.

Опытная рука сдерживала отшельниковъ въ кучѣ отъ соблазновъ и прелестей міра всякими способами, когда отвалилъ уже сонъ и не беретъ больше, а время ѣды еще не сблизилось, и не слышится жалобъ, что «скетъ на животѣ» у братіи. Сколь ни душеполезно пересчитываніе узелковъ и ремешковъ на лѣствицахъ ради молитвы, сколь ни утомителны житія святыхъ отшельниковъ и разнаго рода поученія, сколь ни любопытны Кириллъ Іерусалимскій, Ипполитъ — папа римскій, Ефремъ Сиринъ, Максимъ Грекъ, сколь ни необходимы для скрывшихся отъ міра «Альфа и Омега» и «Цвѣтникъ» Евфимія, однимъ, вызывающимъ на думы и размышленія, не продовольствуешься. Пѣніе псалмовъ и стиховъ въ такихъ случаяхъ много помогаетъ (свѣтскія или мірскія пѣсни строго воспрещаются). Все это еще обоими свѣтильниками предусмотрѣно: и Евфимьемъ, и Никитою.

Евфимій обогатилъ братію назидательнымъ чтеніемъ и оставилъ и допустилъ, воспользовавшись готовымъ, но, по самомъ тщательномъ и строгомъ выборѣ, тѣ старинные стихи, которыми руководятся всѣ истинные старовѣры, и особенно стихи, прославляющіе пустынное житіе и бѣгство отъ прелестей міра: «Стихъ Іосафа Царевича въ пустыню идуща» (Боже Отче всемогуще, Боже Сыне присносуще и проч.); «О прекрасная пустыня, пріими мя во свою частыню»; «Взирай съ прилежаніемъ, тлѣнный человѣче, како жизнь проходитъ, а смерть не далече»; стихъ объ Антихристѣ («По грѣхамъ нашимъ на нашу страну напусти Господь такову бѣду»); о второмъ пришествіи («Господь грядетъ въ полунощи, женихъ идетъ со славою»); стихъ о Господнихъ страстѣхъ, и т. д.

Никита Семеновъ въ особенности по этой части постарался, будучи одаренъ несомнѣнно поэтическою натурою, при большомъ умѣ и поразительной начитанности. Къ сожалѣнію, онъ совсѣмъ не съумѣлъ совладать съ формой стиха и выучиться выражать свои мысли въ художественныхъ образахъ, хотя и достигъ того, что и въ намекахъ и въ недомолвкахъ, стѣсненный стихотворнымъ размѣромъ ловко умѣлъ выразить то, что чувствовалось его послѣдователями и договаривалось понимающими основной смыслъ. Тѣмъ не менѣе,

изъ восьми, завѣщанныхъ имъ, его издѣлія стиховъ два стали любимыми и народными и чествуется наравнѣ съ молитвенными псалмами. Только въ нихъ однихъ ему удалось отчасти попасть въ размѣръ, но зато оба стиха эти записаны даже въ «Началѣ, како подобаетъ поклоны класти на всякой день, отъ сна возставши и на сонъ грядущи и на всякое благое дѣло». Послѣ обычныхъ молитвъ (Боже милостивъ, Достойно есть, и проч.), послѣ шести малыхъ и двухъ великихъ поклоновъ, указано пѣть эти оба стиха непремѣнно *).

I.

Среди самыхъ юныхъ лѣтъ
Вяну аки нѣжный цвѣтъ,
Господи помилуй! [1])
Отъ младенческихъ пеленъ
Былъ я Богомъ просвѣщенъ.
Ты разбойникамъ прощаешь,
Рай блудницамъ отверзаешь,
Но твоя ко мнѣ любовь
Пролила за мя и кровь.
Съ вѣрой днесь къ тебѣ взываю
И любовію пылаю.
Мы отъ міра удалились.
Жизни скорбной посвятились:
И отъ самыхъ юныхъ лѣтъ
Ищемъ твой благій совѣтъ.
Наше ты услышь моленіе,
Помози намъ жить въ терпѣньи:
Чтобъ самимъ себя спасти
Дай намъ силы крестъ нести.
Мы, оставя всѣхъ родныхъ,

*) Въ виду такой важности (въ 9 имѣющихся у насъ сборникахъ эти стихи повторяются въ каждомъ), мы приводимъ ихъ, какъ откровенную исповѣдь строгихъ отшельниковъ, дословно, имѣя возможность, изъ многихъ копій, выбрать самые точные варіанты. Остальные стихи Никиты Семенова носятъ слѣдующія названія: Поэма стихами во утѣшеніе скорбныхъ постиженій; поэма страдавшаго и освобожденнаго судьбою всевышняго промысла; Стихъ о пустыножителяхъ; Про младыя лѣта; О потопѣ праведнаго Ноя; о послѣднемъ времени; стихи-узника невольника; о умоленіи матерью своего чада. Напѣвъ подчиненъ 8-ми гласамъ октоиха въ порядкѣ нашего перечисленія.

[1]) Этотъ припѣвъ, послѣ каждыхъ двухъ стиховъ, повторяется.

Заключась въ стѣнахъ святыхъ,
Зри невинности сердецъ,
Покровитель нашъ отецъ!
Здѣсь утѣхъ намъ больше нѣтъ:
Одинъ гробъ намъ во предметъ.
Мы проводимъ дни въ слезахъ, —
Намъ будетъ радость въ небесахъ.
Сиры мы всѣ и убоги,
Но твои щедроты многи.
Ниспошли намъ благодать,
Чтобъ безропотно страдать.
Боже, жизнь нашу устрой,
Отъ пути злаго укрой!
Подай намъ благій конецъ
Получить златый вѣнецъ,
Въ безконечныхъ временахъ
Намъ и радость въ небесахъ.

II

Что за чудная превратность:
Я премѣну зрю въ глазахъ!
Прощай міра вся пріятность
Не хощу я зрѣть на васъ!
Утѣхъ вашихъ удаляюсь,
Во пустыни хощу жить;
Моимъ духомъ восхищаюсь
Хощу вѣкъ Богу служить.
Вмѣсто прелести и славы
Зрю я въ темныя лѣса;
Помин;утно, вмѣсто сласти,
Умъ вперяю въ небеса.
Вмѣсто музыки и пѣсенъ
Меня птички веселятъ,
Міра суетнаго славу
Забывати мнѣ велятъ.
Гдѣ кукушка воскукуетъ
На пустынныхъ древесахъ,
Она духъ мой возбуждаетъ
Помнить Бога въ небесахъ.
По пустынѣ текутъ рѣки
Повелѣніемъ Творца,
По предѣлу ихъ, на-вѣки

До всего міра конца:
И журчаньемъ водъ текущихъ
Утѣшаюсь я всегда,
Мірскихъ прелестей влекущихъ,
Чтобъ не помнить никогда.
Поля злачны и долины
Здѣсь блистаютъ красотой,
Всѣ пріятны мнѣ и милы,
Но считаю все мечтой.
Міръ мнѣ суетный не зрится,
Нѣсть и прелести въ глазахъ,
Но лишь духъ мой веселится,
Умъ летаетъ въ небесахъ.
Хотя часто онъ меня тревожитъ,
Но считаю все мечтой,
И о томъ мнѣ Богъ поможетъ,
Что всегда онъ есть со мной,
Что я міру поругался,
Но и прелесть всю попралъ,
И подъ власть Отцу отдался,
Жизнь небесную избралъ.
И блаженъ теперь наричусь (sic),
Что мой духъ достигъ покой:
Повсечасно утѣшаюсь,
Я при радости такой.
Хвали сердце мое въ вышнихъ,
Хвали Бога въ небесахъ,
Воспой пѣснь ему приличну.
Самъ ходяй по древесахъ!
Воспой гласомъ, воспой духомъ,
Воспой милость всю его!
Ударь въ гусли тонкимъ звукомъ
Прославь Бога своего,
Кто извелъ тя изъ напасти
И житейскія мечты,
Удалилъ тя есть отъ страсти
И мірскія суеты,
И привелъ тя во ограду,
Гдѣ пасетъ своихъ овецъ.
Съ ними дай же мнѣ отраду,
Ты, прещедрый нашъ отецъ!
За сія его щедроты
Прославляй, душе моя,
Что у Бога милость многа,

Невозможно изрещи.
Онъ и гнѣвъ свой утоляетъ,
И лишаетъ вредныхъ мѣстъ,
И грѣхи онъ всѣ прощаетъ,
И возводитъ выше звѣздъ.

Одни поютъ, другіе прислушиваются, запоминаютъ, чтобы и самимъ потомъ было можно приставать. И хотя всѣми усвоена привычка охать и ахать съ глубокими вздохами во время бесѣдъ, молитвъ и объясненій (при чемъ никто не позволитъ себѣ улыбнуться), тѣмъ не менѣе, при пѣніи псалмовъ и пѣсенъ, вздохи и оханье чаще и глубже.

Поется все больше подходящее къ жизни и утѣшительное для души, и чувствительное для сердца.

Одинъ стихъ поетъ:

«Кто бы мнѣ построилъ предивную безмолвную пустыню? Кто бы мнѣ ее поставилъ не на жительскомъ тихомъ мѣстѣ, чтобы мнѣ не видѣть прелестнаго сего міра, чтобы мнѣ не слышать человѣческаго гласа, дабы мнѣ не зрѣти суету—прелесть міра сего».

И вотъ предъ глазами эта пустынная келья съ сѣнцами, крытая на одинъ скатъ, съ двумя шестистекольчатыми окнами, которыя кажутъ и пустыню, и освѣщаютъ тихое безмятежное житіе. «Одинъ въ пустыни бѣгаю, во дни—въ нощи работаю. Дивенъ въ ней прекрасенъ садъ: древа, цвѣты кудрявые и листвіе зеленое. О, прекрасная пустыня, отъ всѣхъ суетныхъ изми мя!»

Другая пѣсня, между прочимъ, научаетъ:

«Бѣжи изъ града во пустыню, въ любезну всѣмъ святымъ частыню! Святые грады оставляли—въ пустынѣ лучше жить желали; чертоги царски презирали, все богатство повергали; охотно въ дебри уходили, и въ мѣстахъ непроходимыхъ жили: въ слезахъ и плачѣ жизнь кончали, зато небесный рай пріяли».

Никита Семенычъ велитъ пѣть еще проще и прямо въ мысль попадаетъ, говоря про юность, «когда борютъ многи страсти: плоть-та моя хочетъ больше согрѣшати, а душа желаетъ царство получити. Юность, моя юность—молодое время, быстро ты стрекаешь, грѣхи собираешь! Очи много видятъ, уши много слышатъ; руки много гра-

бятъ, ноги много ходятъ: гдѣ бы и не надо—вездѣ поспѣшаютъ, на все понуждаютъ. Сижу на тебѣ, юность, какъ на борзомъ конѣ: и той не обузданъ, по горамъ и холмамъ прямо конь стрекаетъ, меня разбиваетъ, умъ мой погубляетъ; внѣ ума бываю, творю что не знаю. Не знаю, какъ быти, чѣмъ коня смирити; въ рукахъ вожжей нѣту. Какъ я тебѣ буду, младой, угождати: тебѣ угожденье душѣ на погибель, въ томъ бы не постигла смертная кончина. Юность моя, юность—безбожное время! Къ Богу ты лѣнива, ко грѣху радлива. Вижу я погибель, страхомъ весь объятый. Когда конь смирится и мнѣ покорится? Возьму въ руки вожжи, буду направляти по пути смиренья и души спасенья. Боже ты мой, Боже, Творецъ мой небесный! Сошолъ еси съ неба грѣшныя спасти! Пріимя мя, Боже, заблужденнаго сына, отъ наемникъ худша, всякой твари гнуше! Во твоемъ эдемѣ, въ послѣднемъ мѣстѣ, на тебя взпрая, радость получаю».

Затѣмъ—опять новые десятки пѣсенъ, указывающія на прелесть пустыни и на душевную пользу пустыннаго житія, съ такими стихами, что вызываютъ и слезы, и вздохи. Послушать ихъ не прочь придти посторонніе: охотливы филиповцы, а особенно православные. Вотъ почему нельзя отказать стихамъ этимъ въ большой силѣ вліянія ихъ на новопосвящаемыхъ. Со стиховъ собственно и начинается подыгрываніе и смущеніе новиковъ, намѣченныхъ въ секту скрытныхъ, которыхъ (поетъ одна ихъ же пѣсня) «молитвы и слезы теплыя Богъ послушаетъ и подастъ для нихъ прощеніе грѣхамъ». Пѣсни же бываютъ разныя: есть и для старцевъ, и на молодыхъ дѣвицъ разсчитанъ стишокъ, обѣщающій имъ, въ видѣ пустыни, «рай пресвѣтлый на востокѣ, вѣчной радости страну», что «незамѣченнымъ въ порокѣ дѣвамъ будетъ отдана»:

Лучше царскихъ тамъ палаты,
Вертограды и сады,
Терема, чертоги златы,
Въ садахъ дивные плоды.
Поля устланы цвѣтами,
Розы запахъ издаютъ,
Рощи съ чудными древами,
Всегда ангелы поютъ.
Плавно катятся тамъ рѣки,

Чище слезъ воды струя.
Ты вселишься тамъ на-вѣки,
Дочь любимая моя! —

говоритъ, завидуя, мать дочери при прощаньи съ нею, уходящею изъ міра въ безмолвную пустыню, гдѣ, какъ увѣряетъ Никита Семеновъ въ другой пѣснѣ, «кто не живалъ, тотъ и нужды не видалъ».

Стихамъ этимъ указано мѣсто и при разныхъ праздникахъ и обрядахъ. При увѣщаніяхъ поютъ стихи «О лѣнивомъ» и «Человѣкъ на землѣ»; въ великомъ постѣ «Со страхомъ мы, братіе» (о страстяхъ Господнихъ); на Христовъ день «Се нынѣ радость духовная»; на 21-е декабря стихъ Іосафа Царевича (на день его памяти), и т. д.

На стариковъ и старицъ разсчитаны стихи посильнѣе, съ мрачнымъ оттѣнкомъ. Они и припугиваютъ, и подаютъ утѣшеніе: если не бѣжишь отъ суетныя чести міра сего—«престрашный гласъ Господь къ тебѣ речетъ, во адскую дебрь жить вѣчно тя пошлетъ; тамъ мурины престрашны вси живутъ, и муки грознымъ шумомъ вси ревутъ. Въ тѣхъ мукахъ ты не можеши истлѣть, но вѣчно будешь въ пламени горѣть: великимъ воплемъ будеши вопить, чтобъ пламени геенскаго избыть; отъ горести власы начнешь терзать, и часъ рожденья будешь проклинать. Хошь вѣчно скорбь тамъ будеши имѣть, уже Христа во вѣки не узрѣть, но токмо будешь ты въ смолѣ кипѣть и въ пламени геенскомъ тамъ горѣть. Увы, коль люто будешь тамъ страдать, но мукамъ тѣмъ отрады не видать» [1]).

---

[1]) Вообще слѣдуетъ замѣтить, что скрытницкая литература въ этомъ отношеніи довольно разнообразна. Какъ и въ другихъ сектахъ, представляющихъ отклоненіе и отрасль отъ какой-либо основной (какъ малаканство отъ духоборства, скакуны отъ малаканъ и проч.), и между скрытниками съ филиповцами проявилась полемика. Насмѣшки другъ надъ другомъ и злобныя обличенія вызвали и сатирическіе стихи, и палемическую прозу. Мы имѣемъ въ рукахъ и тѣ, и другіе, и, между прочими, очень длинныя, безтолковыя и скучныя вирши, своеобразно озаглавленныя: «На брачныхъ странниковъ четырехстрочная поэма». Вызвана она расколомъ, занесеннымъ къ каргопольскимъ странникамъ изъ Сопѣлокъ при содѣйствіи двухъ наставниковъ (Косаткина и Мирона), старавшихся установить обрядъ брака и, конечно, въ томъ не успѣвшихъ. Гдѣ тутъ затѣвать браки (какъ наивно, но совершенно справедливо говорятъ вирши), «когда не кому сводить, когда въ бѣгствѣ надо жить, такъ что негдѣ почевать, и дѣлать браки безъ домовъ».

«Человѣкъ нѣкій пріиде во врачебницу (читаютъ скрытники-старцы въ одномъ изъ великаго множества цвѣтниковъ, которыми они преимущественно передъ всѣми заручаются) и вопрошаше врача: есть ли таковое быліе, врачующее грѣхи? Врачъ же отвѣщавъ: есть. Пріиди и возьми корень послушанія и листвія терпѣнія, цвѣтъ чистоты, плодъ добрыхъ дѣлъ; изотри въ котлѣ безмолвія, просѣй въ рѣшетѣ разсужденія, всыпли въ гарнецъ смиренія, прилей воды и слезъ молитвенныхъ; подпали огнемъ божественныя любви, покрый крышкою милостыни и, егда огонь учредится, простуди и посоли братолюбіемъ и вкушай лжицею покаянія, и тако сотвориши—будеши совершенно здравъ».

Велики грѣхи у скрытницкихъ старцевъ, и самой большой изо всѣхъ—баба. Ради ея многіе старцы уходятъ въ пустыню и подбираются изъ нихъ тѣ именно, у которыхъ не угомонились страсти и хочется погулять на послѣднее. Скрытницкая вѣра никогда не полагала завѣта цѣломудрія, и столь прославленный «свальный грѣхъ» въ ихъ-то средѣ и получилъ самое широкое и беззавѣтное примѣненіе. Въ строгомъ смыслѣ, тѣсно соединившихся паръ нѣтъ. Женитьба у нихъ положительно возбраняется: предложеніе брачной жизни при согласіи двухъ лицъ, обязавшихся взаимною вѣрностію, въ качествѣ новаго догмата, не имѣло никакого успѣха и даже встрѣчено злою насмѣшкою, породившею длинные стихи цѣлой поэмы. Подтруниваетъ стихотворецъ, повѣствуетъ и другой авторъ-прозаикъ все одно и то же, на одинаковую тэму.

Одинъ, между прочимъ, пишетъ: «сколь прельщаются тѣ люди—учатъ дѣвства не хранить; заставляютъ здравыхъ тѣломъ во вся слабости концы, погубляютъ самымъ дѣломъ дѣвства славу и вѣнцы», и проч.

Другой свидѣтельствуетъ: «новые ученики Никиты Семенова возносятъ себя паче всѣхъ человѣковъ, а сами толкуютъ писаніе на свой разумъ, какъ имъ либо, только бы жить богато, да были бы дѣвки при себѣ». И еще: «отъ его же непреподобнаго ученія и прочіе согласія люди навыкоша при себѣ водить дѣвокъ и бабъ, и что́ съ ними дѣлаютъ—про то сами они знаютъ».

Знаемъ мы, что самъ Никита Семеновъ былъ судимъ судомъ стран-

ническимъ за блудъ. Другой наставникъ говорилъ: «гораздо меньше грѣха въ блудѣ и незаконномъ прижитіи дѣтей съ принадлежащими къ сектѣ, чѣмъ въ бракѣ, вѣнчанномъ въ церкви». Съ третьимъ наставникомъ случилась такая бѣда, что онъ изувѣчилъ, изъ ревности, жившую съ нимъ наложницею замужнюю женщину, а эта на него пожаловалась; одна странница поймана съ незаконнорожденнымъ ребенкомъ,—да всего и не перечтешь.

На міру (гдѣ, вообще, скрытниковъ ненавидятъ, хотя и не преслѣдуютъ, готовы поспорить и подраться, но ни за что́ не укажутъ на притоны ненавистныхъ людей) толкуютъ, что подпольные родители, по бродячей жизни, на бѣгломъ положеніи, дѣтей считаютъ тягостью, что, когда отца не сыщешь и вся обуза ложится на мать—въ ходу вытравленіе плода казачьимъ можжевельникомъ (juniperus sabina), янтаремъ и шафраномъ. Толкуютъ, что родившихся дѣтей убиваютъ, хотя, на самомъ дѣлѣ, дѣти эти поступаютъ на воспитаніе къ христолюбцамъ, которые и усыновляютъ ребятъ, говоря любопытнымъ, что получили ребенка отъ проходившей въ Соловки богомолки, которая шла съ этой крикливой ношей, притомилась и заболѣла, — говоритъ: «Мнѣ дѣвать теперь нѣкуда, возьми дитя Христа ради!»

Вообще, случаи рожденія дѣтей въ скрытничествѣ очень рѣдки. Къ тому же, подбираются все больше старички изъ охотниковъ, въ родѣ Алексѣя Иваныча Друганина. Идетъ дѣло больше на развлеченіе отъ скуки въ замкнутомъ одиночествѣ, когда бо́льшую часть времени приводится тратить на шатанье отъ одного христолюбца къ другому, да на споры съ филиповцами. И пища не Богъ знаетъ какая: ни мяса, ни водки не полагается. И посты очень строгіе: бываетъ даже и такъ, что по нѣсколько дней не ѣдятъ.

Кто видалъ скрытниковъ-подпольниковъ, тому не забыть этихъ мрачнаго вида людей, съ блѣдными и изможденными лицами, съ синевой подъ глазами, обезкровленныхъ и съ отвычкой отъ чужихъ людей и дневнаго свѣта. Здѣсь тунеядство конечно—главное дѣло и отсутствіе всякаго труда, врачующаго и оживляющаго, стоитъ на первомъ планѣ, сколько бы при этомъ ни ѣлось и ни пилось. Сиди

и выдумывай, какъ убить время, если не пособитъ заботливый наставникъ, если не подвернется удачливый и веселый случай.

Вотъ сходилъ наставникъ изъ лѣсной кельи на міръ. Надѣвалъ онъ для того хорошую енотовую шубу, чтобы походить на купца и не зацѣпиться полой за полицейскіе крючки. Ждали его долго, прислушивались и высматривали. Пришелъ онъ свѣтелъ и радостенъ: еще завязилъ въ раскинутыхъ тенетахъ неосторожную овцу на прибыль стада.

Еще сходилъ—и опять привелъ.

Явился крестьянинъ Ѳедоръ Рыковъ, судившійся (въ 1871 году) за растрату чужой собственности, приговоренный въ тюрьму на 4 мѣсяца и бросившій на міру жену съ малолѣтними дѣтьми.

Притащился крестьянинъ Савва Богдановъ, осужденный судебной палатой въ арестантскія роты на два года и 8 мѣсяцевъ. Вскорѣ за нимъ (въ 1872 году) прибрела и жена его, Катерина, съ двумя дѣтьми: мальчикомъ 11-ти лѣтъ и дѣвочкой 12-ти.

Всѣмъ, обычнымъ дѣломъ, положено испытаніе подъ руководствомъ наставниковъ и всѣмъ, послѣ строгаго поста, посвященіе въ стадо вѣрныхъ, на радость и развлеченіе скучающихъ отшельниковъ.

Долго ждали—и дождались: усѣлись всѣ въ большой избѣ съ голыми стѣнами и новоставленыхъ призвали. Наставникъ уже и книги на столъ выложилъ, и свою икону поставилъ. Помолился ей и «прошелъ по собору», т. е. всѣмъ поклонился по три раза въ землю и, какъ былъ въ дубленомъ полушубкѣ, такъ и сѣлъ передъ столомъ.

Прибылой, по обычной молитвѣ Іисусовой, долженъ говорить по заученому (кто не приладился, тому даютъ отсрочку), обращаясь къ лицу наставника:

— Рабе Божій, благослови мя начало положити, во избѣжаніе нечестія и во отреченіе отъ всякія ереси обрѣтающихся въ законѣ зловѣрія никоніанскаго и въ прочихъ раздорахъ, отвергшихся православнаго вѣроисповѣданія.

— Богъ благословитъ тя къ сему доброму начинанію! отвѣчалъ наставникъ по обычномъ поклонѣ новика до земли.

Поклоны во всю спину, съ паденіемъ прямо на колѣни, слѣдовали

затѣмъ всему «лицу вѣрныхъ», и опять молитва Іисусова, и опять по «аминѣ», рѣчь къ предсѣдателю:

— Рабе Божій! благослови мя начало положить во еже приглаcитися истинно ко единой святой соборной и апостольской церкви, и состоятися въ чину оглашенныхъ христіанъ, готовящихся къ воспріятію святаго крещенія.

Опять поклонъ наставнику и по три каждому изъ собора, и опять, когда въ третій разъ прошелъ по собору, послѣднее слово:

— Рабе Божій! благослови мя на предлежащій оглашеннымъ подвигъ молитвы и поста.

— Богъ тя благословитъ на сіи душеполезная труды! [1])

Труды состоять будутъ въ томъ, чтобы пять дней въ недѣлю ѣсть хлѣбъ съ водою, а въ субботу и воскресенье—варево, но безъ масла. Послѣ того уже—и крещеніе, и нареченіе новымъ именемъ, и опять праздничная радость и веселое развлеченіе.

Разъ наставникъ опять уходилъ изъ лѣсу въ жилья къ благодѣтелямъ, и онять въ енотовой шубѣ. Снова ждали его долго, а онъ на этотъ разъ уже не вернулся: пошли слухи, что попался и пойманъ.

Вздрогнули всѣ и крѣпко перепугались: шло время гоненій. Никаноръ же успѣлъ ужь властямъ насолить, когда, будучи въ первой разъ пойманъ и приведенъ къ увѣщенію, жестоко всѣмъ нагрубилъ, а когда перевозили въ Петрозаводскъ (изъ Каргополя), на дорогѣ сбѣжалъ.

И вотъ опять, во второй разъ, пойманъ онъ въ троицкомъ приходѣ и посаженъ въ волостномъ правленіи.

— Скоро повезутъ въ становую квартиру въ кандалахъ,— сообщилъ отшельникомъ первый, забредшій къ нимъ христолюбецъ съ непріятнымъ извѣстіемъ и предостереженіемъ.

— Да, вѣдь, не смутятъ его, не поддастся. Гдѣ не возьметъ силой—съумѣетъ и православнымъ прикинуться: вѣдь, вонъ надули же Горевскіе миссіонера олонецкаго.

---

[1]) Или: «Богъ тя благословитъ присоединитися къ лику оглашенныхъ имущаго пропзволеніе», свидѣтельствуетъ записка, имѣющаяся у насъ въ рукахъ и записанная со словъ вышедшаго на міръ скрытника.

—Такъ умѣетъ притвориться, что и не признаютъ того,—увѣренно думали за любимаго наставника своего Никанора.

— Повезли его изъ волости въ становую квартиру, разсказывалъ вскорѣ другой, пришедшій въ скитокъ благодѣтель: —прискакалъ къ намъ оттуда гонецъ, сказываетъ, что пять-де конвойныхъ дали:— сила!—что́ сдѣлаешь? Однако, подумали. Оба Горевскихъ: и Андрей и Тимоѳей, одиннадцать человѣкъ подговорили, засѣли въ устрѣту солдатамъ на дорогѣ, стали ждать. Ѣдутъ. Лошадь палками по ногамъ. Тѣми же палками конвой стали бить. Самъ-онъ схватился за березку, закричалъ: «спасайте, православные». Одинъ, однако, такъ его разъ вдоль спины угораздилъ, что безъ всякихъ чувствъ въ лѣсъ-отъ утащили. Отбили.

—Да, вотъ, постойте: вскорѣ придетъ и самъ, все разскажетъ лучше меня.

Вотъ и самъ онъ—глава и воротило дѣлъ, которыя безъ него никто рѣшать и предпринимать не смѣетъ (сильнѣе его только Никита Семенычъ)—со внушительнымъ располагающимъ видомъ и симпатичнымъ взглядомъ, со знакомою всѣхъ обычною книжною рѣчью, уснащонною изреченіями изъ писаній, какъ у всѣхъ, для кого эти упражненія часты и составляютъ на бездѣльи затворничества, вмѣстѣ съ перепискою и составленіемъ цвѣтничковъ, любимое и обыкновенное занятіе. Та же привычка ко вздохамъ и ахамъ, и то же строгое лицо, разучившееся освѣщаться и оживляться улыбкой: онъ самъ, здѣшній главный наставникъ Никаноръ Поповъ, чудесно спасенный во второй разъ и уцѣлѣвшій въ сотой разъ отъ гибели и заточенія*). Онъ также стоекъ и неизмѣненъ и въ тѣхъ убѣжденіяхъ, которыя проповѣдуетъ всѣмъ и всегда: онъ также на вопросъ одного изъ своихъ. пожалѣвшаго этапныхъ солдатъ разбитаго конвоя, обреченнаго теперь на строгій отвѣтъ и тяжкое наказаніе, хладнокровно отвѣтилъ:

---

*) Собственно «наставникъ», въ строгомъ смыслѣ — одинъ Никита Семенычъ, живущій въ потехонскихъ лѣсахъ. Этотъ и соборы собираетъ, и на нихъ рѣшаетъ, кому и куда идти проповѣдывать изъ числа его помощниковъ. Въ числѣ послѣднихъ для каргопольскихъ скрытниковъ Никитою назначенъ Никаноръ. Однако, Никаноръ самъ пересталъ ѣздить въ Сопѣлки, а посылаетъ за себя, въ свою очередь, помощника своего Ивана Дмитрича.

— Не жаль еретиковъ. Погибель ихъ не вмѣняется во грѣхъ, засчитывается въ оправданіе и души спасеніе.

Припомнилъ онъ и разсказалъ при этомъ случай, когда въ другомъ мѣстѣ отъ учениковъ его зависѣло оправданіе невинно-обвиненнаго въ ссылку и для того требовалось только разсказать о томъ, какъ было дѣло по сущей правдѣ:

— За то, что Зеленцовъ былъ еретикъ (православный), изъ свидѣтелей дѣла на судъ никто не пошелъ и оправлять его наши христолюбцы не захотѣли: еретикъ!

Съ Никаноромъ прибылъ и любимый ученикъ его и помощникъ, уроженецъ деревни Хотеневa, Иванъ Дмитріевичъ, котораго онъ посылалъ за себя и въ Сопѣлки къ Никитѣ Семенычу.

Дмитричъ—человѣкъ съ остриженной маковкой, чернобородый, съ просѣдью и съ блѣднымъ лицомъ, тоже начотчикъ, со своимъ цвѣтничкомъ, но говорить не мастеръ, на отвѣты ненаходчивъ и очень сердитый. Любилъ его Никаноръ за искуство подговоровъ въ пустыню и за сердитыя, непримиримыя рѣчи о томъ, что «священство—волцы, хищники и наемники, какъ при чувственномъ антихристѣ быть обѣщано писаньми», что «православная церковь—овощное хранилище, а единовѣрческая — ловушка», что не надо причастія, «ибо нѣсть приношенія въ нынѣшнія послѣднія времена», что трехперстная щепоть—печать антихристова. На доказательства тому Дмитричъ смѣлъ и неразборчивъ; онъ заноситъ въ цвѣтнички все въ перетолкованномъ и искажонномъ видѣ. Когда выходитъ онъ походомъ на православныхъ, то умѣетъ ловко указывать на примѣръ мѣстно-чтимыхъ святыхъ, которые также искали себѣ спасенія въ тѣхъ же олонецкихъ и каргопольскихъ лѣсахъ: одинъ, Александръ — на Свири, другой Александръ—на Ошвѣ. И житія Александровъ, свирскаго и ошевенскаго, носилъ Дмитричъ при себѣ и прочитывалъ по требованію. Купца съ семействомъ изъ города Мезени въ лѣсъ увелъ: таковъ Дмитричъ—ловецъ въ человѣцѣхъ.

При Никанорѣ же и другой его ученикъ изъ деревни Филатовой, Дмитрій Кузминъ Бѣляевъ, хотя и неграмотный, но сильный врагъ православія, задорный, крикливый и драчливый въ спорахъ, «строптивый на разговорахъ, хоть и не отъ писанія, но чтобы было по немъ».

Этотъ полезенъ и дорогъ былъ Никанору-наставнику тѣмъ, что увлекъ въ скрытничество всѣхъ своихъ дѣтей и брата Никиту съ женой и, шатаясь на міру, усердно и удачно проповѣдуетъ. Въ проповѣдяхъ у него любимое и наговоренное мѣсто о томъ, что не надо творить милостыни нищимъ, живущимъ въ міру, а подавать ее подобаетъ только скрытникамъ, яко стаду Христову. Умѣлъ онъ также внушить, что кто уйдетъ въ ихъ стадо, то изъ семейства такого человѣка, впредъ до 9-ти родовъ, получатъ отъ Христа спасеніе.

— Доказать (говоритъ) отъ писанія не могу, а душою то чую и вѣрно знаю, что покойная мать моя уже спаслась за то, что была съ нами.

Не одобрялъ Никаноръ въ Бѣляевѣ лишь то, что, гдѣ бы онъ въ бесѣду ни вступилъ и ни замѣшался, вездѣ умѣлъ разговоръ, тихо начатый, повернуть на споръ и ссору: начнутъ плевать другъ другу въ лица, и обѣщаться взаимно щипать бороды и царапать глаза.

Вотъ почему ближе и дороже былъ для Никанора смирный Владиміръ, изъ бѣглыхъ солдатиковъ, обладавшій большимъ умѣньемъ выгодно распродавать имущества обращонныхъ, и далеко припрятывать и хорошо хоронить на черный день тѣ деньги, которыя отъ того были выручены, и тѣ, которыя давно лежали у обращенныхъ въ запасахъ и хоронушкахъ.

Когда этотъ Владиміръ состоялъ приставникомъ и руководителемъ при Друганинѣ для искуса и согласилъ старика отдать капиталъ, нажитый имъ тяжолымъ трудомъ, при участіи пріемыша, Владиміръ этотъ капиталъ прибралъ и припряталъ, а самъ бѣжалъ отъ Друганина. Когда же старикъ разочаровался въ ученіи скрытниковъ и пожелалъ выйти на міръ, пріемышъ его обратно принять въ домъ соглашался не иначе, какъ подъ условіемъ возврата вмѣстѣ нажитыхъ денегъ, но буквально брошенныхъ на лѣсъ. Семидесятилѣтній Алексѣй Ивановичъ, напуганный, сверхъ того, возможностью преслѣдованій со стороны правительства за скрытничество, принужденъ былъ противъ воли совсѣмъ остаться въ странникахъ и доживать вѣкъ въ темныхъ сюземкахъ.

X.

Оставшись въ лѣсу противъ воли, загрустилъ Алексѣй Ивановичъ о томъ, что жить теперь ни при чемъ стало, когда подобрались сомнѣнія и разочарованія. Когда сталъ меньше слушать, больше самъ думать—не то выходитъ, и какъ бы даже скверное и очень лживое. Когда наставникъ увѣрялъ, что живемъ-де, какъ и впрямъ, со Христомъ апостолы, первая истинная соборная церковь—казалось какъ будто и такъ: и имѣніе роздали, и себя отверглись, и въ горы забѣжали, живемъ съобща, и тому подобное. Задумается онъ обо всемъ этомъ и станетъ какъ будто совсѣмъ похоже: и духъ окрилится, и себя упрекнешь—какъ-де это раньше не надумано и тебѣ не указано. Съ гордостью на покинутый міръ глядишь: во тмѣ, молъ, ходитъ, антихристову волю творитъ и насъ, вѣрныхъ, гонитъ и мучаетъ такъ точно, какъ указано на послѣдніе дни міра. И возгнушаешься, и возмнишь о себѣ.

— А тутъ вотъ поглядишь: и хотеневскій Иванъ Дмитріевъ таскается съ книгой «Альфой и Омегой», тычетъ въ страницы пальцемъ, а на тѣ мѣста, которыя надо, не всегда попадаетъ: «вотъ, вотъ, видишь», говоритъ ко всякому слову, словно пѣтухъ куръ скликаетъ. Про Владиміра, который деньги подобралъ себѣ и про себя спряталъ—и говорить не приводится: это, можетъ быть,—и въ самомъ дѣлѣ Іуда Искаріотскій, который, сбирая на другихъ, про себя оставлялъ. Это, можетъ быть, такъ и надо: чтобы совсѣмъ было похоже.

— Это, пожалуй, ничего, что когда соберутся книжники и начотчики, нѣтъ любы между ними, какъ велѣно. Когда же сойдутся грамотѣи: мужикъ да баба — и любы есть, и согласіе, и переписка бываетъ: «свѣту-пресвѣту—тайному совѣту». Такъ и у филипповскихъ случается, и во всемъ мірѣ такъ. Худа большаго не видно: спорить искони вѣковъ не умѣемъ; слушать другаго не хотимъ, а норовимъ,

какъ бы ухватить его за широкое горло и, чѣмъ кто толковѣе сказываетъ, тѣмъ тому скорѣе хочется перегрызть горло. Большое худо — неправильныя толкованія, да когда идутъ на кривотолки, да начнутъ поддѣлывать и перевирать какъ самимъ хочется, раздоры вводить, новшества предлагать.

Сталъ Алексѣй Иванычъ сомнѣваться и разочаровываться съ тѣхъ самыхъ поръ, какъ не полюбилось ему ученіе о милостынѣ Бѣляева, воспрещающее подавать ее мірскимъ, вопреки христовой заповѣди, обѣщающей блаженство тѣмъ, кто творитъ милостыню безъ разбора. Совсѣмъ онъ былъ смущенъ толкованіемъ о крестномъ знаменіи, и примириться не нашелъ въ себѣ силъ со враньемъ въ цвѣтникѣ о папѣ Формозѣ.

Толковалъ наставникъ:

— Печать антихристова заключается въ трехперстной щепоти.

И мѣсто въ цвѣтникѣ указалъ.

— У папы Формоза, по умертвіи его, быть отрублены три перста правой руки и, когда бросили ихъ на-земь, земля, разверзшись, поглотила ихъ. А когда и самый трупъ Формозовъ быть брошенъ въ Тиберъ рѣку, тогда вода претворилась въ кровь, и рыбы изомроша.

— Можетъ, и такъ, и похоже, а сѣмъ-ко спрошу у единовѣрческаго дьякона: самъ онъ бывалъ мужикомъ, къ истинѣ-то тоже изъза хлѣва заходилъ въ тѣхъ же лыковыхъ лаптяхъ. Вотъ извѣстно про него, что и въ Сопѣлкахъ онъ живалъ, и разные виды видывалъ. Пошлю-ка вѣрнаго человѣка дойти до него и вопросить.

Сказывалъ дьяконъ, и на Кирилову книгу ссылался, и въ ней то мѣсто указывалъ о еретичествѣ папиномъ, гдѣ прямо говорится, что отрублены персты у Формозы не за то, что крестился и благословлялъ ими, какъ дѣлаютъ это никоніане, а за то, что подписалъ этими самыми тремя перстами согласіе объ исхожденіи св. Духа и отъ Сына.

Съ этихъ поръ сталъ Алексѣй Иванычъ еще чаще оглядываться и больше всматриваться. Чѣмъ дальше, тѣмъ стало хуже: перевертывается все вверхъ ногами, словно другіе глаза стали. На церковные потиры хулу возносятъ: а кто указалъ творить это въ его воспоминаніе, дондеже пріидетъ?

Ссылаются на апостола, велѣвшаго исповѣдовать согрѣшенія другъ другу: но откуда вы взяли разрѣшеніе связывать на землѣ и разрѣшать на землѣ?

— И впрямъ, предреченія-то въ писаніяхъ не про насъ ли? Съ нами ли, полно, Христосъ-отъ? Ой, грѣхи мои тяжкіе! — стало думаться Алексѣю Ивановичу.

Про паспорты на умъ ему тутъ пришло:

— Перемѣняются прежнія имена, не велятъ сказывать фамиліи, гдѣ родился, гдѣ отечество, а я-де — пустынный воспитанникъ, христіанинъ есмь. А развѣ родившагося въ Виѳлеемѣ Христа не записали въ кесареву перепись? А развѣ утаивалъ онъ себя передъ народомъ и учениками своими: кто онъ и откуда есть? А при распятіи на крестѣ что́ было написано надъ главою его? Господь самъ намъ изрекъ: все мимо идетъ, небеса и земля мимо идутъ, а словеса никогда не прейдутъ. А мы, вотъ, и подати избѣгаемъ платить, учимъ и другихъ не воздавать кесарево кесареви, а Божія Богови. Вотъ-де наша церковь не въ бревнахъ, а въ ребрахъ; да про насъ-ли писалъ апостолъ-отъ: «вы есте церковь»? Не поваленый ли мы гробъ — погляжу я — наполненный смердящими костями?

— А промахнется кто, спрашивалъ ученикъ у наставника: — попадетъ въ недобрыя руки и въ ежовыя рукавицы — что́ дѣлать?

— Разрѣшаемъ тѣмъ склоняться на обращеніе къ церкви, въ чемъ и первые наставники такіе примѣры являли. Да объ этомъ на ушко и по большому секрету, какъ вѣрному и надежному старцу.

Еще больше у Алексѣя Иваныча защемило сердце: дальше въ лѣсъ — больше дровъ.

— Такъ ли апостолы-то? спросилъ онъ, — и заскорбѣлъ.

— Вотъ хвастались, (долго думалъ онъ потомъ): — и всѣ тому сильно вѣровали, что наставникъ — чудотворецъ: онъ такой имѣетъ быстрый ходъ въ ногахъ, что, сжели чуть на шагъ отступитъ отъ никоніанина — его ужь и нѣтъ. А у конвойщика-то, по дорогѣ въ городъ Петрозаводскъ, оставилъ въ рукахъ лепешокъ рубахи. Гдѣ чудо и гдѣ благодѣтельство? Положилъ ли онъ тутъ душу за други, какъ Спаситель указалъ, хотящій не жертвы, а милости? Не тать ли

и разбойникъ наставникъ нашъ, не входящій дверьми и не внемлющій гласу?

Сталъ Алексѣй Иванычъ осматривать повапленый гробъ свой и разглядывать смердящія кости: увидалъ ли что́ самъ, услыхалъ ли отъ другихъ—все повѣрялъ и вновь примѣрялъ и оглядывалъ.

Слышалъ Алексѣй Иванычъ, и ужаснулся.

— До чего дошли! Одного дурака довели до такого умоизступленія вѣрой своей, что онъ взялъ да на страстной недѣлѣ, около Волосова въ зародѣ сѣна, и сжегся [1])

Видѣлъ Алексѣй Иванычъ: Григорій Летихинъ, изъ дер. Залѣсья, переходитъ изъ подполья въ подполье, по домамъ, ища душевнаго спасенія, и все на слѣдахъ красивой дѣвки, которую замѣтилъ онъ въ скрытницахъ. Куда она — туда и онъ: отстать не можетъ. Выскочилъ онъ изъ міра для нея; она же его и теперь все за собой водитъ. Больше ему ничего и не надобно.

Видѣлъ: ходитъ Яковъ Логиновъ, изъ Куткиной, и тоже все душевнаго спасенія ищетъ. Въ 40 христолюбивыхъ домахъ пережилъ, молодую жену свою бросилъ, весь свой капиталъ съ собой унесъ и при себѣ таскалъ, однако, наставнику въ руки не отдалъ. Былъ онъ за то у наставника въ большомъ пренебреженіи, не пользовался въ его «садѣ» никакимъ почотомъ; за это разсердился и ушелъ во-свояси къ женѣ, у которой и хранились всѣ его деньги.

Слышалъ потомъ Алексѣй Иванычъ, что, когда этотъ Логиновъ вернулся домой, то жены своей не нашелъ: и она ушла изъ міру, и скрывалась въ Лугахъ, въ подъизбицѣ христолюбца, который Логинову былъ долженъ.

Пришелъ Логиновъ къ должнику, спрашиваетъ:

— А что́, рабъ Божій, есть у тя моя жена?

Тотъ началъ рати́ться и клясться:

— Нѣтъ, и не вѣдаю гдѣ.

---

[1]) Этотъ фактъ самосожженія случился нынче, и едва ли нельзя его считать послѣднимъ. Не слыхать было подобныхъ фанатическихъ выходокъ самоубійцъ лѣтъ пятнадцать, когда дѣйствительно сожглось разомъ тридцать человѣкъ, подъ вліяніемъ одного изъ скрытническихъ наставниковъ, преступность котораго, однако, не была обнаружена и вполнѣ доказана.

Когда же Логиновъ шепнулъ ему, что онъ долгъ ему прощаетъ:

— Только скажи, гдѣ моя жена?

Этотъ хозяинъ кивнулъ головой на то хранилище, гдѣ была баба. «Тогда Логиновъ тихими стопами подошелъ къ дверямъ затворнаго прируба, толкнулся и увидѣлъ жену въ охабкѣ скрытника изъ деревни Залѣсья, Ѳедора Косухина, который тоже бѣжалъ отъ тюремнаго заключенія за долги».

Зналъ Алексѣй Иванычъ слѣпую женщину Устинью, которая тоже жила въ ихъ садѣ въ скрытницахъ, но, по бѣдности, не принесла сюда ничего. Видѣлъ онъ, какъ старицы и старцы морили ее за то голодомъ и накладывали на нее такое число лѣстовокъ, что слѣпая едва въ цѣлой день управлялась съ ними. «Сами ѣли вдосталь и рыбно, и крупивчато, и медовое, насбиранное со всѣхъ странъ, а слѣпой Устиньѣ давали только сухаго хлѣба, и то не по многу». Разъ стали дѣлить насбиранное избранными сборщиками: большое и крупное поступило на руки наставникамъ, перепало и на долю Устиньи рубля полтора. Стала слѣпая съ деньгами этими скучать, еще больше жаловаться, проситься на міръ, не умолкая, да такъ усердно, долго и много, что деньги у нея отобрали, а ее почти въ одной рубашкѣ и рубищномъ суровомъ сарафанѣ вытащили изъ пустыни на міръ. Пригрозили ей, и клятву съ нея взяли никому не говорить объ убѣжищѣ, а не то пообѣщали удушить или утопить ее въ рѣкѣ. Да съ Устиньи теперь хоть и не бери клятвы: вышла она изъ затвора совсѣмъ зачумленая, сидитъ въ углу и молчитъ цѣлыми днями. Когда пристаютъ къ ней съ вопросами, баба вздрагиваетъ и творитъ только молитвы, а толковыхъ отвѣтовъ никто отъ нея добиться не можетъ. Ходитъ она, понуривъ голову, и пугливо оглядывается. Когда и о простыхъ житейскихъ и невинныхъ дѣлахъ идутъ распросы отъ знакомыхъ бабъ, Устинья вступаетъ свѣтлыми минутами въ разговоръ не иначе, какъ предварительно оглянувшись вопросительнымъ взглядомъ на ту большуху, которая ее, по нищенскому положенію, пріютила и прикормила, и какъ будто испрашиваетъ на то ея разрѣшенія и благословенія. Совсѣмъ извелась баба. Да и молодыя дѣвки передѣлываются въ затворахъ на ту же стать: иная и ѣсть не станетъ, пока не дадутъ и не напомнятъ, и на всякій приказъ и требованіе

готовы и безотвѣтны, на большое подобіе безсловеснымъ домашнымъ животнымъ.

Устинья все-таки добилась своего, и счастье ея еще пуще укрѣпляло зависть и досаду Алексѣя Иваныча: ка́къ быть и куда идти, когда, по дряхлости лѣтъ, и пріемышъ его отъ него, безденежнаго и скорбнаго человѣка, по сущей справедливости, совсѣмъ отказался? Вотъ теперь сиди и гляди въ эту неперелазную стѣну, что́ встала промежъ лѣсной избушкой и вольнымъ свѣтлымъ міромъ. Закладывали и складывали эту стѣну другіе, а додѣлывалъ самъ же онъ своей рукой въ простотѣ и наивности сердца.

Сидитъ за этой стѣной не онъ одинъ, Алексѣй Иванычъ, сидятъ и другіе въ томъ же темномъ невѣдѣніи, что на всякія высокія стѣны придуманы лѣстницы, а въ нынѣшнія времена можно, дескать, прямо пробивать, умѣючи, широкіе и проходные лазы.

— Да ка́къ повѣрить этому, а не повѣрить наставникамъ и ихъ великимъ клятвамъ, что за стѣной невылазная яма, называемая Сибирью, что, если и участили на міру разговоры о пріостановкѣ преслѣдованій и объ ослабленіи въ послѣднее время мученій и казней, то это — одинъ лишь обманъ и ловушка? И изъ «Исторіи о Выговской пустыни Ивана Филипова» то́ видно и изъ «Сказаній» филиповцевъ слышно: нельзя вполнѣ довѣряться. Не пощадятъ.

— Ка́къ, напримѣръ, выдти на міръ Павлу Александрову (въ скрытникахъ Ивану, бывшему крестьянину Повѣнецкаго уѣзда, деревни Морской Масельги)? Онъ ли не былъ ярымъ скрытникомъ и злымъ врагомъ и ненавистникомъ грѣховнаго и проклятаго міра? Да полюбилъ бабу. Сманила она его на міръ, и скрывался онъ у ней въ Каргопольскомъ уѣздѣ, и за нее онъ радъ душу заложить, и выкунать эту душу не станетъ. Въ скрытницы ее сманивалъ онъ, и слышать баба о томъ не хотѣла. Ка́къ быть? надо выбираться на міръ: ничего лучше не сдѣлаешь, ка́къ ни придумывалъ. Заразился онъ этой скверной болѣзнью — тоской по вольномъ свѣтѣ, а лекарствъ въ лѣсныхъ избушкахъ ни кто не знаетъ, а кто, и зная, нарочно не сказываетъ. Опять-таки ка́къ тутъ быть? А для милой бабы не только вышелъ, а даже бы и выбѣжалъ. Ка́къ выбраться? Въ Масельгѣ, на родинѣ, Александровъ записанъ безъ вѣсти пропавшимъ: отправятъ

туда по этапамъ; за этапъ платить надо, а чѣмъ? Платежъ разложатъ на міръ, а въ Масельгѣ откажутся, не примутъ: сгинь де ты и пропадай. Намъ и такъ-то тебя не надо было и не жаль, а тутъ вонъ за тебя еще выкупъ весь міръ плати. Вотъ опять и этотъ странникъ гляди въ упоръ въ неперелазную стѣну.

Хорошо глядѣть въ стѣну, кому надо прятаться за ней отъ неоплаченнаго долгу, отъ уворованныхъ денегъ, когда платить ихъ нéчѣмъ и приговорили за то въ тюрьму.

— А того легче сидѣть за сторожами отъ христолюбцевъ тѣмъ, у кого и совсѣмъ хвостъ замаранъ и забѣжалъ онъ въ скиты: вонъ откуда—изъ самой Сибири, и что́ про нее ни разсказываетъ!

— Единовѣрческій дьяконъ въ Сопѣлкахъ бывалъ и одну такую пошехонскую заутреню слушалъ: все-де бѣглые солдаты пѣли, а кое у кого видалъ и шрамы на щекахъ. Назяблись они, да наголодались: въ теплѣ, да на готовой пищѣ—то ли дѣло!

— Поприслушаться къ тѣмъ стихамъ, которые распѣваютъ наши, не мудрено найти и такіе, что прямо попали изъ тюремъ и про сибирскую неволю поютъ: «выдаетъ воровъ рѣчь». Этимъ богомоламъ гдѣ сытѣй, да свободнѣй, тамъ и лучше; имъ что́ ни попъ, то и батька.

Самый лѣнивый, сидя за неперелазной стѣной, тоскуетъ о томъ, что совсѣмъ дѣлать нéчего, и приводится все пузыри на глазахъ насыпать вмѣсто того, чтобы заниматься съ измалѣтства привычной работой и святымъ трудомъ радовать себя и покоить.

Самому ретивому въ вѣрѣ тошно сидѣть въ заперти. Видно, и понятно ему, что и большой наставникъ выходитъ изъ лѣсовъ пошататься для развлеченія по жилымъ мѣстамъ, а разъ въ году услаждаетъ себя даже дальной поѣздкой до самаго Ярославля и Сопѣлокъ.

Самые трусливые, за содѣянные на міру грѣхи, рвутъ и мечутъ при затянутыхъ пѣсняхъ объ Іосафѣ царевичѣ и пустынѣ, и схватываются зубъ за зубъ съ наставниками, толкующими о спасеніи души въ безмолвіи и уединеніи.

«Нищъ и убогъ хощу быти, да съ тобою могу жити; съ града гряду

во пустыню, любя въ ней зѣло густыню»,—разводятъ гнусливые голоса въ тѣсной и душной избушкѣ.

Взмываетъ сердце этотъ второй Іосафовъ плачъ, а тоска приступаетъ все круче и щемитъ больнѣе.

«Сладки чаши оставляю, токовъ твоихъ водъ желаю, да возмогу отъ тѣхъ пити, токи слёзъ отъ очей точити, грѣхи моя омывая», — разводятъ спѣвшіеся, но до тошноты надоскучившіе голоса.

— Хлопнулъ бы дверью, да и вонъ выбѣжалъ. Да въ самомъ дѣлѣ: «кому повѣмъ печаль мою, кого призову къ рыданію» —какъ затянули голоса.

— Остановить пѣніе не смѣю и жаль: всякъ либо тоску нагоняетъ по охотѣ своей, либо разбить ее тоже хочетъ и ведетъ однимъ голосомъ, чтобы забыться, а на душу старается не принимать скорбныя стиховныя слова́ плачекъ. Одинъ выходъ — отдаться думамъ, и посмотрѣть, куда не выведутъ-ли?

Одинъ изъ такихъ скорбныхъ людей думалъ и дошелъ до того что рѣшился досконально узнать, въ чемъ тутъ вся суть и дѣло.

— Хоть и немилостивно строги (подумалъ) законы, а бываетъ, что ихъ и объѣзжаютъ на кривыхъ оглобляхъ, а бываетъ, что и даютъ уступку и, не въ примѣръ другимъ, искренно раскаявшемуся снисхожденіе, а бываетъ.... да и чего на свѣтѣ не бываетъ?

— Вонъ, на примѣръ, сказать: всѣ говорятъ, есть и такой человѣкъ, что закономъ правитъ въ нашихъ мѣстахъ и ладитъ этотъ законъ въ правду и силу, и никого тѣмъ съ ногъ не валитъ, а чинитъ судъ и правду и по казенному, и по Божьему закону заразъ. Всѣ его почитаютъ, всѣ его такъ хвалятъ, что лучше-де его мало бываетъ людей на свѣтѣ, хоть и чиновникъ, и церковникъ, да святъ человѣкъ. И меня, къ тому же, когда-то зналъ: можетъ, и теперь вспомнитъ обо мнѣ.

Надумалъ Егоръ, да и опять заробѣлъ.

— Ка́къ меня приметъ? Не прямѣй-ли къ попу идти и ему сказаться: этому заступиться сподручнѣй, ихъ почитаютъ и имъ вѣрятъ. Прямое въ томъ ихъ дѣло.

Подумалъ, подумалъ, но не рѣшился; вспомнился ему разсказъ товарища, который ходилъ уже разъ по этой дорожкѣ. Евангель-

скаго слова ждалъ, братское и отеческое наставленіе надѣялся слышать: вотъ-де пришелъ кающійся и раскаянный, а попъ и говорить не сталъ, посмотрѣлъ какъ на свинью какую. Только и словъ было: «ты-де—язычникъ, и я тебя ненавижу, и разговоръ мнѣ съ тобой въ обиду и осквернѣніе».

Къ попу Егоръ не пошелъ, а о праведномъ и добромъ судьѣ опять вспомнилъ.

Подъ колѣнками жилки дрожатъ и уши горятъ, и во рту сохнетъ, однако, пошелъ и дошелъ. Сначала въ кухнѣ совѣтовался, потомъ попросилъ сказать про себя: что́-то скажетъ?

Судья велѣлъ позвать.

— Да не ослышалась-ли? Ка́къ взгляну на него? Что́ скажу и чѣмъ оправдаюсь? Вѣдь, когда приговорилъ онъ меня за долгъ въ тюрьму, я ему написалъ ругательство: «хоша ты меня и осудилъ, а не видать тебѣ меня, какъ свиньѣ неба».

Опять залило сердце кровью и загорѣлись уши, а не назадъ же идти: коли раздѣлся совсѣмъ—бросайся въ воду; не теперь же щупать рукой, сколь вода холодна. Была—не была!

И предсталъ.

Стоятъ старые знакомые одинъ на одинъ. Судья смотритъ кротко и спрашиваетъ тихо, не кидается,

Скрытникъ, бывшій красавецъ, теперь неузнаваемый: съ болѣзненнымъ, истомленнымъ лицомъ и потупленнымъ въ землю взоромъ, едва держится на ногахъ и слова вымолвить не можетъ.

— Ты ли это, Егоръ? Четыре года мы съ тобою не видались. Однако, уходили тебя!

Поднялъ Егоръ отъ половицъ глаза, вскинулъ ихъ на судью и зарыдалъ, какъ ребенокъ. Рыдалъ онъ такъ, что надо было успокоивать, воды давать пить, долго ожидать рѣчи.

Опомнившись, взглянулъ онъ опять въ лице судьи и снова упалъ въ ноги, и опять зарыдалъ.

Едва вымолвилъ:

— Ангелъ ли вы, или что́? За что́ меня прощаете?

Вполнѣ согласившись на предложеніе судьи для прощенія съ міромъ—отсидѣть четыре мѣсяца по прежнему приговору за растрату

чужихъ денегъ, скрытникъ просилъ отпустить часа на два. Отпущенный на вѣру съумѣлъ оцѣнить довѣріе и вернулся, но затѣмъ, чтобъ попросить объ отсрочкѣ ареста дня на два.

Дома не даромъ сидѣлъ и дожидался его отецъ, явный христолюбецъ и ярый скрытникъ. Ясно было, что Егоръ колебался, и, когда отправленъ былъ съ разсыльнымъ, на дорогѣ отъ него покушался бѣжать.

Сидя въ тюрьмѣ, Егоръ тосковалъ о лѣсѣ и не ѣлъ ничего, по его словамъ, цѣлыхъ пять дней такъ, что возбудилъ подозрѣніе, что хочетъ уморить себя голодомъ. Затѣмъ обтерпѣлся и совсѣмъ успокоился, когда за скрытничество, послѣ городской тюрьмы, присудили его только какъ за самовольную отлучку—на выборъ: или къ маленькому штрафу, или къ легкому аресту.

Отсидѣвшись во второй разъ, Егоръ вернулся домой и зажилъ чудесно: сталъ хорошимъ работникомъ, добрымъ отцемъ и отъявленнымъ врагомъ подпольниковъ.

Когда они напустились за все это на отца-христолюбца, старикъ также съ ними перессорился и, въ свою очередь, сдѣлался явнымъ противникомъ скрытниковъ.

На сколько удачнѣе можно вліять на тѣхъ, которымъ удалось выдвинутся на жилья, на столько мудренѣе доставать тѣхъ, которые засѣли въ лѣсахъ. Среди ихъ Алексѣй Ивановичъ такъ и остался глядѣть, ка́къ однихъ ловятъ на бабу, а другіе сами бѣгутъ за нею, ка́къ другіе скрываются отъ людскихъ напастей и мірскихъ бѣдъ, словно въ хоронушку или богадѣльню, какъ третьи ищутъ спасенія и защиты отъ строгаго взысканія по военнымъ законамъ или по уставу о ссыльныхъ, а иные лѣзутъ, какъ бабочки на огонь, просто глупо-шальными, чтобъ опалиться и погибнуть.

Тунеядецъ и сластолюбецъ, глупый и суевѣръ, бродяга и бѣглый—всѣ въ равной степени, по человѣческому прямому закону, нагуливаютъ привычку. Ка́къ бы хорошо ни жилось имъ у христолюбцевъ (когда теперь лѣтъ уже пять не надо и подъизбицъ пристроивать, а жить въ избѣ и знать лишь въ виду бѣды окно съ лѣсенкой или дыру въ хлѣвъ изъ стѣны), а, все-таки, по лѣснымъ островамъ съ теплыми избушками сильно тоскуется. Въ гостяхъ хоро-

шо, а дома лучше. Хоть, по пословицѣ, на привычку и бываетъ отвычка и на обы́къ перевы́къ, да въ такомъ дѣлѣ жди еще, когда это случится и надъ простыми, темными, суевѣрными и довѣрчивыми людьми сбудется.

Они пока свое говорятъ: не все вѣрою, и́но и мѣрою, да и не та вѣра правѣе, которая мучаетъ, а та, которую мучаютъ.

Даетъ Богъ и жиду и злому цыгану, а потому если скрытникъ набѣгался до истощенія силъ и изнеможенія, то и ему найдется въ томъ же сыромъ бору красная елочка, и отыщется подъ о́кнами той же подъизбицы въ огородной грядѣ укромная ямка.

Сюда братцы-товарищи постараются совсѣмъ спрятать игравшаго съ міромъ въ прятки до конца жизни и безсилія. Скроютъ они, какъ подобаетъ, такого человѣка такъ, что никто уже здѣсь совсѣмъ не найдетъ его.

Зароютъ товарищи въ землю безъ гроба, положатъ прямо въ сырую яму и въ той одеждѣ, въ которой странствовалъ: въ полушубкѣ или армякѣ съ подпояской, въ той же шапкѣ, сапогахъ или лапоткахъ и съ палочкой, чтобы быть, когда придетъ антихристъ, въ маломъ стадѣ избранныхъ совсѣмъ на готовѣ.

«И буду лежать, гласа ожидать. Какъ въ трубу вострубятъ, всѣхъ мертвыхъ возбудятъ, и азъ пробужуся, съ землей разлучуся. Пойду на судъ Божій. Я буду стояти, отвѣтъ помышляти, себя укорять, самъ плакать — рыдать», — плаксиво и гнусливо вспоминаютъ сожители отшедшаго стихомъ «На воспоминаніе грозныя смерти», который онъ такъ недавно охотливо распѣвалъ вмѣстѣ съ ними.

Въ образѣ для міра мертваго страннаго отжилъ живой человѣкъ на землѣ: въ одѣяніи умершаго странника и въ землю отшелъ не въ родную, а, по силѣ ученія, въ чужую, но одинаково сырую.

ОГЛАВЛЕНІЕ.

СТРАНИЦЫ.

I. **Прошаки и Запрощики** (посвящается И. Ф. Горбунову) 1

II. **Кубраки и Лабори** (Изъ быта Бѣлоруссовъ). . . 45

III. **Нищая Братія:**

1. **Побирушки и Погорѣльцы.** 89
2. **Нищеброды и Калуны** 139
3. **Калики перехожіе** (Артели Слѣпыхъ) . . 181

IV. **Богомолы и Богомольцы** (посвящается памяти друга П. П. Гагарина) 231

V. **Скрытники и Христолюбцы** (посвящается И. Н. Андрееву) 323

Того же автора

ПРОДАЮТСЯ

во всѣхъ книжныхъ магазинахъ

СЛѢДУЮЩІЯ СОЧИНЕНІЯ:

Годъ на Сѣверѣ, II части. Третье изд. Ц. 2 р. 50 к.

На Востокѣ. Второе изд. Цѣна 2 р. 50 к.

Сибирь и каторга. III тома. Цѣна 5 р.

Кульхлѣба и его похожденія. Второе изд. Цѣна 2 р.

Лѣсная глушь, II тома. Цѣна 3 р. 50 к.

ЦѢНА ТРИ РУБ.